

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

ВЫСШАЯ ШКОЛА ПЕРЕВОДА

ФРАКИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ДЕМОКРИТА

ФАКУЛЬТЕТ ЯЗЫКОВ, ФИЛОЛОГИИ И
КУЛЬТУР СТРАН ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

УНИВЕРСИТЕТ МАКЕДОНИЯ

ФАКУЛЬТЕТ БАЛКАНИСТИКИ,
СЛАВИСТИКИ И ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**«Русский язык и культура в
зеркале перевода»**

14-18 мая 2008

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ВЫСШАЯ ШКОЛА ПЕРЕВОДА (ФАКУЛЬТЕТ)

ФРАКИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ДЕМОКРИТА
ФАКУЛЬТЕТ ЯЗЫКОВ, ФИЛОЛОГИИ И КУЛЬТУР СТРАН ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

УНИВЕРСИТЕТ МАКЕДОНИЯ
ФАКУЛЬТЕТ БАЛКАНИСТИКИ, СЛАВИСТИКИ И ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА

Материалы международной научно-практической конференции

Москва
2008

Русский язык и культура в зеркале перевода: материалы международной научно-практической конференции. – Москва, 2008.

Материалы конференции публикуются в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ:

- Адеишвили И.Е., Каджая Н.Д.** О русском переводе одного стихотворения Ильи Чавчавадзе
- Алексеева М.Л.** К разработке диахронического переводного словаря-справочника
- Алещенко Е.И.** Русская и болгарская языковые картины мира: к проблеме перевода
- Амириду С.Г.** Интерпретация и освоение заимствованных грецизмов в русском языке (диахронический аспект)
- Антипина И.В., Артемьева Г.В.** Учебно-методический комплекс как средство национально ориентированного обучения
- Балгазина Б.С.** Статус и фактическая роль русского языка в постсоветском Казахстане
- Борис Л.А.** Русский как иностранный и русский как русский
- Бугаева И.В.** Особенности перевода религиозной лексики
- Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А.** Метафорический потенциал наименований насекомых в русском и итальянском языках
- Быдина И.В., Невзорова М.** Лексическая структура поэтического текста в переводе с русского языка на английский
- Василева Н.И.** Русско-болгарский морской словарь – необходимый компонент морского образования в Болгарии
- Васильев Н.Л.** Переводимое и неперебиваемое (на материале романа А.С.Пушкина «Евгений Онегин»)
- Винниченко Т.В.** Прозвища в деловой письменности северных монастырей XVI-XVII вв.
- Вьюнов Ю.А.** Современные российские идеологемы в межкультурной коммуникации
- Гарбовский Н.К.** Перевод: ремесло, искусство, теория
- Гуновска М.В.** Фразеологизмы семантического поля “Человек и собственность” (на материале русского и болгарского языков)
- Гурамишвили З.Ш., Мегрелишвили Т.Г.** Русская литература как объект изучения в группах студентов специализации "Переводчик" в ГТУ: pro et contra
- Гуртуева Т.Б.** Художественный перевод как составляющая культурного диалога
- Гусева О.Н.** Социокультурные нормы обращения в официальных ситуациях
- Диомидова А.** Влияние особенностей концептуализации на процесс перевода
- Екшембеева Л.В.** Межуровневая солидарность как механизм динамики обучающего пространства
- Есакова М.Н.** Межкультурная асимметрия «ситуаций» как переводческая проблема
- Жаравина Л.В.** Феноменология перевода прозы В. Шаламова

- Иванова Н.С.** Перевод как стратегия обучения русскому языку в болгарском вузе
- Ивбуле В.** Интегрированное обучение русскому языку и культуре в процессе проектной работы по письменному переводу
- Инькова О.Ю.** Проблемы перевода соотносительных предложений: русско-французские соответствия
- Кажигалиева Г.А.** Из опыта составления лингвокультурологических словарей для будущих учителей-русистов
- Карданова Н.Б.** Двухязычный русско-итальянский словарь в издательской серии "Колледж" (издательство Валларди): лексикографические и дидактические проблемы
- Киквидзе И.Д., Квантре В.Б., Зумбулидзе И.Г.** Применение реконструкции образа читателя в процессе перевода художественного текста
- Ковтун А.И.** О переводе трактата Л.П. Карсавина «О совершенстве»
- Коростова С.В.** Эмотивно-оценочные концепты «страдание» и «радость»: лингвокультурологический аспект
- Корюкина Н.В.** О проблеме межкультурного восприятия культурно-значимых комических ситуаций (на примере повести Сергея Довлатова «Компромисс»)
- Косович Л.Ф., Панова Е.П., Филимонова Н.Ю.** Из опыта создания национально – ориентированного учебного пособия для иностранных студентов: принципы организации материала
- Кримпас П.** Причастие в русских юридических текстах и их перевод на греческий язык
- Крылова О.Н.** Традиционная одежда севернорусской крестьянки как источник этнокультурной информации
- Лапаева Н.Б.** Национальное и универсальное в поэзии Бориса Поплавского (проблемы рецепции)
- Литвинова Г.М.** Проблема интерпретации концепта «душа» при переводе с русского языка на итальянский
- Ломтадзе Т.Р., Квирикадзе Н.Г.** К вопросу перевода социолектов
- Любоха-Круглик И.** Языковые и культурные барьеры в переводе
- Малыса О.** Способы передачи антропонимов в польских переводах текстов Виктора Пелевина
- Мамалуй С.А.** Безэквивалентная лексика русского языка в русско-греческих словарях
- Марку Х.** Перевод реалий и инвариант (на материале параллельных переводов романа М. Булгакова “Мастер и Маргарита” на болгарский и греческий язык)
- Микадзе М.Г., Кацарава М.С., Квирикадзе Н.Г.** К вопросу грузинского перевода романа М.А.Шолохова “Тихий дон”
- Милославский И.Г.** Концепция обучения русской грамматике будущих переводчиков

- Митина Н.Г.** Способы организации речевого поведения преподавателя РКИ: интерпретация заданий коммуникативного типа
- Михайлова Е.В., Щукина С.К.** Русский язык в полилингвальном пространстве музыкального вуза (перевод специальной литературы на занятиях по иностранным языкам)
- Михайлова С.И.** Место русского языка и русской культуры в системе профессиональной подготовки переводчиков в условиях латвийского рынка
- Модебадзе И.И.** «Вепхисткаосани» - «Витязь в тигровой шкуре» (К вопросу преодоления культурных штампов)
- Нестерова Н.М.** Перевод как дивергентный процесс, или текст оригинала в новом лингвокультурном пространстве
- Николаев Г.А.** Разновременные переводы как лингвистический источник
- Новоженова З.Л.** Клише и штампы в газетно-публицистическом тексте: лингвостилистические и культурологические аспекты перевода
- Нуршаихова Ж.А.** Алгоритмизированный синтаксис в прагматике
- Олджай Т.** Краткая история переводов русских литературно-художественных произведений на турецкий язык
- Пешкова К.Ю.** Перевод специального дискурса и сравнительное терминоведение
- Пильгун М.А.** Сопоставительный анализ коммуникативного воздействия в политической рекламе в русском и английском языках
- Попова Т.Н.** Проблемы соответствия и перевода глаголов со значением 'есть, принимать пищу' в русском и польском языках
- Раздобудко-Чович Л.И.** Культурологический аспект перевода в системе межъязыковой литературной коммуникации
- Ральчева Н.** Аксиология концепта “дни недели” в греческой и русской картине мира: лингвокультурологический и лексикографический аспекты
- Ревенко С.А.** О создании тематических русско-греческих словарей
- Сагинадзе Р.С.** Особенности языка перевода
- Сидорова М.А.** Портрет спортсмена в российских СМИ: фактическое содержание
- Триандафилиди Т.М.** Нравы и обычаи греков в зеркале русской литературы конца XIX и начала XX вв.
- Уржа А.В.** Первый план и фон художественного текста в переводческой интерпретации
- Учгюль С.** Реалии турецкой жизни в русских переводах (на материале романа Орхана Памука «Снег»)
- Харацидис Э.К.** Особенности греко-русской межкультурной коммуникации (взгляд на проблемы преподавания истории русской культуры в вузах Греции).
- Цыгулева М.В.** Роль практической грамматики для переводчиков в сфере профессиональной коммуникации
- Чакырова Ю.И.** Болгарская лексема *едни* и способы ее передачи при переводе текста на русский язык

Чович Б. Творческая личность переводчика (переводчик между авторской и собственной поэтикой)

Чупринина С.В. Русский язык в системе подготовки переводчиков

Шаброва Е.Н. Отражение региональной специфики русского языка в диалектном морфемном словаре (на материале вологодских говоров)

Шацкая М.Ф. Многозначность единиц лексического и синтаксического уровней и проблема перевода

О РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ ИЛЬИ ЧАВЧАВАДЗЕ

В 2007 году грузинский народ отметил знаменательные даты – 170-летие со дня рождения и 100-летие со дня вероломного убийства гениального мыслителя, талантливого писателя и крупного общественного деятеля Грузии – Ильи Чавчавадзе. Его идеи продолжают жить, являются актуальными и сегодня. Заветная мечта поэта осуществилась: почти все его произведения переведены на многие языки мира. Интересны переводы грузинского поэта на русский язык. Среди русских поэтов-переводчиков произведений И. Чавчавадзе отметим Н. Заболоцкого, В. Рождественского, Е. Евтушенко, В. Шефнера, М. Талова, А. Тарковского и др.

Национальное многообразие русской поэзии служит стимулом к подъёму переводческой деятельности. Разноязычие не мешает индивидуальности тянуться к родственным дарованиям, обогащая их собой и себя ими. Выполнить перевод – работа радостная: сделать чужое своим, далёкое близким, найти общечеловеческое в разноязычном. Вот почему особенно приятно отметить работу таланта в переводах с языка другой национальной поэзии на русский. Говоря о нескольких подходах к переводу (точный, вольный, рецептивный, продуктивный, научный, художественный), многие теоретики и практики перевода: Г. Гачечиладзе, Вл. Россельс, А. Дейч, К. Жуковский – считают, что перепективный путь перевода – путь поиска синтеза, процесс сближения научной точности с точностью поэтической. Известно, что многие виды искусства (живопись, музыка, танцы, пантомима и др.) доступны представителям всех национальностей в любых странах, их восприятие не имеет ограничений. Но при восприятии поэзии всегда возникает проблема перевода с одного языка на другой язык. Перевод является единственно доступной возможностью искусства слова перешагнуть рамки одного языка и стать

достоянием другого, в результате на свет является совершенно новое произведение. Перевод невозможен, если цель переводчика создание произведения абсолютно идентичного оригиналу. Томас Манн писал: «Поэтическое творение перевести на другой язык невозможно». (Панджикидзе 1988, 9.) Сегодня эта идея о беспереводности поэзии поддерживается многими. Но несмотря на это поэты – переводчики более смело и свободно относятся к поэзии, нежели к прозе. Американский поэт У. Смит в беседе с русской поэтессой Ларисой Васильевой отметил, что по милости «новых» поэтов, которые проповедуют «вольный» перевод, повсеместно распространилось мнение о независимости переводчика от оригинала. Безапелляционно, можно и не соблюдать форму подлинника, не рифмовать перевод, хотя оригинал рифмован или наоборот. Однако, что касается системы образов, аллитерации, инверсионных конструкций, здесь об этом говорить лишнее. (Панджикидзе 1988, 10.) Такой взгляд на поэтический перевод объясняется тем, что стилистика его не опирается на устойчивую теоретическую основу.

Для сравнительного анализа нами были взяты стихотворения И. Чавчавадзе на социально-политические темы, тесно связанные между собой: «Загадки», «Ещё загадки», «Ответ на ответ». Известно, что поводом для создания двух вышеназванных стихотворений («Загадки», «Ещё загадки») послужил адрес, написанный к приезду русского императора Александра II в Грузию. В них И. Чавчавадзе нарисовал карикатуру знатных и влиятельных чиновников, создал портретную галерею, где по внешним качествам и внутренним признакам угадывался каждый адресат. Эти стихи имели большой успех и были переведены русским поэтом М. Таловым. В 1874 году на страницах «Цискари» появилось стихотворение Гр. Орбелиани «Ответ детям», в первоначальном варианте имевшее заглавие «Ответ на загадки». В нём Гр. Орбелиани высказывал своё недовольство новым поколением, нападая на «детей» за то, что они забывают родной язык, за то, что они безбожники. И. Чавчавадзе

откликнулся на это стихотворение Гр. Орбелиани и написал свой «Ответ на ответ», в котором разоблачал «Отцов» как недругов грузинского народа, за чины и ордена продававших свою родину. Фактически в этих стихах отразилась ожесточённая борьба между лагерями «отцов» и «детей». В них ярко проявилось противоречие, существовавшее между уходящим старым поколением и новым, прогрессивным. Именно это третье стихотворение И. Чавчавадзе было переведено русским поэтом Ев. Евтушенко, душевном другом грузинского народа.

Ев. Евтушенко глубочайший знаток грузинской поэзии, автор многих стихотворений о Грузии, перевёл немало произведений грузинских поэтов на русский язык. По меткому замечанию грузинского критика Г. Маргвелашвили, Ев. Евтушенко своими стихами о Грузии, а также переводами создал своего рода личную малую антологию грузинской поэзии, куда вошли известные произведения, начиная с гениального грузинского поэта XII века Шота Руставели и заканчивая незабвенными стихами грузинской поэтессы Анны Каландадзе. Русский поэт часто любил повторять: «Мои переводы, это в то же время и мои стихи, очень дорогие для меня, и, может быть, ещё более дорогие, чем просто мои». (Евтушенко 1979, 11.)

Работу над переводом стихотворения «Ответ на ответ» грузинского поэта И. Чавчавадзе русский поэт Ев. Евтушенко начал, прежде всего, с выяснения вопроса, является ли незнакомое иностранное произведение по своим художественным ценностям и содержанию значительным явлением для культурного развития нации на данном этапе, и второе, в состоянии ли он создать достойное художественное целое на своём родном языке равносильное оригиналу. Как известно, во время первого этапа работы над переводом поэт уточняет, каково фундаментальное знание языков, способность перевоплощения, общее образование, литературный вкус, чутьё разгадывания читательского интереса, любовь к своему делу и умение критической оценки собственных возможностей. Всеми этими

качествами владел русский поэт Ев. Евтушенко. Поэтому ему совсем не трудно было выбрать для перевода известное стихотворение грузинского поэта. Исходя из субъективных факторов своего отношения к автору, к его творчеству, психологическому складу, одарённости и опыту, Ев. Евтушенко сумел проникнуть в близкую по своему мирозерцанию и способу восприятия действительности поэзию творца оригинала.

Итак, прежде чем сопоставить оригинал с переводом, рассмотрим само произведение И. Чавчавадзе «Ответ на ответ». По форме и содержанию данное стихотворение представляет собой памфлет, в котором, согласно сатирическому жанру, И. Чавчавадзе в полемическо-агрессивном плане остро бичует представителей «отцов». Грузинский общественный деятель С. Месхи в письме к своему другу К. Лордкипанидзе в Петербург писал: «У нас очень много новостей, на днях вышли два памфлета, которые потрясли весь город». (WavWavaZe, 1987, 455.)

Автор письма имел ввиду памфлет Гр. Орбелиани «Ответ детям» и памфлет И. Чавчавадзе «Ответ на ответ». Оба поэта, представители разных поколений, развернули острую полемику по злободневным вопросам дня. В своих произведениях они высказывали противоположные взгляды, обвиняя друг друга в предательстве, измене. Так, «дети» называли «отцов» убийцами, готовыми «предать» язык предков: «враг языка – своей родины враг», «язык убили бездушием своим». В этой полемике И. Чавчавадзе поддерживали поэт А. Церетели и поэтесса Н. Орбелиани, написавшие свои ответные стихотворения: «К генералу лосю» и «Ответ на «Ответ на ответ», в которых выражали враждебно-издевательское отношение к «отцам».

И. Чавчавадзе написал свой «Ответ на ответ» силлабическим стихосложением, что характерно для национальной поэтической культуры грузинского языка. В силлабической системе каждый стих внутри себя повторяет количество ударных и безударных слогов, которые приравнены

по силе и метрической функции, содержит определённое количество слогов в стихе и в ритмических группах, имеет определённые типы стиховых окончаний и определённое количество константных ударений. Например, ритмическая схема стихотворения «Ответ на ответ» имеет строго выдержанную, точную, упорядоченную структуру. Оригинал состоит из шести частей, где каждая часть содержит неодинаковое количество строк (I часть – 6 строк, II часть – 3 строфы, III часть – 6 строк, IV часть – 4 строфы, V часть – 3 строфы, VI часть – две строфы). Каждая строфа состоит из двух трёхстиший, которые имеют одинаковую ритмическую слоговую схему: 5+5+10. Эта ритмическая схема строго соблюдается, начиная с первого стиха до последнего. Каждая строфа также имеет одинаковую рифмовку. Например, I часть:

Sven uCinoni, (5 слогов)

Sven uCinoni (5 слогов)

Tqven, CinianTa, buzad ggonivarT. (10 слогов)

iqidan vknaviT, (5 слогов)

sad Tqvenis madliT (5 слогов)

xafangeb qveS damwyvdeuli varT. (10 слогов)

Ритмическая схема выглядит так: ААБ; ГГБ. Автор пользуется смежными рифмами для I, II, IV, V стихов и перекрёстными для III и IV стиха. Такой строгий ритмический строй и такая последовательная, выдержанная рифмовка придают стихотворению убедительный, точный, выразительный характер, с одной стороны, а с другой - музыкальность, мелодичность. Что касается интонационной стороны стихотворения, то оно построено на разговорных интонациях и выражает эмоционально-напряжённое состояние двух мнений. При этом обличительные слова, противопоставления «вы» и «мы» выдержаны в публицистическом стиле и обращены ко всем читателям, к миру, к истории:

Мы не всеильны,
но мы вас взбесили,

СЛОВНО ЗАВИСТЛИВЫХ ЗЛОБНЫХ КАЛЕК.

Вы – в своих перстнях.

Мы – в своих песнях.

Не сговориться нам с вами вовек!

Лексика стихотворения своеобразна, насыщена словами и словосочетаниями, которые помогают поэту ярко отобразить существенные черты изображаемых явлений. Обличительная, порой грубая речь поэта отчётливо раскрывает авторское отношение к событиям. Говорить о смысловых функциях различных компонентов поэтического текста оригинала, о структуре его стиха становится возможным уже на следующем этапе при сопоставлении его с переводом русского поэта.

Как известно, вопрос о метрическом воплощении поэтического перевода сводится к двум основным требованиям: соблюсти метр оригинала и найти форму стиха эквивалентную стиху-подлиннику. Разрешить эту проблему значит изучить факторы стихотворной речи и осмыслить её содержательные функции. Однако, одним из сложных вопросов остаётся вопрос: как быть со стиховыми культурами языков автора и переводчика. Например, как воспроизвести силлабический стих оригинала на современном русском языке, которому вышеназванная система стиха не всегда свойственна. Несмотря на это русская переводная поэзия всегда находила такую метрическую форму в национальной поэтической традиции, которая соответствовала, приближалась к функциональным эквивалентным метрам переводимого произведения. (Например, перевод «Загадки», выполненный М. Таловым). Хотя встречаются случаи, когда в русских поэтических переводах сохраняется силлабическое стихосложение оригинала. Как и в переводе грузинского стихотворения И. Чавчавадзе «Ответ на ответ» русским поэтом Ев. Евтушенко. Нужно сказать, что структура перевода стиха «Ответ на ответ» почти полностью соответствует оригиналу, за некоторыми исключениями.

Но даже мизерный отход от структуры стиха всегда вызывает изменения в ритмической схеме.

Перевод Ев. Евтушенко по своей форме тоже памфлет, как и оригинал, носит публицистический характер и выдержан в системе силлабического стиха. Основанием для сравнения служат структурная схожесть и различие, а также степень объективной метрической монотонии. Перевод содержит пять частей против шести оригинала. Одна строфа исключённой шестой части присоединяется переводчиком к пятой, теперь уже содержащей четыре строфы, вместо трёх, как было у И. Чавчавадзе. Каждая строфа почти сохраняет структуру оригинала, состоящего из двух трехстиший, два стиха каждого трехстишия имеют смежную рифму, а третий – перекрёстную. Схема рифмовки перевода аналогична оригиналу: ААБ; ГГБ.

Нас, нечиновных, (А)

нас, нечиновных, (А)

чинуши, считаете вы мелкотой. (Б)

Мы по привычке (Г)

пищим, словно птички (Г)

в клетке, сомнительно золотой. (Б)

Ритмическая структура перевода расходится с оригиналом, хотя изменения и небольшие. Особенно в этом плане выделяется пятая часть, где после композиционного сокращения произошли количественные видоизменения как в строфике, так и в ритмике: увеличились строфы и количество слогов в каждом стихе.

I часть. 1 строфа, 1 трехстишие 5+5+11; 2 трехстишие 5+6+9

$$21+20=41$$

2 строфа, 1 трехстишие 5+5+10; 2 трехстишие 5+6+9

$$20+20=40$$

3 строфа, 1 трехстишие 5+5+10; 2 трёхстишие 6+5+9

$$20+20=40$$

4 строфа, 1 трехстишие 5+6+9; 2 трёхстишие 5+5+9

$$20+19=39$$

5 строфа, 1 трехстишие 5+5+10; 2 трёхстишие 5+5+10

$$20+20=40$$

6 строфа, 1 трехстишие 5+5+10; 2 трёхстишие 5+5+(4+6)

$$19+20=40$$

II часть. 1 строфа, 1 трехстишие 5+6+(3+6); 2 трёхстишие 5+5+10

$$20+20=40$$

2 строфа, 1 трехстишие 5+6+10; 2 трёхстишие 5+6+10

$$21+21=42$$

3 строфа, 1 трехстишие 5+6+10; 2 трёхстишие 5+5+10

$$21+20=41$$

III часть. 1 строфа, 1 трехстишие 5+5+10; 2 трёхстишие 5+6+9

$$20+20=40$$

2 строфа, 1 трехстишие 5+6+10; 2 трёхстишие 5+5+10

$$21+20=41$$

3 строфа, 1 трехстишие 5+6+10; 2 трёхстишие 5+5+9

$$21+19=40$$

4 строфа, 1 трехстишие 5+6+11; 2 трёхстишие 6+6+10

$$22+22=44$$

5 строфа, 1 трехстишие 5+5+10; 2 трёхстишие 5+5+10

$$20+20=40$$

6 строфа, 1 трехстишие 5+5+10; 2 трёхстишие 5+6+10

$$20+21=41$$

IV часть. 1 строфа, 1 трехстишие 5+6+10; 2 трёхстишие 5+6+10

$$21+21=42$$

2 строфа, 1 трехстишие 5+5+10; 2 трёхстишие 5+6+10

$$20+21=41$$

3 строфа, 1 трехстишие 5+5+10; 2 трёхстишие 5+6+10

$$20+21=41$$

4 строфа, 1 трехстишие 5+5+10; 2 трёхстишие 5+6+10

$$20+21=41$$

V часть. 1 строфа, 1 трехстишие 6+6+11; 2 трёхстишие 6+6+11

$$22+22=44$$

2 строфа, 1 трехстишие 5+5+10; 2 трёхстишие 5+5+9

$$20+19=39$$

3 строфа, 1 трехстишие 6+6+11; 2 трёхстишие 6+5+11

$$23+22=45$$

4 строфа, 1 трехстишие 3+9; 2 трёхстишие 11+12+10

$$12+33=45$$

На основе ритмической схемы делаем вывод: в трёхстишиях каждой строфы (кроме V части) первые два стиха имеют 5 слогов (редко 6), а в третьем стихе количество слогов колеблется между 9 и 10 (редко 11). Количество слогов строф V части имеет совсем другую структуру. Каждое трёхстишие содержит неодинаковое количество слогов, колеблющихся между 3, 5, 6, 9, 11, 12 в первых двух стихах, а в третьем стихе – 9, 10, 11. Такой разнобой, как было отмечено выше, вызван композиционными изменениями. Следует заметить, что в русском переводе поэт пользуется особой формой построения строфы – непривычной «лесенкой», обострённой образностью с преобладанием ораторской, трибунной повелительной интонацией. В этом случае ритм становится основой поэтического стиха, а удачное выделение того или иного слова лучше характеризует его смысл. Как, например, выделяется слово «хулите» в V части перевода:

Хулите!

Сказал Руставели так точно,
что с этим не сделать уже ничего:
«Налить из сосуда возможно лишь то,
что налито было когда – то в него».

Одно слово здесь заменяет целую строфу, несёт большую нагрузку и требует эмоциональной паузы. Поэт – переводчик намеренно делит строчку на полустрочки для того, чтобы отдельные строфы читались более выразительно. При этом ни ритмической, ни смысловой путаницы нет. Ритмико-интонационная структура стихотворения взаимодействуя с содержанием приводит к динамическому единству. Передача ритмической структуры в переводе является важным фактором, позволяющим «транспортировать» поэтический шедевр как иерархически – организованную форму. Русский поэт Ев. Евтушенко при работе над текстом оригинала особое внимание уделил рифме, музыкальности, зная, что музыкальность выполняет важную функцию в семантической структуре стиха, что рифма важный компонент поэтической организации, ритм же первичный элемент структуры стиха, наиболее сложный и наиболее труднодостижимый фактор поэтического произведения.

Ев. Евтушенко обратился к «вольному» переводу стихотворения И. Чавчавадзе «Ответ на Ответ». Поэт – переводчик, говоря словами видного русского критика, писателя В. Огнева, сохранив музыку оригинала, тем самым сохранил звуко-смысловые ассоциации, уходящие в глубь слова, и которые надо знать в подлиннике. «Тонкость, чутье слова этого поэта – залог успеха в его переводческой деятельности. Он знает, что перевод не простая подстановка однозначных слов, что в разной языковой стихии понятие лексического синонима – пустой звук. Смысл в стихе неотрывен от музыки образа, ассоциации.» (Огнев 1985, с. 106.) Критика не раз упрекала Ев. Евтушенко за то, что он слишком вольно обращался с оригиналом. Поэт же своими стихами отвечал:

Не страшен вольный перевод,

Ничто не вольность, если любишь.

Но если музыку погубишь,

Все мысли это переверёт.

(Огнев 1988г, с. 106.)

Вспоминая высказывания многих видных деятелей по вопросам перевода (К. Станиславского, Ев. Винокурова, В. Огнева, Т. Манна, Г. Маргвелашвили и др.) и разделяя мнение самого Ев. Евтушенко, скажем, что подлинный талант всегда накладывает свой индивидуальный отпечаток на перевод, что настоящее перевоплощение происходит тогда, когда переводчик свободен, не скован определёнными рамками. Перевод – новое качество произведения, нечто самостоятельное. Здесь важно целостное восприятие стихотворения читателем, при котором происходит не только сравнение слова со словом, строфы со строфой, а, в целом, одного поэтического мира с другим поэтическим миром. Ев. Евтушенко вкладывал в переводы большую часть своей души, в них виден сильный след его творческой индивидуальности, что при чутком и деликатном отношении к оригиналу создаёт новый сплав, имеющий черты подлинного автора и поэта – переводчика.

Таким образом, памфлет грузинского поэта И. Чавчавадзе «Ответ на ответ» в переводе русского поэта Ев. Евтушенко есть перевоплощение оригинала, при совпадении творческой личности переводчика с творческой личностью автора в одно целое.

Литература:

1. Евтушенко Св. Тяжелее земли. Тбилиси, 1979, с. 478.
2. Мастерство перевода. Сб. Х. М., 1975, с. 502.
3. Огнев В. Ночные прогулки. Тбилиси, 1985, с. 246.
4. fanjikiZe d. Targmanis Teoria da praqtika. Tbilisi, 1988, gv. 230.
5. Чавчавадзе И. Стихотворения и поэмы. Перевод с грузинского. Соб. соч. в двух томах. Т. 1. Тбилиси, 1978, с. 199.

6. WavWavaze i. TxzulebaTa sruli krebuli octomad. t. 1. Tbilisi, 1987, gv. 542.

In 2007 Georgian people marked two great dates: the anniversary of Ilia Chavchavadze's birth (170) and centenary from his perfidious murder. It is known, that Chavchavadze is the Georgian thinker of genius, the greatest writer and the public figure, who made the biggest useful public affairs and cause to the development of Georgian literature.

In this article we observe Ilia Chavchavadze's one verse "Answer to answer", translated from Georgian into Russian by Evgeni Evtushenko. Evgeni Evtushenko is one of the distinguished Russian poet, who devoted many verses to Georgia. He is known also as a very good translator of Georgian poetry. Georgi Margvelashvili, the famous Georgian critic, wrote, that Evgeni Evtushenko with the original verses about Georgia and with his translations created the wonderful small personal anthology about Georgia, in which were included many excellent verses of Georgian poetry beginning from Shota Rustaveli till to the nowadays notable poets as Anna Kalandadze.

Comparing the Ilia Chavchavadze's verse "Answer to answer" with the Evgeni Evtushenko's translation, we can say, that this translation is very nice distinctive and original, though it is the free translation. For this many Russian writers and critics reproached the Evgeni Evtushenko's free relation to the Georgian original text. It is clear, that in difference of Russian language Georgian language has syllabically system of versification. But the verse "Answer to answer" has kept the same system in the Evgeni Evtushenko's translation.

Алексеева М.Л.
Уральское отделение РАН
г. Екатеринбург (Россия)

**К РАЗРАБОТКЕ ДИАХРОНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДНОГО
СЛОВАРЯ-СПРАВОЧНИКА**

В статье представлен опыт разработки диахронического переводного словаря-справочника русских реалий на материале произведений Ф.М. Достоевского и их одновременных параллельных переводов на немецкий язык. Рассматриваются особенности композиции словаря, способы представления лексических единиц, сфера применения, то есть то, что составляет специфику словаря и определяет данную работу как словарь нового типа.

В настоящее время в отечественной двуязычной лексикографии отмечается небывалый подъем, характеризующийся совершенствованием традиционных словарей и появлением большого количества словарей принципиально новых типов, способных удовлетворить разносторонние запросы современных пользователей словарной продукции. Одним из приоритетных направлений двуязычной лексикографии является лексикографическая интерпретация национально-культурной специфики языковых единиц с учетом достижений современного переводоведения, теоретической и практической лексикографии.

Освещая проблемы двуязычной переводной лексикографии В.Д. Девкин отметил, что безэквивалентная лексика по-прежнему упускается из виду в учебной и переводческой практике. В статье «Перспектива создания словаря безэквивалентных реалий» он подчеркнул целесообразность создания словарей реалий (Девкин, 2005 : 372). Представляется актуальной задача разработки словаря, включающего национально-специфичную лексику, отсутствующую в двуязычных переводных словарях. За этими языковыми единицами закрепился термин *реалия*.

Реалии – уникальная национально-специфичная лексика, отражающая важные для общества понятия. Такая лексика продолжает завоевывать внимание отечественных и зарубежных ученых. В последние десятилетия она регулярно попадает в фокус смежных лингвистических дисциплин: переводоведения, сопоставительной лингвистики,

лингвострановедения, лингвокультурологии, этнопсихолингвистики, теории межкультурной коммуникации. Это обусловлено, с одной стороны, ее *значительной ролью* в представлении культурных идей, явлений, артефактов нации, с другой — *верифицируемостью*, что позволяет проследить их связь с определенной культурой (Елизарова 2005, 2).

Отметим, что в современном переводоведении нет единого устоявшегося взгляда по вопросу определения объема понятия *реалия*. Поэтому представляется необходимым уточнить его, выделив основные признаки реалий:

- а) национально-культурная маркированность;
- б) уникальность, специфичность для одной страны, ее культуры;
- в) принадлежность к апеллятивной лексике, к нарицательным существительным.

Таким образом, реалии включают только нарицательные имена существительные, называющие уникальные предметы и явления.

Существует и более широкое понимание данного феномена. К реалиям относят ономастическую лексику, пословицы, поговорки, фразеологизмы и прецедентные феномены. Данный подход характерен для смежных с переводоведением дисциплин. Однако для исследователя-переводчика — это разные единицы перевода, со своими признаками и приемами передачи на иностранный язык. Этим объясняется нецелесообразность их объединения в одну группу.

Сложность лексикографической обработки этого вида лексики связана в первую очередь с ее высокой информативностью для представителей другого языкового коллектива. Задача составителя словаря усложняется при работе с историческими реалиями. Исторические реалии неоднородны, как и вся устаревшая лексика реалии делятся на две группы: историзмы и архаизмы. Архаизмы — это слова, вышедшие из употребления вследствие замены их новыми. Все они имеют синонимы в современном языке, например: лавка — небольшое торговое предприятие. Историзмами

называют наименования предметов и явлений, которые перестали существовать в результате развития общества. У них нет синонимов, поэтому объяснить их значение можно, только прибегнув к энциклопедическому описанию, например, стольник – придворный, степенью ниже боярина первоначально придворный, прислуживающий за княжеским или царским столом. Обе группы исторических реалий представляют существенную трудность при переводе. Читатель классической литературы должен получить справку о значении той или иной реалии. С этой целью для подготовки данного издания использовались Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова, электронная версия Русского семантического словаря; Советский энциклопедический словарь; специальные словари: Краткий словарь чинов и званий государственной службы Московского государства и Российской Империи в XV — начале XX вв. Д. В. Ливенцева, Словарь лекарственных растений (латинский, английский, немецкий, русский) Болотиной А. Ю.; толковые словари немецкого языка Duden: Deutsches Universalwörterbuch и Wahrig: Deutsches Wörterbuch. Наличие толкования относит данный словарь к толковым словарям-справочникам. Термин словарь-справочник подчеркивает практическую направленность словаря.

Диахронический переводной словарь-справочник предполагает наличие нескольких разновременных переводных эквивалентов для одной и той же единицы перевода из разновременных параллельных переводов.

Назначение переводных словарей – переводить слова одних языков на другие. Это один из самых древних и распространённых видов лексикографических справочников. Однако национально-специфичная лексика в них представлена слабо, отдельные лексические единицы полностью отсутствуют. В таких случаях можно обратиться к словарям-справочникам: лингвострановедческим и лингвокультурологическим. Их цель состоит в том, чтобы помочь иноязычному читателю правильно

понять национально-маркированные единицы чужого языка. Для переводчиков чрезвычайный интерес представляют возможности и традиции передачи таких лексических единиц на иностранный язык. Нужен такой словарь, который помог бы осмыслить, обобщить опыт, накопленный многими поколениями переводчиков, компактно и наглядно его представить.

Это возможно осуществить с помощью диахронических словарей. В них, как отмечает чешский лексикограф Л. Згуста, рассматривается история развития лексических единиц. А диахронические переводные словари отражают историю передачи соответствующих единиц перевода за определенный достаточно продолжительный период времени. Они должны обеспечить обзорность всей совокупности переводческих решений, как в синхронии, так и в диахронии, их разнообразие и системность рассмотрения.

Диахронический переводной словарь-справочник русских реалий разработан на материале пяти основных романов Ф.М. Достоевского: «Игрок», «Идиот», «Бесы», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» и двадцати параллельных немецких переводов этих произведений, выполненных в начале, середине, конце XX века и начале XXI века. Корпус параллельных разновременных немецких переводов представлен в сводной таблице:

Таблица 1

Название романа	Немецкие переводы			
	до 50-х гг. XX в.	50 — 60-е гг.	70 — 80-е гг.	с 90-х гг. XX в.
«Игрок»	Э. К. Разин,	А. Лютер, 1963	В. Кройтцигер, 1971	Э. Маркштайн, 1992

	1910 Х. Рёль, 1921			
«Идиот»	Х. Рёль, 1923	А. Лютер, 1964	Х. Хербот, 1986	С. Гайер, 1996
«Бесы»	Э. К. Разин, 1906 Х. Рёль, 1921	М. Кегель, 1961	—	С. Гайер, 1998
«Братья Карамазовы»	Э. К. Разин, 1906	Х. Руофф, 1958 Р. Хоффман, 1958	—	С. Гайер, 2003
«Преступление и наказание»	Х. Рёль, 1912	Р. Хоффман 1960	М. и Р. Бройер, 1984	С. Гайер, 1994

Использованная методика комплексного сопоставительного анализа особенностей перевода реалий привела к составлению словаря, который компактно представляет изменение подходов переводчиков к передаче реалий и позволяет читателю самостоятельно объективно оценить как, с помощью каких переводческих приемов и насколько качественно передана та или иная реалия на иностранный язык (подробнее см. Алексеева 2007). Диахронический русско-немецкий словарь-справочник русских реалий состоит из вводной части (в нее входят предисловие, рекомендации пользователю по работе со словарем, сведения об источниках примеров, лексикографических источниках, сокращениях), пяти разделов, в которых представлены русские реалии в разновременных переводах романов писателя на немецкий язык, сводной таблицы разновременных немецких переводных эквивалентов русских реалий с обратным переводом, списка

словарных русских реалий по словарю иностранных слов немецкого языка Duden Fremdwörterbuch и алфавитного указателя русских реалий по романам Ф. М. Достоевского.

Для определения типологической принадлежности данного словаря обратимся к рассмотрению основных критериев, основываясь на концепции Н.А. Лукьяновой (Лукьянова 2006, 20).

Объектом лексикографического описания данного лексикографического издания являются русские реалии. Все лексические единицы, представленные в словаре-справочнике, расположены *по романам*, внутри романов — *систематизированы по алфавиту* начальных букв вокабул и имеют последовательную нумерацию арабскими цифрами.

Словарная статья состоит из словарной единицы, пояснения значения русской реалии, взятого из толковых словарей языка оригинала, русского контекста (минимального контекста равного одному предложению) с указанием страницы и немецких эквивалентов из параллельных переводов в контексте такой же длины, с указанием (инициалов) переводчика, года создания и страницы, на которой находится данная реалия, что дает возможность обратиться к широкому контексту оригинала и перевода. При этом русская реалия и ее немецкие переводные эквиваленты выделены жирным шрифтом.

Проиллюстрируем *структуру словарной статьи*, используя фрагмент второй главы словаря-справочника на примере переводов русской реалии-меры *двугривенный*:

2. «ИГРОК»

2.1

Русская реалия **двугривенный**

Словарное значение **РСС**. Монета достоинством в 20 копеек (с 1760 до 1931 г. — серебряная, позднее никелевая и из медноникелевого сплава); соответствующая сумма денег.

Русский контекст **Ф. Д. с. 415.**

Вагон беру особенный, а носильщики на всех станциях ях есть, за **двугривенный** куда хочешь донесут.

Перевод № 1

E. R., 1910, S. 99.

Контекст

al

wohin du

Ich nehme ein Kupee für mich, und Träger gibt es auf allen Stationen. Für **eine Mark** tragen sie dich, nur willst.

Перевод № 2

H. R., 1921, S. 103.

Контекст

und

tra

Auf der Bahn nehme ich mir ein besonderes Abteil; Gepäckträger sind auf allen Stationen vorhanden; die gen einen für ein **Zwanzigkopekenstück**, wohin man will.

Перевод № 3

A. L., 1963, S. 68.

Контекст

es

dich,

Ich nahm mir ein besonderes Wagenabteil; Träger gibt es auf allen Stationen, für einen **Zwanziger** tragen sie dich, wohin du willst.

Перевод № 4

W. C., 1971, S. 82.

Контекст

wohin

Ich nehme ein Abteil für mich, Träger gibt's auf allen Stationen, für **ein paar Groschen** tragen sie mich, ich will.

Перевод № 5

E. M., 1992, S. 76.

Контекст

sie

Ich nehme mir einen besonderen Waggon, und Träger gibt's auf jeder Station, um **zwanzig Kopeken** tragen sie einen, wohin du willst

Варианты перевода реалии на немецкий язык в каждой словарной статье располагаются *в хронологическом порядке* в соответствии со временем выполнения того или иного перевода. Анализируя переводы, выполненные в разное время, следует учитывать, что переводоведение, как самостоятельная лингвистическая дисциплина, начало оформляться только в 50-х годах XX в. Ранние переводы основывались исключительно на языковой интуиции, языковом чутье переводчика, на знании им языка и соответствующей культуры, без опоры на какую-либо теорию перевода. Переводы 50 — 60-х годов XX в. выявляют состояние теории перевода на начальном этапе ее развития. Реалии, как особый слой лексики, появились в фокусе переводоведения лишь в 70-х годах, что вызывает необходимость подвергнуть отдельному рассмотрению работы 70 — 80-х годов XX в. Переводы, выполненные с 90-х годов XX в. и позже, мы называем современными, поскольку они отражают современное состояние науки о переводе, опыт, аккумулированный в предыдущие эпохи развития мировой переводческой мысли (подробнее об этапах изучения перевода реалий см. Алексеева 2007 : 92).

Подвергая анализу переводческие решения, все переводы соотнесены со временем выполнения перевода и *вводятся последовательно*: сначала варианты перевода из ранних работ, затем из работ, выполненных в 50 - 60 - е годы, работ 70-80-х годов и из современных переводов с 90-х годов XX в. и по сегодняшний день. Такой порядок ввода параллельных переводов дает представление о различных подходах переводчиков к передаче данного лексического явления в разные периоды времени и представляет переводческую вариативность в диахронии.

Рассмотрим принципы построения сводной таблицы разновременных немецких вариантов перевода русских реалий. В ней по романам, а внутри романов последовательно по алфавиту размещены

русские реалии и немецкие переводные эквиваленты с указанием грамматической характеристики соответствующего немецкого слова:

f Femininum — (существительное) женского рода

m Maskulinum — (существительное) мужского рода

n Neutrum — (существительное) среднего рода

pl Plural — множественное число

Немецкие переводные эквиваленты представлены *без контекста*, но с *обратным переводом, выделенным курсивом* (прим. перевод автора). Например, так вводятся первые две русские реалии из романа «Преступление и наказание» *аршин* и *армяк*:

Таблица 2

Сводная таблица вариантов перевода реалий

Преступление и наказание	Х. Рёль, 1912	Р. Хоффман, 1960	М. Бройер, 1984	С. Гайер, 1994
5.1. армяк	здесь Rock <i>m</i> <i>старинная</i> <i>верхняя</i> <i>мужская</i> <i>одежда</i>	Jacke <i>f</i> <i>куртка</i>	Jacke <i>f</i> <i>куртка</i>	Mantel <i>m</i> <i>пальто</i>
5.2. аршин	ein paar Fuß <i>несколько</i> <i>шагов</i>	Elle <i>f</i> <i>локоть</i> <i>(мера</i> <i>длины)</i>	Arschin <i>m</i> <i>аршин</i>	Arschin <i>m</i> <i>аршин</i>

--	--	--	--	--

Материал, представленный в таком виде, позволяет не только наглядно отобразить изменения, но и помогает выявить «проблемные места», лексические единицы наиболее сложные для перевода.

Звездочкой помечены варианты перевода, которые сопровождаются внетекстовыми пояснениями (то есть пояснениями переводчика, вынесенными в постраничные сноски или затекстовые комментарии, которые расположены в словаре-справочнике рядом с соответствующим вариантом перевода). В качестве примера приведем фрагмент первой главы словаря-справочника, в котором содержатся и затекстовые примечания и постраничные сноски:

1. «ИДИОТ»

1.1

Русская реалия   **аршин, вершок**

Словарное значение   РСС. Аршин. В старое время: измерительная линейка, планка длиной 0,71 м. РСС. Вершок. Старая русская мера длины, равная 4,4 сантиметра.

Русский контекст   Ф. Д. с. 276. Над дверью в следующую комнату висела одна картина, довольно странная по своей форме, около двух с половиной **аршин** в длину и никак не более шести **вершков** в высоту.

Перевод № 1   S. G., 1996, S. 315.

Контекст   Über der Tür zum nächsten Raum hing ein Bild, dessen Format sehr ungewöhnlich war, etwa zweieinhalb **Arschin** lang und nicht mehr als sechs **Werschok** hoch.

Примечание   Bis 1881, d. h. bis zur Einführung des metrischen Systems, wurde die Körpergröße von Erwachsenen mit der Anzahl der «Werschki» über 2 **Arschin** angegeben. Ein **Arschin** entspricht 71, 12 cm, ein **Werschok** 4,45 cm.

Перевод   № 2   Н. Н., 1986, S. 300.

Контекст Über der Tür in den nächsten Raum hing ein Bild von recht ungewöhnlicher Form, etwa anderthalb **Arschin** lang, doch nicht mehr als sechs **Werschok** hoch.

Перевод № 3 A. L., 1959, S. 286.

Контекст Über der Tür zum nächsten Zimmer hing ein Bild von recht sonderbarem Format — es war gegen zweieinhalb **Arschin** lang und kaum sechs **Werschok** hoch.

Сноска 1 Arschin = 16 Werschok = 71 cm.

Werschok = 4,4 cm

Перевод № 4 H. R., 1923, S. 300.

Контекст Über der Tür nach dem nächsten Zimmer hing ein Bild von recht auffälligem Format: Zweieinhalb **Arschin** lang und nicht mehr als sechs **Werschok** hoch.

Сноска 1 Arschin = 71,1 cm.

Поиск в диахроническом переводном словаре-справочнике можно осуществлять с двух сторон:

1. От названия романа в оглавлении — к русской реалии и ее параллельным немецким переводам.
2. От русской реалии в алфавитном указателе — к соответствующей словарной статье.

Издание предназначено для пользователей, владеющих немецким языком и немецкоязычных пользователей, читающих произведения русской классической литературы в оригинале. Оно адресовано и практикующим переводчикам, которые могут использовать его и как словарь, и как справочник русских реалий конца XIX века, а также преподавателям, студентам высших учебных заведений, обучающихся по специальности — «Перевод и переводоведение» по дисциплинам «Практический курс перевода», «Лексикология и лексикография», «Теория перевода». Оно также может служить источником иллюстративного и исследовательского материала для курсовых и дипломных работ.

Данный словарь является итогом более чем столетней истории освоения творчества Достоевского в Германии и может стать базой для новых научных разработок в области теории перевода и сопоставительного анализа.

Литература:

1. Алексеева, М. Л. Приемы передачи русских реалий в немецких переводах романов Ф.М.Достоевского: дис. ... канд. филол. наук / М. Л. Алексеева; УРГПУ. — Екатеринбург, 2007.
2. Девкин В.Д. Немецкая лексикография : Учеб. пособие для вузов / В. Д. Девкин — М. : Высш. шк., 2005.
3. Елизарова, Г.В. Культура и обучение иностранным языкам / Г. В. Елизарова. — СПб. : КАРО, 2005.
4. Лукьянова Н. А. Типология русских лингвистических словарей / Н.А. Лукьянова. Вестник НГУ, 2006. Серия : История, Филология. Т. 3. Вып. 1.
5. Zgusta L., Farina D. Lexicography Today : An annotated bibliography of the theory of lexicography / L. Zgusta. — Tübingen: Niemeyer, 1988.

The article represents the experience in development of the diachronic interlingual dictionary of the Russian realias on the material of F.M. Dostoevsky's novels and their parallel translations into the German language. It considers features of a composition of the dictionary are considered, ways of representation of lexical units, sphere of its application, that is the matters that make specificity of the dictionary and determine this work as a dictionary of a new type.

Алещенко Е.И.
Волгоградский государственный педагогический университет
г. Волгоград (Россия)

РУССКАЯ И БОЛГАРСКАЯ ЯЗЫКОВЫЕ КАРТИНЫ МИРА: К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА

В условиях мировой глобализации деятельность переводчика приобретает особое значение, так как он служит «связующим звеном» разных культур, способствует не только лучшему взаимопониманию, но и, если речь идет о переводе литературных произведений, более глубокому проникновению в национальную картину мира, менталитет другого народа. В. Аврамова одним из фундаментальных принципов перевода называет «сохранение, с одной стороны, культурно-исторического соответствия текста и, с другой стороны, – его социокультурной обусловленности» (Аврамова 2007, 19). При подготовке переводчиков необходимо дать им знания как об эпохе, культурных реалиях, формулах речевого этикета, так и о взаимоотношениях людей и в период написания подлинного текста, перевод которого они осуществляют, и в период осуществления перевода.

В свете вышесказанного нам представляется интересным рассмотреть работы будущих переводчиков, студентов Великотырновского университета имени Св. св. Кирилла и Мефодия (Велико-Тырново, Болгария). Квалификацию *бакалавр-переводчик* имеют возможность получить студенты специальности «русская филология», «болгарский язык и русский язык», «прикладная лингвистика». На филологическом факультете традиционно проводится конкурс переводов поэтических и прозаических текстов с английского, греческого, немецкого, русского, французского языков на болгарский. На этот конкурс подают свои работы и школьники старших классов, обучающиеся в гимназиях с углубленным изучением иностранного языка. Переводы победителей конкурса публикуются в сборнике «Пресътворение». В 2007 г. этот конкурс проводился в седьмой раз. Для перевода с русского языка было предложено стихотворение И. Бунина «Настанет день – исчезну я...».

Настанет день – исчезну я,
А в этой комнате пустой
Все то же будет: стол, скамья
Да образ, древний и простой.

И так же будет залетать
Цветная бабочка в шелку,
Порхать, шуршать и трепетать
По голубому потолку.

И так же будет неба дно
Смотреть в открытое окно
и море ровной синевой
манить в простор пустынный свой.

Первая премия была вручена студенту специальности «русская филология» Благовесту Благоеву, а вторая – студентке специальности «английская филология» Марии Балбузановой.

Благовест Благоев

Не ще ме има някой ден,
а в тази стая ще стоят
пак столът, масата след мен
и на светеца стар ликът.

Ще литнат пеперуди пак,
ще пърхат в свилата без свян,
ще трепкат, ще чертаят знак
по светлосиния таван.

Небето с дъното си чак

в прозореца ще гледа пак,
морето ще зове безспир
в пустинята на своята шир.

Мария Балбузанова

Ще си отида аз във ден един,
а в тази пуста стая и без мене
пак тъй ще си стоят скамейка, чин,
икона древна и обикновена.

И пак тъй пеперуда ще лети
като ефирен пъстроцветен блян
и със крила ще пърха и трепти
във чуден танц по синия таван.

И пак небесният простор
навътре ще отправя взор
и синьото притихнало море
в безкрая си пустинен ще зове.

Оба варианта перевода представляют собой практически профессионально выполненные работы, в которых не только использована соответствующая лексика, синтаксические единицы, выдержана требуемая стихотворная форма и рифма, но и передан дух стихотворения, эмоции автора. Однако представляется весьма интересным проследить отличия, которые существуют между переводами, а также отметить разницу между ними и подлинником.

Интерес представляют уже варианты перевода первой строки: «Настанет день – исчезну я...» Метафорическое использование глагола *исчезнуть* – «перестать существовать, наличествовать» (МАС Т. 1, 694) в данном контексте подразумевает смерть. В переводе Б. Благоева строка передается как *Не ще ме има някой ден* – букв. «Как-нибудь меня не

будет». Таким образом, семантика сохраняется: *перестать существовать* – *не быть*, кроме того, выражение *не будет (кого-л.)* в русском языке также подразумевает ожидаемую смерть. М. Балбузанова передает начальную строку метафорически: *Ще си отида аз във ден един*, где *отида си* – 1) возвратиться, уйти (*домой*)... 3) *прен.* уйти из жизни, умереть (Димитрова 2000, 537). Как видим, и в русском, и в болгарском языках смерть эвфемистически описывается при помощи сходных выражений.

В оставшихся трех строках первого четверостишия, по сути, содержится простое описание обстановки:

А в этой комнате пустой

Все то же будет: стол, скамья

Да образ, древний и простой.

Весьма примечателен выбор переводчиками лексических средств: оба используют слово *стая* – «комната» (Димитрова 2000, 832), однако прилагательное *пуста* использует лишь М. Балбузанова. Слова с конкретно-предметным значением *стол* и *скамья* переводятся следующим образом: Б. Благоевым – *маса* – «стол» (Димитрова 2000, 374) и *стол* – «стул» (Там же, 835); М. Балбузановой – *чин* – «парта» (Димитрова 2000, 937) и *скамейка* – «скамья» (Там же, 800). Таким образом, у каждого из двух переводчиков одно из слов переведено с максимальной точностью, а второе – словом той же тематической группы. Причем в обоих случаях это разные слова: *скамья* – в переводе Б. Благоева и *стол* – в переводе М. Балбузановой. Последняя строка – *Да образ, древний и простой* – дает возможность для использования синонимов. Студентами предложены следующие варианты ее перевода: Б. Благоев: *и на светеца стар ликът* (букв.: *старинный лик святого*); М. Балбузанова: *икона древна и обикновена* (букв.: *древняя простая икона, образ*). Наиболее точно строка переведена М. Балбузановой, однако в переводе Б. Благоева сохранена образность: слово *икона* в болгарском языке имеет два значения: «икона; образ» (Димитрова 2000, 294), но сочетание со словом *лик* в переводе

Б. Благоева вызывает ассоциацию именно с образом, следовательно, художественная структура стихотворения не нарушена.

Второе четверостишие дает переводчику широкие возможности для варьирования, поскольку поэт использует глагольный ряд для описания движений бабочки:

И так же будет залетать
Цветная бабочка в шелку,
Порхать, шуршать и трепетать
По голубому потолку.

Примечательно, что оба переводчика именно в этом четверостишии отступили от дословного перевода и создали собственный образный ряд:

Ще литнат пеперуди пак,	И пак тъй пеперуда ще
лети	
ще пърхат в свилата без свян,	като ефирен
пъстроцветен блян	
ще трепкат, ще чертаят знак	и със крила ще пърха и
трепти	
по светлосиния таван.	във чуден танц по синия
таван.	(М. Балбузанова)

(Б. Благоев)

Во-первых, в переводе Б. Благоева немотивированно использована форма множественного числа слова *пеперуда* – «бабочка». Ритмический строй стиха не был бы нарушен, если бы строка звучала как *Ще литна пеперуда пак*. Во-вторых, перевод второй строки выполнен по-разному, образы, созданные переводчиками, не совпадают. В работе Б. Благоева используется существительное *шелк* – *свила*, а М. Балбузанова сравнивает полет бабочки с воздушной разноцветной призрачной несбыточной мечтой. При этом при описании движений бабочки в обоих переводах использованы одни и те же глаголы: *трептя* – «трепетать, дрожать» и *пърхам* – «порхать». *По голубому потолку* переводится как *по синия* или

светлосиния таван («по синему, голубому потолку»). Примечательно, что финальные строки этого четверостишия в обоих переводах вносят особенную черту в его образную систему: Б. Благоевым используется метафора *ще чертаят знак (будут чертить знак)*, а М. Балбузановой – *във чуден танц (в удивительном танце)*. Следует отметить, что первоначальный вариант перевода второго четверостишия у Б. Благоева выглядел следующим образом:

Пеперуди пак ще залетят,
ще хвъркат в свилата без свян,
ще пърхат, трепкат, шумолят
по светлосиния таван.

Впоследствии автор отказался от него в связи с нарушением ритмического строя стиха, но в нем, как видим, вышеназванная метафора отсутствовала.

В последнем четверостишии стихотворения И. Бунина перекрестная рифма сменяется парной. В обоих переводах эта особенность учтена.

Небето с дъното си **чак**
в прозора ще гледа **пак**,
морето ще зове **безспир**
в пустинята на своята **шир**.
зове.

(Б. Благоев)

И пак небесният **простор**
навътре ще отправя **взор**
и синьото притихнало **море**
в безкрая си пустинен ще

(М. Балбузанова)

В переводе М. Балбузановой, однако, последняя рифма является неточной. При этом в переводе Б. Благоева количество слогов в строке совпадает с количеством слогов в строке подлинника, их 8, а в переводе М. Балбузановой – 7, поэтому первый перевод больше соответствует ритмическому строю стихотворения И. Бунина. С точки зрения лексики первые две строки более точно переданы в переводе Б. Благоева, у М. Балбузановой перевод их более свободный, а если говорить о последних строках, то здесь ситуация обратная. Последняя не использует

встречающиеся в тексте И. Бунина слова «окно» и «дно», а Б. Благоев – слово «синее». Интересно, что М. Балбузанова передает строку И. Бунина *И море ровной синевой* как *и синьото притихнало море*, таким образом метафора *ровная синева моря* передается описательным сочетанием *синее притихшее море*, что не в полной мере соответствует авторскому поэтическому замыслу. Слово *простор* переведено как *ширь* в варианте Б. Благоева и *бескрайность* – в варианте М. Балбузановой, а прилагательное *пустынный* из стихотворения И. Бунина передано соответственно при помощи существительного *пустыня* и аналогичного же прилагательного *пустынный*.

В целом же оба перевода отличаются точностью передачи лексического состава подлинника, стремлением к сохранению синтаксической структуры стихотворения, передаче речевых фигур. Думается, что предпочтение было отдано переводу Б. Благоева в связи с более полным соответствием рифмовки и ритмической организации стиха Бунинским.

Проанализированные переводы позволяют получить некоторое представление об особенностях русской и болгарской языковых картинах мира. Так, сходно фиксируются в них представления о смерти, как об «уходе», «возвращении домой»; совпадают ассоциации, которые вызывает движение бабочек, вид моря, восприятие церковного образа. Все отклонения от текста подлинника, допущенные переводчиками, связаны, в основном, с необходимостью найти более точную рифму и не нарушить ритмику стихотворного текста. Необходимо отметить, что подобные конкурсы весьма полезны для студентов и служат основой для их будущей профессиональной деятельности и стимулом для творчества.

Литература

1. Аврамова В. Лингвокультурология. – Шумен, 2007.
2. Димитрова Л. Българско-руски речник. – Варна, 2000.

3. Пресътворение VII. Конкурсни преводи. – Велико Търново, 2007.
4. Словарь русского языка: В 4-х т., ред. А.П. Евгеньева. – М., 1999.

In clause student's translations of a poem of I. Bunin «Day will come – I shall disappear...» on the Bulgarian language are compared. Their phonetic, lexical, syntactic features are analyzed. Some differences of Russian and Bulgarian language pictures of the world, reflected in translations, are considered. Conclusions about a degree of accuracy of translations and transfers of an author's plan are done.

Антипина И.В., Артемьева Г.В.
Ивановский государственный университет
г. Иваново (Россия)
Московский автомобильно-дорожный институт
(государственный технический университет)
г. Москва (Россия)

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КАК СРЕДСТВО НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ

Место, которое занимает высшая школа России на международном рынке образовательных услуг, не соответствует ее значительному образовательному потенциалу. Улучшение имиджа российской высшей школы требует развития новых форм межвузовского сотрудничества, корректировки учебных программ и учебников на основе изучения и применения опыта, накопленного вузами, традиционно занимавшимися обучением иностранных граждан.

Полувековой опыт Московского автомобильно-дорожного института (государственного технического университета) довузовской подготовки иностранных граждан нашёл своё воплощение в сотрудничестве с Верхне-Волжским региональным центром академической мобильности (ВВорЦАМ) по разработке национально

ориентированного профессионально направленного учебно-методического комплекса для тургидов из Египта.

Образовательный проект, связанный с подготовкой тургидов из Египта на курсах русского языка ВВоРЦАМ, осуществляется с 2004 года. Учебные программы этих курсов первоначально реализовывались на основе существующих пособий, ориентированных на общее владение русским языком. Группы с нулевой подготовкой по русскому языку занимались по учебникам РУДН авторов Есиной З.И., Максимовой Е.Р. «10 уроков фонетики русского языка», ЦМО МГУ авторов Журавлёвой Л.С. и др. «Практический курс русского языка», МАДИ (ГТУ) авторов Беженцевой О.В. и др. «Время–1. Учебник русского языка для иностранцев. Вводный курс».

Учащиеся, владеющие русским языком в той или иной степени, готовились по учебнику МАДИ (ГТУ) Ивановой Э.И. «Время–2. Учебник русского языка для иностранцев. Базовый уровень».

Однако используемые пособия не удовлетворяли потребностям курсов для тургидов из Египта: в них не было профессионально направленных учебных материалов, ориентированных для данного контингента.

В 2005 году в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина было создано пособие для курсов «Русский - Экзамен – Туризм. РЭТ – I: учебный комплекс по русскому языку как иностранному в сфере международного туризма» – комплекс, адресованный иностранцам, владеющим русским языком на элементарном уровне и имеющим намерение сделать карьеру в международном туристическом бизнесе или уже работающим в этой сфере. Опыт работы по данному пособию показал, что специально ориентированное на международный туристический бизнес пособие решает поставленные им задачи, но не решает в полной мере проблему полноценного краткосрочного национально

ориентированного обучения тургидов из Египта, так как не отражает специфику туристического бизнеса в конкретной стране.

С появлением значительного количества заявок на обучение на курсах ВВоРЦАМ от граждан Египта, работающих в качестве гидов, администраторов или менеджеров по туризму, эта проблема возросла. Возникла острая необходимость создания специального учебного комплекса, ориентированного на одну страну, ее культуру, ее историю. Актуальность данной проблемы подтверждалась опытом работы российских туристических компаний, который показывал низкий уровень владения русским языком специалистов египетского турбизнеса. В работе с российскими туристами принимают участие выпускники различных факультетов Каирского и Александрийского университетов; выпускники египетских школ, изучавшие русский язык на местных курсах; «самоучки», изучавшие русский язык самостоятельно; сотрудники сервисных служб гостиниц, не владеющие русским языком, но желающие приобрести профессию тургида.

Для методического оснащения курсов руководителем ВВоРЦАМ (Антипиной И.В.) было принято решение использовать как основу разработанную доцентом кафедры русского языка Артемьевой Г.В. профессионально ориентированную программу по русскому языку для иностранных студентов медико-биологического профиля, которая в течение предыдущих пятнадцати лет успешно осуществлялась на подготовительном факультете МАДИ (ГТУ).

На основе концепции этой профессионально ориентированной программы по русскому языку в результате сотрудничества доцента Артемьевой Г.В. из МАДИ (ГТУ), доцентов Антипиной И.В. и Язевой Е.В. из ИвГУ (ВВоРЦАМ) был разработан новый учебный комплекс, отвечающий возникшим потребностям национально ориентированного краткосрочного курсового обучения тургидов из Египта. Учебно-методический комплекс представляет собой «Практическую грамматику»

(автор Артемьева Г.В.), «Словарь-справочник» (автор Артемьева Г.В.) и «Пособие по развитию речи» (авторы: Антипина И.В., Артемьева Г.В., Язева Е.В.). Общий объём учебного комплекса около 600 страниц.

Разработка учебного комплекса осуществлялась в изучении ситуации, определении цели, постановке задач и их решении.

Как уже было сказано, основным контингентом курсов русского языка ВВорЦАМ являются граждане Египта, которым для работы необходимо на русском языке излагать историю и культуру страны и общаться с туристами по-русски. В обеспечении решения этих задач проявляется профессиональная и национальная направленность обучения.

Целью обучения русскому языку при этом является владение русским языком в ситуациях профессионального общения, для чего необходимы конкретные знания по истории и культуре Египта, умения реального общения с русскоговорящими туристами, знания культурологической специфики и особенностей их коммуникативного поведения.

Решение первой задачи касалось отбора текстов. Отбор текстов по научному стилю речи, содержание которых отражает национально-конкретную историческую действительность и может использоваться тургидами из Египта в их будущей профессиональной деятельности, выполнен историком-египтологом Язевой Е. В.

Источниками текстов послужили: энциклопедические справочники, путеводители, учебники, монографии. Были отобраны тексты по 8 темам: Египет – страна уникальная; Древний Египет. Периодизация; Египтяне и евреи; Египет- родина монашества; Христианские святыни в Египте; Национальный характер египтян; Культура Древнего Египта; Религия древних египтян.

По своему характеру отобранные тексты представляют собой как учебные тексты (адресованные будущим специалистам), так и научно-популярные, адресованные неспециалистам.

Оба типа текстов относятся к текстам информативным с повествовательной, описательной, логической и оценивающей компонентой.

Отобранные историком-египтологом тексты послужили основой «Пособия по развитию речи».

«Пособие по развитию речи» состоит из книги текстов и упражнений, русско-английско-арабского алфавитного словаря к текстам. Восемь тем по истории и культуре Египта готовят слушателей курсов русского языка ВВоРЦАМ к слушанию лекций, отражающих наиболее важные и актуальные проблемы истории и культуры Египта, которые вызывают у них наибольший интерес. Каждая тема четко структурирована, снабжена глоссарием на русском языке, контрольными вопросами и упражнениями.

Текстовый материал представляет собой фрагменты статей оригинальных (неадаптированных для иностранцев) учебников, справочников и пособий для иностранцев по истории Древнего Востока, Святой Земли, истории религии и другой научной литературы. Как показал опыт, изучение таких текстов затруднительно не только для иностранных учащихся, но и для носителей русского языка, для которых история и культура Египта не является специальностью. Терминологическая насыщенность текстов весьма значительна (*базилика, фараон, мамлюки, «аль-Эхтыва», пиастр, монофизиты, маат* и т.д.). Работа с такого рода лексическими единицами требует обращения к специальным словарным статьям, что в ходе работы с группой учащихся весьма затруднительно без специально подготовленных материалов (разработок).

Большую сложность представляют отсутствие у некоторых учащихся русско-арабских словарей. В русско-английских словарях найти перевод указанных лексических единиц затруднительно, необходим специальный профессионально ориентированный словарь.

Первоначально перевод терминов осуществлялся с помощью русско-английских словарей. Однако опыт показал, что из десяти учащихся языковой группы только единицы владеют английским языком на уровне, достаточном для понимания перевода текстов. Большая часть учащихся владеет лишь разговорно-бытовым английским языком, который не дает возможности осуществлять процесс обучения профессионально ориентированным текстам. Трое-четверо учащихся группы, как правило, не владеют и бытовым английским.

Именно по этой причине составной частью пособия по развитию речи является алфавитный русско-английско-арабский словарь, который снимает указанные трудности адекватного перевода терминов на родной язык учащихся. Наличие такого словаря позволяет оперативно ориентироваться в тексте, что и является вторым достоинством пособия.

Основные термины, понятия и их толкования вынесены перед каждым текстом, что облегчает работу преподавателя-русиста и учащегося, как для понимания текста, так и для воспроизведения его содержания учащимися, так как служат основными опорными словами. Это можно отметить как третье достоинство.

Пять тем пособия стали лингвистической основой для «Практической грамматики» и получили основательную предварительную проработку при изучении русского языка. Три оставшиеся темы вошли в «Пособие по развитию речи» как материал для самостоятельных и контрольных работ учащихся.

Центральным звеном комплекса является «Практическая грамматика». С точки зрения методической целесообразности для «Практической грамматики» из восьми тем были отобраны пять в такой последовательности: Египет – страна уникальная; Национальный характер египтян; Египет- родина монашества; Культура Древнего Египта; Древний Египет. Периодизация.

«Практическая грамматика» составлена Артемьевой Г.В. в форме учебно-методической тетради для учителя и учащихся. Лингвистической основой для каждой части пособия является текст по одной из перечисленных тем. Лексический материал занятий, соответствующий определённому тексту, дан в переводе на английский язык, дозирован пропорциональными частями. Группы упражнений, закрепляющих отработку умений и навыков, сопровождаются таблицами, отражающими: дифференциацию новых слов по частям речи; парадигмы глагольных форм; распределение времени на чтение, письмо и письмо под диктовку (диктант).

Пошаговая отработка грамматических знаний на уроках под руководством преподавателя, поурочное отражение в таблицах уровня сформированности навыков в различных формах речевой деятельности в значительной степени усиливают мотивацию учащихся в обучении и сводят к нулю пропуски занятий. Это способствует решению не только образовательных, но и воспитательных задач.

По «Практической грамматике», происходит сознательный процесс обучения и самообучения русскому языку. Возможность расставлять в тетради ударение, обозначать интонационный рисунок частей текста, заполнять таблицы, маркировать слова с переходящим ударением, выполнять самостоятельные упражнения на развитие механизмов памяти и так далее создают у учащихся ощущение сопричастности к процессу завершения (заполнение «белых пятен») пособия и также усиливают мотивацию обучения и формируют алгоритм познавательной деятельности на русском языке. Через многократное повторение каждым учащимся каждого слова происходит автоматизация навыков чтения, говорения, аудирования, письма и усвоение грамматической системы языка на сознательном и подсознательном уровне.

Время обучения на курсах зависит от исходного уровня знаний учащихся: 3 месяца для владеющих русским языком на уровне не ниже

элементарного и 6 месяцев для учащихся с нулевым уровнем владения языком. Скорость достижения результата (сокращение времени обучения) происходит за счет интенсификации процесса обучения, отсутствия потери времени на занятия, так как все задания выполняются по секундомеру на скорость. Стремление за лидерами по «олимпийской программе» усиливает мотивацию обучения. Контроль и самоконтроль осуществляются по указанным таблицам.

У каждого учащегося свои пропорции между временем чтения и письма, что зависит от их индивидуальных особенностей. В процессе обучения уровень владения навыками у учащихся выравнивается. Таким образом, при коллективных формах работы осуществляется индивидуальный подход и контроль. Преподаватель имеет возможность осуществлять контроль за каждым словом каждого учащегося и одновременно (с помощью системы знаков) получать полную картину успехов группы (например, при обучении чтению).

Кроме того, может быть получен количественно-качественный показатель, дающий возможность выявить места общих затруднений группы, что требует дополнительного осмысления и сознательного преодоления. Наблюдение за пометками преподавателя в учебно-методической тетради в следующем учебном году дают богатый эмпирический материал для исследовательской работы о характере и причинах затруднений учащихся при освоении материала курса.

Работа по самопроверке и исправлению ошибок приводит к смене ролей: ученик - учитель, что приводит к сознательному подходу к обучению и выработке самоконтроля со стороны студента.

При обучении письму закладываются основы русской графики и скорописи, осваиваются правила правописания и орфографии, слитного написания букв в словах, правильного написания прописных и строчных букв.

Все письменные работы выполняются на бумаге формата А4, что способствует формированию чёткого почерка, развитию навыка выравнивания строки и способности к длительным непрерывным мышечным усилиям руки. Это особенно актуально для арабских учащихся. Синтаксический подход к обучению осуществляется в ходе аналитической работы с формами слов, изменениями в них, что даёт представления о системных отношениях между частями речи и формами слов.

В результате наблюдений учащиеся получают наглядное представление о вариантах окончаний именных форм (родной, старый, арабский, хороший – брат, море, школа, дочь, дети); о вариантах глагольных форм (работать, любить, хотеть); о различительной функции ударения (дом – дома *сущ.*; дома – домой *нареч.*).

Особого внимания заслуживает работа с формами глаголов. Системно представленная во всех частях «Практической грамматики» парадигма форм настоящего, будущего и прошедшего времени глаголов закрепляется в сознании учащихся графически (работать – работает – работают; сказать – скажет – скажут). Графически обособленные группы глаголов в настоящем, будущем и прошедшем времени помогают учащимся маркировать в тетради (и лучше запомнить) переход ударения во временных формах глаголов (любить – любит – любят).

Наблюдения преподавателя и учащихся за изменениями форм слов, графический и словообразовательный анализ создают устойчивый навык правильного формирования слова (смешаться – которые смешались – смешавшиеся).

В каждой части «Практической грамматики» осуществляется переход к изучению текста, предъявленного в аудиоформе. Практика показала, что к моменту аудиоурока для учащихся нет ни одного незнакомого слова, и текст практически выучивается наизусть.

Таким образом, «Практическая грамматика», предназначенная для обучения чтению, письму, аудированию и говорению по-русски, содержит

тематический материал в такой форме, которая позволяет отработать алгоритм формирования и развития умений и навыков в этих четырёх видах речевой деятельности в рамках национально ориентированного туристического бизнеса.

Третьей частью комплекса является «Словарь-справочник», составленный Артемьевой Г.В. на основе всей изученной студентами лексики с учётом грамматической категориальной принадлежности слов и их возможных форм. «Словарь-справочник», предназначенный для развития самостоятельности студента в изучении русского языка, позволяет студенту активизировать изучение русского языка в условиях сокращённого времени.

Первоначальная работа по освоению лексики, развитию умений и навыков проводится в «Практической грамматике», но развитие и проверка усвоения навыков чтения, говорения, аудирования и письма осуществляется при работе над текстами «Пособия по развитию речи».

Опыт показал, что наиболее целесообразным путем усвоения материала является изучение темы в «Практической грамматике», этап завершения изучения темы осуществляется в работе над текстом в «Пособии по развитию речи». В системе упражнений отрабатываются навыки конструирования синтаксических моделей, смысловые компоненты и средства их представления. Предложение – это реальная единица, в которой прежде всего выявляется способ формирования мысли. Движение и работа мысли выявляются в установлении смысловых единиц, которые являются отражением существующих вне нас связей и отношений предметного мира (Зимняя 1973). Указав, что основная информация текста выражается в предикативной основе предложения, в предтекстовых упражнениях отрабатывается механизм поиска предикативного ядра. Затем вырабатывается умение задавать вопросы к смысловым блокам. *Что есть что? Египет – родина европейской государственности; Когда кто начал*

селиться где? Более десяти тысяч лет назад человек начал селиться по берегам великой африканской реки Нила и т.д.

Такого рода работа облегчает учащемуся понимание и воспроизведение текста, а также помогает обучению слушателей самостоятельному созданию текстов экскурсий, способствует стиранию стереотипов, профессиональной подготовке египетских тургидов на родине, позволяет решать средствами русского языка коммуникативные задачи, возникающие в его профессиональной деятельности в Египте. Это одно из основных достоинств комплекса.

Упражнения по развитию речевых навыков (составление планов, поиск ответов на вопросы, конспектирование, освоение способов сокращения текстов и слов, выбор из текста информации по теме, запись аудиотекстов, пересказ) направлены на преодоление устойчивой привычки учащихся неосмысленно заучивать текст и зависимости от готового выданного текста экскурсии. Необходимо отметить и следующее - в качестве контрольных в конце «Пособия по развитию речи» предложены основные вопросы по темам, исключая автоматическое заучивание; основные даты для запоминания; список имен исторических личностей, упоминаемых в текстах.

Такая структура «Пособия по развитию речи» приближает его к учебным пособиям по истории, подчеркивает его профессиональную ориентированность, что в свою очередь вызывает у учащихся повышенный интерес. С другой стороны, справочный аппарат позволяет учащимся пользоваться дополнительными систематизированными данными, способствующими лучшему усвоению сложного исторического материала. После завершения работы над «Пособием по развитию речи» по обозначенным темам историк-египтолог читает курс лекций, а слушатели курсов получают возможность общения по интересующим их проблемам по-русски на языке своей профессии.

По окончании курсов слушатели получают возможность посетить ивановский Свято-Введенский монастырь, его кельи с экскурсией, познакомиться с православными иконами, утварью, встретиться со служителями, то есть имеют возможность применить коммуникативные навыки в ситуации реального общения на профессиональные темы.

Комплекс прошёл успешную двухгодичную апробацию в группах учащихся из Египта на курсах русского языка в Верхне-Волжском региональном центре академической мобильности и в настоящее время по результатам апробации готовится к печати.

Выпускники курсов русского языка Верхне-Волжского регионального центра академической мобильности получают значительное преимущество на родине при устройстве на работу в туристические компании.

Опыт применения концепции профессионально ориентированной программы по русскому языку при разработке учебно-методического комплекса для курсового профессионально ориентированного обучения тургидов из Египта открывает новое направление в курсовом обучении русскому языку иностранных граждан, так как сочетает в себе профессиональную направленность довузовской подготовки и краткосрочность национально ориентированного обучения на курсах русского языка.

Литература:

1. Зимняя И.А. Психология слушания и говорения. Дисс. д-ра психол.наук. - М., 1973.

Scientific and methodological ways while creating national and professionally-oriented teaching unit are described

Балгазина Б.С.
Казахский национальный педагогический университет им. Абая
г. Алматы (Казахстан)

СТАТУС И ФАКТИЧЕСКАЯ РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПОСТСОВЕТСКОМ КАЗАХСТАНЕ

В начале 90-х годов XX в. в новых суверенных государствах – бывших республиках СССР – происходит процесс национальной самоидентификации, одним из результатов которого явилось сужение сферы использования русского языка. Это явление наблюдается и в Казахстане.

Казахстан - уникальная республика бывшего Советского Союза, где после распада СССР ни одна этническая группа, включая коренное население (самих казахов), не составляла абсолютное большинство. В процентном соотношении к общему населению страны самая большая русская диаспора среди бывших советских республик была в Казахстане. В 1989 г. русское население достигало 6227,5 тысяч человек, или 37,8 %, тогда как казахи составляли 40,1 %.

С развалом СССР Казахстан, как и другие республики, столкнулся с феноменом массовой эмиграции русского населения. Более того, Казахстан в 1990-е годы стал самым крупным «экспортером» русскоязычных граждан.

В настоящее время Казахстан – это СССР в миниатюре, т.е. принцип сосуществования на одной территории остался таким же – союз 15 крупных национальностей и до 50 «малых», уменьшилась только количественная пропорция народов по сравнению с СССР. Самыми крупными этносами по-прежнему являются казахский и русский.

История функционирования русского языка в нашей стране имеет свою специфику. Формирование двуязычия в Казахстане стало результатом политики СССР: с переселения русских из разных регионов России в начале XIX века начался казахско-русский и русско-казахский билингвизм; депортация в Казахстан других народов привела к развитию билингвизма инонационально-русского (корейского, немецкого, польского

и др.). К концу XX века повсеместно преобладает двуязычие с русскоязычным компонентом.

Постсоветская языковая ситуация в Казахстане показывает, что интерес к русскому речевому общению не ослабел, наоборот - русский язык продолжает сохранять прочные позиции, остается доминирующим средством коммуникации, языком межнационального и международного общения. До сих пор в республике сохраняется диспропорция в пользу употребления русского языка в сфере публичного и делового общения, в науке, в средствах массовой информации, в образовании. Русский язык в Казахстане продолжает использоваться в деловых кругах, финансовой и банковской сферах, в государственных структурах. Большинство населения (еще) свободно владеет им.

Социолингвисты отмечают, что устойчиво расширяется применение казахского языка в условиях организованного общения (деловое общение, образование, в государственных органах и др.). Однако когда условия выбора языка менее регулируются и определяются стихийно (бытовое обслуживание, торговля, транспорт и т. д.), предпочтение отдается русскому языку.

Русский язык в обязательном порядке изучается во всех типах школ (русских, национальных, смешанных). Высокую привлекательность сохраняют стандарты российского образования. Возобновляются и развиваются контакты между школьными и высшими учебными заведениями, научными и педагогическими организациями Казахстана и России, расширяется спектр их взаимодействия. Это можно объяснить потребностями практической жизни многонационального государства, где русский язык выполняет интегративную функцию – средства межнационального общения, а также тем, что традиционно сильны политические и экономические связи с Россией.

Казахстанское правительство проводит сбалансированную (насколько это возможно) языковую политику, которая разработана в

соответствии с Конституцией РК, Законом «О языках в Республике Казахстан» от 11 июля 1997 года (Закон 1997), а также «Государственной программой функционирования и развития языков на 2001-2010 годы», утвержденной Указом Президента РК от 7 февраля 2001 года (Программа 2001).

Реализация Государственной программы функционирования и развития языков предполагает создание *оптимального социолингвистического пространства* в стране: практическую реализацию *государственного статуса казахского языка*, осуществление законодательно закрепленных за ним социальных функций на всей территории республики во всех сферах общественных отношений, а также сохранение за русским языком в полном объеме основных функций, гарантированных ему Конституцией РК: *он остается языком, официально употребляемым в государственных организациях и органах самоуправления*, обеспечивается его функционирование в области образования, науки, культуры и других общественно значимых сферах.

Президент Казахстана Н. Назарбаев считает, что использование казахского и русского языков позволит сохранить политическую стабильность в стране. «Необходимо встречное движение в знании государственного и русского языков. Это будет служить фактором взаимоуважения и стабильности в стране», - заявил глава государства, выступая на 12-й сессии Ассамблеи народов Казахстана (Казахстан 2006). «Государственный язык – это такой же символ, как флаг, герб, гимн, с которых начинается Родина, и он призван объединять всех граждан государства» (там же). Вместе с тем, отметил Н. Назарбаев, нельзя отказываться от массового знания русского языка. «Массовое владение одним из международных языков, каким является русский, для миллионов казахов есть фактор, расширяющий информационные горизонты в современном мире» (там же). Следовательно, потребность в

русском языке является потребностью быть услышанным в более широком информационно-культурном пространстве.

Таким образом, можно говорить о *государственном билингвизме*, так как законы Казахстана четко выделяют два функционально важных языка - казахский и русский. В стране происходит сужение функций русского языка посредством принятия специальных законов, создающих благоприятные условия для полноценного развития и функционирования титульного языка. Однако благодаря государственной языковой политике и по исторической инерции русский язык в стране до сих пор выполняет функцию языка межнационального и международного общения. *Феномен русского языка* - в его особом статусе и фактической роли в лингвистической ситуации Казахстана.

Литература:

1. Закон «О языках в Республике Казахстан». Алматы, 1997.
2. Государственная программа функционирования и развития языков на 2001-2010 годы. Алматы, 2001.
3. Казахстан сегодня. 24 октября 2006 г.

Борис Л. А.
МГУ имени М.В.Ломоносова
г. Москва (Россия)

РУССКИЙ КАК ИНОСТРАННЫЙ И РУССКИЙ КАК РУССКИЙ

На начальном уровне обучения русскому языку как иностранному ведущим направлением является коммуникативное, преследующее практические цели: дать возможность иностранцу объясниться с носителем языка и быть понятым. Отсюда минимизация языкового материала, в частности лексики, ограниченный набор синтаксических конструкций, имитативный характер упражнений – всё, что облегчает изучение *не языка*, а в первую очередь *речи* и позволяет избегать

коммуникативных ошибок. Постепенно, вместе с усложняющимися задачами общения, языковой материал по принципу концентрических кругов расширяется, но его отбор определяется, прежде всего, частотностью и функциональностью единиц. Системность русского языка отчасти вырисовывается при трансфере: объяснения совпадающих явлений или отсутствующих в родном языке грамматических категорий, лексико-стилистических тонкостей и т.д. Классический пример несовпадения грамматических категорий в разных языках: *любовь* в романских языках преимущественно мужского рода, в русском – женского, в польском и украинском – среднего, а в английском категория рода просто отсутствует, что требует от переводчика внимательного отношения к согласованию слов в предложении. Но гораздо сложнее, если понятие отсутствует в родном языке иностранных студентов, зато весьма распространено в русском.

Например, различие между словами *баран* и *козел*, которым в китайском языке соответствует один иероглиф, должно быть объяснено в прямом смысле и желательно с иллюстрацией. Но следующий уровень – переносное значение. И тут одними картинками не обойдешься: за каждым из животных стоит его характер, воплощаемый в сказках, баснях, притчах и пословицах. Например, перенесение характерных повадок животного на человека: *«А по-моему, она вовсе не изящна. Что это такое - ноги толстые и сама скачет, как козел!»* (Аверченко А. Т. «Четверг») Заметим, не *коза*, а *козел*, хотя речь идет о женщине. Далее следует вредный характер: *«Говорила я ему: ведь сын ведь, пойдди, дай отпущение. Нет, уперся, старый козел...»* (Андреев Л. Н. «Рассказ о семи повешенных»). Козлоногим был древнегреческий бог Пан, а в христианской традиции козел стал служить общепризнанным символом дьявола и некоторых приписываемых ему качеств: Она вопила: *"Змий эдемский, иерусалимский душит мя!" А кто же этот змий, как не черт, не тот серый козел, что входит по ночам к женищинам и девушкам?* (Бунин И. А. «Суходол»).

Библейское старозаветное выражение «*козел отпущения*», характеризующее данное животное все-таки с положительной стороны, было также переосмыслено в известной песне Владимира Высоцкого, где козел из побиваемого терпеливого существа превратился в злобного диктатора всего леса. Совсем другим в переносном значении предстает баран. По определению В.И.Даля: «Смирный, простоватый человек, которым помыкают. - Баран бараном, всяк им орудует. Нашему барану ни в чем нет талану. Баранья голова, башка - дурак» (Толковый словарь живого великорусского языка). Это народное понимание отразилось в классической русской литературе: «*И тогда, - прервал таможенный директор, - будь я киргизский баран, а не коллежский советник, если эти воры не выдадут нам своего атамана, скованного по рукам и по ногам*». (Пушкин А. С. «Капитанская дочка»); «...если бы не был в вас влюблен как баран, не бегал бы по улицам высуня язык и не поднял бы по городу всех собак»; «*Станешь ему толковать, смотрит как баран на воду, дивишься на него только*». (Достоевский Ф. М. «Бесы») Салтыков-Щедрин назвал свою знаменитую сказку «Баран-непомнящий» в которой обыгрывается реалья времени: записывать беглых крестьян как «Иванов, родства не помнящих». Следовательно, самое распространенное в России имя заменено было сатириком на название самого распространенного качества, о котором точно сказал М.Горький в рассказе «Детство»: «- *Хитер ты али простодушен, а? - Не знаю... - Не знаешь? Ну, так я тебе скажу: будь хитер, это лучше, а простодушность - та же глупость, понял? Баран простодушен. Запомни! Айда, гуляй...*».

На литературном уровне мы увидели множество примеров к противопоставлению значений *козел-баран*, для иллюстрации можно также сослаться на знаменитую гравюру Эшера, изображающую Козлоподобного Сатану и Божественного Агнца. Но есть и другой уровень восприятия, относящийся к разговорному, сленговому, наиболее ярко его отражает уголовный жаргон: *баран, барашек* – «взятка за перенос запрещенных

вещей», (кстати, выражение «*подсунуть барашка в бумажке*» встречается еще в словаре у Даля), а *козел* – 1) доносчик, стукач, недруг, 2) гомосексуалист¹. Поэтому преподаватель русского языка просто обязан предостеречь иностранного студента: не торопитесь усваивать лексику с забора и монитора; оскорбление «*козел вонючий!*» слишком сильное и за него приходится отвечать на невербальном уровне.

Совершенно по-разному воспринимаются иностранец и русский с вопросом «*Чо ты лыбишься?*» (т.е. с какой стати ты улыбаешься, на что намекаешь?). Подобные разговорные конструкции стоит знать и иностранцам, постоянно проживающим в России, их нужно понимать на слух, но воспроизводить следует с осторожностью. И здесь мы переходим к наличию в русском языке трех уровней лексики – торжественно-официальной, нейтральной и снижено-разговорной, – соответствующих делению еще М.В.Ломоносова. Эти различные лексические пласты распределились в XX веке по функциональным стилям. Наибольшее количество лексики «высокого стиля» вобрал в себя официально-деловой стиль, стиль документов: *нижеподписавшиеся, вышепоименованный, по истечении года, уведомить*. Составные предлоги, причастия и деепричастия – именно с их употреблением связано множество грамматических ошибок как у иностранных студентов, так и у русских, – общеупотребимы и в текстах документов, и в официальных сообщениях СМИ². Однако документы содержат также много нейтральной лексики, а речи журналистов – еще и разговорной. И приходится постоянно следить за разграничением лексики при переводе. У русских студентов часто встречаются неуместные, снижено-разговорные слова и словосочетания, у иностранных, в силу специфики восприятия текстов и двойного перевода, также, если они ориентируются только на самые распространенные в быту лексемы. Пример: иностранные студенты читают поэму М.Ю.Лермонтова

---

¹ Толковый словарь уголовных жаргонов. Под общей редакцией Ю.П.Дубягина и А.Г.Бронникова. М.1991.

² СМИ – средства массовой информации.

«Демон», затем пытаются пересказать её своими словами. Получаются следующие конструкции: *«Когда-то демон был веселым и честным ангелом, но с тех пор, как Бог лишил его постоянного места жительства...»*; *«Но Демон был таким красавчиком, что Тамара не могла ему отказать...»*. В первом случае употреблено словосочетание из языка канцелярии ОВиРа¹, во втором – просторечное слово. Можно привести примеры из неудачных переводов русских студентов: *«Обязанности Евросоюза касаемо образования обозначены в основополагающих договорах ЕС»*; *«Женщины тащат ношу воспитания детей и неравную часть работы по домашнему хозяйству»* – здесь, кроме разговорных слов, еще и слишком буквальный перевод, который отражает тенденцию развития русского языка с впитыванием английских аналитических конструкций при утрате флективности: *курить есть?; это не есть хорошо!; у тебя нет пять рублей?* А вот предложение из «валентинки», которое с равным успехом может написать и иностранный и не очень успешный русский студент: *«Я влюбился в тебя так, как никогда и никого не любил!»*. Развитое управление глаголов – ещё одна общая проблема, одинаково сложная и для своих, и для иноязычных переводчиков. Но вернемся к регистрам русского языка. На конкурсе художественных переводов «Под покровительством Святого Иеронима» в прошлом году был дан для перевода рассказ Вильяма Сарояна «Время гения»: мальчишка-оборванец стучался в окно ресторана с вопросом “What time is it?”, а писатель, сидящий внутри обдумывает это. К чести русских студентов стоит сказать, что не все последовали буквальному переводу и написали просторечную для русского языка конструкцию: *«Сколько времени/время?»*. Был вариант, в котором обыгрывалась двойная норма: *«Сколько времени? Он спрашивает время? Зачем, черт возьми, ему нужно знать, который час?»*.

---

¹ ОВиР – отдел виз и регистраций.

Университетское гуманитарное образование предполагает высокую степень владения русским языком, и на уровне второго-третьего курсов разница между подачей материала русским студентам и студентам-иностранцам, будущим переводчикам, постепенно стирается. Работа с языком во всех сферах общения обязывает студентов и преподавателей к изучению не только самых простых и частотных лексем, но и их синонимов в различных функциональных стилях. Есть и специфические для переводчиков – как русских, так и иностранцев – нечастотные, но весьма важные словоформы, такие как, например, падежные формы количественных числительных: *«Самолет с тремястами двадцатью шестью пассажирами на борту...»*. Хорошо, если переводчику заранее дали текст и он может обойти опасное место с помощью гибкого порядка слов в русском предложении. Тогда возникает конструкция, которую мы всё чаще слышим в выпусках новостей: *«Триста двадцать шесть пассажиров пострадали при...»* Однако подобная замена невозможна при синхронном переводе, поэтому в Высшей школе перевода особое внимание уделяется стилистике русского языка в программах обучения и русских, и иностранных студентов. В то же время будущие переводчики должны эффективно использовать самые удачные и верные средства русского языка из своего багажа, уметь предложить вариант, который бы верно передавал смысл вне зависимости от грамматического оформления. Как в вышеприведенном примере с числительными, таких вариантов множество: причастный оборот *уже отчитавшийся по данной проблеме директор заявил, что...* можно заменить на определительное придаточное предложение – *директор, который уже отчитался по данной проблеме, заявил...* - и это будет нейтральная замена. Есть синонимические конструкции, различающиеся коннотативными значениями: *пачка чая, но выпить чаю; на встречу прибыло/прибыли 15 человек*. Задача преподавателя – выработать у иностранных студентов представление о степени допустимости подобных замен.

Синонимия абсолютно всех языковых средств, грамотно дифференцированная с учетом функционального стиля, – основная идея преподавания русского языка на старших курсах университета. И именно за счет введения широкого круга лексики, усложнения и вариативности синтаксиса вообще и отдельных грамматических конструкций в частности иностранные студенты получают возможность закрепить свою базу восприятия русского языка, определить самые частотные элементы, выбрать наиболее соответствующие задачам перевода стилистические синонимы, а также получить целостное представление о всей системе «великого, могучего, правдивого и свободного русского языка¹».

Бугаева И.В.
Российский государственный аграрный
университет им. К.А. Тимирязева
г. Москва (Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ

В последние годы активизировался диалог между представителями разных религий и конфессий, все больший масштаб приобретает паломничество к святыням мировых религий. В статье речь пойдет о некоторых проблемах перевода сакральной ономастики. Имена святых, наименования храмов и церковных праздников, названия икон содержат в себе важную лингвокультурологическую и страноведческую информацию. В связи с этим возникает проблема адекватного перевода не только с точки зрения языка, но и с позиций сравнительного богословия.

Переводы православной богослужебной лексики и цитат на английский язык – давняя тема для нареканий и шуток. То переводят сугубо католическими терминами, то транслируют греческие слова (даже там, где есть хорошие английские аналоги), то допускают ошибки. Так, на

---

¹ И.С.Тургенев. «Русский язык»

обложке одного альбома хоровой музыки встретилось: “Dostoino Est” (To Eat with Dignity).

Сначала рассмотрим особенности перевода лексико-семантической группы «имена святых», которые в теории ономастики обозначаются термином «агиоантропоним» [Бугаева 2007,]. Поскольку реестр личных имен в святцах ограничен, неизбежны повторения. Поэтому для различения тезоименитых святых привлекаются дополнительные наименования. Так образуются апеллятивно-антропонимические комплексы наименований святых разной структуры. Основная модель агиоантропонима минимум двухкомпонентна: **чин святости + имя**: *пророк Иеремия, апостол Фома, мученик Серапион*. Таких примеров немного. В основном они относятся к ветхо- и новозаветным персонажам и святым, прославленным в первые века христианства. Чаше встречается трехчленная структура агиоантропонима: **чин святости + имя + дифференциатор**. В качестве дифференциатора могут выступать различные компоненты, обозначающие профессии, вид монашеского послушания или подвига, титулы, прозвища, место рождения или служения святого, оценочные эпитеты и т.д.: *преподобный Косма отшельник, преподобный Ипатий целебник, преподобный Иоанн безмолвник, святитель Вонифатий Милостивый, преподобный Арсений трудолюбивый, преподобный Феодор Освященный, праведный Иоанн Кронштадский, великомученик Георгий Победоносец, святой Симеон Богоприимец*.

Анализируя структурные особенности словосочетаний типа «St. Paul» в английском языке, Т.Ю. Станкова выделяет ядерное словосочетание, которое «на практике <...> пополняется зависимыми элементами, создавая при этом более развернутые грамматические построения». Автор считает, что «развертывание ядерных сочетаний происходит слева и справа, то есть может быть регрессивным или прогрессивным, или одновременно и слева, и справа» [Станкова 1997, 27].

Такой подход к исследованию имен святых в православной традиции вызывает возражение. Как было показано выше, существуют антропонимические формулы номинации святых, закрепленные в официальных документах, церковных календарях, Четиях-Минеях, святцах и т.д. Именно полные по структуре номинации являются первичными, а в разговорной практике, в различных коммуникативных ситуациях подвергаются редукции. Так, не встречаются словосочетания типа *St. Sergius*, *St. Simeon*, *St. Isaac* вместо *St. Sergius of Radonezh*, *St. Simeon the New Theologian*, *St. Isaac the Syrin* (*St. Isaac of Syria*). В речевой практике типичны и частотны сокращенные варианты как раз с утратой форманты *St.*, например: *Sergius of Radonezh*, *Simeon the New Theologian*, *Isaac Syrin* и т.д. В сокращенной формуле агиоантропонима остаются самыми значимые компоненты, позволяющие правильно идентифицировать святого. Например, невозможно определить, о каком святом идет речь по ядерному словосочетанию *St. Simeon*, так как известны 27 святых с этим именем: *St. Simeon the New Theologian*, *St. Simeon the Receiver of God*, *St. Simeon of Persia*, *hieromartyr*, *St. Simeon, bishop of Jerusalem*, *kinsman in the flesh of the Lord*, *St. Simeon the Stylite, monk* и т.д.

Иногда различаются именованья «общих» христианских святых, то есть прославленных до разделения Церкви. Так, Симеон Столпник Дивногорец (ум. 596) в православной традиции на английском языке именуется как *St. Simeon of the Wonderful Mountain*, а в католической традиции как *St. Simeon Stylites the Younger*. Безусловно, для переводчиков несовпадение традиций наименований одного и того же святого представляют определенную трудность, так как различия в номинативных формулах могут привести к ошибочной идентификации как разных людей.

При переводе с русского языка на английский надо иметь в виду, что лексема «святой» в одних ситуациях переводится как *saint*, в других – *holy*. *Saint* правомерно употребляется перед именем собственным и в значении субстантивированного существительного: *St. Nicetas*, *St. Nestor*, *St. Andrew*

of Crete, St. Nicon. Прилагательное *holy* употребляется только перед наименованием титулов или чинов святости: *holy Apostle and Evangelist Luke, 3 holy Hierarchs peter, Alexis and Jonah*. Это прилагательное встречается в устойчивом словосочетании, обозначающем чины святости, что в русском языке передается сложным словом: *holy martyr* – священномученик, *holy hierarch* – святитель, *holy protomartyr* – первомученик, *holy prophet* – пророк. Например: *holy prophet Joel* – пророк Иоиль, *holy martyrs Eulampius and Eulampia* – священномученики Евлампий и Евлампия, *holy hierarchs Peter, Alexis and Jonah* – святители Петр, Флексий, Иона, *holy protomartyr Thecla* – первомученица равноапостольная Фекла и т.д. Отметим, что в англоязычной православной традиции *holy martyr* может соответствовать не только термину *священномученик*, но и терминам *мученик* и *великомученик*. Такая ситуация встречается в тех случаях, когда структурно различаются формулы агеоантропонимов. В русской православной традиции сложилась четкая терминология чинов святости, Например, в чине мучеников выделяются *великомученики* (*great-martyr*) – те, кто вынес особенно тяжелые и продолжительные мучения, *священномученики* (*holy martyr*) – священники и епископы, претерпевшие мучения за веру, *преподобномученики* (*monk-martyr, nun-martyr*) – замученные за православную веру монахи и монахини, *первомученики* (*protomartyr*) – мученики первых веков христианства.

Особые форманты агеоантропонимической формулы, как говорилось выше, составляют разного рода дифференциаторы. Их перевод на английский язык также представляет некоторую сложность, так как пословный перевод невозможен, а англоязычная и русскоязычная православные традиции различаются. Например, *преподобный Роман Сладкопевец* в английской традиции соответствует *St. Roman, singer*. Английское *singer* никак не маркировано, отсутствует оценочность, имеющаяся в русском слове *сладкопевец*. Греческое слово в качестве дифференциатора присутствует в агеоантропониме *St. John Chrysostom*,

patriarch of Constantinople – свяtitель Иоанн Златоуст, патриарх Константинопольский. Для большинства современных верующих, не знающих греческий язык, лексема *Chrysostom* не имеет того значения, которое есть в русской кальке *Златоуст*, так как скрыта внутренняя форма слова, которая в русском варианте абсолютна ясна.

Особого внимания требует перевод агиоантропонимов типа *Иисус Навин, апостол Иаков Алфеев*, которым соответствуют модели *St. Joshua, son of Nun, Holy apostle James, son of Alphaeus*.

В религиозной коммуникации много фразеологизированных и устойчивых словосочетаний, в том числе и в номинации святых. Иногда они различаются в разных языках. Например, широко распространенная фразеологизированное словосочетание *Вера, Надежда Любовь и мать их София* в английском варианте имеет иную последовательность составных компонентов: *Holy martyrs Faith, Love and Hope, and their mother Sophia (Wisdom)*. Интересно, что английские апеллятивы, употребляющиеся здесь как имена собственные, *Faith, Love and Hope* не стали личными именами, как это произошло на Руси.

Следующая лексико-семантическая группа, связанная с категорией святости, – наименования православных храмов. Названия храмов и монастырей складываются исторически. Ономастический формуляр данных онимов многокомпонентен. Каждая из его единиц семантически и богословски значима. Структуру полного наименования храма или монастыря составляют основные и дополнительные компоненты. Ядерной единицей является престольный номинатор, то есть та лексема, которая обозначает в честь какого праздника или святого освящен престол храма. Дополнительными компонентами являются разные дополняющие и дифференцирующие элементы. Среди последних чаще всего встречаются топонимы, указывающие на место расположения храма. В больших городах такие дифференциаторы часто необходимы. Например, в Москве насчитывается более 40 храмов, освященных в честь святителя Николая,

архиепископа Мир Ликийских, 12 – в честь св. Георгия Победоносца, 6 храмов – в честь великомученика Пантелеимона Целителя, 4 – в честь святого благоверного великого князя Александра Невского и т.д. Наименование храмов и монастырей несколько различается, так как в формулу монастыря добавляются обязательный дифференциатор, указывающий на то, мужской это монастырь или женский. В названиях некоторых монастырей встречается лексема *ставропигиальный*, что означает его прямое подчинение непосредственно Патриарху независимо от места расположения. Например: *Данилов ставропигиальный мужской монастырь*, *Богородице-Рождественский ставропигиальный женский монастырь*.

К сожалению, в современных туристических справочниках и в словарях нет последовательности при переводе терминов *храм*, *собор*, *монастырь*, *лавра*, которые четко различаются в богословии. Некоторые монастыри называются *лаврами*, другие – *подворьями*, *пустынями*, что помогает определить статус монастыря. Статус лавры раньше присваивался монастырю специальным Царским указом за значительную роль в жизни Церкви и государства. В древности *лаврами* назывались улицы в Александрии, на которых стояли церкви. Позднее это название перешло к монастырям скитнического типа. В современном значении *лавра* – это большой мужской монастырь, выделяющийся среди других своей важностью: *Свято-Успенская Почаевская лавра (The Pochaev lavra of the Dormition)*. Английский аналог – *lavra*, *laura*, но иногда переводится просто как *monastery*. Например: *Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра – the Alexander Nevski monastery*. *Подворья* являются своего рода «официальными представительствами» монастыря, к которому они приписаны, в другом городе (*Подворье Спасо-Преображенского Валаамского монастыря в Москве*). В английских текстах встречаются *conventual church*, *house in town*, *church in town*, *town residence*,

representation, town residence, town house, которые только по сути передают значение термина.

Пустынь – так назывались монастыри, находящиеся в отдаленной, часто глухой местности (*Свято-Введенская Козельская Оптина пустынь, Нило-Столобенская пустынь*). Английский перевод – hermitage: The Hermitage of Sarov. Но чаще используется при переводах лексемы monastery и convent: Казанская Амвросиевская пустынь – The Kazan convent of St. Ambrose, Нило-Столобенская пустынь – The Stolobny Monastery of St. Nilus.

В английском переводе наименований русских церквей встречаются варианты в передаче как ядерного компонента, так и дифференциаторов. Например: *Софийский Собор* – *The Holy Wisdom Cathedral, The Church of the Holy (Divine) Wisdom, Saint Sophia, The Cathedral of St. Sophia; Троице-Сергиева лавра* – *the monastery of the Most Holy Trinity at Sergiev-Posad, the Holy Trinity-St. Sergius Lavra, the Trinity lavra of St. Sergius, the monastery of the Trinity and St. Sergius*. Иногда в английском переводе пропускается важный компонент наименования, являющийся определяющим в русском языке: *храм Василия Блаженного* – *the Cathedral of St. Basil*. В этом наименовании нет упоминания чина святого – *Блаженный*, что весьма важно для религиозного сознания.

С другой стороны, с точки зрения католицизма, русское словосочетание *Домский собор* тавтологично, так как *Dome* – это главный храм города, чему в православной традиции соответствует *собор*. Например: кафедральный собор – Cathedral church, а в англиканстве – minster.

Похожие проблемы возникают при переводе наименований икон.

Номинации икон классифицируются по тематическим группам и иконографическим типам. Основная классификация икон построена на принципе почитаемого и изображаемого объекта. По этому принципу выделяются: иконография Святой Троицы; иконография Спасителя;

Богородичная иконография; иконография Страстного цикла; иконография Господских праздников; иконография бесплотных сил и святых. Каждая из этих групп содержит собственную классификацию на типы, подтипы и варианты. Учитывая ограниченные возможности статьи, остановимся лишь на Богородичной иконографии.

Богородичные иконы на Руси первоначально назывались по-гречески и соответствовали иконографическому типу, затем греческие наименования переводились на русский язык. Так получались дублетные греческо-славянские наименования, одно из которых (обычно славянское) писалось в скобках: Одигитрия (Путеводительница), Панагия (Всесвятая), Елеуса (Умиление, или Милующая), Никопея (Победительница), Галактотрофуса (Млекопитательница), Привлепта (Прекрасная).

Русские редакции икон, восходящие традиционно к греческим иконографическим изводам, часто получали вторичные наименования. Чаще всего это были локативы, связанные с местностью, где эти иконы прославились чудотворением (Умиление Иверская, Умиление Владимирская, Одигитрия Смоленская, Одигитрия Казанская и т.д.), или другие дифференциаторы.

Постепенно греческое слово-номинант, указывающее на иконографический тип, в обыденной жизни при многократном повторении опускалось. Со временем из названий исчез компонент, обозначающий иконографический тип. Так как он стал второстепенным, ему на смену пришли другие, дифференцирующие, компоненты, ставшие ядерными в номинативной формуле. В результате появились новые, славянские наименования, заменившие исконные греческие. В итоге икона одного и того же иконографического типа стала известна под различными названиями. Например, к иконографическому типу Одигитрия (Путеводительница) относятся следующие иконы: *Влахернская, Грузинская, Иверская, «Троеручица», «Скоропослушница», Казанская, Козельщанская, Смоленская, Тихвинская, Ченстоховская* и другие. К

иконографическому типу Елеуса (Умиление, Милующая) относятся иконы: *Владимирская*, «*Взыграние младенца*», «*Взыскание погибших*», *Донская*, «*Достойно есть*», *Касперовская*, *Корсунская*, *Почаевская*, *Толгская*, *Феодоровская* и другие. Причем эти названия неверно было бы рассматривать как синонимы. Хотя эти иконы восходят к одному прототипу по иконографии, но в истории Церкви и в сознании верующих они становятся самостоятельными иконами, обозначают разные списки, прославившиеся разнообразными чудесами. В этом случае дается либо пословный перевод с русского, либо переводчик ограничивается указанием на иконографический тип. Например: “The Leaping of the Babe”; the Virgin “It is truly meet”; the Virgin “The Live-bearing Spring”; the Abalaskaya icon of the Mother of God of the Sign; the Virgin Hodigitria, the Virgin Hodigetria; the Virgin Eleusa; the Panagia и т.д.

Как уже говорилось выше, структура номинативной формулы всех агнонимов является многокомпонентной. Названия икон не составляют исключения. Официальная номинативная формула имеет структуру: **апеллятив (икона) + иконографический цикл (Божией Матери) + дифференциатор**: *икона Божией Матери «Нечаянная Радость»*. Порядок компонентов может меняться, например: *Феодоровская икона Божией Матери*. Дифференциатор может обозначать иконографический тип или называть многочисленные списки. Английский вариант номинации икон имеет такую же трехчастную структуру: the icon of the Virgin of the Don, the icon of the Virgin of the Tolge, the icon of the Virgin of the Tikhvin etc. Встречаются варианты с перестановкой структурных компонентов: the icon of the Virgin of the Vladimir – the Vladimir icon of the Mother of God – the icon of the Virgin Mary of Vladimir. Ядерный компонент «Божией Матери» передается как Mother of God, the Virgin или the Virgin Mary.

В период с XVII по XX вв. Богородичная иконография в России пополнилась новыми сюжетами, часто не связанными с древними иконографическими типами: икона Божией Матери «Похвала

Богоматери», «Неопалимая Купина», «Августово явление», Державная, «Спорительница хлебов» и другие. Именно такие названия вызывают наибольшие трудности при переводе. Обычно используется пословный перевод: икона Божией Матери «Неопалимая купина» - the Virgin Mary of the Burning Bush; икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость» - “Consolation of All the Afflicted (или вариант “Consolation of All Who Sorrow”); икона Божией Матери «О Всепетая Мати» - The Virgin “O Mother All-Glorified”; икона Божией Матери «Спорительница хлебов» - The Virgin “The Grower of Crops” [Азаров 2002]. Частотны варианты в наименованиях икон на английском языке: «Нечаянная радость» - “Joy Unhoped of” – “Joy Unhoped for” – “Unexpected Joy”; «Нерушимая Стена» – “The Inviolable Wall” – “The Indestructible Wall”. Наличие вариантов при переводе свидетельствует об отсутствии традиции в наименовании православных икон на английском языке, что свидетельствует о неразработанности английской православной терминологии, объясняемой малой распространенностью Православия в англоязычных странах.

Даже краткий обзор общих проблем, существующих при переводе религиозных текстов, позволяет сделать вывод о том, что необходимо уделять особое внимание анализируемой лексико-семантической группе при подготовке переводчиков, гидов-экскурсоводов, культурологов, религиоведов.

Литература:

1. Азаров, А.А. Русско-английский словарь религиозной лексики (с толкованиями) / А.А. Азаров. – М.: РУССО, 2002. – 768 с.
2. Бугаева, И.В. Агионимы в православной среде: структурно-семантический анализ: Монография / И.В. Бугаева // – М.: ФГОУ ВПО РГАУ – МСХА им. К.А. Тимирязева, 2007. – 138 с.

3. Станкова, Т.Ю. Структурные особенности словосочетаний типа “St. Paul” в английском языке / Т.Ю. Станкова // Мир Православия. Сб. научн. ст. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 1997. – С.127-130.

The article is devoted to theoretical and applied problems of studying of one lexico-semantic group - to the proper names connected with a category of sacred. In theoretical aspect structural-semantic formulas hagionyms, hagiotoponyms and names of icons are described. Applied character has the analysis of features of translation of sacral proper names on English.

Булыгина Е.Ю, Трипольская Т.А.
Новосибирский государственный педагогический университет
(Россия)

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НАИМЕНОВАНИЙ НАСЕКОМЫХ В РУССКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

К изучению национально-культурных особенностей, воплощенных в языковых структурах, привлекаются различные фрагменты лексической системы. Особое внимание в сопоставительных исследованиях уделяется безэквивалентной лексике, а также вторичной номинации, а именно метафоре, в которой отражаются логические и мифологические черты национального менталитета. Так, зооморфная метафора неоднократно становилась объектом изучения в русском, английском и французском языках (Гутман, Литвин, Черемисина 1977; Рыжкина 1979 и др.). Наименования насекомых и связанные с ними символические значения в художественной картине мира изучены лучше современным литературоведением (С.Г. Бочаров, В.В. Мароши, Н.Е. Меднис и др.), в сопоставительных лингвистических исследованиях они специально не рассматривались, а именно эта лексическая группа оказывается весьма актуальной и интересной с позиций когнитивной лингвистики, лексикографии, а также теории и практики перевода.

В статье рассматриваются метафорические номинации, весьма значимые для русской наивной и художественной картин мира и являющиеся элементом европейской (в частности итальянской) литературной традиции: *стрекоза, муравей, жук, цикада, сверчок, комар, муха, бабочка, блоха, клещ* и др. Особенности наименований *стрекоза (цикада, сверчок)* и *муравей* в русской и европейской басенных традициях были рассмотрены в статье (Булыгина, Трипольская 2008).

Цель настоящей работы – выявить основные метафорообразующие признаки в семантической деривации наименований насекомых в двух языках. Даже первичная обработка материала позволяет выдвинуть гипотезу о том, что, во-первых, лексемы тематической группы энтомонимов в обоих языках обладают значительным метафорическим потенциалом, во-вторых, семантические признаки, положенные в основу метафоры, несмотря на частичное совпадение, имеют национально-культурные особенности в русском и итальянском языках. Исследование механизмов метафоризации позволяет вскрыть глубинные особенности национальных картин мира.

Именно национально-культурный компонент представляет особую трудность при переводе номинаций, обладающих в разных языках специфическими коннотациями, незнание которых ведет к коммуникативным помехам/сбоям/конфликтам.

Коннотация нами понимается в широком смысле, вслед за В.Н.Телия, как «любой компонент, который дополняет предметно-понятийное <...> содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим знанием говорящих на данном языке, с эмоциональным или ценностным отношением говорящего к обозначаемому, <...> с социальными отношениями участников речи и т.п.» (Телия 1990, 236).

В контексте настоящего исследования наиболее значимым представляется национально-культурный компонент как один из способов хранения и транслирования культуры. С точки зрения А. Вежбицкой, в языке отражаются не только особенности природных условий или культуры, но и своеобразие национального характера его носителей (Вежбицкая 1996).

Логика когнитивно-сопоставительных исследований предполагает обращение к лексикографическим источникам, дискурсу и результатам психолингвистического эксперимента. Мы располагаем выборкой из словарей русского и итальянского языков, контекстной выборкой из ruscorpora.ru¹, а также результатами свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с русскими и итальянскими информантами.

Сразу отметим, что современные толковые русские словари фиксируют метафорическое значение у слов: *стрекоза* – о живом, подвижном ребенке, непоседе, преимущественно о девочке; *жук* – ловкий человек, плут; *божья коровка* – прост. О безобидном, тихом человеке, не умеющем постоять за себя; *гнида* – прост., бран. О ничтожном, мерзком человеке; *клоп* – разг., шутол. О маленьком ребёнке, малыше; *наук* – разг. о том, кто жестоко эксплуатирует кого-либо (МАС 1981 – 1984). Так же непоследовательно отражаются метафорические значения и в итальянских толковых словарях: *calabróne* (шмель, шершень) – [famigliare] corteggiatore importune; *farfàlla* (бабочка) – [in senso figurato] persona di carattere volubile e leggero и др. (Garzanti, Olivetti).

В итальянском языке у слова *libellula* (стрекоза) не фиксируется никаких переносных значений так же, как и у слова *formica* (муравей). Несмотря на отсутствие в словарях метафорических значений у названных слов, они, как и другие зоонимы, обладают большим метафорообразующим потенциалом. Так, в словообразовательных дериватах *formica* реализуются переносные значения, частично

---

¹ Примеры взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

пересекающиеся в двух языках: *formicaio* – муравейник, *stuzzicare il formicaio* (fig.) – разворошить муравейник, нарушить покой; *formicolante* – кишаший; *formicolare* – кишеть, изобиловать (пестреть ошибками и рябить в глазах); *formicolio* – мурашки по телу, онемение. В двух культурах можно соотнести общие метафорообразующие признаки: «много», «медленно», «мелкий, маленький».

Особый интерес вызывают ассоциации, никак не соотносимые в двух языках, составляющие национально-культурную специфику: *cervello di formica* (муравьиный ум) в итальянском языке и *куриные мозги* в русском языке; *a passo di formica* («муравьиным шагом») и *ползти как черепаха* в русском языке; *formicolare* (пестреть ошибками) – в русском языке характеристика письменного текста со множеством ошибок никак не связана с образом муравья, множества насекомых, хотя есть выражение *мушки мелькают в глазах* в значении «рябит в глазах».

Современные русские словоупотребления свидетельствуют о частотности речевых метафор от энтомонимов: *муравей, комар, муха, паук, таракан, клоп, вошь, бабочка, стрекоза и др.* и богатстве общеязыковых коннотаций, связанных с этими словами. Достоверность этих наблюдений подтверждается и данными Русского ассоциативного словаря (РАС 2002). В сознании носителей русского языка закреплены следующие ассоциативные связи: *муравей* – бабочка, **абсолютный, безвредный, безмозглый**, маленький, **медленный, ничтожный**; *муравьи* – люди; *муравейник* – город, институт, очередь, люди; *комар* – **настырный, безвредный, ничтожный**, паук; *паук* – запутывать, наука, висеть, стебель, черный; *жук* – паук, бабочка, черный, **надутый, старый, экономный, настырный, муж**, ползти; *клоп* – **надутый, ничтожный, пустоголовый**, взрослый, паук; *бабочка* – цветок, девочка, нарядный, паук, пчела; *таракан* – паук, бабочка, ползти, **безвредный, безмозглый** и др.

РАС свидетельствует о том, что в картине мира среднего говорящего актуальными являются метафорические значения слов *муравей, комар, паук, бабочка* и др. (см. выделенные выше слова-стимулы).

Подобная ситуация наблюдается и в итальянском языке, о чем свидетельствует свободный ассоциативный эксперимент с русскими и итальянскими информантами. Результаты эксперимента демонстрируют богатый метафорический потенциал слов анализируемой тематической группы, а также сходство и различие в механизмах метафорообразования. Ср.:

Pulce – Блоха

Итальянские информанты

1. Назойливый, докучливый человек: *attaccata come una pulce* (пристаёт, как блоха); *una persona appiccicosa che ti sta sempre attaccata addosso e che è fastidiosa*¹ (назойливый, надоедливый, прилипчивый, приставучий).
2. Незначительный человек: *pulce è un essere insignificante un uomo o donna di poco valore* (обозначает мужчину и женщину, мало значимых); *vuol dire di persona piccola, essere usato in modo offensivo... di persona piccola non solo di statura ma adì carratere* (обозначает незначительного человека, используется в качестве оскорбления; «мелкий» не по телосложению, а по характеру).
3. Прозвище ребёнка: *chiamo così i bambini molto piccoli; uno «piccoletto»; sei piccolo come una pulce* (маленький, как блоха; так называют очень маленьких детей).
4. Бранное слово: *in modo offensive* (оскорбление); *per offendere un a persona «sei proprio una pulce»* (чтобы оскорбить какого-нибудь человека, говорят: «Ты в самом деле блоха!»); *si alle volte la uso, che è un buono a Niente* (в нём мало хорошего).

---

¹ Курсивом выделены ответы информантов; смысловые реакции расположены по мере убывания их частотности.

5. Имеющий маленький рост или вес: *si indica una persona molto piccola come corporatura, «piccola come una pulce»* (человек, небольшой по телосложению); *una persona fisicamente piccola, sei piccolo come una pulce* (ты маленький, как блоха).

Русские информанты

1. Подвижный, суетливый человек: *подвижный человек; излишне суетлив, глуп; скачет, как блоха; юркий, быстрый; излишне вертлявый человек; слишком активный человек; быстро передвигается; скачет, как блоха.*
2. Активный ребёнок: *резвый, неуловимый, постоянно перемещается, обращение к ребёнку; бросились врассыпную, как блохи; разогнались, как блохи; беспокойный, маленький, суетливый.*
3. Ничем не примечательный человек: *незаметный человек, посредственный.*

Зесса – Клещ

Итальянские информанты

1. Надоедливый, навязчивый, назойливый человек: *attaccata come una zecca che non si stacca, legata* (пристаёт, как клещ, кого нельзя просто так оторвать); *la persona è «appiccicosa», cioè si attacca a me in modo fastidioso* (прилипала, который всё время липнет, назойливый, надоедливый); *persona che si apiccica agli altri senza staccarsi mai di dosso* (человек, который всё время «липнет» к другим без перерыва); *perche io posso anche dire zecca a una persona, posso dire mi stai addosso come una zecca* (ты прилип, как клещ); *zecca è una persona appiccicosa, uno che ti sta sempre addosso che non ti lascia mai sola* («приставучий» человек, который не оставит тебя в покое).
2. Скупой человек, стремящийся к наживе: *come pidocchio* (как вошь); *si intende più o meno quello che si intende con “pidocchio”, ma con l’aggravante di una persona che sfrutta, che cerca di portarti via tutto (soprattutto denaro)* (используется как слово «вошь», но со значением «о человеке, который

использует, ищет все, что можно было бы унести»); *oppure potresti dire che sei turchio come un pidocchio turchio = avaro* (жадный, как вошь; скряга).

Русские информанты

1. Надоедливый, навязчивый, прилипчивый человек: *человек, который сильно привязывается к тебе, прилипла; вцепился, как клещ; приставающий, докучает, надоедливый; пристал, как клещ; гадкий, назойливый, вредный; когда навязывают свою идею; настырный, привязчивый, приставающий; очень навязчивый человек, нетактичный; не отстаёт.*

2. Человек, живущий за счёт других, использующий других людей в своих целях: *хваткий человек, не упустит своей выгоды, вырвет силой своё; вцепился, как клещ; паразит; живёт за счёт другого человека; с сильной хваткой; наглый; присосался, как клещ; цепкий, хитрый, хваткий, добивается своего.*

3. Упорный, настырный: *настойчивый, способный подавить волю; въедливый, пока своего не добьётся, не отстанет; цепкий, дотошный.*

Можно выделить общие направления метафоризации в русском и итальянском языках: поведение насекомого, особенности передвижения, размер, звуки, им издаваемые, принадлежность к классу паразитов, внешний вид и др. Например, *клещ* – *zessa* употребляется в обоих языках при характеристике надоедливого, навязчивого, прилипчивого, а также скупого человека, ищущего выгоды и использующего других в своих целях. См. также: *moscerino* (мошка) «о мелком, незначительном человеке»; *farfalla* (бабочка) «о внешне привлекательной женщине; изящной, грациозной, милой, очаровательной, движущейся с лёгкостью девушке; а также о девушке лёгкого поведения».

Чаще же смысловый объём вторичных номинаций существенно отличается в двух языках. Так, у *cavalletta* информанты отмечают следующие значения: 1) активное, быстрое перемещение: *sempre in viaggio*, *che si sposta sempre* (всегда в пути, всегда в движении); *una che salta*

(прыгает); *uno che saltella, uno che fa saltelli cammina saltellando* (подпрыгивает, поэтому походка пружинистая); *salti come una cavalletta* (прыгаешь, как саранча); 2) непостоянный человек: *una persona che cambia idea facilmente* (человек, который меняет своё мнение с лёгкостью); *che cambia "colore" e di conseguenza "volubile"* (меняет цвет и, следовательно, переменчивый, непостоянный); *che salta da una cosa all'altra* (кто прыгает от одной вещи к другой, то есть перескакивает с одной темы на другую); 3) прожорливый человек: *stai mangiando come una locusta* (ест, как саранча); *piu o meno uguale anche quelle molto appetite* (тот, у кого чрезмерный аппетит).

Русская метафора *саранча* актуализирует значения: 1) прожорливый, ненасытный, наглый, бесцеремонный человек: *очень прожорливый человек; друзья приходят в гости и поедают всё съестное; поиграем в «саранчу» (шутл.); обжора; наглый, ненасытный в еде и не только; напали на еду, как саранча; непредвиденные родственники; налетели, как саранча, сожрали всё на празднике;* 2) о большом скоплении людей: *их много, как саранчи.*

Кроме того, общие метафорические смыслы могут иметь разный статус в семантической структуре полисеманта в разных языках. Ср.: в лексеме *cavalletta* (саранча) значение «о прожорливом человеке, который много и быстро ест» занимает периферийную позицию, а в русской метафоре это ведущая семантическая составляющая.

В двух языках выделяется ряд энтомонимов, метафорические значения которых практически несоотносимы: *pidocchio* (вошь), *ape* (пчела), *scarafaggio* (таракан), *grillo* (кузнечик) и др. Ср., например, у энтомонима *scarabeo* (жук) итальянские информанты отмечают только одно переносное значение «*piccolo e robusto*» (*маленький и коренастый; крепкого телосложения*), а в русском языке метафорическое значение этого энтомонима многогранно: *хитрый, коварный человек, ищущий*

выгоды; бранное слово (вредный, «жук навозный», мерзкий человек); усатый мужчина.

Таким образом, смысловой объем русских и итальянских метафор, образованных от энтомонимов, обнаруживает как существенные точки пересечения, так и вполне значимые различия, связанные как с денотативным, так и коннотативным содержанием вторичной номинации. Сопоставительный анализ метафорических номинаций предполагает и исследование механизма метафоризации, которое связано с выявлением метафорообразующих признаков, положенных в основу семантической деривации. Как и всякая зооморфная метафора, энтомонимы в большинстве случаев характеризуют негативные качества человека (ничтожность, назойливость, паразитизм, легкомыслие, скупость и др.) и используются как бранное слово. Чаще всего в качестве бранных употребляются наименования насекомых-паразитов: *вошь, гнида, клоп* в русском языке и *pidocchio* (вошь), *pulce* (блоха), *moscerino* (мошка) и др. в итальянском языке. Востребованным для образования крайне отрицательного оценочного значения является общий для русского и итальянского языков признак «маленький размер», на базе которого формируется метафора «о ничтожном, незначительном человеке»: *муравей, мошка, тля, вошь, гнида, червяк* и др. в русском языке; *scarafaggio* (таракан), *formica* (муравей), *lendale* (гнида) и др. в итальянском языке.

Семантико-прагматическое исследование метафорических номинаций дает возможность выделить ведущие метафорообразующие признаки энтомонимов в русском и итальянском языках: в итальянском доминирующим образом, связанным с номинациями насекомых, является **звуковой** (трещать, стрекотать, зудеть, издавать звуки крыльями): *cicala* (цикада), *zanzara* (комар), *grillo* (кузнечик). В образовании звуковых метафор большое значение имеет так называемая первичная образность, внутренняя форма слова, связанная с имитацией звуков, издаваемых

насекомыми (жужжание мух и пчел, стрекотание цикад и сверчков, звон/зуд комара и др.).

Так, доминантными характеристиками для метафор *cicala* и *grillo* (кузнечик, цикада, сверчок) являются звуковые (петь, стрекотать, говорить много и быстро, болтать) образы, а также очень важной чертой, связанной с пением цикады, является смена сезонов (лето, осень). Ср.: *Cicala*. 2. Перен. Болтун, надоеда, прилипала (прост.); *cicalare* – болтать, стрекотать, судачить; *cicalata* – скучная, бесконечная болтовня; *cicaleccio* – болтовня, стрекотня; *cicalio* – непрерывная болтовня; *cicalone* – болтун, тараторка (разг.) (Зорько, Майзель 2002).

Подобный механизм метафоризации наблюдается у *zanzara* (комар), *mosca* (муха), *calabrone* (шмель, шершень) «о человеке назойливом, болтливом, докучливом». Показательно, что в русском языке *комар*, *муха*, *кузнечик*, *пчела* не развивают звуковых метафор, хотя, например, первообраз слова *кузнечик* связан с кузницей и наковальней, а *пчела* – с бьчела, бычать (бык). Характеристика манеры человеческой речи в русском языке передается, как правило, с помощью других зооморфных образов (*сорока*, *стрекотать*, *мычать*, *блеять*, *зудеть*, *рычать*, *трещать*, *чирикать*, *свиристеть* и др.).

Ведущим признаком, формирующим метафоры от анализируемых энтомонимов в русском языке, является **зрительный** (*стрекоза* – легкая, грациозная, глазастая, подвижная; *кузнечик* – худой, сухопарый, острые коленки, *пчела* – трудолюбивая). Кроме того, номинация *стрекоза* также развивает зрительную метафору «о живом, подвижном ребенке, непоседе, преимущественно о девочке» (напомним, что этимологически *стрекоза* связана с глаголом *стрекать* «прыгать, спешить»).

Интересным в аспекте дальнейших исследований представляется анализ гендерных смыслов у семантических дериватов энтомонимов, а также сопоставительное изучение наименований насекомых в национальной и художественной картинах мира.

Подведем некоторые итоги. В ходе сопоставительного анализа выявлены принципы актуализации тех или иных признаков первичных номинаций насекомых как метафорообразующих в русской и итальянской картинах мира. Одни и те же признаки, присущие объекту первичной номинации, оказываются востребованными или невостребованными при формировании метафоры тем и другим языком. Отличия чаще всего обусловлены спецификой наивной картины мира, в которой отражаются, переосмысляются, достраиваются сложившиеся семантические стереотипы. Именно на этом глубинном уровне выявляются языковые универсалии и обнаруживается национально-культурная специфика исследуемых языков.

Выявленные в ходе анализа особенности лексических единиц могут быть полезны в практике перевода и при комментировании художественного текста, а также должны быть учтены при создании двуязычных словарей нового поколения.

Литература:

1. Большой итальянско-русский словарь / Зорько Г.Ф., Майзель Б.М., Скворцова Н.А. М., 2002. – 1019 с.
2. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Национально-культурный компонент в семантике наименований насекомых в русском и итальянском языках //Образы Италии в русской словесности. Томск, 2008. С. 342–352.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. – 411 с.
4. Гутман Е.А., Литвин Ф.А., Черемисина М.И. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского и французского языков)// Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977. С. 147-166.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. 2-е изд., испр. и доп. М., 1994. – ТСОШ.

6. Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Ю.Н.Караулов, Г.А.Черкасова, Н.В.Уфимцева, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов. М., 2002. – РАС.
7. Рыжкина О.А. Системное исследование зооморфизмов в русском языке (в со-поставлении с английским). – Дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1979. – 329 с.
8. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П.Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984. – МАС.
9. Телия В.Н. Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. – 683 с.
10. Il dizionario della Garzanti e Il glossario italiano della Olivetti <http://www.dizionario-italiano.it/>

Current article is devoted to the revealing of the basic mechanisms of metaphorization of insects' names in Russian and Italian languages. This lexical group appears to be rather actual and interesting from the positions of cognitive linguistics, lexicography and translation studies.

During the comparative analysis the principles of actualization of primary nomination signs of insects' names as metaphor-building ones in Russian and Italian pictures of the world are discovered. The same signs inherent to the object of primary nomination tend to be claimed or not claimed in metaphor formation by one and other language. Differences are caused mostly by the specificity of the naive picture of the world in which already formed semantic stereotypes are reflected, reinterpreted and reconstructed. At this deep level language universals become clear as well as national and cultural specificity of the investigated languages.

Быдина И.В., Невзорова М.
Волгоградский государственный педагогический университет
г. Волгоград (Россия)

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ

Как известно, одним из основных законов построения поэтического текста является закон *ассоциативно-смыслового взаимодействия слов*. Причем, для стихотворной речи характерна эстетическая заданность направления ассоциаций. Слова в поэтическом произведении, благодаря их ассоциативной связи, приобретают в контексте стихотворения новые смыслы, адекватно описывающие возможный мир поэта. Ведущие ассоциации задаются ключевыми словами стихотворения, которые синтагматически и парадигматически сближаются с другими лексемами, входящими в поэтический текст, образуя его лексическую структуру.

Под *лексической структурой поэтического текста* мы понимаем коммуникативно ориентированную на адресата, концептуально обусловленную ассоциативно-семантическую сеть. Во-первых, необходимо обратить внимание на *коммуникативную ориентацию* лексической структуры поэтического текста. Это особая, нацеленная на восприятие адресата организация лексических элементов, которая предполагает определенную систему их контекстуального выдвижения. В качестве наиболее распространенных приемов контекстуального выдвижения концептуально значимых лексических элементов поэтического текста можно назвать такие приемы, как помещение ключевого слова в название, а также разнообразные виды повторов лексических единиц (как известно, механизм повтора лежит в основе различных стилистических фигур). Например, и в русском варианте, и в тексте-перевode на английский язык стихотворения Бориса Пастернака «Зимняя ночь» ключевые слова, задающие основные направления ассоциативного развертывания смысла этого произведения, вынесены автором в название. Кроме того, и автор, и, соответственно, переводчик используют в этом случае и другой прием выдвижения концептуально обусловленных лексических элементов – повтор: в стихотворении трижды

повторяются строки «Свеча горела на столе, / Свеча горела» – «A candle burned upon the table, / A candle burned».

Во-вторых, из определения лексической структуры поэтического текста следует, что это *ассоциативно-семантическая сеть*. А это означает, что лексическая структура поэтического текста организуется по сетевому принципу с учетом различных связей лексических единиц как «по горизонтали», т.е. в соответствии с линейным развертыванием текста, так и «по вертикали», т.е. с учетом ассоциативно-семантических переключек дистантно удаленных лексических единиц.

Например, компоненты лексической структуры стихотворения Бориса Пастернака «Никого не будет в доме...» связаны как синтагматически, т.е. «по горизонтали», так и парадигматически, т.е. «по вертикали». Сравним русский и английский варианты текста:

Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. **Один**
Зимний день в сквозном проеме
Незадернутых гардин.

Только **белых мокрых комьев**
Быстрый промельк **моховой**,
Только крыши, **снег**, и, кроме
Крыш и **снега, никого**.

И опять зачертит **иней**,
И опять завертит мной
Прошлогоднее **унынье**
И дела **зимы** иной.

И опять кольнут донине
Неотпущенной виной,
И окно по крестовине
Сдавливает голод дровяной.

Но неожиданно по портьере
Пробежит сомненья дрожь,-
Тишину шагами меря.
Ты, как **будущность**, войдешь.

Ты появишься из двери

В чем-то белом, без причуд,
В чем-то, впрямь из тех материй,
Из которых **хлопья** шьют.

There'll be **noone** in the house
Save for twilight. All **alone**,
Winter's day seen in the space that's
Made by curtains left undrawn.

Only flash-past of **the wet white**
Snowflake clusters, glimpsed and gone.
Only roofs and **snows**, and save for
Roofs and **snow – no one** at home.

Once more, **frost** will trace its patterns,
I'll be haunted once again
By my last-year's **melancholy**,
By that other **wintertime**.

Once more I'll be troubled by an
Old, unexpiated shame,
And the icy firewood feminine
Will press on the window-pane.

But the quiver of intrusion
Through those curtain folds will run
Measuring silence with your footsteps,
Like **the future**, in **you**'ll come.

You'll appear there in the doorway
Wearing **something white and plain**,
Something in the very stuff from
Which the **snowflakes** too are sewn.

Ключевые слова «зимний день» и «ты» задают основные направления ассоциативного развертывания смысла этого поэтического произведения. Мы выделили две *ассоциативные параллели*, под которыми понимается соотнесенность ключевого слова с одним текстовым смыслом: *зима (зимний день) – одиночество, ты – светлое будущее*. Первая ассоциативная параллель организуется, прежде всего, благодаря синтагматической связи слов в пределах одной строфы. Например, в

пределах первой строфы связаны компоненты «никого» – «один» – «зимний день». В тексте перевода этого стихотворения на английский язык, выполненного Алексом Миллером, можно увидеть то же самое: «no one» – «alone» – «Winter's day». Во второй строфе названная ассоциативная параллель организована уже на уровне парадигматики: здесь создается ассоциативно-семантическая переключка ключевого слова «зима» со сверхсловным ассоциатом «белых мокрых комьев быстрый промельк моховой» и со словом «снег» (повторенном дважды), затем появляется лексема «никого», завершающая ассоциативную связь ключевого слова со смыслом *одиночество*. Обратим внимание, как переводчик стремится передать лексическими средствами эту ассоциацию: «flash-past of the wet white snowflake clusters, glimpsed and gone» (буквальный перевод: «отблески (вспышки) мокрых белых гроздей хлопьев, мерцающие и летящие») – «snows», «snow» – «no one». В третьей строфе также продолжает развиваться ассоциативная параллель *зима* – *одиночество*: синтагматически сближаются в пределах одной строфы и одного предложения ключевое слово «зима» с ассоциатом «иней» (в переводе на английский буквально: «wintertime» и «frost»). На ассоциацию со смыслом *одиночество*, на наш взгляд, косвенно указывает существительное «уныние». Английский перевод в данном случае не буквальный – «melancholy», но, тем не менее, передающий нужную ассоциацию. В следующей строфе с ключевым словом «зима» парадигматически сближается сверхсловный ассоциат «И окно по крестовине / Сдавиг голод дровяной». В английском переводе получилась даже более явная ассоциация с ключевым словом: «And the icy firewood femine / Will press on the window-pane» (буквальный перевод: «И снежная нехватка дров / Отпечатается на оконном стекле»). На ассоциацию со смыслом *одиночество* косвенно указывают, как нам представляется, первые две строки данной строфы, в особенности сверхсловный ассоциат

«неотпущенная вина» – в переводе «Old, unexpiated shame» («старый, неискупленный стыд»).

Вторая ассоциативная параллель *ты – светлое будущее* также организована благодаря синтагматическому и парадигматическому сближению лексических элементов в пятой и шестой строфе. Переводчик также не всегда прибегает к буквальному переводу, но стремится, прежде всего, передать нужную ассоциацию.

Наконец, обратим внимание еще на одно качество лексической структуры поэтического текста – ее *концептуальную обусловленность*. Дело в том, что лексические элементы стихотворения, их связи и отношения зависят от коммуникативного намерения автора и общей целевой программы текста. Концептуальная обусловленность лексической структуры текста объясняет наличие в поэтическом произведении не только стандартных связей и отношений лексических элементов, но и оригинальных, присущих именно этому автору. Как показало проведенное нами исследование, в поэтическом тексте как раз преобладают не типовые, а *индивидуально-авторские* ассоциативно-семантические связи слов, реализующиеся не только «по горизонтали», т.е. в синтагматике, но и «по вертикали», т.е. в парадигматике. Именно в связи с этим возникает вопрос о возможности адекватного воспроизведения лексической структуры поэтического текста при его переводе на другой язык. В идеале переводчик должен добиться эффекта возникновения у читателей переводного текста тех же ассоциаций, что и у читателей текста оригинала.

Сопоставим текст стихотворения Бориса Пастернака «Февраль. Достать чернил и плакать!» с его переводом на английский язык, выполненным Алексом Миллером:

Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною **черною** горит.

Достать пролетку. За шесть гривен,

Чрез благовест, чрез клик колес,
Перенестись туда, где **ливень**
Еще шумней **чернил и слез**.

Где, как **обугленные** груши,
С деревьев тысячи **грачей**
Сорвутся в **лужи** и обрушат
Сухую грусть на дно очей.

Под ней **проталины чернеют**,
И ветер криками изрыт,
И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.

February. Get ink, shed tears.
Write of it, **sob** your heart **out**, sing,
While torrential **slush** that roars
Burns in **the blackness** of the spring.

Go hire a buggy. For six grivnas.
Race through the noise of bells and wheels
To where **the ink** and all **you grieving**
Are muffled when the **rainshower** falls.

To where, like pears **burnt black as charcoal**,
A myriad rooks, plucked from the trees,
Fall down into the **puddles**, hurl
Dry sadness deep into the eyes.

Below, **the wet black earth shows** through,
With sudden cries the wind is pitted,
The more haphazard, the more true
The poetry that sobs its heart out.

Ключевое слово стихотворения – «февраль» – задает основные направления ассоциативного развертывания смысла этого поэтического произведения. Мы выделили три *ассоциативные параллели*: **февраль – творчество**, **февраль – черный цвет**, **февраль – вода**. Индивидуально-авторской мы считаем, прежде всего, первую ассоциативную параллель **февраль – творчество**. Дело в том, что в русской поэтической традиции со времен Пушкина пора творчества, вдохновения связана, как известно, с

другим временем года – осенью. Что касается двух других ассоциативных параллелей *февраль – черный цвет* и *февраль – вода*, то можно сказать, что они, безусловно, основаны на более очевидных ассоциациях. Конечно, февраль в средней части России и на юге, как правило, связан с таянием снега, что означает обилие воды. Легко объяснить и цветовую ассоциацию: благодаря таянию снега в феврале появляется мокрая черная земля. Однако эти ассоциации не подтверждаются ни данными ассоциативного и поэтических словарей, ни проведенным нами ассоциативным экспериментом. Так что мы вправе отнести ассоциации *февраль – черный цвет* и *февраль – вода* к индивидуально-авторским. Алекс Миллер, как нам представляется, в основном справляется с передачей в переводном тексте индивидуально-авторских ассоциаций из текста-оригинала. Однако не обошлось здесь и без промаха. Последняя доминантная строка стихотворения – «Слагаются стихи навзрыд» – объединяет две ассоциативные параллели: *февраль – творчество* и *февраль – вода* (ассоциат «навзрыд» входит в обе ассоциативные параллели). Переводчик же упускает эту связь: «The poetry that sobs its heart out», что означает буквально: «Поэзия, что вырывается из сердца».

Таким образом, сопоставляя переводы поэтических произведений Бориса Пастернака на английский язык, выполненные Алексом Миллером, с оригиналами, мы пришли к выводу, что в подавляющем большинстве случаев переводчик адекватно воспроизводит лексическую структуру переводимого произведения. Однако при этом не всегда А. Миллер прибегает к буквальному переводу того или иного слова из текста-оригинала и, кроме этого, зачастую добавляет в перевод что-то «от себя». Подобные «вольности» в переводе эстетически оправданны только в том случае, если они не нарушают направление ассоциативного развертывания художественного смысла, заданного в тексте-оригинале.

РУССКО-БОЛГАРСКИЙ МОРСКОЙ СЛОВАРЬ – НЕОБХОДИМЫЙ КОМПОНЕНТ МОРСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БОЛГАРИИ

По словам Ю.Д.Апресяна (Апресян, 1999), осознание особой роли словаря как проводника культуры и одновременно ключа к ней привело к беспрецедентному всплеску лексикографической активности в послевоенной Европе и Америке. Это тем более актуально в современном мире с расширением культурных и экономических контактов между странами и народами, когда намечается возрастающее значение особых профессиональных языков.

Отличительная черта всей современной лексикографии – синтез филологии и культуры в широком смысле слова. В этой связи, главной проблемой при разработке оптимальной стратегии создания новых словарей, отвечающих современным требованиям, становится проблема обоснованности словарей как с точки зрения их состава, так и в плане адекватности подаваемой в них информации (Городецкий, 1983).

Морское образование в Болгарии связано с изучением русского языка с самого начала своего существования (с 1881 г.). Поэтому создание Русско-болгарского морского словаря является актуальной задачей, вызванной широким применением русского языка в этой области жизни и экономики.

Задуманный проект словаря будет включать основную военно-морскую и морскую лексику в области судовождения и судомеханики, военно-политической области и морского бизнеса. При создании словаря и отбора лексики учитываются прежде всего частотность и актуальность употребления – источником словарного состава является в основном специализированная литература и периодика в этой области, являющиеся основным объектом пользования болгарских специалистов.

Ключевым понятием в теории лексической семантики является принцип минимального толкования. В соответствии с этим принципом

семантическое описание каждой лексической единицы должно включать те, и только те, признаки, которые отличают ее от всех остальных лексических единиц данного языка (Филлмор, 1983). Учитывая указанные положения, предусматриваем следующую структуру словарной статьи:

I. Название слова/термина в алфавитном порядке.

II. Грамматическую характеристику слова – чтобы лингвистическое описание языка в целом было эффективным, необходимо добиться максимальной согласованности лексикографического и грамматического описаний; это значит, что лексическим единицам в словаре следует явным образом приписать все те свойства, обращения к которым требуют правила грамматики (Апресян, 1999:3).

1. Имена существительные приводятся в форме И.п. ед.ч., к ним даются окончания Р.п. и сокращенно указывается род существительного: *движитель, -я, м.р.; осадка, -и, ж.р.; счисление, -я, ср.р.* Указание только окончания Р.п. означает, что все остальные падежные формы образуются согласно общим правилам и сохраняют то же место ударения. Если некоторые формы отступают от общих правил по образованию или месту ударения, то это отмечается: *путь, -и, м.р., Д пути, Т путём, П (в) пути.* При наличии у существительного двух падежных окончаний, которые в сочетании данного существительного с другими словами употребляются для различения оттенков или значений, указываются оба окончания: *порт, -а, м.р., П о порте, в порту; ход, -а, м.р., П о ходе, на ходу.* Если при образовании форм мн.ч. имеются отклонения от самых общих правил, то приводится форма И. и Р.п. мн.ч.: *якорь, -я, м.р.; якоря, -ей; балка, -и, ж.р.; Рмн. балок; судно, -а, ср.р., суда, -ов.* Пометой *Pl.t.* сопровождаются существительные, употребляющиеся только во мн.ч.: *сутки, Р суток, Pl.t.*; пометой «*неизм.*» - несклоняемые существительные: *реле, неизм., ср.р.*

2. Имена прилагательные приводятся в полной форме И.п. м.р., следуют окончания остальных форм в И.п.; если прилагательное имеет

краткую форму, она приводится в м.р. вместе с окончаниями остальных форм: *одинаковый, -ая, -ое, -ые; одинаков, -а, -о, -ы.*

3. В словарной статье, посвященной глаголу, приводится видовая пара (форма НСВ на первом месте). После инфинитивной формы приводятся личные окончания 1 и 2 л. ед.ч. и 3 л. мн.ч.: *предусматривать, -ваю, -ваешь, -вают /предусмотреть, -ю, -ишь, -ят.* Если при образовании форм прошедшего времени наблюдаются морфологические изменения, после личных окончаний настоящего/будущего простого времени приводятся формы прошедшего времени: *войти, -йду, -дёшь, -дут; прош.вр. вошёл, -ла, -ло, -ли.*

4. Наречия, как неизменяемые слова, представлены с пометой “нареч.”: *иногда, нареч.*

III. Определение/толкование термина – в чем реализуется стремление преодолеть чисто филологическое описание слова и перейти к цельному описанию слова-понятия с привлечением элементов энциклопедического знания;

IV. Сочетаемость – наличие этой информации является очень важным при активном овладении языком; приводятся частотные свободные, а также фразеологические сочетания (если имеются):

1. Если заголовочное слово имя существительное, то оно даётся в сочетании:

1.1. с прилагательными: (не)большой, (не)значительный, (наи)большой, (наи)меньший, допустимый, предельный, гидравлический, механический, естественный, коррозионный, скоростной ... ИЗНОС;

1.2. с другими существительными:

а) заголовочное слово – управляющее: ИЗНОС деталей, зубьев, подшипников, механизмов, обшивки..., ИЗНОС во время эксплуатации;

б) заголовочное слово – управляемое: увеличение, уменьшение, величина ... ИЗНОСА, борьба ... С ИЗНОСОМ;

1.3. с глаголами (сначала с переходными, затем с непереходными, при которых данное существительное является соответственно прямым или косвенным дополнением, а иногда обстоятельством): увеличить, уменьшить, повысить, понизить, устранить, рассчитать, подсчитать, учесть ... ИЗНОС; избежать...ИЗНОСА; подвергать(ся) ... ИЗНОСУ; делать что-л. ВО ИЗБЕЖАНИЕ ИЗНОСА; происходить... ЗА СЧЁТ ИЗНОСА.

2. Если заголовочное слово имя прилагательное, то оно приводится в сочетании:

2.1. с И.п. существительных, сгруппированных по смысловой и тематической близости: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ рост, развитие, достижения, отношения, характеристики, эффективность..., В ЭКОНОМИЧЕСКОМ отношении;

2.2. с другими падежами существительных, т.е. в сочетаниях, в которых прилагательное является управляющим словом: РАВНЫЙ по объёму, ОДИНАКОВЫЕ по мощности;

2.3. с примыкающими к нему наречиями: очень, весьма, чрезвычайно ... МОЩНЫЙ;

2.4. с управляющими им глаголами: быть, являться, становиться, казаться, оказаться, считаться, считать что-л. ЭФФЕКТИВНЫМ.

3.Глаголы приводятся в сочетании:

3.1. с существительными и неопределенной формой глаголов в роли прямого дополнения: ДОПУСТИТЬ перегрузку, маневрирование, отклонение....; ДОПУСТИТЬ повысить, понизить, изменить, уменьшить, улучшить, осуществить что-л.;

3.2. с существительными и неопределенной формой глагола в роли косвенного дополнения: ОБЕСПЕЧИВАТЬ кому? потребителям, заказчикам, грузоотправителям...; ОБЕСПЕЧИВАТЬ чем? топливом, паром, энергией, сырьём;

3.3. с наречиями: ОСУЩЕСТВЛЯТЬ быстро, сразу, непрерывно, постоянно...;

3.4. с другими глаголами, в сочетании с которыми заголовочный глагол выступает в качестве зависимого члена: мочь, хотеть, стремиться, начинать, продолжать ... **ОБОРУДОВАТЬ**.

4. Если заголовочное слово наречие, то его сочетаемость представлена сочетаниями:

4.1. с глаголами: закрепить, связать .... **ЖЁСТКО**;

4.2. с прилагательными и причастиями: **ОЧЕНЬ** большой, высокий, низкий; **ЖЁСТКО** связанный, закреплённый;

4.3. с другими наречиями: **ОЧЕНЬ** редко, часто, сильно, жёстко...

5. Если заголовочное слово предлог, приводится его глагольная и падежная сочетаемость (иногда разные значения предлога имеют разный перевод на болгарский язык): **ЧЕРЕЗ** что? переплыть, переправиться через реку (болг. 'през'); **ЧЕРЕЗ** сколько? минут, часов, дней, лет (болг. 'след'); **ЧЕРЕЗ** кого? посредника, брокера (болг. 'чрез').

6. Фразеологические сочетания приводятся с толкованием.

V. Источник происхождения термина – так как болгарская морская терминология формировалась при значительном влиянии русской, такая информация важна с точки зрения истории русского и болгарского литературных языков;

VI. Перевод термина на болгарский язык.

Предлагаем примерные варианты нескольких словарных статей:

ГАВАНЬ, -и, ж.р. [голл. haven]. Естественная или искусственная защищённая от ветра и волн прибрежная часть водного пространства, служащая местом стоянки, причала и ремонта судов; прилегающая к причалам часть портовой акватории, где производятся грузовые операции.
ЧАСТ ОТ ПРИСТАНИЩНА АКВАТОРИЯ, ЗАЛИВНА ЧАСТ, ГАВАН.

Удобная, естественная, искусственная, тихая, спокойная (по характеру условий); внешняя, внутренняя (по расположению); лесная, угольная, нефтяная, хлебная (по роду переработки груза); ремонтная, пассажирская (по роду обслуживания); военная, каботажная, рыбацкая, зимовочная

(специального назначения). **Гавань чего:** Варненского порта, восточного побережья залива, внешней или внутренней акватории порта; **Гавань для чего:** для стоянки судов, для производства грузовых операций, для ремонта судов, для посадки-высадки пассажиров, для отстоя судов в межнавигационный период.

Защищённость, укрытость, глубина, предназначение ... **гавани**.

Войти/вход ... **в гавань**; уйти, выйти/выход ... **из гавани**; устроить, построить, сделать, осмотреть, оборудовать, использовать ... **гавань**; подходить, приближаться, идти, плавать ... **к гавани**; быть, находиться, оказаться ... у входа ... **в гавань**; быть, находиться, оказаться, стоять, разгружаться, грузиться, ремонтироваться, отстаиваться ... **в гавани**.

ГРУЗОВМЕСТИМОСТЬ, -и, ж.р. Предельный объём, который можно использовать для размещения груза. **ТОВАРОВМЕСТИМОСТЬ**.

Полная, абсолютная, максимальная, проектная, конструктивная, теоретическая, действительная ... грузовместимость; **Грузовместимость чего:** судна, танкера, рефрижератора, контейнеровоза, торгового флота страны; **Грузовместимость для чего:** для генеральных (штучных) грузов, для насыпных (навалочных, сыпучих) грузов.

Проектировать, вычислять, обмерять, исчислять, измерять, отмечать, вписать, использовать .... **грузовместимость**.

ЛОЦИЯ, -и, ж.р. [голл. loodsen 'вести корабль'] 1. Раздел судовождения, одна из учебных дисциплин судоводительской специальности, изучающая общие условия плавания в океанах и морях, рассматривающая системы навигационного оборудования водных путей, принципы использования карт и пособий для плавания. 2. Конкретное и полнейшее описание (книга) плавательного бассейна или его части: берегов, портов, районов и т.д., условий и правил плавания, установленного навигационного оборудования, гидрометеорологических условий, ремонтных и бункерных баз и т.п. **ЛОЦИЯ**.

Морская, речная, откорректированная, дополненная ... **лоция**.

Лоция чего: Чёрного моря, Средиземного моря, Атлантического, Тихого, Индийского океана, реки Дунай.

Читать, изучать, рассматривать, корректировать, дополнить ... **ЛОЦИЮ**.

Справляться, сверяться ... **с лощией**.

Найти, изъяснить, прочесть, уточнить ... **в лощии**.

ПОГОДА, -ы, ж.р. Состояние атмосферы (ясность, облачность, осадки, температура воздуха, влажность и т.п.) в данном месте, в данное время.

ВРЕМЯ.

Хорошая, плохая, солнечная, дождливая, ветреная ... **погода**.

Прогноз, сводка, карта ... **погоды**.

◇свежая погода (*мор.*) – бурная, с сильным ветром погода.

Литература:

1. Апресян 1999: Ю.Д.Апресян. Новый большой англо-русский словарь в 3-х томах. Т.1. Предисловие: Лексикографическая концепция Нового большого англо-русского словаря. М., 1999.
2. Городецкий 1983: Б.Ю.Городецкий. Проблемы и методы современной лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. М., 1983
3. Филлмор 1983: Ч.Дж. Филлмор. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. М., 1983

Васильев Н.Л.
Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарева
г. Саранск (Россия)

ПЕРЕВОДИМОЕ И НЕПЕРЕВОДИМОЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А.С.ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»)

Восприятие творчества А.С.Пушкина за рубежом, в отличие, например, от произведений Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, А.П.Чехова,

не соответствует его оценке в России как центральной фигуры в отечественной культурологической и филологической ментальности¹.

Причина этого не только в специфике поэзии и общепризнанных трудностях ее адекватного перевода, но и в особенностях пушкинских произведений, отразивших становление современного русского литературного языка в наиболее активной фазе его формирования. Последнее прежде всего касается романа «Евгений Онегин», наиболее значимого и цитируемого произведения классика, ставшего поистине национальным «брендом» в год 200-летия со дня рождения Пушкина, когда в новостных передачах телевидения ежедневно звучала очередная строфа романа.

Парадокс неравноценности восприятия писателя в России и на Западе осмыслялся, в частности, акад. Е.П.Челышевым²: Исследователь цитирует по этому поводу американских переводчиков: «...на Западе он [Пушкин] ценится менее других потому, что он наименее знаком читателям по сравнению с другими русскими авторами. Причину его невысокой известности далеко искать не надо. Главной средой его обитания является поэзия, но такая поэзия, которая в наименьшей мере поддается переводу потому, что ей недостает выражения и она наивна по мышлению, а ее магическая сила зиждется на точности, ясности и вербальном красноречии, которое настолько ощутимо, насколько и недоступно для передачи на другой язык. В поэзии А.С.Пушкина есть нечто независимое от содержания, которое, как заметил Чайковский, позволяет ей проникать до глубины души; это нечто заключено в ее музыкальности»³. Однако эти рассуждения небесспорны и в большей степени касаются лирики поэта.

---

¹ Вместе с тем по количеству переводов Пушкин, может быть, превосходит других русских классиков. Западные читатели начали знакомиться с его творчеством еще в начале 1820-х гг. Спустя столетие насчитывалось около 1750 переводов пушкинских сочинений на 93 языках (см.: Нейштадт В.И. Пушкин в мировой литературе // Сто лет со дня смерти А.С.Пушкина. М.; Л., 1938). В настоящее время роман переведен на такие языки, как английский, немецкий, французский, не менее 10 раз.

² Челышев Е. Постигание русского национального таланта: Можно ли относить А.С.Пушкина к классикам мировой литературы? // Кн. обзор. 1999. № 22 (1 июня). С. 6 – 7.

³ См.: The Poems, Prose and Plays of Alexander Pushkin. N.Y., 1936. (цит. по: Челышев Е. Указ. соч. С. 6).

Вопросами переводов пушкинского романа занимались многие филологи. Так, акад. М.П.Алексеев указывал на необходимость не только библиографической регистрации, но и сравнительного анализа переводческих версий произведения; отмечал, что роман уже переведен на 33 языка, причем на многие неоднократно¹. Трудности перевода «Евгения Онегина» ученый видит в следующем: «Речь идет не только о смысловой сложности его словесной партитуры, требующей и утонченного понимания ее стилистических ходов, и высокого искусства их полноценного воспроизведения. <...>. Он [переводчик] должен считаться со всеми специфическими качествами "онегинской строфы" во всем неповторимом своеобразии ее структуры – метрической и стилистической, с бесконечными вариациями строфических окончаний, то отточенных метких афоризмов, то эффектных иронических арабесок, с системой рифмовки, с мелодикой стиха, лирическими партиями, сознательно и искусно переплетенными с естественным звучанием разговорных интонаций во всех регистрах человеческих голосов... Речь идет даже об особых трудностях понимания лексики романа Пушкина <...>, о его скрытых цитатах, "пастишах" и переосмыслениях и обо многом другом, что только в наши дни постепенно открывается читателю "Евгения Онегина", спустя столетие после начала его вдумчивого истолкования»². Ю.Д.Левин, в свою очередь прослеживая историю переводов «Евгения Онегина», высказал следующие соображения: «Смысловая многозначность лексического содержания романа, требующая расширенного комментария даже для русских читателей <...>, сложная структура, стилистическая многоплановость всевозможных словесных ходов, неповторимое своеобразие метрической формы – "онегинской строфы" <...> все это

---

¹ См.: Алексеев М. П. Разноязычный «Евгений Онегин» [1964] // Алексеев М.П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 351 – 361. См. также, например: Тудоровски Г. Пушкин на македонском языке // Пушкин: Иссл. и мат. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 447 – 449; Ласоэрс К. Заметки о переводе «Евгения Онегина» на итальянский язык Этторе Ло Гатто // Рус. лит. 1964. № 4. С. 170 – 174; Чуковский К.И. Онегин на чужбине // Дружба народов. 1988. № 4. С. 246; Теплова Н. Новый французский перевод «Евгения Онегина» // Болдинские чтения. Н.Новгород, 2007. С. 270 – 278.

² Алексеев М.П. Указ. соч. С. 354 – 355.

воздвигает перед переводчиками трудно преодолимые препятствия. Но именно эта трудность, грандиозность, величие предприятия зачастую и привлекает переводчиков – мастеров своего дела. Давно было понято, что вне стиховой формы "Евгений Онегин" существовать не может»¹. А.А.Липгарт пишет: «Переводчики, берущиеся за воссоздание "Евгения Онегина" на английском (или любом другом языке), сталкиваются с целым рядом трудностей, среди которых чисто технические, версификационные проблемы (воспроизведение общей структуры онегинской строфы, сохранение рифмы и др.) для настоящего профессионала будут не самыми существенными. Может показаться, что сложность здесь заключается в другом: переводчики "Евгения Онегина", будучи иностранцами, не могут почувствовать национальный колорит этого произведения и передать на английском языке все особенности русского быта той эпохи, как, впрочем, и суть происходивших в то время дискуссий о путях развития русского языка и литературы – дискуссий, нашедших свое отражение в романе»; «Действительная сложность при переводе "Евгения Онегина", на наш взгляд, состоит в том, чтобы передать неподражаемую легкость и изменчивость пушкинской речи, чтобы эмоциональные лирические отступления по стилю не слились с относительно нейтральными описаниями природы, чтобы в тексте сохранилась авторская ирония, которой буквально пронизано все повествование, и чтобы части романа, особенно памятные русскому читателю – такие, как письмо Татьяны к Онегину или сцена их последнего объяснения, – в переводе не утратили своей простоты и проникновенности»². По словам Е.П.Челышева, «Под каждой строкой «Евгения Онегина» лежат мощные культурно-исторические смысловые пласты. Думается, что в переводе на иностранные языки обнаружить эти пласты может далеко не каждый, и

---

¹ Левин Ю.Д. Новый английский перевод «Евгения Онегина» // Рус. литература. 1981. № 1. С. 219.

² Липгарт А.А. Об английских переводах поэзии и драматургии А.С.Пушкина // Пушкин А.С. Избранная поэзия в переводах на английский язык. М., 1999. С. 16.

поэтому они, как правило, не раскрываются, остаются как бы за пределами поэтического текста»¹.

Тем не менее в наиболее удачных переложениях, например переводе У.Ардта, успешные решения хотя бы некоторых из этих задач приводит к тому, что американские читатели воспринимают роман Пушкина как «произведение искусства, написанное на их языке» (К.Браун)²; однако это еще не свидетельство адекватного перевоплощения пушкинского замысла. Кроме перечисленных трудностей перевода романа мы видим и иные, связанные с обстоятельствами истории формирования русской литературы и ее языка. «Евгений Онегин» одновременно и *роман* о русском языке, причем в его живом становлении. В нем на глазах у читателя по воле автора-алхимика, как в «плавильном тигле», смешиваются разнообразные языковые ресурсы – старые и новые, исконные и заимствованные, «высокие» и «низкие»... Именно подобную игру слов, понятную во всех нюансах лишь человеку, хорошо владеющему русским языком (или чувствующему интуитивно некий подтекст), невозможно передать на другой язык. В этом, на наш взгляд, заключается особое очарование пушкинского слова, колорит, теряющийся при переводе. Творчество писателя не просто художественный мир, а и лингвистическая «лаборатория», нередко форма выражения его филологических взглядов на историю русской литературы и языка³. Вероятно, именно поэтому произведение продолжает очаровывать своей гармонией и современного русского читателя; обрастает «годовыми кольцами» все новых и новых цитат, крылатых слов, возникших на основе романа; объединяет вокруг себя массу подражаний, пародий, перепевов, включается в обширное интертекстуальное поле, придающее хрестоматийному тексту новую

---

¹ Чельшев Е. Указ. соч. С. 7.

² См.: Актуальные проблемы теории художественного перевода: В 2 т. М., 1967. Т. 2. С. 159; Левин Ю.Д. Указ. соч. С. 221.

³ См.: Васильев Н.Л. «Евгений Онегин» как филологический метатекст Пушкина // Пушкин на пороге XXI века: Провинциальный контекст. Вып. 4. Арзамас, 2002. С. 92 – 105.

эстетическую и общественную актуальность¹. Данного подтекста в восприятии «Евгения Онегина» лишены зарубежные читатели.

Попытки переводов романа, например на английский или французский языки, неизбежно сталкиваются с проблемой технически сложного решения дополнительных задач, в частности художественной передачи лексических, семантических, фразеологических и синтаксических варваризмов, тонких – на грани пародии – экспериментов поэта с синтезом просторечия и славянизмов, русизмов и галлицизмов, с привлечением элементов классицистской, сентименталистской, раннеромантической поэтики, с «прозаизацией» повествования и т. д.

Нельзя сказать, что переводчики не учитывали указанные обстоятельства, – но прибегали при этом к разным приемам. В.В.Набоков, например, использовал не вполне естественный для американского читателя эклектичный синтез новых и архаичных элементов английского языка. В результате, по мнению Ю.Д.Левина, получилась «причудливая смесь современного английского, галлицизмов, архаизмов, почерпнутых из английской литературы от Шекспира до Байрона, и всевозможных новообразований»². Данное наблюдение опирается, в частности, на мнение известного американского филолога Дж.-Т. Шоу, полагавшего, что В.В.Набоков вовсе не случайно назвал язык своего перевода «my English», подчеркнув тем самым расхождение между литературным английским и своим переводческим экспериментом³.

Проблемно отражение в переводах варваризмов, используемых Пушкиным⁴. Для читателя XIX в. они были, безусловно, знаковы, особенно в стихотворном тексте, поскольку не вписывались в представления о «поэтическом языке» (как известно, писателю приходилось преодолевать

---

¹ См., например: Судьба Онегина / Сост., вступ. ст., коммент. В.и А.Невских. М., 2001; Васильев Н.Л. «Евгений Онегин» в провинциальном контексте: три литературных отклика на роман Пушкина // Пушкин на пороге XXI века. Вып. 6. Арзамас, 2004. С. 93 – 114.

² Левин Ю.Д. Указ. соч. С. 220.

³ См.: Shaw Thomas J. Translations of «Onegin» // The Russian review. 1965. Vol. 24, № 2. P. 119.

⁴ См.: Васильев Н.Л. Иноязычные элементы в романе А.С.Пушкина «Евгений Онегин» // Пушкин на пороге XXI века. Вып. 5. Арзамас, 2003. С. 107 – 120.

косность эстетического мышления своих современников). Для сегодняшнего читателя иноязычные вкрапления представляются, скорее всего, элементом пушкинского идиостиля и проявлением «языковой игры», что не слишком далеко от истины. Как поступить в таком случае переводчику? Автор одного из наиболее удачных переложений «Евгения Онегина» на английский язык Ч.Джонстон, например, «не только исправно сохранял галлицизмы, употребленные Пушкиным, но и систематически вводил их в текст там, где оригинал не давал основания для этого, считая, очевидно, что тем самым он передает характерную особенность светского языка пушкинского времени»¹. Полагаем, что это художественно обоснованно, поскольку роман и во внешних деталях, и на более тонком уровне своей энергетике пронизан многочисленными лексическими, семантическими, фразеологическими и синтаксическими галлицизмами, масштабно выявленными в известном комментарии В.В.Набокова.

Указанный вопрос специально рассматривался М.В.Кашковской². Обращаясь к переводу Ч.Джонстона, который расширил сферу функционирования галлицизмов в пушкинском романе, исследователь пишет: «Русский лексический материал, представленный в переводах заимствованной из французского лексики, более рельефно обозначил проблему "непереводимого в переводе". Русские исторические реалии, как оказалось, могут быть переведены с помощью французских лексических единиц, так как последние выражают понятия, близкие понятиям русской жизни. Не выделить отличное в языке и культуре (и соответственно транслитерировать слово), а найти сходное, общее для обеих культур – вот к чему приходит переводчик. Посредником при этом выступает третий, французский язык, к глубокому освоению которого шли разными путями и английский, и русский языки»³. В отдельных случаях переводчики даже усиливают галльское начало в романе, чтобы помочь англоязычному

---

¹ Левин Ю.Д. Указ. соч. С. 225.

² Кашковская М.В. Французская лексика в романе А.С.Пушкин «Евгений Онегин» и вопросы ее перевода на английский язык // Пушкин: Сб. ст. М., 1999. С. 134.

³ Там же. С. 146.

читателю понять суть иронии Пушкина. Это касается, например, пушкинской кальки французского фразеологизма *пора меж волка и собаки*, которую иноязычный читатель легче воспримет во французской оболочке: *entre chien et loup* (см. пер. Б.Дойч)¹.

Заметим, что шкала точности перевода находится в зависимости и от уровня понимания переводчиками содержательных и формальных нюансов произведения. Для одних важна сюжетная точность, для других версификационная, для третьих стилистическая, для четвертых – более тонкая «партитура» текста. Идеальным переводчиком «Онегина», в частности на французский язык, мог быть, пожалуй, только сам Пушкин... Существует по меньшей мере три измерения поэтического дискурса, которые учитываются и с разной степенью адекватности транслируются в процессе перевода: содержание (сюжетная канва, лирические отступления и т. д.), стиховая форма (метрика, рифмовка, строфика) и речевая структура. Легче всего воспроизводится содержательная сторона произведения, которую в принципе можно передать и путем прозаического перевода, хотя это и не имело эстетического успеха в истории переложений «Евгения Онегина» (перевод И.С.Тургенева и Л.Виардо, компромисс между поэзией и прозой, предпринятый В.В.Набоковым и др.). Версификационные трудности со временем преодолеваются переводчиками, которые учитывают труды своих предшественников и стремятся их творчески превзойти. Более сложной задачей является передача стилистики текста средствами другого языка. Помимо этого есть и иные переводческие препятствия, в частности необходимость учета имплицитных пушкинских каламбуров, синтаксических дуалей, скрытых подтекстов, которые не всегда принимаются во внимание даже в специальных трудах, комментирующих пушкинское произведение².

---

¹ Там же. С. 150.

² См. об этом, например: Васильев Н.Л. (Не)преднамеренные каламбуры Пушкина: из наблюдений над поэтикой «Евгения Онегина» // Болдинские чтения. Н.Новгород, 2006. С. 50 – 60.

This paper is devoted to theoretical and practical questions of translation of the novel «Eugeny Onegin» by A.S.Pushkin on other languages, as well to a difference in perception of works of the poet in Russia and abroad. The author drawn a conclusion in particular that the main role in it is played with sensation of Russian readers of direct participation in a history of development of the national literary language, inaccessible in translation to a foreign reader.

Винниченко Т.В.
г. Архангельск (Россия)

ПРОЗВИЩА В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ СЕВЕРНЫХ МОНАСТЫРЕЙ XVI-XVII ВВ.¹

Изучение процесса становления русской антропонимической системы затруднено из-за отсутствия полных исторических словарей русских фамильных прозваний, имен и прозвищ. В последнее время появляются региональные антропонимические словари (И.А. Королевой, И.А. Кюршуновой, А.Г. Мосина, Н.Н. Парфеновой, Е.Н. Поляковой, Ю.И. Чайкиной, Л.М. Щетинина и др.). Работу над подобным изданием - «Словарем исторических антропонимов Подвинья», включающим антропонимы, отмеченные в памятниках деловой письменности XVI-XVII вв., - ведет лаборатория лингвокультурологии Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Словарь составляется по материалам документов, хранящихся в фондах РГАДА и Государственного архива Архангельской области (ГААО).

Анализ названных памятников позволил выявить более 120 прозвищ крестьян. Семантически это весьма разнородная группа, включающая внесемейные индивидуальные именованя лица, мотивированные различными признаками: Белобород, Шадра, Широкий; оттопонимические

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Исследование ономастики Подвинья XVI-XVII вв.», проект № 07-04-48401 а/С.

и отэтнонимические наименования: Москва, Корела, Шенкурец; названия лица по профессии: Кузнец, Гребеник.

1. Наименования лица по месту рождения или проживания - наиболее региональные номинации, и их распространенность на Севере была выше, чем, например, в Средней полосе России, так как в условиях массовой миграции признак по этнической и территориальной принадлежности осознавался как отличительный.

В памятниках письменности Северной Руси XVI-XVII вв. указание на место рождения или проживания эксплицируется несколькими способами, самым распространенным из которых являются оттопонимические прозвища, образованные с помощью формантов –ан (-ян); -анин- (-янин); -енин- (-инин); -ец, -ин, -итин: Дружина Сергеев сиянь. Наемная 1632 - ГААО, ф. 191, оп. 1, д. 159, л. 4; Дано Мартюшу Яковлеву Солзянину. Кн. наймов 1682 – ГААО, ф. 104, оп. 1, д. 804, л. 5; Деревня Ивашка Куркина: в. Иевка Важенин. Сотная 1587-1588 // СПКиП, 1972, 238; Семей Дмитриевъ Шапочниковъ Колмогорець взять глины на печь. Кн. сб. 1620-1621. Курополский посад – АХУ-1, 50.

Редки в изученных памятниках бесформантные оттопонимические прозвища (следствие трансонимизации): У Ивана Никитина сына Костромы. Веревная кн. 1707 // Д-3, 22. При благоприятных условиях, например, смене места жительства, такие прозвища становились фамильными прозваниями.

2. Прозвища, в основе которых лежит апеллатив – название лица по профессии (Швак, Прядильщик, Пономарь и др.) - все послужили для образования фамильных прозваний. То есть для человека того времени при именовании другого лица было значимо не только отношение к труду, но и сам вид деятельности: Купчая Романа Кузнеца на треть деревни въ Ухтостровъ. – АХУ-2, с. 34. В. Васюк Кузнец. Сотная 1556 // СПП, 1981, с. 97. Во дворъ Смирка Петровъ сын Шерстобой. ПК Ант.-С. м. 1627 - РГАДА, ф. 1196, оп. 5, д. 8, л. 5 об.

3. О том, что в прошлом существовали определенные требования к качествам характера, а также к внешнему виду человека, свидетельствуют более всего прозвища-экспрессивы: Баранья Голова, Белобород, Безпорточный, Горло, Грязной, Звага, Кислой, Кривой и др. Особенно много лексико-семантических групп, отражающих особенности внешности: светловолосый человек, черноволосый человек, рыжеволосый человек, 'красивый человек', 'некрасивый человек', 'человек с большой головой', 'человек с большими ушами', 'смуглолицый человек', 'белолицый человек', 'человек с рябым лицом', 'светловолосый человек', 'человек с кудрявыми волосами' и т.д. В основном антропонимическая система фиксирует отклонения от нормы.

По образованию отмеченные прозвища также неоднородны: большая часть восходит к апеллиативам-существительным (Каляка, Барма, Пологлаз, Чурка, Шишка), некоторые образованы путем онимизации прилагательного (Бородатой, Босой, Брюхатой, Глухой, Золотой, Скоробогатой). В основном это однословные наименования, реже встречаются составные: БАРАНЬЯ ГОЛОВА. Пр. Олешко Максимов сын Баранья Голова (Двинской обл.). 1532. А.Ю. 38. (Тупиков, 40).

Мы видим, что прозвищные именованья, отмеченные в памятниках письменности Подвинья, отражают различные характеристики человека того времени и могут служить материалом для анализа фрагментов языковой картины мира номинатора, тем более, что большинство таких номинаций вне антропонимической системы не сохранилось.

Неоднородность ономастического материала, стремление сохранить либо реконструировать антропонимы потребовали индивидуального подхода к составлению практически каждой словарной статьи. Архитектоника словарной статьи будет включать следующие компоненты:

1. заглавное слово. Прозвище приводится в Им.п. ед.ч.:

КЛЫПА. Пр. Выборные головы дали отпись богословскому старцу Мисаилу Клыпе Федорову сыну. Отпись 1560 // Дерягин 1976:30.

КОШКА. Пр. На Аввакума Филипова кабала 2 рубля на Микулу попа в 4 алт. на Василя на Кошку в полтине. Оп. кн. Н-Кор. м. 1606 // ГААО, ф. 191, оп. 1, д. 19, л. 8 об.

2. варианты. Рядом с заглавным словом будут отмечены фонетические варианты антропонима:

ЛОДМЯНИН и ЛОДМИНИН. Пр. Взяль есми у Перфирия у Савина сына у Лодмини́на съ пяти головъ съ лодомскихъ по одиннатцати денегъ з головы. Отпись 1549 // АЛЦ, 26-27. Сота Терентьев сын Лодмянин. ПКВ 1622-1624 - ЯО, 198. *Образовано от названия селения или реки Лодьма, житель или уроженец этого селения.*

ЧЮХЧЕМЕЦ и ЧЮХЧЕНЕМЕЦ. Пр. У Онани Иванова Чюхченеца взял от котла провару 2 алтына. Кн. церк. ст. 1639 // ГААО, ф. 104, оп. 1, д. 457, л. 7. У Вакоры Чюхченеца взял от котла провару 5 алтын 2 денги. Кн. церк. ст. 1639 // ГААО, ф. 104, оп. 1, д. 457, л. 15 об. У Ивана Омосова Чюхченемца взял от котла гривну. Кн. прих. 1627 // ГААО, ф. 104, оп. 1, д. 717, л. 11. *Образовано от названия селения Чюхченема, житель или уроженец этого селения.*

БАРСАН и БОРСАН. Пр. Гаврило Барсан Селиверстов сын, двинской землевладелец. 1537. А.Ю. 54. (Тупиков, 40). Да Борсанъ Селиверстовъ сынъ. Мирская запись XVII в. - АХУ-II, 48.

Каждый вариант будет приведен в соответствии с алфавитом и как отдельная отсылочная словарная статья: Борсан, Пр. См. Барсан.

3. Заголовочное слово сопровождается пометой Пр. – прозвище. При помете ставится вопросительный знак, если оним может быть квалифицирован как некалендарное личное имя (НЛИ) или апеллятив. Если возникают трудности с разграничением некалендарного личного имени и прозвища, данного на протяжении жизни индивида, проводится анализ не только ближайшего контекста, но и памятника в целом: учитывается жанр документа, особенности передачи именованний лица, моделей именования, приводятся наиболее показательные контексты. Наиболее показательными в этом смысле являются контексты, в которых прозвище употреблено наряду с НЛИ: Посацкои члвкъ Русинко Федоров сынъ Бахмат. ПК Ант.-С. м. 1627 // РГАДА, ф. 1196, оп. 5, д. 8, л. 18 об. Некраско Онцыфоровъ сынъ Летонось. ПК Ант.-С. м. 1627 // РГАДА, ф. 1196, оп. 5, д. 8, л. 11.

В некоторых случаях контекст свидетельствует о передаче прозвища по наследству: ЗОЛНИК. Пр. Дьячок Федотко Золник. Кн. прих. Устьян. в. // РГАДА, ф. 512, оп. 1, № 149, л. 2. // СПЛ I: 238. *Тот, кто жжет золу на продажу* [Д, 1: 691]. В данной формуле именования лица присутствует указание на профессию (дьячок) и отпрофессиональное прозвание (золник), являющееся скорее фамильным прозванием без специального форманта.

4. Контекст. В словарной статье важная роль отводится контексту: с помощью него сообщаются сведения об особенностях функционирования антропонима – как он представлен в различных моделях именования лица. Кроме того, в ряде случаев контексты содержат сведения о наличии параллельных наименований и вариантов.

Количество иллюстраций зависит от вида антропонима, от особенностей его функционирования в текстах деловой письменности, от наличия вариантов.

В качестве первой иллюстрации приводится выдержка из хронологически наиболее раннего памятника. Если иллюстрация онима

извлекается из рукописного источника, указываются паспортные данные памятника – жанр, дата создания, архив, фонд, описание, книга или дело, лист: ТАРАБОРА. Пр. Якимко Васильевъ сынъ Тарабора. ПК Ант.- С. м. 1627 // РГАДА, ф. 1196, оп. 5, д. 8, л. 31 об. *Тарабарить* – “беседовать, болтать”, *тарыбары* – “разговоры” [Никонов 1993: 128].

При отсылке к опубликованным памятникам также указывается жанр и дата, а аббревиатура, образованная от названия источника, или фамилия автора и год издания и номер страницы дается через знак //. СУХОРУК. Пр. Въ двухъ заднихъ лавкахъ сидель Григорей Сухорукъ да Микита Устюжанинъ да Степанъ Шенкурецъ. Прих. кн. 1624-1625 // АХУ- I:63. *Сухорук* – “человек, не владеющий рукой; такой, у кого рука исчахла, отнялась”, “человек, у которого все валится из рук” [Полякова 2005: 366].

5. Этимологическая справка. В словарных статьях дается ближайшая этимология антропонимов со ссылками на материалы словарей русских фамилий И.М. Ганжиной, И.А. Королевой, В.А. Никонова, Е.Н. Поляковой, Ю.И. Чайкиной и др. ТОРОП. Пр. Взять у Третьяка Торопа да у Игнатья прядильщиковъ съ прядилны... Прих. кн. 1624-1625 // АХУ- I, 63. *Тороп* – “поспешность, суета” [Полякова 2005: 378]. *Тороп* – “торопливый, быстрый; возможно, такое имя могли дать ребенку, родившемуся раньше срока” [Ганжина 2001: 475].

Зачастую однозначно определить этимологию онима затруднительно. ЖАРКОЙ. Пр. Демка Иванов Жаркой. ПК Ант.-С. м. 1627 // РГАДА, 1196, оп. 5, д. 8, л. 6 об. *Жаркой* – «огненный, красно-желтый», прозв. дано за золотистый цвет волос; в перен. смысле жаркой – «горячий» (прозв. по черте характера) [Ганжина 2001:192].

6. Наиболее вариативная часть словарной статьи – данные региональных ономастических словарей, дающих уникальный материал для сопоставления антропосистем различных регионов, Ю.И. Чайкиной, Е.Н. Поляковой, И.А. Королевой, А.Г. Мосина и др.

В опыте «Словаря исторических антропонимов Подвинья» мы ставим своей целью показать процесс перехода апеллятивной лексики в имена собственные, а также становление трехкомпонентной формулы именования лица. Антропонимический материал свидетельствует, что на протяжении XVI-XVIII вв. в функционировании собственных имен происходят изменения, постоянное перераспределение связей. При этом новые функциональные отношения накладываются на старые, сосуществуют с ними или исчезают.

Литература:

1. АЛЦ - Акты Лодомской церкви Архангельской епархии. – СПб., 1908.
2. АХУ - Акты Холмогорской и Устюжской епархии // РИБ, Т.12, 14. - СПб., 1890-1894.
3. Ганжина - Ганжина И.М. Словарь современных русских фамилий. – М., 2001.
4. Даль - Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. - Т. I - IV. - М., 1981 - 1982.
5. Дерягин 1976 – Дерягин В.Я. Варьирование языковых средств в текстах деловой письменности (важские денежные отписи XVI-XVII вв.) // Источники по истории русского языка. – М., 1976.
6. Королева – Королева И.А. Словарь фамилий Смоленского края. - Смоленск, 2006.
7. Никонов – Никонов В.А. Словарь русских фамилий / Сост. Е.Л. Крушельницкий. – М., 1993.
8. Полякова – Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. - Пермь, 2005.
9. Чайкина – Чайкина Ю.И. Вологодские фамилии: Этимологический словарь. - Вологда, 1995.

10. Тупиков – Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. – М., 2004.

11. ЯО - Ясински М.Э., Овсянников О.В. Взгляд на Европейскую Арктику: Архангельский Север: проблемы и источники. Т.1-2. – СПб., 1998.

Вьюнов Ю.А.
Государственный институтрусского языка им. А.С. Пушкина
г. Москва (Россия)

СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ ИДЕОЛОГЕМЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Диалог культур и социумов в современном мире, определяет как одну из важнейших – задачу формирования межкультурной компетенции в процессе расширяющейся межкультурной коммуникации. Язык межкультурного общения, который обеспечивает кросс-культурное понимание, охватывает все основные сферы жизнедеятельности общества. В том числе, политическую - одну из самых сложных, динамичных и терминологически насыщенных. За последние годы здесь появилось немало новаций и идеологем: *«вертикаль власти», «управляемая демократия», «суверенная демократия», «общественная палата», «партия здравого смысла», «партия власти», «национальный лидер», «преемник», «план Путина», и др.*, которые требуют адекватного понимания и интерпретации, правильного употребления в речевых и жизненных ситуациях. Это, в свою очередь, снижает риск коммуникативных неудач, связанных «с непониманием, недопониманием и, как следствие, неприятием партнерами по коммуникации стратегии и стиля общения» (Брагина Н.Г. 2008, 125). Действительно, коммуникация возможна только при условии, если идеи, образы и смыслы, выраженные в соответствующих словах и выражениях, понятны, принимаются и используются ее участниками.

Эти вопросы были в центре внимания участников I международной конференции в Греции (Халкидики, Порто-Карас, май 2008 г.) «Русский язык и культура в зеркале перевода». В докладах многих делегатов, в том числе таких известных специалистов как проф. Бердичевский А.Л., проф. Горбовский Н.К, проф. Милославский И.В. и др., подчеркивалось, что проблемы межкультурной коммуникации и семантизации терминов, понятий, являются одной из важных и приоритетных задач переводческой работы. Проф. Н.К. Горбовский, декан Высшей школы перевода МГУ им. М.В. Ломоносова, справедливо отмечал, например, что «перевод – это искусство, это результат творческой деятельности, но это еще и интерпретация, учет ментальности, а главное – знание и учет социокультурного контекста, отражающего национальное своеобразие. Перевод не должен оцениваться только с позиций лингвистики. Он должен включать и соответствующую культуру». Добавим, в том числе, и культуру политическую.

В этой связи остановимся на некоторых из современных российских идеологем и политических терминов, имеющих не только актуальное значение, но и подчас неоднозначное содержание даже в соответствующем социокультурном поле, что разумеется существенно осложняет и проблему их перевода. Понятие «*вертикаль власти*», например, связано с усилением федерального центра и его влияния в условиях новых масштабных задач по реформированию огромной страны, сложного федеративного устройства многонациональной России и ее новой геополитической ситуации. В свою очередь, это вызвало к жизни другое, связанное с первым, понятие «*управляемая демократия*» (даже «*сверхуправляемая*»), идея которой, в современной России, используется политической элитой для выстраивания сильной вертикали власти и как способ повышения управляемости обществом в новых условиях. Это не полная подконтрольность всего, а попытка власти управлять всем сверх допустимых пределов. Разумеется, политическая стабильность и

общественное согласие достигаются прежде всего за счет стабильного и эффективного развития экономики, построения социального государства и гражданского общества, то есть тех основ, которые пока еще недостаточно развиты в стране. Поэтому высшая власть в начале 2000-х годов пошла по пути более быстрого, но и более жесткого структурирования общества «сверху». В этой связи нельзя не заметить, что и само российское общество (в силу не только конкретных политических и социально-экономических причин, но и, что очень важно, своей исторически сложившейся ментальности) жаждало «сильной руки» и «наведения порядка» в стране, а политическая и бизнес-элита хотела иметь ясные и четко соблюдаемые правила игры.

Реализация, идей заключенных в понятиях «укрепление вертикали власти» и «управляемая демократия», обеспечила решение ряда важных политических проблем страны. Так, в результате принятых мер, была упорядочена управляемая сверху донизу система исполнительной власти, расширено присутствие федеральной власти в субъектах федерации, повышена эффективность управления территориями. Центробежные тенденции, возникшие в 90-е годы, были преодолены и уступили место центростремительным. То есть дееспособность созданной вертикали власти доказала сама жизнь. Но нельзя не заметить, что одновременно возник и ряд негативных моментов, детерминированных излишней централизацией власти. В частности, это привело к усилению авторитаризма, значительному росту бюрократического аппарата и нарастанию коррупции, сужению сферы полномочий и ответственности субъектов и участников политического процесса, ослаблению независимых СМИ. К числу отрицательных последствий следует отнести и возрождение одной доминирующей политической силы в лице партии «Единая Россия» («партии здравого смысла»). Интересно, что ее доминирование проявилось даже в такой мелочи как написание (в материалах Госдумы) названия партии власти заглавными буквами «ЕДИНАЯ РОССИЯ», в то время как

наименования других партий и их фракций в парламенте остались в обычном для русского языка виде. Все это важно учитывать при использовании и переводе названных идеологом для адекватного понимания и объективной характеристики современной политической жизни страны..

В последнее время в российском политическом лексиконе получил распространение и термин *«суверенная демократия»*. Что он собой представляет? Какой смысл в него вкладывается? Этот термин определяется сегодня Кремлем как «концепция развития страны, которая апеллирует к достоинству русского народа и российской нации в целом». В этой связи можно констатировать, что, по сути, речь идет о новой идейно-политической парадигме в развитии России, предложенной политической элитой страны. А раз это так, то проблема «суверенной демократии», не может быть сведена лишь к двум-трем фразам – она требует более глубокого объяснения и интерпретации. Более того, может вообще восприниматься как повод для размышлений о природе демократической власти, ее смысле, формах и задачах в современном мире. Ибо восприятие этого термина (примененного, заметим, еще Э.Кантом) в разное время и разными людьми – разное.

Так, один из ветеранов европейской политики Р.Проди, будучи председателем Еврокомиссии «Европа и мир», подчеркивал, говоря о Евросоюзе: «В некоторых отношениях наш союз есть воплощение сущности кантовской федерации суверенных демократий» («НГ», 12 марта 2008 г.). Некоторые же авторы в том числе и в России, наоборот, утверждают, что «суверенных демократий» не бывает, а могут быть только развитые демократии или не очень развитые, реальные или имитируемые. Сегодня около половины государств нашей планеты живет в условиях демократии. И это очень разные государства, с разной исторической судьбой и очень разными культурами, порой далекими от европейской и американской.

Есть и такая точка зрения, например в США, согласно которой принятие Кремлем идей суверенной демократии носит якобы антизападный и антиамериканский характер.

Не вдаваясь здесь в политологическую дискуссию заметим лишь, что названный термин, как мы видели, не нов и это не выдумка современных российских политиков, а веление времени, детерминированное кардинальным изменением геополитической ситуации России. Что касается смыслового наполнения данного термина, то оно состоит в следующем. Российское общество, согласно предложенной концепции, должно прежде всего определиться с тем, каковы его истоки, что оно собой представляет сегодня и куда идет. Для этого предполагается разработать «свою систему образов и смыслов» и решить столь сложную задачу призваны представители культуры, «ее художественная и политическая часть». Только такая идейная система, по мнению многих российских политиков и экспертов, даст возможность обеспечить «единство общества и национального духа». В целом, речь идет о двух главных стратегических условиях, которые должны обеспечить долгосрочное развитие страны на современном этапе: демократии и суверенитете. Что, в свою очередь, следует понимать так: Россия привержена принципам демократии и несомненно будет демократической страной, но она сама будет решать как и в каких формах осуществлять этот процесс, исходя из своих национальных интересов и особенностей и не допустит вмешательства извне, навязывания ей чужих идей и представлений. В этом собственно и состоит смысл и дух самого понятия демократии, которая предполагает свободное политическое творчество суверенных государств. Россия просто пытается сегодня самостоятельно определиться в нашем сложном многополярном и глобализирующемся мире. Примером такого самостоятельного и реалистического подхода к решению возникающих проблем является, в том числе, принципиальная позиция России по проблеме Косово и недавнее признание ею

независимости Южной Осетии и Абхазии, после того, как руководство Грузии 8 октября 2008 г. осуществило прямую военную агрессию против южноосетинского народа. Президент А.Д.Медведев, имея ввиду последнее, подчеркнул: «Мы, как принято говорить, пережили момент истины. Мир после 8 августа этого года стал другим», и далее пояснил: «Россия – это государство, с которым впредь будут считаться».

Как заметил американский политолог А. Ливен, кажется странным неприятие многими в США идеи суверенной демократии, взятой на вооружение современным российским руководством. «Ведь парадоксальным образом суверенная демократия, - говорит он, - это именно то, на чем основана американская система. Что такое суверенная демократия? Это общество, которое считает, что невозможно и антиконституционно оценивать его демократию и его суверенность по правилам, созданным вне данного общества». Совершенно справедливое замечание, как нам представляется.

Нельзя не обратить внимание также, что новый президент РФ Д.А. Медведев, в одном из своих выступлений заявил, в частности: «российскую и европейскую демократию объединяют общие корни», «у нас и общая история, и единые гуманитарные ценности... единый ценностный набор, общие правовые истоки». При этом, подчеркнул он, главное, что «мы сами считаем права человека базовой фундаментальной ценностью». Соглашаясь в принципе с этим высказыванием, некоторые эксперты, тем не менее, обращают внимание на то, что при всех «общих корнях» и «едином ценностном наборе», представления об идентичности, национальной (суверенной) демократии в современной Европе и России не во всем схожи, также как не во всем схожа и их история. Но это уже особая, хотя и очень важная тема.

Большое внимание в последнее время уделяется также смыслу и содержанию такого своеобразного понятия как «*план Путина*» (оформившегося на государственном уровне в идеологему «*планы Путина*»

– *планы России*»). В наиболее общем виде он означает продолжение, осуществляемых с 2000 г., перемен к лучшему в российском обществе и формирование новой архитектуры мира, в котором Россия будет занимать достойное место. Однако суть и содержание данного понятия, его значение для современной России, этим далеко не исчерпывается. Оно сложно и многогранно, рассчитано на перспективу. Так, выступая 8-ого февраля этого года на заседании Госсовета, В.В. Путин не только подвел итоги своей восьмилетней работы в высшей должности государства, но и наметил стратегию экономического развития страны до 2020 г. («Стратегия-2020»), конкретизировав задачи в рамках своего плана. По сути предложенная президентом стратегия – это идеология, направленная на достижение экономического лидерства России и существенное повышение благосостояния народа, которая может послужить объединяющей основой для всего общества.

План Путина, как он видится сегодня, включает три этапа. Первым из них стало наведение порядка, то есть преодоление политического и духовного кризиса, экономического спада 90-х годов. На этом этапе была достигнута политическая и экономическая стабильность, прекращено действие центристических сил и восстановлено политическое единство страны, укреплена вертикаль власти, созданы условия для эффективной борьбы с терроризмом. Второй этап связан с концентрацией ресурсов для решения наиболее острых социально-экономических проблем, тех, «которые прямо определяют качество жизни граждан». В этих целях реализуются так называемые национальные проекты в области образования, здравоохранения, сельского хозяйства, в жилищном строительстве. Руководство страны рассчитывает, что концентрация ресурсов на действительно перспективных направлениях позволит России получить ощутимые результаты уже в ближайшей, а не отдаленной перспективе. Действительно, можно констатировать, что за последние годы здесь наметились реальные сдвиги к лучшему: средняя зарплата

выросла в 3 раза, пенсия в 2,5 раза, в 5 раз вырос объем сбережений населения. В стране начала расти рождаемость. Более 6 млн. российских граждан ежегодно выезжают на отдых в зарубежные страны. Капитализация фондового рынка увеличилась с 1999 г. в 22 раза. Это несомненно позитивные результаты, но еще недостаточные. Поэтому так важен третий этап «плана Путина», который направлен на обновление государства, дальнейший рост благосостояния людей, создание инновационной экономики, то есть экономики, основанной на современных знаниях, интеллектуальном превосходстве и новейших научных достижениях – залого победы России в глобальной конкурентной борьбе. По словам В.Путина, мы фактически только недавно подошли к третьему этапу в развитии современного российского государства, к возможности развития высокими темпами, к возможности решения масштабных, общенациональных задач. И сейчас в стране есть «и достаточный опыт, и необходимые инструменты, чтобы ставить перед собой действительно долгосрочные цели», рассчитанные на 20-30 лет. В своей речи 7-ого мая, на инаугурации избранного президента Медведева Д.А., действующий президент В.В. Путин вновь указал на необходимость продолжения оправдавшего себя курса, который нашел широкую поддержку в обществе, подчеркнув при этом, что «нравственность власти и ее обязательность – залог доверия людей, единства государства и целей». Попутно, обратим внимание, что появление в политическом лексиконе терминов «действующий президент» и «избранный президент» – это также новая политическая традиция современной России, отражающая не только преемственность власти, но и в целом, преемственность политического курса. Среди проектов и идей, выдвинутых новым президентом, следует пожалуй выделить так называемые четыре «и» – институты, инфраструктура, инновации, инвестиции и затем добавленное пятое «и» – интеллектуальный потенциал. Но это уже особая, хотя и важная тема.

Таким образом, приведенные выше идеологемы и их объективная интерпретация, помогают осознать, как мы считаем, что современные политические новации в России охватили наиболее важные проблемы общественно-политической жизни страны и развития ее политической системы. Их значение и целевая установка состоят в выстраивании сильной вертикали власти и повышении эффективности управления страной, реализации принципов суверенной демократии и развитии высокими темпами современного российского государства, решении масштабных, общенациональных задач и создании конкурентноспособной, процветающей России.

Литература:

1. Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г., Прохоров Ю.Е. Национально-культурные единицы общения в современном коммуникативном пространстве – лингвометодический аспект. От Слова к Делу. Сб. докладов. X Конгресс МАПРЯЛ. Санкт-Петербург – 2003. М., Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. 2003
2. Брагина Н.Г. Российская самобытность в европейском контексте (Методические разработки к курсу «Лингвистика и межкультурная коммуникация»). М.В.Ломоносов и современная филология. Научные чтения. Гос. ИРЯ им А.С. Пушкина. М.,2008
3. Вьюнов Ю.А. Концептуальные основы современного страноведения России. Филология и культуроведение:наука – практика – преподавание. Выпуск 1. М., Издательство «Флинта». Издательство «Наука». 2006
4. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Изд. 2-ое. М., 1997
5. Мамонтов А.С. Дух народа, язык и культура. Сб. докладов. X Конгресс МАПРЯЛ. Санкт-Петербург-2003. Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. М., 2003

6. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1997, 1998

7. Россия. Большой лингвострановедческий словарь. «АСТ-ПРЕСС КНИГА», 2007

Гуновска М.В.
Государственный университет
г. Комотини (Греция)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ “ЧЕЛОВЕК И СОБСТВЕННОСТЬ” (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Присутствие поля “Человек и собственность” в сознании носителей языка является проблемой, выходящей за рамки чисто лингвистического исследования. С чем ассоциируются фразеологизмы – весьма важный вопрос, так как они, в какой-то мере, влияют на мировоззрение народа, определяя его специфическую картину мира (Телия 93, с 26). Фразеологизмы можно рассмотреть с точки зрения структуры их значения: с одной стороны они обозначают, а с другой – передают отношение субъекта к обозначаемому, выражая при этом оценку. Для сравнительного анализа весьма удобным представляется разложение семантической структуры на макрокомпоненты, предложенное В.Н. Телия (Телия 91) - так можно выявить общие и специфические черты ФЕ в болгарском и русском языках.

Макрокомпоненты служат для полного и всестороннего выявления всей информации, содержащейся в идиоме. Стержнем всей информации, объединяющим семантическую сущность ФЕ (обозначение ситуации) и прагматическую (отношение к ситуации) является *мотивационный* макрокомпонент. Это образное основание, залегшее в основу фразеологизма, чаще всего оно метафорично. При актуализации ФЕ

метафора в ней как бы “оживает”, и мы невольно соотносим значение идиомы с исходной ситуацией, породившей ее и часто утраченной.

Денотативный компонент указывает на обозначаемое, он относится к семантике.

В прагматику входят следующие компоненты:

Рационально-оценочный макрокомпонент – это объективно-субъективная оценка говорящего, выраженная через понятия *хорошо / плохо, сверх меры / меньше меры*. Рациональная оценка обуславливается нравственно-этическими нормами данного общества.

Эмоциональный (эмотивный) макрокомпонент – это эмоциональная оценка субъекта, возникшая как реакция на внутренний образ (а не на означаемое, как при рациональной оценке).

Стилистический макрокомпонент определяется уместностью или неуместностью употребления идиомы в социальных условиях речи.

Денотативный аспект значения (Д)

Этот аспект представляет собой связь между субъектом, познаваемым объектом, т.е. реальной действительностью и языковым знаком.

Общее в денотативном аспекте фразеологизмов рассматриваемого семантического поля – обозначение материального положения и следствий, проистекающих из него. ФЕ можно разделить на следующие семантические группы:

1 *Фразеологизмы, указывающие на отношение к деньгам, богатству*

бросать на ветер - хвэрялям на вятэра

пускать в трубу - пращам по дяволите (в значении “напрасно истратить”)

(это указывает на безответственное отношение к материальным ценностям)

дрожать над каждой копейкой - цепя косьма на две

(чрезвычайно заботливое отношение к собственности)

2 *Значительно разнообразнее в своем составе группа, обозначающая нечестный способ приобретения материальных благ:*

пускать в трубу – докарвам някого до просешка тояга

остовить в чем мать родила – пускам по бели гащи

обдирать как липку – обирам до шушка

набивать карман – пълня си кесията

запускать лапу – турям ръка на нещо

залезать в карман – бъркам някому в джоба

3 *Группа, указывающая на затруднительное материальное положение:*

не по карману – не е по джоба

в копеечку влетать – излезе ми солено / излезе ми през носа

с протянутой рукой идти – подлагам ръка

вылетать в трубу – отивам по дяволите (разориться)

садиться на мель – притиснат съм до стената

сидеть на мели – оставам като жаба на /в сух вир

биться как рыба об лед – мятам се като риба на сухо

ни копейки за душой – нямам пукната пара

ни кола ни двора – нямам побит кол в земята

сводить концы с концами – едвам свързвам двата края

4 *В этой же группе немало ФЕ, указывающих на богатство и материальное благополучие*

денег куры не клюют – бие ме парата

как сыр в масле кататься – плувам като бърбек в лой

полная чаша – пълна къща

на широкую ногу жить – на широка нога живея

как у Христа за пазухой жить – гледам си рахатлъка

грести деньги лопатой – имам пари с лопата да ги ринеш

Из выделенных групп видно, что ФЕ очень полно и всесторонне характеризуют фрагмент действительности, выражаемый семантическим полем “Человек и собственность”.

Рационально-оценочный аспект (О)

Рациональная оценка вытекает из норм данного социума. Если определенное явление запрещено нормами общества, то в языке оно оценивается отрицательно, если же разрешено – оценивается положительно. Но очень часто одно и то же явление может оцениваться по-разному в зависимости от контекста.

И в русском, и в болгарском языках ситуации, обозначаемые фразеологизмами, оцениваются одинаково.

Бросать на ветер (плохо)– хвърлям на вятъра (плохо)

Греть/ погреть руки (плохо) – удрям келепира (плохо)

Ни копейки за душой (плохо) - нямам пукната пара(плохо)

Совсем незначительно количество ФЕ, оцениваемых положительно:

Золотое дно (хорошо) - златна мина (хорошо)

Как у Христа за пазухой жить (хорошо) – гледам си рахатлъка (хорошо)

Полная чаша (хорошо) – пълна къща (хорошо)

Преобладание идиом с отрицательной оценкой можно объяснить фактором человека, находящегося в основе каждого фразеологизма. Вообще, человеческое сознание устроено так, что все, благоприятствующее человеку, воспринимается как вполне естественное явление, вписывается в норму, а на все отрицательные факторы оно реагирует, ставя их вне нормы.

Образно –мотивационный аспект (М)

Это образное основание идиомы. Чаще всего это основание – метафора. Этот аспект как бы “прозрачен”, и эта прозрачность достигается за счет образа в целом. Мотивационный аспект определяется картиной мира данного народа, поэтому идиомы с точки зрения мотивационного аспекта очень различны в разных языках. Мотивированность выражается внутренней формой(ВФ). Обычно это метафоры из живого или растительного мира, а нередко и из крестьянского быта.

По причине родственности в русском и болгарском языках очень много ФЕ с одинаковой ВФ – свыше одной трети содержат в своей основе одинаковый образ, например:

Бросать на ветер – хвърлям на вятъра

Грести деньги лопатой – имам пари с лопата да ги ринеш

Дойная корова – дойна крава

Набивать набить себе карман – натъпквам си джоба /кесията

На широкую ногу жить – живея на широка нога

С протянутой рукой идти – подлагам ръка

Сводить концы с концами – едвам свързвам двата края

Примерно такое же число идиом, в основу которых легли разные образы

Греть себе руки – удрям келепира

Значение здесь – нечестным путем наживаться. В русском языке это значение связывается с руками (рука во фразеологии – символ власти, символ помощи, или же инструмент приобретения добра нечестным путем, как в последнем примере). В болгарском языке рука тоже функциональна в идиоматике, но значение “нечестным путем богатеть” передается турцизмом “келепир”, что означает “удача, выгода”. У этого фразеологизма есть вариант удрям къоравото, буквально “ударяю нечто слепое” (как ,например, судьба и рок – слепые).

Денег куры не клюют – червив съм с пари

В русском языке ФЕ мотивирована картиной из крестьянского быта, в болгарском же образ основан на растительном мире. Проводится параллель между богатым человеком и фруктом, кишущим червями.

Вылетать в трубу кто – отивам по дяволите

Значение “окончательно разоряться” достигается различной метафорой. В русском это опять сцена из крестьянского быта, а в болгарском значение представлено мифологией: попасть к дьяволу значит погибнуть, как случается с человеком при потере состояния.

Есть и третья, промежуточная группа, где образы ВФ неодинаковы, но между ними существует определенное функциональное сходство. Вот некоторые примеры:

Дрожать над каждой копеейкой – цепя косьма на две

В русском языке некто дрожит над копеейкой – мельчайшей денежной единицей, в болгарском языке скупой расщепляет надвое волос – самое тонкое, что можно себе представить.

Сидеть на мели – оставам като жаба в сух вир

Человеческое сознание в обоих случаях обращается к воде. В русском это ассоциация с застрявшим на мели судном. В болгарском ассоциация связана с лягушкой, которой трудно жить без воды.

Приведем еще примеры подобного функционального свойства:

Полная чаша – пълна къща

Как сыр в масле кататься – плувам като бърбек в лой

В чем мать родила – пускам по бели гащи

Среди ФЕ этого семантического поля существуют единицы с символьным компонентом как элементом ВФ, и обычно русским соответствуют подобные болгарские:

Бросать на ветер – хвърлям на вятъра

(Ветер – что-то непостоянное вятър – работа),

Залезать в карман – бъркам в джоба

Набивать карман – пълня си джоба/ кесията

(Полный карман, кошелек – символ богатства)

Эмотивный аспект значения (Э)

Это эмоциональная оценка, возникшая как реакция на внутренний образ ФЕ_ (в отличие от рациональной оценки, которая является оценкой на обозначаемое фразеологизмом явление).

В семантическом поле “Человек и собственность” оцениваются отрицательно ФЕ, обозначающие бедность, сознательный обман с целью ограбить и расточительство. ФЕ, обозначающие богатство, имеют

двойкую оценку .Следует учесть, что по отношению к я- ты- и он- грамматике оценка приобретает различные оттенки (иногда даже не употребляется в 1-м лице). Проиллюстрируем это на нескольких примерах *1 ФЕ, указывающие на бедность:*

биться как рыба об лед
сухо

он – неодобрение

ты – неодобрение

я – неодобрение смягчается

мятам се като риба на

он – неодобрение

ты – неодобрение

я – неодобр. смягчается

2 ФЕ, указывающие на приобретение материальных благ через обман:

запускать руку – турям ръка на нещо

Хотя оба фразеологизма употребляются с осуждением, но разница есть .Русский язык не допускает применение этой ФЕ к первому лицу, в болгарском же языке это иногда возможно как угроза.

3 Отношение к собственности – как скупость, так и расточительство, - тоже оцениваются отрицательно:

пускать в трубу – пращам по дяволите

дрожать над копейкой – цепя косъма на две

В этом фразеологизме осуждение и неодобрение смягчаются в первом лице в обоих языках

4 Богатство и благоденствие оцениваются как положительно, так и отрицательно

денег куры не клюют – червив съм с пари (здесь эмотивная оценка отрицательна , и в 1-м лице ФЕ не употребляется)

как сыр в масле кататься – плувам като бъбрек в лой (в зависимости от контекста в обоих языках ФЕ может исползонаться или с одобрением, или с осуждением)

полная чаша – пълна къща

жить как у Христа за пазухой – гледам си рахатлъка (и в русском, и в болгарском эмотивная оценка положительна)

Стилистический аспект значения (С)

Определяется употреблением ФЕ в социальных условиях речи. В классификации В.Н. Телия наблюдается невыделение разговорных ФЕ, так как в настоящее время СМИ оказывают непосредственное воздействие на расширение диапазона норм письменно-литературной речи, на ее проникновение в разговорную форму (Телия 91, с. 33)

В рассматриваемом семантическом поле преобладают нейтральные ФЕ (т. е. их употребление уместно в социальных условиях речи).

Золотое дно – златна мина

На широкую ногу жить – живея на широка нога

Дрожать над каждой копеечкой – цепя косьма на две

Дойная корова – дойна крава

Бросать бросить на ветер – хвърлям пари на вятъра

Есть ФЕ, которые в русском языке употребляются в социально немаркированных условиях речи (т. е. нейтральные), а в болгарском пренебрегается статусом собеседника, и по этой причине они фамильярны.

Греть себе руки – удрям келепира / кьоравото

Русские нейтральные ФЕ могут иметь в болгарском языке неформальное соответствие (когда статус сознательно не учитывается между собеседниками – например, между близкими людьми, даже если их положение неодинаково).

Сидеть на мели – оставам като жаба на/ в сух вир

В этом случае ВФ не позволяет в болгарском языке использовать ФЕ в немаркированных условиях речи.

Культурно – национальный аспект значения (К)

Национальная специфика часто выражается во фразеологизмах. В случаях, когда она присутствует в названиях предметов материальной культуры данного народа или исторических событий, она сразу заметна. Более сложны ФЕ, в которых представлены стереотипы, отражающие

народный менталитет. В. Н. Телия, рассматривая эту проблему, отмечает, что только на достаточно больших тематических массивах видна связь образного основания идиом с культурно-национальным миропониманием (Телия 93, с. 23).

В рассматриваемом семантическом поле предметы материальной культуры находят выражение в 3 русских и одной болгарской ФЕ. Во всех случаях это денежная единица: *копейка* в русском и *грош* в болгарском.

Дрожать над каждой копеейкой – треперя над всеки грош

Ни копейки за душой – нямам пукната пара

В копеечку влетать - излезе ми солено

Более интересным представляется фразеологический материал, выражающий народный менталитет через образы, залегшие во ФЕ. Правда, материал ограничен, но все же можно сделать несколько интересных наблюдений.

Трудная жизнь осмысляется по-разному в русском и болгарском языках. Значение “полностью разоряться” выражается фразеологизмом вылетать в трубу. Человек остался без материальных средств – ситуация обозначается вылетанием из трубы по аналогии с дымом. Это значение выражается в болгарском ФЕ отивам по дяволите. Средства человека как бы попадают в руки дьявола – самого зловещего существа в народном понимании. В русском сознании разорение представлено бытовой картиной, в болгарском – картиной мифологической, разорению как бы дается фаталистический характер. В русском разорение – просто констатируемый факт.

Подобное можно наблюдать и в другом случае, тоже обозначающем затруднительное материальное положение. Значение “безрезультатно прилагать все усилия, чтобы выйти из затруднительного материального положения”, выражено в русском языке ФЕ биться как рыба об лед В болгарском языке, наряду с мятам се като риба на сухо, есть и фразеологизм мъча се като грешен дяволу Осмысление ситуации картиной

из природного мира в русском и мифологическим образом в болгарском также наводит нас на мысль о фаталистическом взгляде болгар на бедность.

С другой стороны, взгляд на благополучную жизнь выражается в русском языке ФЕ жить как у Христа за пазухой. ВФ указывает на благословенность такой жизни, Христос – символ любви, истины, бессмертия покровительствует богатому человеку. Ничего подобного нет в болгарском варианте гледам си рахатлыка – такой образ жизни завикит от человека и ему не придается никакой мистической окраски.

Из анализа семантической структуры ФЕ рассматриваемого поля можно сделать следующие обобщения:

1 В отношении **денотативного** аспекта в обоих языках ФЕ можно разделить на три большие тематические группы: “отношение к деньгам и богатству”, “нечестное приобретение богатства” и “материальное положение”.

2 С точки зрения **рационально-оценочного** аспекта значения в обоих языках преобладают ФЕ с отрицательной оценкой. Количество ФЕ с положительной оценкой незначительно, а иногда, в зависимости от контекста, фразеологизм может оцениваться как положительно, так и отрицательно.

3 Мотивационный аспект значения представлен в русском и болгарском языках ФЕ, в основе которых лежит одинаковый образ, ФЕ с различными образами и ФЕ с различными образами, в которых есть определенное функциональное сходство.

Фразеологизмам с символьным компонентом в одном языке соответствуют фразеологизмы с символьным компонентом в другом языке.

4 Эмотивный аспект значения характеризуется тем, что в обоих языках преобладают ФЕ с отрицательной эмоциональной оценкой. В отношении к первому лицу отрицательная оценка смягчается. Различие в том, что в

русском языке почти невозможно отнести ФЕ с сильно отрицательной оценкой к 1-ому лицу, в то время как в болгарском это иногда возможно.

5 В **стилистическом** аспекте русские ФЕ отличаются от болгарских наличием большего количества нейтральных фразеологизмов. Книжных ФЕ в обоих языках не существует

6 В **культурно-национальном** аспекте, при преобладающей близости, можно отметить, что в среди болгарских ФЕ есть такие, которые зафиксировали отношение к бедности как к состоянию, независящему от воли и действия человека, в русском же это наоборот.

Литература:

1. Влахов С. И. Руско-български фразеологичен речник. София, 1980
2. Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. Москва, 1994
3. Исаева Н.Ю. Поведение как свойство личности на примере идиом. Москва, 1994
4. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. Москва, 1993
5. Леонидова М.А. Проблемы структурно-семантической типологии болгарских и русских фразеологизмов. София, 1986
6. Мокиенко В.М. Словарь русской фразеологической терминологии. Мюнхен, 1993
7. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. Москва, 1967
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Москва, 1981
9. Телия 1990. Телия В.Н. Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении. Фразеология в машинном фонде русского языка. Москва, 1990
10. Телия 1991. Телия В.Н. Макет словарной статьи для автоматизированного толково-идеографического словаря идиом.

Технология и идеология. Макет словарной статьи для автоматизированного толково- идеографического словаря русских фразеологизмов. Образцы статей. Москва, 1991

11.Телия 1993. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов. Славянское языкознание. Москва, 1993

12.Телия 1995 . Телия В.Н. Словарь образных выражений русского языка

Гурамишвили З.Ш., Мегрелишвили Т.Г.
Грузинский технический университет
г. Кутаиси (Грузия)

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В ГРУППАХ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ «ПЕРЕВОДЧИК» В ГТУ: PRO ET CONTRA

Вхождение Грузии в европейское образовательное пространство определило переход к активным формам обучения. В современной парадигме преподавания акцент с выработки у слушателей фундаментальных знаний переносится на формирование компетенций, что требует переориентации на личностно-ориентированный подход и усиление активности субъектов образовательного процесса. В соответствии с Болонским соглашением, усиливается роль самообучения студентов, формируется кредитно-модульная система, которая существенно меняет планирование лекционных курсов и формы контроля со стороны преподавателя.

Проводимая в Грузии реформа образования коснулась и общей стратегии обучения будущих переводчиков, специализирующихся в сфере грузинского и русского языков. Учитывая тот факт, что перечень специализаций бакалавриата, предлагаемый Болонским соглашением, не предполагает специализацию «Переводчик» (предусмотрено направление обучения «Филология»), основная нагрузка по выработке профессиональных навыков будущих специалистов данного профиля

падает на магистратуру. Это вызывает ряд сложностей при составлении программ. Однако открываются и положительные перспективы: из программ убран ряд дисциплин, преподавание которых признано нецелесообразным в рамках данной специализации, усилен блок дисциплин, связанных с изучением русского и грузинского языков, а также с теорией и практикой перевода.

На фоне в целом позитивного движения реформы проявилась тенденция к исключению из преподавания у будущих переводчиков дисциплины «Русская литература» как следствие ориентации обучения на выработку практических навыков и необходимости увеличения часов на преподавание дисциплин языкового модуля. Учитывая особенности языковой ситуации вокруг русского языка в Грузии и осознавая вполне необходимость усиления блока предметов РКИ, мы тем не менее хотим заметить, что игнорирование преподавания русской литературы серьезнейшим образом негативно сказывается на итоговой профессиональной компетенции выпускников.

Для проверки этого утверждения нами был проведен ряд экспериментов с участием групп студентов старших курсов, которые еще изучали в бакалавриате «Историю русской литературы», и групп студентов младших курсов, программа обучения которых уже не предполагала преподавания литературы. В обеих группах в качестве тестирования было предложено перевести с грузинского языка на русский язык два типа текстов – художественный и узко профессиональный (насыщенный технической терминологией).

Результаты тестирования показали, что остаточные профессиональные навыки студентов в группах, где еще преподавалась русская литература, были намного лучше. Наблюдался более высокий уровень владения разнообразными языковыми тропами, синонимией и другими языковыми средствами, придающими тексту не только максимально приближенную к оригиналу точность, но и заметное уже при

черновом варианте перевода владение такими выражениями, которые относятся к явлениям культурно-коммуникативного ряда. В то же время группы, не прослушавшие курса «История русской литературы», демонстрировали при переводах заданных текстов бедность лексики, слабость стилистики, неумение адекватно передать идиомы – всего того, что выводит перевод из чисто прикладной сферы, возводя его в ранг искусства. И если данные тестирования могут быть признаны удовлетворительными в области узко профессионального перевода, то при художественном переводе они явно оставляют желать лучшего.

Таким образом, стало очевидным, что наличие в программах обучения будущих переводчиков дисциплины «История русской литературы» является частью профессиональной подготовки специалистов и выводить его за рамки программы обучения нерационально. При таком положении скорее целесообразнее обратить внимание на изменение парадигмы преподавания литературы.

Русская литература является в нашей стране иностранной литературой, а контингент студентов, свободно владеющих русским языком, с годами будет только сокращаться. В последнее время среди обучающейся по специализации «Перевод» молодежи фиксируется количественный рост слушателей, для которых русский язык является вторым языком, что напрямую связано с изменением культурно-политической ситуации в Грузии в целом. Все чаще, заходя в аудиторию, преподаватель оказывается перед группой студентов с различным уровнем знания русского языка. Большинство действующих на сегодняшний день факторов указывают на высокую вероятность дальнейшего развития этой тенденции.

По данным независимого исследования, проведенного в 2004 году, число активно владеющих русским языком граждан в Грузии составляет 38% от общей численности населения. По данным исследования такого же типа, проведенном в 2006 году, свободная коммуникация на русском языке

оказалась возможной для 35 % населения. Из них в возрастной группе от 17 до 25 лет такая коммуникация является возможной лишь для 13 % опрошенных.

Приведенные цифры заставляют задуматься. Настало время осознать, что билингвальная ситуация в Грузии – характерное явление недавнего прошлого – уступила место монолингвальной ситуации. Кроме того, необходимо учитывать факт конъюнктуры (мода на английский язык, навыки владения которым у молодежи, увы, также поверхностны). Утрата билингвальных навыков не только сужает возможности получения информации студентами, но и существенно увеличивает роль и значение перевода. А требования, предъявляемые к профессиональному переводчику, предполагают не только свободное владение лексикой иностранного (в данном случае, русского) языка, но и умение изложить переводимый текст не только грамматически верно, но и читабельно. И вот решение такой задачи нам представляется маловероятным без ознакомления студентов с дисциплиной «История русской литературы».

В перспективе следует ожидать, что на направлении «Перевод» будут обучаться в подавляющем большинстве выпускники грузинских школ (в частности, на базе Грузинского технического университета). Для них основным барьером полноценного восприятия русской литературы станет недостаточный уровень владения русским языком. В работе с такими студентами необходима корректировка преподавания русской литературы в бакалавриате с усиленным курсом русского языка (РКИ).

В связи с особенностями имеющегося на сегодняшний день уровня предварительных навыков студентов, считаем абсолютно необходимой *корректировку* преподавания дисциплин специализации, а также дисциплин гуманитарного профиля, входящих в общефакультетские модули, с основными курсами языкового блока и с учетом специфики современной подготовленности студентов к восприятию сложнейшей дисциплины, каковой является русская литература. Особо остро эта

проблема встает в бакалавриате, где количество аудиторных часов значительно сократилось. С другой стороны, для полноценного освоения материала дисциплины «История русской литературы» курсы должны быть обновлены в соответствии с результатами новейших научных и методологических исследований в рамках интеграции науки и преподавания.

Для достижения этой цели вне зависимости от того, на какой из ступеней профильного преподавания (бакалавриат или магистратура) будет преподаваться русская литература, в преподавании этой дисциплины необходим *интердисциплинарный подход*. Русская литература должна читаться в широком семиотическом поле культуры как неотъемлемая часть общегуманитарного знания. Лекции должны перестать быть информационно-оценочными, что было характерно для преподавания русской литературы ранее, особенно при филологической специализации, а стать ориентирующими. Функция преподавателя отныне не может быть сведена к простой передаче студентам необходимого минимума знаний, сегодня она не может являться основной: большое количество учебников, в том числе интернет-версии учебных пособий, корпус классических авторских учебников, экспериментальные пособия доступны студенту (при условии владения языком). Сегодня важнейшей целью преподавания становится систематизация большого и разнородного материала и, следовательно, выработка у студента умения ориентироваться в этом материале.

Аналогичная картина прослеживается и относительно уровня предварительной подготовки по курсу «История русской литературы». Вероятность количественного роста среди студентов молодежи, получившей среднее образование по программе грузинских школ, очевидна. Как правило, эти программы не предусматривают изучение русской литературы в том объеме, который соответствовал бы

требованиям по предварительной подготовке абитуриентов, которым предстоит в бакалавриате изучать «Историю русской литературы».

На сегодняшний день при подготовке переводчиков практически не существует деления на группы по уровню предварительной подготовки, все еще не акцентирован вопрос об интенсивном изучении русского языка (РКИ) на первом этапе обучения в вузе. А ведь восприятие литературы невозможно без предварительного овладения языком этой литературы. И пока не будут решены эти наболевшие вопросы, профессору при построении курса лекций все чаще (каждый раз с учетом специфики состава и уровня знаний каждой конкретной группы) придется преодолевать сложности, вызванные как несоответствием требований стандартной программы реальной предварительной подготовке студентов, так и неравноценным уровнем знаний русского языка.

Как показала практика, при преподавании курса «История русской литературы» в группах, где преобладают выпускники грузинских школ, одним из эффективных методов успешного освоения русской литературы является учет уровня предварительной языковой и общекультурной подготовки. Это подразумевает в лекциях определенные дополнения в виде элементов типологического подхода к изучению предусмотренного основной (базовой) программой материала: привлечение в виде иллюстративного материала уже известной студентам по школьной программе истории грузинской литературы соответствующих периодов; оценки художественных явлений и процессов русской литературы с позиции их типологической общности и значимости в едином контексте развития европейских литератур и т. д. Подобный подход к построению курса дает возможность студентам, получившим среднее образование по программам публичных школ, лучше понять общий ход литературного процесса, наглядно «увидеть» роль и место русской литературы в процессе развития художественного мышления человечества. В целом же эти дополнения призваны развить у учащейся молодежи способность к

восприятию эстетики текста, выработке навыков стиля, закреплению материалов языкового плана на примере художественного текста.

Русская литература должна читаться в широком семиотическом поле ее рецепции грузинской культурой. В методике преподавания русской литературы решение этой задачи может быть достигнуто при моделировании в условиях обучения циклов прочтения произведений и анализа литературного процесса как отражения ментальности русского народа. Тогда национальная картина мира, отраженная в текстах русской литературы, предстает перед студентом-переводчиком как текст, к которому следует подойти с позиций декодировки: как составляющая единого интертекста русской культуры, где прецедентный текст, в свою очередь, служит подтекстом любого вновь появляющегося текста. При подобном подходе литература становится текстуальной интеракцией.

Благодаря такому подходу достигается умение «прочитывать» культурную, литературную и языковую парадигмы в их историческом движении, более четко осознавать языковую картину мира русского этноса, что самым позитивным образом отражается в практике перевода: наблюдается более правильный отбор лексики, отказ от калькированного перевода, вырабатывается умение сохранить при переводе авторскую индивидуальность, использовать при переводе специфических (инженерно-технических) текстов соответствующие клише, выработанные русским языком, а не дословно переносить язык оригинала в переводимый текст.

В учебной программе необходимо наличие целостной системы семинарских занятий, основу которых должны составить задания коммуникативного характера, позволяющие выработать у будущих специалистов умения и навыки грамотного прочтения и максимально полного понимания текстов на всех уровнях: собственно текстовом, подтекстовом, ассоциативном и т.д. Старая форма семинарских занятий, когда на них проводился опрос студентов на манер школьного, также себя

изжила. Семинарские занятия должны стать преимущественно практическими. Сама формулировка темы семинара должна учитывать как тематику лекций, так и материал, освоенный студентом при самостоятельной работе. При этом будет лучше, если тема семинара будет носить не столько теоретический, сколько практический характер. Именно тут возможна продуктивная работа с текстами художественных произведений, причем эта работа может подразумевать как общий анализ поэтики того или иного текста, так и носить интерпретационный характер либо быть ориентированной на комментирование тех или иных элементов текста с целью активизации языковой компетенции и обнаружения в текстах скрытых, глубинных смыслов. Таким образом можно выявить не только уровень проработки необходимой художественной литературы, но и выработать конкретные навыки переводческого характера.

Формы контроля при преподавании русской литературы, как впрочем, и любого иного предмета, должны стать более серьезными. Применительно к русской литературе, в первую очередь, необходимо контролировать процесс чтения художественных произведений. На сегодня это, пожалуй, один из наиболее наболевших вопросов. Для активизации грамотного чтения художественных текстов необходимо введение обязательного отчета по прочтению произведений, наличие у студентов как письменной формы такого отчета (тетради по внеаудиторному чтению), так и формы обязательного 10-минутного тестирования. Письменные коллоквиумы должны быть посвящены наиболее проблемным и дискутируемым темам в русской литературе. Отчет по прочтению текстов, равно как и коллоквиумы должны обязательно влиять на итоговый результат по курсу (получение кредитов).

В процессе контроля важную роль играет реферат. Темы рефератов, предлагаемых студентам, ориентированным в дальнейшем на переводческую деятельность, должны учитывать специфику будущей специальности и носить не столько научно-исследовательский, сколько

аналитический характер: проблемы переводов русской классики и литературы XX столетия на иностранные языки, качество переводов, степень их соответствия оригиналу.

Сегодня при выборе студентом специализации направление «Перевод (русский и грузинский языки)» не принадлежит к числу популярных (как впрочем, и специализация «Русская филология»). Кроме объективных причин, диктуемых новыми формами экономического уклада страны, такое положение вызвано и субъективным фактором. Мы надеемся, что никого не покоробит, если мы определим этот фактор как плохую рекламу специальности. Думается, было бы не лишним еще на стадии обучения в школе выявлять филологически ориентированных детей (что подразумевает контакт со школами сотрудников вузов), устраивая для них творческие мастерские в стенах вузов по таким привлекательным для юношества областям, как элементарные принципы стихосложения и перевода стихов, встречи с преподавателями-специалистами, способными в своих популяризаторских лекциях показать будущим абитуриентам все богатство русской культуры, литературы в первую очередь. Словом, нам представляется, что личностно-ориентированное обучение, которое является частью установочного корпуса Болонской конвенции, в случае с практикой перевода должно начинаться еще в школьный период. Разумеется, понятно, что выбор специальности должен диктоваться требованиями реально жизни. Но и в реальной жизни человек должен получать от своей профессии не только материальное, но и моральное удовлетворение. Возможно, при помощи описанных мер определенный круг молодежи сумеет увидеть свое призвание в сфере теории и практики перевода. А дисциплина «История русской литературы» может во многом этому способствовать.

Гуртуева Т.Б.
Фатих университет,
г. Стамбул (Турция)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Художественный перевод является одной из составляющих культурного диалога между народами. Определение ступеней восприятия, начиная от элементарных этапов, когда усваивается лишь эскизный фон подлинника, его отдельные черты или эпизоды сюжета, до высокого уровня, когда восприятие принимает системный, цельный характер, дает возможность выйти не только в область выявления типологических признаков психологии переводческого творчества, но и рассматривать художественный перевод как фактор формирования межнациональной поэтики.

В эволюции восприятия инонациональной литературы наблюдается два этапа, обусловленных как различием социально-культурных обстоятельств, так и несовпадением этапов развития литератур, национальных традиций. Для начального периода характерен процесс вовлечения в орбиту своего миропонимания традиций художественного мышления, идей, образов, эмоций переводимого автора, когда текст воспринимается как замкнутая имманентная структура. Отсюда неравномерность объема воспринимаемой эстетической информации. Воображение останавливается на компонентах текста, которые способствуют «выплескиванию» образов, уже обозначившихся в творческом воображении и развивающихся в ходе приобщения к оригиналу, но не находящих импульсов для системного выражения. Неравномерная концентрация изобразительно-выразительных средств нередко приводит к выпячиванию отдельных структур, возможно, даже второстепенных. На втором этапе восприятие и поэтическая интерпретация идут в контексте историко-культурного времени. В динамику переводческого творчества кроме интуиции подключается аналитическое познание текста. И тогда открываются интересные образные созвучия, раздвигаются стилистические возможности

поэтической речи, повышается культура художественного слова. И, пожалуй, нигде так явственно не проявляется понимание иноязычного текста, как при его стихотворном переводе. Стихотворный перевод специфичен, поскольку «поэтическая речь представляет собой структуру большой сложности. Она значительно усложнена по отношению к естественному языку» (Лотман 1984,17). В процессе перевода ввиду разности поэтических культур неизбежно происходит трансформация художественного текста, который в данном случае несет признаки амбивалентности.

Востребованность лучших представителей русской культуры в области литературы и искусства является безусловным свидетельством необходимости диалога в духовной сфере. И в этом процессе не последнюю роль играет переводчик, который помогает строить мост между двумя иноязычными поэтическими культурами. Однако этот мост может быть крепок лишь при знании и особом чувственном понимании эстетических качеств обеих культур. Переводчик становится соавтором переводимого произведения, подчиняя собственное искусство законам поэтики и стиля переводимого произведения. Но не всегда ему удается преодолеть трудности, связанные с тем, что языки оригинала и перевода принадлежат разным культурам. Успех переводчика, как правило, зависит не только, а возможно, и не столько (если вспомнить переводы из французской поэзии, осуществленные русскими поэтами-символистами) от близости его перевода подлиннику, но в большей степени от эстетической силы переведенного произведения и способности воспроизведения духовного мира его героя. Несмотря на то, что мы живем в век новейших информационных технологий, когда существует огромное разнообразие компьютерных переводчиков, информационная функция художественного перевода обречена на смерть, ибо она убивает *творчество*, без которого произведение перестает быть *искусством*, а переводчик-художник теряет свою творческую индивидуальность.

Попытаюсь конкретизировать выдвинутые выше положения на примере перевода турецкими переводчиками блистательного стихотворения Бориса Пастернака «Зимняя ночь». А исходной позицией для анализа этого перевода станет признание самого автора, отрицавшего современные ему переводческие воззрения. Поэт неоднократно утверждал, что стоит «на точке зрения прошлого столетия, когда в переводе видели задачу *литературную* (курсив мой – Т.Г.)...».

... В 1946 году Пастернак пишет восхитительное стихотворение «Зимняя ночь», вошедшее в сборник Юрия Живаго (роман «Доктор Живаго»). Насыщенность символами и метафорами делает это стихотворение не только трудным для восприятия, но и особенно для перевода его на другой язык. И здесь уже не обойтись одним пониманием текста, необходимо дополнительное эстетическое усилие, которое поможет вжиться в стихи и по отдельным строчкам представить целостное мироощущение поэта. У Пастернака, быть может, как ни у кого другого, внешний мир стихотворения, имея достаточно четкие свои очертания, разнится с внутренним состоянием лирического героя. О нем почти ничего не сказано, все живет на довербальном уровне. Сокровенное невыразимо, защищенное образами-символами оно вершит некое таинство. Можно сколь угодно говорить о соотношении мироощущения поэта с эпохой и историческими коллизиями, но как быть с пронзительным выражением одиночества, «бездомности», трагизма, переданного музыкой его стиха? Вспоминаются бальмонтовские строки: «Я ненавижу человечество, я от него бегу спеша/ Моё единое Отечество – моя пустынная душа...»? А спустя почти полвека наша современница Белла Ахмадулина, подхватив дирижерскую палочку у самого «Короля русской поэзии» – Константина Бальмонта, сплетет свое тончайшее кружево: «О, одиночество! Как твой характер крут/ Посверкивая циркулем железным/ Как холодно ты замыкаешь круг/ Не внемля увереньям бесполезным...».

Музыка передает движение, и взгляд останавливается на образе, без которого «путь наверх» невозможен – образе *свечи*. Но прежде возникнет образ *метели* («Мело, мело по всей земле/ Во все пределы...»). Метель – очищение или дьявольская стихия? Если в раннем стихотворении «Февраль» (1912), когда текст воспринимался как некая замкнутая имманентная структура, для передачи тревоги и вызываемого ею унылого, гнетущего настроения поэту достаточно было двух коротких фраз («Февраль. Достать чернил и плакать!»), то «Зимняя ночь» несёт уже мощный философский потенциал, основанный на вере в существование Бога в душе каждого человека. И личное, растворяясь, отходит на второй план. У Блока в «Двенадцати» снежный вихрь – бездна, а Христос – жертва и единственно возможное спасение. На фоне властвующей метели в «Зимней ночи» символом бесконечной веры во Христа, а значит и веры в любовь (ибо Бог есть Любовь) и неизменность жизни на земле, становится образ нетлеющей свечи. И она не погаснет, пока будет храниться вера в Иисуса Христа. Одинокая человеческая душа противостоит дьявольской пляске метели, и как бы легко ни было затеряться в этой затягивающей в свой вихрь снежной мгле, но ведомый ангелами, человек удержится от соблазна, и разомкнется круг одиночества, чтобы показать тот единственный путь к обретению света – путь к Христу. Очищение происходит на онтологическом уровне, озарение уносит в пронзительную высоту Духа («Я вернусь к вам, люди, в вас же самих...»).

*На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.*

*И падали два башмачка
Со стуком на пол.
И воск слезами с ночника
На платье капал...*

Не напоминает ли это распятие Христа? Тихая мелодия, едва слышимая, чтобы не заслонить собою образ распятого Иисуса. Вселенская

трагедия разыграна на наших глазах: реальные вещи (внешние атрибуты жизни: башмачки, пол и др.), исчезая, обнажают внутреннюю суть трагедии – распятия; использованная метафора (*воск слезами с ночника на землю капал*) как нельзя обнаженнее передает это действие. Предложение с начальным союзом «и» восходит к старославянской традиции, что опять-таки не случайно в структуре стихотворения. Оба предложения работают на создание образа Христа. Да и капля, падающая с ночника, удивительным образом вызывает у нас ассоциацию с каплей крови, стекающей со лба распятого Иисуса.

В стихотворении связующую роль играет рефрен *Свеча горела на столе*. Повторенный четырежды он, по всей видимости, восходит к следующим евангельским текстам: «Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи» (Лк 12:35); «И зажегши свечу, не ставят её под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Мф 5:15). В Евангелиях образ свечи непосредственно связан с антитезой *свет/тьма*. И если метель предстает в стихотворении в разных обликах, то свеча неизменна, а в последней строфе её пространство даже увеличивается за счет увеличения количества строк.

С какими трудностями пришлось столкнуться в работе с переводом стихотворения на турецкий язык? Чтобы ответить на этот вопрос обратимся к текстам подлинника и его турецкого эквивалента. В первой же строке подлинника используемый Пастернаком прием антитезы (*метель* противопоставлена образу *свечи*, олицетворяющей собой вечность) не находит себе должного выражения в переводе на турецкий язык. Свеча, символизирующая прежде всего веру, говорит о неизменности её, ибо угасание свечи равносильно угасанию веры, а последнее – угасанию и самой жизни человека. Метель как стихия не выходит за пределы *закоулков*, в оригинале стихотворения настойчивость повторения *свеча горела...* говорит о её неизменности, при переводе же даже замена глагола в прошедшем времени *гореть* на причастие *горящая* сокращает

пространство, ограничивая действие пределами одной комнаты. Во 2-й строфе у Пастернака *слетались хлопья со двора/ к оконной раме*, в переводе глагол *лететь* (опять же в настоящем времени) неоправданно соседствует с глаголом *смотреть*, выраженным формой повелительного времени *смотри* (*Sinek nasıl yaz geldi mi/Ateşe uçar/Uçuyor bak onun gibi/Pencerede kar*). В третьей строфе в результате замены *метели* на *ветер* происходит снижение образа *снежной стихии*. Кроме того, четырежды повторенный рефрен *Свеча горела на столе/ Свеча горела* есть тот остов, на котором держится вся образная структура стихотворения, а в переводе приведенный лишь дважды он не только нарушает целостную композицию стиха, но и размывает четкий рисунок Времени и Судьбы. В последней строфе рефрен опять видоизменяется. Образ веры и вечности низводится до бытового предела – *горящая свеча согревает комнату*. Увы, сокращается не только пространство свечи, но главное – она теряет свою символическую суть, и не без помощи переводчиков образ растворяется. Я не увидела в турецком варианте ни *озаренного потолка*, ни указания на распятие Иисуса Христа (в оригинале: *Вздыхал, как ангел, два крыла/ Крестообразно*) и даже надежды на воскресение, то есть на незыблемость Веры. Но вопреки тому, что не всегда этими переводчиками были найдены близкие соответствия сложности того духовного механизма, к которому они прикоснулись, ими все же была предпринята попытка по сохранению стиля оригинала. Такой подход непременно должен укрепить мост между двумя поэтическими культурами.

Специфика литературы заключается в её словесной образности. Поскольку слово – это общедоступный бытовой материал общения, то от переводчика требуются усилия для формирования чувства удивления перед красотой слова, перед его разнообразием и способностью создавать неповторимые художественные образы, особенно когда речь заходит о сотворчестве с Борисом Пастернаком. Так кто же есть переводчик – *предатель*, как говаривали итальянцы, или *соперник*? И тот и другой

пытается, дойдя до сути подлинника, вернуться в пределы собственного творения. Но культура, выйдя за свои пределы, возвращается уже в измененном качестве. Неизбежные попытки сближения разных языковых культур либо порождают вторичность, либо перевод функционирует как вполне самостоятельное произведение искусства, представляя типологически схожее явление. Возникающие различия вполне объяснимы не только сложившимися литературными традициями, но в первую очередь индивидуальностью переводчика. Поэтому оценка качества перевода может зависеть либо от творческой индивидуальности переводчика, либо от его творческих установок. Будет лучше говорить об удачном или неудачном переводе, талантливом воспроизведении подлинника или переводном произведении, лишенном художественной силы. И тогда не придется вторить «философу» (персонажу одного из эссе Н.М.Бахтина): «Перевод не нужен уже просто потому, что это подделка, хотя и крайне искусная» (Бахтин 1995, 342). Но как средство взаимного духовного сближения культур и народов перевод всегда будет вызывать к себе интерес в современном мире.

Литература:

1. Бахтин Н.М. Разговор о переводах // Из жизни идей. М., 1995.
2. Boris Pasternak/ Doktor Jivago'nun 17.Volumu. Istanbul, 2001.
3. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л., 1984.
4. Мысль, вооруженная рифмами. Изд.2-е. Поэтическая антология по истории русского стиха.
5. Сост.В.Е.Холшевников. Ленинград, Изд-во Ленинградского университета, 1967.
6. Суханова И.А. Ещё раз о лейтмотиве свечи в романе Б.Л.Пастернака «Доктор Живаго»//Ярославский педагогический вестник. 2003. №3 (36).

Demand of the best representatives of Russian culture in the field of art and literature is the definite proof of necessity of dialogue in spiritual sphere. In this process not the last role is played by the translator who helps to build the bridge between two foreign poetic cultures. Thus, translating is the most important link in the process of interrelations of literatures. High-grade translation of any text from one language to another means not only simple translations of separate words and sentences, it also assumes adaptation and interpretation taking into account distinction not only between languages, but also between their cultures. The world of sensations and associations consist the important part of culture. During the work on the original text the translator passes few steps of perception, from acquiring outline background of the original text, to the high level, when this perception becomes systematic. Such approach allows appearing in the area of typological signs of translational creativity's psychology and at the same time to consider a literary translation as the factor of formation of international poetics. The thoughts put forward in these are concretized on a material of translation of Boris Pasternak's poem "Winter night" into Turkish language.

Гусева О.Н.
Фатих-Университет,
г. Стамбул (Турция)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ НОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ В ОФИЦИАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

На современном этапе интенсивного культурного и делового сотрудничества между представителями различных наций русский язык является одним из языков мирового общения.

Перенос коммуникативного поведения из одной языковой культуры в другую определяет все более сложные проблемы в сфере обучения этому языку как иностранному. При всем многообразии подходов к анализу речевых актов существенным является стремление осмыслить контекст

употребления норм речевого поведения при обращении коммуникантов друг к другу. Выражение обращения различно в родной культуре обучаемых и в культуре изучаемого языка, поэтому преподаватель выступает в качестве эксперта по использованию языка в разнообразных коммуникативных контекстах. Тип и функция обращения определяются в зависимости от случая, эпохи, общественного положения, личных отношений между говорящими, социальной среды и др.

Мы рассмотрим социокультурные особенности употребления норм обращения с целью формирования у изучающих русский язык как иностранный навыков адекватного коммуникативного поведения в естественном социальном дискурсе, конкретно в ситуациях, связанных с вежливыми формами обращения в официальных ситуациях.

С коммуникативно-прагматической точки зрения обращение – это средство адресации. Обращение называет и призывает адресата. Обращениями, в первую очередь, служат имена людей, название лиц по степени родства, положение в обществе, профессии, занятию, должности, званию, национальному или возрастному признаку. Обращение принадлежит «широкой зоне речевого этикета, поскольку с помощью такой единицы устанавливается и поддерживается речевой контакт с собеседником, регулируются представления о ситуации общения в целом и о речевых позициях партнеров, их социальных и личных взаимоотношениях» [Формановская 2002: 86].

Речевой этикет представляет собой образец ярко выраженного стандартизированного речевого поведения. Ситуации знакомств, представлений, обращений, приветствий, прощаний, извинений, благодарностей и др. тоже стандартны. Стандартны и выражения, речевые акты, применяемые в этих ситуациях. Языковые средства, обслуживающие эти стандартные ситуации, достаточно большие, что дает коммуникантам творческий выбор применительно к официальной или неофициальной обстановке общения, социальным признакам адресанта/адресата и т.д.

Речевой этикет связан с вежливостью. Явления этикет и вежливость не покрывают друг друга, а только тесно взаимодействуют: «не всё то вежливо, что этикетно, но всё, что неэтикетно – невежливо» [Формановская 2002: 186]. Вежливость, особенно в единении с речевым этикетом, позволяет говорящему демонстрировать внимание к собеседнику, интерес к его делам, сопереживание, готовность помочь, желание контактировать и т.д. Речевой этикет в сочетании с вежливостью обеспечивает неконфликтные зоны общения, а также предупреждает и снимает конфликты.

В общественном сознании вежливость имеет высокую оценку. Широко известно изречение Сервантеса: «Ничто не обходится нам так дешево и не ценится так дорого, как вежливость». Соблюдение этикетных правил как уважительного внимания к собеседнику объединяет речевой этикет и вежливость.

Речевой этикет тесно связан с культурой народа, исполняющего те или иные ритуалы, обычаи, правила поведения. Речевой этикет – неотъемлемый элемент культуры речевого поведения, общения. Психолог В.Зинченко утверждает: «Культуру нельзя рассматривать только как среду, внешнее условие или обстановку развития, она – важнейший источник и движущая сила, определяющая направление и формы развития общества, его средства, а возможно и цель. Важнейшая составляющая культуры – культура общения. Она не в меньшей степени, чем труд, служит средством развития сознания, которое по своей природе и по способу осуществления диалогично» [Зинченко 1988: 53]. Неизменен и интерес культурологов и лингвострановедов к речевому этикету [Верещагин, Костомаров 1990]

В обучении иностранным языкам, русскому языку как иностранному – специфические фрагменты поведения в виде речевого этикета должны занимать достойное место.

Однако в учебном процессе нормы вербального поведения при употреблении форм обращений считаются незначительными и не всегда

привлекают внимание. Тем не менее ложная идентичность разговорных норм родного языка и языка изучаемого может ввести в заблуждение, результатом которого будет либо ошибочные перенос правил речевого поведения из родного языка в изучаемый, либо неправильная интерпретация коммуникативных действий, производимых в соответствии с речевыми нормами изучаемого языка. Это может привести к коммуникативным провалам и необоснованным негативным обобщениям. Известно, например, что когда носитель русского языка говорит по-английски, то очень часто, несмотря на отсутствие грамматических, лексических и фонетических ошибок, его речь звучит слишком категорично и прямолинейно для носителей английского языка [Bill Bryson 1991, Thomas J.1983].

С другой стороны, говорящие по-русски носители английского языка часто воспринимаются русскими как осторожные, уклончивые и слишком вежливые собеседники. Все это может создать атмосферу недоверия и напряженности в общении.

Взаимное непонимание подобного рода приводит к нарушению прагматических и социопрагматических норм употребления языка и является результатом неадекватного восприятия и выражения языкового значения. Поэтому, обращаясь к собеседнику, носители русского языка часто звучат чрезвычайно категорично, а иногда даже резко и агрессивно с точки зрения иностранцев, которые считают русских не очень вежливыми. Актуальность данной проблемы состоит в умении предвидеть социопрагматические ошибки и найти социокультурные соответствия в ситуации общения, исходя из особенностей национальных норм поведения, что позволит избежать неправильной интерпретации коммуникативных ситуаций.

Одной из сложных сфер в общении между носителями русского и других языков является выражение форм обращения говорящих друг к другу. Наименование людей в речи носителей русского и других

иностранных языков имеет несколько форм, различающихся степенью конкретизации именуемого. Способы выражения форм обращения в различных языках могут вызывать определенные трудности. В связи с этим изучение национально-специфических фрагментов национально-речевого поведения в виде речевого этикета должно занять достойное место в обучении иностранным языкам.

Мы живём в эпоху больших перемен. Прежде всего меняется окружающий мир, и язык не может оставаться неизменным, когда вокруг меняется всё: общество, психология, техника, политика.

Сегодня и ученые, и просто чуткие к русскому слову люди подмечают, что в последние годы не только в языке происходят разительные перемены, но и изменилось наше речевое поведение. «Если для слов есть словари, в которых они фиксируются, то для нашего речевого поведения почти нет фиксации. Мы не замечаем, как оно изменилось, а изменилось оно очень сильно. Сегодня уже иначе, чем раньше, обращаются друг к другу, иначе здороваются, иначе прощаются. Изменяется и стратегии поведения. Люди иначе стали выбирать стратегии коммуникаций, коммуникативные стратегии» [Максим Кронгауз, 2008].

Как же мы сейчас обращаемся друг к другу?

Речевая ситуация, в которой реализуется речевой этикет как речевой акт (в том числе и обращение), определяется компонентами непосредственности речевого общения, когда собеседники «я» и «ты/Вы» встречаются «здесь» и «сейчас».

Прагматические координаты «я – ты/Вы – здесь – сейчас» задают грамматическую и семантическую суть речевого этикета. Приведем пример следующей структуры значения речевого акта обращения «я – тебя (Вас) – здесь – сейчас – имея мотив и цель – зову (называя) – чтобы включиться в контакт – в избранной тональности (соответственно обстановке, социальным ролям, отношениям и т.д.)». С этой точки зрения обращения в русскоязычной среде к гражданам Российской Федерации не

представляют сложностей. Например, обращение *Ольга Николаевна* равно «Я, здесь и сейчас, зову, называя вас, конкретного, знакомого, но, возможно не близко, уважаемого и, возможно, старшего, возможно – в официальной обстановке, имея намерение вступить в дальнейшее общение в вежливой тональности». Научить иностранного студента обращаться по имени и отчеству к российским гражданам в соответствии с заданными прагматическими координатами не сложно. Сложнее найти этикетные формы обращения в условиях внеязыковой среды к преподавателям-русистам, которые не являются гражданами России.

Постараемся определить этикетные рамки обращения в условиях внеязыковой среды в следующих ситуациях: *преподаватель-преподаватель* и *студент-преподаватель*.

В ситуации общения *преподаватель-преподаватель* возможны следующие случаи: российский преподаватель – иностранный преподаватель-русист, ровесник или младший по возрасту: «*Керами, Вы не знаете, есть ли в библиотеке этот учебник?*». Обращение по имени и употребление вежливой формы *Вы* соответствует, на наш взгляд, нормам русского речевого этикета.

В ситуации общения российский преподаватель – иностранный преподаватель-русист, старший по возрасту и, часто, старший по должности обращение по имени и употребление формы *Вы* является недостаточно вежливым и этикетным даже по нормам русского языка. С точки зрения иностранца, обращение к нему по имени звучит фамильярно, а в некоторых культурах даже недопустимо. В этом случае к российскому преподавателю мы обратились бы по имени и отчеству. У коллег иностранцев отчества отсутствуют, а образование отчества от имени отца по моделям русского языка, на наш взгляд, абсурдно. Какую же этикетную форму обращения можно выбрать в этом случае?

Вспомним, что сразу после революции 1917 года фактически были отменены обращения, учитывающие пол адресата (господин, госпожа,

сударь, сударыня), точнее, они были заменены бесполом и потому равноправным – товарищ. В настоящее время употребление обращения *господин, госпожа* к знакомому человеку в сочетании с фамилией в официальной обстановке активизировалось. Но употребляется слово «господин» уже по-другому. В книге «Русский язык на грани нервного срыва» Максим Кронгауз приходит к выводу, что нынешний «господин» это, собственно, переодетый «товарищ». Потому что по всем ситуациям, в которых это слово употребляется, оно никогда не употребляется в тех контекстах и таким образом, как употреблялось дореволюционное слово «господин», а наоборот употребляется во всех тех контекстах, в которых недавно употреблялось слово «товарищ».

Представляется, что обращение к иностранным коллегам-русистам *господин Унал (Unal), господин Форсберг (Forsberg), госпожа Услу (Uslu)* является вежливым и этикетным. Мы намеренно не употребляем обращение *господин, госпожа* в сочетании с должностью коммуниканта. Возможно, обращение *господин профессор* (как *господин президент*) звучит привлекательно, но, во-первых, не все коллеги занимают должность профессора, во-вторых, в российских и зарубежных вузах названия должностей не совпадают. Поэтому обращения *господин помощник доцента* или *госпожа старший лаборант* вряд ли кому понравятся. По этой же причине нежелательны, на наш взгляд, обращения по должности в сочетании с фамилией: *профессор Формановская, старший преподаватель Каргы (Kargi), ассистент Форсберг (Forsberg), лаборант Ибрагим (Ibragim)* и др.

В ситуации общения *студент-преподаватель* тоже может быть несколько случаев. К российскому преподавателю студент обращается на Вы, по имени и отчеству: «*Ольга Николаевна, скажите, пожалуйста, когда будет экзамен?*». Обращение по имени и отчеству к иностранному преподавателю-русисту невозможно, о чем было сказано выше. Культурные традиции студентов вынуждают его обращаться к

преподавателю в соответствии с нормами речевого этикета родного языка: *Sir, Miss, Mister, Madame, Professor, Hodjam* и т.д.

Если старые формы обращения известны всем, то обращения к преподавателям новых стран Европы не очень известны. Студенты, отправляющиеся в эти страны по программе Erasmus, должны будут выучить все новые формы обращения. Приведём несколько примеров этикетных форм обращения в разных странах (примеры взяты из личной переписки с преподавателями РКИ).

«В Испании вообще принято обращаться только по имени и на "ты". В нашем университете (частный, католический) большинство учеников обращаются к русскоязычным преподавателям по имени, например, "Галина" и на "Вы", но бывает и на "ты". Мы не придаем этому особого значения. Некоторых профессоров, пожилых и заслуженных, могут называть "дон Эстебан" или "профессор Сантьяго".

У нас в Институте Языков таких нет, поэтому - по имени и на "ты"».

В Латвии

1. Если студенты говорят по-латышски с латышским преподавателем, то они могут обращаться двояко: либо *profesors* (одна буква "с" по-латышски) *Ivanovs* (фамилия мужчины), либо *profesore Ivanova* (фамилия женщины). Либо без упоминания должности или звания обратиться с упоминанием *kungs* (господин) – *kundze* (госпожа) + фамилия.

2. Если обращаются к нам, т.е. к говорящим по-русски, то студенты ведут себя либо точно так же, либо, зная, что у русских не такой этикет, вообще избегают прямого обращения, а сразу переходят к делу, потому что они просто не в состоянии выдать из себя имя и отчество. Это более частотно. Да мы уже и не требуем отчества.

Вот в школе, где ученики обращаются к любому учителю *skolatajs - skolataja* (учительница), они к учителю русского языка вынуждены обращаться по имени и отчеству, потому что наши учителя упорно

требуют этого. Да и там, в последнее время чаще слышишь skolatajs /skolataja, т.е. не различают русских и латышских учителей.

3. По имени - иногда прорывается, причем даже у русских студентов, но чаще обращение отсутствует (т.е. ни нашим, ни вашим) или все же слышишь указанные выше варианты. Все же латыши очень иерархичны, поэтому возрастная разница как-то сдерживает обращение по имени в стенах вуза. Вне стен официальных учреждений обращение по имени вполне нормально.

В Эстонии

1. К преподавателю обращаются просто "ÕРЕТАЈА", что означает «учитель», а не «преподаватель». Очень редко называют просто по имени, чаще обращаются "ÕРЕТАЈА JELENA". Если студенты русские, то обращение к русскоязычному преподавателю по имени и отчеству. Если эстонские студенты знакомы с традицией русских имён и преподаватель в возрасте, то, возможно, обращение к нему по имени и отчеству, но только на уроках русского языка.

2. К школьным учителям обращаются просто "Õретаја" или "Õретаја Jelena" (при этом употребляется полное имя, не сокращенная форма имени, так как у эстонцев нет такой традиции).

3. Просто по имени студенты могут обратиться к преподавателю только в том случае, если преподаватель очень молодой, в других случаях это не принято.

Возможно, употребление обращения *господин, госпожа* в сочетании с фамилией преподавателя было бы более уместным: *господин Куртулуш (Kurtulush), госпожа Барбак (Barbak)*. Во-первых, эта форма позволяет студенту избежать обращения к преподавателю по имени, а во-вторых, звучит вполне по-русски. Но встает вопрос: почему к российскому преподавателю студент должен обращаться по имени и отчеству – *Наталья Ивановна, Виталий Григорьевич*, а к иностранному – *госпожа*

Шакар (Shakar), господин Ташибаши (Tashbashi)? Вопрос, конечно, спорный и требует обсуждения.

Несмотря на кажущуюся тривиальность приведенных в статье примеров (именно из-за своей тривиальности и частотности они и были выбраны), они в полной мере отражают феномен культурного детерминированного использования языка в ситуации обращения собеседников друг к другу и подчеркивают важную роль культурных компонентов в коммуникации, а также необходимость учитывать эти компоненты в прагматическом анализе естественной речи и в развитии социокультурной компетенции у изучающих русский язык как иностранный.

Литература:

1. Верещагин, Костомаров 1990: *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура.* 2-е изд. – М., 1976, 4-е изд. – М., 1990.
2. Зинченко 1988: Зинченко В. // Знание – сила. 1988. № 2
3. Максим Кронгауз 2008: *Максим Кронгауз: «Русский язык не гибнет»*
<http://unreal.oko-planet.spb.ru/world/18122007175717.html?editdocument>
4. Источник: <http://www.vz.ru/culture/2007/12/17/132159.html>
5. Тер-Минасова 1998: *Тер-Минасова С.Г. Язык, личность, Интернет*//М.: Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 1998, №4, с.36.
6. Формановская 1989: *Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения.* М., 1989.
7. Формановская 2002: *Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход.* М., 2002.
8. Bill Bryson 1991: *Bill Bryson. Mother Tongue (English&How it Got That Way)*//New York. Avon Books, 1991.

9. Thomas J.1983: Thomas J. Cross-cultural Pragmatic Failure//Applied Linguistics, 1983, №4, p.91-112.

Диомидова А.
Вильнюсский университет
г. Вильнюс (Литва)

ВЛИЯНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ НА ПРОЦЕСС ПЕРЕВОДА

В данном исследовании предлагается типология переводческих трансформаций, основанная на понятии индивидуального когнитивного пространства переводчика (далее ИКП). Это понятие в современной когнитивной науке принято определять как «совокупность всех знаний и представлений конкретной языковой личности» (Красных 1998, 61). Мы полагаем, что, хотя все трансформации являются обусловленными особенностями этого пространства, однако при различных трансформациях задействуются различные элементы ИКП. На основании этого можно выделить два типа трансформаций: 1) те, при которых выбор языковых элементов определяется результатами концептуализации, под которыми понимаются сознательные установки и убеждения переводчика; 2). те, при которых задействованы не результаты концептуализации, а механизмы концептуализации, в основе таких трансформаций лежат когнитивные модели (сценарии, схемы). Предлагаем называть трансформации первого типа «поверхностными» трансформациями, а второго – «глубинными».

В рамках нормативной теории перевода понятие переводческих трансформаций (межъязыковые преобразования, направленные на достижение переводческой эквивалентности - Бархударов 1975, 190) неразрывно связано с понятием эквивалента и с поуровневым сопоставлением текстов оригинала и перевода. В современных исследованиях перевода просматривается тенденция к отказу от

нормативного подхода к переводу, ориентация на целевой язык и понимание перевода как интерпретации. Все эти положения современной науки о переводе должны выводить на первый план проблему личности интерпретатора.

Представляется продуктивным для описания видоизменений, происходящих при переводе (трансформаций) совместить общие установки современных переводческих исследований с когнитивным подходом к языку как поверхностной структуре сознания (как культурного, так и индивидуального). Вовлечение аппарата когнитивной науки в область исследований перевода, которое имеет место в данной работе, позволяет выстроить типологию переводческих трансформаций не на поуровневом сопоставлении языковых элементов, а опираясь на понятие, тесно связанное с личностью переводчика.

Перед тем, как перейти к непосредственному анализу текстов, сформулируем основные теоретические положения когнитивного подхода к трансформациям. При восприятии текста перевода новая информация становится частью индивидуального когнитивного пространства, содержание которого (то есть совокупность знаний и представлений переводчика) в конечном счете и определяет выбор переводчиком языковых средств для нового сообщения. Содержание ИКП включает в себя несколько уровней: уровень универсальной информации, национально-специфической и индивидуальной. «На выходе», то есть при создании текста перевода, сохраняется уровень универсальной информации, который содержит знания о том, что называется переводом. Эта универсальная информация и определяет инвариантную часть текста перевода, но кроме инвариантной в переводе существует и значительное количество вариативной информации – это индивидуальная информация. В тех случаях, когда ИКП автора и переводчика значительно различаются, то можно говорить не о неточности перевода, а о несогласии переводчика с мировидением автора подлинника, или, точнее, о расхождении их знаний и

представлений о теме произведения. Принимая кантовское деление сущностей на *феномены* (предметы, доступные непосредственному восприятию) и *нумены* (идеальные, абстрактные сущности), мы рассматривали текст как модель универсума, содержащую оба вида сущностей, или, говоря семиотическим языком, по аналогии со знаком. Это позволяет условно разделить текст на следующие уровни: денотативный и сигнификативный. Отметим, что именно *нумены* (абстрактные сущности), или сигнификативный уровень, текста подвергается в переводе наиболее заметным видоизменениям, так как этот пласт смысла в наибольшей степени является зависимым от интерпретации как сравнения/сопоставления индивидуального поля сигнификата автора с собственным полем сигнификата, - индивидуальным. В связи с тем, что сигнификативный пласт смысла в наибольшей степени подвержен изменениям, именно он является *объектом* нашего исследования. Этот пласт смысла реализуется не в сюжетной линии произведений, а в тех фрагментах, в которых происходит абстрагирующая работа сознания - в философских размышлениях или в эмоционально-оценочном дискурсе.

Данная гипотеза проверялась на материале поэтических переводов, выполненных известными поэтами. Выбор именно такого материала обусловлен следующими причинами: необходимы были переводы с высоким креативным компонентом, важна была яркая индивидуальность переводчика, также важна была степень исследованности как оригинального, так и переводного творчества поэта. В данной статье мы продемонстрируем два типа трансформаций на примере перевода «Фауста» И. В. Гете Борисом Пастернаком.

Переводы Бориса Пастернака со времени своего появления оценивались критиками неоднозначно. Однако, в основном, критики, отмечая неоспоримые художественные достоинства переводов, сетовали на их вольность. Г. Ратгауз называет переводы Пастернака творческой интерпретацией: «У Пастернака творческая интерпретация происходит

вполне откровенно, оказываясь если и не основной задачей перевода, то во всяком случае, необходимым условием поэтического освоения оригинала» (Ратгауз 1996, 225). При сравнении текста оригинала и перевода становится очевидным, что все многочисленные и многообразные пастернаковские трансформации смысла текста оригинала сводятся к этим двум типам трансформаций.

1). Поверхностные трансформации. Примером таких трансформаций может служить последовательное смягчение переводчиком антирелигиозного пафоса монологов Фауста. Приведем лишь несколько наиболее показательных примеров. В одном из монологов Фауст «шлет проклятья вере», в переводе это проклятье трансформируется в *проклятие надежде*. *FAUST¹: 1605 Fluch sei der Hoffnung! Fluch dem Glauben, / 1606 Und Fluch vor allen der Gedult!²* В переводе: *Фауст: Я шлю проклятие надежде, / Переполюющей сердца, / Но более всего и прежде / Клянуп терпение глупца (408-409)*. Добавление дополнения *глупца* в текст перевода видоизменяет характеристики того множества объектов, которые подразумеваются как носители *терпения*. В оригинале это «все целиком», в переводе имеется в виду только определенный «класс» терпения – *терпение глупцов*. Таким образом, *терпение* подразделяется на «отрицательное» с точки зрения автора и положительное, которое не названо, но присутствует в тексте имплицитно. В переводе опускается, следовательно, не только «проклятия вере», но и проклятия одному из идеалов христианского учения – идеалу терпения, смирения. Такой перевод коррелирует с идеями, развиваемыми Пастернаком в романе «Доктор Живаго»: «...всё, что есть, и всё, что для него неприемлемо, он (Живаго – А.Д.) должен по какой-то необъяснимой причине вынести, претерпеть, как Голгофу...» (Пастернак 1988, 15). Общим с текстом перевода здесь является мотив терпения и кванторное слово *всё*, ср. *Я*

¹ Текст оригинала цитируется в соответствии с классической традицией цитирования: приводится номер строки (зд. по изданию (Goethe 1994)). Нумерация страниц перевода Б. Пастернака приводится по изданию (Пастернак 1989-1991, т.2).

² Дословно: *Проклинаю надежду! Проклинаю веру! / Проклинаю прежде всего терпение!*

грудь печалям их открою / И радостям – всему, всему,/ И все из бремя роковое, / Все беды на себя возьму (413). В перевод добавляются также некоторые элементы христианской символики: *FAUST: 1306 Den nie Entsproßnen,/ 1307 Unausgesprochene,/ 1308 Durch all Himmel Gegoßen,/ 1309 Freventlich Durchstochene?*¹ – *Фауст: Осилить ли знак / Несотворенного,/ Неизреченного,/ С неба сошедшего, в лето Пилатова / Нашего ради спасенья распятого?(408).* Уточняющая деталь (*в лето Пилатова*) присутствует в тексте перевода несмотря на то, что в оригинале обстоятельство времени не упомянуто. В текст добавляется элемент библейского сюжета, что способствует усилению христианских мотивов. Эти и другие примеры (больше примеров в Диомидова 2001, 78-85) позволяют заключить, что усиление христианских мотивов в переводе происходит путем включения, «добавления» элементов из фрейма «христианство», которые своим содержанием указывают на те или иные части христианской мифологии, либо опущения «антихристианских мотивов». Образ Фауста сближается не только с образом Христа, но и коррелирует с текстом романа «Доктор Живаго». Подобные трансформации текста оригинала можно легко объяснить сознательными убеждениями переводчика. Л. Флейшман, известный исследователь творчества Пастернака, отмечал, что именно на годы работы над романом «Доктор Живаго» (работа над переводом «Фауста» и над романом шла в одно время) приходится формирование его «новой концепции христианства» (Флейшман 1995, 290).

2). Глубинные трансформации. Для иллюстрации данного понятия рассмотрим следующий пример. Монолог Фауста из сцены «Ночь»: *Faust: 454 Welch Schauspiel! Aber ach! Ein Schauspiel nur! / 455 Wo faß ich dich, unendliche Natur?/ 456 Euch Brüste, wo? Ihr Quellen alles Lebens,/ 457 An denen Himmel und Erde hängt,/ 458 Dahin die welke Brust sich drängt/ 459 Ihr*

---

¹ Дословно: *Никогда не рожденный,/ не названный/ по всему небу разлитый,/ преступно пронзенный.*

*quillt, ihr tränkt, und schmachten ich so vergebens?*¹ В данном отрывке водная тематика переплетается с материнской. Природа мыслится Гете в образе МАТЕРИ, кормящей своих детей грудью, а вода становится материнским молоком, «питательным началом» (Башляр 1998, 175). Данный отрывок является одним из ключевых мест всего произведения Гете, так как в нем автор формулирует свои взгляды на устройство мира и свой концепт Природы. Здесь Природа – сущность, недоступная человеческому познанию, находящаяся за пределами границ реального мира. Образ Природы осмысляется как образ Матери, кормящей своих детей грудью. Желаемый контакт, познание Природы-Матери, к которому стремится герой, мыслится как поглощение жидкости, получение молока. Предикат *schmachten* (изнемогать) имеет два модуса – предметный (утоление жажды, голода) и абстрактный (стремление, тоска по чему-то недоступному, недостижимому): «*Schmachten: den höchsten grad des Hungres und Durst empfinden... Einen hohen grad der Sehnsucht, der sehnsüchtigen Verlangen empfinden*» (Dt.Wb. 9, 885-890). *Schmachten* (изнемогать) продолжает мотив жажды, отсутствия «воды», мотив пустоты, незаполненности, который встречается при описании внутреннего состояния героя трагедии (Диомидова 2008). *Quillen, trinken, schmachten* содержат в себе информацию о имплицитном типовом объекте, который является общим для всех трех предикатов – ВОДА. «Наивное и поэтическое воображение почти всегда приписывает воде женский характер. От воды набухают ростки и бьют источники. Вода – это такой вид материи, который повсюду можно видеть при рождении и произрастании. Источник есть неодолимое рождение, рождение непрерывное» (Башляр 1998, 33). Таким образом, Природа мыслится как источник жидкости, а познание Природы как ее поглощение. Далее обратимся к переводу Б. Пастернака и рассмотрим, сохраняется ли в его тексте гетевская метафорика. Перевод звучит так: *Фауст: Вот зрелище! Но горе мне:/ Лишь зрелище! С напрасным стоном,/*

---

¹ Дословно: Где мне искать (ловить) тебя, бесконечная природа? Твои груди, где? Твои источники всех жизней? На которых висят небо и земля!

Природа, вновь я в стороне / Перед твоим священным лоном! / О, как мне руки протянуть / К тебе, как пасть к тебе на грудь, / Прильнуть к твоим ключам бездонным! (375). В переводе контакт как ПОГЛОЩЕНИЕ заменяется на контакт как ПРИКОСНОВЕНИЕ. Предикаты прикосновения – *протянуть руки, пасть на грудь, прильнуть к ключам*. Последовательно снимается мотив насыщения влагой и заменяется мотивом тесного физического контакта. Если в оригинале невозможность познания видится Гете как отсутствие материнского молока Природы, то в переводе – это отрешение от контакта с Природой – *вновь я в стороне*. В переводе сохраняется общий для обеих когнитивных моделей инвариант – КОНТАКТ. В данном случае трансформациям подвергаются не элементы текста (поверхностной структуры), а когнитивная модель, которая находится «за текстом», но может быть формализована при анализе текста в виде метафоры. Такие трансформации названы «глубинными», в основе их существования (появления) лежат единицы не языковые, а когнитивные – модели, сценарии, концептуальные метафоры. Полагаю, что для таких трансформаций возможна только одна операция – замена: одна когнитивная модель может быть заменена другой, а обусловленные этой заменой видоизменения элементов являются следствием глубинной трансформации, произошедшей в сознании.

В заключение отметим, что трансформации, при которых видоизменяется поверхностная структура текста, путем введения в текст перевода «дополнительных», не имеющих соответствий в оригинале элементов, можно назвать «поверхностными» трансформациями. Как правило, причина таких трансформаций «лежит на поверхности», в биографии или в мироощущении (имеются в виду установки и убеждения переводчика, декларируемые им в поэтических и других работах) поэта-переводчика. Поверхностные трансформации, как правило, не захватывают больших смысловых пространств текста перевода, им свойственен атомизм. Переводчиком вносятся в текст изменения (дополнительные

элементы), но инвариантная структура текстов при этом не затрагивается. Между поверхностными и глубинными трансформациями есть также и сущностное сходство – и те, и другие являются результатом взаимодействия теста перевода и ИКП переводчика. Различие в том, что, хотя все трансформации обусловлены особенностями ИКП переводчика, однако при различных трансформациях задействуются различные элементы ИКП. При поверхностных трансформациях задействованы языковые элементы, выбор которых определяется уже «результатами концептуализации» – это различные отсылки к фактам личной биографии переводчика, сознательными установками и убеждениями, то есть тем, что принято называть мировоззрением. При глубинных трансформациях задействованы не результаты концептуализации, а механизмы концептуализации, которые могут быть выражены когнитивными метафорами. Именно этот тип трансформаций и создает оригинальную смысловую структуру текста перевода. В отличие от поверхностных трансформаций, которые распределяются по тексту в виде «чуждых» элементов, но не образуют системы, глубинные трансформации, как правило, охватывают весь текст.

Литература:

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М., 1975
2. Башляр, Гастон. Вода и грезы. Опыт о воображении материи. М., 1998.
3. Диомидова А. Когнитивная модель описания «индивидуальности переводчика» // Университетское переводоведение. Спб, 2008 (in press).
4. Диомидова А. Пастернак и «Фауст»: когнитивные особенности перевода. Вильнюс, 2001.
5. Красных В.В. От концепта к тексту и обратно (к вопросу о психолингвистике текста) // ВМУ, сер. 9 (филология), 1998.

6. Б. Пастернак. Доктор Живаго. Вильнюс, 1988.
7. Б. Пастернак. Гёте И.В. Фауст. Т.2 // Борис Пастернак. Собрание сочинений в пяти томах. М., 1989 –1990.
8. Ратгауз Г. О переводах Бориса Пастернака // Иностранная литература. 1996, № 12.
9. Флейшман Л. Борис Пастернак и христианство // In: CHRISTIANITY AND THE EASTERN SLAVS. Russian Culture in Modern Times. (California Slavic Studies, XVIII), vol.3, University of California Press, Berlin,LA, 1995.
10. Deutsche Wörterbuch. Begründet von Jacob Grimm und Wilh. Grimm. Lpz, 1854 –1962.
11. Goethe J.W. FAUST. Der Tragödie erster und zweiter Teil. München, 1994

The intention of this study is to propose a new approach to the analysis of literary translation. It is assumed that the qualitative differences between Goethe's Faust and Pasternak's interpretation of Faust are determined by different conceptual systems of the author and the translator. The study proposes a typology of translation transformations based on an individual cognitive environment of the translator. It is assumed that although all transformations depend on this environment, different types of transformation are affected by different elements of this environment. Considering this fact, two types of transformation can be elicited: 1) "surface" transformations, when the choice of the means of language is determined by the outcomes of conceptualisation, 2) "deep" transformations, when the choice of the means of language is determined by the mechanism of conceptualisation.

Key words: poetic translation, translation transformation, deep structure, surface structure

МЕЖУРОВНЕВАЯ СОЛИДАРНОСТЬ КАК МЕХАНИЗМ ДИНАМИКИ ОБУЧАЮЩЕГО ПРОСТРАНСТВА

Разработка динамической модели усвоения второго языка в рамках инновационных технологий ставит целью осуществить его технологическую параметризацию и экспликацию.

Динамическая модель усвоения русского языка иностранцами основана на взаимодействии различных компонентов объекта усвоения, с одной стороны, взаимодействия объекта усвоения и внешней среды, с другой, а также особенностей процессуальных характеристик усвоения. Это предполагает существование и развитие когнитивных механизмов управления процессом обучения, суть которого заключается в организации направленного взаимодействия системы усвоенного знания и внешней среды как условия социально ориентированной деятельности обучаемых, которую осуществляет субъект в пределах обучающего пространства или вне его.

Доминантой технологических процессов в образовании является система восприятия, переработки и воспроизводства знания. Перцептивно воспринимается информация входящая, и результат переработки также воспринимается посредством органов чувств. Сами же процессы переработки, хранения и воспроизводства знаний осуществляются мозгом как системой микропроцессоров, интроспекция которых практически не возможна. Тем не менее, когнитивная природа данных процессов, перцептивно не воспринимаемых, может быть параметризована.

Средством технологической параметризации нам видится механизм межуровневой солидарности как механизм конструирования обучающего пространства, который, на наш взгляд, и обеспечивает динамику процесса усвоения знания, и языкового в том числе.

Обучающее пространство – это форма организации представления, усвоения и использования профессионального знания конкретной предметной области. Единицей организации обучающего пространства является учебный текст. Объектом усвоения – его содержание. В обучающем пространстве усвоение объекта осуществляется в системе процессов и процедур онтологизации знания, определяющих систему учебных действий.

Процессы постижения смысла и усвоения знания, заключенного в учебном тексте, обеспечиваются созданием матричных условий протекания внутренних процессов при внешнем воздействии. Учебная презентация текста использует когнитивные формы представления знания – фреймы, ментальные пространства, когнитивные карты и др. Механизмом презентации является перевод знания в систему значений и установления между ними зависимостей. Усвоение базируется на активизации когнитивных механизмов онтологизации знания, а также механизмов восприятия, понимания и интерпретации.

Знание актуализируется а) в системе учебных действий, обеспечивающих его усвоение, б) в системе учебных действий, формирующих компетенцию.

Усвоенное знание используется как для решения задач социальной коммуникации, так и учебно-профессиональных задач: описания, обобщения, аргументации, иллюстрации, вывода и т.д. На основе сформированных учебно-профессиональных компетенций развивается профессиональная компетенция: вывести новое знание, вступить в дискуссию, обосновать мнение, отстаивать свою точку зрения и т.д. Учебно-профессиональная и профессиональная компетенции формируют компетентность как качество профессиональной квалификации.

Основными качественными характеристиками обучающего пространства считаем нелинейность и динамичность.

Нелинейность определяет такие свойства обучающего пространства как атомарность, структурированность, открытость, сосуществование и взаимодействие всех элементов внутри пространства, возможность приращения и притяжения к каждому элементу некоторого следующего элемента. Эти качества обеспечивают логическую, информационную и технологическую соотнесенность данного пространства с другими внутри учебного курса.

Организованный линейно при выражении мысли (на уровне предложения), текст как способ фиксации отношений между квантами знаний при передаче информации организован нелинейно, поскольку заявленная для усвоения информация, предположительно сформулированная в системе тезисов, должна быть убедительно раскрыта, а каждый тезис аргументирован системой фактов, выбор которых подчиняется только основным законам мышления, реализованным в индивидуальном исполнении автора. Пространство. Нелинейность текста – это следствие нелинейности мышления.

В основе динамичности как свойстве обучающего пространства лежит включение нового знания в концептуальную систему обучаемого. Это целая система процессов, которые обеспечивают и новый объем, и новые качественные характеристики знания, т.е. его изменение, динамику. Микропроцессы, происходящие в мозге, дают продукт, измеримый привычными для нас параметрами: *усвоил – знает – владеет (может использовать)*. Опора на когнитивную природу усвоения знания закладывает потенциальную возможность трансформаций при индивидуализации обучения и определяет выбор форм, средств, методов и темпов, адекватных условиям обучения.

Обучающее пространство предназначено для создания матричных условий протекания внутренних процессов при внешнем воздействии и взаимодействии. Таблица 1 дает представление о матрице обучающего пространства (ОП).

Объект познания в обучающем пространстве представлен когнитивной и логико-предметной составляющими, которые обеспечивают формирование индивидуальной концептуальной системы профессиональных знаний как основы приобретаемой специальности. Когнитивная составляющая на основе овладения общенаучными и общелингвистическими знаниями развивает способность на деятельностном уровне осваивать новые знания профессионального информационного поля, формирует понимание его структуры и корреляций. Логико-предметная составляющая формирует систему знаний основ базовых и специальных дисциплин профессиональной направленности.

Процессность обучающего пространства понимается как логически упорядоченная последовательность шагов, обеспечивающих процедуры познания. Она включает в себя внешние и глубинные процессы. К внешним относятся учебно-методические процессы выявления потребности в новом знании, процессы планирования этапов деятельности по усвоению нового знания; выполнение плана действий по созданию нового знания; апробация нового знания и подготовка нового знания к внедрению, т.е. процессы устанавливающие внешний контур обучающего пространства. Глубинные процессы – это процессы когнитивные: презентация

Таблица 1

Матрица обучающего пространства и репрезентация знаний; восприятие, понимание и использование знаний, онтологизация знаний и генерация нового знания.

№	Структурный элемент ОП	Уровневые составляющие	Характеристика процессов усвоения	Продукт межуровневой солидарности
---	------------------------	------------------------	-----------------------------------	-----------------------------------

		логико-предметная	Описание и анализ предметной составляющей	
1	Объект (научная информация)			Технологическая программа логико-семантической и когнитивной презентации
		когнитивная	Квантование знания, описание ментальных пространств текста	
		когнитивная	Процедуры переработки знания и его онтологизации	
2.	Процессность			Технологическая программа, обеспечивающая процессы усвоения знания
		учебно-методическая	Система учебных действий, обеспечивающих процедуры онтологизации знания	
		учебно-методическая	Система учебных действий, формирующих	

			коммуникативную компетенцию	
3.	Прагматика (учебное манипулирование знанием)			Коммуникативные технологии учебно-профессионального общения
		прагматическая	Формирование учебно-профессиональных компетенций (обобщи, опиши, аргументируй и т.д.)	
4	Коммуникация			Технологические программы учебно-профессиональной коммуникации
		коммуникативная	Использование знания в практике учебно-профессиональной коммуникации	

Конкретизация процессности как составляющей обучающего пространства предполагает четкое определение места каждого из указанных процессов в учебном процессе, их описание, а также соотнесенность с традиционными формами и методами работы.

Прагматический компонент формирует способность применять понятийный аппарат и систему специальных знаний в решении задач учебно-профессионального общения.

Учебное моделирование профессиональной деятельности, в том числе и профессиональной коммуникации, является обязательным компонентом конструирования обучающего пространства.

Как видно из таблицы, каждый структурный элемент обучающего пространства биполярен и является результатом взаимодействия двух уровней. Так, объект определяется в системе логико-предметных и когнитивных отношений, процессность – когнитивных и учебно-методических, прагматика (учебное манипулирование знанием) – учебно-методических и прагматических, коммуникация – прагматических и коммуникативных. Биполярность отношений порождает их взаимоотношение, или межуровневую солидарность.

Признание нелинейности и динамичности как основных качеств учебного текста позволяют рассмотреть его как самоорганизующую сущность. Самоорганизация понимается как способность сложной нелинейной системы самостоятельно, за счет внутренней противоречивости при определенных условиях менять свою организацию и способ функционирования, в результате которого наблюдаются процессы возникновения структур, упорядоченных в пространственно-временных и функциональных отношениях. Нарушение равновесия создает условия самоорганизации.

Биполярность структурных элементов обучающего пространства обеспечивает динамику его развития за счет создания неравновесных отношений. Неравновесные условия возникают как результат влияния внешней среды, когда приходит осознание ситуации *«я не знаю, но мне надо знать»*. В этом случае высокая мотивация приобретения нового знания порождает противоречивость, на устранение которой и направляется познавательная деятельность.

Процесс включения нового знания в уже имеющуюся когнитивную систему получателя этого знания также нарушает порядок, порождая неравновесные условия соотнесенности старого и нового. Возникает состояние близкое к хаосу, основанное на неустойчивости. Усвоение нового знания восстанавливает равновесие на какой-то период, до тех пор, пока аттрактор не включает в познавательный процесс новое знание или способствует осознанию необходимости обращения к таковому.

Таким образом, одним из механизмов динамики образовательного процесса является осознание ситуации: *знаю/не знаю; понимаю/не понимаю; усвоил/не усвоил; могу использовать /не могу использовать*. Именно это осознание является аттрактором, притягивающим систему знания, заложенного в учебный текст, фоновых знаний, необходимых для понимания основного содержания текста, а также знаний, имеющих как результат деятельностного опыта субъекта обучения.

Однако для поддержания внутренней динамики обучающего пространства как формы организации представления и усвоения знания необходим специфический когнитивный механизм. Этот механизм должен обеспечивать достижение равновесия уровневых составляющих обучающего пространства.

Объект усвоения может быть познан через понимание логико-предметного содержания и усвоение когнитивной информации в системе значений. Каждый уровень характеризуется своей системой учебных действий: логико-предметный уровень обеспечивается описанием и анализом предметной составляющей, когнитивный – анализом ментальных пространств текста. Задача усвоения содержания может быть решена как результат солидарности обеих систем, взаимопроникающих и дополняющих друг друга.

Процессуальность характеризуется тем, что перцептивно воспринимаемое содержание перерабатывается системой когнитивных механизмов, обеспечивающих процессы усвоения знания. Когнитивный

уровень процессности солидарен с учебно-методическим, который позволяет проверить степень усвоения.

Учебное манипулирование знанием реализуется в солидарности уровней учебно-методического, формирующего коммуникативную компетенцию, и прагматического, формирующего учебно-профессиональную компетенцию. Коммуникативная составляющая обучающего пространства, представленная прагматической и коммуникативной компонентами, благодаря механизму межуровневой солидарности обеспечивает использование знания в практике учебно-профессиональной коммуникации через сформированную учебно-профессиональную компетенцию.

Таким образом, практическая реализация каждого структурного элемента осуществляется с целью достижения равновесных условий между его уровнями в системе понятий - *знаю/не знаю; понимаю/не понимаю; усвоил/не усвоил; могу использовать /не могу использовать*. Основным механизмом этого достижения является межуровневая солидарность и её продукт – технологическая программа.

Межуровневая солидарность как динамический механизм формирует систему технологических программ обучающего пространства: технологическая программа логико-семантической и когнитивной презентации; технологическая программа, обеспечивающая процессы усвоения знания; коммуникативные технологии учебно-профессионального общения; технологические программы учебно-профессиональной коммуникации. Смена технологических программ обеспечивает динамику обучения. Синтез технологических программ межуровневой солидарности определяет технологическую компоненту процесса конструирования обучающего пространства. Сам процесс конструирования обучающего пространства в единстве всех его составляющих обеспечивает усвоение знания и формирование компетенции во втором языке.

Литература:

1. Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь, 2001. – 177с.
2. Екшембеева Л.В. Традиции и инновации в учебном процессе. Алматы, 2008. – 98с.
3. Вишнякова С.А. Теоретические основы обучения моделированию научного текста. Санкт-Петербург, 2001. - 268 с.
4. Ирисханова О.К. О теории концептуальной интеграции // Известия АН. Серия литературы и языка, 2001, том 60, №3.
5. Хакен Г. Информация и самоорганизация: макроскопический подход к сложным системам. – М.: Мир, 1991. – 240 с.

In the article of Yekshembeeva L. "Interlevel Solidarity as Mechanism of Educational Space" the characteristic of one of cognitive-pragmatic mechanisms is given, which providing dynamic of modeling of Russian as foreign language teaching process. The mechanism of interlevel solidarity determines as required procedural component for educational space designing which forms the technological programs' system. The aim of educational space is creation of matrix conditions of internal processes behavior which providing language acquirement under outer influence and interaction of language and language environment where inophon acquires knowledge and communicative competition is forming.

Есакова М.Н.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ АСИММЕТРИЯ «СИТУАЦИЙ» КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Факты межкультурной асимметрии многочисленны и разнообразны. Одним из наиболее ярких их проявлений не без оснований считаются так

называемые реалии. Реалии неоднократно составляли объект сопоставительных лингвистических исследований. Они подробно изучены и классифицированы наукой о переводе. В то же время, исследования реалий, как правило, касались отдельных, взятых изолированно, предметов и явлений и их имен в сравниваемых языках. Поэтому в поле зрения исследователей реалий нередко попадали разрозненные факты культуры, характеризующие, прежде всего, с точки зрения их экзотичности, экспрессивности, то есть национального колорита, а также степенью сложности выбора для них соответствующих имен в языке перевода (напр.: "баба-яга", "комсомол", "щи" и т. п.). При этом интерес к той или иной реалии оказывался тем выше, чем экзотичней она представлялась носителям иной культуры, чем сложнее оказывался выбор эквивалента.

Однако культурная асимметрия часто проявляется в самых обычных ситуациях повседневной жизни, в которых, на первый взгляд, привычным образом взаимодействуют привычные объекты. Такая асимметрия может быть определена как "межкультурная ситуативная асимметрия".

На самом деле, за внешней похожестью предметов, их состояний и взаимосвязей скрываются глубинные культурные расхождения. Эти "малозаметные препятствия" нередко служат причиной "неудач" межъязыковой и межкультурной коммуникации, в частности, переводческих ошибок, не только затрудняющих коммуникацию, но и способных создать искаженную картину того или иного фрагмента чужой культуры. В основе этих искажений лежит неверная пресуппозиция о подобии, аналогии, описываемых фактов культуры. Такие явления скрытой, неявной, межкультурной асимметрии на уровне описываемой ситуации изучены еще не достаточно полно, ни теорией перевода, ни контрастивной лингвистикой, ни сравнительной культурологией. В то же время, практика межкультурной коммуникации, в частности, практика художественного перевода, не перестает давать в руки исследователя все новые и новые факты неточностей и искажений, обусловленных

ситуативной межкультурной асимметрией. Недостаточная изученность явления, лежащего в основе коммуникативных неудач, с одной стороны, и достаточно частая повторяемость этих неудач в практике межкультурного общения, в частности, в практике художественного перевода, обуславливают актуальность настоящего исследования. Более того, выделение "межкультурной коммуникации" в особую специальность, требует более пристального изучения фактов межкультурной асимметрии в самых разнообразных сферах человеческого бытия и привлечения к сравнению различных пар языков, обслуживающих различные культуры.

Факты русской культуры мы анализируем в сравнении с фактами французской культуры, одной из наиболее знакомых и близких русской. В то же время историческая близость русской и французской культур не способна предотвратить все ошибки межкультурной коммуникации, о чем свидетельствует сопоставление современных переводов как с русского языка на французский, так и с французского на русский. Напротив, иногда именно эта близость и создает обманчивое представление о подобии фактов, которые на самом деле различны.

Отчетливо сознавая неисчислимое многообразие ситуаций культуры, мы ограничились лишь одной сферой повседневной жизни человека, а именно, сферой питания. Эти ситуативные реалии мы определили словом "трапеза", принятого в качестве окказионального термина, обозначающего лишь одно понятие - процесса приема пищи во всем многообразии конкретных проявлений. Как термин он лишен каких бы то ни было коннотаций.

Ситуации трапезы представляют несомненный интерес для сопоставительного анализа. Необходимость регулярного приема пищи для обеспечения собственной жизнедеятельности составляет главнейшую физиологическую функцию человека любой культуры. Поэтому ситуации трапезы, несмотря на все многообразие конкретных проявлений, характеризуются функциональной аналогией. Цикличность этих

процессов, не совпадая в деталях, также характеризует всякую человеческую жизнь. Функциональная аналогия и аналогия цикличности способны составить то "третье для сравнения" - *tertium comparationis*, которое необходимо для любого сопоставительного анализа.

Для сравнительного межъязыкового анализа описаний ситуативных реалий мы взяли оригинальные тексты художественных произведений М.А.Булгакова "Мастер и Маргарита", "Собачье сердце, а также их переводы на французский язык. Выбор произведений М.Булгакова в качестве фактического материала для исследования не случаен. Булгаков уделяет большое внимание сценам трапезы. Он не только любит "поесть", но и умеет это делать. Если бы кому-то пришло в голову составить антологию фрагментов из произведений русских авторов, посвященных еде, подобно той, что составлена во Франции по произведениям французских авторов, то Булгаков наверняка занял бы в ней одно из первых мест. Следующая фраза, принадлежащая одному из персонажей Булгакова профессору Преображенскому, могла бы служить эпиграфом к такой антологии: "Еда, Иван Арнольдович, штука хитрая. Есть нужно уметь, и представьте, большинство людей вовсе есть не умеет. Нужно не только знать, что съесть, но и когда и как... И что при этом говорить, да-с!"

Анализ оригинальных текстов и текстов перевода позволил убедиться в том, что переводчики, воспринимая явления иной культуры через призму собственной, довольно часто представляют явления чужой культуры адаптированными под "культуру переводящую". Однако данный общий вывод о степени эквивалентности, точнее, неэквивалентности, мало в чем продвинул бы нас на пути к поиску наиболее адекватных способов описания в переводе ситуативных реалий. Потребовалось провести детальный структурный анализ интересующих нас высказываний. Для этого оказалось необходимым, прежде всего, попытаться представить явления культуры в виде некой системы, то есть объекта, обладающего

системными свойствами. В результате неэквивалентность описаний проявилась более отчетливо.

Искажения информации об иной культуре происходят в результате того, что в переводном произведении явление, обладающее культурной спецификой, в большинстве случаев адаптируется переводчиком под собственную культуру, отраженную в языковой картине мира. Картина мира французского языка асимметрична картине мира русского языка. Асимметрия со всей очевидностью проявляется в описании ситуаций трапезы. Так, французская картина мира не содержит фрагмента эквивалентного русскому "закусыванию".

Во всех французских текстах русское слово "закуска", часто фигурирующее в булгаковских описаниях трапез, регулярно передается словом "hors-d'oeuvre". Однако в целом ряде описанных Булгаковым ситуаций французское выражение оказывается неэквивалентным русскому. Русское слово "закуска" главным образом коррелирует со словом "водка" и обозначает блюдо, которым заедают выпитое. Французское же слово "hors-d'oeuvre" обозначает "petit plat froid que l'on sert au début du repas, avant les entrées ou le plat principal" [PR, p. 851] (легкое холодное блюдо, которое подается в начале еды перед основными блюдами). Оно составляет один из элементов в определенной последовательности подачи блюд. Эта асимметрия довольно отчетливо демонстрируется в описании ситуации появления Воланда у Лиходеева: *«...появление в спальне неизвестного, да еще с закуской и водкой...»*. *«...à l'apparition dans sa chambre de cet inconnu, accompagné, qui plus est, de hors-d'oeuvre et de vodka»*.

В этом описании «закуска», выполняет функцию совокупности блюд, предназначенных для «заедания» водки. Существительное «закуска» коррелирует с существительным «водка». Во французском тексте переводчик, используя слово «hors-d'oeuvre», представляет картину искаженной, так как невольно говорит лишь о холодном, легком блюде, за

которым обязательно должно следовать что-либо более существенное «Закуска» же у Булгакова вполне самодостаточна. Она не предполагает продолжения поступления блюд.

Переводчик смешивает два понятия, заключенные в русском слове "закуска": легкая еда в начале трапезы и еда для "заедания" выпитого. В русской традиции первое понятие чаще передается формой множественного числа "закуски", а вторая - формой единственного числа. Переводчик уподобляет одну форму другой и искажает картину. Видимо, в зависимости от описываемой ситуации для передачи смысла такого явления русской культуры, как "закуска" целесообразно использовать другие французские имена, например, *geras* (еда).

Таким образом, в переводе описания данной сцены переводчик осуществляет адаптацию русской культуры под французскую культурную традицию.

Ситуативные реалии в переводе передаются, как правило, комплексным использованием самых разнообразных переводческих приемов, среди которых адаптация применяется наиболее часто. Помимо адаптации переводчики прибегают и к другим видам трансформаций, в частности, к конкретизации и генерализации понятий.

Конкретизация является распространенным переводческим приемом, достаточно широко используемым в случаях описаний ситуативных реалий.

В рассмотренной выше сцене Воланд приносит Лиходееву в качестве одного из элемента закуски кастрюльку с сосисками:

«Открыли кастрюльку – в ней оказались сосиски в томате».

“La cassolette, une fois ouverte, revela des saucisses chaudes à la sauce tomate”.

Французский переводчик представляет эту картину в уточненном, более конкретном виде. Добавление слова *la sauce* «соус» для перевода русского «в томате» не вызывает возражений, так как это французское

слово не имеет значения "соуса", в отличие от русского слова «томат», второе значение которого - это именно «паста, соус из помидоров». Однако добавление определения «горячие» к слову сосиски вызывает вопросы.

И в русской, и во французской культурах сосиски предполагают горячее состояние. Однако во французской культуре сосиски как блюдо менее распространены, чем в русской, и составляют обычно компонент более сложных блюд. Видимо, поэтому переводчик вносит уточнение «горячий», чтобы предать не распространенному во Франции блюду более аппетитный вид. Возможно и другое объяснение данного примера. Блюдо, появившееся у Лиходеева, возникло из неоткуда, неизвестно, где его готовили и почему оно сохранилось горячим. Булгаков на это счет никаких разъяснений не дает, переводчик же, уточняя, что сосиски остаются горячими, подчеркивает их чудесное происхождение.

Довольно частое использование в переводе более конкретных обозначений, чем в языке оригинала, в некоторой степени уточняет общую типологическую картину соотношения французского и русского языков, в которой французский язык всегда представляется более абстрактным, обобщающим, чем русский. В описании отдельных фрагментов действительности французский язык оказывается более конкретным, чем русский.

Одним из распространенных приемов передачи элементов ситуативных реалий оказывается генерализация, отчетливо прослеживаемая, в частности, в использовании широкозначного глагола "manger" для обозначения самых разнообразных процессов еды, различающихся во временных, пространственных и прагматических аспектах. Генерализация не только представляет ситуативную реалию в более обобщенном, но иногда и в искаженном виде. В той же сцене появления Воланда у Лиходеева Воланд на предложение Степы закусить выпитую водку отвечает:

- *Благодарствуйте, я не закусываю никогда, - ответил незнакомцу и налил по второй.*

- *Mille grâces, je ne mange jamais, répondit l'inconnu, et il versa à chacun un second verre.*

Использование широкозначного глагола “manger” существенным образом изменяет психологический портрет центрального персонажа - Воланда. Во французской версии получается, что он вообще никогда не ест: “А вы как же... поест? - Я никогда не ем”, - заявляет французский Воланд. У Булгакова Воланд, не закусывающий после выпивки, предстает как определенный стереотип русской культуры: **человек** выносливый, способный много выпить (ср. русское выражение «после первой не закусываю», а также портрет А.Соколова в рассказе Шолохова Судьба человека»). В этом фрагменте очевидна ирония автора по отношению и к данному стереотипу, и к неумеренному употреблению алкогольных напитков, часто сопровождаемому бравадой. Во французской же версии Воланд принимает иные очертания. Это уже не человек, это **сверхестественное существо**, которое вообще никогда не ест. Булгаковская ирония в отношении некоторых русских традиций, связанных с употреблением спиртных напитков, оказывается стертой.

Установленная асимметрия в описаниях предметных ситуаций трапезы в текстах оригинала и перевода свидетельствует о том, что перевод может рассматриваться в качестве источника информации об иной культуре лишь при сопоставлении текста оригинала и перевода. Переводная литература сама по себе может давать искаженное представление об иной культуре.

Можно сделать предположение, что текстовые фрагменты, заключающие в себе те или иные ситуации, и составляют ту единицу перевода, которая обладает двумя необходимыми свойствами: контекстуальной обусловленностью и пространственной обзримостью.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА ПРОЗЫ В. ШАЛАМОВА

Понятие *феноменология* многоаспектно и с философской точки зрения знает в своем развитии различные интерпретации. Будучи вначале психолого-гносеологической пропедевтикой к логике и онтологии (Э. Гуссерль, Г. Шпет), она, неоднократно модифицируясь, вступала в «сотрудничество» с историософией О. Шпенглера, «философией жизни» В. Дильтея, экзистенциализмом К. Ясперса, онтологией М. Хайдеггера и т.п.. Если исходить из определения феноменологии как науки, настаивающей на принципиальной необходимости конструирования объекта сознанием (интенциональном акте), то в принципе любой автор, переводящий материальный предмет в план художественной изобразительности, т.е. создающий отличный от материально-физического *эстетический объект*, разделяет в той или иной мере принципы феноменологизма. Суть данной ситуации, обозначаемой ныне как проблема оппозиционности экстенционала и интенционала, точно сформулирована нашим лучшим переводчиком В.А. Жуковским: «Но льзя ли в мертвое живое передать? <...> Неизреченному хотим названье дать – И обессиленно безмолвствует искусство?».

В русской литературе XX века показательна в этом плане «новая» проза Варлама Шаламова, который полагал, что факты «кровавого, трагического фарса» лагерного быта «вполне под стать фантастическому реализму <...>» (Шаламов 2005, 2, 290). Отсюда обесмысливание самого понятия «смысл»; принципиальное несовпадение явлений с правилами и т.п.

Еще более феноменологизм отвечает природе художественного перевода, поскольку переводческая деятельность связана с перенесением объектов эмпирической данности (так условно назовем текст оригинала) в

другое языковое бытие. Следовательно, речь идет о трансформирующих актах сознания, чем и занимаются феноменологическая философия и эстетика.

Однако, если реалии классической литературы, прежде всего лирики того же Жуковского столь же благообразны, как и отраженное в них бытие, то В. Шаламов был поставлен перед необходимостью описать действительно неопишное: «легкость будущего мертвеца», «горящие голодным блеском» глаза трупа, ноющую, как отморозенная рука, память и пр. Мастерство автора заключается не в акценте на ужасном и безобразном, но в выявлении скрытого в глубине содержания. Получается, что перед переводчиком, сталкивающимся с подобной заведомо запрограммированной неадекватностью, стоят задачи уже *двойного «перевыражения»* (как называл художественный перевод А. Пушкин).

К сожалению, проза Варлама Шаламова первоначально была гораздо больше известна за рубежом, чем на родине писателя, т. к. в Советском Союзе печатались в основном стихи автора. На Западе напротив – «Колымские рассказы» и «Четвертая Вологда». Первым зарубежным переводом был изданный на немецком языке сборник, включавший 26 рассказов (Кельн, 1967); затем последовали переводы на основные западноевропейские и японский языки и даже на язык буров. Из репрезентативных изданий, сыгравших наиболее активную роль в процессе знакомства зарубежного читателя с творчеством автора «Колымских рассказов», следует назвать: «Recits de Kolyma» / Trad, par O. Simon, K. Kerel (Paris, 1969), «Kolyma: 30 racconti dai lager staliniani» / La trad. e la pref. di P. Sinatti (Roma, 1976), «Kolyma I: Recits de la vie des camps» / Trad, par C. Fournier (Paris, 1980), «Kolyma II: La nuit» / Trad., comment, de C. Fournier (Paris, 1981), «Kolyma III: L'homme transi» / Trad, par C. Fournier (Paris, 1982), «Geschichten aus Kolyma» / Ubers. A. Nitschke und A. Mazella (Frankfurt a. M.: Berlin, 1983). «Recits de Kolyma» / Trad. C. Fournier (Paris, 1986) и др. (Николсон 1994, 211-215). В США наибольшей

популярностью пользовались переводы Джона Глэда (J. Glad): «Kolyma Tales» (N.Y.: Norton, 1980, 1982), «Graphite» (Там же, 1981) и др.. В американской прессе прошлого века они вызвали восторженные отзывы: «Удачный перевод Дж. Глэда донес до нас голос Шаламова — выразительный, категоричный, ироничный и часто прекрасный... Шаламов, возможно, является величайшим современным русским писателем», - писала газета «Вашингтон пост». «Этот прекрасно переведенный сборник следует рекомендовать для большинства библиотек» («Лайбрери джорнэл») (Шаламовский сборник 1994, 241 - 243).

Если даже чисто формально сопоставить даты изданий переводов шаламовской прозы с биографией автора, то нельзя не заметить, что первые из них вполне могли быть известны Шаламову, разумеется, при его желании. Однако этого желания не было, более того, от писателя исходило резкое неприятие любых попыток распространения «колымских» текстов за рубежом, даже в русскоязычной среде, не говоря об иноязычной. Причин создавшейся ситуации несколько. Во-первых, Шаламов полагал (и вполне справедливо), что заграничные переводчики и издатели в первую очередь интересуются политической направленностью лагерной литературы. Подобный идеологизированный (в ущерб эстетическому) подход он считал оправданным по отношению к творчеству А.И. Солженицына, но для себя абсолютно неприемлемым и оскорбительным. Вторая причина намного глубже: непосредственно соприкоснувшись с переводческой деятельностью («Переводил я все, что дадут <...> от Иосифа Альбирта до Вильяма Шекспира»), Шаламов пришел к выводу: «граница языка» - «граница серьезная». В «Колымских рассказах» «создаются новые русские фразы без метафор, ритмизованные, - все это теряется и должно безнадежно теряться в переводе» (Шаламов 2005, 6, 579). В этом плане писатель сопоставлял свою судьбу с судьбой Н. Гоголя и М. Зощенко, считая полностью невозможной их адекватную оценку за

«границами родного языка» (Шаламов 2005, 5, 364).

И действительно, феномен шаламовской прозы разбивает многие стереотипы, бытующие в обыденном сознании: хотя бы представление о том, что содержание и идейная направленность произведения являются основными первоначальными импульсами к его созданию. Шаламов же, раскрывая суть творческого процесса, детально обосновывал изначальность звука. Называя свои тексты рассказами «на звуковой основе» (Шаламов 2005, 6, 495), он писал о «звуковой работе», которая не только «подсказывает новые мысли», но и уводит «в сторону от предполагаемого задуманного» (Шаламов 2005, 5, 41). Именно звук влечет букву, которая «одевает» его, придав ему материальность, «духовную телесность».

Отсюда следует, что художественно-образный аспект литературного перевода – проблема не только (и не столько) чисто лингвистическая, сколько ментально-культурологическая, связанная, в частности, с проблемами национального алфавита и его звукового выражения. Значимость данного аспекта основана на выделении «слова реченого» и «слова письменного», о взаимозависимости которых говорили первоучители христианства и Отцы церкви. Перевод «по смыслу и по букве», о чем пеклись древнерусские книжники, вовсе не означал буквализма, но являлся отражением общих установок христианской скриптологии (см.: Матхаузерова 1976, Лукин 2001). «Алфавит следует за религией» – утверждал Д. Дирингер (Дирингер 1963, 629). В XX веке проблема соотношения буквы и звука обострилась в связи распространением идей грамматологии (Р. Барт, Ж. Делез, Ж. Деррида), вызвав определенные препятствия в переводческой деятельности на современном этапе.

Если обратиться к примерам из текстов Шаламова, то нельзя не заметить, что огромную трудность создает перевод чудовищных аббревиатур, ставших обозначением обвинительных статей для самого

автора и его персонажей. Так, на английском языке аббревиатура *КРД* (контрреволюционная деятельность) будет звучать как *ARA* (anti-revolutionary activity), *КРА* (контрреволюционная агитация) как *ARP* (anti-revolutionary propaganda). Смысл, разумеется, передается полностью, даже в какой-то мере сохраняется фонетическая соотнесенность, однако в крайне смягченном варианте, поскольку русское ухо воспринимает варианты *КРД* и *КРА* не только как «грозный алфавит», но и как взаимоусиленные зловещие крики вороньей стаи.

Все это далеко не мелочи: ибо «сходство букв было сходство и судеб» (Шаламов 2005, 2, 448). Как масти в карточной колоде, тасовала власть ни в чем не повинные буквенные обозначения и, складывая их в неестественные сочетания, жонглировала человеческими жизнями на грани небытия.

В высшей степени показателен знаменитый рассказ «Сентенция». Герой, привыкший как и все, обходиться двумя десятками простейших слов (*бур, суп, хлеб, пайка* и т.п.), однажды, совершенно неожиданно для себя, встав на нары, прокричал, «обращаясь к небу, к бесконечности: – Сентенция! Сентенция! И захохотал» (Шаламов 2005, 1, 404).

Это бессмысленное на уровне его интеллекта, непонятное окружающим, сложнейшее по артикуляции «римское, твердое, латинское» слово стало для заключенного Логосом. Чрезвычайно важно, что «сентенция» – обобщенно-абстрактное понятие. За ним не стоит конкретно-чувственной визуальной предметности, сопряженной с процессами работы, сна, принятия пищи. Это совсем не детское слово пришло к герою из детства как следствие увлечения Древним миром. И сейчас, выплыв из глубин подсознания, оно стало символом восстановления личности в единстве прошлого и настоящего, возврата к самому себе на основе преодоления примитивной допонятийности – того, что более всего низводит человека к животному, лишая возможности духовного переживания. Но здесь закономерен вопрос: разве в русском

языке мало слов подобного рода? Почему именно «серебряная латынь» понадобилась герою Шаламова?

Уяснению данной проблемы значительно способствует ситуация, о которой напомнил в замечательном исследовании о «Хожении за три моря» Афанасия Никитина Н.С. Трубецкой (1926). А именно: на Востоке, среди иноверцев, русский купец молился по-русски, однако единственная горячая молитва о России приведена в «Хожении» по-татарски и без русского перевода (Трубецкой 2001, 508). И в древнерусском памятнике, и у Шаламова иноязычие оберегает внутренний мир от внешнего осквернения. Опыт выживания в условиях «зачеловечности» породил психологическую трансгрессию, которая вылилась в трансгрессию художественную и сформировала особый метаязык колымской прозы. Иноязычному читателю следует понять, что речь идет не только об ужасах Колымы. Назвав свои рассказы *палимпсестами*, Шаламов конструирует широчайший пространственно-временной континуум, углубляя тем самым теорию художественного перевода.

Понятно, что в переводе донести до читателя смысл противостояния несломленного духа лагерной повседневности нетрудно. Однако специфика слова заключена не только в его смысловом наполнении, но и в особом звучании, не вполне привычном для русского уха. На Колыме, отмечал Шаламов, «физические и нравственные мучения были уродливейшим и теснейшим образом переплетены» (Шаламов 2005, 4, 255). Поэтому артикуляционная сложность звукосочетания – не внешний и случайный фактор, но следствие общих телесно-духовных изменений, произошедших с заключенным. Примечателен именно акустический «образ» лексемы: всегда твердое в русском языке «ц» накладывается на весь звуковой ряд, дисциплинируя мягкие «с», «т», «й», придавая устойчивость дважды расслабленному «е». Начальный глухой мягкий звук «с» и звонкая твердость «ц», контрастируя, как бы образуют тетиву лука, натяжение которой требует физического усилия, духовного утруждения,

вскрывает явно трансцендентальный характер речевого акта. «*Loquor ergo sum*» – мог бы сказать о себе герой знаменитого рассказа. Английский же вариант (им может быть только устаревшее *sentence*, а не *maxim* или *judgment*) лишен такого внутреннего противоборства звуков и потому он, смягчая, упрощает ситуацию. И, напротив, глагол «захохотал», который воспринимается как звукоподражательный и потому указывающий на сохранившуюся первобытность сознания, в переводе усложняется и фонетически, и грамматически: *burst out laughing*.

В записных книжках Шаламова мы встречаем горькое признание: «Я когда-то думал всерьез заняться фонетикой русского языка – казалась белым пятном. Но судьба, предупреждая мои интересы, лишила меня слуха, выбила зубы и повредила вестибулярный аппарат» (Шаламов 2005, 5, 306). Понятно, что изменение акустического образа слова, естественное в процессе перевода, может вызвать нежелательные семантические смещения, т.к. соблюдение «звуковых законов» письма были для автора одним из критериев художественной достоверности. Отсюда вытекали и другие характерные самопризнания: «<...> в мозгу бушует звуковой поток метафор, сравнений, примеров <...>»; «правка» прозаического текста остается не только за мыслью, но и «за языком, за гортанью». «Каждый рассказ, каждая фраза его предварительно прокричана в пустой комнате – я всегда говорю сам с собой, когда пишу. Кричу, угрожаю, плачу» (Шаламов 2005, 6, 495).

Более того, высокий настрой души позволил автору услышать «симфонию острога» и уловить музыкальное начало даже в названиях штрафных зон: «Джелгала, Золотистый...» (Шаламов 2005, 1, 345). Будут ли эти названия также поэтично звучать для иноязычного читателя – большой вопрос. Современный литературный перевод не может игнорировать ценностные представления национальной коммуникативной традиции, к которым относится буквенное и звуковое оформление текста, однако достичь адекватности в этой области наиболее проблематично.

Основы феноменологического подхода, т.е. «вытаскивание» истинного смысла из каких-то неведомых глубин явления порождались самой действительностью. Показателен диалог двух арестантов из рассказа «Ожерелье княгини Гагариной».

«<...> Показывайте только правду <...>» - советует один из них, более опытный, новичку. «Я всегда говорил только правду», - парирует тот. Но умудренный Крист не унимается: «И показывал правду? Тут есть много оттенков. Ложь во спасение, например. Или: интересы общества и государства. Классовые интересы отдельного человека и личная мораль. Формальная логика и логика неформальная.

- Только правду!

- Тем лучше. Значит, есть опыт показывать правду. На этом стойте.

- Не много вы мне посоветовали, - разочарованно сказал Миролубов» (Шаламов 2005, 2, 247).

Из этого диалога следует, что самое важное для человека, позволяющее ориентироваться в пестроте фактов, - *правда* оказалась наиболее проблематичной. Для обитателей тюремной камеры существовали ее разные виды и выбор какого-либо одного, могущего спасти человеческую жизнь, зависел от того, что знает и чего не знает арестант. И даже если заключенный знает *все* (что само по себе невероятно) или не знает *ничего* (как это часто бывало), судьба его от этого *знания-незнания* нисколько не зависит. Логика проста: «Понадобится ваша смерть - умрете. Не понадобится – спасетесь» (Шаламов 2005, 2, 247).

Жизнь и смерть в ситуации, описанной Шаламовым, становится, если воспользоваться понятиями Л. Витгенштейна, предметом концептуально-языковой игры (Витгенштейн 1991, 67-68). Поскольку ничего достоверно-неколебимого, безусловно принятого ни в сфере бытия, ни в сфере «чистой» мысли не существует, все попытки что-то логически обосновать, вычислить, опереться на факты, цифры, имена по-детски наивны и бесполезны. Истина - результат словесного соглашения

следователя с заключенным. Не случайно подчеркивается разница между сочетаниями «говорить правду» и «показывать правду».

Доказывая, насколько «специализировано» употребление слов «Я знаю», Л. Витгенштейн замечает: «Ведь, кажется, будто “Я знаю...” описывает некое положение дел, как бы удостоверяющее, что то, о чем знают, есть факт. При этом постоянно забывают о выражении “Я полагал, что знаю”» (Витгенштейн 1991, 68). Чтобы передать детали воспроизведенной Шаламовым ситуации, переводчику должны быть известны многие следственные тонкости, которые, разумеется, не могут быть выражены калькированной оппозицией *tell / show only truth*.

Далее. Раскрывая «секреты» мастерства, Шаламов подчеркивал особое значение для прозаика первой и последней фраз. «И пока первая фраза не найдена, рассказ не может двигаться» (Шаламов 2005, 6, 485).

«Как это началось? В какой из зимних дней изменился ветер и все стало слишком страшным? Осенью мы еще рабо...» – так на полуслове обрывается рассказ «Как это началось» (Шаламов 2005, 1, 423). Потом Шаламов с неудовольствием заметит, что все читатели дописывают, исправляют от руки недописанное предложение, идя в разрез с авторским правом. Возмущение, конечно, обоснованное, но ведь и читатель не по злой воле брался за карандаш или ручку: скорее всего незавершенность фразы принималась им за недоразумение или издательскую оплошность. В англоязычном тексте диктуемая грамматикой форма глагола *to work* в *Past* или *Perfect Continuous* заставит отбросить лишь *ing*-овое окончание. Между тем у Шаламова разрыв глагола дан по корневой середине (*сердцевине*, благодаря чему проведена демаркационная линия между тем, что может быть вербализовано, т.е. отнесено в сферу человеческого, и принципиально невербализуемыми ситуациями как выходящими в этическую и психологическую запредельность.

Таким образом, опасения Шаламова быть неадекватно понятым на других языках представляются вполне резонными.

Литература:

1. Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии. - 1991. № 2
2. Дирингер А. Алфавит / Пер. с англ. - М., 1963.
3. Лукин П.Е. Письмена и православие. Историко-филологическое исследование «Сказания о письменах» Константина Философа Костенецкого. - М., 2001.
4. Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. – Прага, 1976.
5. Николсон М. Открытие, которого он не знал // Шаламовский сборник. Вып. 1. – Вологда, 1994.
6. Трубецкой Н.С. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина как литературный памятник // Семиотика: Антология. Сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2, испр. и доп. - М., Екатеринбург, 2001.
7. Шаламов В.Т. Собр. соч.: В 6 т. /Сост., подгот. текста, прим. И. Сиротинской. – М., 2005.
8. Шаламовский сборник. Вып. 1. - Вологда, 1994.

Иванова Н.С.
Университет им. А. Златарова
г. Бургас (Болгария)

ПЕРЕВОД КАК СТРАТЕГИЯ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В БОЛГАРСКОМ ВУЗЕ

Динамика современного общества ставит перед человеком все новые испытания. Ускоренные темпы развития экономики, масштабность современных политических проектов, информационные технологии, глобализация задают новый ритм жизни, «подчиняя» все ее аспекты принципам эффективности, рациональности, коммуникативности, прагматизма.

Сфера образования наиболее подвержена развивающимся общественным тенденциям. В этой связи и обучение иностранному языку как часть общего образовательного процесса приобретает сегодня особые измерения. Многие современные социологи утверждают, что стремление к овладению иностранными языками /и компьютерными умениями/ является частью адаптационного механизма человека к новой социальной среде.

Знание иностранного языка /и иностранных языков/ предоставляет современному человеку неопределимый приоритет – расширяет его доступ к информации, ключевому для нашей эпохи феномену, способствуя личному и профессиональному престижу личности. Чтобы ответить на новые общественные потребности, высшие училища уделяют изучению иностранных языков специальное место: пересматриваются учебные планы и программы, разрушаются старые шаблоны, ведется поиск новых методических приемов и техник преподавания. В особой степени это касается обучения иностранным языкам студентов нефилологических вузов, где оно традиционно обвязывается со специфическими целями подготовки студентов к будущей специальности, поэтому акцент делается на создании речевых умений для адекватных действий в профессиональной деятельности, на изучении научного стиля речи, на развитии умений для понимания существенной информации в специализированном тексте и для ре/продуцирования этой информации подходящими языковыми средствами.

При всей важности языковой подготовки прагматизм и рациональность организации учебного процесса будущих специалистов накладывают жесткие рамки на хореографию изучения иностранных языков, которые с каждым годом, увы!, сужаются.

Такая тенденция наблюдается в последние годы в Университете им. проф. д-ра А. Златарова, г. Бургас (Болгария): хореография русского

языка для студентов экономических специальностей в бакалавриате составлял 120 часов, затем 90, сейчас – 48; для технических специальностей еще меньше – 30 часов (в магистерских программах предвидится факультативная форма обучения языкам). Серьезные ограничения потребовали актуализацию коммуникативных целей обучения, пересмотр традиционной методики преподавания, использование компьютерных технологий для оптимизации обучения, тем более, что стартовая языковая подготовка студентов по русскому языку в последние годы минимальная или нулевая.

Поиск эффективной в данных условиях стратегии обучения привели нас к отбору функционально достаточного языкового минимума, позволяющего студентам понимать адаптированный текст по специальности, и к переводу не только как языковому упражнению, но и как экономному обучающему средству.

Основой такой позиции является сопоставление двух языковых систем – русского и болгарского языка – в научном стиле речи и выявление возможных «проблемных зон» и «конфликтных точек», порождающих отрицательную интерференцию. Это означает, что при определении учебного содержания преподаватель исходит из асимметричности двух языковых систем, концентрируя внимание студентов преимущественно на тех языковых явлениях, которые не совпадают в обоих языках, демонстрируя их в образцах (отдельных словосочетаниях, предложениях, тексте) на русском языке и подборе их лексико-грамматических эквивалентов в болгарском языке.

Таким образом, усвоение русского языка происходит через призму его сопоставления с болгарским: исходный образец на русском языке, язык перевода – болгарский, а языковые правила - «код» осуществления перевода - студенты получают во время обучения.

Выбранный подход несомненно связан с преодолением многих трудностей и требует максимальной концентрации как со стороны

студентов, так и со стороны преподавателя. Особенно важным является подбор учебных материалов, состоящих в основном из адаптированных текстов с общенаучной направленностью в начале и адаптированных текстов по конкретной специальности обучаемых студентов в факультативной форме изучения языка. Другая проблема заключается в обеспечении подходящего темпа работы и постепенном усложнении учебных задач. Для оптимизации аудиторной и самостоятельной работы, а также для проведения контроля разработаны компьютерные тесты.

Исключительно важным фактором в утверждении предлагаемой стратегии обучения языку через перевод является стабильная мотивация студентов изучать русский язык, наиболее доступный из предлагаемых иностранных языков в силу своей славянской природы и близости словарного состава.

Всю модель обучения русскому языку, основанную на применении перевода в качестве основной обучающей стратегии, можно условно представить в трех концентраторах: вводный языковой курс - 12 часов 36% учебного времени/, основной языковой курс - 18 / 36 часов - 64% учебного времени/ и факультативный курс обучения языку на IV курсе определенных специальностей - 60 часов.

Вводный курс предоставляет студентам тот минимум знаний, который даст им возможность ориентироваться в исходном тексте на русском языке: узнавать на основе формальных маркеров определенную языковую единицу и знать ее однозначное соответствие в болгарском языке. Он дает знания о структуре простого предложения в русском языке и знакомит студентов с некоторыми из основных лексических, морфологических и синтаксических особенностей русского языка в сопоставлении с болгарским.

На основе практических упражнений и перевода студенты осваивают различия в роде и числе русских и болгарских существительных, основные

падежные и предложно-падежные номинативные конструкции русского языка, изучают примеры адъективных словосочетаний и простых предикатов. На этом этапе вводится и закрепляется общенаучная лексика. Она является связующим звеном с материалом второго концентратора, а работа с адаптированными научными текстами общей тематики расширяет языковые знания тех студентов, которые получили хорошую языковую подготовку еще в школе.

На этом этапе студенты переводят и некоторые характерные для русского языка термины /отглагольные существительные/, которые требуют в переводе на болгарский язык указания на предметное значение или действие: великое *открытие* – велико *открытие*; *открытие* элементов – *откриване* на елементи; *перегонная установка - дестилационна инсталация/уредба*; *установка датчика - монтиране на датчик*.

Особое внимание в переводе с русского на болгарский язык уделяется формам родительного и творительного падежа без предлогов, которые очень частотны в русской научной речи и затрудняют студентов при понимании текста: исследование *движения*, исследование *движения тела*, определение *массы вещества*, движение *частиц первого слоя*; измерить силу *динамометром*, разложение вещества *нагреванием*; а также вариативности в переводе на болгарский язык некоторых падежных: *двигатели переменного тока - двигатели за променлив ток*, *исследования аналитического типа - изследвания от аналитичен тип*; *ацетон низкого качества - ацетон с ниско качество*; и предложно-падежных конструкций, в которых наблюдаются несоответствия с болгарским языком: *реактив на аммоний - за*; *проверить металл на прочность - за*; *прочность на разрыв - при*; *нагрузка на регулятор уровня - върху*; *по окончании процесса - след*; *получить путем хлорирования - чрез* и др. Изучаются случаи синонимии языковых структур: *Процессы ускоряются с помощью катализаторов - Процессы ускоряются путем применения катализаторов - Процессы*

ускоряются применением катализаторов; или же полной противоположности значения при схожем составе конструкции: минуя жидкую фазу - прескачам течна фаза; минуя через жидкую фазу - преминавам през течна фаза.

Второй концентр включает знания о различных видах именных и глагольных предикатах в простом и сложном предложениях, о причастиях, деепричастиях и причастных оборотах в русском языке и их переводе на болгарский язык, о средствах логической связи в сложном предложении.

В частности, на этом этапе мы уделяем большое внимание переводу следующих конструкций с именным предикатом, наиболее частотных в языке науки:

- с глаголом-связкой *быть* и без глагола-связки с именной частью предиката, выраженной существительным, субстантивированным прилагательным или инфинитивом: *Пространство и форма есть формы существования материи. Серебро - бесцветное кристаллическое вещество. Жидкости - лишь бром и ртуть. Поддерживать постоянную температуру - основное в данном эксперименте. Цель эксперимента - определить свойства вещества /определение свойств вещества/;*

- с глаголом-связкой *быть* и без глагола-связки с именной частью, выраженной полной или краткой формой прилагательного: *Доклад /был/ интересный. Доклад /был/ интересен. Стекло прозрачно для видимых лучей света. Каждый атом электрически нейтрален. Всей материи присуще общее свойство отражения;*

- с глаголом связкой *быть* и без глагола-связки с именной частью, выраженной сравнительной или превосходной степенью прилагательного: *Воздух немного тяжелее азота. Температура плавления вольфрама выше, чем температура плавления железа. Это решение самое правильное. Это решение было самым правильным. Прямая - это кратчайшее расстояние между двумя точками.;*

- с глаголом-связкой и без глагольной связки с именной частью, выраженной словосочетанием: Образец */был/ самого высокого качества, квадратной формы, черного цвета, без блеска, с необычными свойствами.*

- с глаголами-связками и глагольными сочетаниями в роли связок с именной частью, выраженной существительным или пригательным /в значении квалификации, характеристики/: *Электричество является основой высшей техники. Законы генетики являются общими для всех живых организмов. Плазма представляет собой высокотемпературную смесь;*

- с глаголами *иметь, обладать, характеризоваться* в роли связок и именной частью, выраженной существительным и словосочетанием /при выражении характеристики/: *Каждый предмет, кроме индивидуальных, только ему присущих признаков, имеет признаки, общие с другими предметами. Металлы обладают способностью деформироваться, т.е. изменять размеры и формы под действием внешних сил.*

Глагольный тип предикатов представлен в следующих конструкциях:

- с глаголами 3-ьего лица множественного числа прошедшего и настоящего времени при выражении неопределенно-личного действия /обобщенного лица/: *В технике хрупкие металлы применяют для ограниченного круга изделий. Этот момент определили с помощью индикатора.*

- с глаголами несовершенного вида в значении повторяемости действия и глаголами совершенного вида в значении однократности или мгновенности действия.: *В процессе эксперимента мы иногда получали противоречивые результаты. Мы сразу получили ожидаемые результаты.*

- с переходными и непереходными глаголами типа: *прекращаться - прекращать, изменяться - изменять*: *Процесс прекращается. - Процесс прекращают.*

- с переходными глаголами в действительном обороте и страдательный оборот: *Автор поставил и решил* сложную теоретическую проблему. *Автором поставлена и решена* сложная теоретическая проблема. *Атмосфера и почва поглощают 58%* солнечной энергии. - *58% солнечной энергией поглощается атмосферой и почвой.*

- с предикатом в действительном и страдательном залоге, образование кратких страдательных причастий: *Пуск двигателя можно производить* автоматически и вручную. - *Пуск двигателя может производиться* автоматически и вручную. - *Пуск двигателя можно произвести* автоматически. - *Пуск двигателя может быть произведен* автоматически и вручную.

- с объектом действия при переходных глаголах и при существительных, образованных от переходных глаголов, словосочетания с цепочкой форм родительного падежа: *выбрать схему - выбор схемы; обсуждение проблемы выбора схемы*

На уровне сложного предложения внимание уделяется конструкциям с союзным словом *который*, когда оно удалено от определяемого слова в главном предложении: *Отдельные сигналы в масс-спектрах продуктов относятся к углеводородам различных гомологических рядов, общие формулы которых* отличаются постепенно увеличивающейся степенью.

В болгарской аудитории внимание заслуживает и различное значение конструкций с словом *как*, а также наличие нескольких причастных оборотов, относящихся к различным словам: *Как* и для первого этапа, выводы работы весьма существенны для характеристики угля *как* сырья для процессов ожижения.; Размеры структурных составляющих, *обеспечивающие* наличие на поверхности на поверхности трения *представительных* участков, *занятых* соответствующим типом контактов, можно оценить достаточно легко и обозначить участки, *образованные* сечением частиц буквой N.

В рамках сложного предложения и абзаца связного текста внимание акцентируется на следующих языковых средствах, выражающих причинно-следственные и условно-следственные отношения между отдельными частями информации */тем самым, благодаря этому, следовательно, в силу этого, в зависимости от этого и др./*; последовательность отдельных частей информации */в первую очередь, наряду с, уже, ранее, вновь, затем, впрямь/*; дополнение и уточнение данной информации */причем, кроме того, более того, кстати/*; обобщение и вывод */итак, таким образом, словом/*; отделение частного случая, уточнение */только, лишь, ведь/*.

На втором этапе обучения русскому языку перевод с русского языка является основным языковым упражнением, позволяющим понять специфику научного текста на русском языке, исходя из сравнения с болгарским языком. Основное внимание фокусировано на синтаксических особенностях научного стиля русской речи.

Третий концентр - заключающий этап охватывает обучение русскому языку в рамках его факультативного изучения. На этом этапе максимально используется перевод адаптированных и оригинальных научных текстов */фрагментов оригинальных монографий, научных статей, рецензий, рефератов, аннотаций, технической документации/*. Обращается внимание на средства организации связного текста, средства сжатия или расширения описания текста с включением анализа и оценки информации, обсуждаются вопросы практической стилистики и стилевой адекватности перевода тексту-оригиналу. Наблюдаются особенности, связанные с инверсией порядка слов в русском языке, развивается догадка по контексту

На конкретных примерах упражняется необходимость в переводческих трансформациях: дополнениях, заменах, уточнениях, изменениях границ предложений и др., выбор единственно возможного и наиболее адекватного эквивалента перевода из нескольких возможных.

При таком подходе в обучении русскому языку как иностранному - в переводе через перевод, по нашему мнению, студенты получают знания, которые повышают их компетентность как в изучаемом, так и в родном языке.

Литература:

1. Вишнякова Т. А. Основы методики преподавания русского языка студентам-нефилологам. Москва. Русский язык, 1982
2. Иванова Н. Една обучаваща стратегия при изучаването на руски език в технически ВУЗ // Юбилейна научна сесия. Технически университет София. Колеж Сливен. 2001. С. 141 – 143.
3. Иванова Н. Преводът в чуждоезиковото обучение на студентите от технически ВУЗ // Морски научен форум. Приложна лингвистика и чуждоезиково обучение. Варна. 2001. С. 360 – 365.
4. Попов К. Типичные для болгар трудности в русском языке. София. Народна просвета, 1982
5. Программы по русскому языку как иностранному.

Paper studies the problems of teaching Russian as a foreign language. It focuses on current problems and suggests an example of using translation as a general strategy in teaching Russian for specific purposes in Bulgarian non-philological university.

Ключевые слова: *стратегия обучения, перевод, русский язык как иностранный.*

Ивбуле В.
Факультет переводчиков МВШПП
г. Рига (Латвия)

**ИНТЕГРИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И
КУЛЬТУРЕ В ПРОЦЕССЕ ПРОЕКТНОЙ РАБОТЫ ПО
ПИСЬМЕННОМУ ПЕРЕВОДУ**

Интегрированное обучение русскому языку в процессе подготовки переводчиков базируется на основополагающем документе Международной высшей школы практической психологии – *Положении о принципах и видах организации учебного процесса*. В качестве ведущего принципа выделяется интегративный, целостность когнитивного и практического аспектов учебной работы, при этом главным видом организации учебного процесса заявлена проектная работа студентов как вид самостоятельной учебно-исследовательской деятельности студентов, в которую интегрированы теоретические учебные курсы профессиональной программы переводчиков.

Овладение языком на качественно новом уровне становится приоритарной потребностью студентов как перспективной служебной необходимостью и весь процесс подготовки по русскому языку приобретает прагматическую, профессионально-переводческую направленность, выступая как компонент и инструмент профессиональной компетенции.

В последнее время социолингвистический фактор становится все более актуальным в описании общетеоретических основ методики РКИ. Сообразно социолингвистическому контексту речевой деятельности на русском языке стали использовать разработанную в социологии и социальной психологии ролевую теорию личности, которая в практике обучения РКИ трансформировалась в ролевую модель учебно – профессиональной деятельности (Щукин,2002), в нашем случае ролевую модель переводчика.

В статье представлен интегрированный подход к обучению русскому языку и культуре студентов Факультета переводчиков через реальную деятельность в процессе проекта по письменному переводу, с учётом конфигурации языков в социокультурной среде Латвии, статуса и престижности русского языка и культуры в обществе.

Процессуальная сторона обучения через проект организуется как симулирование «естественной ситуации» профессионального перевода, реализация полученного заказа работодателя-представителя других факультетов и структур высшей школы. Для переводов используются аутентичные тексты, реальные материалы заказчика.

Целью проектной деятельности является формирование и развитие переводческой компетентности, овладение практическими навыками редактирования текста перевода в рамках проекта на основе теоретических положений и базовых понятий стилистики, приобретение опыта редакторской правки, развитие навыков применения теории языка в практике редактирования.

Общеобразовательная компетенция. В процессе проектной учебно-познавательской деятельности успешно решаются общеобразовательные задачи обучения, поскольку общеобразовательная цель обучения предполагает использование изучаемого языка для повышения общей культуры учащихся, расширения их кругозора, знаний о стране изучаемого языка и посредством языка - об окружающем мире в целом. В этой связи уместно привести слова Гумбольда: « через осмысление многообразия языков открывается два новых аспекта в отношении человек - мир: непосредственно обогащается наше знание о мире и то, что нами познаётся в этом мире, человеческое бытие становится для нас шире».

Достижение общеобразовательной цели предусматривает приобретение учащимися страноведческих и лингвострановедческих знаний, культуры межнационального общения. Приходит более глубокое осознание своей культурной идентичности и чувство гордости за культурное наследие.

В аспекте формирования лингвистической компетенции расширяется языковой кругозор учащихся, создаются благоприятные возможности для лучшего понимания родного языка и улучшается практическое владение не только изучаемыми, но и родным языком.

Общеобразовательная компетенция формируется через интегрированное содержание целого блока языковых дисциплин. Во-первых, в качестве обязательного предмета в программу профессиональной подготовки переводчиков введён курс родного (*русского/латышского*) языка. По русскому языку, литературе и культуре предусмотрены такие предметы, как «Родной язык и культура», «Анализ текста в практике перевода на родном языке», «Родной язык в практике перевода», «Функциональная стилистика русского языка», «Русская фразеология в межкультурном аспекте» и др. В общеобразовательном блоке представлены обязательные курсы академического первого и второго иностранных языков, таких как английский, немецкий, французский, русский, испанский, итальянский и целый ряд предметов для обязательного выбора по культуре, юриспруденции, экономике, психологии, бизнесу и т.п. Кроме того, в развитие умений логического мышления учащихся, в овладение приемами умственного труда вносят вклад компаративные исследования студентов в рамках курсовых и дипломных работ, которые связаны с межкультурной коммуникацией: родной язык и культура / иностранный язык и культура.

Работа по всем курсам ведется в интегрированном виде и непосредственно связана с письменным или устным переводом. Например, в рамках курса «Чтение/письменная коммуникация» студенты работают с иностранными текстами и параллельными, аналогичными текстами на родном языке по тематике перевода, которые анализируются на занятиях по предметам «Анализ текста на иностранном языке», «Анализ текста на родном языке». Теоретический материал осваивается самостоятельно.

Каждый студент выполняет перевод и редактирование текста объёмом 10- 25 страниц. Конечный продукт - Сборник переводов.

Субъект-субъектные отношения в ходе проекта. Методическая компетенция студентов. Прошло несколько лет, как Латвия подписала

Болонское соглашение. Принятые обязательства в свете современной философии образования ориентируют не только на новые принципы организации учебного процесса, но и в корне меняют политику субъект-субъектных отношений в процессе работы высшей школы (Дьюи, 1997, Щукин, 2002, Rudzitis, 2003 и др.).

Студент осознаёт свой учебный процесс и поэтому сам способен найти подходящие пути для решения возникающей проблемы. Он овладевает образовательной компетенцией для развития себя как автономной, интеллектуально суверенной личности, способной организовать свой процесс самообразования, самообучения в течение жизни.

К числу базовых положений для педагога относят создание психолого-дидактических условий для эффективного самообразования обучаемых: предоставление педагогической поддержки в развитии интеллектуальной активности, в овладении технологиями самообразования, стратегиями самообучения /master ways/ на занятиях и консультациях. По мнению Дьюи, главное - это дать импульс процессам самообразования (Дьюи, 1997).

Рудзитис также акцентирует внимание на необходимости оказания студентам педагогической и психологической поддержки: готовить отношение к своей роли и возможностям, уверенности в своих умениях выдвигать цели, выбирать необходимые ресурсы и методы, оценивать результаты. Педагогическая поддержка необходима, редко кто овладевает педагогическими стратегиями самостоятельно. На это можно отводить отдельную лекцию, занятие или часть занятия регулярно.

В результате, движение к персональному росту происходит через движение от зависимости к автономии как высшему уровню учебно – познавательной деятельности, формируется личная ответственности за своё самообразование.

В нашей школе проект по письменному переводу для заказчика осуществляется с первого семестра первого курса в рамках аудиторной и внеаудиторной работы, коллективной и индивидуальной. Студенты и ведущие курсы преподаватели работают в одной команде, совместно обсуждают требования заказчика к продукту перевода, определяют цели и задачи проекта. Каждый студент имеет методическое досье, включающее подробно разработанные рекомендации на этапе редактирования: алгоритм действий *до начала редактирования, в процессе редактирования, по окончании работы*, инструкцию - *последовательность редактирования*, инструкцию - *анализ частотных семантических и нормативных ошибок и недочётов* и др.

Студенты получают систематическую, ориентированную на конечный результат, помощь на занятиях, еженедельно 2 часа по расписанию и индивидуальных консультациях.

Опыт реальной переводческой деятельности, опыт анализа ошибок и недочётов, позволяет каждому участнику проекта увидеть свои пробелы в языковой подготовке, типичные ошибки и недочёты, препятствующие созданию качественного продукта перевода и выбрать оптимальные методические приёмы с ориентацией на формирование умений применения норм РЯ, законов стилистики в практике редактирования.

Например, использование алгоритма последовательности процесса редактирования, методики редактирования, когнитивных карточек-опор. Студенты самостоятельно изучают часть теории по курсу, сами формулируют контрольные вопросы, которые корректируются при обсуждении в группе. На каждый вопрос даётся лаконичный ответ и заносится в карточку. Далее выполняется упражнение на редактирование текста с их использованием и контроль качества текста. Позиция отдельного языкового явления обязательно соотносится с системой языка в целом.

Учитывая слабую подготовку студентов по русскому языку, подобные языковые алгоритмы помогают быстрее овладеть навыками редактирования текста перевода.

Русский язык в условиях поликультурного общества. Проблема выбора адекватного термина.

Принадлежность индивидуума или социальной группы к определённому культурному коллективу называют культурной идентичностью, а её аспектами - язык, религию, систему ценностей, обычаи и традиции и пр. (Hall, 1994).

В социокультурных условиях Латвии тесное взаимодействие языковых сообществ порождает парадигму языковых взаимовлияний. В ареале активных политических, экономических и культурных контактов Латвии с Россией, многими государствами бывшего СССР, западными странами, Америкой широко востребованы латышский, русский и английский языки, особенно в различных ситуациях письменного перевода.

В последнее время в Латвии наблюдается повышение интереса к русскому языку и русской культуре, востребованность переводов с европейских языков на русский. Чаще всего на русский переводят юридические документы, в том числе процессуальные, бумаги деловой переписки, бизнес-документы, различного сорта договорные документы с латышского языка для легализации в России; кроме того, в большом объёме газетные издания, реклама и др.

Проблема в том, что в стране мало специально обученных переводчиков с и на русский язык, в отличие от немецкого, английского, французского. Хотя русский имеет аналогичный статус иностранного языка, перевод на русский порой осуществляют не профессиональные переводчики, даже не филологи, и не носители языка перевода.

Кроме того, русский язык в переводах находится под сильным влиянием, с одной стороны, латышского языка, а с другой - английского. Приведём примеры наиболее характерных ошибок в переводах на русский язык.

1. Интерференция на всех языковых уровнях: а) *традициональнйй, конституциональнйй* вместо *традиционнйй, конституционнйй*; б) *агентура* вместо *агентство* (Семёнова, 1994).

2. Возникновение новых реалий в стране и их номинации - для названия нового воинизированного формирования *земессардзе* удобнее перенять латышское слово, чем вспомнить русское *ополченцы*, назвать аббревиатуру *SIA* вместо *ООО*.

3. неоправданное употребление заимствованных слов-интернационализмов, *закон акцентировали* вместо *утвердили*.

4. Поскольку социальный заказ на перевод юридических текстов наиболее актуален, а к качеству перевода, выбору точного слова предъявляются повышенные требования, считаем важным акцентировать внимание на некоторых разночтениях терминов в международных юридических документах. Общеизвестно, что в наше время правовая аккультурация связана с приведением норм законодательства к единым европейским стандартам. (Еникеев, 2000).

Возникающие юридические явления порождают новые юридические понятия и термины, так и иное оперирование терминами, ранее употреблявшимися.

Достаточно примеров, демонстрирующих всю сложность соотношения терминологии национальной и европейской правовых систем, всю сложность выбора корректного слова при переводе в условиях одновременного контактирования нескольких терминов. В этой связи считаем полезным привлечь внимание студентов к меняющимся общественно - политическим реалиям, особенностям и проблемам перевода юридической терминологии.

В качестве свежего примера рассмотрим иноязычный термин, заимствованный вместе с правовым институтом под названием *институт омбудсмана* (фигурирует с 1809 г.). В настоящее время институт *омбудсмана* функционирует во многих странах мира, в том числе России, Латвии под разными названиями. *Омбудсман* в России - *уполномоченный по правам человека*, *парламентский комиссар* в Англии, *народный защитник* в Австрии, Испании, *медиатор* – Франция, *адвокат народа* в Румынии, *контролёр Сейма* в Литве и др., в качестве термина юридических актов ЕС в английском языке используется термин *омбудсман*. В Латвии институт назван *Бюро омбудсмана*, в юридических и общественных кругах наиболее часто употребляется название *омбудсман*, официально утверждён национальный термин.

5. Различие в употреблении терминов орган, учреждение институция может наблюдаться в переводах на национальном уровне и в европейских документах. Такой вариант перевода, как *орган* получил более широкое распространение в России и в ЕС, в то время как в латышской национальной юридической терминологии слово *орган* заменён словом *институция* в значении "орган, учреждение, организация". Слово *институция* можно обнаружить в латышских словарях, широко употребляется в общественно-политической сфере *государственные институции*, в аутентичных русских текстах слово *институция* не фигурирует *государственные органы* (Веберс, 1994).

6. Терминологическая интерференция. Как отдельную проблему можно выделить явление терминологической интерференции. Общеизвестно, что интернациональные термины составляют международный лексический фонд. В юридическом языке на уровне понятия\термина сфокусирована рецепция многих культур и пересечение предметных, лингвистических, социокультурных интересов (Ивбуле, 2003).

Задача переводчика - не поддаваться влиянию интернационализмов, поскольку русская терминосистема включает русские базисные термины, имеющие глубокие этнические корни, принадлежащие к древним лексическим пластам.

Один из характерных примеров замены национального термина *уголовный* интернационализмом *криминальный*, (лат.kriminalis), используемого во многих языках, отсюда частотная недопустимая ошибка *криминальное право*.

В данном случае студентам следует овладеть технологией историко-генетического анализа слова, научиться исследовать семантическое развитие термина. Например, одним из значений «голова» в древнерусском языке было «убитый человек». Убийцу называли «головник», а ставшее юридическим термином прилагательное «уголовный» образовалось от производного «головный» («убивший») с помощью приставки у с усилительным оттенком.

В плане методическом национальная лексика содержит большой лингвострановедческий потенциал, раскрывая национально-культурные ассоциации и может рассматриваться как эффективное средство представления культуры российского народа. Историко-генетический анализ слова обеспечивает лучшее понимание слова и его усвоение. Семантизация подобных терминов связана с выявлением лексического фона, наличия коннотаций в связи с тем или иным термином, определения их характера, а главное – знакомства студентов с национально-культурными аспектами языка.

В методическом плане раскрытие национально-культурных ассоциаций терминологизированных слов может рассматриваться как эффективное средство представления культуры российского народа

Таким образом, проблемы, связанные с формированием переводческой компетентности, обучением\овладением практическими навыками редактирования текста перевода в рамках проекта нацеливают

на подготовку самодостаточного студента, владеющего образовательными компетенциями.

Умение использовать языковые ресурсы в практике редактирования текста рассматривается как профессиональное качество, а обучение языку проникает в обучение переводческого дела, становясь компонентом профессиональной подготовки. Идеи интегрированного планирования учебного процесса, где главной формой обучения является проектная работа, позволяет реализовать интегрированное учение на основе реализации *принципа межязыковой координации* (Щукин,2002).

Литература:

1. Веберс Я.Словарь юридических терминов.- Рига.: 1994.
2. Дьюи Д. Психология и педагогика мышления / Перевод с английского Н. М. Никольской. Под.ред. Н. Д.Виноградова. - М.: Совершенство, 1997.
3. Еникеев М.И. Юридическая психология. – М.: Норма, 2000.
4. Ивбуле В. Методика обучения профессиональному общению на русском языке в социокультурных условиях Латвии (юридический профиль), дисс. канд. пед наук.- М.:2003.
5. Ивбуле В. Русский для юристов. Уч. пос., ч.2. Рига.: 2006.
6. Семёнова, М. Сопоставительная грамматика русского и латышского языков, Рига.: 1994.
7. Щукин А. Н. Методика обучения иностранным языкам. – М.: Изд.«УРАО», 2002.
8. Rudzītis G. The System of preparing students for self education. Bogota, Javeriana,2003.
9. Hall, Stuart Rassismus und kulturelle Identität, Hamburg 1994.

Several years have passed since the time when Latvia signed the Bologna Convention.

Modern philosophy of education orientate at new principles of subject-subject relations in the process of work of a higher school.

A students masters educational competence for development of autonomous sovereign personality capable to arrange the process of self-education, while a pedagogue makes proper conditions for the student to gain strategies of self-education at classes and consultations.

Integrated planning of educational process at the Department of Translators of International Higher School of Practical Psychology is based on the mentioned ideas, and the main form of education there is project work as a way of practical and research activity of students.

The article shows an integrated social and cultural approach to translators training in language environment of Latvia. This education is arranged in the form of simulation of “natural situation” of professional translation.

Инькова О.Ю.
Женевский университет
г. Женева (Швейцария)

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА СООТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ: РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

Проблемы перевода соотносительных предложений, то есть таких, где придаточная часть синтаксически зависит от местоименного слова главного предложения, обусловлены системными различиями французского и русского языков. Эти различия касаются прежде всего :

- выражения категории определенности/неопределенности (артиклевый язык vs. безартиклевый язык);
- организации системы указательных местоимений двух языков: место русского *такой* остается незанятым в системе французских указательных местоименных слов;

- средств выражения тождества: французский язык не различает референциальное и качественное тождество (*тот же* vs. *такой же* = *le même*), но по-разному оформляет качественное (фр. *même*) и количественное (фр. *aussi*) тождество, формально не различающиеся в русском языке (оба выражаются *так(ой) же*);
- различной синтаксической организации соотносительных предложений двух языков.

В нашем сообщении мы рассмотрим соотносительные предложения, оформляемые *такой*, и проанализируем, как перечисленные выше системные различия влияют на выбор переводного эквивалента местоименного слова. Мы начнем с различий в системах указательных местоимений двух языков как наиболее существенных для изучаемого вопроса.

1. Система указательных местоимений русского и французского языков

Системы указательных местоимений (УМ) двух языков, распределенные по основным онтологическим категориям, представлены в таблице 1.

ОСНОВНЫЕ ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ	РУССКИЙ ЯЗЫК		ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК	
	указательные	вопросительные /относительные	указательные	вопросительные
лицо	<i>этот – тот</i>	<i>кто</i>	<i>celui-ci – celui-là</i>	<i>qui</i>
предмет	<i>это – то</i>	<i>что</i>	<i>ceci – cela</i>	<i>quoi</i>
качество	<i>(этакий) – такой</i>	<i>какой</i>	–	–
место	<i>здесь – там</i>	<i>где</i>	<i>ici – là</i>	<i>où</i>
время	<i>сейчас – теперь</i>	<i>когда</i>	<i>maintenant – /désormais</i>	<i>quand</i>

	<i>тогда</i>		<i>alors</i>	
образ действия	(этaк) – тaк	<i>как</i>	<i>ainsi</i>	<i>comment</i>
количество	стoлькo	<i>скoлькo</i>	<i>autant</i>	<i>combien</i>

Хорошо известно также употребление УМ *этот – тот* в функции детерминатива (*этот человек – cet homme*) с соответствующим ему вопросительным/относительным местоимением *который* (Шведова 1998).

Как можно заметить, русский язык последовательно заполняет все основные онтологические категории при помощи УМ, с присущей им оппозицией *удаленность – приближенность* к говорящему. Кроме того, в общей системе местоимений русского языка, каждому УМ соответствует местоимение вопросительное, отличающееся от указательного (это касается, в первую очередь парадигмы удаленности, участвующей в построении соотносительных конструкций) лишь основой *т-/к-*, и выполняющее с сложном предложении функцию местоимения относительного. В грамматической традиции французского языка, из всех перечисленных местоимений к собственно указательным относятся только местоимения, выделенные в таблице жирным шрифтом, а также *ce* в функции детерминатива. За остальными признается лишь их дейктический, в широком смысле, характер и привязанность к моменту речи. При этом, между системой УМ и вопросительных местоимений французского языка нет такого, как в русском языке, параллелизма основ, а система относительных местоимений устроена, как известно, по иному, чем в русском языке, семантико-синтаксическому принципу.

Из приведенной таблицы видно также, что в системе французских УМ остается незаполненной категория «качество», которой соответствует русское *такой*. Поэтому эквивалентами последнего во французском языке могут быть, в зависимости от типа передаваемого *такой* значения, самые различные языковые единицы.

(1) Вы меня, разумеется, не можете помнить. Я была вот *такая*, – она показала себе по грудь (*Федин*) [Vous ne pouvez évidemment pas vous souvenir de moi, j'étais (grande) *comme ça*. Et elle plaça sa main à hauteur de poitrine]¹

(2) Медведи, это *такие* животные с густой лохматой шерстью (*Интернет*) [Les ours, ce sont *des* animaux au pelage épais et touffu]

(3) Извините меня великодушно, но у вас *такое* было лицо, что я думал, что вы непременно его убьете (*Чехов*) [Je vous prie de m'excuser aimablement, mais vous aviez un visage *tel* que j'ai cru que vous alliez le tuer]

(4) Она входит ко мне в юбке, непричесанная, но уже умытая, пахнувшая цветочным одеколоном, и с *таким* видом, как будто вошла нечаянно... (*Чехов*) [Elle entre chez moi en jupon, décoiffée, mais déjà lavée et parfumée à la fleur et avec *un* air qui semble dire /*tel qu'on dirait qu'elle est entrée par hasard*]

(5) Сейчас Зураб Анджапаридзе растит сына, и я надеюсь, что Зурико-младший станет *таким же* талантливым, *таким же* умным и ироничным, *таким же* красивым ..., как его отец (*Архипова*) [Actuellement Zourab Andjaparidze élève son fils, et j'espère que Zouriko-junior deviendra *aussi* talentueux, *aussi* intelligent et ironique, *aussi* beau que son père]

(6) Я думаю, что если бы она, преодолев свою гордость, сама первая призналась ему в любви, то, вероятно, получила бы *такой же* ответ, как Татьяна от Онегина (*Чегодаева*) [Je pense que si, surmontant son orgueil, elle avait déclaré son amour la première, elle aurait reçu *la même* réponse que Tatiana d'Onéguine]

О том, что *такой*, несмотря на дискуссии вокруг этого вопроса (*МАС*, *АГ-80*, Белошапкова 1997, Левин 1973, Крылов 1984, Шведова, Белоусова 1995 и др.), следует отнести к УМ, говорит его употребление в дейктической функции (1), типичной для данного семантического класса местоимений. Но, в отличие от *этот*, осуществляющего

---

¹ Автор выражает признательность Анник Морар за помощь в переводе примеров.

идентифицирующий дейксис, вводя референт в сферу определенности, *такой* оставляет определяемую им именную группу в сфере неопределенности, осуществляя классифицирующую функцию¹. Ср. с этой точки зрения (2) выше, где *такие* задает класс животных, а также (7)-(8), где *тот* и *такой* выступают в анафорической функции:

(7) Утром оба они чувствовали смущение и не знали, о чем говорить, и ему даже казалось, что она нетвердо ступает на *ту* ногу, которую он поцеловал (*Чехов*) [Le matin, tous deux se sentaient embarrassés et ne savaient de quoi parler, et il avait même l'impression qu'elle posait avec moins d'assurance *le* pied qu'il avait embrassé la veille]

(8) Нужно изыскать *такие* меры, *которые* гарантировали бы нам постоянную, более или менее определенную цифру дохода. Я придумал одну *такую* меру и имею честь предложить ее на ваше обсуждение (*Чехов*) [Il faut trouver *des* mesures qui nous garantissent un revenu constant, plus ou moins stable. J'ai imaginé *une telle* mesure / *une pareille* mesure et j'ai l'honneur de la proposer à votre attention]

Если признак, к которому отсылает *тот*, задает экстенционал именной группы и позволяет однозначно идентифицировать ее референта, в связи с чем *тот* будет переводится либо указательным местоимением, либо (в соотносительных конструкциях) определенным артиклем, признак, к которому отсылает *такой*, лишь сужает экстенционал именной группы, подобно качественному прилагательному. Вполне закономерно поэтому, что переводными эквивалентами *такой* во французском языке будут языковые единицы из сферы неопределенности: неопределенный артикль, неопределенные местоимения *tel* и *même*². Выбор одного из возможных эквивалентов зависит, в первую очередь, от семантико-синтаксического

---

¹ Подробнее о семантике *такой* и его месте в системе русских местоимений см. Инькова 2007.

² Заметим, правда, что их принадлежность к классу неопределенных местоимений, выполняющих функцию детерминатива, вызывает многочисленные споры (см. Arrivé & al. 1986, 324, Van Peteghem 2000).

типа конструкции, в которой появляется *такой*. В рамках настоящего исследования мы рассмотрим лишь соотносительные предложения¹.

2. Типы соотносительных предложений с «такой»

Соотносительные предложения с *такой* можно разделить на четыре группы, в зависимости от типа семантических отношений, связывающих главную и придаточную части:

- чисто анафорические отношения; ср. (8);
- причинно-следственные отношения; ср. (3);
- сравнительные отношения; ср. (4);
- отношения тождества; ср. (5)-(6). Сразу уточним, что под отношением тождества мы понимаем семантическую операцию, в результате которой признак предмета определяется через его отношение к признакам других предметов (Инькова 2008, 78). Так, в (5) степень проявления признаков *талантливый, умный, красивый* и т.п. сына определяется через сравнение с этими признаками у отца. В (6), признаки *ответа*, который был бы получен, определяются через сопоставление с признакам *ответа*, полученного Татьяной от Онегина.

Каждому семантическому типу соотносительной конструкции соответствует своя синтаксическая схема. При анафорических отношениях придаточное вводится относительным местоимением *какой*; при причинно-следственных – союзом *что*; при сравнительных отношениях – союзом *как* или союзами модального сравнения *как будто, словно, точно*; при отношениях тождества *такой* всегда употребляется в сочетании с частицей *же*, а зависимая часть вводится относительным местоимением *какой* или одним из сравнительных союзов. Во французских соотносительных предложениях придаточное, независимо от типа соотносительного слова в главном предложении (*tel, aussi, si, tellement*) и семантических отношений, связывающих главную часть с придаточной, всегда вводится при помощи *que*, семантико-синтаксический статус

---

¹ Подробнее об остальных конструкциях с *такой*, см. Inkova à paraître.

которого определить довольно трудно (см. дискуссию по данному вопросу в Van Peteghem 2000). Единственное исключение составляет *même*, совместимое в коррелятивной схеме с относительным местоимением:

(9) Avec la *même* indifférence avec *laquelle* il traite sa vie quotidienne, il adopte ce nouveau compagnon (*Internet*).

Это различие в организации коррелятивной схемы вызывает значительные трудности при переводе, особенно сравнительных конструкций, оформляющихся в сопоставляемых языках очень по-разному. Мы вернемся к этому вопросу в § 2.3.

При выборе переводного эквивалента *такой* необходимо также, как мы увидим в дальнейшем, учитывать синтаксическую функцию, которую выполняет это местоимение: определения, интенсификатора или именной части предиката.

2.1. Чисто анафорические отношения

Чисто анафорические отношения между *такой* и его антецедентом характеризуют сложные предложения с относительным придаточным, описательно определяющим признак, к которому отсылает *такой*. Переводным эквивалентом *такой* в функции определения будет неопределенный артикль – ср. (8), или, при параллелизме синтаксической структуры главного и придаточного, прилагательные *pareil*, *semblable* – ср. (10), где главное и придаточное предложение построены по зеркальному принципу: *глаза* (S) – *птенец* (S); *смотрели* (V) – *осматривает* (V); *с таким удивлением* (CC) – *с каким (удивлением)* (CC).

(10) Его круглые черные глаза смотрели на мир с *таким* удивлением, с *каким*, вероятно, осматривает свое гнездо только что вылупившийся птенец (*Асулин*) [Ses yeux ronds et noirs regardaient le monde avec *un* étonnement *pareil/semblable*, probablement, à celui avec *lequel* un oiselet à peine sorti de l'œuf regarde son nid].

Неопределенное местоимение *tel*, также служащее для характеристики признака, в соотносительных конструкциях в функции

определения несовместимо с чисто анафорическими отношениями, хотя допускает их в независимом употреблении (ср., например, второе употребление *такой* в (8) выше и возможность его перевода при помощи *tel*).

Перечисленные языковые средства не всегда, однако, могут адекватно передавать значение *такой*, поскольку это местоимение не просто отсылает к признаку, описанном в придаточном, но и фокусирует его, противопоставляя тем самым определяемый предмет другим предметам, входящим в заданную парадигму. Эта выделительная функция *такой* особенно четко проявляется в тех случаях, когда на него падает фразовое ударение, придавая ему экспрессивный оттенок:

(11) Мне приходилось переживать *такие* положения, *каких* я злому татарину не пожелаю (Чехов) [Il m'est arrivé de vivre *des* situations que je ne souhaiterais pas de vivre à mon pire ennemi]

(12) Когда я сорву с тебя проклятую маску и когда все узнают, что ты за птица, ты полетишь у меня с седьмого неба вниз головой в *такую* яму, из которой не вытащит тебя сама нечистая сила! (Чехов) [Quand je te démasquerai et que tout le monde saura qui tu es en réalité, tu tomberas la tête la première du septième ciel dans *une* fosse d'où même une force diabolique ne saurait te tirer].

Перевод *такой* неопределенным артиклем, не способным к тому же притягивать фразовое ударение, оказывается в данном примере недостаточным: экспрессивность признака, определенного затем в придаточном, теряется. Чтобы более точно передать семантику русского высказывания, необходимо заменить *такой* соответствующим по смыслу прилагательным, как в (13):

(13) [Il m'est arrivé de vivre *des* situations *si terribles/si désagréables* que je ne souhaiterais pas de vivre à mon pire ennemi]

(14) [Quand je te démasquerai et que tout le monde saura qui tu es en réalité, tu tomberas la tête la première du septième ciel dans *une fosse si profonde* que même une force diabolique ne saurait t'en tirer].

Уточним, что французская фраза меняет при этом свою семантико-синтаксическую структуру: *si* вводит придаточное следствия, описывающее степень проявления признака, о чем пойдет речь ниже.

Особого внимания заслуживает перевод *такой* в атрибутивной функции:

(15) Зима. Хвойный лес, *такой*, какие бывают в Подмоскowie. [L'hiver. Une forêt de sapins, *une de celles /comme celles* que l'on trouve / *telle qu'on en trouve* aux environs de Moscou]

(16) Человек остался *таким*, каким был три тысячи лет назад (*Михалков-Кончаловский*) [L'homme est resté *tel* qu'il était il y a trois mille ans]

(17) Друбецкой всегда мог ввести в заблуждение людей, готовых воспринимать его *таким*, каким он казался, а не *таким*, каким он был на самом деле (*Гольдфаин*) [Droubetskoï pouvait toujours duper les gens prêts à le prendre *tel* qu'il voulait se montrer et non pas *tel* qu'il était en réalité]

Если *такой* отсылает к классу предметов, описанному в придаточном, как в (15) (*такой – какие*), то при переводе необходимо использовать средства, позволяющие одновременно осуществить выбор предмета из класса и задать этот класс, например, *un(e) de / comme* или *tel* в сочетании с *en*, задающим класс. Если же *такой* соотносит признаки одного предмета, относящиеся к разным временным – (16) – или модальным планам – (17), то переводным эквивалентом *такой* будет *tel*.

Что касается употребления *такой* в функции интенсификатора, возможной лишь в сочетании с лексемами, описывающими свойства, поддающиеся градации ([+GRAD]), то оно встречается крайне редко: степень проявления признака описывается, как правило, через следствие или через сравнение. При переводе *такой* будет заменяться на (*aus*)*si*, которое, однако, не управляет соотносительной структурой:

(18) Он высокий и стройный, *такой* высокий, *каких* я никогда не видела (Сологуб) [Il est grand et mince, je n'ai jamais vu quelqu'un d'(aus)si grand].

2.2. Причинно-следственные отношения

В высказываниях с причинно-следственными отношениями между главной и придаточной частями признак предмета определяется через следствие. При переводе соотносительных предложений данного типа семантические свойства лексемы, с которой сочетается *такой*, приобретают первостепенное значение. Как мы уже отмечали выше, в сочетании с лексемами [+GRAD], *такой* характеризует не столько признак предмета, как в (3) выше, сколько степень проявления этого признака. Особенно четко это значение *такой* проявляется в сочетании с прилагательными, когда *такой* занимает синтаксическую позицию интенсификатора¹. Ср. (19) и (20):

(19) ...гора, около которой ехали, была сколочена природою из громадных камней, давивших друг друга с *такой* страшной силой, что при взгляде на них Самойленко всякий раз невольно кряхтел (Чехов) [...la montagne qu'ils longeaient était naturellement façonnée par d'énormes pierres qui se pressaient les unes contre les autres avec une force *si* monstrueuse que Samoïlenko gémissait involontairement, chaque fois qu'il les regardait]

(20) Жила на свете одна глупая женщина – *такая* глупая, что однажды она по глупости подожгла собственный дом (Афганская сказка) [Il était une fois une femme stupide, *si* stupide qu'un jour, par stupidité, elle brûla sa maison].

Сочетаясь с качественными прилагательными *страшный* и *глупый*, *такой* выражает степень проявления этих признаков и должен переводиться при помощи *si* или *tellement*, выполняющих во французском языке аналогичную функцию. Выбор эквивалента *такой* зависит, однако, еще и от грамматического статуса лексемы, с которой сочетается *такой*, и,

---

¹ В связи с данной семантико-синтаксической функцией *такой* высказывания, в которых в сферу действия *такой* попадает прилагательное [- GRAD], неприемлемы: Задачи новой партии были **такими* политическими, что она сразу получила массовую поддержку.

следовательно, от функции *такой* в высказывании. При сочетании с существительным переводным эквивалентом *такой*, выступающим в функции определения, будет *tel* независимо от семантического типа существительного. Это ограничение, синтаксического характера, связано с тем, что *si* и *tellement*, будучи наречиями, не могут сочетаться с именами существительными. Ср., в этой связи, с одной стороны, (3) выше с существительным [-GRAD] и (21) с существительным [+GRAD], где *такой* в обоих случаях будет переводится *tel*, а, с другой стороны, (20) и (21), где *такой* сочетается с лексемами [+GRAD], но переводится по-разному, в зависимости от выполняемой им синтаксической функции.

(21) От избытка достоинства шея его была напряжена и подбородок тянуло вверх с *такой* силой, что голова, казалось, каждую минуту готова была оторваться и полететь вниз (*Чехов*) [Par excès de dignité, son cou était tendu et son menton tirait vers le haut avec une force *telle* qu'il semblait que sa tête était sur le point de se détacher et de voler à terre].

Однако высказывания, подобные (21), то есть такие, где *такой* характеризует признак [+GRAD], выраженный существительным, все равно понимаются как выражающие степень проявления данного признака. Эта интерпретация заложена в самой семантике поддающихся градации слов, которые, приписывая некоторый признак предмету, одновременно осуществляют квантификацию этого признака, поскольку, как хорошо известно, поддающиеся градации признаки имплицитно содержат указание на норму и на место, занимаемое данным признаком, на соответствующей шкале.

Если *такой* употребляется в атрибутивной функции, то его переводным эквивалентом будет *tel*:

(22) Лицо у него было *такое*, что Синцову показалось: Серпилин его не узнал (*Симонов*) [L'expression de son visage était *telle* que Sintsov eut l'impression que Serpiline ne l'avait pas reconnu]

Таким образом, в соотносительных предложениях с придаточным следствия, переводными эквивалентами *такой* в функции определения и в атрибутивной функции будет *tel*; а *такой* функции интенсификатора, а значит только в сочетании с прилагательными [+GRAD], *si/tellement*.

2.3. Сравнительные отношения

В данном типе высказываний признак предмета определяется через сравнение, которое вводится либо модальными союзами (*словно, как будто, точно*), либо союзом *как*. В последнем случае принято говорить о «сравнительных конструкциях» (Черемисина 2006), поскольку часть высказывания, вводимая *как*, подвергается эллипсису общих элементов и, как правило, не имеет предикативной структуры – ср. (26)-(28).

(23) Словно в тумане, Лаевский видел, как фон Корен встал и, заложив руки в карманы панталон, остановился в *такой* позе, как будто ждал, что будет дальше (Чехов) [Comme dans le brouillard, Laevskij voyait von Koren se lever et, les mains dans les poches de son pantalon, s'arrêter Ø *comme* s'il attendait la suite /dans une posture *telle* qu'on aurait dit qu'il attendait la suite]

(24) ...голова всё болела и в ушах был *такой* шум, как будто Ергунов сидел под железнодорожным мостом и слушал, как над головой его проходит поезд (Чехов) [...il avait toujours mal à la tête et, dans ses oreilles, raisonnait *un* bruit *tel* que Ergounov avait l'impression d'être assis sous un pont ferroviaire et écouter passer le train au-dessus de sa tête]

(25) ...молодое смуглое лицо с черными бровями, *такими* густыми и резкими, как будто они были написаны углем (Чехов) [...un jeune visage hâlé avec des sourcils noirs, Ø épais et prononcés, *comme* s'ils avaient été dessinés au charbon]

(26) Как-то на днях ты говорил, что *таких* людей, как Лаевский, уничтожать надо... (Чехов) [Tu disais l'autre jour que des gens *tels que/comme* Laevskij devaient être éliminés]

(27) Если бы они с детства знали *такую* нужду, как дьякон, если бы они воспитывались в среде невежественных... людей, то... (Чехов) [S'ils avaient

connu dès leur enfance *une* misère *pareille* à celle du diacre, s'ils avaient été élevés parmi des gens... incultes, alors...]

(28) это дело интимное, щекотливое... было неловко вмешивать третье лицо, хотя бы даже *такое* близкое, как ты (*Чехов*) [c'est une affaire intime, délicate... c'était gênant d'y mêler une troisième personne, même quelqu'un de Ø proche *comme* toi / d'*aussi* proche que toi]

Перевод предложений с модальным сравнением вызывает, как правило, значительные трудности. Они связаны, во-первых, с тем, что французские эквиваленты *такой* (неопределенный артикль, *tel*, *si*, *tellement*) не могут вводить сравнительные придаточные с модальным значением, а, во-вторых, с необходимостью передать ирреальность положения вещей, описанного в придаточном. Поэтому часто перевод предложений данного типа приводит к перестройке структуры фразы в связи с использованием других, чем в русском языке, средств, способных передать семантику модального сравнения. Так, в одном из вариантов перевода (23) *такой* опускается, а для перевода модального сравнения используется составной союз *comme si*; во втором варианте перевода *такой* сохраняется и переводится *tel*. Однако, поскольку *tel* несовместим с *comme si*, то необходимо прибегнуть к лексико-грамматическим средствам, позволяющим оставить положение вещей, описанное в придаточном, в сфере ирреальности, например, *on aurait dit* в (23), глагол *sembler* в (4) и под. При этом следует различать, с чьей точки зрения осуществляется сравнение: повествователя или персонажа. Так, использование *on aurait dit*, *on avait l'impression* невозможно в (24), поскольку придаточное описывает ощущения героя, а не «стороннего наблюдателя». Аналогично в (29):

(29) Засыпаю я скоро, но во втором часу просыпаюсь, и с *таким* чувством, как будто совсем не спал (*Чехов*) [Je m'endors rapidement, mais à une heure du matin, je me réveille, qui plus est avec *le* sentiment de ne pas avoir du tout dormi/*un sentiment *tel* qu'on aurait dit que je n'avais pas du tout dormi]

Невозможность использовать здесь «un sentiment *tel qu'on aurait dit* » связано именно с тем, что данное чувство испытывает субъект действия, а *on aurait dit* передает внешнее впечатление наблюдателя.

При сочетании с прилагательным, *такой* выполняет функцию интенсификатора (поэтому прилагательное может быть только [+GRAD]) и будет иметь нулевой эквивалент; ср. (25). Сравнительное придаточное, которое будет во французском языке синтаксически и семантически относиться к главному предложению в целом, вводится союзом *comme si*. При этом, во французском переводе неизбежно утрачивается значение степени признака, выражаемое *такой*. Выбор данных языковых средств обусловлен тем, что эквиваленты *такой*, выражающие степень проявления признака, *si* и *tellement*, так же, как и *tel*, несовместимы с модальным сравнением. Для сохранения значения степени признака русского высказывания можно прибегнуть к лексико-грамматическим средствам, описанным выше для *такой* в функции определения. Ср.:

(30) [...un jeune visage hâlé avec des sourcils noirs, *si* épais et *si* prononcés *qu'on aurait dit* qu'ils étaient dessinés au charbon /qu'ils *semblaient* être dessinés au charbon]

В атрибутивной функции *такой* также будет иметь нулевой эквивалент:

(31) Первое впечатление у всех было *такое*, как будто они никогда не выберутся отсюда (*Чехов*) [Leur première impression à tous fut Ø qu'ils n'en sortiraient jamais]

Что касается сравнительных конструкций с союзом *как*, то здесь можно выделить два семантических типа. В **первом типе** именная группа, определяемая *такой*, находится с антецедентом в отношениях гиперонимии («отношения репрезентации» по АГ-80: II, § 2834): ср. в (26) *такие люди* и *Лаевский*, как один из людей. Характеризации класса предметов или явлений, обозначенных именной группой с *такой*, осуществляется через указание на единичный предмет или явление

данного класса. Французский язык обладает двумя синонимичными средствами, в полном объеме передающими семантику русской конструкции: *tel que* и *comme*.

Во **втором типе**, довольно редком, *такой* характеризует признак через его сравнение с ситуацией. В элементе, вводимом *как*, остаются лишь элементы, составляющие различие между главной и придаточной частями. При переводе *такой* в функции определения, как в (27), поскольку обе части сравнения характеризуются симметрией синтаксических позиций (Черемисина 2006, 83), можно прибегнуть к прилагательным *pareil*, *semblable*, *égal*, указывающим на сходство признаков соотносимых предметов; аналогично тому, как это было предложено для тех высказываний с анафорическими отношениями, которые также построены по зеркальному принципу; ср. (10) выше. *Такой* в функции интенсификатора (28), либо будет опускаться, либо заменяться на *aussi*, однако в этом случае мы устанавливаем отношение количественного тождества, то есть равенство степеней проявления признака (см. § 2.4.1.), а не характеризацию признака через сравнение. Если же *такой* выполняет атрибутивную функцию, ему всегда будет соответствовать нулевой эквивалент. При переводе *такой* при помощи *même*, допустимом здесь синтаксически, семантика высказывания также смещается в сторону отношения тождества, о котором пойдет речь далее:

(32) ...внутреннее состояние было *такое*, как на фронте (*Конкин*) [...notre état psychologique était Ø *comme* sur le front/était *le même* que sur le front]

Как можно заметить, при выборе переводных эквивалентов *такой* в сравнительных конструкциях остаются релевантными выделенные ранее критерии, а именно: семантический тип лексемы, определяемой *такой*, и синтаксическая функция *такой*.

2.4. Отношения тождества

В высказываниях, выражающих отношение тождества, *такой* всегда появляется в сочетании с частицей *же*. Ср. (5) выше и (33):

(33) Кирюха хохотал и наслаждался, но выражение лица у него было *такое же*, как и на суше: глупое, ошеломленное (*Чехов*) [Kirioukha riait aux éclats et se délectait, mais l'expression de son visage était *la même* que sur la rive : stupide et ahurie]

Если в описанных выше семантических структурах *такой* служит для характеристики объекта через его признак(и), то в сочетании с частицей *же* «отождествления» *такой* соотносит два признака, которые *a priori* могут быть различными, с целью установления их тождества. Различия в семантике высказываний с частицей *же* и без нее находят отражение в их семантико-прагматической структуре (Инькова 2008). Так, в (33) говорящий при помощи *такой же* устанавливает тождество признаков выражений лица Кирюхи на берегу и в воде, которые могли бы быть различны. Наличие данных признаков у сопоставляемых объектов входит в пресуппозитивную часть высказывания, а их тождество в ассертивную, являясь коммуникативной целью говорящего. В (4) выше распределение информации, входящей в ассертивную и пресуппозитивную части, иное. При помощи *такой* говорящий характеризует вид героини через сравнение с ситуацией «она вошла нечаянно». В отличие от высказываний тождества, в пресуппозиции находится только существование некоторого признака у ситуации (мы легко можем представить вид человека, вошедшего нечаянно), а наличие этого признака у героини является той новой информацией, которую хочет сообщить говорящий. Таким образом, здесь нельзя говорить о существовании двух признаков, между которыми устанавливается тождество, но лишь об одном признаке, определяемом *такой*. Ср. также различия в интерпретации (32) выше, где *такой* в атрибутивной функции характеризует признаки внутреннего состояния персонажей через сравнение с типовой ситуацией (состояние людей на фронте), и его трансформацию (34) с отношением тождества:

(34) ...внутреннее состояние было *такое же*, как на фронте [...notre état psychologique était *le même* que sur le front...].

При этом, если в первом случае мы можем понять, исходя из наших представлений о войне, что состояние было тревожное, напряженное и т.д., то в (34) мы не можем с такой же однозначностью сказать, какое именно было состояние. Мы только знаем, что два сравниваемых состояния, которые, в отличие от (32), могут характеризовать одного персонажа в разные временные отрезки, идентичны. Ср. с этой точки зрения (33), где мы знаем, какое именно было выражение лица у Кирюхи из следующих за двоеточием определений.

Для анализа семантики высказываний с отношением тождества остается релевантным разграничение лексем [+GRAD] и [-GRAD], поскольку устанавливаемое *такой* тождество может касаться как качественного, так и количественного аспекта определяемого признака. Под качественным тождеством мы понимаем установление тождества признаков, взятых абсолютно; ср. (6) и (33) выше. Под тождеством количественным – установление равенства степени проявления признака; ср. (5) выше и (35):

(35) Жена и прислуга таинственно шепчут, что "это жених", но я все-таки не понимаю его присутствия; оно возбуждает во мне *такое же* недоумение, как если бы со мною за стол посадили зулуса (Чехов) [Ma femme et les domestiques me chuchotent mystérieusement que « c'est le fiancé », mais je ne comprends quand même pas sa présence ; elle suscite en moi *la même* perplexité que si on avait assis un Zoulou à ma table]

Эти два вида тождества будут переводиться на французский язык различными языковыми средствами.

Прежде чем перейти к анализу переводных эквивалентов *такой* в высказываниях тождества, заметим, что установление тождества всегда предполагает операцию сравнения. Поэтому зависимое от *такой же* придаточное может вводиться как относительным местоимением *какой*, так

и союзом *как*. При употреблении союза *как* общие компоненты сравнения подвергаются эллипсису. Ср. (36) и (37):

(36) И ей почему-то казалось, что отец и мальчики сидят теперь без нее голодные и испытывают точно *такую же* тоску, *какая* была в первый вечер после похорон матери (*Чехов*) [Dieu sait pourquoi, il lui semblait que, sans elle, le père et les garçons avaient aujourd'hui faim et ressentiaient exactement la *même* tristesse *que* celle éprouvée le premier soir après les funérailles de la mère]

(37) И ей почему-то казалось, что отец и мальчики сидят теперь без нее голодные и испытывают точно *такую же* тоску, *как* в первый вечер после похорон [... la *même* tristesse *que* le premier soir après les funérailles de la mère].

Такие же синтаксические свойства характерны для французского *même*, выражающего отношения референциального и качественного тождества. Ср. синтаксическую структуру (9) и французского перевода (37).

2.4.1. Количественное тождество: равенство степени проявления признака

В данном типе высказываний *такой же*, устанавливает равенство степеней проявления признака.

(38) Желая чтобы совместная жизнь у вас была *такая же* романтическая, *как* и встреча со своей половиной (*Интернет*) [Je souhaite que votre vie commune soit *aussi* romantique *que* la rencontre avec votre moitié]

Такой же указывает, что на шкале признака «романтический», степень проявления этого признак у его носителя «совместная жизнь» занимает такое же положение, как степень его проявления у второго носителя «встреча второй половины». Вполне закономерно поэтому, что *такой* может сочетаться здесь исключительно с лексемами [+GRAD].

Перечислим основные типы конструкций, выражающих количественное тождество:

– *такой же* в функции интенсификатора:

✘ сравнение вводится союзом *как* или местоимением *какой*.

Переводной эквивалент – *aussi ... que*; ср. (5) выше;

✘ сравнение вводится модальными союзами *как будто, точно, словно*, а также сочетанием союза *как* в сочетании с *если (бы)*. Переводной эквивалент – *aussi ... que si*:

(39) Но девушка, несмотря на черное сари, смуглоту своей кожи и массу иссиня-черных волос, оставалась в палящем зное *такой же* свежей, *как будто* только что вышла из реки после утреннего купанья (Ефремов) [Mais la jeune fille, malgré son sari noir, sa peau basanée et sa chevelure noire comme l'ébène restait au milieu de cette chaleur brûlante *aussi fraîche que si* elle venait de sortir de la rivière après une baignade].

– *такой же* в функции определения:

✘ сравнение вводится союзом *как*. Переводной эквивалент – *le/la/les même(s) ... que*:

(40) очевидно, настанет время, когда, например, нынешнее положение фабричных рабочих будет представляться *таким же* абсурдом, *как* нам теперь крепостное право (Чехов) [De toute évidence, un jour viendra où, par exemple, on verra dans la situation actuelle de nos ouvriers la *même* absurdité *que* celle qu'on voit aujourd'hui dans le servage]

Однако, поскольку *même* служит для установления качественного тождества, для сохранения значения русской фразы (степень проявления признака) при переводе можно заменить существительное на соответствующее прилагательное:

(41) [De toute évidence, un jour viendra où, par exemple, on considérera la situation actuelle de nos ouvriers *aussi* absurde *que* l'est aujourd'hui le servage]

✘ сравнение вводится модальными союзами *как будто, точно, словно* или составным союзом *как если (бы)*; ср. (35) выше и (42). Переводной эквивалент – *le/la/les même(s) ... que si* :

(42) Тут же заставил он Плюшкина написать расписку и выдал ему деньги, которые тот принял в обе руки и понес их к бюро с *такою же* осторожностью, *как будто* бы нес какую-нибудь жидкость, ежеминутно боясь расхлестать ее (*Гоголь*) [Il fit immédiatement écrire à Pliouchkine une quittance et lui donna l'argent que celui-ci prit avec deux mains et porta vers le bureau avec la *même* prudence *que* s'il transportait un liquide, craignant de le renverser]

Так же, как и в предыдущем случае, для точного сохранения значения русской фразы, где *такой же* указывает на равенство степеней проявления признака, возможно заменить существительное на наречие в сочетании с *aussi ...que si*:

(43) [Il fit immédiatement écrire à Pliouchkine une quittance et lui donna l'argent que celui-ci prit avec deux mains et porta vers le bureau *aussi* prudemment *que* s'il transportait un liquide, craignant de le renverser].

2.4.2. Качественное тождество

Если при установлении количественного тождества *такой* сочетается только с лексемами [+GRAD], то при установлении тождества качественного, это ограничение снимается: сопоставляемые признаки берутся абсолютно, а не относительно их положения на шкале данного признака. Еще одно различие между двумя видами тождества заключается в том, что *такой же* устанавливает количественное тождество в функции определения и интенсификатора, а качественное тождество – в функции определения и в атрибутивной функции. Наконец, отношение качественного тождества несовместимо с союзами модального сравнения. При несовпадении модальных планов предикатов сравнительной конструкции, встречающемся, впрочем, крайне редко¹, употребляется союз *как* в сочетании с *если (бы)*. Переводным эквивалентом *такой* будет служить, как и при количественном тождестве, *même* в сочетании с *que si*:

---

¹ НКРЯ дает всего три примера для *такой же* в функции определения и ни одного для *такой же* в атрибутивной функции.

(44) Их встреча была *таким же* совпадением, как если бы песчинкой за сорок шагов попасть в песчинку (*Солженицын*) [Leur rencontre était *la même* coïncidence *que si* un grain de sable en heurtait un autre à quarante mètres de distance].

При совпадении модальных планов частей, то есть при введении сравнения при помощи союза *как* или, при отсутствии эллипсиса предиката, относительного местоимения *какой*, *такой* будет всегда переводиться при помощи *même*, а придаточное вводится *que*; ср. (б) выше и (45):

(45) А деревня *такая же*, *какая* еще при Рюрике была, нисколько не изменилась, *те же* печенеги и половцы (*Чехов*) [Et la campagne est *la même* qu'elle était aux temps de Rurik, les *mêmes* Petchenègues et les *mêmes* Polovets]

Этот пример интересен еще и тем, что иллюстрирует совпадение во французском языке в одной лексеме средств выражения качественного (первое *même*) и референциального (второе *même*) тождества, различающиеся в русском языке благодаря оппозиции *такой же* – (э)тот же.

В заключение данного раздела укажем на еще одно употребление *такой же* в именной части сказуемого:

(46) Архиерей *такой же* человек, как и я (*Чехов*) [L'archidiacre est *aussi* un homme, comme moi].

В данном примере в сферу действия *такой* попадает не только существительное, как при качественном или количественном тождестве, а предикат в целом «быть человеком». *Такой* здесь выполняет функцию *тоже*, который, как известно, служит для установления тождества предикатов: «Я человек, архиерей тоже». *Такой* в этом употреблении будет при переводе опускаться. Заметим, что данное прочтение *такой же* возможно только в тех случаях, когда *такой* входит в состав именного сказуемого и сочетается с существительным [-GRAD]. При сочетании с

существительным [+GRAD], именная группа получает количественную интерпретацию. Ср.:

(47) И актер тот *такой же* дурак, как и ты (*Лесков*) [Et cet acteur-là est aussi bête que toi].

3. Заключение

Проведенный анализ показал, что выбор переводного эквивалента *такой* в сопоставительных предложениях зависит от трех факторов:

- семантический тип предложения;
- семантический тип лексемы, с которой сочетается *такой*;
- синтаксическая функция *такой*.

Поскольку ни одна языковая единица французского языка не обладает семантическими и синтаксическими свойствами *такой*, его переводные эквиваленты крайне разнообразны. Однако и они не всегда, в силу своих синтаксических, семантических или просодических свойств, могут точно передать выражаемое *такой* значение. Это, как мы видели, неизбежно ведет при переводе либо к семантико-синтаксической переорганизации высказывания во французском языке, либо к утрате некоторых семантических составляющих русского высказывания.

Литература:

1. АГ-80 – Русская грамматика 1980, под ред. Н. Ю. Шведовой, Москва: Наука
2. АРУТЮНОВА, Н. Д., 1990, «Тождество и подобие. Заметки о взаимодействии концептов» // Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. / Н.Д.Арутюновой (ред.), Москва, Наука, сс. 7-32
3. БЕЛОШАПКОВА, В. А. (под ред.), 1997, Современный русский язык, Москва, Азбуковник
4. ИНЬКОВА О. Ю. 2007, «Семантика указательности: местоимения такой и тот» // R. Guzman Tirado, I. Votyakova, L. Sokolova, A. Bastrikov, S. Suarez Cuadros (éds.), Congreso internacional « La lengua y literatura rusa en el espacio educativo internacional : estado actual y

- perspectivas, Granada, 7-9 mayo 2007, Saint-Pétersbourg, MIRS, v. 1, pp. 115-123
5. ИНЬКОВА О.Ю., 2008, «Тождество и различие. К вопросу о семантике русских местоимений» // P. Sériot (éd.), Les contributions suisses au XIV Congrès mondial des slavistes à Ohrid, Berne, Peter Lang, 2008, pp. 67-88
  6. ЛЕВИН, Ю. И., 1973, «О семантике местоимений», Проблемы грамматического моделирования, Москва, Наука
  7. КРЫЛОВ, С. А., 1984, «Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы», Семиотика и информатика, вып. 23, ВИНТИ, Москва, с. 124-154
  8. МАС – Словарь русского языка 1981, в 4 томах, под ред. А.П. Евгеньевой, Москва, Наука
  9. ЧЕРЕМИСИНА, М. И., 1976, Сравнительные конструкции русского языка, Москва, Наука
  10. ШВЕДОВА, Н. Ю., БЕЛОУСОВА, А. С., 1995: Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий, Москва: Институт русского языка РАН
  11. Шведова, Н. Ю., Местоимение и смысл, Москва, Азбуковник, 1998
  12. ARRIVE, M. & al. (1986), La grammaire d'aujourd'hui, Flammarion, Paris
  13. ИНЬКОВА О., à paraître, «De l'anaphore à la scalarité» // P. Hadermann, O. Inkova, M. Pierrard, D. Van Raemdonck (eds.), Scalarité: concept éclaté ou outil explicatif performant
  14. VAN PETEGHEM, M., 2000, « Les indéfinis corrélatifs autre, même et tel » // L. Bosveld-de Smet, M. Van Peteghem, D. Van de Velde, De l'indétermination à la qualification. Les indéfinis. Arras, Artois Presses Université, pp. 117-202

This article discusses some problems of the French translation of the Russian correlative sentences introduced by the demonstrative takoj. The author

shows that the choice of the French equivalent of a Russian takoj-sentence depends on three factors: i) the kind of semantic relation that holds between the main and the subordinate sentences ('simple' anaphora, consequence, comparison, identity); ii) the syntactic function of takoj; iii) the semantic properties ($\pm$ GRAD) of the lexeme modified by takoj.

Кажигалиева Г.А.
Казахский национальный педагогический университет им. Абая
г. Алматы (Казахстан)

ИЗ ОПЫТА СОСТАВЛЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ ДЛЯ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ-РУСИСТОВ

Лингвокультурология (термин предложен В.В. Воробьевым), комплексная научная дисциплина, возникшая на стыке лингвистики и культурологии в конце прошлого века, положила начало лингвокультурологическому подходу к преподаванию языков, который позволяет успешно решать проблему изучения и учета в практике обучения соотношения языка и культуры. Результат занятий по лингвокультурологической методике – формирование лингвокультурной компетенции обучающихся, которая включает в себя способность извлекать из единиц языка соответствующую информацию и пользоваться ею в различных ситуациях общения. Соединение культурного содержания языковых единиц через когнитивные структуры с национальным культурно-нравственным опытом народа позволяет преподавателю создать лингвокультурологический комментарий к имплицитному содержанию текстов на русском языке.

Эффективной реализации лингвокультурологического комментария, активно используемого нами в собственной практике преподавания русского языка как второго (на занятиях по практическому курсу русского языка (ПКРЯ) для студентов-филологов русско-казахского отделения (РКО) (Кажигалиева 2003), способствует, на наш взгляд, создание и

использование в учебном процессе лингвокультурного словаря русского языка, который может иметь структуру, типичную для учебных словарей: 1) титульный лист; 2) введение; 3) раздел «Как пользоваться словарем»; 4) собственно словарь.

Содержание словарной статьи может реализовываться через следующую последовательность: 1. Заголовочная единица. 2. Этимологическая справка. 3. Лингвокультурологический смысл: а) языковое (лексическое) значение, краткое его толкование; б) культурологическое содержание, его описание. 4. Иллюстративный материал: а) фразеологизмы; б) паремии; в) крылатые выражения и афоризмы. 5. Дополнительные сведения.

Последний раздел в структуре представления лингвокультуры может сопровождать, на наш взгляд, не каждую лингвокультурологическую статью словаря и может быть связан с описанием культурологического содержания эквивалентной языковой единицы в соответствующей национальной лингвокультурологической системе, которое (описание) в свою очередь предпринимается в лингвометодических целях познания обучаемыми специфики изучаемой (русской) лингвокультурологической системы через сопоставление и сравнение ее со своеобразием контактирующей лингвокультурологической общности. Учет соотношений русского и контактирующего языков, русской и контактирующей лингвокультурологических общностей является существенным мотивационным фактором. Сам процесс сопоставительного анализа резко различающихся либо идентичных явлений обоих языков возбуждает интерес; в первом случае это происходит в силу присущего учащемуся стремления к познанию, любознательности, вызываемого незнакомым явлением, во втором – благодаря устанавливающимся при этом ассоциативным связям. Включившись в сопоставительный анализ фактов русского и контактирующего языков, учащийся более сознательно выделяет свои

речевые ошибки, в том числе и лингвокультурологического характера, определяет их причины и, следовательно, быстрее от них избавляется.

Лингвокультурологический смысл соответствующей языковой единицы в указанной выше последовательности может быть представлен в лингвокультурном словаре следующим образом (на примере лингвокультурем береза, квас):

1. 1. Индоевропейского характера (польск. *Brzoza*, болг. *бреза*, латышск. *Berzs*, нем. *Brike*, тадж. *вуз* «вид дерева» и т.д.). Суффиксальное производное от *bher* «светлый, ясный», того же корня, что и белый. Буквально береза – «дерево с белой корой».

2. а) Береза – лиственное дерево с белой корой и с сердцевидными листьями. б) Береза относится к роду деревьев и кустарников семейства березовых. Произрастает в умеренных и холодных поясах Северного полушария и в горах субтропиков. Известно около 120 видов, в России около 50 видов. В Казахстане представлены пушистая и особая эндемичная (казахская) береза. Береза относится к лесообразующей и декоративной породе. Наибольшее хозяйственное значение имеют береза бородавчатая и береза пушистая. Березовую древесину используют в мебельном производстве, народных ремеслах; листья и почки – в лечебных целях как мочегонное и желчегонное средство. В русской культуре береза занимает свое особое место. В материальной сфере – это березовые веники для бани, смазка для колес, средство зажечь лучину, весенний целебный сок, очищающий кровь и восстанавливающий силы после долгой зимы. Береста (березовая кора) заменяла в Древней Руси бумагу, и сегодня она используется в традиционных ремеслах: плетение коробов, туесков, корзин. В духовной культуре береза была у русских «ярилиным деревом». Ярилин день – древний языческий праздник плодоносящих сил природы. В этот день водили хороводы вокруг березы. У православных русских береза еще считается Троицким деревом; связывают ее также с православной Пасхалией, праздником «семик» (седьмой четверг по пасхе). Поэтому на

семик и Троицу березу освящают в храмах. В эти дни совершаются такие обряды как: хороводы девушек, заплетание березовых веток в косы, украшение березок лентами, венками из трав. Береза в России – символ весны и девичества, девичьей красоты и целомудренности, эмблема молодых женщин; ее высаживают около домов, чтобы призывать добрых духов. Береза часто упоминается в русских народных песнях и других жанрах русского фольклора. Дополнительные сведения. В казахской народной культуре бакан (березовый шест) характеризуется следующими сакральными функциями: а) носитель плодородия, олицетворение мужского начала; б) носитель идеи жизни и смерти (знак погребения); в) носитель новой жизни, рождающегося начала (использование в родильной, свадебной обрядности). В тюркских верованиях богиня Умай, олицетворяющая женское материнское начало, спускается на землю с двумя березками.

- Плакучая береза (вид березы с опущенными вниз ветками).

- Береза не угроза – где она стоит, там и шумит. Исповоли и ольха гнется, а круто и береза ломится. Бела береза, да деготь черен.

Стоит дерево кудряво, на этом дереве сусло, масло, глазам светло и всем тепло. Загадка.

II. 1. Общеславянского характера. Производное от той же основы (с чередованием ва / и < ы), что и киснуть (первоначальное *kysnoti* > киснуть после изменения носового о в у, перехода кы в ки и отпадения безударного и. Первично – «бродить, подниматься» (о тесте). Родственно лат. *caseus* «сыр», древнеиндийск. *kvathas* «отвар», готск. *hvathjan* «пениться» и др. Исходно – «брожение, скисание», «закваска» (действие), затем – продукт этого действия (квас) или вызывающее его средство (закваска, ср. макед. квас «закваска, дрожжи») и т. д.

2. а) Кисловатый напиток, приготавливаемый на воде из различных сортов хлеба и муки с солодом, а также из ягод, фруктов или меда.

б) Квас – освежающий напиток, известный еще в Киевской Руси. Его изготавливают из смеси ржаного и ячменного солода, ржаной муки или ржаных сухарей, сахара и воды с последующим спиртовым и молочнокислым брожением.

Квас был любимым напитком предков русских. Самое раннее упоминание о квасе относится к 988 году: в летописи говорится, что по случаю крещения киевский князь Владимир приказал раздать народу мед и квас в бочках. В летописи 996 года описывается пир, на котором было много мяса от скота и зверины, а по городу возили и раздавали народу хлеб, мясо, рыбу, овощи, мёды и квасы. «Прарусские народы ...чая и воды не знали, но умели делать хмельной мед, пиво и квас». В указах Стоглавого Собора (1561 г.) рекомендовалось монастырям иметь различные квасы – жидкие, сладкие, выкислые и др. «Домострой» – письменный памятник XVI века информирует нас о том, что в богатых домах были поварни квасные, естомые, хлебные. Поварня квасная оборудовалась чанами, бочками, мерниками, корцами и т.д. Один из русских гигиенистов в конце XIX века писал: «Варение кваса распространено у нас также, как и хлебопечение: его варят в мужицких, мещанских, купеческих и барских хозяйствах, в монастырях, солдатских казармах, госпиталях и больницах; в городах существуют квасоварни и квасовары, приготавливающие квас для продажи). В настоящее время известны десятки видов русского кваса. Кроме того наряду с уксусом квас является наиболее древней заправкой русской кухни. Русский квас по своей способности утолять жажду, освежающему действию, содержанию витаминов и легко усвояемых углеводов является одним из лучших безалкогольных напитков мира. Даже небольшое содержание алкоголя (1 %) оказывает на организм только тонизирующее действие.

Квас – ритуальное блюдо, каковыми являются также в русской народной культуре блины, каша и кисель. Так, в частности крестильный обед (после крестин младенца) начинается обязательно с холодного: в

постный день – обыкновенно сельди и квас с кислой капустой, а в скоромный – студень и квас с яйцами и мясом.

В свое время слово квас, обозначая один из видов кваса, образовывал синонимическую пару со словом щи. Так, в 1-й главе поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» читаем: «День кажется был заключен порцией холодной телятины, бутылкой кислых щей и крепким сном во всю насосную завертку, как выражаются в иных местах обширного российского государства). С точки зрения современного носителя русского языка здесь присутствует некоторая алогичность: трудно представить суп, подаваемый в бутылках и к тому же превратившийся почему-то в десертное блюдо. Но лексикографический анализ (1 – 24,12) снимает эту алогичность: оказывается, перед сном Чичиков холодную телятину запил шипучим квасом (кислые щи: в старину: род шипучего кваса).

- Перебиваться с хлеба на квас (очень нуждаться, жить впроголодь). Седьмой квас на гуще (о дальнем и мнимом родстве).

- У меня хлеб чистый, квас кислый, ножик острый, отрежем гладко, поедим сладко. Не дорог квас, дорога изюминка в квасу. Как был квас, так не было вас; а как не стало ни квасины так и вас разносило. Как хлеб да квас, так и все у нас. Квас вор; воду в жбан свел, а сам ушел (о дурном квасе). Овчинный квас хлебает, с мелком вприкуску. Не винца, так пивца; не пивца, так кваску; не кваску, так водки из-под легкия лодки. Этот квас уж семерых спас, а добирается и до того, кто делает его. Хорош и квасок, коли сшибает в носок. И худой квас лучше хорошей воды. Есть квас, да не про вас. Не смейся, квас, не лучше нас. Ешь щи с мясом, а нет, так с квасом.

Необходимые примечания. Этимологическая справка может быть нерегулярным компонентом в структуре комментария в силу специфической природы лингвокультурологического смысла соответствующих лингвокультурологических единиц, к примеру, отдельных онимов.

При характеристике лингвокультурологического содержания лингвокультурем-констант наподобие Россия, Москва и др. важно, с нашей точки зрения, опираться на принцип освещения ключевых, общественно-значимых сведений в лингвокультурологическом смысле соответствующих лингвокультурем.

В качестве иллюстративного материала нами избраны: фразеологизмы, паремии, афоризмы и крылатые выражения, так как они, непосредственно и прямо отражают внеязыковую действительность, передают от одного поколения к другому общественный опыт и отражают национальную культуру нерасчлененно как цельные знаки, одновременно транслируя ее и отдельными единицами своего состава.

Учебное занятие по ПКРЯ, включающее в себя лингвокультурологический комментарий выделенных в учебном тексте языковых единиц, имеет следующую структуру: 1. Чтение и типологический анализ текста (определение стиля с аргументацией, уточнение темы и основной мысли текста, типа речи). 2. Анализ языковых средств, с помощью которых раскрываются тема и основная мысль высказывания. 3. Лингвокультурологический комментарий. 4. Репродуктивная и продуктивная речевая деятельность с использованием проанализированных лингвокультурем. 5. Работа по повторению и систематизации программных знаний, умений, навыков.

Лингвокультурологический комментарий представляет собой выявление и определение лингвокультурологического смысла, транслируемого отдельными языковыми единицами художественного текста. Лингвокультурологическому комментарию подвергаются те языковые факты, без объяснения которых просто невозможно адекватное и полное понимание изучаемого художественного текста как определенной информации. В первую очередь это 1) безэквивалентная лексика и фразеология, содержащая специфически русский культурологический компонент; 2) неявные, сокрытые лингвокультуремы в силу того, что

представляют языковые эквиваленты по отношению к своим аналогам в других языках, обладая одновременно при этом национально-культурным содержанием (например, зоонимы, фитонимы, цветообозначения и др.); 3) лингвокультуремы-константы русской национальной лингвокультурологической системы (например, Россия, квас, Пушкин и т.д.).

Лингвокультурологический комментарий может быть предваряющим чтение, а также синхронным и последующим. Чаще всего используется синхронный. Толкование соответствующих лингвокультурологических единиц проводится, как правило, преподавателем чаще всего в форме устного сжатого изложения лингвокультурологического смысла выделенных в тексте языковых единиц. Комментарий параллельно конспектируется студентами. Другой вид ознакомления студентов с лингвокультурологическим смыслом соответствующих фактов художественного текста – самостоятельная внеаудиторная работа над предоставленными письменными вариантами содержания лингвокультурем.

Репродуктивная и продуктивная речевая деятельность с использованием проанализированных лингвокультурем может быть реализована через следующие образцы речевых заданий:

1. Выделите (восстановите) устно и /или письменно языковое (лексическое) значение и культурно-понятийное содержание в лингвокультурологическом смысле данной лингвокультуремы.
2. Какова символика данной лингвокультуремы? Приведите примеры из русского фольклора (сказки, былины, песни) или примеры народных обычаев, обрядов и т.д., в которых используется указанное символическое содержание лингвокультуремы. Свои ответы обоснуйте.
3. Составьте несколько предложений с каждой из проанализированных лингвокультурем, в которых последовательно актуализируется тот или иной фрагмент лингвокультурологического смысла языковой единицы.

4. Напишите сочинение-рассказ, изложив свою версию возникновения фразеологизма или пословицы, данных в «Иллюстративных материалах» к статье о соответствующей лингвокультуре.
5. Объясните, как Вы понимаете приведенные в «Иллюстративных материалах» устойчивые словосочетания, приведите ситуативные примеры.
6. Приведите примеры произведений из русской художественной литературы, в целом русской художественной культуры, в идейно-художественной системе которых наиболее ярко и выразительно представлены изучаемые лингвокультуры. Ответы аргументируйте.
7. Напишите сочинение на основе репродукции известной картины, изображающей объекты, обозначаемые соответствующими лингвокультурами с актуализацией в создаваемом тексте лингвокультурологического смысла изучаемых языковых единиц и использованием различных типов речи (описание, повествование, размышление).
8. (Задания с элементами занимательности). Составьте загадки, шарады, кроссворды, сказки с обыгрыванием различных сторон лингвокультурологического смысла изучаемых лингвокультур.
9. На основе привлечения различных лексикографических и других источников составьте (письменно) «лингвокультуремную» статью определенной лингвокультурологической единицы.
10. В письменной форме сжато изложите содержание обширных лингвокультурологических статей, к примеру, Россия, Москва и др.
11. Определите значение соответствующих крылатых выражений. Придумайте с ними предложения и/или небольшие тексты.
12. Используя материалы раздела «Дополнительные сведения» в структуре соответствующей лингвокультурологической единицы, представьте отличительные признаки культурологического содержания русской лингвокультуры.

Таким образом, межкультурное обучение русскому языку как неродному позволяет, помимо собственно лингводидактических задач, успешно решать вопросы познавательно-гуманитарного характера, воспитывать толерантность в отношении представителей других культур, преодолевать ксенофобию, существующие стереотипы, через диалог культур, понимание чужого, обучение пониманию чужого решать проблемы, которые волнуют современное общество. И систематическая работа обучающихся с лингвокультурным словарем, который мы попытались в настоящей статье в общих чертах представить, позволяет создать единую с носителями языка лингвистическую и экстралингвистическую базу для овладения языком как средством межкультурной коммуникации.

Литература:

1. Кажигалиева Г.А. Лингвокультурологический комментарий на занятиях по практическому курсу русского языка. – Алматы, 2003. – 92с.

The article is devoted to the description of work with a linguo-cultural dictionary at the Practical Course of Russian language for students of Philology faculty of Russian - Kazakh Departments. Explanations on structural rich –in –content characteristics of the given dictionary examples of a dictionary article, descriptions of kinds of tasks done on the material of the mentioned above linguo-cultural reference are given.

**ДВУЯЗЫЧНЫЙ РУССКО-ИТАЛЬЯНСКИЙ СЛОВАРЬ
В ИЗДАТЕЛЬСКОЙ СЕРИИ "КОЛЛЕДЖ" (ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВАЛЛАРДИ): ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ И ДИДАКТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ**

Двужызычны «Русско-італьянскі і італьянска-рускі слоўар», уключаючы 35 000 слоў, быў апублікаваны выдавецтвам Валларды, спецыялізуюцца на ўчебнай літаратуры, у Мілане ў 2005 годзе ў выдавецкай серыі «Колледж». Слоўар быў падрыхтаваны аўтарам гэтага даклада сумесна з Ларысай Шахтовай, з італьянскімі калегамі Серджо Гуіджы і Сільвіяй Тоні пад рэдакцыяй Пальмы Галланы (*Dizionario russo-italiano, italiano-russo. A cura di N.Kardanova, S.Guiggi, S.Togni con il contributo di L.Chakhtova. Coordinamento redazionale di Palma Gallana. Milano, Antonio Vallardi Editore, 2005*).

Потэнцыйны адрэсат слоўарэй серыі «Колледж» - італьянскія студэнты ўніверсітэтаў, існуючыя слоўарь сярэдняга фармату як першае падручнае сродства ў аўдыторыі і ў домашняй рабоце, за частую – студэнты-младшых курсоў, з адной боку, не заўсёды знаёмыя з лексічнай сацытаемасцю таго ці іншага слова, яго стылевай афармкай і абабрацаючыя да слоўару ў поісках гатовага рэчэвага матэрыяла для пастроення фразы, з другой боку – палязуючыя слоўарем пры чтэнні тэкстаў разлічнага характэра (спэцыяльных, худохэственай літаратуры, прэсы), пры прасмотры худохэственных і дакумэнтальных фільмаў, рабаты ў Інтэрнэце і т.д.

Соотвэстувэнна, цэль саствітэля слоўаря заклячуэцца ў том, чабы, з адной боку, прэдаствітэ ў распоряджэніе студэнтаў лексічэскіе едініцы, нэобходымыя для поніманія рускай рэчы (ў аб'ёме ўніверсітэцкай праграммы), а такжэ для самостаятэльнага ёе прэдуцыраванія. Другая, нэ мэнэе важная задача, котору прызван рэшытэ

словарь, состоит в том, чтобы презентация лексического материала, его перевод, грамматические, стилистические пометы и необходимые пояснения (даваемые на итальянском языке) по возможности предотвращали наиболее распространенные ошибки студентов при чтении, говорении, слушании и письме.

При работе над русско-итальянским словарем автором настоящего доклада был составлен русский словник и разработаны соответствующие словарные статьи, впоследствии переведенные итальянскими коллегами на итальянский язык. Соответственно, нами были переведены с итальянского языка на русский лексические единицы в итальянско-русском словаре.

Предметом настоящего доклада являются трудности, встреченные нами в ходе указанной выше работы и предложенные нами решения.

При составлении русского словника мы исходили, в первую очередь, из потребностей итальянских студентов-славистов (в том числе – устных и письменных переводчиков), для которых русский язык является специальностью, а также студентов других гуманитарных факультетов (прежде всего, факультетов политических наук, будущих политологов и дипломатических работников).

Мы исходили из круга лексических тем и, шире, объема общеязыковой лексики, предлагаемой студентам и делающей доступной как бытовое общение, так и полноценную коммуникацию с носителями русского языка. Последняя предполагает знание разговорной лексики, которую мы давали с соответствующей стилевой пометой. Неологизмы, вошедшие в русский язык за последние двадцать лет, были отобраны с учетом их актуальности для настоящего момента.

С другой стороны, мы принимали во внимание тематику специальных текстов, обычно изучаемых в рамках университетского курса, предполагающих знание ряда наиболее частотных и значимых терминов (в частности, из области экономики, политики, права, информатики и т.д.).

Отдельную трудность составил отбор лексики, обозначающей различные российские реалии. Нами учитывался, в первую очередь, круг изучаемых лексических тем (к примеру, нами даны лексемы «щи», «компот», которые обычно даются при изучении темы «кухня» уже на первом курсе).

Мы принимали во внимание современные российские реалии (ЖЭК), тогда как советские реалии давались с учетом ограниченного объема словаря (дана лексема «колхоз», лексема «лимитчик» не вошла).

Пометы-объяснения были сделаны не только для лексем, обозначающих российские реалии, но и для лексем, правильное восприятие и использование которых может представлять трудность для студентов. Так, для лексемы «отечественный» была сделана помета «имеющий отношение к России».

При составлении словника мы использовали соответствующие словари (толковые, словари экономических, юридических, дипломатических терминов, словари неологизмов, синонимов), а также исходили из собственных наблюдений за бытовой лексикой, речью современных СМИ, рекламы, современной художественной литературы, кино. Ориентируясь как на общеязыковую, так и на специальную лексику, мы стремились представить основные функциональные стили современного русского языка (разговорный, научный, публицистический, художественный, официально-деловой).

Вопрос грамматических помет решался с учётом подачи грамматического материала в аудиторной практике - при расхождении между итальянскими и русскими грамматическими терминами выбор делался в пользу русской терминологии в русском словнике и итальянской – в итальянском.

Видовые пары глагола давались по классификации Зализняка-Шмелева. В целях экономии места словарная статья составлялась для глагола одного вида, за исключением глаголов, имеющих в видовой паре различные и/или дополнительные лексические значения.

Для глагола в квадратных скобках указывалось первое и второе лицо единственного числа, форма повелительного наклонения, а также третье число множественного числа и прошедшее время для глаголов непродуктивных классов. Для существительного давалось окончание родительного падежа множественного числа. Указывалось использование ряда наречий в предикативной функции. Регулярно давалось падежное управление глаголов, существительных, предлогов и предикативных наречий.

Приступая к переводу итальянской лексики, мы стремились избежать «принципиальной ошибки» переводных словарей, о которой предупреждал Л.В.Щерба: «Что касается переводных словарей, то их принципиальная ошибка состоит в предположении адекватности систем понятий любой пары языков. ... Из всего сказанного вытекает, что обычные переводные словари не дают настоящего знания иностранных слов, а лишь помогают догадываться о их смысле в контексте» (Щерба, 1958, 85).

При переводе итальянских речевых единиц большой сложностью оказался поиск русских эквивалентов для передачи итальянских лексем и словосочетаний (разной степени свободы), которые отражают особенности итальянского видения мира, и для которых трудно подобрать русские эквиваленты, не исказив при этом положительную или отрицательную коннотацию.

К примеру, «ragazza acqua e sapone» – «девушка, не пользующаяся косметикой», букв «девушка вода и мыло», имеющее положительную коннотацию в итальянском, носителем русского языка может быть воспринято отрицательно (девушка, которая не следит за собой), вследствие чего нами был предложен эквивалент «девушка, предпочитающая естественный стиль».

Отдельную проблему составляло стилевое несоответствие некоторых лексем, к примеру, психологических терминов, получивших широкое

распространение в Италии и остающихся в России специальными терминами. Так, лексема *rimuovere*, была переведена нами с соответствующей пометой (*псих.* вытеснить), тогда как в итальянском языке эта лексема используется в повседневности в значении «перестать думать о неприятном».

При переводе итальянских лексем мы старались также учитывать специфику речевого поведения, принятого в итальянской/русской культуре. К примеру, итальянская лексема *ansia* была переведена как «тревога», тогда как производное прилагательное в словосочетании с глаголом «essere» («è ansioso») было переведено нами как «он всегда волнуется» не только в силу принадлежности данной итальянской лексемы к нейтральному стилю речи, но и с учетом того, что итальянский речевой этикет допускает и даже предполагает сообщение об испытываемом чувстве тревоги лицу малознакомому и/или вышестоящему лицу как объяснение собственных действий и слов. Для русского речевого этикета подобное сообщение о собственной особенности характера не представляется возможным, и предложенный нами вариант, как мы надеемся, позволит итальянским студентам остаться в рамках дозволенного.

Перевод итальянских лексем, обозначающих различные итальянские реалии, затруднен не столько поисками эквивалента, не существующего в русском, сколько тем, что помета-объяснение, даваемая в скобках, не позволяет – в силу ограниченности места - передать коннотации итальянской лексемы, порой требующие обстоятельного. Так, русский эквивалент «ассистентка телеведущего», предложенный нами для итальянской лексемы «*velina*», дает русскому читателю представление лишь о профессиональных обязанностях девушки, тогда как в итальянском языке эта лексема коннотирована с целым рядом параметров, известных любому итальянскому телезрителю (юный возраст, внешность модели,

личная жизнь на страницах глянцевого журналов, возможная скандальная слава и т.д.).

В заключение хотелось бы сказать, что мы искренне надеемся, что нам удалось последовательно провести главный принцип, которым мы руководствовались при работе над словарем, а именно принцип «Не навреди».

Литература:

1. Dizionario russo-italiano, italiano-russo. A cura di N.Kardanova, S.Guiggi, S.Togni con il contributo di L.Chakhtova. Coordinamento redazionale di Palma Gallana. Milano, Antonio Vallardi Editore, 2005.
2. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
3. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии. С. 58 // Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. I. С. 256-306.

Киквидзе И.Д., Квантре В.Б., Зумбулидзе И.Г.
Кутаисский государственный университет им. А. Церетели
г. Кутаиси (Грузия)

ПРИМЕНЕНИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ОБРАЗА ЧИТАТЕЛЯ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Практика перевода художественных текстов подтверждает общеизвестное мнение о том, что не существует переводов, абсолютно тождественных оригиналу. Недостижимость тождественного перевода обусловлена тем, что соотносимые знаки двух языковых систем, несущих на себе следы оригинальности, исключительности видения мира, не могут быть эквивалентными. Они отличаются структурой, звучанием, образностью, ассоциациями.

Важнейшей задачей перевода является сохранение коммуникативной эквивалентности, ориентированное на то, чтобы текст перевода оказывал на реципиента такое же воздействие, какое оказывает на адресата

оригинал. При таком подходе к переводу текста представляется актуальным учёт всех компонентов данного коммуникативного события, в том числе, фактора адресата текста.

Автор текста всегда рассчитывает на определённую реакцию со стороны адресата, воспринимающего и интерпретирующего данное произведение; соответственно, ориентировка в адресате - важнейший фактор, детерминирующий как содержательно-смысловые, так и лингвистические характеристики текста. Любой текст, в том числе художественный, создаётся для реализации определённой коммуникативной интенции и выполняет ту или иную функцию. При этом он адресован конкретному типу интерпретатора.

Коммуникативная задача вдвойне усложняется при переводе: перевод должен не только отразить, но и пересоздать оригинал, не «скопировать» его содержание и форму, а воссоздать их средствами другого языка для другого читателя, находящегося в условиях другой культуры, эпохи, общества (3.). Переводчику необходимо «перестроить», трансформировать первоначальные средства реализации коммуникативного намерения автора оригинала с учётом лингвоэтнической специфики языка перевода.

По мнению Л.К. Латышева, «вопрос о возможности / невозможности полноценного перевода ... упирается не только и не столько в возможность передачи значений знаков ПЯ в переводе, а в возможность с помощью модификаций исходных значений (и структур) компенсировать неравенство условий функционирования знаков ИЯ и знаков ПЯ и в том числе этнически обусловленное неравенство внеязыкового, то есть не выраженного непосредственно в значениях языковых знаков, опыта» (2, 48). Из двух составных частей лингвоэтнического барьера – собственно лингвистического и этнокультурного – наиболее труднопреодолимым для перевода является этнокультурный, поскольку именно он обуславливает

«культурологическое непонимание», неодинаковое отношение носителей ИЯ и носителей ПЯ к тексту.

Преодоление лингвоэтнических барьеров при переводе художественного текста и достижение максимальной эквивалентности восприятия переводного текста – сложнейшая задача, сама постановка которой фактически предполагает создание «нового» текста – аналога оригинала.

Таким образом, необходимость «смещения» текста в процессе перевода обусловлена не только лингвистическими условиями (трансформации на разных языковых уровнях: лексическом, семантическом, словообразовательном, синтаксическом и т.д.), но и экстралингвистическими. Наряду с реализацией авторской концепции (идеи, замысла, вкуса и т.д.), текст, направленный иноязычно/ментальному получателю, отражает концепцию переводчика, его вкусы (языковые и неязыковые), его коммуникативные задачи и уровень его мастерства.

Отражается в переводе и отношение переводчика к читателю. Установка автора на определённый тип адресата проявляется в тексте в использовании им непосредственных обращений к читателю, комментариев; включении в текст так называемых прецедентных феноменов, рассчитанном на наличие у читателя соответствующих фоновых знаний, необходимых для адекватного восприятия им смысла текста.

При переводе художественного текста на установку автора наслаивается отношение переводчика к читателю перевода. Переводчик исходит из собственного понимания задачи по приданию тексту наиболее понятного для читателя вида. Следовательно, важно, чтобы он чётко представлял себе тот образ читателя, который объективно вычитывается из текста оригинала, и чтобы в процессе перевода старался в целом максимально сохранить авторское к нему отношение.

Учитывая всю сложность достижения коммуникативной эквивалентности перевода художественного текста, восприятие которого даже в оригинале предполагает поливариантность, представляется, что реконструкция образа читателя в комплексе с другими предпереводческими операциями позволит переводчику сохранить коммуникативную значимость текста и диалогичный характер взаимоотношений текста и интерпретатора. С этой точки зрения, большую помощь переводчику может оказать изучение методик анализа текста, направленных на выявление объективных данных, заложенных в тексте. Например, один из эффективных методов реконструкции образа читателя, предложенный О. П. Воробьёвой, предполагает идентификацию в художественном тексте «точек контакта» автора и предполагаемого читателя, в основе которых лежат два основных когнитивных механизма – имплицитный и ориентационный. По мнению автора, «в качестве сигналов адресованности текста могут выступать разноуровневые (от графемы до абзацного комплекса) элементы, которые составляют рецептивную трудность для предполагаемого адресата или очерчивают возможную «программу» восприятия и интерпретации текста» (1, 61).

К подобным «точкам контакта» автора и читателя относятся так называемые прямые эксплицитные указатели адресованности, то есть, элементы текста, непосредственно обращённые к читателю (обращения, авторские отступления, комментарии; элементы вербального и невербального «кода», понятного для того круга читателей, к которому направлен текст), косвенные эксплицитные указатели (элементы, которые принадлежат к определённым лексико-семантическим, тематическим или ассоциированным рядам, полям или группам и идентифицируются как таковые заданным кругом читателей) и имплицитные указания, способные активизировать языковую и коммуникативную компетенцию адресата и рассчитанные на его фоновые знания (аллюзии – литературные,

музыкальные, биографические, исторические, мифологические, библейские и др.) (1).

Следует отметить, что в процессе интерпретации художественного текста любой его элемент, любое слово может оказаться важным, решающим. Исходя из многомерности, сложности художественного текста, варианты его прочтения разнообразны. Специфика восприятия текста читателем состоит в том, что он идёт от готового текста, коды автора и адресата, их объём не совпадают друг с другом. «Люди обычно проявляют более узкую языковую компетенцию в качестве отправителей речевых сообщений и более широкую компетенцию в качестве их получателей. Различия в структуре и объёме между кодами адресантов и адресатов привлекают всё более пристальное внимание со стороны как изучающих, так и преподающих языки и лингвистику. Суть этого расхождения была установлена ещё Св. Августином: «Во мне слово предшествует звуку[In me prius est verbum, posterior vox], но для тебя, стремящегося понять меня, именно звук первым доходит до твоего уха, чтобы внедрить слово в твою душу» (5, 311).

В сущности, каждый читатель осуществляет уникальную интерпретацию текста. «Точки контакта» автора и предполагаемого читателя способствуют, на наш взгляд, приблизить читателя к замыслу автора. В процессе перевода использование метода идентификации текстовых сигналов адресованности читателю и установления типа адресата художественного текста действительно окажет переводчику большую помощь в том, чтобы с максимальной силой воссоздать авторский замысел и сделать его доступным для другого круга читателей – представителей иной лингвокультурной традиции.

Литература:

1. Воробьёва О. П. Реализация фактора адресата в художественном тексте в аспекте лингвокультурологической традиции. Филологические науки. 2002, № 1.
2. Латышева Л. К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. – М., 1988.
3. Лилова А. Введение в общую теорию перевода. - М., 1985.
4. Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода // Избранные работы. – М., 1985.
5. Якобсон Р. О. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Избранные работы. – М., 1985.

The author of the text always hopes of having the definite reaction from the addressee, who perceives and interprets the given work. Accordingly, orientation on the addressee – is the main factor that makes the determination of the content and linguistic features of the text.

In translating the fiction author laminates translator's attitude toward the reader. Author tries the text to be clear for the reader. So, it is very important to present that mode of the reader that is fairly readable from the text, to preserve the author's attitude in the process of translation as much as possible.

To consider the whole difficulty of achieving the communicative equivalence of fiction, perception of which even in original supposes poly-variance, the reader's reconstructive mode with the other operations of translation maintains the communicative meaning of the text and the dialogic character of the text and interpretative relations. From this point of view the method to analyze the text the aim of which is to reveal the objective facts of the text is very helpful.

Ковтун А.И
Университет Витаутаса Великого
г. Каунас (Литва)

О ПЕРЕВОДЕ ТРАКТАТА Л.П. КАРСАВИНА «О СОВЕРШЕНСТВЕ»

В межкультурном диалоге перевод как один из видов коммуникативной деятельности занимает важное положение. Культурное значение перевода не сводится только к лингвистической парадигме проблем. В современном мире перевод не может восприниматься как вспомогательный инструмент, функция или средство. Даже как повседневная практическая задача он выдвигает множество теоретических вопросов. При попытках определить значение перевода в национальной культурной истории возникает ощущение его неподчинения определениям и схемам. Парадоксальным может показаться *объект* исследования данной статьи – перевод с литовского на русский язык трактата «О совершенстве» русского религиозного философа Л. П. Карсавина. Однако процессы, происходившие в мировом культурном пространстве в прошлом веке, приводят к мысли о сопротивлении любого словесного произведения, в том числе и перевода, попыткам заключить его в тесные рамки теории. Автор статьи ставит перед собой *цель* исследовать сопряжение трактата Карсавина «О совершенстве» с литовской и русской культурой. В процессе анализа были сформированы *задачи* – определить исторические обстоятельства написания трактата, представить перевод трактата Карсавина на русский языка как реконструкцию текста, рассмотреть, каким образом философ перевел на литовский язык понятия русской религиозной философии.

Важной ценностью Литвы на протяжении столетий был диалог литовской и русской культур. Круг вопросов культурного диалога определяется сложным историческим опытом России и Литвы. Иногда ответы на эти вопросы лежат в неожиданных плоскостях. Л.П. Карсавин (1882—1952)¹ русский религиозный философ, историк культуры,

---

¹ Ванеев А. Очерк жизни и идей Л.П.Карсавина // Два года в Абезе, Брюссель, 1990; Хоружий С.С. Лев Платонович Карсавин. //Литературная газета. 1990. 22 февраля.

медиевист и знаток богословской классики занимал видное место и в русской культуре начала XX в., и в возрождающейся в 20-30 годы литовской научной жизни. Вольнолюбивый и свободомыслящий философ, профессор Санкт-Петербургского университета Карсавин вынужденно покинул родину в 1922 году. После скитаний по Европе он попал в Париж. Здесь он получил приглашение преподавать в Литовском университете в Каунасе¹. Карсавин принял приглашение. В ноябре 1927г. декан факультета Гуманитарных наук проф. Винцас Креве-Мицкявичус отправил ученому договор с условиями работы. Отдельный пункт договора и прилагаемое замечание были посвящены языку преподавания. Первые пять лет проф. Карсавин мог преподавать все, порученные ему предметы, и вести практические занятия на русском языке. Через пять лет со дня подписания договора проф. Карсавин должен был преподавать порученные ему курсы и вести практические занятия на литовском языке.

Как складывались отношения Карсавина с литовским языком? По указу Министра просвещения Литовской республики время обучения языку было сокращено до трех лет. С первых же дней работы в университете Карсавин активно занимался языком и овладел им очень быстро. Через несколько недель после приезда в Каунас он начал общаться с коллегами на литовском языке. В осеннем семестре 1928 года свою первую лекцию профессор прочел на хорошем литовском языке. Через два года все лекции он читал только на литовском языке. Более того, научные труды он издавал на государственном языке. Вспоминая годы учебы в университете Витаутаса Великого, французский ученый семиотик А. Ю. Грейм заметил: «Вторая великая фигура, которую я увез из Каунаса, это профессор Карсавин, лекции которого о средневековой философии часто слушали только два правоведа .... Это неважно, говорил Карсавин, - по средневековой традиции «tres faciunt collegium». Его литовский язык был прекрасен: слушая его, я понял, что литовский язык может быть

---

¹ Lasinskas P. L. Karsavino veikla Vytauto Didžiojo universitete // Darbai ir dienos, 1996, 2 (11).

одновременно ясным и рафинированным, «культурным»¹. Свидетельство А.Ю. Грейма очень важно. Как и культура Литвы начала XX века, литовский язык был открытой структурой. Он активно формировался и вбирал в себя научную терминологию, искал формы для выражения гуманитарной мысли. Лекции профессора Карсавина представляли собой трансляцию русской философской культуры, ее способов мышления, принципов организации текста в молодую литовскую науку. Такие процессы являются разновидностью перевода в семиотическом аспекте и могут быть названы сущностными и существенными при диалоге культур. Благодаря Карсавину в литовском языке и сегодня живут важнейшие философские понятия - всеединство (*visa ko vienovė*), первоединство (*pirma vienybė*), стяженное (*santrauka*), разъединение (*atsiskirimas*), воссоединение (*susijungimas*). Понятия, термины, идиомы европейской персонологии так же пришли в язык литовской философии из трудов Карсавина. В Литве он издал свои важнейшие труды на русском и литовском языках. Самая известная работа - «О личности» (1929, на рус.яз.). Здесь представлена оригинальная и завершенная философия личности, которая в те годы с трудом была воспринята литовской академической общественностью. Сам Карсавин высоко ценил «Поэму о смерти», изданную на русском языке в Каунасе в 1931 году. Здесь же было издано монументальное пятитомное исследование «История культуры Европы» (*Europos kultūros istorija, 1931-1937*)². Все пять книг написаны на литовском языке. Труд редактировал Антанас Юшка, литовский ученый-фольклорист, по замечанию Карсавина, «большой любитель языковых хитростей». В 1935-1938 г. профессор Карсавин редактировал журнал «*Senovė*» («Древность»), в котором печатали свои труды исследователи всемирной истории. Ученый принимал участие в деятельности союза философов Литвы, писал статьи в «Литовскую энциклопедию» (более 70

¹ Greimas A. J. Iš arti ir iš toli. Vilnius. 1991. С. 20.

² Karsavinas L. Europos kultūros istorija. Kaunas, V.D. Universiteto Humanitarinių mokslų fakultetas, t.1 – 5, 1931 – 1940.

статей). Вскоре после оккупации Литвы ему было запрещена преподавательская деятельность. 9 июля 1949 года Лев Платонович Карсавин арестован. Ученый получил десять лет лагерей. Он скончался 20 июля 1952 года в лагере в Абези.

Возникший в свете духовного возрождения русской культуры интерес к наследию Л.П. Карсавина побудил автора настоящей статьи по собственной инициативе взяться за перевод на русский язык одного из последних трудов философа - трактата «О совершенстве». По напряжению мысли, вдохновению, философскому и лирическому нюансированию идей это произведение может быть названо великолепной прозой. Возможно, от философского текста современное рациональное восприятие желает большей цельности, прагматичности, ограниченной строгой логикой. Однако богословская мысль Карсавина рождается в интуитивно-поэтическом сплетении образов и логических построений. В целом перевод трактата можно определить как философскую и филологическую работу. Переводчик стремился максимально адекватно, близко к оригиналу передать мысль ученого. Было важно не только отразить смысл текста, но и уловить, интерпретировать способы и строй мышления автора. Буквальное прочтение метафор, распространенных выражений, терминов могло привести и к искажениям, и к казусам. Известно, что философская мысль Карсавина очень сложна. Вместе с тем анализ перевода трактата приводит к мысли о некой уникальной ситуации в переводческой практике. Трактат написан на литовском языке, однако углубленное его прочтение позволяет увидеть, что мысль философа концептуализирует характерные для русского сознания философские семантические понятия. Карсавин мыслит по-русски и переводит, адаптирует, приспособливает философскую богословскую парадигму к в те годы еще недостаточно разработанному и мало готовому к подобному уровню мышления литовскому языку. Этому способствует и сходство синтаксических систем русского и литовского языков. Углубленный анализ позволит различить в

некоторых местах текста синтаксические структуры, характерные более для русского, нежели для литовского языка. Перевод трактата с литовского на русский язык похож на реконструкцию текста. Это пишет русскоязычный человек на рафинированном литературном литовском языке. Можно сделать вывод, что язык интеллекта – общечеловеческий.

Несомненно, целостное видение текста Карсавина в герменевтике всего его философского наследия стало возможным только благодаря редактированию перевода и комментариям профессора С.С. Хоружего – председателя Комиссии по философскому наследию Л.П. Карсавина. Его усилиями текст перевода был напечатан в журнале «Богословские науки»¹.

Трактат «О совершенстве» написан в 1952 г., в лагерном лазарете. Тяжелобольной профессор лежал на лагерной койке и на коленях держал фанерный лист с рукописью. Врач Владас Шимкунас собрал рукопись по листочку, сберег, а ксендз Альфонсас Сваринскас вынес ее из лагеря. Позже рукопись была передана философу, члену Сейма Литовской республики, ныне профессору Университета Витаутаса Великого Бронюсу Гянзялису. Ее оригинал хранится в Отделе рукописей Библиотеки Вильнюсского университета («*Apie tobulybę*» - F 151 –2).

Этот труд концентрирует важнейшие идеи метафизики Карсавина. Идея совершенства положена во главу угла всех его размышлений. Мыслитель приближается к некому особому, всеобъемлющему выражению мысли. Он использует понятия-символы – *tobulybė* (совершенство), *netobulybė* (несовершенство), *momentai* (моменты), *Dieviškasis laimingumas* (Божественное благословение), *metanoė̃n* и др., соединяющие логическую полноту и интуитивную образность. Характерная для карсавинских текстов пластичность слова придает символическим понятиям объемность и ясность. Символы наполнены глубоким метафизическим смыслом. Они могут показаться понятными, легко узнаваемыми, в то же время их семантическое поле многозначно.

---

¹ Карсавин Л.П. О совершенстве. Перевод Асии Ковтун// Богословские труды. Московская патриархия. 2004. № 39. Текст на литовском языке – Karsavin L. *Apie tobulybę*. Baltos lankos. Vilnius. 1991.

Здесь пересекаются различные образные ряды, и это создает возможность для интерпретации. Вероятно, осознавая возможные расхождения между логикой собственной мысли и изложением ее на литовском языке, Карсавин часто выступает собственным комментатором, как бы опережая другие комментарии и оставляя последнее решающее слово за собой. Комментарии и уточнения в тексте философ приводит на древних и современных европейских языках. Наиболее часто Карсавин обращается к латинскому и греческому языкам. С. Хоружий, обозначая особое место Карсавина в истории развития европейской персонологии, объясняет формирование идейного и семантического поля философии личности в его наследии. Исследователь связывает эти идеи с грекоязычной персонологией (4 в.) и позже латиноязычной парадигмой. Он полагает, что латиноязычная парадигма была воспринята и русской философией¹. Языковое сознание Карсавина, видимо, и определяется сферой интересов.

Особенно часто в тексте встречаются уточнения на латинском, реже - на греческом языке различных, важных для контекста карсавинского трактата семантем. Метафоричность характерна для языка трактата. Назначение конкретной метафоры – прийти к пониманию и согласию в том случае, когда буквальное объяснение невозможно. Подобное назначение метафор приемлемо и для Карсавина. Вероятно, философ не сомневался, что его читатель, если трактат будет прочитан, с латынью знаком. Приведем некоторые примеры метафоризации текста через понятия и сентенции на древних языках. Так, в литовском тексте: *esu insipiens(лат.)*; в русском переводе: я емь *insipiens*; в литовском тексте: ... *viešai skelbti: ex nihilo nihil fit(лат.)*; в русском переводе - ...*открыто заявить: ex nihilo nihil fit*; в литовском тексте ..*tai tikras testimonium paupertatis(лат.)*; в русском -...*есть истинное testimonium paupertatis*. Переводчик в сносках делал перевод на русский язык (*insipiens* – неразумный; : *ex nihilo nihil fit*- из ничего ничто не возникает; *testimonium*

---

¹ Хоружий С.С. Концепт. личности у Л.П. Карсавина: идейное и семантическое поле. <http://www.synergia-isa.ru/lib/download/lib/%2bSlovpersKars.doc>

paupertatis – свидетельство нищеты; *mesétoichon* – промежуточная стена, перегородка). Некоторые философские и богословские понятия, впервые на литовском языке обозначающие философские и теологические вопросы, уточняются Карсавиным в тексте трактата в скобках на латыни - *priešų sutarimas* (*concidentia oppositorum*); в нашем переводе - совпадение противоположностей; *mažiausias dydis* (*minimum*), в переводе - самая малая величина; *Dieviškasis laimingumas* (*beatitudo*), в переводе - Божественное благословение и др. Иногда максима на латинском языке приводится в литовском тексте Карсавиным без перевода: *atingitur inatingibile inatingibiliter* (*непостижимое постигается непостижением*); *rara hora et parva mora!* (*редкий час, краткая остановка!*); *privatio boni* (*лишение добра*) и др. В таких случаях переводчик прибегал к сноскам, в которых был перевод на русский язык. Однако подобные включения в литовский текст встречаются лишь несколько раз. Иногда Карсавин заменяет философское определение на древнем языке более приемлемым и понятным возможному литовскому читателю - плирону (греч.) - полнотой (Ср.: «Совершенство есть все, что есть, было и может быть, полнота (*id, quo maius cogitari nequit*)¹. В литовском тексте он употребляет слово «*pilnatis*», что является прямым переводом греческого термина на литовский язык, но гностический смысл, благодаря контексту, от этого не исчезает. Можно предположить, что это осознанная замена. Литовский язык по своим конструкциям более близок к латинской традиции, знакомой возможному адресату, а чувство стиля у Карсавина совершенно.

Чтобы объяснить некие, особо важный для трактата концепты, Карсавин прибегает и к другим современным европейским языкам – немецкому, французскому. Так, основополагающее понятие трактата – «*tobulybė*» в литовском тексте уточняется в скобках – *perfectio*, *Vollkommenheit*, совершенство. Далее объясняется понятие несовершенства, и философ опять в скобках называет его на разных

---

¹ Карсавин Л.П. О совершенстве. С. 273.

языках, используя уже уточненное литовское слово (*ne-tobulumas*, не-совершенство, *im-perfectio*, *Un-vollkommenheit*).

Из современных европейских языков философу особенно близок французский язык – в литовском тексте богословский термин „*teopatiška padėtis*“ уточняется по-французски *l'état theopatigue* (Состояние Богоохваченности); *dalyvavimo dėsnis (loi de la participation)* - закон участия, далее следует уточнение по-гречески *méthēxis* и по-русски – сопричастие; при объяснении времени – ссылка на М. Пруста, фамилия автора и название книги в тексте трактата написаны по-французски (М. Proust. *À la recherche du temps perdu* и *Le temps retrouvé*). Несколько раз философ прибегает к объяснениям и уточнениям на русском языке. Уточняются важные для целостного восприятия текста положения, термины, слова. Например, в литовском тексте приводятся в скобках на русском языке такие понятия – не-совершенство, совершенство, одумайтесь, опомнитесь. Уточняя понятие пантеизм, философ приводит по памяти, не совсем точно, стихотворение Ф. Тютчева «Тени сизые смешались...» на русском языке, поместив его в литовский текст.

Характерные для его философских текстов на русском языке понятия ученый адаптирует к литовскому языку. Мысль философа очень сложна. Его словарь на протяжении творчества переживает значительную эволюцию в направлении усложнения. Трактат «О совершенстве» - это один из последних текстов философа. В этом труде Карсавин стремится, казалось бы, к преодолению ограничений языка и выражению некоего запредельного опыта. Авторское «я» не только самоопределяется, но и самоотвергается в этом тексте. Здесь в полной мере выражена «симфоничность» мысли Карсавина. Как в мощной музыкальной симфонии, тема совершенства постоянно повторяется, разветвляется, нюансируется через уточнения, ассоциации, акценты. Важные для философской системы концепты всеединства и всевременности представлены как основополагающие. Перед Карсавиным стоит задача

перевести на литовский язык необходимые для выражения его мысли понятия – умопремена, обожение, быть-обожиться, усовершенствование, усовершенствование, качество, дурная бесконечность. (Ср.: Определяя ценность и оригинальность труда Карсавина, Грейм отметил модернизм мышления и актуальность проблематики размышлений о вечных философских вопросах: «он пользуется столь устаревшими понятиями, что его философия от этого выглядит почти модернистской»¹).

Так, понятие «умопремена» - одно из ключевых в философии Карсавина. Им мыслитель передает смысл греческого слова *metanoēin*, обычно на русский язык переводимого как покаяние. Это понятие есть в трудах Карсавина «О личности», «Поэма о смерти». Карсавин в трактате призывает: «Умопремена человека (*metánoia*) – о ней говорил уже Иоанн Креститель: “*metánoeíte, ибо (!) приблизилось Царство Небесное*”, значит, “измените ваше мышление, направление вашего ума” (*не* – “покайтесь” как обычно переводят! Наверное, можно было бы переводить еще: “одумайтесь”, “опомнитесь” (в литовском оригинале по-русски – *А. К.*), – есть только одно явление перемены, трансформации Человека, *нового рождения из Бога во Христе*»². Философ полагает, что современность требует не только и не столько покаяния, но нового осознания христианской идеи – перемены ума. И значение собственного призыва он подчеркивает обращением в литовском тексте к греческому слову и уточнению понятия на русском языке. Уточнение на греческом и русском языках, развернутое объяснение понятия умопремена необходимо Карсавину, так как на литовском языке он использует семантически нейтральное без дополнительных конотаций слово *ptotausena* (мышление). Понятие обожиться (следует уточнение - объединиться в Боге) переводится как *sudievinti*. Это глагол, употребляемый как причастие и деепричастие – *sudievejes* (обожившийся, обожившись), существительное –

¹ Greimas A. J. Karsavino aktualumas. Baltos lankos. Vilnius. 1991. С. 41.

² Карсавин Л.П. О совершенстве. С. 295.

sudievejimas (обожение). Созданное Карсавиным на литовском языке понятие и сегодня употребляется в богословских текстах. Термин качественное переводится как *kokėjimas* искусственно, по смысловому сходству созданным словом, которое не сохранилось в языке литовской философии. Понятия усовершенствовать, усовершенствование переводится литовским словом *tobulėjimas* - совершенствование. В этом случае только контекст трактата привносит дополнительный философский и богословский смысл в семантически нейтральное литовское слово. Важное для Карсавина определение бытия как дурной бесконечности переводится им на литовский язык как *bloga nebaigiamybė*, т.е. плохая бесконечность. Подобные затруднения с переводом определяют нехарактерное для текстов Карсавина на родном языке многословие, многократное объяснение и уточнение уже известных по русским текстам понятий. Динамика бытия в философском наследии Карсавина на русском языке развернуто и свободно излагается от произведения к произведению. Философ никогда не относился в метафизике безлично и абстрактно. Отсутствие соответствующих понятий, терминов на литовском языке, стремление передать традиционные христианские идеи – ничто не преобразуется, не искажается, не отрицается – как высший опыт бытия делают трактат особенно насыщенным, наполненным напряжением мысли и поиска. Здесь возможно обратиться к мысли Лотмана, полагающего, что языки с разным уровнем переводимости, способствуют освоению культурных новаций: “...чем труднее и неадекватнее перевод одной непересекающейся части пространства на язык другой, тем более ценным в информационном и социальном отношениях становится факт этого парадоксального общения. Можно сказать, что перевод непереводаемого оказывается носителем информации высокой ценности”¹. Логику одного из последних трудов Карсавина следует выявить в связи идей и судьбы мыслителя. Об этом совершенном труде С.С. Хоружий отзывался:

---

¹ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992. С. 15.

«Нельзя не оценить духовного вызова и духовной высоты, которые заключены уже в самом замысле его работы. На пороге смерти, в концлагере, где предается поруганию все не только Божественное, но и попросту человеческое в человеке, христианский мыслитель создает труд о Божественном Совершенстве и о приобщении, о приобщенности человека этому совершенству»¹. Язык и стиль трактата еще раз подтверждают, что бытие отождествляется со словом.

Отношение Карсавина к слову можно попытаться объяснить особым феноменом – многоязычием. Профессор владел древними – латинским, греческим – и современными европейскими языками – наряду с русским – литовским, итальянским, французским, немецким, английским. Можно предположить, что своеобразная стилистика философских текстов Карсавина – слияние иронии, иногда переходящей в сарказм, тонкого нюансирования лирического переживания, и одновременно стремление к антропологической и метафизической универсализации, связаны и с платоновской, и с аристотелевской традициями в европейской мысли. Сознание философа манипулирует различными аспектами познания мира, импульсами ассоциаций, внутренними формами слова. Связь с языком, вероятно, важна для мировидения Карсавина. Известно, что владение одним языком реализует априорные, предшествующие опыту знания о мире. В таком случае знание еще нескольких языков дает апостериорные понятия, формирующиеся на основании опыта. Это расширяет границы мысли.

Литература:

---

¹ Хоружий С.С. Метафизика совершенства в трактате христианина-узника. Предисловие к статье О совершенстве. Перевод Асии Ковтун// Богословские труды. 2004. № 39. С. 272.

1. Ванеев А. Очерк жизни и идей Л.П.Карсавина // Два года в Абезе, Брюссель, 1990; Хоружий С.С. Лев Платонович Карсавин. //Литературная газета. 1990. 22 февраля.
2. Lasinskas P. L. Karsavino veikla Vytauto Didžiojo universitete // Darbai ir dienos, 1996, 2 (11).
3. Greimas A. J. Iš arti ir iš toli. Vilnius. 1991. С. 20.
4. Karsavinas L. Europos kultūros istorija. Kaunas, V.D. Universiteto Humanitarinių mokslų fakultetas, t.1 – 5, 1931 – 1940.
5. Карсавин Л.П. О совершенстве. Перевод Асии Ковтун// Богословские труды. Московская патриархия. 2004. № 39. Текст на литовском языке – Karsavin L. Apie tobulybę. Baltos lankos. Vilnius. 1991.
6. Хоружий С.С.Концепт. личности у Л.П. Карсавина: идейное и семантическое поле.<http://www.synergia-isa.ru/lib/download/lib/%2bSlovpersKars.doc>
7. Карсавин Л.П. О совершенстве. С. 273.
8. Greimas A. J. Karsavino aktualumas. Baltos lankos. Vilnius. 1991. С. 41.
9. Карсавин Л.П. О совершенстве. С. 295.
10. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992. С. 15.
11. Хоружий С.С. Метафизика совершенства в трактате христианина-узника. Предисловие к статье О совершенстве.Перевод Асии Ковтун// Богословские труды. 2004. № 39. С. 272.

Lev Platonovich Karsavin (1882-1952) was a Russian Orthodox religious philosopher, a historian of culture, a medievalist and an expert of classical theology. He takes an important position both in the Russian culture of the outset of the 20th century and in the reviving academic life of the interwar Lithuania. At the same time, Karsavin is a philosopher martyr who underwent multiple torments of the tragedy-marked 20th century.

In his tractate On Perfection, Karsavin seemingly frees himself from the limitedness of language so that to express some experience lying beyond our

cognition. The translation of the tractate from Lithuanian into Russian is a reconstruction. Karsavin thinks in Russian and adapts his philosophical thought in the Lithuanian language. In order to conceive the logic of one of the final works of Karsavin, it is appropriate to reveal the relationship between the ideas of this Christian philosopher and his personal fate.

Коростова С.В.
Педагогический институт Южного Федерального Университета
г. Ростов-на-Дону (Россия)

ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНЫЕ КОНЦЕПТЫ «СТРАДАНИЕ» И «РАДОСТЬ»: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Универсальность эмоций и оценок как репрезентантов внутреннего мира человека очевидна, как очевидна и культурная, национально-ментальная специфика их представления в языковом сознании говорящих на разных языках. Эмотивно-оценочные явления человеческой психики могут быть доступны для изучения лишь опосредованно, в исследовании языка как системы знаков, как компонента сознания человека. Эмоции познаются человеком через жизненный опыт, который позволяет установить логическую связь между событиями. Наш субъективный опыт – это часть оценочной системы, которая непосредственно связана с представлением о ценности, ориентированном на позитивный поведенческий стереотип.

Социокультурный опыт человека формирует знания о сценарии ситуации и о стереотипе поведения собеседника, фрейме и скрипте, которые программируются в сознании субъекта речи так же, как и в сознании собеседника. Если говорящий ожидает вполне определенный эффект от поведения собеседника (в том числе и речевого), исчисляемый сценарием ситуации, известной обоим, то эмоции нейтрализуются. Следовательно, эмоции есть результат действия «эффекта обманутого ожидания». Анормативность поведения другого или непредсказуемость

исхода ситуации каузирует вербализованную или невербализованную репрезентацию эмоционального состояния субъекта речи. Эта мысль находит подтверждение в исследовании когнитивной структуры эмоций, проведенном А. Ортони, Дж. Клоуром и А. Коллинзом, которые считают, что «эмоции очень реальны и очень интенсивны, и все-таки они вытекают скорее из когнитивных интерпретаций окружающей действительности, чем непосредственно из самой действительности» [Ортони, Клоур, Коллинз, 1996, 318]. Именно интерпретация событий, их идентификация в сознании говорящих создает условия для выражения не только ментальных, но и эмоциональных состояний. Причем субъект речи не только эксплицирует эмоции, но в процессе интерпретации формирует определенное оценочное отношение к ситуации и ее составляющим.

Духовная жизнь общества всегда находит отражение в сознании человека, затрагивая его глубинный, когнитивный уровень. Ценностные ориентиры динамичны, и изменение характера оценок тех или иных жизненных явлений проецируется на язык. Прежде всего этот процесс затрагивает концептосферу, то есть совокупность концептов, в которой формируется национальная языковая личность. Концептосфера включает в себя как универсальные, так и индивидуальные знания и представления говорящего. Само понятие концепта, его содержание и объем, остается объектом обсуждения. Но ясно, что концепт реализуется в словесном знаке и в языке в целом. В таком случае ядро концепта составляет совокупная языковая и речевая семантика слова. Следовательно, возникает возможность и необходимость его изучения, в том числе и в лингвокультурологическом аспекте. «Какое из словарных значений слова замещает собой концепт, выясняется обычно из контекста, а иногда даже из общей ситуации» [Лихачев, 1993, 8].

Говоря о ядерных компонентах эмотивно-оценочных концептов, мы имеем в виду лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют наивную картину мира

носителей языка. Этнокультурный статус рассматриваемых концептов находит отражение в системе разноуровневых языковых средств и отношений между ними. Исследование языковых проекций концептов чувства и эмоциональной оценки не затрагивает психологическую проблему разграничения эмоций, чувств, аффектов, различающихся по степени интенсивности, происхождению, физиологическим механизмам. Важным представляется тот факт, что эмоции/эмоциональные состояния имеют социокультурный характер и обладают ярко выраженной национальной спецификой, которая актуализируется в языке.

Традиционно считается, что статус концепта слово приобретает именно тогда, когда оно является национально-культурно специфичным. В исследовании концепта мы принимаем мнение Д.С. Лихачева о том, что материальным его воплощением следует считать слово в одном из его основных значений, а не во всей их совокупности [Лихачев, 1993, 3-10].

Эмотивно-оценочные концепты «страдание» и «радость» представляют собой два полюса оценки – негативный и позитивный. По мнению Ю.С. Степанова, внутренняя форма концепта «радость», по данным этимологии, в русском языке такова: «Ощущение внутреннего комфорта, удовольствия бытия, возникшее в ответ на осознание (или просто ощущение гармонии меня со средой, «заботы» кого-то обо мне, и сопровождающееся моей готовностью проявить такую же заботу в отношении к другому» (Степанов, 2004, 453). Уникальность данного концепта в его собственной семантической сфере, соотносимой со смысловыми доминантами русской языковой личности – приоритет внутреннего чувства над внешним (к внешнему относится концепт «удовольствие» - см. статью Пеньковского А.Б. «Радость и удовольствие в представлении русского языка//Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991), вхождение семантики «радости» в «круговорот общения» двух субъектов. Обращая внимание на двойственность концепта «радость», Ю.С. Степанов отмечает, что само явление как бы распределено

между материальным объектом, средой и внутренним состоянием человека, причем среда есть причина, а внутреннее состояние – следствие. Нельзя не отметить тот же двойственный характер концепта «страдание», где окружающий мир, среда становится причиной негативного состояния субъекта, а само внутреннее состояние превращается в следствие.

Традиционное противопоставление лексических манифестантов эмотивно-оценочных концептов «радость» - «горе», как представляется, связано с парадигматическими отношениями их ядерных компонентов. Однако эта оппозиция основывается скорее на общей семе «причина внутреннего состояния», и не затрагивает сему «следствие» (см. *доставить радость – причинить горе*; Плакала и сама не понимала, **отчего: от радости** ли, что сын помаленьку становится мужчиной, **от горя** ли, что жизнь, кажется, так и пройдет...(Шукшин. Позови меня в даль светлую...)) Семантическая оппозиция «радость» - «страдание» акцентирует внимание на самом внутреннем состоянии, что отражается и в лексикографических дефинициях: «Страдание, - я, ср. 1. Физическая или **нравственная** боль, мучение. *Испытывать страдания. Умереть в страданиях*» [Ожегов, Шведова, 1994, 760], «Радость, -и, ж. 1. Веселое чувство, ощущение большого **душевного** удовлетворения. *Испытывать р. Доставить р.* Вне себя от р. (очень рад) С радостью помогу (очень охотно, с полной готовностью)» [там же, с. 629].

Лексема «радость» полисемична, но два других значения не имеют отношения к выражению чувств, скорее к причинам, которые данное чувство вызывают (см. «2.. То, что (тот, кто) вызывает чувство: *Радости жизни. Дети – р. Матери. Р. ты моя!* (часто в обращении). 3. Радостное, счастливое событие, обстоятельство. *В семье р.: приехал сын...»*). Как правило, имя эмотивно-оценочного концепта не может занимать позицию подлежащего в русском предложении, не может функционально уподобляться субъекту речи. Исключение составляют художественные тексты, где происходит процесс метафоризации (*И радость в душу*

пролилась, Как отзыв торжества природы, Как Бога животворный глас!... (Тютчев. Весна) *Его курносое лицо исказилось; шея вытянулась. Если бы таким движением поднял голову волчонок, было бы ясно, что он сейчас завоюет. Везде и во всем было страдание.* (Пастернак. Доктор Живаго)).

Оппозиция «радость» - «страдание» входит в состав исходных эмотивно-оценочных смыслов и представляет собой основу психического склада личности. Чувства, называемые представленными лексемами, являются компонентами так называемых фундаментальных, или базовых эмоций. Известный американский психолог К. Изард выделяет ряд таких эмоций: 1) интерес – волнение; 2) радость; 3) удивление; 4) горе – страдание; 5) гнев; 6) отвращение; 7) презрение; 8) страх; 9) стыд; 10) вина (Изард, 1980). Все остальные эмоции он считает производными, или комплексными, в частности, к таким сложным, комплексным эмоциям относится любовь, которая может сочетать в себе и радость, и страдание.

Человек всегда стремился к состоянию эмоционального комфорта и избавлению от эмоционального дискомфорта. Однако потребность в радости предполагает и потребность в конкретных страданиях. Стремясь избавиться от страданий, человек анализирует и постигает мир. Понять природу эмоций возможно, обращаясь к народным представлениям, отраженным в языке. В сознании говорящего на русском языке эмотивно-оценочные концепты «страдание» и «радость» взаимообуславливают друг друга: в пресуппозиции представления о страдании существует знание о том, что оно не бесконечно и всегда сменяется радостью, и наоборот, например: *Кто с вечера плачет, поутру засмеется; Ни радости вечной, ни печали бесконечной; Сей слезами, радостью пожнешь.* Наивно-языковое сознание отражает древнейшее представление о чередовании явлений и событий, желательных и нежелательных для человека. В рамках христианской религиозной традиции, по которой события человеческой жизни есть результат личных отношений между человеком и Богом, страдание осмыслялось как искупление, как свидетельство брошенности

человека, от которого отвернулся Бог, но по Новому завету искупительная жертва Христа придает страданию значение залога спасения. Радость, с точки зрения христианства, есть состояние внутренней и внешней, физической, собранности и гармонии. Именно отсутствие душевной гармонии характеризует смысловую доминанту эмотивно-оценочного концепта «страдание».

В русской языковой картине мира эмотивно-оценочные концепты *страдание* и *радость* тесно связаны с такой категорией национальной культуры, как *доля*. Ядерный компонент данного концепта входит в синонимический ряд *судьба, участь, жребий, удел*, доминантой которого является существительное *судьба* в значении «таинственная сила, определяющая события чьей-либо жизни». Необходимо уточнить оценочный компонент смысла данного концепта – «таинственная сила, определяющая негативные события чьей-либо жизни, изменить которые человек не в силах». Свидетельством такого толкования существительного «доля» (*жребий, участь, удел*) являются как фольклорные источники, так и литературные. Например, в русской пословице *Доля есть да воли нет* отражены не только политические реалии жизни России эпохи крепостного права, но и пассивность крестьян по отношению к собственной судьбе. Многие стихотворения поэтов 19 века стали песнями, в которых в качестве смысловых доминант выступают языковые репрезентации концепта «доля», например: *Уж ты, доля, моя доля, Доля бедняка, Тяжела ты, безотрадн, Тяжела, горька!* (Суриков И.З.); *Сосватал я себе неволю, Мой жребий – слезы и тоска; Но я молчу... такую долю Взяла сама моя рука.* (Глинка Ф.Н.). Для отношения русского человека к *доле* характерна некоторая интимизация, введение данного концепта в структуру внутреннего мира. Недаром же это единственное из синонимического ряда существительное, имеющее закрепленную лексикографически форму субъективной оценки – *долюшка*.

Современное употребление также подтверждает мысль о том, что языковые репрезентации данного концепта тесно связаны с ядерным компонентом эмотивно-оценочного концепта «страдание» (см. *На его долю выпало много страданий/горя, мучений* при невозможности сочетаний с лексемами *радости, удовольствия*), причем временной план этого процесса охватывает и прошлое, и настоящее, и будущее. Сочетание *счастливая доля*, использованное в качестве иллюстрации в Толковом словаре русского языка С.И Ожегова., Н.Ю Шведовой. (1994) встречается достаточно редко, когда существительное обозначает позитивный случай, событие, желательное для говорящего, но оставшееся в прошлом. Во многом такая синтагматика определена социокультурными условиями функционирования концепта: в сознании говорящих на русском языке представление о судьбе часто менялось на протяжении последних ста лет. Интересно мнение А.Д. Шмелева о том, что слово *судьба* является одним из самых характерных слов русского языка, так как «соединяет в себе две ключевые идеи русской языковой картины мира: идею непредсказуемости будущего и представление, согласно которому человек не контролирует происходящие с ним события...Пока судьба еще не *решилась*, будущее остается непредсказуемым, а человек может *изменить* свою *судьбу* и вообще может выступать как *творец* своей *судьбы*. Но как только *судьба решилась*, человек уже не властен над ходом событий...(Шмелев, 2005, 455-456). Уточним, как только *судьба решилась*, она становится *долей, участью*, а значит в жизни могут происходить события, которые человек хотел бы избежать, но не может, в частности, те, которые являются причиной страданий, нравственных мучений.

Нельзя не заметить, что в эмотивно-оценочных концептах «страдание» и «радость» содержится информация о деинтенсификации самих эмоций, их кратковременном характере, что свидетельствует о тесной связи с универсальной категорией времени. Как показывают наблюдения, языковые репрезентации концепта *страдание* обозначают

более длительный процесс, нежели лексемы, являющиеся смысловыми компонентами концепта *радость*. Однако для последнего характерно представление о подготовительном периоде, о предчувствии радости, меньшей непредсказуемости для человека, чем эмоциональное состояние страдания. Однако эмоциональный опыт страдания оказывается значительнее, чем скоротечные минуты радости (*Страданием и горем определено нам добывать крупницы мудрости, не приобретаемой в книгах.* (Н.В. Гоголь))

Эмоциональное отношение человека к окружающему миру, его эмоциональное состояние и поведение может измениться под воздействием значения употребленного в речи слова. Психологами установлено, что преднамеренное обращение к эмоциям в речи может вызвать в сознании говорящего то эмоциональное состояние, знаками которого являются использованные эмотивы. К таким эмотивам, входящим в семантическое поле концепта *радость*, можно отнести следующие фразеосхемы и междометные предложения: *Быть на седьмом небе, на верху блаженства; Слава богу (Слава те (тебе) господи! Будет и на нашей улице праздник! Любо-дорого! Как (будто, словно, точно) маслом по сердцу; На радостях и т.п.* Эмотивы, определяющие языковые репрезентации концепта *страдание*, не отличаются разнообразием, так как это чувство нежелательно для человека, и если оно находит свое языковое выражение, то предполагаемая коммуникация преследует цели сочувствия, соучастия, сострадания к субъекту речи. К подобным эмотивам относятся фразеологические выражения с ключевыми словами *сердце, душа*, которые в сознании говорящего предстают как вместилища страданий: *нож в сердце, сердце кровью обливается, сердце екает, замирает, падает, отрывается, до глубины души, душа болит, перевернуть всю душу и т.п.*

Поскольку эмоции развиваются вместе с личностью, при описании эмотивно-оценочных концептов необходимо учитывать связь языка с историей и культурой нации. По мнению Д.С. Лихачева, концепт является

результатом столкновения значения слова с личным и народным опытом человека, то есть концепт становится посредником между словами и действительностью. Интерпретация действительности в сознании человека отличается динамичностью, изменяемостью, следовательно, и рамки языковых репрезентаций концептов оказываются подвижными, зависимыми от социокультурных условий, опосредованно формирующих языковую картину мира.

Литература:

2. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005.
3. Изард К. Эмоции человека. М., 1980.
4. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка, 1993. Т. 52, №1.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1994.
6. Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А. Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект. – М., 1996.
7. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп.- М.: Академический проект, 2004

Корюкина Н.В.
Пермский государственный технический университет
г. Пермь (Россия)

О ПРОБЛЕМЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВОСПРИЯТИЯ КУЛЬТУРНО- ЗНАЧИМЫХ КОМИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА «КОМПРОМИСС»)

Настоящее исследование посвящено изучению проблемы восприятия комического в тексте оригинала и тексте перевода. В рамках данной работы проблема транслируемости комического ограничивается изучением

аспектов восприятия русскоязычными и англоязычными читателями культурно-значимых комических ситуаций. Основываясь на концепции динамической эквивалентности, разработанной Ю. Найдой, мы делаем предположение о том, что сходство реакций читателей оригинала и перевода может выступать критерием эквивалентности при восприятии комического, выраженного в художественном тексте. Вместе с тем, разница при восприятии текста оригинала и текста перевода свидетельствует о переводческих трудностях, связанных с межкультурной транслируемостью комических ситуаций.

Материалом для исследования послужила повесть С. Довлатова «Компромисс», которая структурно представляет собой сборник анекдотических ситуаций. Кроме этого, юмор писателя тесно связан с отражением советской эпохи, в которую он жил, что определяет уникальность культурно-исторического контекста его произведений. Наконец, его манера письма легко вписывается в матрицу английского языка, что практически исключает возможность языковых потерь при переводе.

Исследование основывается на данных, полученных в результате психолингвистического эксперимента. Первой серией основного эксперимента стал ассоциативный эксперимент. Его целью стало выявление инвариантного образа восприятия культурно-значимых комических ситуаций, описанных во фрагментах художественного текста. Применяв статистический анализ частот по выборке, мы отобрали 7 наиболее часто встречающихся характеристик фрагментов С. Довлатова и перевели их на английский язык. Всего было получено более 200 характеристик.

Таблица 1.

**Характеристики фрагментов текста
из повести С. Довлатова «Компромисс»**

Исходные характеристики	Антонимы исходных характеристик	Перевод исходных характеристик	Перевод антонимов исходных характеристик
реалистичные	придуманные	realistic	made-up
интересные	скучные	interesting	boring
динамичные	медленные	dynamic	slow
ироничные	непонятные	ironic	obscure
просоветские	антисоветские	pro-Soviet	anti-Soviet
смешные	грустные	funny	sad
политические	аполитичные	political	apolitical

Подобный эксперимент был проведен и с экспертной группой англоязычных читателей. Интересно отметить, что в ответах англоязычных читателей повторяются уникальные только для второй группы ассоциации, например, *absurd* (абсурдные), *illogical* (нелогичные), *laboured* (неестественные, тяжеловесные), *inconsequential* (непоследовательные), *tiresome* (утомительные), *winding* (бессвязные) - оценки, которые полностью отсутствуют в ответах наших соотечественников. Вероятно, они свидетельствуют о том, что части фрагментов остались непонятыми, в связи с чем тексты утратили свою цельность. Более того, тексты неоднократно оценивались как *irritating* (раздражающие), что, очевидно, явилось свидетельством некоторых трудностей в их восприятии и стало следствием их общего или частичного непонимания.

Далее во второй части основного эксперимента на основании полученных характеристик были составлены шкалы, на противоположных полюсах которых разместились указанные антонимические пары. Каждая шкала имела 7 делений со значениями от -3 до +3 (далее 3), которым соответствовали лексические значения, характеризующие интенсивность реакций. По ним предложили оценить интенсивность восприятия тех же

отрывков двум группам испытуемых. Согласно гипотезе, наибольшими знаниями об описываемых комических ситуациях и причастностью к ним обладают русскоязычные читатели, следовательно, их реакция должна характеризоваться более высокой степенью эмоциональности среди всех групп.

График интенсивности реакций при восприятии фрагментов текста повести С. Довлатова «Компромисс»

График интенсивности реакций, построенный на данных шкалирования, показывает количественную разницу оценок в восприятии одного и того же произведения.

В целом кривые реакций, показанных на графике, свидетельствуют о наличии общей тенденции в восприятии текстов в обеих группах. Однако следует отметить, что реакции представителей 1 группы превосходят по интенсивности восприятия реакции представителей 2 группы в среднем на 43%, что свидетельствует о более эмоциональном восприятии текстов русскоязычными читателями.

Англоязычные читатели не воспринимают многие ситуации или предметы, о которых идет речь, как смешные, поскольку последние не вызывают у них никаких ассоциаций. Им приходится бороться с

непониманием путем анализа, т.е. сознательного объяснения значимости ситуаций в системе иной культуры. Хотя англоязычным читателям легко можно объяснить логику описываемых событий, эмоционального переживания с их стороны это не вызывает из-за отсутствия у них собственного опыта, связанного с данными ситуациями. К тому же, на наш взгляд, низкую степень эмоциональности можно частично объяснить снижением эмоциональности в ходе самой процедуры анализа. Таким образом, можно говорить о различном соотношении эмоционального и рационального в восприятии русскими и англо-американскими читателями: у наших соотечественников доминирует эмоциональный компонент, у западных читателей – рациональный. Другими словами, они понимают, что тут есть «что-то смешное», но непосредственного эмоционального отклика не возникает, что сказывается на интенсивности их реакций.

Данное исследование было нацелено на раскрытие природы комического как эстетической категории и механизмов его восприятия и передачи при переводе. Результаты, полученные в ходе экспериментального исследования, указывают на то, что передача комического на иностранном языке зачастую выходит за рамки переводческой проблемы и становится проблемой понимания между культурами. Специфика реакции, сопровождающей понимание комического, позволяет особенно ярко увидеть достигнута или нет коммуникативная интенция автора, заложенная в текст. Очевидно, что при переводе культурно-значимой комической ситуации, даже при передаче языкового и содержательного плана, не происходит передачи смысла, поскольку последний не содержится в тексте, но приписывается ему воспринимающим субъектом. Вследствие этого, комическое зачастую остается частично либо полностью непереводаемым.

Литература:

1. *Nida E. Contexts in Translating / E. Nida. – Amsterdam: John Benjamin's Publishing Company, 2001. – 126 p.*
2. *Nida E. Towards a Science of Translating / E. Nida. – Leiden, 1964.*
3. *Osgood C.E. The measurement of meaning / C.E. Osgood, G.J. Suci, P.H. Tannenbaum. – Urbana, 1957.*

The research aims at studying the perception of culturally based comic situations by the readers of source text and target text. It is based on “The Compromise”, the novel by Sergey Dovlatov. The results of the psycholinguistic experiment held with both Russian and English speaking people are presented in the article. The analysis of the difference between the readers' reactions has shown that comic situations of this type are partially untranslatable.

Косович Л.Ф., Панова Е.П., Филимонова Н.Ю.
Волгоградский государственный технический университет
г. Волгоград (Россия)

**ИЗ ОПЫТА СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО –
ОРИЕНТИРОВАННОГО УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ДЛЯ
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ:
ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ МАТЕРИАЛА**

Обучение иностранного студента на этапе довузовской подготовки должно стать их адаптацией к дальнейшему обучению в российских вузах. Поэтому в числе прочих проблем важнейшей на данном этапе является подготовка к овладению иностранными студентами специальностью на чужом языке.

В настоящее время многие кафедры русского языка перешли на многопрофильное обучение. Так, например, на факультете подготовки иностранных специалистов Волгоградского государственного технического университета преподавателям русского языка, традиционно работающим со студентами-иностранцами инженерного профиля, пришлось осваивать работу со студентами экономического, медико-

биологического и гуманитарного профилей обучения. Естественно, возникает необходимость в создании материалов, обеспечивающих каждый конкретный образовательный профиль.

Отсутствие единого для всех вузов пособия по литературе для иностранных студентов филологического профиля заставляет кафедры русского языка осуществлять работу по своим материалам.

Анализ пособий данного типа показывает, что оно может представлять собой комплекс, состоящий из учебника, где даны биографии писателей, сюжетные линии основных произведений, и хрестоматий, включающих художественные тексты или отрывки из них. Но чаще всего пособие по литературе содержит биографию писателя, литературоведческий текст, пересказывающий сюжет рассматриваемого художественного произведения, иногда – предтекстовые и послетекстовые задания. Адаптированный художественный текст обычно включается в третью часть пособия, то есть его относят к поздним этапам обучения. Литературоведческая терминология в пособии, как правило, не классифицируется, не формулируются единые требования к описанию однотипных понятий.

Авторами данной статьи создано национально-ориентированное учебное пособие, которое рекомендовано Координационным советом центров довузовской подготовки иностранных граждан Федерального агентства по образованию и опубликовано издательством Волгоградского государственного технического университета (Косович Л. Ф. Панова Е. П., Филимонова Н.Ю. 2006) [1].

Учебное пособие ориентированно, прежде всего, на китайских студентов, как носители иной лингвокультурной общности, как неблизкородственные народы испытывают большие затруднения при работе с русской классикой. Кроме того для других иностранных учащихся предлагается перевод на английский и немецкий языки ключевых слов и словосочетаний.

Начиная работу над созданием данного пособия по литературе, преподаватели кафедры русского языка Волгоградского государственного технического университета учитывали, что необходимо руководствоваться Государственным образовательным стандартом элементарного, базового и 1-го уровня и Образовательной программой по русскому языку как иностранному. При этом предполагалось, что пособие должно решить следующие задачи:

- 1) выработать у студентов навыки самостоятельной работы с книгой;
- 2) обеспечить необходимую основу для дальнейшего овладения русским языком в специальных целях;
- 3) привить им любовь к выразительному чтению, образной поэтической речи;
- 4) сформировать лингвострановедческую компетенцию;
- 5) обучить некоторым приемам и методам литературоведческого анализа;
- 6) подготовить к чтению русской литературы в оригинале и пониманию идейно-художественного содержания произведений разных авторов;
- 7) подготовить студентов к слушанию вузовских курсов по истории русской литературы.

При создании пособия учитывались также следующие принципы: предметная и языковая доступность, системность, учет уровня владения языком и преемственность между 1-м и 2-м сертификационными уровнями, профессиональная коммуникативная направленность.

Структура созданного учебного пособия по литературе [2] представляет собой следующее:

биографическая справка с предтекстовыми и послетекстовыми заданиями, с выделением грамматических моделей, являющихся новыми и означающих продвижение обучаемого в сторону овладения не только синонимичными конструкциями, но и моделями, дающими возможность

раскрывать нюансы творческой биографии рассматриваемого автора, с отработкой этих моделей в двух-трех упражнениях;

литературная справка о произведении со словарем, предтекстовыми и послетекстовыми упражнениями, 2-3 терминами, вынесенными за рамки литературоведческого текста-справки и переведенными на китайский и английский и немецкий языки, со структурными моделями, отрабатываемыми в упражнениях;

отрывки из произведения или их сжатые варианты помещены в конце каждой главы или части. При этом предтекстовые и притекстовые задания традиционно ведут к снятию языковых трудностей, пониманию и осмыслению текста, его тем, идей, художественных особенностей.

Послетекстовые задания призваны помочь учащимся в выработке умений оценивать прочитанные произведения, формулировать понимание их художественной ценности, значения; учить студентов фиксировать свою точку зрения о прочитанном в письменном виде.

Все главы и их части строятся по хронологическому принципу, материал дается в историко-литературном освещении. Главы, в соответствии с программой, представлены в разделах: 1) фольклор; 2) древнерусская литература; 3) литература XVII — XVIII; 4) первая половина XIX века; 5) вторая половина XIX века; 6) начало XX века; 7) советская литература; 8) литература наших дней.

Художественные тексты на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному представляют собой или отдельные главы, или отрывки из них, важные для понимания идейно-эстетического смысла. Эти тексты являются и средством овладения иностранным языком, и объектом анализа, и материалом культурологического плана. С помощью преподавателя иностранный читатель извлекает когнитивный потенциал художественного произведения, данного в сокращении и незначительно адаптированного. Для студентов - это первая попытка почувствовать

особенности, богатство и красоту языка писателя, это первый шаг к восприятию оригинальных текстов.

Послетекстовые задания призваны помочь учащимся в выработке умений оценивать прочитанные произведения, формулировать понимание их художественной ценности, значения; учить студентов фиксировать свою точку зрения по поводу прочитанного в письменном виде.

В наибольшей степени эта задача актуальна для китайских студентов, которые вынуждены переориентироваться на новые учебные стратегии, принятые в российских вузах, что «происходит на основе уже имеющихся у них навыков и умений, построенных на национальных лингвометодических традициях» [3.]: эти традиции предполагают приоритет чтения и письма, отказ от логических операций, заучивание, излишнюю детализацию, постоянное использование словаря, инструктирование и системный контроль со стороны преподавателя.

Помня об уровне владения иностранцами русским языком с учётом профессиональной ориентации, авторы пособия посчитали необходимым осуществлять «пошаговость» в подаче и освоении нового материала, в постоянном наращивании новых структурных моделей, в приобретении новых знаний о компонентах художественных особенностей произведений, новой терминологической лексики.

Термины играют в учебно-научном тексте особую роль. Они формируют понятийную базу, поэтому их отбор в пособии тесно связан с анализируемым произведением, с возможностью раскрытия его замысла, сюжета, художественных особенностей. При этом материал минимизирован настолько, чтобы каждая литературная справка содержала не более 2-3-х новых терминов, переведенных на китайский, немецкий и английский языки.

В пособии даны развернутые планы, и глагольные модели максимально обобщенных текстов биографий, которые включены в приложение пособия.

Обязательность минимума и возможность выбора обеспечиваются глагольными моделями обобщенных текстов по теме биография писателя. Данные модели даны с переводом и соотносятся с планами схемами одноименных текстов, сопровождая, наполняя, структурируя каждый из пунктов плана с помощью максимального списка структурных глагольных моделей, способных помочь учащемуся построить предложения, содержательно соотносимые с фрагментами продуцируемого текста по данной теме, конкретно по данному пункту плана. Такой набор структурных глагольных моделей, составленный на базе существующих на сегодняшний день пособий по литературе, реализует право студента на выбор своей модели, возможность передачи своего видения проблемы в объеме имеющихся языковых знаний.

Особенно охотно структурными глагольными моделями используют китайские студенты, которые в национальной школе привыкли пользоваться готовыми штампами и моделями. Но данный вид деятельности не предполагает наличие лишь механических действий. Обобщенные глагольные модели представляют собой основу минимизированных текстов. Овладев минимумом структурных моделей, студенты смогут продуцировать свои высказывания.

Каждый раздел в пособии строится по хронологическому принципу. Материал дается в историко-литературном освещении. Содержательно тексты отражают вопросы теории и истории русской литературы. Учебные тексты располагаются по принципу постепенного усложнения материала. Таким образом, пособие помогает иностранным учащимся быстрее справиться с адаптационным периодом, что отвечает принципу преемственности, готовит студентов к учебе на основных факультетах. Первая книга посвящена русской литературе X – первой половине XIX века и включает в себя «Слово о полку Игореве», Повесть временных лет» и Задонщину» (древнерусский период); XVIII век – А. Н. Радищева («Путешествие из Петербурга в Москву»), Д. И. Фонвизин («Недоросль»),

Н. М. Карамзин («Бедная Лиза»), А. С. Грибоедов («Горе от ума»); XIX век – А. С. Пушкин (лирика, «Дубровский», «Евгений Онегин»), М. Ю. Лермонтов (лирика, «Герой нашего времени»), Н. В. Гоголь («Мертвые души»). Вторая книга («Русская литература второй половины XIX века») рассматривает произведения Н. А. Островского («Бесприданница»), Н. А. Некрасова, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета (лирика), И. С. Тургенева («Записки охотника», «Первая любовь», «Отцы и дети»), Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание»), Л. Н. Толстого («Детство. Отрочество. Юность», «Война и мир»), А. П. Чехова («Маска», «Чайка»). Третья книга («Русская литература XX — начала XXI веков») включает творчество поэтов серебряного века (В.В. Маяковский, Н. С. Гумилев, А. А. Ахматова, М. А. Цветаева, Б. Л. Пастернак, А. А. Блок), а также творчество М. А. Булгакова («Собачье сердце», В. В. Набоков («Пассажир»), М. А. Шолохов («Тихий Дон»), А. И. Солженицын («Матренин двор»), а также вниманию студентов предлагаются произведения Л. Улицкой, Л. С. Петрушевской, Т. Н. Толстой.

На уроках студентам предлагается, помимо чтения и изучения биографических справок, просмотр документальных видеофильмов, посвященных творческому пути русских писателей. Чтение и анализ отрывков художественных произведений сопровождается просмотром отрывков художественных фильмов известных русских режиссеров. Так, например, при изучении Н. А. Островского студенты смотрят фильм «Жестокий романс» Э. Рязанова, а во время знакомство с Л. Н. Толстым – «Войну и мир» С. Бондарчука, во время чтения Ф. М. Достоевского студентам для просмотра предлагается фильм Л. Кулиджанова «Преступление и наказание», Н. В. Гоголь – «Мертвые души» С. Милькиной, А. П. Чехов – «Чайка» Ю. Карасика, М. Ю. Лермонтов – «Княжна Мери» И. Анненского.

Известно, что метод инсценирования один из методических приемов, который помогает обучаемым услышать то, что говорили и слышали сами

персонажи, глубже проникнуть в их внутренний мир, погрузиться в культуру, быт русского народа. Поэтому метод инсценирования активно применяется на уроках литературы. Студенты при активной помощи преподавателя участвуют в постановке эпизодов из изучаемых произведений. Итогом данной работы является проведение вечера, на котором студенты рассказывают биографии известных писателей (А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя), показываются отрывки из видеофильмов, рассказывающие о творческом пути данных писателей. читают стихи великих поэтов, инсценируют отрывки известных произведений. Таким образом, метод инсценирования становится ведущим на данном этапе изучения и познания художественного текста, чему способствует также внеаудиторная работа с учащимися.

Цель такого пособия – подготовка студентов к слушанию вузовских курсов по истории русской литературы, формирование лингвострановедческой компетенции, выработка навыков самостоятельной работы с книгой, подготовка к чтению русской литературы в оригинале и пониманию идейно-художественного содержания произведений разных авторов, овладение некоторыми приемами и методами литературоведческого анализа, привитие любви к выразительному чтению, образной поэтической речи.

Этап довузовской подготовки является промежуточным, переходным этапом, который помогает иностранному учащемуся адаптироваться к новым для них условиям жизни в чужой стране, к условиям обучения в вузе. Учитывая, что на 1-2 курсах университета студенты будут изучать произведения тех же писателей, что и на довузовском этапе, авторы пособия посчитали необходимым дать лишь первичное представление о предмете «Русская литература».

Литература:

1. Косович Л. Ф. Панова Е. П., Филимонова Н.Ю. Русская литература первой половины 19-го века. Часть первая; Русская литература второй половины 19-го века. Часть вторая; Русская литература 20-го—начала 21-го века. Часть третья. Издание ВолгГТУ. Волгоград: Политехник, 2006.
2. См.: Косович Л. Ф. Панова Е. П., Филимонова Н.Ю. Один из подходов к созданию учебного пособия для студентов-иностранцев (довузовский этап)./ Известия ВолгГТУ. Серия «Новые образовательные системы и технологии обучения в вузе». Вып.9. РПК «Политехник». Волгоград, 2003.
3. Лопухина Р.В. Специфика обучения говорения китайских студентов-филологов на продвинутом этапе // Актуальные проблемы подготовки китайских учащихся в вузах РФ: Материалы международной научно-практической конференции, Воронеж, 2002, с.184.

Кримпас П.
Фракийским Университете имени Демокрита
г. Комотини (Греция)

ПРИЧАСТИЕ В РУССКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ И ИХ ПЕРЕВОД НА ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК

Новогреческий язык, по крайней мере в городах, попадал под систематическое влияние литературного языка, в котором использовались, в основном, древнегреческие, эллинистической эпохи или средневековые греческие типы. Результатом этого явилось обогащение современного официального новогреческого языка научными элементами лексического и структурного характера. Одним из таких научных элементов, которые вошли в новогреческий язык является употребление древнегреческих причастий во всех глагольных залогах и глагольных временах. Однако, это не означает, что употребление подобных причастий широко распространено сегодня в языке всех общественных слоев населения и во всех видах текстов, как невозможно оно и во всех случаях коммуникаций.

В повседневной новогреческой речи преобладает использование аналитического синтаксиса, т.е. употребление второстепенного предложения в тех случаях, в которых литературный язык отдал бы предпочтение причастию. В русском языке – наоборот – использование причастий распространено более широко, чем в новогреческом, во всех видах текстов. К таким видам текстов, насыщенных причастными оборотами, можно отнести и юридические тексты. Это несоответствие, по всей вероятности, должно создавать различные проблемы для переводчика, который переводит юридические тексты с русского на новогреческий язык.

Нетрудно заметить, даже невооруженным глазом, значительные систематические различия, существующие между русским и новогреческим языками, в рамках индоевропейских языков. Эти различия, которые проявляются на разных уровнях: семантическом, фразеологическом, грамматическом, синтаксическом и др., создают различные проблемы для переводчика, который переводит с русского на новогреческий язык. Так, например, в русском языке существуют понятия, которые невозможно точно передать на греческий, такие как виды движения в глаголах движения (с использованием транспорта или без, многократные или однократные движения) или виды глаголов, которые, как стоит особо отметить, в славянских языках имеют совершенно другую природу, нежели способы¹ глагольного действия в греческом. Подобные проблемы вызывает также существование некоторых русских предлогов, которые указывают направление и место одновременно (напр., *из-под*, *из-за*) или употребление сохранившихся индоевропейских типов, которое в новогреческом языке значительно ограничено, либо утрачено окончательно. Одним из таких типов являются причастия, употребление которых в новогреческом языке заметно уменьшилось в сравнении с древнегреческим. В большинстве случаев, в которых в древнегреческом

---

¹ По терминологии П. Мекриджа, см. П. Мекридж (P. Mackridge), *Η νεοελληνική γλώσσα* (перевод на греческий: К. Н. Петропулос, изд. Патакис, г. Афины 2000, стр. 54-57).

языке было уместно употребление различных типов причастий, в новогреческом, по крайней мере в бытовой речи, используется аналитическая формулировка в форме придаточного предложения, за исключением страдательных причастий (в роли прилагательных), а также действительных «причастий» (деепричастий) настоящего времени (герундий). Напротив, в русском языке в равной мере возможно употребление как причастий, так и придаточных предложений. Это явление присуще большинству современных индоевропейских языков, в которых сохранились (напр. литовский, немецкий), либо получили развитие (напр. английский) второстепенные глагольные типы, действующие в качестве причастий.

Однако, новогреческий язык, по крайней мере в городах, попадал под систематическое влияние литературного (официального) языка, в котором использовались, в основном, древнегреческие, эллинистической эпохи или средневековые греческие типы. Результатом этого явилось обогащение современного новогреческого языка («NEК»¹) литературными элементами лексического и структурного характера. Одним из таких явлений, которые вошли в новогреческий язык является употребление древнегреческих действительных причастий настоящего времени и аориста, а также страдательных причастий аориста и перфекта². Однако, это не означает, что употребление подобных причастий широко распространено сегодня в языке всех общественных слоев населения и во всех видах текстов, как невозможно оно и во всех случаях коммуникаций. В повседневной новогреческой речи, как уже было отмечено, преобладает использование аналитического синтаксиса, т.е. употребление придаточного предложения в тех случаях, в которых литературный язык отдал бы предпочтение причастию.

В русском языке наоборот – использование причастий распространено более широко, чем в новогреческом, во всех видах текстов.

---

¹ По терминологии П. Мекриджа, см. выше П. Мекридж (P. Mackridge) стр. 54-57.

² См. выше П. Мекридж (P. Mackridge) стр. 286-287.

К таким видам текстов, насыщенных причастиями, можно отнести и юридические тексты. Особенно это заметно, если сопоставить юридические тексты, составленные на русском и греческом языках. Например, во вступительной части Конвенции ООН по морскому праву (UNCLOS), в русском варианте причастия употребляются 32 раза, тогда как в греческом только 20.

Вопросы, которые возникают вокруг темы переводов юридических текстов с исходным языком русским и переводным – греческим сводятся к следующим заключениям: 1) Несмотря на тот несомненный факт, что между разными языками не может быть симметрии¹ (либо она проявляется в разных соотношениях, от почти нулевой, как например в паре языков алеутский/ирландский до более значительной, как например в паре языков испанский/португальский, или в различных языковых «диасистемах»², например, каталанский/провансальский, сербский/хорватский и др.), при переводе юридических текстов переводчик должен, насколько это возможно, оставаться «верен» исходному тексту в отношении лексики и структурного построения, т.е. избегать всевозможные «отклонения»³. 2) Достижение подобного сходства между исходным текстом и переводным подразумевает воспроизведение в переводном тексте всех грамматических категорий, общих для исходного и переводного языка, при условии, что они выполняют общие семантические, стилистические и грамматические функции во всех указанных случаях, а также при условии, что подобное воспроизведение не нарушит семантическое (в отношении исходного текста и реципиента переводного текста) и стилистическое (в отношении реципиента переводного текста) единство и не повлияет на качество переводного текста. 3) Передача там, где это возможно грамматических типов, которые одинаковы для исходного и переводного языка,

---

¹ Ср. Л. Вайсгербер (L. Weisgerber), *Vom Weltbild der deutschen Sprache* (изд. ?, г. Дюссельдорф 1950, стр. 214).

² О понятии «диасистемы» см. ?.

³ О термине «отклонение (*απόκλιση*)» см. П. Г. Кримпас (Π. Γ. Κριμπάς), *Συμβολή στη μεταφρασεολογία* (изд. Григорис, г. Афины 2005, стр. 66-73).

следовательно, это распространяется и на причастия. 4) Что касается непосредственно причастий, то ситуация в новогреческом языке складывается неоднозначная, поскольку несмотря на ограниченное употребление их в повседневной речи, в юридическом языке это весьма распространенное явление¹, хотя и не настолько широко, как в русском юридическом языке. 5) Этот фактор может способствовать возникновению разных дилемм и/или проблем у переводчика, который переводит юридические тексты с русского на новогреческий язык (независимо от того, если у переводчика оба языка родные или родной язык только один – греческий), следовательно, рассматриваемая тема поможет обрести новые знания и уверенность всем тем, кто занимается переводами юридических текстов с русского на греческий язык. Значимость поднимаемого вопроса становится более очевидной если задуматься о том, что на территории Греции проживает большое количество русскоязычного населения, которому часто бывают необходимы переводы документов на греческий язык, а также немало жителей, имеющих два родных языка (русский и греческий) и иногда предоставляющие неофициально свои переводческие услуги, но также и о том, что двусторонние отношения Греции с Российской Федерацией являются неопровержимым историческим фактом той исторической эпохи, в которой мы живем, и неизвестно насколько они укрепятся в будущем.

В этой статье будут рассмотрены непосредственно способы выражения, которые имеет в своем арсенале переводчик, для того чтобы перевести на греческий язык причастия, которые употребляются в русских юридических текстах, с целью воспроизведения в переводном тексте, насколько это возможно, синтаксического структурного строения, параллельного² русскому, в отношении причастий. С этой целью рассмотрим поэтапно следующие моменты: 1) Для начала представим

---

¹ См. А. Ставракис (Α. Σταυράκης), *Νεοελληνική νομική γλώσσα και ορολογία* (изд. Номики Вивлиофики, г. Афины 1995, стр. 147-162, 164-167). См. также А. Манесис (Α. Μάνεσης), *Η νεοελληνική γλώσσα στη νομική επιστήμη* (изд. Проскинио, г. Афины 1999, стр. 37-41).

² О термине *параллельный* (*παράλληλος*) см. выше П. Г. Кримпас (Π. Γ. Κριμπάς) стр. 57-66.

краткий синхронический обзор грамматических категорий причастия (включая глагольную форму – деепричастие (герундий)) в русском и новогреческом языках, с описанием способов их образования и выполняемых функций в указанных языках; 2) рассмотрим в каких случаях следует употреблять причастия в русском и греческом языках в повседневной речи, чтобы подчеркнуть некоторые отличия, характерные для юридического языка; 3) далее попробуем сопоставить сложившуюся ситуацию с возможностями переводчика, который переводит юридические тексты с исходным языком русским и переводным – греческим, при помощи примеров, подобранных из Гражданского кодекса России (Подраздел 4. «Сделки и представительство», Глава 9. «Сделки», § 1. «Понятие, виды и форма сделок»: Статьи 153. - 165.), которые мы переведем на греческий язык, используя все возможные методы и отмечая все правила, которые действуют в новогреческом юридическом языке; 4) и последний этап – сформулируем свои выводы, полученные на основании изученного материала, а также некоторые «правила», которые должен будет принимать во внимание переводчик (профессиональный или нет), который переводит юридические тексты с русского на греческий язык.

В русском языке существуют различные виды причастий¹, которые выполняют различные грамматические и синтаксические функции и отличаются характерными для них окончаниями и глагольными грамматическими значениями, такими как залог, вид, время. Подробнее это:

А) Действительные причастия настоящего времени (с характерными окончаниями *-щий/-ая/-ее*) образуются всегда от глаголов несовершенного вида, которые могут быть в форме действительного залога, напр., *сидящий/-ая/-ее*, либо в форме возвратного (среднего) залога, напр., *бреющийся/-аяся/-еся*.

---

¹ См. Т. Уейд (T. Wade), *Russian Grammar & Verbs* (изд. Оксфорд Университи Пресс, г. Оксфорд 2002, стр. 141-146).

Б) Страдательные причастия прошедшего времени (с характерными окончаниями *-вший/-ая/-ее*) образуются от глаголов как совершенного, так и несовершенного вида, которые могут быть в форме действительного залога, напр., *читавший/-ая/-ее* (несовершенный вид) и *прочитавший/-ая/-ее* (совершенный вид), либо в форме возвратного (среднего) залога, напр., *находившийся/-аяся//еся*.

В) Страдательные причастия несовершенного вида (с характерными окончаниями *-мый/-ая/-ее*) образуются исключительно от глаголов несовершенного вида, напр., *исполняемый/-ая/-ее*.

Г) Страдательные причастия совершенного вида могут иметь полную форму (с характерными окончаниями *-ный/-ная/-ное*, иногда *-тый/-тая/-тое*), напр., *прочитанный/-ная/-ное*, *отпертый/-тая/-тое*, или краткую форму (с характерными окончаниями *-н/-на/-но*, иногда *-т/-та/-то*), напр., *прочитан/-на/-но*, *отперт/-та/-то*.

Все вышеперечисленные причастия могут выступать в роли прилагательных (иногда существительных, напр., *начинающий/-ая/-ее*, *исчезнувший/-ая/-ее*), либо выполнять указательные функции (т.е. выступать вместо указательного придаточного предложения) и либо предшествовать определяющему их существительному, либо следовать за ним. Все эти виды причастий полностью сохраняют все грамматические признаки глаголов, т.е. связаны в предложении с теми же частями речи, что и глаголы (с прямым дополнением, косвенным дополнением и наречием. Особенно указанные в пункте Г) страдательные причастия совершенного вида краткой формы используются для образования страдательного залога, совместно или без связки, следовательно, выступает всегда в роли сказуемого.

Д) В русском языке встречаются также формы герундия – деепричастия, которые не являются причастиями, но совмещают в себе грамматические свойства глаголов и наречий, как и в других индоевропейских языках. Деепричастие – это неспрягаемая форма глагола,

которая бывает совершенного и несовершенного вида. Деепричастия несовершенного вида образуются посредством окончания *-я*, присоединяемому к основе глагола несовершенного вида вместо окончания 3-го лица множественного числа. Деепричастия совершенного вида образуются посредством окончания *-в*, которое присоединяется к основе глагола совершенного вида вместо окончания *-т*.

В новогреческом языке, как было отмечено выше (см. пр. стр. 2), существуют некоторые особенности употребления причастий, которые имеют отношение как к естественному развитию языка от древнегреческого через общегреческий «Койне» (Κοινή) эллинистической эпохи и средневековый греческий язык, так и к историческим событиям и сложившейся ситуации, которая привела позднее к образованию независимого греческого государства. Так, представляя грамматическую категорию причастия в новогреческом языке, необходимо различать, согласно Р. Mackridge «традиционную димотику», «новогреческий язык («NEK»¹)» и добавим еще одну категорию, которую, следуя задачам этой статьи, назовем «новогреческий общий язык для специальных целей» ('Standard Modern LSP-Greek')². Непосредственно в традиционной димотике встречаются следующие типы причастий³, дошедшие путем различных эволюционных процессов от древнегреческого языка и выполняющие следующие функции:

А) Действительные причастия настоящего времени (происходящие от формы мужского рода древнегреческого действительного причастия), которые в новогреческом языке имеют окончание *-οντας* или *-ώντας*, образуются исключительно от глаголов действительного залога и

¹ См. выше П. Мекридж (Р. Mackridge) стр. 54-57.

² Данная категория на сегодняшний день – это явление распространенное, поскольку новогреческий язык используется широко в технических, научных, юридических и др. специализированных текстах. Что касается моего мнения относительно юридического языка, то я считаю, что он относится к особенной категории «языка для специальных целей», см. П. Г. Кримпас (Π. Γ. Κριτσάς), *Η μετάφραση νομικών όρων στις διεθνείς συμβάσεις. Το παράδειγμα της Σύμβασης του Schengen* (докторская диссертация) (изд. Саккулас, г. Афины 2008, стр. 39, 42-43).

³ Ср. классификацию П. Мекриджа, которая отличается от нашей, факт, который не свидетельствует в пользу ее неверности.

фактически приобрели все признаки герундия¹, т.е. они не спрягаются и выступают только в роли обстоятельственных наречий (времени или способа действия), сохраняя при этом свое действительное значение, как и в древнегреческом языке. Соответствующими типами, происходящим от страдательных и отложительных глаголов являются страдательные причастия настоящего времени, которые не принадлежат традиционной димотики, но заимствованы из кафаревусы и с тех пор используются в новогреческом языке (НЕК) с некоторыми ограничениями, о которых будет упомянуто ниже.

Б) Страдательные причастия перфектной формы (происходящие от медиально-страдательных причастий перфектной формы древнегреческого языка), которые имеют окончания *-μένος/-η/-ο*, напр., *αφήνω > αφημένος*, образуются от глаголов страдательного залога (но никогда от отложительных глаголов), имеют страдательное и возвратное значение и выступают в роли сказуемого.

В) В некоторых случаях, немного своеобразные «псевдострадательные» причастия, которые имеют окончания медиально страдательного залога настоящего времени древнегреческого языка *-ούμενος/-η/-ο* (реже *-όμενος/-η/-ο*), напр., *τρέχω > τρεχούμενος*, *πετάω > πετούμενος*. Данные причастия имеют действительное значение, и, за исключением прилагательных *τρεχούμενος* и *καλούμενος* относятся к литературному, идиоматическому и/или народному языковому стилю.

Кроме этих видов причастий традиционной димотики, в новогреческом языке (НЕК) встречаются и другие виды (например, в пункте А) было упомянуто страдательное причастие настоящего времени), которые унаследованы из литературного языка (*καθαρεύουσα*) и имеют следующие функции:

---

¹ По крайней мере П. Мекридж их рассматривает в главе о причастиях и не предлагает термин «герундий» как грамматическую категорию новогреческого языка, см. выше П. Мекридж (P. Mackridge) стр. 285.

А) Причастия литературного языка действительного залога настоящего времени, образованные от многих глаголов литературного языка, которые обычно имеют окончания *-ων/-ουσα/-ον* (*-ών/-ούσα/-όν*, *-ών/-ούσα/-ούν*), напр. *δηλώνω > δηλών/-ούσα/-όν*, образуются от глаголов действительного залога, имеют действительное значение и выступают в роли существительного или сказуемого, иногда сохраняют все глагольные функции, напр., связаны в предложении с теми же частями речи, что и глаголы (с дополнением, наречием и др.). К этой категории относятся также причастия, имеющие синтаксическую функцию имени существительного или прилагательного, которые происходят от глаголов, не употребляемых в новогреческом языке (НЕК).

Б) Причастия литературного языка действительного залога прошедшего времени (аориста), образованные от некоторых глаголов литературного языка, которые обычно имеют окончания *-ας/-ασα/-αν* (реже *-ών/-ούσα/-όν*), напр., *ζημιώνω > ο ζημιώσας/-ασα/-αν*, образуются от глаголов действительного залога, имеют действительное значение и выступают в роли существительного либо сказуемого, иногда сохраняют все глагольные функции, напр., связаны в предложении с теми же частями речи, что и глаголы (с дополнением или наречием). К этой категории относятся также причастия, имеющие синтаксическую функцию имени существительного или прилагательного, которые происходят от глаголов, не употребляемых в новогреческом языке (НЕК).

В) Причастия литературного языка страдательного залога прошедшего времени (аориста), которые имеют окончания *-θείς/-θείσα/-θεν*, напр., *απολύω (από τη φυλακή) > ο απολυθείς (από τη φυλακή)*, образуются от глаголов страдательного залога, имеют страдательное и возвратное значение и выступают в роли сказуемого, иногда, хотя довольно редко, сохраняют все глагольные функции, напр., связываются в предложении с теми же частями речи, что и глаголы (с дополнением или наречием). К этой категории относятся также причастия, имеющие синтаксическую

функцию имени существительного или прилагательного, которые происходят от глаголов, не употребляемых в новогреческом языке (NEK) (напр., *ο προσηθείς*).

Г) Причастия литературного языка страдательного залога перфектной формы, которые имеют окончания *-μένος/-η/-ο*, напр., *σπεύδω > εσπευσμένος*, образуются от глаголов страдательного залога (употребление причастий литературного языка страдательного залога перфектной формы, образованных от отложительных глаголов в новогреческом языке (NEK) в страдательном значении ошибочно, напр., *σκέπτομαι > εσκεμμένος*), имеют страдательное и возвратное значение и выступают в роли сказуемого, иногда сохраняют все глагольные функции, напр. связываются в предложении с теми же частями речи, что и глаголы (с дополнением или наречием). К этой категории относятся также причастия, имеющие синтаксическую функцию имени существительного или прилагательного, которые происходят от глаголов, не употребляемых в новогреческом языке (NEK) (напр., *μεμιγμένος/-η/-ο > μιγνύω* - форма, не употребляемая в новогреческом языке (NEK)).

Примеры:

Статья 153. («Понятие сделки»)

Сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление [...] (= *Ως συμβάσεις αναγνωρίζονται πράξεις πολιτών και νομικών προσώπων, οι οποίες αποσκοπούν στη σύσταση [...]*).

Статья 154. («Договоры и односторонние сделки»)

1. [...].

2. [...].

3. Для заключения договора необходимо выражение согласованной воли [...] (= *Για τη σύναψη συμφωνίας απαιτείται η έκφραση της σύμφωνης βουλήσεως [...]*).

Статья 155. («Обязанности по односторонней сделке»)

Односторонняя сделка создает обязанности для лица, совершившего сделку (= *Μια ετεροβαρής σύμβασης συνεπάγεται υποχρεώσεις για το πρόσωπο που τη συνάπτει*). Она может создавать обязанности для других лиц лишь в случаях, установленных законом [...] (= *Μπορεί να συνεπάγεται υποχρεώσεις για άλλα πρόσωπα μόνο στις περιπτώσεις που / τις οποίες ορίζει / προβλέπει ο νόμος / που / οι οποίες ορίζονται / προβλέπονται στο / από το νόμο [...]*).

Статья 157. («Сделки, совершенные под условием») (= «*Συμβάσεις που συνάπτονται υπό αίρεση*»)

1. Сделка считается совершенной под отлагательным условием [...] (= *Η σύμβαση θεωρείται ότι συνήφθη / ως συναφθείσα υπό αναβλητική αίρεση [...]*).
2. Сделка считается совершенной под отменительным условием [...] (= *Η σύμβαση θεωρείται ότι συνήφθη / ως συναφθείσα υπό διαλυτική αίρεση [...]*).
3. [...], то условие признается наступившим ([...], *τότε η αίρεση αναγνωρίζεται / θεωρείται ως εκπληρωθείσα / ότι εκπληρώθηκε*).

Статья 158. («Форма сделок»)

1. [...].
2. Сделка, которая может быть совершена устно, считается совершенной и в том случае, когда [...] (= *Η σύμβαση που / η οποία μπορεί να συναφθεί προφορικός θεωρείται ότι συνήφθη / ως συναφθείσα και στην περίπτωση όπου [...]*).
3. [...] в случаях, предусмотренных законом [...] (= [...] *στις περιπτώσεις που / τις οποίες ορίζει / προβλέπει ο νόμος / που / οι οποίες ορίζονται / προβλέπονται στο / από το νόμο [...]*).

Статья 159. («Устные сделки»)

1. Сделка, для которой законом или соглашением сторон не установлена письменная [...] форма, может быть совершена устно (= *Σύμβαση για την οποία δεν προβλέπεται, από το νόμο ή βάσει συμφωνίας των συμβαλλομένων, γραπτή [...] μορφή, μπορεί να συναφθεί / να συνάπτεται προφορικός*).
2. Если иное не установлено соглашением сторон, могут совершаться устно все сделки, исполняемые при самом их совершении, за исключением

сделок, для которых установлена нотариальная форма [...] (= *Εάν δεν έχει οριστεί / ορίστηκε κάτι διαφορετικό με συμφωνία των συμβαλλομένων / Εάν οι συμβαλλόμενοι δεν έχουν ορίσει διαφορετικά με συμφωνία τους / Εάν οι συμβαλλόμενοι δεν έχουν συμφωνήσει διαφορετικά, μπορούν να συνάπτουν προφορικός όλες τις συμβάσεις που εκτελούνται άμα τη συνάψει τους, εξαιρουμένων των συμβάσεων για τις οποίες προβλέπεται / ορίζεται ο συμβολαιογραφικός τύπος [...]).*

3. Сделки во исполнение договора, заключенного в письменной форме [...] (= *Συμβάσεις για την εκτέλεση συμφωνίας που / η οποία συνήφθη γραπτώς / με γραπτή μορφή*).

Статья 160. («Письменная форма сделки») (= «*Γραπτός τύπος συμβάσεων*»/«*Γραπτές συμβάσεις*»)

1. Сделка в письменной форме должна быть совершена путем составления документа, выражающего ее содержание и подписанного лицом или лицами, совершающими сделку, или должным образом уполномоченными ими лицами.

[...] способами, установленными пунктами 2 и 3 статьи 434 настоящего Кодекса (= *Η σύμβαση με γραπτό τύπο / Η γραπτή σύμβαση πρέπει να συνάπτεται με τη σύνταξη εγγράφου που / το οποίο θα εκφράζει το περιεχόμενό της και θα υπογράφεται / στο οποίο θα εκφράζεται / όπου θα εκφράζεται το περιεχόμενό της και το οποίο θα υπογράφεται από το πρόσωπο ή τα πρόσωπα που συνάπτουν τη σύμβαση ή από πρόσωπα έχουν κατάλληλα εξουσιοδοτηθεί από τους συμβαλλομένους. [...] με τους τρόπους που προβλέπονται / που ορίζονται στα σημεία 2 και 3 του παρόντος Κώδικα*) [...] совершение на бланке определенной формы [...] (= *[...] σύναψη με έγγραφο του προβλεπόμενου τύπου / του τύπου που προβλέπεται / που ορίζεται [...]*). Если такие последствия не предусмотрены [...] (= *Εάν δεν προβλέπονται / δεν ορίζονται οι εν λόγω συνέπειες [...]*).

2. [...] в случаях и в порядке, предусмотренных законом, иными правовыми совершаемые актами или соглашением сторон (= *στις περιπτώσεις και με τον*

τρόπο που προβλέπει / που ορίζει ο νόμος, άλλες εκτελεστές δικαιοπραξίες ή συμφωνία των συμβαλλομένων / στις περιπτώσεις και με τον τρόπο που προβλέπονται / που ορίζονται από το νόμο, από άλλες εκτελεστές δικαιοπραξίες ή σε συμφωνία των συμβαλλομένων).

3. [...]. Подпись последнего должна быть засвидетельствована нотариусом либо другим должностным лицом, имеющим право совершать такое нотариальное действие, с указанием причин, в силу которых совершающий сделку не мог подписать ее собственноручно (= Η υπογραφή του τελευταίου πρέπει να πιστοποιείται από συμβολαιογράφο ή από άλλο υπάλληλο που / ο οποίος έχει το δικαίωμα να προβαίνει σε τέτοιες συμβολαιογραφικές δραστηριότητες, με αναφορά των αιτιών δυνάμει των οποίων ο συνάπτων τη σύμβαση / αυτός που συνάπτει τη σύμβαση δεν μπόρεσε να την υπογράψει ιδιοχείρως / ο συμβαλλόμενος δεν μπόρεσε να υπογράψει τη σύμβαση).

Однако при совершении сделок, указанных в пункте 4 статьи 185 настоящего Кодекса, [...] подпись того, кто подписывает сделку, может быть удостоверена также организацией, [...] (= Ωστόσο, στην περίπτωση των συμβάσεων που αναφέρονται στο σημείο 4 του άρθρου 185 του παρόντος Κώδικα, [...] η υπογραφή του προσώπου που υπογράφει τη σύμβαση μπορεί να πιστοποιείται / να πιστοποιηθεί και από υπηρεσία, [...]).

Статья 161. («Сделки, в простой письменной форме»)

1. Должны совершаться в простой письменной форме, за исключением сделок, требующих нотариального удостоверения (= Πρέπει να συνάπτονται με απλό γραπτό τύπο, εξαιρουμένων των συμβάσεων που απαιτούν συμβολαιογραφική βεβαίωση / για τις οποίες απαιτείται συμβολαιογραφική βεβαίωση / όσων συμβάσεων απαιτούν συμβολαιογραφική βεβαίωση):

1) [...];

2) [...] на сумму, превышающую не менее чем в десять раз установленный законом минимальный размер оплаты труда, а в случаях, предусмотренных законом [...] (= [...] για ποσό που υπερβαίνει όχι λιγότερο από το δεκαπλάσιο της

ελάχιστης αμοιβής εργασίας το οποίο προβλέπει ο νόμος / το οποίο ορίζει ο νόμος / το οποίο προβλέπεται από το νόμο / το οποίο ορίζεται από το νόμο.

2. [...], *которые в соответствии со статьей 159 настоящего Кодекса могут быть совершены устно (= [...], οι οποίες σύμφωνα με το άρθρο 159 του παρόντος Κώδικα μπορούν να συνάπτονται προφορικώς).*

Статья 162. («Последствия несоблюдения простой письменной формы сделки»)

1. [...].

2. В случаях, прямо указанных в законе [...] (= *Στις περιπτώσεις που / τις οποίες προβλέπει / ορίζει ρητώς ο νόμος / που προβλέπονται / ορίζονται ρητώς από το νόμο / στο νόμο*).

3. [...].

Статья 163. («Нотариально удостоверенные сделки») (= «*Συμβολαιογραφικώς βεβαιούμενες συμβάσεις*» / «*Συμβάσεις που βεβαιώνονται συμβολαιογραφικώς*»)

1. [...] на документе, соответствующем требованиям статьи 160 настоящего Кодекса, удостоверительной надписи нотариусом или другим должностным лицом, имеющим право совершать такое нотариальное действие (= *σε έγγραφο που πληροί τις προϋποθέσεις / ανταποκρινόμενο στις προϋποθέσεις / στις απαιτήσεις του άρθρου 160 του παρόντος Κώδικα*).

2. [...]:

1) в случаях, указанных в законе (= *στις περιπτώσεις που / τις οποίες προβλέπει / ορίζει ο νόμος / που προβλέπονται / ορίζονται από το νόμο / στο νόμο*);

2) в случаях, предусмотренных соглашением сторон, хотя бы по закону для сделок данного вида эта форма не требовалась (= *στις περιπτώσεις που προβλέπονται σε συμφωνία / που ορίζονται με συμφωνία των συμβαλλομένων, ακόμη και αν σύμφωνα με το νόμο δεν απαιτείται αυτός ο τύπος για τις συμβάσεις τέτοιου / αυτού του / του εν λόγω / του συγκεκριμένου είδους*).

Статья 164. («Государственная регистрация сделок»)

1. [...] в случаях и в порядке, предусмотренных статьей 131 настоящего Кодекса [...] (= στις περιπτώσεις και με τον τρόπο που προβλέπει / που ορίζει το άρθρο 131 του παρόντος Κώδικα / στις περιπτώσεις και με τον τρόπο που προβλέπονται / που ορίζονται από τον παρόντα / στον παρόντα Κώδικα / από αυτόν / σε αυτόν τον Κώδικα).

2. Законом может быть установлена государственная регистрация сделок с движимым имуществом определенных видов (= Με νόμο μπορεί να προβλέπεται / να ορίζεται η επίσημη εγγραφή των συμβάσεων περί κινητής περιουσίας ορισμένων ειδών / ορισμένου είδους).

Статья 165. («Последствия несоблюдения нотариальной формы сделки и требования о ее регистрации»)

1. [...] в случаях, установленных законом [...] (= στις περιπτώσεις που προβλέπει / που ορίζει ο νόμος / στις περιπτώσεις που προβλέπονται / που ορίζονται από το νόμο / στο νόμο).

2. [...] сделку, требующую нотариального удостоверения (= [...] σύμβαση που / η οποία απαιτεί συμβολαιογραφική βεβαίωση), [...] по требованию исполнившей сделку стороны (= με αίτηση του συμβαλλομένου που / ο οποίος εκτελεί τη σύμβαση / του εκτελούντος τη σύμβαση συμβαλλομένου) [...]. [...] последующее нотариальное удостоверение [...] (= ακόλουθη συμβολαιογραφική βεβαίωση [...]).

3. Если сделка, требующая государственной регистрации, совершена в надлежащей форме, [...] (Εάν σύμβαση που απαιτεί επίσημη εγγραφή συνήφθη / συναφθεί / έχει συναφθεί με προσήκοντα / κατάλληλο τύπο, [...]).

4. В случаях, предусмотренных пунктами 2 и 3 настоящей статьи, сторона, необоснованно уклоняющаяся от нотариального удостоверения или государственной регистрации сделки, должна возместить другой стороне убытки, вызванные задержкой в совершении или регистрации сделки (Στις περιπτώσεις που προβλέπουν / που ορίζουν τα σημεία 2 και 3 του παρόντος άρθρου / Στις περιπτώσεις που προβλέπονται / που ορίζονται στα σημεία 2 και 3 του παρόντος άρθρου, ο συμβαλλόμενος που αποφεύγει χωρίς λόγο τη

συμβολαιογραφική βεβαίωση ή την επίσημη εγγραφή της σύμβασης πρέπει να αποκαταστήσει στον άλλο συμβαλλόμενο τις ζημίες που προκλήθηκαν / τις προκληθείσες ζημίες / τις ζημίες που υπέστη ο τελευταίος από την καθυστέρηση ή την εγγραφή της σύμβασης).

При переводе причастий русского языка на новогреческий, употребление в новогреческом языке также формы причастий представилось возможным лишь в 11-ти случаях, и все факультативным образом. Только в 5-ти случаях (в причастиях, имеющих синтаксическую функцию имени прилагательного) был невозможен перевод в виде предложений, поэтому в 3-х из них были использованы при переводе причастия и в 2-х – имена прилагательные. Во всех остальных (58-ми) случаях перевод был осуществлен, обязательно или факультативно, в виде предложений, из которых: 24 – главных, 28 – придаточных предложений (определятельных), 4 – придаточных предложений (изъяснительных), или 7 – придаточных произвольных предложений (при передаче неопределенной формы). В 52-х случаях использование при переводе предложений было обязательным и лишь в 6-ти случаях – факультативным. Из всех причастий, употребленных в вышеназванных статьях Гражданского кодекса России: 14 оказались действительными причастиями настоящего времени, 4 – действительными причастиями прошедшего времени, 2 – страдательными причастиями несовершенного вида и 43 – страдательными причастиями совершенного вида (30 – полной формы и 13 – краткой). В аспекте синтаксических функций, в исходном тексте было употреблено 23 причастия, имеющие синтаксическую функцию имени прилагательного), 15 из которых выполняют пояснительные функции и 8 выполняют функции прилагательных – определений, а также 40 – выступающих в роли сказуемого. В переводном тексте было употреблено 4 страдательных причастий настоящего времени, 4 страдательных причастий прошедшего времени (аориста), 2 действительных причастий настоящего времени и др.

На основании вышеизложенного материала, можно прийти к следующим заключениям:

1) Все причастия русского языка, имеющие синтаксическую функцию имени прилагательного можно свободно передать на новогреческий язык в форме придаточного предложения (определительного), когда они выполняют пояснительные функции, и лишь в некоторых случаях, причастия, образованных от глаголов литературного языка (чаще – страдательного и реже – действительного залога) можно передать в форме причастий, однако не стоит отдавать предпочтение этому варианту даже в юридических текстах, поскольку он больше относится к архаическому стилю. Выбор указательного союза *που* или *ο οποίος / η οποία / το οποίο* зависит чаще всего от выраженности определяющего их слова, от стиля или от семантических различий, т.е.: а) следует употреблять союзы *ο οποίος / η οποία / το οποίο* в случаях, когда отношение союза *που* к определяющему его слову не представляется ясным, б) следует избегать частое употребление одного и того же типа, поскольку это может привести к неблагозвучной повторяемости, в) учитывая вышеуказанные пункты а) и б), в придаточных предложениях (определительных) следует отдавать предпочтение союзу *που*, в особенности если действие, которое выражает глагол в придаточном предложении (определительном) полностью согласуется с именем, которое определяет предложение.

2) Причастия русского языка, имеющие синтаксическую функцию имени прилагательного и выполняют функции имени прилагательного – определения могут быть переведены на новогреческий язык в форме причастий, если они статичны или широкоупотребляемы. Это означает, что следует избегать употребление архаических причастий, совершенно не соответствующих стилю юридического (официального) новогреческого языка. Существует множество причастий, имеющих синтаксическую функцию имени прилагательного и происходящих из литературного

языка, которые нашли широкое применение в новогреческой речи (особенно – в юридической новогреческой речи) и используются в качестве имени прилагательного – определения, либо существительных (причастий в роли существительных)

3) Причастия в роли сказуемого следует переводить на новогреческий язык в форме глаголов, а именно: а) в случаях, когда они используются для образования страдательного залога, они должны переводиться в форме глаголов (страдательных или действительных, несклоняемых), за исключением тех случаев, в которых действию уделяется особое внимание, поэтому в новогреческом языке возможно употребление страдательных причастий (с использованием связующих глаголов), но только при широком употреблении их в новогреческом языке. Это имеет непосредственное отношение к причастиям русского языка страдательного залога, совершенного вида, краткой формы, которые чаще всего имеют соответствующие им формы в новогреческом языке (в основном, образованных от глаголов литературного происхождения). б) в случаях, когда они выступают в роли сказуемого и зависят от глаголов, выражающих точку зрения, оценку и др., следует переводить их в форме причастий или придаточных предложений (изъяснительных).

Литература:

1. Вайсгербер, Л. (L. Weisgerber). 1950. *Vom Weltbild der deutschen Sprache* (г. Дюссельдорф: изд. Pädagogischer Verlag Schwann, стр. 214)
2. Кримпас, П. Г. (Κριμπάς, Π. Γ.). 2005. *Συμβολή στη μεταφρασεολογία* (г. Афины: изд. Γρηγόρης, стр. 57-66, 66-73)
3. Кримпас, П. Г. (Κριμπάς, Π. Γ.). 2008. *Η μετάφραση νομικών όρων στις διεθνείς συμβάσεις. Το παράδειγμα της Σύμβασης του Schengen* (докторская диссертация) (г. Афины: изд. Σάκκουλας, стр. 39, 42-43)
4. Манесис, А. (Μάνεσης, Α.). 1999. *Η νεοελληνική γλώσσα στη νομική επιστήμη* (г. Афины: изд. Просκήνιο, стр. 37-41)

5. Μεκριντζ, Π. (Mackridge, P.). 2000. *Η νεοελληνική γλώσσα* (перевод на греческий: Κ. Η. Πετροпуλος, γ. Αφίны: изд. Πατάκης, стр. 54-57, 285, 286-287)
6. Σταυράκης, Α. (Σταυράκης, Α.). 1995. *Νεοελληνική νομική γλώσσα και ορολογία* (γ. Αφίны: изд. Νομική Βιβλιοθήκη, стр. 147-162, 164-167)
7. Уейд, Т. (Wade, T.). 2002. *Russian Grammar & Verbs* (γ. Οκσфорд: изд. Oxford University Press, стр. 141-146)

This paper is a minimal contribution to the issue of legal translation from Russian into Greek, a task which is everything but easy, as the two languages behave quite differently as far as legal terminology and style is concerned. In particular, we focus on the translator's choices when he/she translates Russian participles into Greek, taking into account that, although modern Greek gives preference to analytical patterns of syntax, legal-style Greek abounds in old-fashioned participles with technical meaning.

In this context we present the Russian and the Greek participial systems, making an attempt to see possible similarities and – in particular – differences. Then we take numerous articles of the Russian Civil Code and show their possible translations into Greek, using strictly legal style. Finally, we present some statistical data and make an attempt to draw some conclusions about how to translate each kind of Russian participle into legal-style Greek.

Κρυлова Ο.Η.
Институт лингвистических исследований РАН
г. Санкт-Петербург (Россия)

ΤΡΑΔΙΤΙΟΝΙΑ ΟΔΕΙΩΔΑ ΣΕΒΕΡΝΟΡΟССΚΟΙ ΚΡΕСΤЬЯΝΚΙ ΚΑΚ ΙСΤΟСΗΝΙΚ ΕΤНОΚΟΛΤΟΥΡΝΟΙ ΙΝΦΟΡΜΑΤΙΟΝ

Связь языка с историей народа наиболее наглядна в области лексики. Будучи своеобразным отпечатком пути, пройденного народом, она дает возможность проследить живую, непосредственную связь слов и понятий,

почерпнуть сведения о бытии человеческого коллектива, сохранившиеся уже только в народной памяти.

Данная статья посвящена лексике, которая тесно связана с материальной культурой народа, его традициями, обычаями. Материалом для исследования послужили наименования женских рубах, сарафанов, головных уборов, зафиксированные в севернорусских говорах.

Основные части традиционного женского наряда Русского Севера – рубаха и сарафан. Рубаху наши предки носили с незапамятных времен – это подтверждается множеством связанных с ней поверий. Например, собственную сорочку не продавали: считалось, что вместе с ней продаешь и свое счастье. Рубаха была главной, а порой и единственной одеждой: по обычаю деревенские парни и девушки еще в XIX в. кое-где до самой свадьбы ходили в одних рубахах, перехваченных пояском.

Обычно приданое начинали запасать, когда девушка была еще почти ребенком. В Архангельской губернии существовала поговорка: “дочку в колыбельку, приданое в коробейку”. Бабка, мать, а с 11 лет и сама девушка ткали холсты и пестряди, вышивали рубахи и полотенца.

В старину рубаху шили из льняного или конопляного холста, пропуская цельное полотнище от ворота до подола. Отсюда и название – *проходни́ца*, бытовавшее в Никольском уезде Вологодской губернии. В вологодских говорах рубаха данного покроя получила также название *однота́н, однота́нка* – ‘женская рубаха, сшитая из одного полотнища’. В архангельских говорах женскую рубаху, сшитую из цельных полотнищ, идущих от ворота до подола называли *исце́льница, пропускни́ца* – ‘цельнокроеная женская рубаха’. *Была рубаха моя подвенечная, венчалась, стан не отрезной, пропускница*. Пинеж. Арх. (Пропускной – ‘цельнокроеный, не отрезной (об одежде)’. Рубахи “исцеленницы” были распространены по рекам Мезени и Пинеге в п.п. и сер. XIX в. (Работнова 1964, 12).

Для цельных рубах употребляли преимущественно домотканый

материал, более состоятельные женщины шили их из полотнищ тонкого холста. Рубахи, составленные из двух частей, чаще шили из разных тканей: верхняя часть, до пояса, которая у северных великорусов называется “рукавами”, “воротушкой”, – из более тонкой, иногда покупной материи; нижнюю, которую называют “стан”, “станушка”, “подстава”, – из более грубой, домотканой.

В XIX веке цельные рубахи отмечены большей частью как обрядовые – свадебные, “смертные”, праздничные; иногда в них косили и жали. Однако в одежде центральной полосы и юга цельная рубаха встречалась чаще, чем в одежде населения северных областей.

День первого выгона скота в поле в Егорьев день (иногда раньше или позже – в зависимости от географической зоны) считался праздником. На севере, в Олонецкой губернии, этот день имел огромное значение: скот после долгого зимнего стояния, наконец, выгоняли на подножный корм. Все надевали лучшие рубахи, сарафаны, подолы. Особенно большое внимание уделялось одежде молодых первого года замужества. Молодую надевала рубаху – *подо льницу*, украшенную по подолу широкой полосой вышивки или тканого узора, сверху которой, под сарафан, надевала несколько (до 5 подолов) холщовых юбок, вышитых разноцветным гарусом. Молодому, появившемуся на сгоне, односельчанки внимательно осматривали, поднимали подол сарафана – таким образом судили об искусстве хозяйки. Существовал обычай, чтобы нарядно одетая молодуха шла на реку за водой – от этого коровы лучше доились.

И на сенокос наиболее нарядные рубашки надевали молодым первого года замужества. Именно они начинали первыми ворошить сено на покосе. Специально предназначенной для покоса женской одеждой была рубаха – *поко сница*, *сенокосница*, которую надевали без сарафана, с пояском (Волог., Арх., Олон., Новг., Яросл. и др. губ.). В Кадниковском уезде Вологодской губернии ее называли *наподо льница*. *К сенокосу девки и бабы готовят себе чистые наподольницы – рубахи с вышитыми по*

подолу из красной бумаги каймами, или с обложенным кругом его лентами и кружевами. В начале XX в. в ней нередко сочетались разные ткани: верх (часто шили на кокетке) – был из кумача, нижняя часть – из пестряди или синей набойки, по подолу шли полосы браного узора разноцветным гарусом.

Бытовали также рубахи, состоящие только из одной верхней части, без пришивного стана. Как правило, они надевались под сарафан. Это отразилось в таких лексемах, как *пупови'ха* (Шенк. Арх.), *полруба'шье*, *полруба'шьице*, *полуруба'шье* (Пинеж. Арх.), *вороту'шка* (Тотем. Волог.). Интересен покрой женской рубахи, которую невеста надевала на свадьбу. Во время свадебного обряда невеста причитала, “убивалась”. Этот функциональный признак нашел отражение в лексеме *убива'льница* – ‘женская рубаха, в которой невеста причитала, “убивалась”, взмахивая рукавами’. Шенк. Арх. (Работнова, Вишневская, Кожевникова 1962, 18). Плакальные рубахи Олонецкой губернии с длинными, суживающимися к кисти рукавами (длиною до 100-120 см) назывались еще *маха'вки* (Тазихина 1972, 133). Невеста надевала ее в день свадьбы и, прощаясь с родителями, махала концами рукавов вокруг головы и по полу, причитая об ушедшем девичестве и будущей жизни в чужой семье. Рубахи *долгорука'вки* отмечены в отдельных местах Олон., Арх., Волог., Твер., Пск., Ряз., Калуж. и др. губерний. Отсюда становится понятным, почему рубахи с рукавами длиннее рук (со вторым отверстием для кисти руки или без него) в XIX – н. XX в. бытовали как свадебные. Они выполняли функции закрывания рук невесты и взмахивания рукавами во время плача. Обращает на себя внимание обычай обязательного покрывания рук участниками свадьбы. Обычай не касаться друг друга голой рукой сохранялся в XIX – н. XX в. и был связан с представлениями, что это могло сулить бедность. С таким толкованием обычай бытовал у всех восточных славян и многих их соседей (Маслова 1984, 39).

Еще в древнерусских рубахах рукава делались узкими и длинными,

у женских рубах они собирались в складки у запястья и закреплялись браслетами. Во время ритуальных танцев, в обрядовых действиях рукава распускались и служили орудием колдовства. Об этом повествует всем хорошо известная русская народная сказка о Царевне-лягушке.

В русской деревне украшали не всякую одежду, а только праздничную и обрядовую. Самую богатую, годовую, надевали три-четыре раза в году, в самые торжественные дни. Ее очень берегли, старались не стирать и передавали по наследству. Готовя нарядную рубаху, деревенские рукодельницы показывали все, на что они способны.

Широко распространенным в декоре рубах был мотив ромба – символа плодородия, который соединял в себе женский символ – треугольник острием вниз и мужской символ – треугольник острием вверх. С появлением земледелия ромб стал знаком вспаханного и засеянного поля, а дополненный крючками-отростками – изображением древней богини жизни и плодородия Рожаницы (Жарникова 1983, 87-94). Ее мы встречаем в орнаментах подолов женских рубах-сенокосниц, что легко объяснимо. Ведь первый день сенокоса – это тот момент, когда начиналась заготовка корма скоту на всю долгую холодную зиму, от которого, по существу, зависело благосостояние крестьянской семьи в предстоящем году. Орнаментика же рубах была теснейшим образом связана с магией плодородия. Считалось, что, чем богаче украшена рубаха, тем выше репродуктивная сила одетой в нее женщины.

Поскольку льняная рубашка воспринималась фактически как вторая кожа, то на ней оформлялись детали, призванные защищать определенные части тела человека. Прежде всего – ворот, на шее крепится голова и шею надо оберегать. Далее плечи, так как отсюда начинается главный рабочий орган – руки. Затем большое количество орнаментов помещалось на груди женской рубахи, так как здесь хранилось молоко, а следовательно, и возможность выкормить следующее поколение. И наконец, тщательно оформлялся подол.

В 70-х годах XIX в. в Архангельской губернии женских рубах в приданом у девушки среднего состояния бывало 10 и более, а у богатых 30 и даже 50 рубах (Ефименко 1872, 13). Особенности в одежде различных по зажиточности групп крестьянства в середине XIX в. выражались не столько в покрое и типе одежды, сколько в качестве тканей, употреблении ценных украшений. Богатая невеста должна была иметь весь набор сарафанов, начиная с дорогого *шелковника* и кончая будничным *крашенинником*. *Шелковники, атласники, штофники и гарусники* были дорогими, надевались по большим праздникам, и их количество у невесты указывало на уровень благосостояния семьи. *Штофник да какой-то гранитурник давала бабка наряжаться*. Пинеж. Арх. *В галитурниках венчались, красивы с застежками, синяк такой, только он красивой с вышивкой по подолу да с застежками*. Арх. Богатые девушки имели по несколько штук каждого вида сарафанов, невеста из семьи среднего состояния – только по одному. Самые бедные девушки и женщины совсем не имели атласников и гарусников, и самой их нарядной одеждой были *кумачники* и *ситечники*. Вследствие этого то небольшое количество домотканой одежды, которую они могли изготовить своими силами, они старались как можно наряднее украсить узорным ткачеством и вышивкой. *У меня был атласник, гарусник и канифасовик*. Тарног. Волог. *У крещеных-то было агличник да сатинник, агличник только богатые держали, а у бедных не было*. Пудож. КАССР.

В б. Череповецком уезде Новгородской губернии, как пишет М.К. Герасимов, девушки в соответствии с их богатством или бедностью составляли отдельные хороводы в праздник: наиболее богатым был хоровод “бархатниц”, затем – хоровод девушек, одетых в “гарусники” – сарафаны из шерстяной материи, а бедные составляли хоровод из одетых в “ситцевики” (Герасимов 1894, 121).

Сарафаны из домотканой ткани дубили, то есть красили: *кра'си'к* – ‘сарафан, сшитый из домашнего холста и выкрашенный в черный или

синий цвет'. Волог.; *дуба'с, дубня'к, дубани'к* – 'сарафан из толстого домотканого холста, окрашенного в синюю или красную краску'. Волог., *дубяно'й сарафан* (Олон.). В севернорусских областях сарафан иногда окрашивали корнем подмаренника (мареной, матурой). Эта особенность легла в основу номинации таких лексем, как: *маре'нни'к, маре'дник* (Волог.), *мату'рник* (Арх.) – 'сарафан из домотканой шерстяной ткани, окрашенной мареной'.

Важной составной частью праздничного сарафанного комплекса была плечевая одежда – *душегре'я (коротёна)* – 'род короткого кафтана с рукавами или без рукавов' (*обжи'м, обжима'лка: Сошью обжималку, это безрукавка на вате*. Череп. Волог.; *лиф: Ватной лиф носили, коротенькой и без рукавов, а грудь обожмет – вот и тепло*. Онеж. Арх.; *ли'фик: На плечи надевали лифик, не такой как теперь*. Белоз. Волог.). Бытовала и совсем коротенькая безрукавка на лямках (*перо', пёрышки, епа'нечка*) с трубчатыми складками на спине. Особенно нарядные образцы такой одежды изготавливались из узорных шелковых тканей, парчи, бархата, сплошь расшитого золотными нитями. Для тепла душегрейки подбивали ватой. Распашные *шугай'* (тип жакета) с рукавом простегивали на вате, отложной воротник и рукава отделявали мехом: *А из бархата такой шугай шила, таких и нет теперь*. Пуд. Карел.

В конце XIX в. получил распространение *казачо'к: Они в талию, в складочку, казачки-то, пышные, длинные, косые рукава, сзади выходит так в складочку. Попереди три складочки, одна пола, и застегивается на боку, стеклярус был, шелковые пришивочки, около горлышка и на боку застёжка. Сарафан вниз, под казачок. Вверху рукав широкий, а ниже – уже, чтоб рука проходила* (Карг. Арх.); *каза'к: Казак – рукав длинный и узкий, весь из клиньев, в середине поуже, а к плечам пошире* (Кондоп. Карел.); *каза'чка: Кофта казачка у мамы была, сборами сзади* (Кем. Карел.); *ба'ска: Баска – кофточка с оборками, из хорошего материала* (Чаг. Волог.). *А баска, кофта такая, рукав пышный, от локтя узкий,*

ворот широкий, и все на пуговицах, когда на кнопочках, а внизу вроде воланчика такого, вот и баска (Подп. Ленингр.); ба'сочка: Басочки носили, на животок поуже, а дальше пошире и на животок выпускали (Хв. Новг.) – длинная кофта, сшитая по фигуре, с невысоким стоячим воротником, с рукавами, широкими вверху и узкими у кисти. Казачок застегивался спереди на пуговицы. Носили его с юбкой или сарафаном. В Архангельской и Вологодской губерниях носили также *нарука'вники*, или *рукава'* – очень короткие кофточки с длинными рукавами или просто два рукава, соединенных на спине двумя узкими полосками ткани. Шили их из пестряди, а также шелка и кашемира.

На рубеже XIX и начала XX вв. в моду вошла городская *па'ра* – парная с сарафаном, а позднее с пышной юбкой приталенная кофта. Как правило, ее шили из одинаковой материи: *У невесты была пара* [сарафан и кофта] *одета*. Пуд. Карел. Женский костюм, состоящий из юбки и кофты, в вологодских говорах получил название *парёшка* (*У ей парёшка-то баская*); *па'рка* (*Больно у тя парка-то седни добра. Где уж эдакую парку-то себе огоревала?* Волог. Волог.); *па'рочка* (*Сарафаны-то баские шили да кофты казачки были. Вот накинут такую парочку и на гулянье ходили*. К.-Г. Волог. *А если он придет к зиме, дак парочку купит, это платье, отдельно юбка и кофта*. Вашк. Волог., Баб. Волог., Карг. Арх., Онеж., Прион., Пуд. Карел., Подп. Ленингр.). В вологодских говорах парочкой называют также женский костюм, состоящий из платья и фартука, сшитых из одинаковой материи: *Передники обязательно с кружевами и платье. Это называлось парочки*. Тотем. Волог. Поскольку юбка или сарафан шьется иногда из дорогих тканей, а кофты имеют богатую отделку, парочка служит подвенечным нарядом невесты: *У нее не одна парочка – атласная да кашемировая*. В.-У. Волог. *В парочку невесту-то оболкали*. К.-Г. Волог.

Неотъемлемой частью традиционного народного костюма был и головной убор. Именно головным убором женский севернорусский

костюм отличался от девичьего. Девушки полностью волосы не закрывали, а замужние женщины их тщательно убирали. Девушки до замужества носили *повя'зку, поче'лок* – девичий головной убор в виде широкой ленты, украшенной жемчугом, бисером, позументом. Этот головной убор закреплялся двумя тесемочками на затылке. Достигая совершеннолетия, девушка вплетала в косу ленту с бантом на конце в знак того, что ее можно сватать. Сговоренка, т.е. просватанная девушка, надевала *повязку с нате'мником* – кружком или овалом, прикрывающим ей макушку. Это был переходный тип головного убора от девичьего к женскому. Просватанная невеста украшала косу длинной широкой лентой красного или желтого цвета. В день венчания или накануне невеста передавала ленту (девичью волю) своим подружкам. В Архангельской, Вологодской губерниях иногда косу убирали под длинный белый вязаный колпак, носивший название “честного”. Наиболее распространенными венчальными головными уборами на Русском Севере были также *голодво'рец, вене'ц, кону'ра, кору'на*. Они были дугообразной формы или в виде широкого обруча, обязательно с открытым верхом, который венчал венок из искусственных цветов или лент.

Важнейшим элементом свадьбы был ритуал надевания на голову новобрачной женского головного убора – повивание, окручивание, снятие покрыва. Девичья прическа менялась на женскую: две косы укладывались вокруг головы и убирались под *мо'ршень, бору'шку*, являющиеся уже закрытыми уборами.

Крестьянки среднего возраста и старухи носили под платком *пово'йники* или *косынки*, молодые женщины по праздникам украшали голову *кокошником*.

Еще одной разновидностью северных женских головных уборов была *шамшура* – тип шапочки с твердым околышком или дном и завязками сзади. В большинстве губерний дорогие кокошники и шамшуры носили с платками, вышитыми золотными и серебряными нитями.

В тех губерниях, где основным головным убором девушек и женщин был *платок*, девушки завязывали его на голове иначе, чем женщины. Если женщины, например, складывали платок углом и завязывали его узлом под подбородком, то девушки концы платка завязывали на затылке. Девушки часто складывали платок в ленту и обвязывали его вокруг головы, опуская концы на спину, женщинам же так носить платок не полагалось. Девушки накидывали поверх костюма на плечи иногда до пяти платков разного размера, закладывая их концы за лямки сарафана, женщины могли накинуть один длинный платок, закалывая его на груди на булавку.

Таким образом, представленный материал позволяет говорить нам о том, что в лексике языка отражается исторический, культурный опыт его носителей. Русский крестьянский мир живет по своим природным законам, основанным на коллективном принципе жизни. Это осознается и выражается на языковом уровне.

Литература

1. Герасимов М.К. Некоторые обычаи, обряды, приметы и поговорки крестьян Череповецкого уезда Новгородской губернии//Этнографическое обозрение, XX, 1894, № 1.
2. Ефименко П. Приданое по обычному праву крестьян Архангельской губернии. СПб., 1872.
3. Жарникова С.В. О попытке интерпретации значения некоторых образов русской народной вышивки архаического типа//Советская этнография. 1983, № 1.
4. Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX - нач. XX в. М., 1984.
5. Работнова И.П. Русская народная одежда. М., 1964.
6. Работнова И.П., Вишневская В.М., Кожевникова Л.А. Народное искусство Архангельской области//Сборник трудов НИИХП. М.,

1962. Вып. 1.

7. Тазихина Л.В. Север Европейской части РСФСР//Крестьянская одежда населения Европейской России: XIX - н. XX в. Определитель. М., 1972.

This article is devoted lexicon which is closely connected with material culture of the people, its traditions, customs. As a material for research names of female shirts, sundresses, the headdresses, which was widely spread on the Russian North are considered.

Лапаева Н. Б.
Пермский государственный педагогический университет
г. Пермь (Россия)

НАЦИОНАЛЬНОЕ И УНИВЕРСАЛЬНОЕ В ПОЭЗИИ БОРИСА ПОПЛАВСКОГО (ПРОБЛЕМЫ РЕЦЕПЦИИ)

Поэтическое творчество Бориса Юлиановича Поплавского (1903-1935), самобытнейшего поэта русского зарубежья, органично вписывается как в контекст русской, так и европейской, шире – мировой, культуры. Сами характеристики поэта, которые давались ему при жизни и после смерти – а его называли «русским Рембо», «новым Блоком», сравнивали с ленинградскими обэриутами, французскими сюрреалистами и т.д., – содержат внутри себя отсылки к источникам его творчества.

Лирический герой Поплавского всегда живет «на границе»: «своего» и «чужого», духовной родины и чужбины, мира подлинного и профанного, яви и сна и т.д. В поэзии Поплавского отразились его поиски духовных опор, его «роман с Богом» (Бердяев); в ней предстала душа мятущаяся, устремленная одновременно и к земле, и к небу. «Поплавское» восприятие мира основано на ощущении того, что человек в нем – странник, пилигрим. Поэзии Поплавского свойственна трансцендентная

устремленность и мистическая религиозность; она носит философскую направленность.

Обращаясь к осмыслению «проклятых» вопросов и универсальных проблем человеческого существования (жизнь / смерть, одиночество, вера, любовь, духовные тупики и др.), Поплавский не только использует впечатления, полученные от своей непросто складывающейся жизни (почти маргинальное социальное положение, бытовая неустроенность, отсутствие семьи), но и апеллирует к культурному и художественному опыту человечества.

Характерно, что весь комплекс обозначенных проблем, мотивов, лирических сюжетов, характерных для поэзии Поплавского, оформляется в некоторых случаях в «русском национальном культурном стиле», в некоторых же растет из почвы «мировой культуры».

Очевидно, что в поэтическом творчестве Поплавского даже на уровне названий произведений угадываются очертания русской поэзии: жанровые («Ектенья», «Молитва»), мотивные («Жалость», «Раскаяние», «Успение», «В Духов день»), «историко-литературные» («Подражание Жуковскому», «Томился Тютчев в темноте ночной...»).

В лирике Поплавского звучат «голоса» некоторых русских поэтов – его далеких и близких предшественников и современников. Можно смело говорить о «лермонтовском» дискурсе в лирике Поплавского. Вообще, притяжение к Лермонтову было характерно для представителей «незамеченного поколения» русской литературной эмиграции. По мнению Ирины Каспэ, «“лермонтовское время” распознается “молодыми эмигрантами” как неуспешное и трагичное» (Каспэ 2006, 54). Об этом свидетельствуют, в частности, строки из статьи Поплавского «О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции»: «Все удачники жуликоваты, даже Пушкин. А вот Лермонтов – другое дело. Лермонтов, Лермонтов, помяни нас в доме Отца твоего! Как вообще можно говорить о пушкинской эпохе! Существует только лермонтовское время, ибо даже

добросовестная серьезность Баратынского предпочтительнее Пушкину, ибо трагичнее!» (Поплавский 1996, 257-258).

Вместе с тем, из Лермонтова Поплавский черпает как трагическое, так и светлое. Мотив одиночества, доминирующий у Лермонтова, становится центральным и у Поплавского, «подсвечиваясь» при этом экзистенциальной проблематикой. «Спать, уснуть. Как страшно одиноким. / Я не в силах. Отхожу во сны. / Оставляю этот мир жестоким, / Ярким, жадным, грубым, остальным» (Поплавский, 1997, 91), – эти строчки одного из стихотворений Поплавского характеризуют особенности мироощущения предельно одинокого человека.

Интересно, что в наследии и Лермонтова, и Поплавского, поэтов раздвоенного сознания, мечущихся между отрицанием и утверждением, обнаруживаются пронзительнейшие стихи-«молитвы». Интонации тихого и светлого лермонтовского акафиста 1837 г. «Молитва» («Я, мать божия, ныне с молитвою...»), а также его стихотворения «Молитва» 1839 г. явно повторяют тексты Поплавского «Молитва», «Ектенья», «Во мгле лежит печаль полей...». У обоих поэтов это – высокие, «тихие» и светлые строки, в которых каждый из них попытался приблизиться к пределу совершенства и гармонии, о которых только может грезить исстрадавшееся человеческое сердце.

В стихотворении «Ектенья» (Поплавский 1997, 159) Поплавский молится за всех несчастных, оскорбленных, страдающих: «О тех кому темно и одиноко, / За их давно растаявшие сны»; «Про ангела которого мы губим, / Но от себя не в силах отпустить». Молитва «дышит» любовью («...за девушку которую мы любим, / Но все ж не в силах слабую спасти») и проникнута пронзительно переживаемым поэтом чувством жалости («За этот мир который мы жалеем, / Которому не в силах мы помочь»).

Если Лермонтов в своих «молитвенных» стихах припадает к Матери Божией, является «верным рыцарем Марии» (Вяч. И. Иванов), то Поплавский ищет утешения в Христе. В восприятии Поплавского,

страдания и несчастья приближают человека к Богу. В «Дневниках» он свидетельствует: «Я жажду Бога лишь когда я очень несчастен, поэтому так ценю несчастья» (Поплавский 1996, 75); «Бедная, нищая, душа моя, маленькая, слабая, никого почти не любящая, раздражительная, сонливая, смешливая, недостойная внимания. Это Тебя полюбил Иисус...» (Поплавский** 1993, 121). Эти признания рифмуются со строчками из его стихотворения «Молитва»: «Лучше сердце раскрою, увижу / Маловерье и тщетную тьму. / Осужу себя сам и унижу, / Обращусь беззащитно к Нему» Поплавский 1997, 162).

«Молитвенные» стихотворения Лермонтова и Поплавского отражают попытку обрести ими в мистическом молитвенном опыте духовные опоры (для Лермонтова ею оказывается «мать божия», для Поплавского – «Иисус», «Он»), успокоение и гармонию, побеждающие «демоническое» (у Лермонтова) и «люциферическое» (у Поплавского) начало, прийти к покаянию, жалости, прощению, приятию естественного хода вещей.

Отметим, кстати, что особый «русский» настрой поэзии Поплавского придает пронзительно звучащий в нем мотив жалости. Поплавский развивает мотив любви-жалости к людям, который так глубоко разработал Достоевский.

В дневниках Поплавский пишет о том, что оригинальность «завета Христа» заключается в том, что «он созерцанию и молитве противопоставил жалость к людям и служение им» (Поплавский 1993, 168). Поплавский уверен, что «ни к Богу, а к страданиям человека должно быть обращено внимание христианина, и, может быть, даже нет времени молиться, а не то что философствовать, трудиться и служить надо страждущим, лечить и кормить нагих и голодных» (Поплавский 1993, 168). Воссоздавая образ Христа в католичестве, протестантстве и православии, Поплавский «припадает» к последнему: «Христос католиков есть скорее царь, Христос протестантов – позитивен и титан, Христос православных –

трости надломленной не переломит, он весь в жалости, всегда в слезах...» (Поплавский 1993, 166).

Со всей очевидностью обнаруживающееся в дневниках Поплавского его мировоззрение, основой которого становится установка на жалость и сострадание к страждущим, проецируется и в мир его поэзии.

В стихотворении «Как страшно уставать...» (цикл «Снежный час») жалость противопоставляется истине и чуду и соотносится с Богом. Лирический герой уверен: «Молчи и слушай дождь. / Не в истине, не в чуде / А в жалости Твой Бог, Все остальное ложь не в чуде / А в жалости Твой Бог, Все остальное ложь» (Поплавский 1997, 82). В одном из посвященных Г. Адамовичу стихотворений, входящих в цикл «Флаги», «Надежду на жалость» Поплавский называет «душой мироздания» («Душа мироздания – Надежда на жалость, – / Быть может мы летом простились с Тобой» (Поплавский 1997, 65).

В системе ценностей Поплавского именно жалость – единственное, что «высвечивает» пространство жизни, оправдывает саму жизнь и придает ей глубокий смысл. Жалость, по Поплавскому, связана одновременно с милосердием, любовью, страданием, болью и состраданием. В одном из своих странных «автоматических» стихотворений Поплавский соединяет все эти начала удивительно органично и естественно: «...Вечер клонится / Человек молчит / Человек молится / Кто-то помнит всё / И жалеет всех / Всё так слабо здесь / И так близок грех / Помолись и поплачь за всех» (Поплавский 1999, 171).

По-своему переработанными художественным сознанием Поплавского оказались некоторые мотивы Пастернака. Пастернаковское ощущение «чуда жизни» обнаруживается в подцикле «Над солнечную музыку воды», входящем в поэтический сборник Поплавского «Снежный час». Контрастирующий с общим трагическим накалом «Снежного часа», подцикл «Над солнечную музыку воды» демонстрирует способность Поплавского восхититься «радостью жизни». Стихи этого подцикла,

вобравшие в себя интонации ликования, отразившие восхищение автора миром, удивительно светоносны. Феерия света постоянно сопровождает описание реки («Так, впадая, на солнце горит / И, теряясь, сияет река...»), сада («И сосновым запахом щемящим / Дышит сад в сиянии капли...»), леса («Весенний лес вдруг вспыхнул солнцем весь...») и др. Пастернаковское выражение «чудо жизни» буквально цитируется Поплавским в одном из его стихотворений: «Чудо жизни в радостном движеньи / Грозовых осенних облаков / ... / И совсем растерянный от света, / От сиянья воздуха, от теплоты, / Возвращается ноябрь в лето, / Полный беспокойной красоты» (Поплавский 1997, 118).

Создавая универсальную картину бытия, в которой существуют «небо и земля», «Бог и Люцифер», «ночь и утро», «солнце и луна», Поплавский обращается также и к опыту мировой культуры и литературы.

Он всматривается в античные поэтические и философские «ландшафты», о чем свидетельствуют стихотворения «Стоицизм», «Римское утро», «Орфей», «Клио». В античности ему близок стоицизм. В стихотворении «Стоицизм» он пишет: «... Шевеля медлительно губами / Мы в воде о сферах говорили. / И о том, как отшумев прекрасно / Мир сгорит, о том, что в Риме вечер, / И о чудной гибели напрасной / Мудрецов детей широкоплечих» (Поплавский 1997, 63). Как видим, идеи стоицизма – бесстарстие, следование природе, любовь к собственной судьбе – захватывали Поплавского, находили воплощение в его поэзии.

Очевидно и то, что Поплавский вступает в диалог со средневековым и ренессансным периодом западноевропейской культуры, «подключая» ее знаки и символы к осмыслению своих отношений с современным миром. В стихотворениях «Мистическое рондо I», «Мистическое рондо II» «Розы Грааля», «Черная Мадонна», «Дон-Кихот» Поплавский черпает образность из мира западноевропейского средневековья и ренессанса для передачи своего трагического мироощущения.

Особенную, родственную близость Поплавский чувствовал к французским «проклятым поэтам». Владимир Варшавский в книге «Незамеченное поколение» признавался, что ему легко было представить Поплавского «сидящим в кафе за одним столиком с Рембо и Верленом. Они бы приняли его за своего. Так, может быть, и будет в раю» (Варшавский 1956, 175).

Поплавский довольно активно использует художественную практику французских поэтов-модернистов. Это находит свое выражение в трансформированных в его поэзии мотивах безобразия мира, в образе путешествующего лирического героя, в усвоенных им принципах визионерского письма, подобного тому, что предстает в «Отражениях» Рембо, и т.д. Так, например, в стихотворении «Восхитительный вечер был полон улыбок и звуков...» (цикл «Флаги») начало второй строфы «И большие цветы разлагались на грядках как души / Умирая светились и тяжело дышали во сне» (Поплавский 1997, 30) – ассоциативная отсылка к бодлеровским «Цветам зла».

Интерес к истокам европейского модернизма соединяется у Поплавского с пристальным вниманием к манифестам и практике современных ему дадаистов и сюрреалистов (Тристана Тцара, Андре Бретона, Поля Элюара и др.).

Надежды сюрреалистов возлагались, как известно, на раскрепощение человеческой психики от оков рассудка, морали, что в художественном творчестве находило преломление в овладении техникой «автоматического» письма, приемами записывания снов. В творческом наследии Поплавского в этой связи обращает на себя внимание «Дневник Аполлона Безобразова», поэтическое дополнение к роману «Аполлон Безобразов», а также его так называемые «автоматические стихи». Эти произведения незримыми нитями связаны с сюрреализмом как философско-художественной системой. «Автоматические» стихи лишены обычной логики. В них «умонепостижимым» образом могут соединяться

абсолютно несовместимые предметы материального и духовного мира – «Синюю воду луны качали бессмертные души / Пламя весны разгоралось в мечетях цветов / Стекло заката, мания лазури / Святое мановение газет...» (Поплавский 1999, 195). С точки зрения «здорового смысла» изображаемые действия вряд ли могут быть объяснены – «Каменная девушка на воздушном шаре / Поднимается в небо не переставая улыбаться / А на дне моря философ играет на скрипке / И звенит своею цепью / Приковав ко дну» (Поплавский 1999, 213). Однако стихийная сила потоков образов, наплывающих друг на друга, несет в себе мощный заряд. «Невнятица» этих стихов, управляется не чистой логикой, но эйдологией. По мнению Елены Менегальдо, алогичность текстов фиксирует «внутреннее становление, еще находящееся в возможности» (Менегальдо 1999, 30).

Оригинально и творчески «работает» Поплавский с «вечными» образами мировой культуры, которые становятся важнейшей составляющей поэтического космоса Поплавского. Об этом свидетельствуют его стихи с характерными названиями «Гамлет», «Детство Гамлета», «Дон-Кихот», «Орфей» и др. Ставшие культурными мифологемами фигуры Гамлета, Дон Кихота, Орфея, Адама и Евы, Фауста, Саломеи, Тристана, Христа и др. Поплавский органично вписывает в создаваемый им поэтический мир, используя для воплощения своих экзистенциальных интуиций и трагического мирочувствования.

Особенно значимой в поэтическом мире Поплавского является мифологема «Гамлет». Весьма характерны размышления Поплавского о своей драматически складывающейся жизни в эмиграции: он отвергал объяснение своей меланхолии причинами социального характера (вынужденная потеря родины, нищета) и вспоминал при этом Гамлета, жившего на родине и оттого не имевшего извинений своему трагическому мировосприятию. «Следовательно, и я, – пишет Поплавский, – должен не искать их (причин своих неудач и несчастий – Н. Л.), а возвращаться и укрепиться в вечных позициях человеческого одиночества, в каких-то

тайных и проклятых способах существования» (Поплавский* 1993, 161). Как видим, Гамлет маркирует сферу актуальных для Поплавского экзистенциальных проблем. В «гамлетовских» стихотворениях Поплавского звучат мотивы одиночества («Тень Гамлета. Прохожий без пальто. / Пяты гулять. Погладить снег рукой. / Заснуть в кафе. В вине найти покой. / В кинематографе найти миры иные. / Но каково бродягам в этот час?» [Поплавский 1997, 106]); границы жизни и смерти (Гамлет обращается из Валагиллы к Офелии в стихотворении «Гамлет»); жизни как трагедии («Там Гамлет кричал о закате / И билась Офелия в новом хрустальном гробу...» [Поплавский 1999, 156]).

Поплавского притягивает к себе философия и мифология Востока. Философско-религиозные учения Востока можно назвать одним из источников творчества Поплавского.

Обращают на себя внимание названия стихотворений в сборнике «Дирижабль неизвестного направления»: «Комната во дворце далай-ламы», «Танец Индры», «Учитель». Отметим как чрезвычайно важный факт, что сборник «Дирижабль неизвестного направления» буквально пропитан духом даоизма. Душеприказчик Поплавского Николай Татищев писал: «Все стихи Поплавского, особенно в последнем сборнике, духовно связаны с “Тао” – книгой Лао Цзы (“Тао Те Кинг” приблизительно V век до Р. Х.). Тао – это космос и путь неизвестного направления, но не путь дальнего следования, напротив, самого близкого – путь к собственному сердцу» (Татищев 1993, 125).

Многое в сборнике Поплавского «Дирижабль неизвестного направления» коррелирует с метафизической системой Лао-цзы, развитой им в его труде «Дао дэ цзин». Поплавский переосмысливает идеи Лао-Цзы. Поплавский все время «в пути» и тоскует по «иному», по тому, что находится «по ту сторону млечного пути». Он как будто так же, как и Лао-Цзы, сказавший: «Вот вещь, в хаосе возникающая, прежде неба и земли родившаяся! О беззвучная! О лишенная формы! <...> Я не знаю ее имени.

Обозначая ее иероглифом, назову ее дао; произвольно давая ей имя, назову ее великое. Великое – оно в бесконечном движении. Находящееся в бесконечном движении не достигает предела. Не достигая предела, оно возвращается [к своему истоку]» (Дао дэ цзин 2000, 16-17), всегда устремлен к неким метафизическим просторам, которые открываются за невидимыми границами, и одновременно движется к самому себе.

Поплавский скорбит о своей душе, вынужденной жить и грустить «в притоне, слушая чеканный стук шаров», называет ее «бедной душой иных миров». «Я сегодня спустился к черным / Безмятежным краям пустынь» (Поплавский 1997, 166), – признается он. На вопрос самому себе «Где ты, энигматическое сердце?» поэт отвечает: «Я высоко, я за границей света...» (Поплавский 1997, 163). Вместе с тем, мотив «пути к собственному сердцу» становится доминантным в странном сюрреалистическом узоре стихотворения Поплавского «Учитель»: «учитель пенья», идущий «по кругу» «на границе вечных снегов» («Кто твой учитель пенья? / Тот, кто идет по кругу. / Где ты его увидел? / На границе вечных снегов...»), оказывается собственным «я» поэта («Почему ты о нем не плачешь? / Потому что он это я» [Поплавский 1997, 186]).

Таким образом, в поэтическом мире Поплавского аккумулярованы самые разные пласты предшествовавшей и современной ему культуры. В этике и эстетике Поплавского воплотились «жажда» всеохватывающего культурного синтеза, стремление к бесконечному расширению индивидуальности. Поплавский напряженно вычитывает смысл в окружающем его культурном пространстве, он ощущает культуру как уникальный творческий импульс. Рецепция русской, европейской, восточной поэзии и философии в лирике Поплавского, реализующая себя в ее общекультурном фоне, плотном интертекстуальном слое, богатейшем «фонде» аллюзий и отсылок, узнаваемом, несмотря на подвергнувшуюся трансформацию, мотивно-образном комплексе, «участвует» в создании

философско-художественной картины мира поэта, которую можно назвать настолько же национальной, насколько и универсальной.

Литература:

1. Варшавский В. Незамеченное поколение. – Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1956.
2. Дао дэ цзин // Дао: гармония мира. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2000.
3. Каспэ И. Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы. – М.: Новое литературное обозрение, 2005.
4. Менегальдо Е. От футуризма – к сюрреализму // Поплавский Б. Автоматические стихи. – М.: Согласие, 1999.
5. Поплавский Б. Автоматические стихи. – М.: Согласие, 1999.
6. Поплавский Б. Из дневников // Человек. 1993. № 2.
7. Поплавский* Б. Из дневников // Человек. 1993. № 3.
8. Поплавский** Б. Из дневников // Человек. 1993. № 7.
9. Поплавский Б. Неизданное: Дневники, статьи, стихи, письма. – М.: Христианское издательство, 1996.
10. Поплавский Б. Стихотворения. – Томск: Водолей, 1997.
11. Поплавский** Б. Христос и православие // Человек. 1993. № 7.
12. Татищев Н. Дирижабль неизвестного направления // Борис Поплавский в оценках и восприятии современников. – СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993.

Ломтадзе Т.Р., Квирикадзе Н.Г.
Кутаисский государственный университет имени Акакия Церетели
г. Кутаиси (Грузия)

К ВОПРОСУ ПЕРЕВОДА СОЦИОЛЕКТОВ

Перевод – довольно сложный процесс, подразумевающий наряду с учетом общих принципов также и индивидуальный подход.

В XXI веке основной, определяющей характеристикой развития человечества в информационной области, по-видимому, будет повсеместная интеграция средств информатики не только в национальных границах, но и в международном плане. К 2020 году информационные технологии распространятся на каждый уголок планеты. Появится инструментальная база для построения автоматизированных систем надежного многоязычного перевода (в том числе и для синхронного). Машинный перевод в реальном времени станет вполне надежным, что приведет к тому, что начнется масштабный разговор на планетарном уровне, взаимопроникновение идей в различные сферы человеческой жизни и, как следствие, будут образовываться новые точки пересечения всех культур.

Переводческая деятельность в Грузии имеет многовековую историю. Трудно назвать язык, на который, подобно грузинскому, переводилась литература со стольких языков: с греческого, армянского, сирийского, арабского, персидского, турецкого, русского, английского, французского, немецкого и т. п., а также наоборот.

Деятели древних грузинских культурно-образовательных очагов как в Грузии, так и за границей уделяли особое внимание разработке переводческих принципов. В Гелати, Опизи, Шатберди, Хандзте, Греми, Икалто, Афоне, Петрицони, на Черной Горе и многих других монастырских центрах всегда кипела литературно-переводческая работа, где постепенно совершенствовались разработанные и повсеместно принятые переводческие принципы. Переводческая деятельность требовала глубокого знания родного и в корне отличающихся от него других языков. Создавались направления в переводческом искусстве. Исходя из интересов грузинского читателя, Эквтиме Афинский при переводе создавал свою, новую редакцию; можно сказать, что он огрузинивал чужестранные творения. Как хорошо известный византийцам и широко популярный деятель, он воочию показал грекам высокий

уровень грузинской культуры и почетное место грузинского народа среди христианских народов. Его переводы выявили, что осмысление переводчиком художественного текста приводит к его неизбежной субъективной трансформации, но в то же время и к проявлению индивидуально-творческого начала.

В XI веке на Черной Горе был создан мощный очаг грузинской литературы во главе с известным деятелем Ефремом Мцири. Ефрем Мцири разработал собственную переводческую теорию, основывающуюся на трех принципах: 1. Сочинение должно быть переведено только с оригинала; 2. Перевод должен точно передавать текст подлинника; 3. К переводу должны прилагаться комментарии.

„Перевод – это синтез двух антитез – созидания живого целого и кропотливого технического труда, творческого полета и единоборства со словом как с материалом, который сопротивляется, как это свойственно материалам вообще. Задача переводчика – сочетать эти как будто противоположные явления” (Гачечиладзе 1980, 58).

В теории перевода существует два основных подхода к определению единицы перевода. Первый часто называют „смысловым”, „содержательным”. При таком подходе сегментация текста предстает как последовательный (с начала до конца) процесс, или трансформация отдельных отрезков текста с одного языка на другой. В современной научной литературе более распространен второй подход, который может быть определен как „функциональный“. Авторы данного определения единицы перевода считают, что каждый минимальный отрезок текста оригинала, выполняющий в нем определенную функцию, должен быть перенесен в перевод с той же функцией. Некоторые ученые вообще отрицают правомерность их выделения по той причине, что единицы, которые, возможно, выполняют такую роль, весьма разнообразны и отличаются друг от друга как по объему, так и по другим качественным показателям (Швейцер 1973).

Наверное, именно эта третья точка зрения должна быть приемлема больше всех в том случае, когда текст включает такие специфические слова, как входящие в социолекты лексические единицы.

Несмотря на то что грузинская диалектология имеет серьезные и плодотворные традиции, следует отметить, что они связаны в основном с территориальными диалектами. Что же касается исследования социолектов, в этом плане в Грузии опубликованы лишь отдельные статьи. Не исключено, что данный факт находится в связи с определенными закономерностями, поскольку в советский период вопрос социальных диалектов фактически не стоял на повестке дня научных исследований вследствие их общественной маргинализации.

Социолект определяется как разновидность или лект, который, как думают, связан с социальным или негеографическим фоном, так что диалект социального класса представляет собой социолект (A glossary of Sociolinguistics, 2003).

Под *социолектом* понимается также языковое видоизменение или жаргон, которые являются типичными для речи какой-либо социальной группы или ситуации, определяющей речевые взаимоотношения, и которые характеризуют профессиональную или политическую деятельность.

Социально-политические изменения, произошедшие в постсоветском пространстве, более выпукло очертили круг социальных диалектов и повысили их удельный вес во многих сферах общественной жизни. Поэтому их проблема естественным образом приобрела ценность и с научной точки зрения; к этому можно присовокупить и то, что освободившиеся от цензуры писатели в своих произведениях стали уделять больше места субстандартным языковым реалиям.

В условиях межкультурной коммуникации все более актуальной становится изучение социолектов. При их переводе автор часто сталкивается с непонятными и труднопереводимыми словами во время

чтения художественных либо публицистических текстов, прослушивания аутентичных диалогов и песен, просмотра видеофильмов. Образцы текста, имеющиеся у изучающего язык на его родном языке, возможно, не смогут быть изложены на чужом языке без проблем, поскольку текстовые схемы часто обнаруживают особенности, свойственные соответствующей культуре (Капанадзе 2005, 277).

А ведь социальные диалекты широко отражены в художественной литературе. В толковые словари общего характера подобные слова и выражения или вообще не вносят, или вводят с большим опозданием, вследствие чего у переводчиков возникают определенные трудности, что осложняет правильное понимание некоторых мест в тексте.

Н.Сакварелидзе отмечает: “Элементы социальной вариативности большей частью наблюдаются в речевых портретах персонажей художественного произведения” (Сакварелидзе 2001, 183). Хотя следует отметить, что эти элементы, возможно, создадут переводчику препятствия на пути к их передаче с одного языка на другой.

При транспозиции социальной вариативности главное – отразить в переводе те речевые рефлексии, в которых виден характер личных отношений людей, их социальная роль во взаимоотношениях, психологический настрой, возрастные отличия и др.

В процессе перевода всегда возникает необходимость отдельного перевода вычлениваемых частей и выделенных отрезков текста. Выделение единиц перевода – весьма сложный вопрос как с теоретической, так и практической точки зрения. Одно из первых определений подобной единицы принадлежит Ж.П.Вине и Ж.Дарбелне, которые отмечали, что “единица перевода представляет собой отрезок высказывания, который при переводе не подлежит последующему расчленению”.

Практически самой высокоуровневой единицей текста, в отношении которой в переводе происходит принятие решения, является предложение

(Миньяр-Белоручев 2001), хотя с целью логического выверения процесса перевода переводчик часто обращается к выделению в тексте оригинала словосочетаний, а иногда и отдельных слов. Таким образом, единицей перевода может быть любая единица текста, требующая принятия отдельного решения. Ее выделение зависит от многих субъективных и объективных условий, каковыми являются: профессионализм переводчика, форма перевода (устная или письменная), темп процесса перевода (медленный – быстрый) и т. д. Однако существуют такие сегменты текста, которые всегда, при любом условии требуют принятия отдельного решения. Одной из таких единиц является социолект.

Определяющим показателем социолекта, отличающим его от других стереотипных высказываний (каковы, например, штамп, пословица и т.д.), является его фиксированная связь с определенной ситуацией. Он представляет собой определенное законченное высказывание, в которое могут быть включены различные слова и высказывания. Хотя следует отметить, что сам социолект исчерпывающе выполняет непосредственный заказ соответствующей конкретной речевой ситуации и однозначно соответствует ей. Несмотря на все сложности, первейшая задача переводчика – не потерять в переводе информацию, не потерять реалию (Киквидзе 2008, 128).

Глобальные процессы компьютеризации, ставшие обязательным атрибутом современных цивилизаций, поставили во главу угла создание специального корпуса художественных произведений с целью их электронной обработки. Социолингвистический же анализ корпуса даст возможность сделать важные выводы. Для этого необходимо создать словарь социолектизмов и произвести их фонетический, грамматический и лексический анализ, а также идентификацию социальных, психологических и когнитивных показателей участников коммуникативного акта, что, в свою очередь, упростит перевод социолектов. Правда, социолект при переводе должен быть перенесен

утвердившимся в языке перевода соответствующим социолектом. Перевод социолекта требует от переводчика точной идентификации коммуникативной ситуации и знания эквивалентного социолекта в языке перевода. Хотя следует отметить, что и в таких условиях мы сталкиваемся с серьезной проблемой: социолект может остаться “непереведенным,” так как во втором языке не обнаруживается его соответствия. Тот или иной социолект, который лишен конкретной семасиологической связи с денотатом и функционирует в языке как единица, носящая национальную культурологическую информацию, иногда характерен только для одного языка и не встречается во втором. При такой проблеме качество перевода зависит от таланта переводчика. Переводчик всегда оказывается один на один перед такими трудностями, и преодолевать их ему приходится исключительно своими силами, в соответствии со своими способностями и эрудицией (Цибашвили 2000).

Литература:

1. Гачечиладзе Г. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. М., 1980.
2. Капанадзе Н. Особенности восприятия отраслевого иноязычного текста //Языковедческие изыскания, XVIII. Тб.: Картули эна, 2005 (на груз. яз.).
3. Киквидзе И. Ситуативное клише как единица перевода // Языковедческие изыскания, XXVI. Тб.: Картули эна, 2008.
4. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М., 2001.
5. Сакварелидзе Н. Вопросы теории перевода (Лингвистический и экстралингвистический аспекты). Тб., 2001(на груз. яз.).
6. Сепир Э. Мужской и женский варианты речи в языке яна. В кн.: Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
7. Цибашвили Г. Вопросы теории и практики перевода. Тб., 2000.
8. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М., 1973.

9. A glossary of Sociolinguistics, Paper Trudgill, 2003, Edinburgh University Press.

In spite of that Georgian dialectology has serious and fertile tradition it especially touches upon to main territorial dialects. What about researches of sociolects, in Georgia exists only several works. It is not inconceivable that this fact has even distinct regularity, as in the soviet period the question of social dialects wasn't stated in the agenda of the scientific research due to their social marginalization.

By sociolect is marked variety or slang of the language that is typical for speech of any social groups or situation determining speech relationship and which characterizes professional or political activity.

Social and political changes in the post-soviet space made more distinguished social dialects and increased their role in many spheres of social life. That is why their problems acquired value to scientific point of view. To all these is added that the freed writers from censor paid more attention to substandard lingual real in their works.

Under intercultural communication studying of sociolects becomes more actual. In the process of translation the author meets difficult words for translation while reading of art or publicist texts, listening of authentic dialogues and songs or watching video films, which the learner of the language has in his native language, may not be translated into foreign language without problems, as the schemes of the text often displays peculiarities typical for culture.

Social dialects are widely reflected in belles-lettres. In the explanatory dictionary such words and phrases are entered lately and that is why the translators have difficulties and this fact complicates correct understanding of the text.

Global process of computerization, which became sufficient attribute for modern civilized nation, stated question of creation of special corps for works of

art for their electric processing. Sociolinguistic analysis of corps will give us ability for making important conclusions. For all these it is essential to compose a sociolectism vocabulary, their phonetic, grammatical and lexical analysis and identification of social, psychological and cognitive characteristics of participants in the communication.

Любоха-Круглик И.
Силезский университет
г. Катовице (Польша)

ЯЗЫКОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ БАРЬЕРЫ В ПЕРЕВОДЕ

В процессе перевода сталкиваются не только разные языки, но также разные культуры. За этим следуют неоднократно разные установки, традиции и ценности. Знания о культурном пространстве как объемном комплексе общения являются все более необходимыми. В связи с этим, меняется также роль переводчика, который все чаще становится «сознательным медиатором между двумя культурами» (Tabakowska 2002, 26). Системные различия между языками и коммуникативные трудности, возникающие между их пользователями, принято называть «языковыми барьерами». «Культурные барьеры», в свою очередь, являются базисным термином очень популярных в последнее время исследований над процессами, связанными с межчеловеческой коммуникацией. Под этим понятием понимаются главным образом те элементы текста, которые наиболее тесно связаны с культурой данной страны. Однако, такое определение представляет собой значительное упрощение проблемы, так как по сути дела все элементы типичного текста (включая и сам язык) являются составной частью широко понимаемой культуры, о которой уже М. Бахтин писал, что она не имеет своей территории. Связи между языком и культурой обнаруживаются прежде всего на уровне лексической семантики или в прагматических конвенциях.

Во многих работах, посвященных переводу, барьеры данного типа рассматриваются в контексте проблемы непереводимости. Надо при этом сразу отметить, что непереводимость трактуется исследователями неоднозначно. Многие переводоведы осторожно говорят только об относительной непереводимости, констатируя тот факт, что любой текст нельзя полностью перевести на другой язык, сохраняя его абсолютную адекватность на всех уровнях. Это объясняется тем, что для каждого текста характерны языковое своеобразие и ориентированность на другой языковой круг пользователей, которые обладают определенными фоновыми знаниями, учитывающими культурные, исторические и другие особенности.

Анализ материала показывает, что источники непереводимости или относительной непереводимости нельзя искать либо в языке, либо в культуре, хотя, несомненно, это понятие чаще всего связывают именно с языком. Непереводимость обуславливается, во-первых, структурными различиями между языками, и, во-вторых, отсутствием в языке перевода понятий и выражений, свойственных языку оригинала. Именно расхождением в области культур объясняется функционирование в языке так называемой безэквивалентной лексики. Типичным примером проявления проблем данного типа являются затруднения с переводом на русский язык польского предложения «*Nie Kocham Pana, tylko lubię*», поскольку слово *любить* «обслуживает» в русском языке более широкую сферу чувств, в то время как в польском языке эта сфера обслуживается двумя глаголами *lubić* и *kochać* (предлагаемый перевод: *Я вас люблю не как мужчину, а как человека*). В качестве следующего примера можно привести русское предложение *Ешь ягоды*, которое опять вызывает переводческие затруднения, ввиду того, что поляки не имеют собирательного понятия «ягоды», и слово *jagoda* в польском языке является аналогом лишь *черники*, в то время как значение слова *ягода* в

русском языке намного шире - оно обозначает разные небольшие сочные плоды кустарников, полукустарников и травянистых растений.

Различия разного типа обнаруживаются читателем в процессе восприятия текста перевода, когда он находит в нем слова и выражения, нетипичные для его родного языка, странные или использованные в другом контексте, а также выделяет чужие или новые для него коммуникативные ситуации. Как справедливо замечает Р. Левицки, категория «чужого» в переводе не появляется случайно, она своеобразно «встроена» в категорию чужого, существующую в культуре (Lewicki 2002, 46). О том, что именно в переводе является чужим, решает не переводчик, а именно сам читатель, причем различные явления он может оценивать по-разному. Сомнению не подлежит также тот факт, что восприятие отдельных элементов текста как чужих зависит от системы ценностей, свойственной данной нации, от сложившейся у нее системы пресуппозиций и коннотаций, а также от частотности и характера контактов между данными обществами, с чем непосредственно связано знание культуры, которое, однако, часто оказывается лишь фрагментарным.

Типичными культурными элементами текста и, что за этим следует, типичным проявлением категории «чужого» в тексте перевода являются имена собственные (за исключением тех, которые уже давно имеют свои аналоги в культуре языка перевода), слова и выражения, связанные с политическим строем, судебной системой, системой образования, традициями и обычаями, «кулинарная» лексика, детские считалки, аллюзии и цитаты, связанные с историей и литературой данной страны, с ее живописью, музыкой и религией, а также заглавия, способы отражения цветового менталитета, формы обращения и т.п.

Наши размышления над существованием в тексте перевода различного рода барьеров мы обсудим лишь на нескольких из перечисленных выше проблем, имея в виду понятные ограничения,

которые не дают здесь возможности представить более комплексное их описание.

Итак, начнем с обсуждения вопроса функционирования в тексте имен собственных, воспринимаемых как чужие. В первую очередь следует отметить, что не нет здесь единого, последовательного метода перевода данных элементов текста, хотя теоретически для передачи иностранных антропонимов существуют три основных метода: транскрипция, транслитерация и собственно перевод. Итак, напр., в польском переводе романа «Кысь» Т. Толстой (Tołstoj 2004), переводчик чаще всего оставляет личные имена в оригинальной форме, отказываясь от их польских вариантов даже там, где они давно закреплены в языке и культуре (*Барвара* – *Warwara*, а не *Barbara*, *Бенедикт* – *Benedikt* - *Benedykt*). Помимо прочего, нарушается здесь и существенный принцип, говорящий о том, что «имя собственное является лексической единицей, использованной многократно в целях идентификации конкретного, уникального в данном контексте объекта» (Hejwowski 2004, 89). Итак, *Бенедикт Карныч* – в польском тексте появляется раз как *Benedykt Karpusz*, другой раз – как *Benedykt Karpowicz*, т.е. перед польским читателем, не знающим принципов редуцирования произношения, возникают как будто два отчества, воспринимаемые им (в связи с отсутствием этого понятия в польском языке) как две разные фамилии. Как показывает анализ материала, принцип сохранения имен собственных в оригинальном звучании относится в настоящее время к наиболее частому методу перевода этих единиц, что, конечно, является причиной значительной экзотизации текста. С другой стороны, поскольку фонетические признаки этих имен сразу воспринимаются как типичные для русского языка, не возникает здесь проблемы идентификации национальной принадлежности отдельных персонажей.

Иногда имя собственное ассоциируется в переводе со «своим», в то время как на самом деле оно является элементом «чужого». Такое явление

встречаем в польском переводе романа Александры Марининой «Украденный сон» (Marynina 2004), где находим знакомо звучащее имя Стасенька (Stasieńka), которое однако является деминутивной формой от *Анастасии*, а не *Станиславы*, как считает польский читатель. Это, конечно, может вызывать проблемы с идентификацией персонажа, поскольку в других фрагментах текста Анастасия явится перед польским читателем как *Anastazja*, или просто *Nastia*.

Языковые и культурные барьеры проявляются также при переводе реалий, которые определяют понятия, свойственные лишь для определенной нации. Переводчики пытаются по-разному преодолевать проблемы с их переводом, используя разные переводческие стратегии – чаще всего – транслитерацию (*pristaw, uriadnik*), которая, однако, если не сопровождается соответствующим комментарием, часто придает тексту черты экзотизации. В этом месте сразу следует подчеркнуть, что комментарии и авторские примечания тоже трактуются исследователями неоднозначно. Чаще всего они являются наиболее очевидным сигналом, что сам переведенный текст не является достаточным средством для того, чтобы построить комплексный образ данной действительности. Итак, напр. в русском переводе романа Анджея Стасюка «Девять» (Стасюк 2005) примечания относятся главным образом к именам собственным (это географические названия, имена и фамилии людей), которые переводчик оставляет в польской версии, но также к другим избранным элементам польской действительности (выражение ‘около Славика Четвертого’ сопровождается комментарием ‘Памятник польскому королю Владиславу IV Вазе (1595-1648)’, при слове *Ольшинка* (на Ольшинке) поясняется, что это тюрьма. Примечания появляются даже там, где элементы текста могут быть экзотичными даже для первичного читателя, напр. «И-Цзин» поясняется как «гексаграммы из китайской «Книги перемен».

В примечаниях, которые встречаются здесь почти на каждой странице, находим объяснения, касающиеся разных сторон польской

действительности (это примечания типа: *участники сатирического кабаре, очень популярного в Польше, особенно во времена Солидарности, музыкальная группа, районы Варшавы, улица Варшавы, район города Быдгощ, название тоннеля, дворец культуры и науки, подаренный Варшаве советским правительством в 1955 году, аэропорт близ Варшавы, научно-производственный центр полупроводников на Доманевской улице в Варшаве* и т.д.). Учитывая их изобилие и большую степень детальности, возникает впечатление, что русскому читателю даются знания, которыми неоднократно не обладает первичный читатель. Такое количество примечаний в художественной литературе кажется чем-то необычным, поскольку принято считать, что именно в данном типе текстов следует избегать таких приемов, так как они могут нарушать ход восприятия текста или, просто, мешать читателю. Иногда считается даже, что комментарии переводчика свидетельствуют о его беспомощности и невозможности справиться с текстом.

Многие переводчики пытаются избегать таких решений путем помещения своеобразного комментария либо в прологе, либо в эпилоге. Именно так поступил переводчик романа *Кысь*, который в послесловии прямо признался в своем поражении относительно польского перевода заглавия. Он констатировал там тот факт, что на польском языке заглавие *Kuś* не вызывает у читателей абсолютно никаких ассоциаций, в то время как на русском это заглавие подвергается исчерпывающей интерпретации. Напомним, что, по словам Никиты Елисеева, «Татьяна Толстая придумала это слово очень удачно: соединила ласково-подзывательное кис-кис, резко-отпугивательное кышшш! И присовокупила к этим древним словам хищную рысь и брезгливое – брысь!».

В виде значимых и существенных барьеров выступают также интертекстуальные ссылки, которые многими писателями трактуются как некий текстовый прием. Особые затруднения возникают в тех случаях, когда переводчику приходится переводить элементы текста, прочно

вписанные в сознание читателя оригинала. В связи с этим очевидным кажется то, что для вторичного читателя, принадлежащего к другому культурному и языковому кругу, некоторые контексты всегда останутся неуловимыми. Это вызывает необходимость или пополнения основной информации (компенсация) или ее генерализации. Итак, напр. в польском переводе романа Акунина «Азазель» Печорин становится «байроновским героем», что порождает четкие ассоциации, не связанные, однако, с лермонтовским героем, который для польского читателя является анонимным, неизвестным лицом. Так же Агафья Тихоновна – в польском переводе – это просто героиня «Женитьбы» Гоголя (Lubocha-Kruglik, Małysa 2005, 95), а не конкретный, известный всем персонаж. Целью таких приемов является максимально облегчить восприятие текста, насыщенного элементами чужой культуры, однако с попытками сохранить самую существенную часть информации.

Барьеры в переводе появляются иногда там, где никто – особенно переводчик – их не ожидает. В качестве примера можем привести здесь фрагмент текста одного из романов Елены Колиной (Колина 2007, 217-218), который, казалось бы, не должен доставлять никаких переводческих проблем. Итак, в романе читаем: «решила худеть, потому, что Алла потрясающе выглядит – очень стройная, много худее меня. У нее сорок четвертый размер, а у меня сорок восьмой [...]». В польском переводе получаем аналогично: „Postanowiłam zacząć się odchudzać, bo Ała wygląda świetnie – jest bardzo zgrabna, o wiele szczuplejsza ode mnie. Nosi rozmiar czterdzieści cztery, a ja czterdzieści osiem [...]”. На первый взгляд, все выглядит как положено, пока не обратим внимание на тот существенный факт, что размеры одежды в Польше и в России значительно расходятся. Сорок четвертый размер в Польше отвечает пятьдесят второму размеру в России и предназначен таким образом для женщин, которых трудно назвать очень худенькими. Эта очевидная переводческая ошибка встречается в тексте неоднократно.

Барьерами для переводчицы данного произведения оказались и другие элементы текста. Итак, в польском тексте появляется в качестве аналога фразы «раздельное питание» - странно звучащее по польски „rodzielne żywienie” вместо уместного аналога „dieta rozdzielna” lub „dieta niełączenia”.

Многих проблем доставляет также перевод кулинарной лексики, которая давно уже пользуется повышенным интересом со стороны культуроведов. Этот интерес объясняется тем, что существует ряд блюд, типичных для одной культуры, но не существующих в другой. В романе «Дневник новой русской» появляются, например, такие названия кулинарных изделий, как *пельмени* и *вареники*. В его польском переводе получаем соответственно *pielmieni* и *pierogi ruskie*. Такой переводческий выбор трудно, однако, назвать удачным. При переводе слова *пельмени* используется транскрипция, без никаких пояснительных комментариев. Этот прием рассчитан, как нам кажется, лишь на опытного читателя, обладающего определенными знаниями, благодаря которым он в состоянии отнести это слово к конкретному блюду. Для всех остальных читателей, а таких существует намного больше, данное название остается непонятным и проявляется в тексте как типичный элемент категории «чужого». В польских кулинарных рецептах слово *пельмени* встречаем довольно часто - однако всегда оно появляется с примечанием «блюдо русской кухни» и обязательной дополнительной информацией – «маленькие пирожки с мясной (реже рыбной или овощной) начинкой». Некоторые польские словари (напр. Словарь иностранных слов) толкуют название этого блюда, используя с этой целью аналог – ‘uszka’, который обозначает именно маленькие пирожки. Неудачным следует считать также перевод слова *вареники*, под которым в русском языке понимается ‘изделия из теста в виде небольших пирожков с творожной, ягодной и т.п. начинкой’. Использованный здесь польский аналог *pierogi ruskie* может вводить читателя в заблуждение по нескольким причинам. Само

определение *ruskie* внушает, что это блюдо является одним из фирменных, типичных блюд российской/русской кухни, в то время как под этим названием оно в России вообще неизвестно. Для поляков, в свою очередь, *pierogi ruskie* обозначают лишь пирожки с начинкой только из картофеля и творога, т.е. это название не охватывает уже пирожков с другими видами начинки. Примененный здесь принцип конкретизации дает, таким образом, другое представление об описываемой действительности.

Все это свидетельствует о том, что перевод лексики, открывающей категорию «чужого», требует от переводчика максимум концентрации. Даже, казалось бы, мелкие неточности могут приводить читателя в заблуждение и рисовать перед ним другую картину мира (напр. при переводе простой русской фразы *бутерброд с сыром* требуется в польском языке компенсация, поскольку слово *ser* обозначает одновременно и сыр, и творог).

Элементы чужого встречаем и в тех местах, когда описывается действительность данной страны. Героиня «Дневника новой русской» пишет о себе, что она работает в университете, «поэтому ее личный дневник каждый учебный год начинается первого сентября и заканчивается в мае». Такую же информацию получаем в польском переводе, хотя в Польше учебный год в университетах начинается всегда первого октября и заканчивается в июне. Такие несоответствия сразу улавливаются даже не очень подготовленным читателем.

В этом месте следует отметить, что в результате процессов глобализации читатели все чаще хорошо подготовлены к восприятию «чужого» и неоднократно сразу сами могут приписать определенные элементы данной культуре. Помимо прочего, следует помнить о том, что все это может меняться во времени, так как межкультурные связи могут отличаться разной степенью интенсивности в определенное время, могут также обуславливаться взаимными отношениями разного типа, традицией и историей. Переводчик, в свою очередь, чаще всего принадлежит тому

культурному кругу, что и читатели его текстов. Однако его знания (в том числе и фоновые), его культурный и языковой опыт, с учетом которого он совершает свои переводческие выборы, нередко отличаются от знаний среднего читателя. Иногда даже именно они могут препятствовать адекватному подбору аналога для описания конкретной ситуации.

В заключение наших рассуждений можно сказать, что перевод – это не просто вторичный текст. Это также текст, которого бы не было, если бы не оригинал. Языковая вторичность отмечается как некоторое отступление от языковых норм, принятых в языке перевода, как отступление от типичного вербального поведения. Вторичность перевода – это главным образом вторичность языкового характера, хотя ее значимой составной частью является также культурная вторичность. Язык как лингвокультурологический феномен впитывает в себя все богатство культуры, в то время как национальная культура в значительной степени связана со спецификой конкретного языка.

При этом следует учитывать, что даже в пределах одной культуры возможно разное восприятие текста, разные реакции на то, что в нем представлено. При переводе текста важными оказываются не только объективные коннотации, общая система пресуппозиций, но также чисто субъективное умение интерпретировать текст и извлекать из него определенные импликации.

Литература:

1. Hejwowski K.: Kognitywno-komunikacyjna teoria przekładu. Warszawa 2004
2. Kolina Je.: Dziennik nowej Rosjanki. Przeł. E. Rojewska-Olejarczuk. Warszawa 2006.
3. Lewicki R.: Obcość w przekładzie, a obcość w kulturze. B: Przekład. Język. Kultura. Red. R. Lewicki. Lublin 2002.

4. Lubocha-Kruglik J., Małysa O.: Potyczki z przekładem, czyli Akunin po polsku. B: Kultura popularna a przekład. Red. P. Fast. Katowice 2005.
5. Marynina A.: Ukradziony sen. Przeł. Ewa Rojewska-Olejarczuk. Warszawa 2004.
6. Tabakowska E.: Bariery kulturowe w przekładzie. B: Przekład. Język. Kultura. Red. R. Lewicki. Lublin 2002.
7. Tołstoj T.: Куś. Przeł. J. Czech. Kraków 2004.
8. Колина Е.: Дневник новой русской. Москва 2007.
9. Стасюк А.: Девять. Пер. Мария Курганская. Санкт-Петербург 2005.

In the process of translation translator is faced not only with different languages but also with different cultures. Systemic differences between languages and communication problems arising between speakers of those languages are usually referred to as language barriers, whereas cultural barriers are usually those elements of text which are closely connected with the culture of a specific country.

For the majority of languages the goal of translation is to preserve equivalence between a source text and a target text in various aspects of meaning i.e. semantic, structural and lexical.

Keywords: source and target text, goal of translation, language and cultural barriers, equivalence

Марку Х.
Фракийский университет имени Демокрита
г.Комотини (Греция)

**ПЕРЕВОД РЕАЛИЙ И ИНВАРИАНТ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА
М. БУЛГАКОВА “МАСТЕР И МАРГАРИТА” НА БОЛГАРСКИЙ И
ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК)**

Введение

Проблематика реалий в переводе и в лингвокультурологии продолжает оставаться актуальной, а в рамках частных теорий перевода во многих случаях недостаточно разработанной. Это проблематика межкультурной коммуникации и отражения коннотативных элементов и имплицитных смыслов, сохранения культурного контекста при переводе, но и случаи неперевода, потерянного в переводах.

Настоящая работа основана на наблюдениях над передачей реалий в двух параллельных переводах, в трех парах соотносительных текстов – с одной стороны текст оригинала, с другой – два текста перевода – на болгарский и на греческий язык. Анализ ориентирован на сопоставление оригинальной реалии и предлагаемых эквивалентов, отчитывая семантический инвариант в каждой версии и объем инвариантной информации в двух переводах, принимая в виду, что инвариантность проявляется сильнее на низких языковых уровнях и ослабляет на более высоких – в особенности на коннотативном (Ликоманова 2006:159).

I. Инвариант - определение понятия

Идея теоретического переосмысления понятия переводного инварианта как термина в славянской теории перевода заимствована из трудов Р. Якобсона. Понятие *инварианта* в переводе встречается впервые в работах болгарского ученого А. Людсканова (Людсканов 1967:67), определяющий инвариант как функциональное средство дефиниции переводческого соответствия. Немецкий исследователь Г. Егер использует понятие инварианта при сравнении текста оригинала с текстом перевода как промежуточную величину, “то обязательно общее в сопоставляемых объектах, на основании которого легче выявить их сходства и различия” (Гарбовский 2007:271). Инвариантная значимость – это сохраненная коммуникативная значимость (Егер 1978:138, цит. по Гарбовскому 2007:271).

Инвариант представляет собой теоретический прототип, “абстрактная теоретическая сущность, описывающая вертикальную реляцию между несколькими переводами одного и того же оригинала и представляет собой межпереводным конструктом, для которого сопоставление с оригиналом является только ориентиром” (Ликоманова 2006:281). При работе с несколькими переводами термин “межпереводной инвариант” оказывается особенно подходящий для описания отношений между несколькими переводными текстами и оригиналом (Ликоманова 2006:161-162). И. Ликоманова предлагает термином “*межпереводной инвариант*” называть соотношение между параллельными переводами в семантическом плане, то, что должно оставаться неизменным в результате перевода, а именно: сообщение, понимаемое как информация, предназначенная для передачи. “Инвариантность в переводе очень тесно связана с эквивалентностью и присутствует в дефинициях этого понятия” (Ликоманова 2006:281). Как семантическая категория инвариант обобщает и сопоставляет реализованные эквивалентности каждого из переводов по отношению к оригиналу. Каково отношение между инвариантом и эквивалентностью? Переводческая эквивалентность не может быть полной, несмотря на примененные для ее достижения переводческих трансформаций. Эквивалентность рассматривается как семантическая категория, выражение реляции между оригиналом и переводом. Высказана идея, что инвариантность является абстрактным элементом эквивалентности. Инвариант - объединяющий многообразие вариантов. Теоретический прототип инварианта находится над всеми вариантами. Существенное – это инвариант и случайное – варианты (Якобсон 1972 (1985):309, по Ликомановой 2004:1).

II. Понятие реалии

Здесь не будем углубляться в рассмотрении разных взглядов и расхождений по вопросу об определении понятия реалии. Существует

очень много определений данного термина. В данной работе придерживаемся известной дефиниции С. Влахова и С. Флорина, согласно которым: "Реалии – это слова и словосочетания, называющие предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта, культуры, социального развития одного народа и малознакомые либо чуждые другому народу, выражающие национальный и (или) временной колорит " (Влахов, Флорин 1986:48).

И. Ликоманова определяет реалии как "... тот пласт лексик, имен, фраз, которые называют и маркируют в оригинальном тексте сущности, отсутствующие в переводной действительности" (Ликоманова 2006:185).

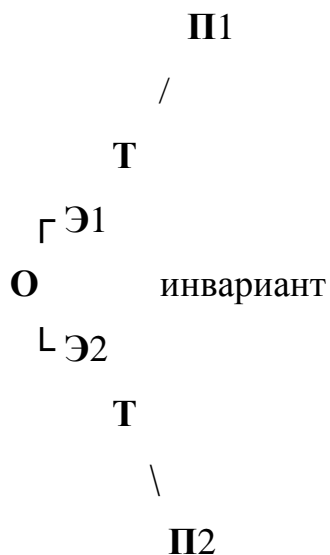
В плане содержания отличительной чертой реалий является характер их предметного содержания, то есть тесная связь, обозначаемого реалией предмета, понятия, явления с народом или страной с одной стороны и историческим отрезком времени - с другой. Следовательно, реалиям присущ соответствующий национальный или исторический колорит (Влахов, Флорин 1986: 39).

III. Степени проявления межпереводного инварианта

Ограничиваем анализ только на переводе реалий и на выражении инвариантной семантики в разных переводческих вариантах. Описываем разные степени проявления межпереводного инварианта при переводе реалий, используя предлагаемую И. Ликомановой шкалу. И. Ликоманова абстрагирует и описывает семь типов межпереводных инвариантов – от полной изоморфической эквивалентности до значительной потери сем. Совпадения в переводах и отношение к оригиналу определяют уровень инвариантности. Критериями определения инвариантности являются "реляции между переводами" и "реляция по отношению к оригиналу" (Ликоманова 2006:158-163). В действительности не стремимся к теоретической новизне, применяем использованную И. Ликомановой схему анализа. Вклад настоящего исследования состоит единственно во включение в анализ и греческого перевода наряду с болгарским, факт,

который расширяет измерения сопоставления как на лингвистическом, так и на межкультурном уровне.

Разработанная Ликомановой схема в нашем случае (т.е. при сопоставлении оригинала с двумя переводами) выглядит следующим образом:

О - текст оригинала

Э1 – конкретная эквивалентность первого переводного текста по отношению к оригиналу

Э2 – эквивалентность второго переводного текста по отношению к оригиналу

Т- осуществленные для достижения эквивалентности трансформации

Так как сама эквивалентность не является констатной, неизменяемой, а принимает разные формы и степени проявления, то и понятие *инварианта* как “абстрактный семантический конструкт” (Ликоманова 2006:163) отличается градуальностью, многостепенностью.

Рассматриваем конкретные реализации семантического инварианта и способы его проявления в параллельных текстах перевода. Обращаем внимание на присутствие разных инвариантных и вариантных элементов и на соотношение между ними в отдельных переводах. Вариации между различными переводами обуславливаются определенными факторами, как

например: утвержденным узусом данного языка, традиций при передаче реалий, близостью соответственной культуры к русской культуре.

В тексте М. Булгакова самые характерные реалии – это огромное количество реалий, связанные с советской действительностью 30-х годов, отражающие специфическую культурно-историческую ситуацию, не имеющие аналога в остальных культурах в большей своей части, маркеры конкретного времени и пространства: городские микротопонимы, антропонимы, бытовые реалии советской жизни.

Московские городские микротопонимы включают названий улиц, бульвар, переулков, площадей, рек, озер и т.д., описывающий неповторимый московский декор, создающий этот яркий “московский роман”. Дело в том, что вся эта лексика не относится к “разряду так называемых прецизионных слов”, хорошо известным, не имеющим точные эквиваленты не предполагающим переводческих трансформаций (Гарбовский 2007:480). Полные и точные соответствия при переводе микротопонимов не существуют, способ перевода в большой степени обязывает переводчика, так как предполагается, что именно в таком виде будет зарегистрирован микротопоним в переводной культуре (Ликоманова 2006:186).

Топонимы передаются двумя способами: переносятся в их оригинальном виде, транслитерируются или переводятся. Метод зависит от специфики топонима, от его популярности или известности, от того насколько понятен в своей оригинальной форме, еще от специфики языка перевода и от существующей практики.

А. Транслитерация:

Соловки - Соловки – без дополнительных объяснений - Σαλαφί (τόπος εξορίας και φυλακής)

комсомолка – комсомолка - κομσομόλα (μέλος της Κομσομολ (Κομμουνιστική Ένωση της Νεολαίας)

В переводе на болгарском чаще всего топонимы транслитерируются, в большинстве случаев существуют условия для сохранения правописания, за исключением мягкого согласного: *Большая Никитская, Садовое кольцо*.

Во всех случаях происходит грамматическая адаптация – предлог + именительный падеж, наименования улиц в именительном падеже:
на Садовая, на Бронная, на Москва река; Большая Никитская, улица Кропоткин.

Топонимы транслитерируются и в переводе на греческом, при фонетическом оформлении подчиняется нормам греческого языка - опускается двойной согласный, на месте безударного о находим а, русское е передается через *γιε* и т.д.: *Σαντόβαγια, στην οδό Μάλαγια Μπρόναγια, ... πίσω από το Σαντόβογιε καλτσό (κυκλικό βουλευβάρτο της Μόσχας)*. Очень часто, однако, транслитерированная реалья в греческом переводе сопровождается объяснением под линией или в скобках: *Λιτερατούρναγια Γκαζέτα (Φιλολογική Εφημερίδα), Σαντόβογιε καλτσό (κυκλικό βουλευβάρτο της Μόσχας), Σαλαφκί (τόπος εξορίας και φυλακής), κομσομόλα (μέλος της Κομσομολ (Κομμουνιστική Ένωση της Νεολαίας))*.

.... параллельной Малой Бронной улице, ... куда-то за Садовое кольцо...

... на улица “Малая Бронная”, ... някъде отвъд Садовое кольцо...

Б. Значительная часть топонимов переводится частично или полно, с обязательной грамматической адаптацией:

улица Кропоткина – οδός Κροπότκιν

Москва-река - ποταμός Μοσκβά

Μεγάλη Νικήτσκογια,

Арбатская площадь - Арбатския площад - πλατεία Αρμπάτ, πλατεία Αρμπάτσκογια

... в Москве, на Патриарших прудах...

... в Москва, на Патриаршине езера...

... στη Μόσχα, στις λίμνες του Πατριάρχη...

По наблюдениям И. Ликомановой, топоним *Патриаршие пруды* встречается в романе 31 раз, при половине случаев употребляется в субстантивированной форме (Ликоманова 2006:192). В болгарском переводе русским неполным формам соответствуют как полные, так и эллиптические (субстантивированные) формы: *над Патриаршими светила золотая луна... - над Патриаршите светеше златна луна...*

По другому обстоит дело в греческом, где способ перевода сам по себе ограничивает употребление: *πάνω από τις λίμνες έλαμπε το χρυσό φεγγάρι.*

Субстантивированное эллиптическое *Остоженка* в болгарском сохраняется, так как совсем не противоречит языковой норме, а в греческом, где не становится ясно что идет речь об улице, необходимо пояснить, кроме этого опускается окончание -а - *οδός Οστοζενκ*. В другом случае, однако - *тихая Спиридоновка* сохраняется оригинальный облик - *ήσυχη Σπιντόνοφκα*. В болгарском это происходит совсем естественно – *Спиридоновка*, так как существует тот же самый механизм формоизменения названий улиц, что и облегчает задачу переводчика, в греческом, наоборот, во-первых морфологический облик лексемы ничем не подсказывает читателю о чем идет речь, во-вторых, нетрудно понять, что московская топонимия не так популярна среди греков, по сравнению с болгарскими. Вообще важно иметь ввиду, что “субстантивация названий топонимов является фреквентным явлением, особенно типичным для колоквиальной речи в славянских языках” (Ликоманова 2006:195).

В болгарском языке легко согласуется прилагательное с существительным - *Дом Грибоедова - Грибоедовата къща, Никитские ворота - Никитската порта.*

Не так получается в греческом, например *πίλες Νικήσκι* – морфологическое оформление не отвечает нормам греческого языка, сохраняется русский суффикс, но больше всего как маркер славянского. Такой образ адаптации не применяется, однако, последовательно,

например *Арбатская площадь* не становится *πλατεία Αρμπάτσκι*, ни *Αρμπάτσκαγια*, а *πλατεία Αρμπάτ*. В другом случае - *Μεγάλη Νικήτσαγια*, переводится определение, а название транслитерируется, сохраняя русский суффиксальный облик.

В нашем случае при сравнении трех текстов - оригинала с двумя параллельными переводами, отчитывая соотношения между текстами, можем вывести четыре степени межпереводного инварианта:

1. Полное покрытие двух переводов и оригинала, типологически близкие переводческие решения – наивысшая степень межпереводного инварианта, совпадение инвариантности и переводной эквивалентности:

Литературная газета – Литературная газета - Λιτερατούρναγια Γκαζέτα (Φιλολογική Εφημερίδα)

тихая Спиридоновка - ήσυχη Σπυριντόνοφка. В болгарском – Спиридоновка

Соловки - Соловки – в болгарском языке сохраняется оригинальный облик.

В греческом топоним транслитерируется, но с неизменным объяснением под строкой: *Σαλαφκί (τόπος εξορίας και φυλακής)*

... в Москве, на Патриарших прудах...

... в Москва, на Патриаршине озера...

... στη Μόσχα, στις λίμνες του Πατριάρχη...

дом Грибоедова - Грибоедовата къща – σπίτι του Γκριμπογιέντοφ

2. Одинаковые переводческие решения в двух переводных текстах, осуществленные путем трансформаций – вторая степень проявления межпереводного инварианта:

Пиво и воды – Бира и безалкохолни – Μπίρες και αναψυκτικά

абрикосовая – кайсиев сок - χυμός από βερίκοκο

Субстантивированное прилагательное в русском оригинале передается и в двух параллельных переводах через полное название.

на Патриарших - на Патриаршите езера – στις λίμνες του Πατριάρχη – на месте субстантивированного прилагательного находим полный топоним в переводе.

3. При третьей степени один из переводов паралелен оригиналу, а в другом представлена определенная степень эквивалентности:

МАССОЛИТ – МАССОЛИТ – ΜΟΣΕΛΟΓ

Большая Никитская – Болюша Никитская - Μεγάλη Νικήτσκογία

В болгарском переводе реалия транслитерирована, в греческом тексте частично переведена.

Та же самая ситуация наблюдается и во втором примере – транслитерация в болгарском тексте перевода, полный перевод в греческом, с объяснением под строкой.

белогвардеец – белогвардеец - “λευκός αξιωματικός” (с объяснением под линией - λευκοφρουρός, αντιδραστικός)

финский нож – финландска кама - φιλανδικό μαχαίρι

Остоженка - Остоженка - οδός Οστοζενκ

Арбатская площадь - Арбатския площад - πλατεία Αρμπάτ,

рваная белая толстовка - дривава бяла риза толстовка - ρούσικη πουκαμίσα

... знакомый конференсье в тюбетейке и с бокалом “Абрау” в руке.

... известно конференсие с тюбетейка на главата и чаша “Абрау” в ръка.

... γνωστός κονφερανσιέ μ' ένα μικροσκοπικό ουζμπέκικο σκούφο, κρατώντας στο χέρι ένα ποτήρι με “Αμπράου”

На Бронной уже зажглись фонари, а над Патриаршими светила золотая луна...

По Бронная вече бяха запалили лампите, а над Патриаршите светеше златна луна...

Στην Μπρόναγία τα φανάρια είχανε πια ανάψει, και πάνω από τις λίμνες έλαμπε το χρυσό φεγγάρι.

4. Самая низкая степень проявления межпереводного инварианта наблюдается в тех случаях, когда два перевода различаются как между собой, так и от оригинала.

*Патриарший переулоч – Патриаршая - πάροδος Πατριάρχη
домоуправление – домсѣвет – διεύθυνση της πολυκατοικίας*

*Где-то в рупоре голос командовал: “Карский раз! Зубрик два! Фляки
господарские!”*

*Някъде един глас командваше през рупор: “Един карски кебан! Две
зубровки! Шкембе по селски!”*

Κάπου από έναν τηλεβόα μια φωνή διέταξε: “Παιδάκια μια! Κοτολέτες δυο!”

“... вседник в бурке и с винтовкой за плечами.”

“... конник с кавказки ямурлук и винтовка на рамо.”

“... καβαλάρης με κάπα, έχοντας ριγμένο στους ώμους ένα όπλο.

Никанор Иванович налил лафитничек....

Н. И. си наля голямшка чашка...

Ο Ν.ικανόρ Ιβάνοβιτς γέμισε ένα ποτηράκι βότκα...

IV. Заключение

Объем материала не позволяет вывести со статистической уверенностью результат и констатации о распределении примеров по каждой отдельной степени инвариантного проявления, отсюда и об уровне сохранения инвариантной информации.

Переводы одного и того же оригинала иллюстрируют параллели между языками, но чаще наблюдаются расхождения между переводами и оригиналом.

Ожидаемые результаты о соотношении с одной стороны между болгарским и русским и с другой – между русским и греческим вполне оправдываются данными анализа.

Даже поверхностные наблюдения показывают, что большинство примеров иллюстрирует последние две степени проявления межпереводного инварианта. Вторая степень, связанная с одинаковыми переводческими решениями в обоих переводах, представлена слабо. Первая степень тоже представлена достаточным числом примеров, но здесь необходимо отметить, что значительная часть транслитерированных реалий в греческом тексте перевода сопровождается объяснением под строкой (невольно вспоминаем здесь мысль Умберто Эко о том, что каждое примечание является признанием поражения переводчика).

Литература:

1. Васева 1982:Васева И. *Теория и практика перевода*. София, Наука и искусство, 1982.
2. Васева 1989:Васева И. *Стилистика на превода*. София, Наука и искусство, 1989.
3. Виссон 1999:Lynn Visson. *Перевод культур*. In: Синхронный перевод с русского на английский. Р. Валент. http://www.lingvoda.ru/transforum/articles/pdf/visson_a1.pdf
4. Влахов, Флорин 1990:Влахов С., Флорин С. *Непреводимото в превода*. София, Наука и искусство, 1990.
5. Гарбовский 2004:Гарбовский Н. *Теория перевода*. Москва, Московский государственный университет, 2004.
6. Данчев 2001:Данчев А. *Съпоставително езикознание. Теория и методология*. София, Университетско издателство “Св. Климент Охридски”, 2001.
7. Димова 2000:Димова А. *Увод в теорията на превода*. Шумен, 2000.

8. Кентротис 1996: Κεντρωτής Γ. *Θεωρία και πράξη της μετάφρασης*. Αθήνα, εκδόσεις Δίαυλος, 1996.
9. Ликоманова 2002: Ликоманова И. *Преводът: между теорията и практиката*. София, Университетско издателство “Св. Климент Охридски”, 2002.
10. Ликоманова 2006: Ликоманова И. *Славяно-славянският превод. Лингвистичен подход към художествения текст*. София, Университетско издателство “Св. Климент Охридски”, 2006.
11. Людсканов 1967: Людсканов А. *Прежеждат човекът и машината*. София, Наука и изкуство.
12. Масленникова Е. М. Моделирование смысловой структуры текста. www.lingvolab.chat.ru/library/modelling.htm

Εκσцерπированные источники:

1. М. Булгаков. *Мастер и Маргарита*. Москва, Художественная литература. 1988
2. М. Булгаков. *Майстора и Маргарита* (прев. Л. Минкова). В. Търново, Абагар, 1996.
3. М. Μπουλγκάκοφ. *Ματρ και η Μαργαρίτα*. Αθήνα, εκδόσεις Θεμέλιο, 1991.

Ключевые слова: *межпереводной инвариант, инвариантность, эквивалентность, реалия, коммуникативная значимость.*

The paper discusses the methods of translating Russian realia into Bulgarian and Modern Greek languages. We use the concept of the translating invariant, which is defined as the relation between multiple translations. During the analysis of some parallel translations, the translation invariant is proved to be very useful for the description of the relation between the original piece and its translations. We focus on certain grades of expression of the semantic invariant, in the presence of different variative and invariative elements and in

Малыса О.
Силезский университет
г. Катовице (Польша)

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ АНТРОПОНИМОВ В ПОЛЬСКИХ ПЕРЕВОДАХ ТЕКСТОВ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА

Имена собственные, в круг которых наряду с топонимами, астрономическими наименованиями, кличками животных и другими группами индивидуальных номинаций (заглавия, названия периодических изданий и т.п.) входят ставшие предметом нашего анализа антропонимы, являются в последнее время предметом исследования не только ономастики, но также текстологии, межкультурной коммуникации, переводоведения. В рамках последней науки рассматриваются способы трансляции собственных наименований с исходного языка на переводящий, которые, безусловно, зависят от графической оформленности языков, исторической эпохи, общепринятых правил в сфере функционирования иностранных имен в той или иной культуре, а также от стилевой и жанровой принадлежности текста. Определенного подхода, как известно, требует перевод собственных номинаций и, в частности, личных имен, в художественной литературе. Стоит обратить внимание на то, что все чаще по отношению к художественным произведениям поднимается вопрос о различных стратегиях перевода онимов в общетеоретическом плане, причем высказывается противоречащее расхожему утверждению об их скорее передаче (транскрипции или транслитерации) на другой язык или заимствованию в оригинальной языковой версии мнение о том, что «с семиотической точки зрения предполагаемый не-перевод имен собственных, т.е. отсутствие вмешательства переводчика, всегда и в любом случае является переводом, т.е. вмешательством. Ведь не-перевод означает явное внедрение

инородного элемента исходного кода в текст, составляемый на языке перевода, т.е в другой код. Это примерно соответствует такой ситуации, если бы текст перекодировали с азбуки Морзе на обычный язык, а имена собственные оставались бы в виде точек и тире» (Л. Сальмон 2006, 403).

Довольно специфическую роль приобретают личные имена в постмодернистических произведениях, в которых наряду с вымышленными персонажами появляются фамилии реальных лиц, а также, или, может быть, прежде всего, обусловленные интертекстуальной перекличкой прецедентные персоналии. Проследим, каким образом эти разнообразные антропонимы воплощаются в переводах текстов Виктора Пелевина *Generation «П»*, *Жизнь насекомых*, *Чапаяев и Пустота*, а также *Священная книга оборотня* на польский язык.

Так, имена и фамилии существующих в действительности личностей, связанных с политикой, культурой, историей и др., как неотъемлемая часть произведений Пелевина, передаются переводчиком преимущественно принятом в польском языке ономастическим соответствием: к примеру, *Дудаев – Dudajew*, *Котовский – Kotowski*, *Иннокентий Смоктуновский – Innokentij Smoktunowski*. Однако в случае Антона Чехова, упоминаемого в романе *Generation «П»*, переводчик решает транскрибировать его имя - *Anton*, несмотря на то, что в польском языке по отношению к этому писателю общепринята форма *Antoni*, как отражение тенденции полонизирования имен, распространенной в Польше вплоть до середины XX века.

Если все же читатель безошибочно спроецирует модифицированную для него форму имени, но в контексте связанной с ней фамилии, на знаменитого русского писателя, то при восприятии поляками онима *Слава Зайцев*, переданного с помощью транскрипции как *Slawa Zajcew*, могут возникнуть разночтения. Это вызвано тем, что сохранение в польском варианте имени *Slawa*, которое, как и все краткие формы личных имен в польском языке, оканчивающиеся на *-a*, соотносится исключительно с

женским именем, может приводить к искаженному пониманию пола личности модельера, неизвестного в Польше. Образ затемняется тем более, что в польской культуре функционирует женское имя *Ślawomira*, от которого образуется краткая форма *Śława*, а фамилии на *-ew*, как известно, в иноязычной от русской среде могут сочетаться и с именами женского рода. В свою очередь, в *Священной книге оборотня* антропоним *Владимир Ульянов*, хотя и передан безошибочно как *Włodzimierz Uljanow*, далеко не всегда будет отражать в сознании поляков соответствующий десигнат, поскольку для польского адресата более адекватной была бы форма *Włodzimierz Lenin* по причине своей несомненной распространенности.

Безусловно, при переводе текстов, включающих часть культурного пространства, к которым принадлежат прецедентные имена, становится неизбежным появление ассоциативных лакун, что связано с разного рода несовпадениями в фоновых знаниях представителей различных культур. И хотя возможным является заполнение так называемых «культурных лакун», к одному из видов которых относятся комментарии, включенные в перевод, однако в своем большинстве они имеют довольно общий характер и не дают отчетливого представления об их специфике. Так, в отдельных случаях в переводах Е. Роевской-Олеярчук личные имена появляются с переводческим пояснением: *Джамбул - Dżambuł* с комментарием *Dżambuł Dżabajew (1846-1945) – kazachski pieśniarz ludowy (akyn); jeden z najwybitniejszych przedstawicieli ustnej twórczości ludowej Kazachstanu* (Pelewin 2004, 125); *Гребенищиков - Griebienszczikow* со сноской *Borys Griebienszczikow – lider popularnego zespołu jazzowego „Akwarium”* (Pelewin 2002, 144) или *Малюта –* в тексте *Maluta*, но внизу примечание *Maluta Skuratow (właśc. Grigorij Łukjanowicz Skuratow-Bielski, ? –1572), faworyt i prawa ręka Iwana Groźnego w kierowaniu opriczniną; słynął z okrucieństwa* (Pelewin 2002, 126). Помогая инокультурному реципиенту реконструировать элементы чужой среды, эти комментарии все же не могут вызывать тех же ассоциаций, что у читателей подлинника и

актуализировать весь прецедентный текст: имя Джамбула ассоциируется с поэтом-кочевником, восхваляющем Сталина, приобретая в контексте фразы *Джамбул на коне, как птица в небе* в «Жизни насекомых» (Пелевин 2002, 131) ироническое звучание. В свою очередь, выяснение в польском тексте рода деятельности Гребенщикова приближает понимание слогана из рекламного плаката сигарет «Парламент» в «*Generation «П» Парламент. Пока не начался джаз, но не способствует воссозданию пресуппонируемой во фразе *сидящий в лотосе на вершине холма* (Пелевин 2001, 139) по отношению к Гребенщикоу информации о том, что одна из его песен озаглавлена «Сидя на красивом холме» (из альбома «Дети серебра», автоцитата песни «Игра на верняке» из альбома «Табу» - «Сидя на красивом холме, видишь ли ты то, что видно мне?»), а цветок лотоса соотносится с увлечением музыканта Непалом и буддийской философией. Малютой же в этом же романе назван один из вымышленных героев, а грозное имя обыгрывается с упоминанием родителей-романтиков с их тягой к неожиданным и редким именам (Пелевин 2001, 122).*

Особые трудности у переводчиков связаны с творчески переосмысленной формой персоналий, что вписывается в игровые элементы постмодернизма. К сожалению, аллюзии, основанные на различных видах звуковых комбинаций и требующие адекватного декодирования содержащихся в них образов и намеков, утрачиваются. Так, правильная форма исторического антропонима – царя Вавилонии Навуходоносора -*Nabuchodonozor* как однако передачи имени *Небухаданаззер*, схожего по звучанию с просторечным глаголом «бухать» - ‘распивать спиртные напитки’, совершенно не проясняет в польском тексте последующих размышлений героя «*Generation «П»: «Небухаданаззер» показалось ему отличным определением человека, который страдает от опохмелки* (Пелевин 2001, 41).

Ироническое отношение к популярному миловидному ведущему на одном из каналов российского телевидения передачу «Угадай мелодию»

Валдису Пельшу прослеживается в антропониме *Пелдис Шарм*, называющего в тексте ведущего телепрограмму «Караоке о главном», который, транспонируемый в польское соответствие *Peldis Szarm*, не выясняет намерений автора, тем более, что само слово *шарм* переводится на польский язык как *urok, wdzięk*, в связи с чем может указывать главным образом на инородность звучания, хотя его значение приближает образованное от французского корня польское прилагательное *szarmancki* как определение благовоспитанного человека.

Исчезает эффект языковой игры также в наименованиях смешанного типа, включающих в свой состав собственные номинации лиц. К примеру, в рекламном проекте, представленном в «*Generation «П» - Вещизм. Как ныне собирается вещей Олег – то есть за вещами в Царьград* (Пелевин 2001, 94), используется пушкинская строка, в которой входящее в состав антропонима прилагательное *вещий* созвучно словам *вещизм/вещи*. В польской версии это звучит так: *Ciuchy. Jako drzewiej wybiera się Wieszczy Oleg na wyprawę do Carogrodu* (Pielewin 2002, 97), из-за чего нарушается принцип функциональной эквивалентности.

Иллюстрацией неудачных выборов может послужить передача прецедентных фамилий из канона мировой классики в одном из фрагментов «*Чапоева и Пустоты*», где описывается спектакль, в котором к кулисам прикрепляются *куски картона со словами «Раскольниковъ» и «Мармеладовъ»*, что рассказчик комментирует словами *я сразу решил, что мягкий знак на конце слова – не ошибка, а какой-то символ* (Пелевин 2004, 31). По-польски имена героев Достоевского приводятся как *Raskolnikoff* и *Marmeladoff*, где иноязычный аффикс в обеих формах мало того, что не подсказывает раскрытую далее в тексте символику написания (буква *ерь* в конце фамилии Мармеладов предопределяет то, что этот человек оказывается женщиной – т.е. мягким существом), но и совершенно неоправданно экзотизирует фамилии. Напомним, что описываемое действие романа происходит в 1918 году, когда реформа русского языка

только что была подтверждена декретом, в связи с чем написание в конце слов мужского рода *ь* считалось еще нормой.

Отметим, что популярные вымышленные имена из других известных текстов, функционирующих в кругу русской культуры, передаются ономастическим соответствием: Буратино – *Buratino*, хотя для польского читателя наиболее очевидным бы было имя *Pinokio*, в отличие от *Buratino* являющееся крылатым и благодаря этому способным аннулировать культурную дистанцию.

Сохраняются также в польском переводе в транскрибированном виде одни из наиболее популярных русских фамилий, в тексте Пелевина введенные именно с целью подчеркнуть их распространенность и банальность в противопоставлении псевдониму Бло - *подпись вроде "Сидоров" или "Петухов" была бы нелепа* (Пелевин 2001, 66). Тем не менее таковыми они не являются в восприятии поляков, в связи с чем переводчик мог заменить эти фамилии другими, вызывающими у них ассоциации с типичными русскими фамилиями (к примеру, фамилии типа *Iwanow*, *Pietrow*). Отметим, что такие приемы передачи собственных имен могут использоваться в художественной литературе. Так, Х. Лебедзинский приводит пример перевода топонимов из стихотворения М. Светлова «Гренада», в котором украинские города Александров и Харьков были в польском варианте заменены на *Kijów* и *Połtawa*, как более известные и значимые (Lebiedziński 1981, 39).

Конечно, как и в любом художественном тексте, так и в произведениях Виктора Пелевина имена выступающих в них вымышленных персонажей далеко не случайны, а являются результатом значимого выбора и обусловлены авторской концепцией. Небезынтересно в этой связи отметить, что в *Священной книге оборотня* один из героев говорит: *От имени зависит все. Есть научная гипотеза, что имя каждого человека является первичной суггестивной командой, которая в предельно концентрированной форме содержит весь его жизненный сценарий. И*

психика каждого человека программируется на базовом уровне теми ассоциативно-семантическими полями, которые задействует имя и фамилия (Пелевин [www, free-book.ru](http://www.free-book.ru)). Как подчеркивает В. Виноградов, даже в повседневном общении, где внутренняя форма имен собственных, как правило, не воспринимается, их потенциальная оценочность всегда сохраняется (Виноградов 2006, 152). Смысловая нагрузка придуманных же Пелевиным забавных говорящих антропонимов, как правило, сходна с переводческими соответствиями: *Мудаев – Pupajew, Дрель – Wiertło, Всуеслав – Wsadzisław, Клопченко-Конопляных – Pluskwienko-Konopka, Косой – Ślepy* (в последнем примере хотя значение слова изменяется, но остается в кругу пороков зрительной системы). Некоторые фамилии приобретают польское звучание. Это, к примеру *лауреат воронежского слета экстрасенсов, кандидат технических наук А. У. Пауков* (Пелевин 2002, 45), который в польском издании книги функционирует как *A.U. Rajakowski* с типичным для польского языка морфологическим оформлением. В других же случаях восстанавливаются формы англоязычных фамилий, в том числе из того же круга насекомых. Сэм Саккер - *Sam Sucker*. Фамилия американца – *Sucker* - происходит от глагола *to suck*, обозначающего «сосать», что имеет непосредственное значение для сюжета книги *Жизнь насекомых*, так как Сэм превращается из человека в комара (а комары, как известно, сосут кровь). Кроме того, „*sucker*” имеет и другие значения, обозначая присоску, леденец на палочке или человека-простака. В свою очередь, экзотичность уже упомянутого нами псевдонима журналиста из *Generation II - Бло* – переводчик воссоздает с помощью добавления к нему второго «о», придавая ему англоподобную форму и, соответственно, звучание – *Bloo*.

Таким образом, можно отметить, что в случае воссоздания смысловых личных имен в переводах текстов Пелевина во многих случаях удастся сохранить функционально-смысловую эквивалентность. В отдельных примерах фамилий с прозрачной структурой тем не менее

переводчик прибегает к транскрипции/транслитерации, иллюстрацией чего может послужить фамилия менеджера по размещению акций - Непойман, образованная от отрицания «не» и глагола «поймать», что у русских читателей ассоциируется с человеком, который, совершая разного рода преступления, всё-таки остаётся непойманным. Всех этих ассоциаций лишается польский адресат, так как фамилия *Niepojman* не имеет никакого добавочного значения.

В наибольшей же степени не удастся передать насыщение имен разными символами. Главный герой *Generation «П»*, Татарский, носит имя *Вавилен*, соотносимое с Вавилоном, а также с Аксеновым и Лениным. По-польски Вавилон звучит как *Babilon*, что потребовало дополнительного введения сноски относительно русской формы (*ros. Wawilon*), а воспроизведение для польского читателя антропонимов *Василий Аксенов* и *Владимир Ильич Ленин* скорее всего не так прозрачно, как для носителя русской культуры, тем более, что для польского языка аббревиатуры не относятся к таким типичным явлениям словообразования, как для русского.

Пристрастие Пелевина к аллюзивным именам проявляется также в наименовании героини «Священной книге оборотня» А Хули, что вызывает и ассоциации с вульгаризмом, и с лисой Алисой, т.к, согласно толкованию автора, слово *хули* по-китайски значит «лиса». Краткая форма выбранного ею псевдонима *Адель* – *Ада* скрывает, по ее же размышлениям, два полярных смысла - "ад А" и "А да", что опять же дополнительно переводится в польском тексте: *ad – piekło, da – tak*, а само имя *Адель* изменяется на польский манер *Adela*, что лишает его экстралингвистической информации, заключенной в нем, превращая элегантную французскую форму в тривиальное польское соответствие, к тому же приводящее на ум польскую песенку из репертуаров кабаре о простушке Адели. Обыгрывание же слов *сад* - *ад* в цитате из известной

песни (*В аду родилась елочка, в аду она росла*) передается фразой *piekelne skojarzenia* - «адские ассоциации».

Кроме того, у А Хули есть ещё одна фамилия, записанная в фальшивом, заграничном паспорте: Алиса Ли. Она придумана самой лисой: *с одной стороны, распространенная корейская фамилия, подходит к моему азиатскому личику. А с другой — как бы намек: «Алиса ли?»* В польском издании романа эта фамилия звучит Alisa Li, что соответствует оригинальному звучанию этого имени, но выступающий в подлиннике значимый вопрос, основанный на омонимии фамилии *Ли* и частицы *ли*, теряется, так как в польский эквивалент этой частицы звучит *су*.

Второго главного героя *Священной книги оборотня* зовут Александр (Саша) Серый – Aleksander (или Sasza) Szary. Когда он первый раз встречается А Хули, он говорит: *Слышали про такого Сашу Белого? Ну а я — Саша Серый.* Она отвечает, что про Сашу Белого не слышала, но знает Андрея Белого. В польском переводе немного утрачивается эта игра слов, так как фамилия главного героя переводится (Серый – Szary), а в то время как фамилия писателя – Белый транскрибируется (Biały). Хотя читатель имеет возможность догадаться, о чём идёт речь в разговоре А Хули и Саши, поскольку названия цветов в обоих языках близки по звучанию, однако он не в состоянии заметить ещё один важный намёк – аллюзию к герою популярного в России многосерийного фильма *Бригада* Сашу Белого.

Подытоживая, отметим, что выбор способа воспроизведения личного имени в переводе постмодернистического пространства текстов Виктора Пелевина – будь то транскрибированный или транслитерированный вариант, приспособленная либо адаптированная к польскому языку версия имени собственного - может в определенной степени компенсировать его, но и способен лишить антропоним богатства подтекстов и ассоциативных связей.

Литература

1. Виноградов В.С.: Перевод: Общие и лексические вопросы. Москва 2006.
2. Lebedziński H.: Elementy przekładoznawstwa ogólnego. Warszawa 1981
3. Пелевин В.: Generation П. Москва 2001
4. Пелевин В.: Жизнь насекомых. Москва 2002
5. Пелевин В.: Священная книга оборотня. www.free-book.ru
6. Пелевин В.: Чапаев и Пустота. Москва 2004.
7. Pielewin W.: Generation P. Warszawa 2006.
8. Pielewin W.: Mały palec Buddy. Warszawa 2003
9. Pielewin W.: Święta księga wilkołaka. Warszawa 2006.
10. Pielewin W.: Życie owadów. Warszawa 2004
11. Сальмон Л.: Личное имя в русском языке. В: Казакова Т.А. Художественный перевод. Теория и практика. Санкт-Петербург 2006.

In Pelevin's works, influenced by postmodernist aesthetic, proper names play a specific role. The writer uses not only names of imaginary names of characters invented by him but also names of famous historical persons as well as well-known fictitious characters from world culture, Russian culture in particular. These culturally determined antroponyms pose a real difficulty for a translator because their association and connotation fields often differ in source texts and target texts.

Keywords: postrmodezm, intertextuality, equivalence, proper noun, association and connotation fields.

Микадзе М.Г., Кацарава М.С., Квирикадзе Н.Г.
Кутаисский государственный университет имени Акакия Церетели
г. Кутаиси (Грузия)

**К ВОПРОСУ ГРУЗИНСКОГО ПЕРЕВОДА РОМАНА
М.А.ШОЛОХОВА “ТИХИЙ ДОН”**

Жизнь Грузии исторически всегда была тесно связана с соседними странами, что имело как положительные, так и отрицательные последствия. На протяжении веков боролись грузины с чужеземными захватчиками. Нужна была необычайная стойкость, чтобы такой маленький народ сумел на перекрестке Европы и Азии спасти и сохранить свой язык. Как в мирные периоды, так и во времена бедствий грузинская литература подпадала под влияние литературы другого народа. Грузины всегда отличались интернационализмом, что в определенной степени обогащало их культуру. В средние века много переводили с языков стран Ближнего Востока. Так было и в древности.

Эмпирический материал, накопленный в течение веков в сфере грузинского перевода, обусловил развитие грузинского переводоведения. Суть художественного перевода состоит в его языковом процессе. Посредством языка происходит освоение оригинала и создание его эквивалента. Известно, что перевод – это особый, своеобразный и самостоятельный вид словесного искусства.

На грузинский язык переведено множество художественных произведений. Наиболее часто переводятся образцы русской, английской, французской, немецкой, греческой и др. литературы. При встрече любых двух языков во время перевода возникают определенные трудности. И грузинский перевод, разумеется, вследствие строения и специфичности грузинского языка характеризуется своеобразием. Переводчик должен суметь сохранить естественность грузинского языка, учитывая грамматические возможности, свойственные языку перевода.

Трудности, возникающие при том или ином переводе, отличаются своеобразием. Переводчик, с одной стороны, вынужден иногда переносить чужие формы в родной язык, с другой же – отказываться от некоторых таких форм языка-подлинника, которым невозможно подобрать эквиваленты в чужом языке, но которые могут иметь важное значение для общестилистического образа родного языка.

Интерес грузинской общественности к русской литературе имеет давние традиции. В настоящей статье мы сравниваем друг с другом известный роман М.А.Шолохова “Тихий Дон” и его грузинский перевод, принадлежащий Тинатин Джавахишвили. Выдающийся русский писатель М.Шолохов пользуется популярностью у грузинского читателя. Творчество его всегда вызывало повышенный интерес в Грузии, и произведения его с успехом переводились на грузинский язык.

Роман “Тихий Дон” занимает в наследии М.Шолохова особое место. Нелегко передать этот роман на какой-либо другой язык. Однако грузинская переводчица сумела по мере возможности донести авторский замысел до читателя при помощи удачных изобразительных средств. Повествование в переводе протекает ненавязчиво, чувствуется красота грузинской речи. Переводчица старается передать то или иное слово, использованное в романе М.Шолохова, свойственными грузинскому языку естественными формами:

К вечеру собралась гроза. Над хутором стала буря туча. Дон, взлохмаченный ветром, кидал на берега гребнистые частые волны (Шолохов 1975, т. I, 30).

saRamoTi *Wega-quxili daiwo*. sofels *lega Rrubeli* gadaefara. qarisagan aforiaqebuli doni napirze *aqafebul* talRebs ganuwvetliv isroda (Шолохов 1991, т. I, 31).

Федот Бодовсков свищет; приседая, рвутся из постромок кони; Петро, высовываясь из будки, смеется и машет фуражкой... (Шолохов 1975, т. I, 38).

fedot bodavskovi *ustvens*, sxenebi *borZikoben*, *Wapans swyveten*, petro Cardaxidan TavS hyofs, icinis da quds afrialebs (Шолохов 1991, т. I, 39).

В переводе Т.Джавахишвили подчеркивается принцип верности подлиннику, переводчица находит точные соответствия русским сравнениям и эпитетам:

Высокий, крутошей и статный Степан невесте понравился, на осенний мясоед назначили свадьбу (Шолохов 1975, т. I, 41).

maRali, Casxmulkisriani da warmosadegi stefane sapatarZlos moewona, qorwili daniSnes Semodgomis saxsniloblisaTvis [Шолохов 1991, т. I, 43].

Горбатый нос его блистал, как свежелакированный, во впадинах черных щек томилась испарина (Шолохов 1975, т. I, 49).

misi kexiani cxviri axlad SelaquliviT laplapebda, Savi loyebis fosoebze ofli Camosdioda (Шолохов 1991, т. I, 51).

При переводе определенные затруднения возникают в связи с вопросом передачи на грузинский язык фразеологии. Переносить фразеологические выражения на другой язык довольно сложно, поскольку это та часть лексического фонда языка, которая слово в слово не переводится.

В различных языках фразеологизмы имеют различную смысловую и лексическую основу, вследствие чего их перевод весьма затруднителен. Следует учесть, что значение фразеологизмов не совпадает с суммой значений входящих в них слов, и поэтому дословный перевод таких выражений был бы явной бессмыслицей. Именно так и происходит в рассматриваемом переводе. Т. Джавахишвили сумела передать то или иное фразеологическое выражение естественными грузинскими эквивалентами. Кроме того, в ряде случаев фразеологизм появляется в грузинском тексте, хотя его не было в русском:

Тут дело может до греха взыграть, а я наперед упреждаю: примечу – запорю! (Шолохов 1975, т. I, 18).

aq SeiZleba codva datrialdes, winaswar gafrTxileb, Tu kidev rame gavige, magrad gailaxebi, icode! (Шолохов 1991, т. I, 20).

– Нашла жениха, дуреха, – урезонивал отец, – только и доброго, что черный, как цыган (Шолохов 1975, т. I, 84).

– ipovne raRa Senc saqmro, sulelo, – niSns ugebda mama. erTi is sikeTe sWirs, rom boSasaviT Savia (Шолохов 1991, т. I, 86).

Чувствовал Гришка после встречи с ней сосущую тоску. Без причин злобствовал ... (Шолохов 1975, т. I, 95).

aqsiniasTan Sexvedris Semdeg griSkas mwvave **naRveli uvsebda guls**
(Шолохов 1991, т. I, 97).

– Ну, и рассказывай. А то об бороде своей, на кой она клеп нам спонадобилась (Шолохов 1975, т. I, 155).

– maS gviambe! Seni wveri vis ra **ra Savqvad unda?** (Шолохов 1991, т. I, 157).

В грузинской литературе скабрзная лексика в большинстве своем не привилась, поэтому передача такого рода слов связана с определенными трудностями, хотя следует отметить, что переводчице удается подыскать нужные соответствия:

– Нехай идет, кобелина поблудный! Нехай, будь он проклят!
(Шолохов 1975, т. I, 161).

– wavides eg **garyvnili ZaRli**, wavides, eg dawyevlili (Шолохов 1991, т. I, 163).

Аксинья на гром откинутой двери оглянулась.

– Гадина!.. Сука!.. (Шолохов 1975, т. I, 389).

aqsiniam farTod gaRebuli karis braxunze moixeda.

– **Zuknav, sazizRaro!** (Шолохов 1991, т. I, 391).

Особого внимания заслуживает стремление переводчицы выискать в грузинском языке выражения, адекватные речи персонажей романа, а также речи повествователя; она вводит даже жаргоны. Т. Джавахишвили сумела нейтрализовать ожидающиеся противоречия между русским и грузинским языками, удачно избежав возникновения возможного контраста между изобразительными средствами обоих языков:

*Ветер пережевывал **хрушкий**, колючий снег, по двору текла, шипя, серебристая поземка. За палисадником – на деревьях нежный бахромчатый иней. Ветер стряхивал его, и, падая, рассыпаясь, отливал он*

на солнце радужными, сказочно богатыми сочетаниями красок (Шолохов 1975, т. I, 212).

qari atrialebda *xviriS*, mCxvletav Tovls, ezoSi yinulqveS SrialiT miCuxCuxebda vercxlisferi nakaduli. yvavilnars iqiT xeebs fifqi funjebad dasdeboda. qari totebad arxevda da Camocvenili, mzeze cisartyelasaviT gaSlili fifqi zRaprul ferebad ireoda (Шолохов 1991, т. I, 214).

Серебряным дождем сыпала над поверхностью воды мелочь-рыбешка. С той стороны, за белью песчаной косы, величаво и строго высились седые под ветром вершины старых тополей (Шолохов 1975, т. I, 75).

wylis zedapirs vercxlis wvimasaviT dahkvroda *WiWyina Tevzi*. wyalgaRma, TeTri qviSnaris isaras iqiT medidurad da mkacrad moCanda qarisan gaWaRaravebuli, Zveli alvis xeebis kenweroebi (Шолохов 1991, т. I, 77).

В переводе особое внимание уделяется вопросу строя и грамматических особенностей русского и грузинского как разносистемных языков.

В русском языке часто используются деепричастия и деепричастные обороты, которые на грузинский язык передаются по-разному: личной формой глагола, причастием, сложным предложением либо другими средствами. Например:

Григорий, уронив комол бредня, тряся в беззвучном хохоте (Шолохов 1975, т. I, 31).

grigorim badis latani xelidan *gaagdo*, uxmo xarxarisagan ZagZagebda (Шолохов 1991, т. I, 33).

Перепуганный Григорий, вынырнув, плывет на крик (Шолохов 1975, т. I, 33).

SeSinebulma grigorim *atoiyuryumalava* da kivilis mimarTulebiT gacura (Шолохов 1991, т. I, 35).

*Пантелей Прокофьевич прихворнул; **опираясь** на костыль, охая от боли...*(Шолохов 1975, т. I, 133).

pantelei prokofiCi avad iyo, weli stexda, yavarjenze **dayrdnobili** tkivilisagan kvnesoda (Шолохов 1991, т. I, 135).

Большое значение при переводе имеет учитывание грамматических особенностей. Грузинский глагол, в отличие от русского, многоперсональный; он характеризуется категориями “версия, контакт” и т.п. В русском языке отсутствует существующее в грузинском языке причастие будущего времени, также различно в обоих языках образование сослагательного наклонения; в грузинском языке с разными предметами по-разному употребляются вопросительные местоимения *кто?* и *что?* и глаголы “*muavs*” и “*maqvs*” со значением “иметь”:

*–Жалкую, что далеко – отсель не достану, а то я бы тебя тыкнул, аж красную соплю **б уронил!*** (Шолохов 1975, т. I, 143).

–vnanob, rom aqedan Sorsa xar, ver mogwvdebi, Torem cxvir-pirs wiTlad **SegiRebavdi** (Шолохов 1991, т. I, 145).

*– Ну, Емеля, понес без колес! Об чем начал гутарить? – **перебил Иван Алексеевич.***

– Об народе, вот об чем (Шолохов 1975, т. I, 155).

*– aba, nu mied-moedebi! visze laparakob? – **gaawyvetina** sityva ivan aleqseeviCma.*

– xalxze, ai visze! (Шолохов 1991, т. I, 157).

В грузинском языке сложность при переводе создается отсутствием грамматического рода, однако переводчица достигает того, что в тексте эта неловкость преодолевается. Например, в случае наличия в оригинале личного местоимения третьего лица она подменяет его именем, чтобы не возникало недоразумения:

*Был **он** коренаст, одинаково широк и в плечах и в бедрах, оттого казался квадратным* (Шолохов 1975, т. I, 153).

koSevoi Caskvnili axalgazrda iyo. beWebi da TeZoebi erTnairad ganieri hqonda. amitomas igi oTxkuTxedsa hgavda (Шолохов 1991, т. I, 155).

Грузинский язык обычно не избегает сложностей фразы, хотя “Тихий Дон” в этом плане не создает трудностей переводчику. Здесь не встречаем длинных предложений, характерных для индоевропейских языков. Предпочтение отдается предложениям с однородными членами, а в случае сложных предложений – сложносочиненным. В рассматриваемом переводе Т.Джавахишвили в основном соблюдает идентичность отмеченных синтаксических конструкций оригинала, однако встречаются места в тексте романа, когда сложные формы расчленяются на простые:

Дарья отцепила постромки и лихо вскочила на кобылу. Наталья, ежа в улыбке растрескавшиеся губы, подвела коня к косилке, примацивалась сесть с косилочного стула (Шолохов 1975, т. I, 245).

dariam cxens sadave moxsna da mardad Seaxta faSats. *natalias daxeTqil tuCebze Rimili uTamaSebda. cxeni miyvana samkelTan. manqanis skamze avida da iqidan cxenze Sejdomas cdilobda* (Шолохов 1991, т. I, 247).

Анализ перевода показал, что грузинская версия шолоховского “Тихого Дона” пронизана общим настроением произведения-оригинала и что в ней верно отражена симпатия/антипатия самого писателя по отношению к описанным в романе событиям и персонажам.

В грузинском переводе Т.Джавахишвили по возможности полно сохранен эмоционально-эстетический мир оригинала.

Рассматриваемый перевод еще раз подтверждает общепринятую мысль о том, что художественный перевод – это тоже своего рода творчество, только слитое с нелегким трудом переводчика-филолога.

Литература:

1. Гачечиладзе Г. Теория перевода. Тб.: ТГУ, 1975. 310 с.

2. Шолохов М.А. Тихий Дон. Роман в четырех книгах // М.А.Шолохов. Собрание сочинений в восьми томах. М.: Худ. лит-ра.,1975. Т.І, 383 с.; Т.ІІ, 375 с.; Т.ІІІ, 407 с.; Т. IV, 463 с.
3. Шолохов М.А. Тихий Дон. В 2-х томах. Тбилиси, 1991. Т.І, 400 с.; Т.ІІ, 430 с. Перевод с русского Т.Джавахишвили.

Translation, as the act of interlingua and cross-cultural communication, is of greatest social importance. This kind of importance has always been in the centre of attention. A lot of different ideas have been expressed in recently published special researches. For some researches the most important point while doing a translation is a good knowledge of literature, for some, on the other hand linguistic methods seem to be valuable. G. Gachechiladze claims that the most important factor of translation is aesthetic values of the original text. We consider both of them to be of vital importance. Though they are closely linked with each other they can also be separated.

We might face some difficulties while rendering the text from one language into another. Georgian translation, of course, is in its own way is original due to its structure and some specific features. The translator should manage to maintain the natural structure of the language and this can only be achieved by preserving the specific grammatical characteristics of the language which seems to be quite difficult.

The translator should take into consideration the fact that the language of fiction is based on literary language and when translating it is very important to try to find the emotional equivalents in the target language.

"The Calm Dony" by M. Sholoskov is deservedly considered to be a masterpiece. This short story is the best example of interconnection between the human life and some psychological moments. The reader is under the book's impression for a long time and that means that it is a valuable work of art.

The translator deeply feels the original version of this book and shows his good taste in literature. The translator is impossible always to have all the readymade materials, phrases and terms, no matter how rich and well-

developed the target language. But it should be mentioned to the translator's credit that in the translated text the translator uses the natural forms characteristic to the Georgian language.

Every translation enriches not only the culture but also the language itself. That's why in recent years a great attention is drawn to the stylistic analysis of the literary translation. A lot of research works have been dedicated to this matter. That's the aim of research as well. We consider the translation of "The Calm Dony" to be one of the best translation works ever made and its analysis has confirmed the complexity involved in carrying out this work. In the translation the brilliant knowledge and the adequate use of the expressive features of the original language are vividly shown.

Митина Н.Г.
СПбГУ
Санкт-Петербург (Россия)

СПОСОБЫ ОРГАНИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ РКИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЗАДАНИЙ КОММУНИКАТИВНОГО ТИПА

Одна из задач нашей работы состоит в так называемой расшифровке речевого продукта преподавателя на этапе введения коммуникативного задания. Особый интерес представляют способы интерпретации данной формулировки коммуникативного задания в учебнике преподавателем.

На начальном этапе анализа мы попытались найти связь между типом коммуникативного задания и способом его интерпретации преподавателем. Под *заданиями коммуникативного типа* мы понимаем вид творческих упражнений, способствующих формированию речевых умений и обеспечивающих наиболее высокий уровень практического владения языком¹.

При попытке распределения заданий по классификации, предложенной Э.Г. Азимовым и А.Н. Щукиным, мы пришли к выводу, что в рамках нашего исследования необходимо некоторое ее дополнене.

Поясним. В данной классификации коммуникативные упражнения включают респонсивные (или вопросо-ответные); ситуативные; репродуктивные (пересказ текста или видеоряда); дискуссионные; композиционные (устное выступление по предложенной теме, импровизация, драматизация); инициативные; игровые.²

В основе данной классификации лежат разнообразные с точки зрения целевых установок задания, поэтому они попадают в методической классификации Азимова и Щукина в одну из групп.

Целевая установка каждого задания в учебнике может быть принципиально разная: У1 (упражнение) – цель: установка причины происходящего факта, У2 – цель: узнать мнение; У3 – цель: получить мнение. В то же время по форме эти задания могут оставаться, например, вопросо-ответными.

В характере (то есть, способе интерпретации) предъявления коммуникативных заданий преподавателем мы наблюдаем следующее: меняется целевая установка задания.

У 1: на прогнозирование, У 2: на понимание, У 3: на интерпретацию.

Таким образом, цель задания коммуникативного типа в учебнике и характер его предъявления преподавателем разные. На характер презентации коммуникативного задания влияет изменение целевой установки задания в целом (полное или частичное), то есть той коммуникативной задачи, которая ложится в основу выполнения задания коммуникативного типа. Именно коммуникативная *задача*, а не тип упражнения, дает широкий спектр его интерпретации. Этим объясняется, почему классификация Азимова и Щукина оказывается недостаточной в рамках нашего исследования.

Под характером или *способами интерпретации* мы понимаем способы организации речевого поведения в соответствии с интенцией коммуникации⁴, направленные на решение общей коммуникативной задачи говорящего⁵. Таким образом, не тип коммуникативного задания

определяет способ его интерпретации, а коммуникативная задача, которая лежит в его основе. Под *коммуникативной задачей*, в свою очередь, мы понимаем функционально-семантическую основу (характер и цель предъявления материала) задания коммуникативного типа, представленного в учебнике или учебном пособии.

Типы коммуникативных задач заданий учебника можно представить в виде четырех групп (где основополагающим принципом классификации является функционально-семантическая основа задания коммуникативного типа, то есть характер и цель предъявления материала).

1 группа: Характер предъявления задания: *информация*. Цель предъявления задания: *информирование, сообщение, запрос информации*.

2 группа: Характер предъявления задания: *мнение*. Цель предъявления задания: *выражение мнения / побуждение к выражению мнения*.

3 группа: Характер предъявления задания: *тема+цель*. Цель предъявления задания: *представление темы обсуждения / объяснение цели задания*.

4 группа: Характер: *побуждение*. Цель: *побуждение к поиску фактологической информации / к выражению мнения*.

Итак, проблема интерпретации коммуникативного задания приводит к вопросу его функционально-семантической основы. Характер интерпретации задания коммуникативного типа связан с его основной коммуникативной задачей и не находится в прямой зависимости от типа коммуникативного задания. Коммуникативное задание не только подвергается речевой интерпретации со стороны преподавателя, но и дополняется путем расширения, комбинирования спектра коммуникативных задач. Наличие вариативности способов интерпретации объясняется творческим характером коммуникативного задания, индивидуальным стилем преподавателя, интенцией коммуникации в целом.

Литература:

¹ Азимов А.Г., Щукин А.Н. Словарь лингвистических терминов (теория и практика преподавания языков).- СПб: «Златоуст», 1999.- с 116.

² Там же.

³ Здесь и далее приводятся расшифровки записей устной речи преподавателей кафедры РКИ и методики его преподавания СПбГУ на уроках по темам: «Эмиграция», «Религия», «Речевой этикет», сделанные в мае 2006 г., на уроках использовались личные материалы преподавателей; «Поговорим о любви», сделанные в феврале - марте 2006 г., на уроках использовался учебник Р.М. Теремовой, В.Л. Гавриловой «Окно в мир русской речи» (СПб., 2001).

⁴ Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи - Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1999. - с 109.

⁵ Борисова И. Н. Категория цели и аспекты текстового анализа. // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999.- с. 81-97.

Милославский И.Г.
МГУ имени М.В.Ломоносова
г. Москва (Россия)

КОНЦЕПЦИЯ ОБУЧЕНИЯ ГРАММАТИКЕ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Как скоординировать грамматику со словарем, толковым и идеографическим?

В настоящей статье я буду развивать мысль о необходимости отказа от грамматики как части общего устройства языка в пользу двух типов грамматик: грамматики рецептивной, или грамматики понимания, ориентированной на аудирование и чтение, и грамматики продуктивной, ориентированной на говорение и письмо. Подчеркну, что только в таком, расчлененном, виде грамматика оказывается скоординированной не с

лексикой вообще, но именно со словарем, который может быть построен либо от формы к значению (толковый словарь), либо от значения к форме (идеографический словарь). И никак иначе.

Русско-греческий словарь в руках говорящего по-гречески обеспечивает его рецептивную речевую деятельность на неродном, русском, языке и отчасти продуктивную – на родном, греческом. Тот же словарь в руках русскоговорящего ориентирован на его продуктивную речевую деятельность на неродном ему, греческом, языке. Все это – *mutatis mutandis* - справедливо и для греческо-русского словаря. Остается только недоумевать, почему представление о грамматике вообще, никак не скоординированное ни с обеспечением какого-либо вида речевой деятельности, ни с лексикографической практикой, оказалось таким живучим.

Как бы ни решался вопрос об объеме собственно грамматики, совершенно очевидно, что грамматика принципиально не может существовать без лексики. Лексика без грамматики возможна, например, и в форме словарей, и даже в осмысленной речи людей, не владеющих грамматикой соответствующего языка. Я бы сравнил лексику с тканью, из которой шьют одежду, а грамматику - с нитками, пуговицами, молниями и прочей фурнитурой. Без ниток и фурнитуры, конечно, можно просто завернуться в кусок ткани. Однако лишь нитки, пуговицы, молнии и т.п. вещи позволяют получить из материи именно пальто или брюки, рубашку или платье.

2. Какой вклад вносит грамматика в понимание представленного русского предложения и текста?

При взгляде на язык как на самодовлеющую ценность постоянно предпринимались попытки любыми способами непременно «нагрузить» абсолютно все грамматические характеристики какими-либо значениями. Однако рассматривая язык как средство отражения действительности, необходимо признать существование двух типов грамматических

характеристик: 1) семантических, отражающих объективную действительность и 2) асемантических, никак не связанных с отражающей ролью языка, но определяемых требованиями самого языка. Так, например, число существительных, время, наклонение, лицо глагола, без сомнения, так или иначе отражают соответствующие фрагменты внеязыковой действительности: количество «предметов», время, реальность «действия», участников коммуникативного акта.

С другой стороны, тип склонения или спряжения ни малейшего отношения к отражению объективной действительности не имеет, хотя в сознании почти всех изучающих, например, немецкий язык как иностранный, по моим наблюдениям, различие сильных и слабых глаголов выступает как душа немецкой грамматики.

Различия в роде имен существительных в языках, где такая характеристика имеется, также обычно не отражают каких-либо свойств объективной действительности. То же самое касается и родовых различий в прилагательных и в тех глагольных формах, где такие различия имеются.

Отсюда первое требование к грамматике «понимания» (рецептивной грамматике) это отделение элементов семантических, содержательно ценных, от элементов асемантических, не выражающих никакого сочетания и нужных только для ориентации внутри текста, уяснения того, какое слово с каким связано.

При этом однако следует специально отметить два обстоятельства.

Во-первых, возможность для асемантического грамматического показателя выступить в ограниченном круге строго определенных контекстов в качестве семантического. Так, родовые характеристики русских прилагательных, в том числе и местоименных, обычно асемантические, выражают семантическую характеристику по полу, сочетаясь со словами общего рода (наш невежа, наша невежа). То же самое происходит и с числовыми показателями таких же прилагательных, сочетающихся с несклоняемыми существительными, когда эти, обычно

асемантические, показатели семантизируются, обозначая количественное противопоставление (старый кенгуру – старые кенгуру).

Во-вторых, семантические грамматические характеристики могут сочетаться с лексическими единицами, обладающими однородными семантическими признаками, и становиться, таким образом, асемантическими, точнее семантически лишними, избыточными. Например, несколько домов, где грамматический показатель, строго говоря, излишен семантически (хотя и необходим по правилам самого языка). Или недавно встретил, где грамматический показатель семантически избыточен, поскольку время события уже обозначено лексически.

Второе требование к грамматике «понимания» (рецептивной грамматике) состоит в том, что она никогда не должна оставаться в рамках собственно грамматической терминологии. Грамматические характеристики типа «дательный падеж» или «совершенный вид» сами по себе не несут никакой внятной семантической информации и должны быть непременно преобразованы в характеристики, отражающие не свойства языка, но свойства называемой языком действительности.

Особые трудности вызывает у изучающих русский язык семантизация падежных форм существительных. Можно считать в русском языке стандартным следующее соотношение: именительный падеж – субъект, винительный – объект, дательный – адресат, творительный – орудие, способ: Мать читает сыну книгу громким голосом, Иван послал письмо Петру авиапочтой и т.п. Однако это стандартное соотношение часто не соблюдается. Именительный падеж в страдательных конструкциях обозначает вовсе не субъект действия, а его объект: Улица освещается фонарями. Родительный после глаголов коснуться, добиваться, например, а также при глаголах с отрицанием обозначает объект, а в конструкциях с нет – отсутствующий субъект. Дательный при наречных предикатах (больно, страшно, стыдно и т.п.) обозначает субъект

состояния. Творительный, помимо своего стандартного значения, может обозначать и субъект (в страдательных конструкциях), и объект, как, например, в любуюсь озером или заведовать кафедрой.

Семантизация падежных форм будущим переводчиком с русского языка осложняется тем, что эти формы нередко могут выступать не как средство, обозначающее субъектно-объектные отношения, но выражают обстоятельственные характеристики: ранним утром четырнадцатого мая и т.п.

Кроме того, следует учитывать и двойную роль русских предлогов. В одних случаях они, как известно, выполняют вполне самостоятельную роль, обозначая обстоятельства временные (после обеда, до двух часов), пространственные (перед домом, на столе, в городе, к сыну) и нек.др. В других же случаях те же самые предлоги теряют собственную семантику, выступая показателем субъектно-объектных отношений: смеяться над старостью, надеяться на успех, верить в удачу, унижаться перед начальством. При этом сама падежная форма, выступая после предлогов, требующих одного-единственного падежа, становится асемантической (к + всегда дательный падеж, из + всегда родительный, о + всегда предложный и т.п.), и на нее не следует вообще обращать никакого внимания (см. выше требование 1 к грамматике понимания). Зато после предлогов, допускающих после себя разные падежные формы, именно падежные формы позволяют преодолеть омонимию предлогов: с лошади («сверху вниз») – с лошадю («совместно»), на стол («направление») – на столе («место»), под стол («направление») – под столом («место») и т.п. Преодолеть все эти трудности в процессе рецептивной речевой деятельности можно отчасти за счет лексических значений глаголов, а также существительных, соединенных с ними при помощи разных падежных и предложно-падежных форм. Так, например, ехать на поезде, стрелять из пушки, резать ножом, читать в очках в силу лексических значений глаголов и существительных определяют для последних

только значение «орудие, средство» и едва ли допускают какое-либо другое.

Точно также в грамматике понимания нельзя ограничиться указанием на совершенный или несовершенный вид глагола. (Этого совершенно достаточно только в тех случаях, когда перед нами личная форма непрошедшего времени, а читающему / слушающему нужно понять, означает ли она «настоящее» - еду, читаю, пишу и т.п. или «будущее» - приеду, прочитаю, напишу и т.п.). Следует иметь в виду, что совершенный вид обозначает либо результативное действие – построить, написать, прочитать, вымыть, - либо действие однократное – состричь, толкнуть, сказать.

Третье требование к грамматике понимания состоит в умении складывать между собой семантику грамматического показателя (если он не асемантичен!) с другими семантическими единицами, а именно, лексическим значением соответствующего слова, с лексическими значениями других слов в предложении, а также со знаниями о конкретной ситуации общения, а также о жизни вообще, иначе, со всеми теми «значениями», которые присутствуют в каждом коммуникативном акте в явном или скрытом виде.

Ограничусь некоторыми типичными примерами таких сложений-воздействий на грамматические значения.

Число как грамматический признак существительного обычно указывает на количество предметов. Однако это не всегда так. Например, множественное число существительных шахматы, сливки или духи ни о каком множестве не сообщает. Характеристика по количеству для слов с лексическим значением «игра» или «вещество» вообще не имеет смысла. В предложении Новые брюки (сани, ворота, очки) были хорошие вопрос о количестве «предметов» вообще остается без ответа, несмотря на множественное число не только соответствующих существительных, но всех словоформ в предложении. В предложении У нас гости, брат приехал

множественное число гости обозначает не «количество ≥ 2 », реальное количество гостей обозначено единственным числом слова брат.

Это платье длинно – краткая форма прилагательного, обычно асемантическая, в прилагательных со значением «размер» в сочетании с существительными, обозначающими предметы одежды или обуви, дает значение «не годится».

Петя влюбился – личная форма совершенного вида глагола прошедшего времени со значением «переход в состояние» означает «состояние в настоящем». Этого эффекта не будет при добавлении различных уточняющих обстоятельств: В 20 лет Петя впервые влюбился – «состояние в прошлом».

Моя хата с краю – ничего не знаю. Принадлежность к пословицам делает указание на производителя речи (1 лицо) асемантическим. Это обычное асемантизирующее воздействие любой пословицы (и поговорки) на все семантические грамматические показатели. Однако для правильного понимания переводчик должен заранее непременно знать, что перед ним именно пословица (поговорка).

3. Как грамматически правильно оформить единицы собственной речи?

В процессе активных речевых действий говорящий / пишущий прежде всего должен выбрать лексические единицы, с помощью которых он предполагает оформить свой речевой замысел. И далее усилия производителя речи должны быть ориентированы на задуманную им семантическую модификацию существительных и глаголов. Сколько «предметов» хочет назвать говорящий / пишущий? Каковы их актантные роли (субъект, объект, орудие и т.п.)? К какому времени говорящий / пишущий относит названное им действие? Какую модальность он хочет ей сообщить? Кто (что) из коммуникантов (говорящий? слушающий? ни тот, ни другой?) производит это действие?

Иными словами, первое правило продуктивной грамматики состоит в том, что с помощью грамматических средств следует отразить действительность. Выбор соответствующей грамматической формы (числа существительных, времени глагола и т.п.) СРЕДСТВО для выражения модификационного содержания, но никак не цель говорящего или пишущего.

Для примера уточню условия постановки задачи в грамматике для продуктивных речевых действий в той её части, которая определяет оформление субъектно-объектных отношений. Этот её фрагмент выглядит так: дан конкретный предикат (писать, надеяться, мечтать, руководить, весело, страшно и т.п.); требуется определить, 1) какие именно актантные позиции открывает этот предикат и 2) какими именно формами существительных, в том числе и местоименными, падежными и предложно-падежными, заполняется каждая из этих позиций.

Иначе, представим себе таблицу, где строки – русские глаголы и предикатные наречия (в разных их значениях, когда это релевантно для решаемой задачи), а столбцы – все возможные актантные роли. Пересечения строк и столбцов либо нули двух типов: 1) когда это семантически невозможно и 2) когда, несмотря на семантическую возможность, искомые формы отсутствуют, либо все реальные падежные и / или предложно-падежные формы, выступающие при данном предикате (строка) для данной актантой роли (столбец).

Очевидно, что для русского языка таким образом можно выделить все способы оформления актантов для каждого конкретного предиката. Выделятся как основные соотношения (субъект – именительный, прямой объект – винительный и т.п., о чем см.выше), так и относительно малочисленные. Например, субъект состояния при наречных предикатах оформляется дательным падежом (Мне холодно. Ивану скучно. Маше интересно.) При глаголах «руководства» объект действия обычно

оформляется творительным падежом: командовать полком, заведовать отделом, однако курировать вопрос, отвечать за направление.

Выше уже отмечалось, что, например, объектные отношения в русском языке могут выражаться не только с помощью флексий, но и с помощью т.н. предложно-падежных форм: надеяться на отца, верить в успех, заискивать перед начальником и т.п. Очевидно, что во всех этих случаях соответствующие предлоги теряют свои собственные семантические характеристики, превращаясь лишь в показатели того, что перед нами форма не именительного, но косвенного, подчиненного падежа. При этом сама флексия выступает как показатель обусловленный, вынужденный самим, так сказать, предлогом. Впрочем, главный показатель «объектности», по форме выглядящий как предлог, по сути таковым не является: ср. надеяться на отца и повесить на отца (направление); верить в успех и ехать в гору (направление); заискивать перед начальником и стоять перед домом (место) или принимать перед едой (время).

Отличать подобные служебные слова в функции определителя субъектно-объектных отношений от настоящих предлогов с их совсем иной служебной ролью, определяемой собственной семантикой этих единиц, следует, по-видимому, не только в русском, но и в других языках, в частности в немецком и английском (ср., например, нем.warten auf и англ.wait for). Таким образом, как кажется, можно подвести серьезное логическое основание под практическое заучивание глаголов иностранного языка с их управлением. Уточню, если эти глаголы нестандартно оформляют объектные отношения. Знать, как именно следует эти отношения оформлять, совершенно необходимо для обеспечения продуктивной речевой деятельности.

Итак, производитель речи должен прежде всего ориентироваться на то модификационное семантическое содержание, которое он хочет выразить. Как известно, одни и те же семантические характеристики

выражаются по-русски по-разному не только в силу синтагматического воздействия (см. выше, например, о выражении субъекта в случаях типа Он стыдится, Ему стыдно, У него нет стыда), но и в силу принадлежности соответствующих лексем к разным типам словоизменения. Все эти формальные различия не сопряжены с выражением какого-либо содержания. Очень важно понять, что за грамматическими противопоставлениями читать – читаю – читал стоят очень важные семантические различия, причем такие же самые, как и за нести – несу – нес. А вот за грамматическими противопоставлениями чита-ть – нес-ти, чита-ю – нес-у, чита-л – нёс-Ø никаких семантических различий нет. Это просто «капризы», обусловленные принадлежностью глаголов к разным классам, что никоим образом не связано с какими-либо характеристиками обозначаемой этими глаголами действительности.

Многообразие таких асемантических различий, связанных с многообразным оформлением одного и того же семантического содержания, конечно же, очень осложняет продуктивную речевую деятельность на русском языке как на неродном. Более того. Это многообразие, равно как и его слабая мотивированность, создают иллюзию, будто бы именно это и есть грамматика. В действительности же – главное в грамматике это передаваемое ею семантическое содержание, а выбор подходящей для этого формы – лишь досадная трудность на пути к этой цели (Ср., например, с английским языком с его весьма однообразными, за исключением т.н. неправильных глаголов, грамматическими средствами для выражения соответствующих значений: -s для множества предметов, -ed для обозначения действия в прошлом, а для обозначения призыва к действию).

Из всего этого следует второе правило продуктивной грамматики русского языка – необходимость делать правильный выбор из набора синонимичных семантических элементов.

Например, для обозначения «множественности»: стол-ы, но город-а, а также сыновья, цветы, братья, суда и т.п.

Для обозначения «призыва к действию»: говор-и, выбер-и, ид-и, но сяд-ь, стой, брос-ь и т.п.

Для обозначения «действия в прошлом»: читал, говорил, знал, но нес, берег, греб и т.п.

Этот выбор из синонимических возможностей, задаваемый грамматикой, лишь отчасти покрывается тем, что обычно называют различиями в типах склонения и спряжения. Различия между синонимическими средствами воплощаются не только в разных окончаниях (см. выше), но и в разнообразных чередованиях (качественном типа слать – шлю, количественном с усечением типа цветок – цветы или наращением типа сын – сыновья), а также в изменении места ударения. Традиционно эти вопросы разнесены по многочисленным темам, что обусловлено многообразием и разнородностью материала: типы склонения существительных (прилагательных, местоимений, числительных), способы образования форм множественного числа, чередования при склонении, типы спряжения глаголов, классы глаголов... (Замечу, что две последние темы на самом деле представляют собою одну, а существующее разделение лишь дань традиции преподавания русского языка как родного. Для носителей русского языка практически не существует проблемы двух основ глагола, а следовательно, и класса глагола, но существует проблема правописания безударных личных форм глагола. Отсюда и деление на I и II спряжение, актуальное лишь для письменной речи).

Существование множества синонимических средств выражения одного и того же содержания (формы множественного числа имен, формы прошедшего времени или императива глаголов, например), представляют собою безумную расточительность средств внутри самого языка и создают колоссальные трудности для изучающих язык как неродной. Ведь

будучи синонимичными, эти средства очень жестко закреплены в сочетаемости. Особенно возрастают эти трудности в том случае, когда речь идет не о подражании и запоминании, но о сознательном изучении языка, которое может происходить только на семантической основе. По-видимому, объем и принципиальная неупорядочиваемость всего этого материала и породили в общественном сознании миф о том, что именно это и есть грамматика. Следствием из этого мифа был другой миф – об асемантичности грамматики.

Разумеется, при обсуждаемой постановке задачи относительно грамматики все эти факты также непременно должны войти в ее решение. Однако отнюдь не как его главная часть. Здесь в процессе обучения и тренировки методически может быть оправдан следующий путь – формальная, асемантическая корректировка решения, принятого на первом, семантическом этапе. Например, составленное в соответствии с замыслом автора из словарных и/или семантически модифицированных форм неправильное *Хороший браты говорил превращается после асемантической корректировки в нормативное хорошие братья говорили.

Традиционный путь обучения говорению и письму связан с попытками «одноходового» перевода замысла в грамматические формы. Однако неизбежное в таком случае смешение семантического (как основы всей деятельности по решению задачи) и асемантического (более или менее регулярные «капризы» языка) выступает как недостаток при обучении сознательным продуктивным речевым действиям на русском языке, письменному переводу на русский язык, в частности.

Из сказанного следует, что для продуктивных речевых действий совершенно необходимы знания о правилах сочетаемости языковых единиц, как лексических, так и грамматических. Причем эти правила сочетаемости касаются не только выбора из синонимичных, а следовательно, семантических элементов. Эти правила относятся и к выбору асемантических форм (согласование с существительными

прилагательных и других слов, изменяющихся, как прилагательные; координация с существительными в именительном падеже по числу и роду, в единственном числе, личных глагольных форм, оканчивающихся на – л и Ø , выбор падежной формы, обусловленной предлогом).

Третье правило продуктивной грамматики требует заботиться о правильном асемантическом согласовании слов между собой.

Это последнее правило также весьма усложняет работу говорящего / пишущего на русском языке, причем эта сложность совсем не связана с оформлением каких-либо содержательных моментов. Для ее преодоления не требуются никакие интеллектуальные усилия, но только память.

4. Словообразование как полезная часть продуктивной грамматики русского языка

Разумеется, что грамматике принадлежит все, что связано с образованием форм слова, а следовательно, с флексией (окончанием). Однако возникает вопрос о том, можно ли формально ограничить грамматику только флексией. Не должна ли грамматика включить в себя и словообразовательные отношения? И если да, то какую именно часть словообразовательных отношений?

Нетрудно видеть, что ведению грамматики принадлежит все, что представляет собою регулярные образования. Имена существительные регулярно изменяются по числам и по падежам, прилагательные еще по краткости – полноте и по родам, числительные – только по падежам, глаголы – по временам и т.д. Однако не все существительные обладают формами обоих чисел, не все прилагательные имеют полные и краткие формы... Иными словами, регулярность некоторых образований не составляет 100%, однако это не препятствует вхождению соответствующих фактов в грамматику. В этом отношении грамматика жестко противостоит разнокорневой лексике, где регулярность реализации того или иного семантического противопоставления очень редко превышает однозначную цифру. Например, противопоставление

целенаправленной каузации бессубъектному процессу: проснулся – разбудили, выздоровел – вылечили, умер – убили, упал – повалили, но лег – положили или встал – поставили являются уже однокоренными словами.

Лексикографическая практика не всегда включает в состав самостоятельных лексем такие образования, как например, степени сравнения прилагательных, отглагольные существительные и т.д. Рассмотрим все эти вопросы подробнее в рамках грамматики для продуктивных речевых действий.

1) Синтаксическая деривация.

Создание русской продуктивной грамматики, ориентированной на содержание, требует экспликации закономерностей, позволяющих производить синтаксическую деривацию. В самом деле, говорящий / пишущий по-русски должен уметь развертывать текст, превращая, например, предикат первого предложения в субъект или объект второго (Долго боролись... - Эта борьба... - В этой борьбе, Строили... - строительство продолжалось... - в ходе строительства), менять определение «предмета» на характеристику действия (быстро бежать – быстрый бег, ужасно высокий – ужасная высота и т.п.).

Это требование, с учетом многообразия суффиксов (не флексий!), синтаксически «переводящих» глагол и прилагательное – в существительное, а прилагательное – в наречие, непременно приведет к увеличению формальных типов классов слов одной и той же части речи. Так, например, разойдутся глаголы кричать и молчать, поскольку крик, но молчание, хотя во всех формах словоизменения эти два глагола полностью совпадают. То же и, например, с прилагательными толстый и зеленый из-за толщина (толстота), но зелень.

2) Деривация от существительных.

Без сомнения, грамматика для продуктивных речевых действий должна содержать также правила об образовании названий существ женского пола (еж – ежиха, тигр – тигрица, москвич – москвичка, учитель

– учительница и т.п.). Как уже не раз отмечалось, и здесь самым трудным делом будет установление правил выбора из синонимичных суффиксов для каждого производящего. И это также не может не привести к увеличению числа объектов в классификации производящих существительных по сравнению с традиционными типами склонения, способами образования множественного числа и т.п.

Заслуживает также внимания вопрос о правилах образования коммуникативных дериватов, отражающих «ласкательное» отношение к собеседнику типа минуточка, телефончик, билетик, рюмочка и т.п. наряду с не имеющими таких возможностей университет, кафедра, луна и т.п.

Что касается других образований от существительных – по параметру «размер», т.е. «больше нормы» и «меньше нормы», по параметрам «единичность», «собирательность», а также «субъективная оценка», т.е. реально только «отрицательная», - все эти дериваты из-за их относительной малочисленности (читай: крайне низкой регулярности!) едва ли должны стать объектом продуктивной грамматики.

3) Деривация от прилагательных.

Правила образования степеней сравнения – сравнительной и превосходной – должны быть представлены. Хотя их образование и далеко нерегулярно (будь оно регулярным, его оформляли бы флексии и присутствие этого феномена в грамматике даже не обсуждалось бы за очевидностью), но управляется относительно простыми правилами.

Что касается степеней (не сравнения) признака (*толстоватый – толстущий – толстенный*), то они едва ли заслуживают включения, поскольку не только имеют низкую регулярность, но и легко могут быть выражены лексическими средствами *немного, слегка, чуть-чуть очень, чрезвычайно, слишком* и т.п.

Деривация от прилагательных названий лиц по их признакам типа добрый – добряк, глупый – глупец, веселый – весельчак имеет право на обсуждение, хотя баланс плюсов (общее правило вместо того, чтобы

каждый раз обращаться к словарю) и минусов (сложность правил выбора у синонимичных суффиксов, отсутствие ожидаемых дериватов) остается неясным.

4) Деривация от глаголов.

В рамках обсуждаемой грамматики возможно также и обсуждение деривации существительных со значением «лицо, охарактеризованное по действию» типа учить → учитель. Однако и здесь не следует забывать о тех трудностях, которые уже отмечались в связи с деривацией именованных лиц от прилагательных. К этим трудностям при отглагольной деривации добавляются еще незапланированные семантические приращения типа писатель – «тот, кто пишет художественные произведения» (ср.англ. author и writer), а также образования от других корней типа стирать – прачка или водить машину – шофёр. Об отглагольном образовании именованных объекта, места или средства, видимо, не стоит даже и говорить по причине их низкой регулярности.

Внутриглагольная деривация заслуживает особого внимания. Напомню, что в рамках семасиологического подхода к этому явлению удалось выделить две группы фактов. Мутационную деривацию, когда дериват принципиально меняет свое значение по сравнению с производящим, как, например, в спросить → просить, подписать (документ) – писать, уговорить – говорить, убить – бить и т.п. А также модификационную деривацию, связанную с прибавлением к производящему таких общих параметров, как «фазовость» («начало», «прекращение»), «пространственная направленность», «отношение к другому действию» («повторность», «дополнительность») «интенсивность больше или меньше нормы» («по количеству действий», «тщательности совершения действия», «количеству субъектов или объектов») и т.п. Разумеется, в рамках продуктивной грамматики речь в принципе может идти только о модификационной деривации. Напомню также, что все

русские префиксы, выполняющие модификационную роль (за исключением *со* - в значении «совместно», как, например, в *чувствовать* – *сочувствовать*), содержат в себе семы «результативность» или «однократность». Причем эти семы могут являться и единственным содержанием соответствующих дериватов, как в *острить* – *сострить*, *звонить* – *позвонить*, *кричать* – *прокричать*, *целовать* – *поцеловать* («однократность» vs «кратная неопределенность») или как в *писать* – *написать*, *читать* – *прочитать*, *звонить* – *дозвониться*, *строить* – *построить*, («результативность» vs «результативная неопределенность»). А могут быть и непременным проводником названных выше семантических модификаций. Например – *плакать* – *заплакать* («начало» + «однократность»), *писать* – *переписать* («повторность» + «результативность»), *платить* – *доплатить* («дополнительность» + «однократность»), *строить* – *настроить (домов)* («большое количество объектов» + «результат») и т.п.

Совершенно очевидна нецелесообразность использования в рамках продуктивной грамматики параметра «видовая модификация» (см. первое правило продуктивной грамматики), поскольку семантическое содержание, стоящее за такой характеристикой, как вид глагола, остается весьма невнятным, возможно по причине той столь высокой степени обобщенности, абстрактности, которая не укладывается в представление говорящего / пишущего как модификационный параметр.

Имея в виду степень регулярности в реализации внутриглагольных модификационных значений, я считал бы целесообразным представить в качестве разделов продуктивной грамматики, во-первых, правила образования результативных глаголов и, во-вторых, правила образования однократных глаголов. Очевидно, что в качестве средств такой модификации выступают не только приставки, но и суффиксы: *решать* – *решить*, *угощать* – *угостить*, а также *толкать* – *толкнуть* и т.п.

Что же касается других модификаций (в том числе и таких, реализуемых с помощью *-ся (-сь)*, как «безобъектность», «взаимность»), то их, видимо, по той же причине относительно невысокой регулярности следует признать достоянием словаря, а не грамматики.

* * *

Предвидя неудовлетворение многих читателей в связи с отсутствием в тексте ранее неизвестных фактов, хочу объясниться. Я видел свою задачу не в обнаружении новых фактов в грамматическом строе русского языка (сомневаюсь в том, что это после многолетних разысканий выдающихся ученых вообще возможно). Я хотел представить уже известное в таком именно виде, в такой именно системе, которые позволяли бы решить задачи именно так поставленные, как это требуется 1) для понимания русского текста и для его последующего перевода на другой язык и 2) для воплощения средствами русского языка того содержания, которое переводчик уже извлек из текста на другом языке.

Мне думается, что существующие многочисленные теоретические работы, посвященные русской грамматике, не представляют свой материал таким образом, какой необходим для обеспечения речевых действий, особенно продуктивных. В результате этого создается ситуация, когда практическое обучение языку – само по себе, а знания, так сказать, «теории языка» - сами по себе. Этот разлад в жизни преодолевается за счет усиления чисто практической части обучения («повторяй и запоминай»!) и за счет умаления роли теоретических знаний. Эта тенденция кажется мне опасной, поскольку ее торжество ведет к умалению интеллектуальной составляющей в обучении, в частности языку. На мой взгляд, разрешение существующего противоречия не в пренебрежении теорией, но в совершенствовании самой этой теории, нацеленности ее в конечном счете на решение практических задач.

Михайлова Е.В., Щукина С.К.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ВУЗА (ПЕРЕВОД СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ)

В Белорусской государственной академии музыки преподаются различные языки: английский, французский, немецкий, итальянский, русский как иностранный (РКИ), белорусский. При работе со всеми категориями как отечественных, так и зарубежных учащихся перевод специальной литературы с иностранного языка на русский язык (и наоборот) занимает значительное место.

Одним из заданий, непременно включенных в содержание итогового экзамена по иностранному языку в Белорусской государственной академии музыки, будь то итоговый экзамен по окончании основного курса иностранного языка, экзамен при поступлении в аспирантуру или кандидатский экзамен, является письменный перевод на русский (или белорусский по выбору) язык по широкому профилю музыки. Здесь используются оригинальные тексты по теории и истории музыки, музыкальному творчеству выдающихся композиторов, анализу отдельных музыкальных произведений, мемуары и жизнеописания известных музыкантов. Аутентичные тексты могут быть узкоспециального или популярного характера.

Занятия переводом с иностранного языка на родной приобретают особенное значение в Белорусской государственной академии музыки в рамках послевузовской учебы. На протяжении академического года в курсе иностранного языка (140 аудиторных часов) мы читаем и переводим музыкальную литературу в объеме приблизительно ста страниц. Особое внимание уделяется фрагментам научных трактатов и статьям известных авторов, словарным статьям авторитетных словарей и др. Еще сто страниц оригинального текста учащиеся читают и переводят на родной язык самостоятельно, предварительно согласовав свой выбор материала с

преподавателем, который контролирует выполнение и качество перевода (содержание прочитанного материала перерабатывается и представляется на иностранном языке в виде реферата для допуска к кандидатскому экзамену). Отечественные учащиеся послевузовского уровня обучения дневной и заочной формы: студенты магистратуры и аспиранты – завершают курс иностранного языка кандидатским экзаменом.

Вопрос о родном языке в Республике Беларусь решается неоднозначно. В стране узаконено двуязычие: белорусский и русский языки имеют статус государственных. Однако в силу определенных исторических причин русский язык давно укоренился в устном и письменном обиходе наших граждан. Поэтому, говоря о родном языке, мы имеем в виду русский язык.

В изучении иностранных языков отечественными учащимися большое место уделяется родному, значение которого возрастает при переводческой деятельности и обучении переводу, поскольку перевод – искусство «трансформации не только межъязыковой, но и внутриязыковой» (Миньяр-Белоручев 1998, 7), «...важны прежде всего содержательная сторона речи..., выбор слов и выражений, а также умение построить любое сообщение...» (Чужакин 2005, 11). Переводчику необходимо «...придирчиво исследовать реальный уровень владения родным языком и принять необходимые меры. Сначала – меры аварийные, а затем – и профессиональные» (Алексеева 2001, 11). Под аварийными мерами переводчик и преподаватель перевода И. С. Алексеева подразумевает стремление в любой ситуации контролировать свою речь, завершать начатые высказывания, не позволяя себе обходиться жестами. Профессиональный этап включает целенаправленное стремление порождать различные жанры речи, пробовать писать письмо, информационную заметку, рассказ и пр. (Алексеева 2001, 12-13).

Для совершенствования навыков пользования переводчиком родным языком Р. К. Миньяр-Белоручев рекомендует практиковать письменный

перевод разного рода текстов, включая перевод звучащей записи. Плодотворными представляются нам также его рекомендации вести целенаправленную работу по подбору синонимов, описательных оборотов в поисках оптимального варианта перевода, формировать у обучаемых умение выделять слова с ключевой информацией, преобразовывать длинные высказывания, подбирать емкие лексические единицы и др. Исключая межъязыковой перевод, полезно практиковать трансформационное чтение, включающее элементы пересказа текста на родном языке. Можно использовать микрореферирование – упражнение, в котором учащимся предлагается выделять из текста ключевую информацию и кратко ее формулировать (Миньяр-Белоручев 1998, 7).

Мы используем названные виды работы, а также такие, как определение характера текста на русском языке, работаем над разножанровыми текстами одной тематики, отыскиваем в них модальные слова и др., а затем переносим указанные методы работы на иноязычные тексты.

Занимаясь практикой перевода, следует иметь в виду, что речевой жанр и функциональный стиль «...изнутри пронизывают ...содержание» (Брандес, Проваторов 2003, 3). Это – его глубинная сущность, которая задает его внутреннюю и внешнюю форму. Жанрово-стилевые особенности текста позволяют выявить его лингвистические характеристики и определить доминанты перевода. Для успешной работы с оригинальным музыкальным текстом на любом языке обучаемые должны быть осведомлены в общих чертах о том, что массив слов, в которых живет музыкальный смысл, представляет собой особый лексический пласт – подсистему общелитературного языка, заключающую в себе следующие лексические группы: музыкальную терминологию, терминологические лексико-семантические варианты, квазитермины (в нашем случае – словесные ремарки в нотном тексте музыкального произведения), музыкальную лексику, безэквивалентную музыкальную лексику (готовые

наименования, в основном начальные слова литургии на древнегреческом и латыни, перевод на любой другой язык которых может быть лишь приблизительным), общеупотребительные слова. Преподаватель знакомит учащихся с основными функциями названных видов лексики.

В обязанности преподавателя перевода входит также ознакомление обучаемых с основными словарями: двуязычными, энциклопедическими, терминологическими, принципами их построения и пользования ими.

Учащихся, переводящих аутентичные музыкальные тексты на русский язык, преподаватель посвящает в особенности русской музыкальной терминосистемы, развивавшейся на базе своего национального языка, и испытывавшей на себе влияние различных внелингвистических и лингвистических факторов. Формирование русских музыкальных терминов шло по линии образования лексико-семантических вариантов общеупотребительных слов. Русская терминосистема интернациональна по своему составу. Она сформировалась на основе заимствований их трех языков: итальянского, французского и немецкого (Щукина 2002, 89).

Представляется важным на примерах вариантов лексики в области фонетики и графики показать изменения заимствованных терминов. Например, *валторна* – *вальдгорна* – *валтора*; *флейта* – *флейт* – *флют* и др. Необходимо привести примеры слов, претерпевших изменения настолько сильно, что они полностью разошлись со своим этимологом. Например, *гитара*, *цитара* < *кифара* и др. Полезно показать изменения в области грамматики при адаптации заимствованных терминов. Например, (нем.) *Dominante* – (рус.) *доминанта* (оба термина – существительные женского рода).

Попадая в русский язык, заимствованное слово может менять родовую принадлежность. У некоторых иноземных терминов в период освоения их русским языком произошли колебания в роде. Так, в XIX в. в русском языке существительное *виолончель* употреблялось в мужском

роде, а *рояль* – женском. Русские словесные ремарки в нотном тексте выражены преимущественно наречиями, тогда как в языке-источнике они могут быть деепричастиями, причастиями, прилагательными: *precipitando* (деепричастие), *precipitato* (причастие), *precipitoso* (прилагательное), в русском же языке данный способ исполнения обозначается наречиями «поспешно», «стремительно».

С большим интересом обучаемые обычно воспринимают сведения о семантической адаптации заимствованных в русский язык музыкальных терминов. Это, например, ремарка *allegro*, в XVIII в. означавшая «веселая, радостная музыка». Считается, что в настоящее время она обозначает лишь темп. Однако значения этого слова уже в системе русского языка («веселый, бодрый, радостный», «радужный», «яркий», даже «веселенький» (Щукина 2001, 81)) не могут не придать слову дополнительную окраску, и, в определенной мере, оно может указывать на характер произведения, что и подтверждается в музыкальной практике.

Полезно привести многочисленные примеры семантических отношений музыкальной лексики в системе русского языка. Например, (ит.) *con brio* – (рус.) *живо – весело – с огнем* (синонимическая связь). Итальянская ремарка *presto* – по метроному четвертная нота, равная 184 ударам в минуту и выше. *Presto*, его производные и словосочетания, в которые данное слово входит, передают понятие «высокая скорость исполнения»: (ит.) *presto* – (рус.) *быстро*; (ит.) *presto assai* – (рус.) *очень быстро*; (ит.) *prestissimo* – (рус.) *в высшей степени быстро*; (ит.) *presto prestissimo* – (рус.) *сверхбыстро* (слова образуют гипер-гипонимическую группу). Эта же итальянская ремарка, обозначая помимо темпа, характер исполнения, может в русском языке иметь значение «быстро», «бегло», «ловко», «проворно».

Примеров, подобно изложенным выше, можно привести великое множество. Для музыкальных терминов любого языка характерны полисемия, причем – внутренняя и внешняя; стилистическая окраска;

развитая синонимия; наличие, помимо основного, предметно-логического значения – коннотативного значения.

На занятиях по РКИ студенты, прежде всего, переводят с русского языка на китайский язык учебные тексты; студенты магистратуры – учебные, научно-популярные и научные тексты; аспиранты – учебные и научные тексты, содержащие специальную, общенаучную и общественно-политическую лексику. Осуществляется и перевод с китайского языка на русский. Это очень сложный процесс, поскольку китайский язык «...отличается от русского и других европейских языков рядом грамматических особенностей как в морфологии, так и в синтаксисе» (Задоевко, Хуан Шуин 1993, 10). Работа со словарями китайского языка также очень затруднительна, так как в китайском языке «... нет алфавита и нет явного пути расстановки иероглифов в словаре» (Тун 2006, 277). Эти словари имеют различный принцип организации: «Некоторые словари устроены по рифмам, некоторые – по тематике так же, как энциклопедия, некоторые – по сложной цифровой системе, имеющей отношение к иероглифам» (Тун 2006, 277).

При переводе текстов различного характера с китайского языка на русский иностранные учащиеся затрудняются в следующем: 1) осуществление перевода при отсутствии определенной культурной реалии в русской семантической сфере, например, перевод названий китайских музыкальных инструментов: «...чангу (продолговатый барабан), хуагу (расписной барабан), сияогу (барабан с узкой талией)...» (цит. по: Чжоу Бао Цюань, Михайлова 2008 а, 186); 2) выбор правильного значения того или иного слова при условии его полисемантической: «В Китае слово *лютя* имеет значение ‘щипковый инструмент’. Оно может обозначать инструменты пипа, жуань, саньсянь и др. ...» (Чжоу Бао Цюань, Михайлова 2008 а, 186); 3) интерпретация той или иной номинативной единицы в связи со сложностью составления иероглифических названий: «Чжэн – это щипковый музыкальный инструмент, широко

распространенный в период Чуньцю в царстве Цинь (территория провинций Шаньси и Ганьсу), в связи с чем также получивший название «цинь чжэн». «Чжэн» – это фонограмма. Данная фонограмма состоит из двух частей, ее верхняя часть «чжу» – ‘бамбук’ – дает нам понять, что инструмент изготавливался из бамбука. Нижняя часть фонограммы «чжэн» является фоноидеграммой и основной частью фонограммы. Иероглиф «чжэн» имеет значение ‘делать все возможное, не сдавать позиций, напряженный, торопливый’... Таким образом, музыкальный инструмент «чжэн» получил свое название согласно своему звучанию» (цит. по: Чжоу Бао Цюань, Михайлова 2008 б, 170-171), «Так, «гуань» (музыкальный инструмент) принадлежит к разряду «бамбука», поэтому верхняя часть этого иероглифа состоит из иероглифа «чжу» – ‘бамбук’. Иероглиф «гуань» – это фонограмма, верхняя часть которой состоит из иероглифа «чжу», а нижняя – из фоноидеграммы «гуань», являющейся основной частью иероглифа. Иероглиф «гуань» обычно обозначает длинный узкий полый цилиндрический предмет (трубку, трубу), наподобие железной или деревянной трубы. Музыкальный инструмент «гуань» имеет такую же форму» (Чжоу Бао Цюань, Михайлова 2008 б, 171-172) и др.

Учитывая, что картина мира иностранных учащихся музыкального вуза – это очень сложное ментальное образование, следует обратить внимание на самое главное: «Для учащихся музыкальных вузов в первую очередь важна «русская музыкальная картина мира»... При этом «русская музыкальная картина мира» тесно сопрягается с подязыком музыки как вида искусства» (Зиновьева 2007, 148). Следовательно, специальные учебные тексты для всех категорий иностранных учащихся содержат лингвистические элементы, объективирующие музыкальную картину мира: 1) имена и фамилии известных зарубежных, русских и белорусских композиторов (*И.С.Бах, В.А.Моцарт, Л.Бетховен, Ф.Шопен и др.; М.И.Глинка, А.П.Бородин, П.И.Чайковский, Н.А.Римский-Корсаков и др.; Н.И.Аладов, Е.К.Тикоцкий, А.В.Богатырев, И.М.Лученок и др.*); 2) названия

музыкальных инструментов и их частей (*фортепиано, орган, клавесин, флейта, валторна, кларнет, саксофон* и др.); 3) названия певческих голосов (*тенор, баритон, бас, сопрано* и др.); 4) названия музыкальных жанров (*опера, балет, концерт, соната, этюд, прелюдия, fuga, симфония* и др.) и др. Перевод перечисленных лексических единиц на родной язык не вызывает затруднений у обучаемых, и происходит понимание текстов, а, следовательно, формирование русской музыкальной картины мира.

Более сложным является процесс формирования картины мира иностранных учащихся в социально-культурной сфере обучения. Здесь также эксплицируется музыкальная картина мира, однако по национально-культурным составляющим она уже не может быть только русской: «При обучении русскому языку иностранцев в условиях национальной республики, например Белоруссии, решается проблема гармонического сочетания между культурой изучаемого языка (русского), культурой страны пребывания (Белоруссия) и национальной культурой учащегося. Лингвокультуроведческое взаимодействие в процессе обучения диктует потребность представления оптимального объема страноведческих, социо- и этнокультурных знаний, ставит перед методистами проблемы выявления культурного минимума на разных этапах обучения и в различной национальной языковой среде...» (Чумак 2003, 6). Лингвострановедческая информация, относящаяся к Республике Беларусь, для иностранцев представляется на русском языке. При переводе иностранными учащимися соответствующих текстов на родной язык они могут испытать некоторые трудности. Так, например, при чтении текста об известном белорусском писателе В.Короткевиче (его имя – одно из ключевых имен белорусской культуры) и изучении текстов некоторых его произведений затруднения могут возникнуть при переводе следующих лексем (и их сочетаний): 1. имен собственных (*Городня, К.Калиновский, Перун, Мицкевич* и др.); 2. белорусизмов (*рушник, журба, припевка, обрыдли, мова, листопад* и др.); 3. словосочетаний, имеющих глубокое концептуальное содержание

(*озерная сторона, лебединая песнь* и др.) и др. (Короткевич 1989). Значение перечисленных лингвистических единиц обязательно должно комментироваться, т.к. без их понимания у иностранных учащихся не возникнет полной картины прочитанного, следовательно, не будет сформирован устойчивый интерес к изучению белорусской культуры, и определенный участок картины мира будет обедненным и не вступит в диалогические отношения с другими участками.

Трудности у обучаемых могут возникнуть при переводе текстов и в учебно-бытовой, и в общественно-политической сферах обучения. Преподаватель РКИ поможет им, если адаптирует тексты, составит комментарии, разъяснит значения лексических единиц и т.д.

Преподаватель иностранного языка, являющийся одновременно и преподавателем перевода, обязан знать современную ему культуру родного языка, литературную норму и допустимые отклонения от нормы, а преподаватель РКИ – еще и особенности национальной культуры обучаемых.

Многолетняя практика обучения переводу текстов по специальности в музыкальном вузе показывает, что без знания многочисленных лингвистических тонкостей в области профессионального языка музыкантов не может быть качественного перевода подлинных иноязычных текстов на русский язык, тогда как современные требования предполагают высокий уровень переводческих навыков, поскольку переведенный аутентичный материал по специальности впоследствии используется в научных статьях и диссертациях.

Перевод музыкального текста, выполненный учащимися, должен демонстрировать их фоновую эрудицию; знание истории музыки в социальном и культурном контекстах; реализацию коммуникативных задач посредством грамматики, автоматическое использование речевых конструкций на русском языке, богатство словарного запаса, владение нормами русского языка.

Литература

1. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика / И.С.Алексеева // Учебн. пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. - С-Пб.: «Союз», 2001. - 288 с.
2. Брандес М.П., Проваторов В.И. Предпереводческий анализ текста / М.П.Брандес, В.И.Проваторов // Учеб. пособие для студентов высших учеб. заведений, обучающихся по специальности «Лингвистика и межкультурные коммуникации». - М.: НВИ: Тезаурус, 2003. - 222 с.
3. Задоевко Т.П., Хуан Шуин Основы китайского языка. Вводный курс / Т.П. Задоевко, Хуан Шуин.- 2-е изд., испр.- М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993.- 271 с.
4. Зиновьева М.Д. Тематические циклы учебных текстов в книге для чтения «Русская музыкальная картина мира» / М.Д. Зиновьева // Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного: Материалы международной научно-практической конференции (Москва, МГУ имени М.В.Ломоносова, филологический факультет, 22-24 ноября 2007 г.).- М.: МАКС Пресс, 2007.- С. 148-149.
5. Короткевич В.С. Новая Атлантида: Стихи. Баллады. Поэмы. / В.С. Короткевич. - М.: Советский писатель, 1989.- 128 с.
6. Миньяр-Белоручев Р.К. Курс устного перевода: фр. язык / Р.К.Миньяр-Белоручев // Учебн. пособие для яз. вузов и фак. иностр. яз. - М.: Московский лицей, 1998. - 144 с.
7. Тун П.Ч. Китайский за три месяца: учеб. пособие / П.Ч.Тун, Х.Д.Р. Бейкер; пер. с англ. В.И.Семенова, О.Н.Семеновоой.- М.: Астрель: АСТ, 2006.- 317 с.
8. Чжоу Бао Цюань, Михайлова Е.В. Названия музыкальных инструментов в китайской поэзии конца XIX – первой половины XX века / Чжоу Бао Цюань, Е.В.Михайлова // Взаимодействие и

взаимопроникновение языков и культур: состояние и перспективы:

материалы Междунар. науч. конф., г. Минск, 20-21 марта 2008 г. В 2 ч. Ч.

2. / Бел. гос. пед. ун-т им. М.Танка; редкол. Т.В.Балуш (отв. ред.),

В.Д.Стариченок, И.П.Кудреватых.- Минск: БГПУ, 2008 а.- С. 186-187.

9. Чжоу Бао Цюань, Михайлова Е.В. Названия китайских музыкальных инструментов как средство передачи лингвокультурологической и концептуальной информации / Чжоу Бао Цюань, Е.В.Михайлова // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития: материалы II Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 15-16 мая 2008 г. / редкол.: С.И.Лебединский (пред.) [и др.].- Минск: Изд. центр БГУ, 2008 б.- С.170-172.

10. Чужакин А.П. Последовательный перевод: практика+теория, синхрон: для 5-го курса переводческих факультетов / А.П.Чужакин. - М.: Р. Валент, 2005. - 267 с.

11. Чумак Л.Н. Сопоставительное лингвокультуроведение: принципы, методы, словари. / Л.Н.Чумак. - Мн.: РИВШ БГУ, 2003.- 18 с.

12. Щукина С.К. Источники и пути формирования русской музыкальной терминологии / С.К.Щукина // Весці Беларускай дзяржаўнай акадэміі музыкі.- 2002. - №2.- С. 85-89.

13. Щукина С.К. Словесный комментарий «Поэмы экстаза» А.Н.Скрябина / С.К.Щукина // Весці Беларускай дзяржаўнай акадэміі музыкі.- 2001. - №1.- С. 78-83.

The Belarusian State Academy of Music teaches a number of languages: English, French, German, Italian and Belarusian, and Russian to foreigners. When training all categories of local and foreign students, a great attention is given to translating special literature from foreign language into Russian and vice versa.

A translation of a musical text made by a student should demonstrate his or her background erudition, namely, knowledge of music history in its social

and cultural contexts, ability to solve communicative tasks by means of grammar, automatic use of speech models in the Russian language, vocabulary abundance, vocabulary and proficiency in rules of Russian.

Михайлова С.И.
МВШПП
г. Рига (Латвия)

МЕСТО РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ В УСЛОВИЯХ ЛАТВИЙСКОГО РЫНКА

Главная цель профессиональной подготовки специалистов для любой сферы деятельности состоит в том, чтобы выпускники отвечали требованиям рынка. Учитывая то обстоятельство, что качество подготовки специалистов может влиять на процесс продвижения товара на рынок, требуется активность трех сторон (учебного заведения, работодателей и самих студентов).

При подготовке переводчиков в Международной высшей школе практической психологии (МВШПП) мы ориентируемся на Латвийский профессиональный стандарт, утвержденный Сеймом Латвийской Республики в 2002 году, в разработке которого наш факультет принимал самое активное участие, а также на реальные потребности рынка. Как известно, переводческая деятельность представляет собой целенаправленные сознательные действия в соответствии с реальным социальным заказом. Она требует определенного уровня сформированности профессиональной компетенции. Функции переводчика определяются в соответствии с аспектами деятельности. Каждая из функций предполагает поэтапное решение ряда профессиональных задач на разных уровнях: гностическом, конструктивно-проектировочном, организационном, коммуникативном и т.д. Латвия как часть европейского пространства с общим рынком труда

должна учитывать при подготовке молодых специалистов требования, выдвигаемые самим рынком труда.

Десять лет назад нами разработана и внедрена в жизнь концепция профессиональной компетенции, включающая в себя академическую, профессиональную, коммуникативную (*на базе родного – русского / латышского и иностранных языков*), межкультурную и личностную составляющие. Сформулированные параметры профессиональной компетенции выявлены на основе анализа реальных профессиональных ситуаций в различных латвийских учреждениях и организациях. По существу они являются содержательными ориентирами для организации обучения и совершенствования квалификации переводчика, стимулом к профессиональному самообразованию и совершенствованию (Михайлова 2004, 69).

Имея широкие связи с работодателями, с которыми регулярно заключаются трехсторонние договоры (Высшая школа, студент, работодатель), дающие студентам возможность проходить длительную стажировку в различных государственных учреждениях и частных фирмах, наш факультет корректирует свои программы с учетом требований рынка, а представители рынка конкретизируют задачи подготовки. Родной язык (*русский* наряду с латышским языком) занимает важное место в системе профессионального обучения. Правило, согласно которому письменный перевод иностранных текстов нужно делать на родной язык, имеет свою логику, связанную с психологическими особенностями памяти человека. Общеизвестно, что знания человека в родном языке гораздо богаче, чем в иностранном языке.

Русский язык является родным для более трети жителей Латвии, но в системе образования его роль сведена к третьему иностранному языку. В реальной жизни русскоязычные студенты, владеющие латышским и русским языками, оказываются более востребованными на латвийском рынке труда, так как незнание русского языка снижает

конкурентоспособность латышской молодежи из-за того, что русский язык изучается не во всех латышских школах. Однако необходимость в переводчиках с русским языком постоянно возрастает. В Латвии государственным языком является латышский язык, а русский язык не признается даже языком национального меньшинства. Специалистов – переводчиков с русским языком, в основном, готовят на переводческих факультетах в частных вузах в рамках аккредитованных программ. Наш факультет первым в Латвии ввел курс родного (*русского/латышского*) языка в качестве обязательного в программу профессиональной подготовки переводчиков, превратив его в одну из важнейших составляющих учебного процесса в ряду других учебных предметов (иностранные языки, переводология, теория и методика перевода, межкультурная коммуникация и др.).

Структура содержания как цель профессионального образования

Структура содержания отражает цели профессионального образования, реализуемого в рамках профессиональной программы подготовки переводчиков, которая включает следующие составляющие:

1. Общекультурная компетенция.
2. Языковая компетенция (родной язык).
3. Языковая компетенция (иностраннный язык).
4. Межкультурная компетенция.
5. Академическая компетенция (исследовательская работа).
6. Профессиональная компетенция (знание предметного материала).
7. Личностная компетенция (общительность, эмоциональное саморегулирование).

Профессиональная подготовка реализуется в виде следующих модулей:

- 1. Введение в профессиональную деятельность** переводчика, когда студенты первого курса знакомятся со спецификой работы переводчика, с перечнем профессиональной компетенции, в котором важное место

отводится формированию профессиональных умений, связанным с уровнем владения родным языком (*русским / латышским*) и иностранным. В рамках данного модуля, рассчитанного на один семестр, ведутся интенсивные занятия по корректировочным курсам родного и иностранных языков, а также курсам, связанным с личностным ростом первокурсников.

2. Культура и межкультурная коммуникация

Межкультурное обучение включает следующие аспекты:

- теоретические курсы и семинары (освоение фоновой информации);
- практика иностранного языка и культуры, их специфика;
- практика родного языка и культуры, их специфика.

3. Взаимодействие языков и культур:

- Практические занятия с носителями языка (знакомство со спецификой другой культуры);
- участие в работе Лаборатории вербально - образной межкультурной коммуникации (монолог, дискуссия);
- знакомство с работой и контакты с Международной Ассоциацией межкультурных исследований (факультет является её коллективным членом);
- встречи с представителями другой культуры в клубах (французском, английском, немецком, испанском);
- поездки студентов за рубеж на летние работы (знакомство с социальной сферой жизни другой страны);
- поисково-исследовательская работа по межкультурной коммуникации (курсовые и дипломные работы, участие в международных проектах);
- поездки за рубеж по программе Erasmus (реальное знакомство со страной и межкультурная коммуникация).

Межкультурная составляющая в системе подготовки переводчиков связана с **русской** / латышской / европейской речью, языком, а в более широком смысле – с русской / латышской / европейской культурой

(Михайлова 2004, 70). Для реализации этого модуля в программу профессиональной подготовки включены следующие курсы:

- *Лингвокультурология и методология лингвокультурологического исследования.* В рамках данного курса у студентов формируется представление о культуре народа как предмете лингвистического изучения, умение анализировать высказывания в контексте родного и иностранного языков, рассматривается один из аспектов культурологии – лингвистический. Основное внимание уделяется взаимодействию языков и культур, проблемам человеческого общения, межкультурной коммуникации, где главным (но не единственным) средством был и остается язык (Mihailova 2002, 106);

- *Страноведение;*

- *Языковая картина мира;*

- *Текст как явление культуры.* Его целью является систематизация культурологических знаний, необходимых для современного переводчика как участника межкультурной коммуникации, а также совершенствование умений культурологического анализа текста для использования его в собственной переводческой деятельности. Задачи курса состоят в том, чтобы сформировать представление о тексте, культурных кодах текста и культурном контексте, умение оценивать значение этнокультурного, исторического, политического, религиозного, социального, художественного контекста в переводческой деятельности (Mihailova, 108);

- *Сравнительная стилистика и интерпретация текста;*

- *Мимика и жесты в межкультурном аспекте.* Во время занятий студенты учатся декодировать невербальные паралингвизмы носителей разных языков и культур в процессе интеркультурной коммуникации и использовать кинестетические средства, выражающие эмоциональные состояния, в различных ситуациях общения. Большое внимание уделяется важным проблемам, которые касаются, например, противоречивых

вербально – невербальных реакций, невербальных средств при выборе манеры общения с другим человеком, речевых и неречевых действий в процессе коммуникации участников, принадлежащих к разным культурам, во время коммуникативного акта (Mihailova, 110);

- *Лингвистическая география*: в рамках данного курса студенты знакомятся со спецификой территориальных вариантов *современного русского языка в России, Германии, Израиле, Англии*, английского языка в США, Великобритании и Канаде, французского во Франции, Канаде, Бельгии. Кроме того, данный курс нацелен также на развитие навыков адекватного перевода отличительных элементов американского, британского и канадского вариантов и французского и канадского на лексико-семантическом, грамматическом, морфологическом и фонологическом уровнях (Mihailova 2002, 111);

- *Межкультурная коммуникация*: занятия проводятся носителями языка, лекторами из европейских стран, США, а также из России (когда речь идет о русском языке как иностранном для латышских студентов). На основе дискуссий о разных культурах, традициях, образе жизни и ментальности, отражающихся в языке, студенты получают практику живого общения. В ходе занятий они преодолевают свои проблемы, связанные с пониманием, восприятием и передачей информации на иностранном языке, улучшают беглость и грамотность речи, обогащают и активизируют свой иностранный язык;

- *Латышская/русская литература в культурно-историческом аспекте*: этот курс дает представление о связях разных культур в рамках исторических эпох, о литературе как культурно-исторической категории (Mihailova 2002, 109, 132).

4. В **общеобразовательном блоке** представлены обязательные курсы академического первого и второго иностранных языков, таких как английский, немецкий, французский, русский, испанский, итальянский и

целый ряд предметов для обязательного выбора культуре, юриспруденции, экономике, психологии, бизнесу и т.п.

По русскому языку, литературе и культуре предусмотрены такие предметы, например, как «Родной язык и культура». «Анализ текста в практике перевода на родном языке», «Родной язык в практике перевода», «Функциональная стилистика русского языка», «Русская фразеология в межкультурном аспекте», «Лексикология русского языка», «Русская литература (XVIII – XX вв.)», «Современная русскоязычная литература», «Редактирование текста перевода», «Русская юридическая терминология», «Лексико-семантические аспекты русского языка», «Орфография и пунктуация русского языка», «Искусство речи (русский язык)», «Восприятие личных имен в разных культурах (латышской – *русской*)», «Введение в фольклорные жанры и латышский / русский фольклор».

5. Курсы профессионального блока и специализации

Работа по всем курсам ведется в интегрированном виде и непосредственно связана с письменным или устным переводом. Например, в рамках курса «Чтение/письменная коммуникация» студенты работают с иностранными текстами и параллельными, аналогичными текстами на родном языке по тематике перевода, которые анализируются на занятиях по предметам «Анализ текста на иностранном языке», «Анализ текста на родном языке».

6. Профессиональный проект: письменный и устный перевод;

Перевод письменный

Учебная работа по курсу «Письменный перевод» в каждом семестре организована по этапам в виде профессионального проекта (выполнение реального заказа). На факультете работает Бюро Добрых Услуг, где принимаются заказы от студентов, преподавателей других факультетов, различных структур МВШПП и извне. Распределение заказов происходит по определенной схеме с учетом степени сложности и тематики текста

оригинала, его жанра и т.п. в соответствии со сформированными профессиональными умениями в зависимости от года обучения.

Первый этап работы:

- Чтение на понимание содержания текста оригинала, который должен быть переведен. Работа с параллельными текстами (функционально-стилистическая принадлежность оригинала, определение типа текста, фактическая сторона оригинала (план содержания, заключенная в нем информация), цель создания оригинала, прагматические его компоненты), знакомство с терминологией в текстах, как на иностранном, так и на родном языке.

- Анализ причин ошибок и неточностей при понимании содержания текста оригинала (недостаточное знание исходного языка, предмета перевода; недостаточно внимательное чтение исходного текста, проблемы, связанные с экстралингвистической информацией, положительные моменты в работе на этапе чтения оригинала, психологическое состояние студента во время работы, получение новой информации, интерес к тексту и его дальнейшему переводу).

Второй этап работы:

- Первый черновой набросок и второй вариант перевода текста (акцент на текст оригинала).

Применение на практике теоретических знаний по курсу «Методика письменного перевода», «Теория перевода», «Стилистика русского языка» и многих других курсов в соответствии с действующей «Программой подготовки переводчиков».

Третий этап работы:

- Редактирование текста перевода без опоры на текст оригинала при концентрации внимания на родной язык, т.е. во время редактирования текста привилегия отдается языку перевода (русскому/ латышскому). До начала редактирования студент получает методическую инструкцию, которая ему помогает более качественно выполнить редакцию текста

своего перевода. Такая инструкция составляется на основе анализа ошибок студентов - стажеров и выпускников, которые были отмечены работодателями при анкетировании, в характеристиках стажеров, в отзывах о выпускниках нашего факультета, во время выпускных квалификационных экзаменов, в выступлениях о качестве подготовки на нашем факультете во время аккредитации. По каждому этапу работы имеется своя инструкция.

Устный перевод

Проектная работа по курсу *устный перевод* интегрируется, например, со следующими учебными предметами *аудио/ видео// устная и письменная коммуникация, техника речи, методика устного перевода, введение в аудиовизуальный перевод, реферирование и аннотирование в практике перевода, скоропись при устном переводе* и др. Все проектные работы защищаются публично. На защите присутствуют студенты всех курсов.

6. Исследовательский проект: компаративные исследования студентов в рамках курсовых и дипломных работ, связаны с межкультурной коммуникацией родной язык и культура / иностранный язык и культура. Тематика исследовательских работ студентов связана с научными интересами Лаборатории Образной Межкультурной Коммуникации, в работе которой они принимают самое активное участие. В рамках Лаборатории разрабатываются и апробируются методы комплексного психологического и лингвистического исследования фразеологии. Результатом применения этих методов к анализу языка должен стать готовящийся к печати « Фразеологический словарь образов межкультурной коммуникации», который отражает специфику разных культур.

7. Социальные аспекты профессиональной подготовки переводчика в условиях Латвии: студентам предлагаются курсы по выбору, которые знакомят их со спецификой латвийского рынка, социальными связями и

отношениями, помогают ориентироваться в рынке услуг. Эти курсы ведут профессионалы, имеющие непосредственное отношение к рынку труда. Большое значение придается вопросам вхождения студентов выпускных курсов в профессиональную ассоциацию, а также этическим аспектам деятельности.

Детализированный учет описанных выше параметров профессиональной подготовки, включая родной язык, позволяет оперативно вносить коррективы в организацию учебного процесса и гарантировать качество подготовки специалистов-переводчиков.

Анализ результатов анкетирования латвийских работодателей (2007 год) показал, что в ответах работодателей наряду с важностью владения молодыми специалистами офисной техникой и новыми технологиями, разными формами этикета большое значение придается **уровню владения родным языком** и разнообразию форм общения. Качество перевода напрямую зависит от того, насколько свободно студент (переводчик) может оперировать знаниями и профессиональными навыками, связанными с родным языком. Большое значение при работе с клиентами из зарубежных стран, по мнению работодателей, имеют общекультурные ориентиры, межкультурная коммуникация.

Каким должен быть идеальный переводчик с точки зрения работодателя?

Рынок труда видит в переводчике: человека, имеющего широкие общие и специальные знания, владеющего специальной терминологией; специалиста, который прекрасно **владеет как иностранным, так и родным языком, русским в том числе** (83% опрошенных представителей латвийского рынка); человека, который использует в переводческой работе новые технологии, разбирается в делопроизводстве; работника, который умеет гибко применять свои знания и умения на конкретном рабочем месте, адаптироваться к ситуации, имеет навыки межкультурной коммуникации, разбирается в специфике той или иной культуры,

знакомого с разными формами этикета. Обращалось внимание и на умение выпускников организовывать свое время, самостоятельно ставить профессиональные задачи и быть уверенным в высоком качестве выполняемой ими работы. Переводчик должен знать, по мнению некоторых работодателей, и «методические правила перевода», и т.п.

Все указанные работодателями профессиональные качества формируются в рамках представленной здесь профессиональной переводческой программы.

Литература:

1. Mihailova S. Profesionālā studiju programma “Tulks, tulkotājs, tulks referents”. SPPA, Rīga, 2002, 280 с.
2. Михайлова С. Межкультурная коммуникация в системе подготовки переводчиков. Languages, technologies and cultural diversity, 3-rd international conference. Conference materials. Kaunas University of technology, Faculty of humanities centre of foreign languages, 2004, с.69-74.

Translator training at Higher School of Practical Psychology is based on Latvian professional standard developed under active participation of our department and approved by the Saeima of the Republic of Latvia in 2002.

We have developed and realized the concept of professional competence, with academic, professional, communicative (based on the native tongue – Russian or Latvian, a foreign language and cultures), intercultural and personal constituents included.

The framed criteria of the professional competence have been determined through analysis of real professional situations. They serve as informative objectives for the arrangement of training and mastering of translator qualification and as a stimulus for professional self-education and improvement

of translator skills. So, the training of translators is aimed at the development of professional skills and competence.

As is known, translator activity means task-oriented conscious actions in accordance with real social order.

The main aim of professional training of experts for any field of activity is to make the graduates meet the market requirements. Russian language is the native tongue for many residents of Latvia but due to the language policy in the system of education it plays a part of a third foreign language.

However, the need in Russian language translators is constantly increasing. Due to the fact that the state language of Latvia is Latvian, and Russian is disclaimed even as a language of national minority, Russian language translators are mainly trained at translator faculties of private higher educational institutions within the framework of accredited programs.

We were the first among Latvian higher institutions dealing with professional training of translators who introduced the courses of the native tongue (Russian and Latvian) and culture in educational program as a mandatory subject for the whole period of education.

The courses have become one of the most important integral parts of training process in a row of other subjects, such as foreign languages, theory and methods of translation, and the courses connected with the subject of translation, the culture of countries of working languages, intercultural ties, social relations and the labor market.

Модебадзе И.И.
Институт грузинской литературы им. Шота Руставели
г. Тбилиси (Грузия)

**«ВЕПХИСТКАОСАНИ» - «ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ»
(К ВОПРОСУ ПРЕОДОЛЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ШТАМПОВ)**

Написанная в XII в., поэма Шота Руставели давно уже стала крупнейшим вкладом Грузии в сокровищницу мировой культуры.

Огромную позитивную роль в этом процессе сыграли русскоязычные переводы поэмы, послужившие как бы путеводной нитью для ознакомления Славянского мира с миром Руставели. Именно с русского языка было осуществлено и большинство первых переводов поэмы на языки народов Восточной Европы.

Традиции освоения русской культурой бессмертного памятника грузинской духовной культуры закладывались в начале XIX века. Первое упоминание о Руставели мы встречаем в книге писателя-богослова, префекта Александро-Невской Академии, Евгения Болховитинова «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии» (СПб.,1802г.). В ней довольно-таки подробно описана поэма, которой дается высокая оценка: «Сцены действия подобны Ариостовой поэме Роланду, но красоты. Оригинальность картин, естественность идей и чувствований – Оссиановы» (К истории... 2007, 390). Уже в 1804 г. труд Е. Болховитинова был переведен на немецкий язык. Он «сыграл важную роль в выработке взглядов о Руставели как в России, так и за рубежом, способствовал появлению [имени – И.М.] Руставели в русской литературе» (Имедашвили 1957, 5). Сведения из этого труда (в том числе об эпохе царицы Тамар, когда была написана поэма и о самом произведении) были использованы Я.Лангеном в его «Описании Кавказа с кратким историческим и статистическим описанием Грузии» (1805г.) и Н.М. Карамзиным в «Истории государства Российского» (1818г.,т.VI). Позднее возросший интерес российской общественности вызвал появление ряда специальных статей, посвященных «Вепхисткаосани» и ее автору. «Многие из них были написаны либо грузинами, либо русскими деятелями, связанными с грузинами, либо побывавшими в Грузии» лицами (Богомолов 1984,178). А в 1845-1846 гг. публикуются уже и первые переводы на русский язык отрывков поэмы (И.Бардтинского «Тариэль. Барсова кожа» - в №№6-7 петербургского

художественно-литературного журнала «Иллюстрация» в 1845г.; И.Евлахова – в №15 за 1846г. газеты «Кавказ»).

Поэтический язык Руставели метафоричен, чрезвычайно многозначен, полисемантичен, изобилует новообразованиями (т.н. «руствелизмами»), почти каждое слово великого поэта имеет множество смысловых оттенков и некоторые из них, как не поддающиеся адекватному переводу, так и остались достоянием исключительно лишь грузиноязычного читателя. Поскольку система художественно-образительных средств поэмы (метафоры, эпитеты, гиперболизация, аллитерация, эвфонии и т.д.) весьма затрудняет ее перевод на иностранные языки, неизбежно приводя к утрате смыслового богатства и многочисленных подтекстов, то тогда же в грузинской критике обрели общетеоретический характер споры о расстановке приоритетов, т.е. о том, что важнее при переводе поэмы Руставели, «дух» или форма. В частности, в рецензии на публикацию в газете «Кавказ» отрывка из III главы поэмы в переводе И.Евлахова на русский язык, составитель «Грузино-русского словаря», известный знаток творчества Ш.Руставели, подготовивший подстрочник для частичного перевода И.Бардтинского, проф. Д.И.Чубинашвили писал: «Чтобы перевести «Вепхисткаосани» хорошо и достигнуть классической цели труда, надо сохранить в переводе все отличительные свойства подлинника: перевести иначе, значит пересказать только содержание поэмы. Силу впечатлений оригинала составляет, конечно, содержание его драмы, но рассказ драмы. Облеченный в одежду мыслей, выражающих современность, в гармонию звука и игру фраз, свойственных языку и вкусу, наконец, в теплоту и наивность, с которыми оне связаны действующим лицом и переданы автором. Отнимите все это – останется труп. Автор исчезнет в изуродованной пародии своего творения, и что же приобретет словесность? - ничего...» (Гачечиладзе 1980, 106-107). На что переводчик поэмы возражал: «Дело не в буквальности перевода, но в том чтобы усвоить мысль, чувство, картинность и красоту слова

подлинника, переплавить все это в горниле поэтической души и вылить с теми же достоинствами в естественные формы языка, которому усвоим творение. Вот задача для переводчиков!» (Гачечиладзе 1980, 108).

Однако полные поэтические переводы поэмы на русский язык становятся достоянием широкого круга читателей лишь в XXв. На сегодняшний день русвелологии известно уже более шестидесяти русскоязычных переводов (включая прозаические и частичные). Среди них девять полных поэтических переводов. Это - общеизвестные: К.Бальмонта – 1933г. (неполный, частичный, перевод – 1917г.), Г.Цагарели- 1937г., П.Петренко (при участии К. Чичинадзе) – 1938г., Ш.Нуцубидзе – 1941г., Н.Заболоцкого – 1958г., Г. Девдариани - 2004г., а также три неизвестных широкому кругу читателей (опубликованных лишь частично - К.Ованова и Н.Мзареулова (Реулло) и неопубликованный перевод В.Джорджикия).

Стремление к наибольшей точности передачи авторского смысла, духа переводимого произведения при условии сохранения ритма, мелодики и поэтической красоты звучания оригинала на родном языке было и неизменно остается основной задачей, стоящей перед любым поэтическим переводом. Тем не менее, каждый из существующих на сегодняшний день русскоязычных переводов по-своему передает ритм, дух и стиль поэмы и при этом что-то «теряет» в зависимости от того, на какой именно из этих составляющих было сконцентрировано основное внимание того или иного переводчика. Естественно, что все переводы, осуществленные с русского языка, в значительной степени отразили и специфику рецепции поэмы переводчиками-«посредниками». «В одних переводах подчеркивается неиссякаемая лиричность, в других – торжественная величавость или глубокая мудрость поэмы. Каждый переводчик шел новой, неизведанной дорогой, преодолевая новые трудности» (Андгуладзе 1969, 366).

Особого внимания, на наш взгляд заслуживает тот факт, что последний из опубликованных полных поэтических переводов датируется

XXI веком (Г.Девдариани, 2004). Как видим, начавшийся в XIX в. процесс освоения этого памятника грузинской национальной культуры продолжается и в наше время. Неугасающий в течение вот уже двух веков интерес переводчиков к поэме лишь подтверждает правоту акад.С.Цаишвили, который считал, что «Витязь в тигровой шкуре» еще ждет своих высокоталантливых переводчиков, под пером которых в полный голос заговорит на многих языках вечная поэтическая мудрость Руставели» (Цаишвили 1983, 34). Поэтому знаковым явлением в истории русскоязычных переводов поэмы нам представляется ее новое издание (СПб., Вита Нова, 2007), структура которого является абсолютно новой. Это - издание-билингва, которое кроме подлинника и максимально приближенного к оригиналу прозаического перевода С.Иорданишвили (выполненного в 1934г., изданного – в 1966г.) включает также отдельные главы из различных поэтических переводов и обширный научный аппарат на русском языке.

Ряд наблюдений, собранных в процессе работы над переводом научного аппарата к этому изданию, а также сопоставительный анализ наиболее известных русскоязычных переводов поэмы позволил сделать некоторые выводы общего порядка, проливающие свет не столько на специфику рецепции поэмы тем или иным ее переводчиком, сколько на некоторые общие закономерности ее интерпретации, характерные для процесса включения поэмы в русскоязычное культурное пространство. Так, проведенный нами сопоставительный анализ восьми поэтических переводов поэмы на русский язык показал, что при передаче сложных художественных образов, метафор и красочных сравнений, которых так много в поэме, а также устаревших и отсутствующих в русском языке понятий фиксируются значительные расхождения. Однако наибольшее их количество отмечено при переводе-интерпретации строк, отражающих религиозно-богословские основы мировоззренческой позиции Руставели. Именно здесь переводчики чаще всего вплотную сталкиваются с

основанной на аллегорической функции языка т.н. «проблемой множественности смыслов», когда поэт, «говоря одно, говорит и другое» (Рикер 1995, 97). Чем большее количество смыслов (соответственно, и возможных трактовок) содержит высказывание, тем выше роль субъективного фактора – восприятия текста самим переводчиком, что и позволяет говорить о проблеме перевода в общем контексте проблемы интерпретации.

Мы не зря упомянули о том, что первые же попытки перевода поэмы на русский язык послужили толчком к серьезной полемике по поводу того, что важнее передать при переводе, «дух» или «форму»? Тот факт, что «дух» поэмы (ее призыв к нравственному самосовершенствованию, верности высоким идеалам дружбы и любви, желанию нести в мир Добро и Любовь) стал достоянием широкого круга читателей – неоспоримое свидетельство таланта и переводческого мастерства. Однако постепенно отошла на задний план и практически была утрачена глубинная связь нравственных основ философских воззрений Ш.Руставели с религиозным мироощущением его эпохи – с основанной на евангельском Откровении и апостольском учении православной ментальностью. Объясняется это целым рядом причин, основными из которых мы считаем:

- 1) Прежде всего, конечно же, колоссальный временной разрыв между эпохой написания поэмы и созданием переводов (XII↔XIX-XXI вв.) и, соответственно, различие мировоззренческих позиций Ш.Руставели и собственно переводчиков поэмы.
- 2) Во многом этому способствовало также и то, что за всю историю перевода поэмы ни одно из ее изданий на русском языке никогда не комментировалось, в то время как первое же грузинское печатное издание, осуществленное в 1712г. царем Картли Вахтангом VI, уже включало в себя обширное «Толкование» (Комментарий), написанный самим царем-поэтом. Так зародилась традиция комментировать текст поэмы, и работа эта, осуществляемая в наше время специальной Комиссией по

установлению академического текста «Вепхисткаосани» (основана в 1962г. При АН Грузии), продолжается по сей день (см.: Сулава 2007а, 351).

Отсутствие комментариев на русском языке во многом объясняется тем, что история создания (и издание) полных поэтических переводов поэмы начинается в XX в., т.е. в эпоху существования госатеизма, когда комментарии, указывающие на богословскую основу поэмы, и не могли стать достоянием широкого круга читателей, а, соответственно, комментирование этого аспекта не входило в сферу интересов ее популяризаторов.

Так постепенно поэма все более обретала «светский», «развлекательный», характер.

Для практического подтверждения наших выводов предлагаем подробно рассмотреть историю перевода заглавия этого произведения: «Вепхисткаосани» - «Витязь в тигровой шкуре». Не вдаваясь в подробности сложных полемик и обсуждений, отметим только, что перевод заглавия был и остается одной из самых сложных проблем, стоящих перед переводчиками поэмы. Так, в XIXв. русскому читателю поэма была известна как «Барсова *кожа*», а в более поздних герой назван носящим «*шкуру*».

Используемое Ш.Руставели слово *ბუჯო* (ткави) имеет значения как «шкура», так и «кожа» (Чубинашвили 1984, 1229). Впрочем на то, что Тариэл носит не просто кожаную одежду, а одеяние из шкур четко указано в тексте самой поэмы: «мехом наружу». И именно одежду и головной убор, *сшитые* из шкур убитых им хищников, а не просто наброшенную на плечи шкуру, как часто изображают иллюстраторы поэмы: «Эта женщина (Асмаг – И.М.) сшивает ее, то вздыхая, то стеноя» (стрф.648,3). Таким образом, если вопрос со шкурой/кожей проясняется достаточно легко, то вопрос о том, из шкуры *какого* именно животного сшита одежда Тариэла решить не так-то просто. В переводах, осуществленных в XIXв., и раннем переводе К. Бальмонта («Носящий барсову шкуру», 1917г.) в названии

поэмы звучит «барс», а в переводах Г.Цагарели, П.Петренко, Ш.Нуцубидзе, Н.Заболоцкого, в подстрочном переводе С.Иорданишвили и более поздних изданиях перевода К.Бальмонта – *тигр*. Что же лежит в основе столь серьезных расхождений?

Прежде всего, следует сказать, что слово ვეფხვი (вепхви) переводится как «рысь, тигр, леопард» (Чубинашвили 1984, 506). В связи с этим проф. Д.И.Чубинашвили, в свое время подготовивший подстрочник для частичного перевода И.Бардтинского («Тариель. Барсова кожа», 1845) указывает, что ვეფხვისკაოსანი (вепхисткаосани) – человек, одетый в *леопардовую* шкуру» и уточняет – «Поэма Руставели, известная по русски под названием «*Барсова* кожа» (Чубинашвили 1984, 506).

Так что за зверь этот ვეფხვი (вепхви)? Рысь, тигр, барс, леопард, или, может, и вовсе пантера (как сочли переводчики поэмы на английский язык)?

В современной руствелологии этот вопрос все еще остается открытым. Так, в своих Комментариях Н.Сулава приводит многочисленные свидетельства того, что в древнегрузинской литературе, как оригинальной, так и переводной, под общим названием «вепхви» подразумевались животные, имевшие *неоднотонный* окрас (как полосатые, так и пятнистые). По-видимому, этим и объясняется тот факт, что на древних миниатюрах, иллюстрирующих рукопись поэмы XVII в. изображено одеяние из шкуры пятнистого, а не полосатого зверя. В последнее время научная мысль (С.Цаишвили, И.Керкадзе, Т.Гамквелидзе, В.Иванов) склоняется к тому, что «вепхви» Ш. Руставели – это, скорее, леопард или барс, но не тигр. Впрочем, уточнять уровень развития зоологии в эпоху Руставели – дело специалистов, а тем временем переводчики продолжают традиционно называть Тариэла носящим шкуру тигра, аргументируя свое решение спецификой перевода: «Попробуйте заменить «тигрицу» - «барсом», «леопардом», - образ исчезнет», утверждает, в частности, Г.Девдариани (Девдариани 2004, 23), а

иллюстраторы – более или менее тщательно выписывать контрастные полосы на одеянии главного героя поэмы.

Однако, неточен и перевод И.Бардтинского («Тариэль. Барсова кожа», 1845 г.) - упоминание имени Тариэла нарушает авторский замысел: имя главного героя поэмы не может быть названо в заглавии, поскольку сюжет и структура повествования не позволяют преждевременно раскрывать его инкогнито. С другой стороны, заглавие, данное Ш.Руставели своей поэме, это - одно слово. Адекватный же перевод не только был бы неблагозвучен («Барсовошкуроносец» /«Тигровошкуроносец», по типу «копыеносец», или «Барсовошкурник» /«Тигровошкурник», по типу «лучник», «конник» и др.), но так ничего и не объяснил бы читателю. Таким образом, ближе всех к подлиннику - ранний перевод К.Бальмонта («Носящий барсову шкуру», 1917г.). Тем не менее, поскольку русский язык требует уточнения, в заглавии появляется слово «витязь», выбранное переводчиками как наиболее соответствующее характеру и социальному статусу героя. Соответственно, и в тексте поэмы используемое Ш.Руставели и не имеющее адекватного перевода понятие **მთყმე** (мокме) традиционно заменяется на «витязь», а иногда на «рыцарь».

Однако, проблемы перевода заглавия поэмы вовсе не ограничиваются только этими вопросами. Гораздо важнее вопрос о том, как передать его смысл? Ведь вынесенное в заглавие понятие **ვეფხისტყაოსნობა** (вепхисткаосноба) – это сложное понятие, смысл которого определяется не тем, одеяние из шкур *какого* животного носит герой поэмы, но тем, *зачем* он его носит, его символическим *смыслом*, который раскрывается лишь по прочтении всего текста поэмы. **ვეფხისტყაოსნობა** (вепхисткаосноба) - это символ пути нравственного очищения, постижения самого себя и Божественной мудрости, путь к достижению гармонии всего сущего. В названии поэмы «проявилась многогранность метафорического мышления – художественно-эстетического, литературного, религиозного, политическо-

идеологического, социального, нравственно-этического. Для его верного осмысления необходимо прочтение разноуровневых информационных рядов в синхроническом и диахроническом аспектах, глубинное восприятие микро- и макротекстов поэмы» (Сулава 2007б, 326). И вот тут-то переводчики бессильны, поэтому в ряде случаев они сохраняют грузинское звучание заглавия поэмы (в частности перевод Г.Девдариани так и озаглавлен - «Вепхис ткаосани»).

Так, постепенно утрачивая связь со своей богословско-религиозной основой, метафоры и аллегии обретали статус художественной правды, и за два века интерпретации-рецепции этого памятника сложился ряд устойчивых культурных штампов, большинство которых наглядно прослеживаются и в истории иллюстрирования поэмы.

Публикация подлинника и перевода-подстрочника в сопровождении обширного научного аппарата в виде комментариев и примечаний представляется перспективным путем реконструкции первоначального смыслового единства поэмы и специфики художественного мира Руставели.

Литература:

1. Андгуладзе 1969: Андгуладзе, Л.Н. Неизвестные переводчики «Витязя в тигровой шкуре». Литературные взаимосвязи, т. II. Тбилиси: изд-во «Мецниереба», 1969.
2. Богомолов 1984: Богомолов, И.С. Тропой дружбы. Тбилиси: изд-во «Мерани». 1984.
3. Гачечиладзе 1980: Гачечиладзе, Г. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. Москва: изд-во «Советский писатель», 1980.
4. Девдариани 2004: Георгий Девдариани. От автора перевода. - Руставели. Вепхис ткаосани. Перевод с грузинского Георгия Девдариани. Тбилиси, изд-во «Полиграфист», 2004.

5. Имедашвили 1957: Имедашвили, Г. Руствелологическая литература, Тбилиси: изд-во «Мерани», 1957 (на груз. яз.)
6. К истории..., 2007: К истории русских переводов «Вепхисткаовани». Шота Руставели. «Витязь в тигровой шкуре», книга II. СПб.: изд-во ВИТА НОВА, 2007.
7. Рикер 1995: Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: изд-во «Academia-Центр», 1995.
8. Сулава 2007а: Сулава. Н. Комментарии. Шота Руставели. «Витязь в тигровой шкуре», книга II. СПб.: изд-во ВИТА НОВА, 2007. «Academia-Центр», 1995.
9. Сулава 2007б: Сулава. Н. «Вепхисткаосани Шота Руставели, или Путь к мировой гармонии. Шота Руставели. «Витязь в тигровой шкуре», книга II. СПб.: изд-во ВИТА НОВА, 2007.
10. Цаишвили 1983: Цаишвили, С. Великий поэт и гуманист. Ш. Руставели. Витязь в тигровой шкуре. Тбилиси: изд-во «Мерани», 1983.
11. Чубинашвили 1984: Чубинашвили Д. Грузино-русский словарь. Тбилиси: изд-во «Сабчота Сакартвелო», 1984.

Written in the XII Century, Shota Rustaveli's poem has made a major contribution in the treasury of world culture. Russian translations of the poem played a vital role in the process of the acquaintance of Slavic World with Shota Rustaveli's universe. Starting from the XIX century, the process of the perception of Georgian culture with the help of this poem by Russian culture still continues in our epoch. A number of observations, collected during the process of the work on translations of the new bilingual edition of the poem, as well as comparative analysis of famous Russian-language translations of this work make it possible to draw general conclusions, emphasizing not only the specificity of reception of the poem by its translators, but displaying some of the general rules of the interpretation, a characteristic process of the inclusion of this creative work in Russian cultural sphere:

1. *While representing difficult artistic images, metaphors and comparisons that are in the poem and also concepts which have become out of date and are absent in Russian perception noticeable divergences are observed, however vast proportion is spotted while translating-interpreting lines, reflecting religious-theological bases of the world outlook of Rustaveli.*

2. *Gradually loosing ties with its religious-theological bases, metaphors and allegories changed their status, and after two centuries of interpretation-reception of this monument a number of cultural templates have piled up, majority of which are evidently traced in the history of the illustration of this poem.*

For the practical acknowledgement of our conclusions we offer to examine carefully the history of the translation of the title of this poem: “Vepkhsitkaosani” – “The Knight in the Panther’s Skin”.

The publication of original and literary translations accompanied by commentaries and notes is regarded as a perspective way for the reconstruction of the primary sense unity of the poem and the specificity of the artistic world of Rustaveli.

Нестерова Н.М.
Пермский государственный технический университет
г. Пермь (Россия)

ПЕРЕВОД КАК ДИВЕРГЕНТНЫЙ ПРОЦЕСС, ИЛИ ТЕКСТ ОРИГИНАЛА В НОВОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В современной теории текста, как известно, принято различать статическое и динамическое состояние текста, первое из них соответствует тексту как результату, второе характеризует текст в процессе его порождения, восприятия и понимания. Перевод — это, бесспорно, динамическое состояние текста, поскольку именно он обеспечивает перемещение текста из одного лингвокультурного пространства в другие, что сопровождается неоднократным восприятием, пониманием,

интерпретацией и порождением и что неизбежно делает перевод процессом **дивергентным** (от лат. *divergere* — отклоняться, расходиться). Как известно, одним из основных методов описания процесса перевода является моделирование. К настоящему моменту имеется уже достаточно большое количество разнообразных моделей. Но, как справедливо отмечает М.Я. Цвиллинг, «остовом» большинства моделей перевода является триада «отправитель – сообщение – получатель», используемая в теории коммуникации, которая в случае перевода «удваивается», поскольку переводчик выступает и как получатель в первичной коммуникативной ситуации, и как отправитель во вторичной ситуации. Однако представляется возможным попытаться построить модель перевода, основанную не на названной триаде, а на понятии интертекстуального пространства.

Известно, что для построения модели необходимо, во-первых, решить, что мы хотим в ней представить, т.е. какие стороны перевода мы хотим в ней отразить (в какой-то степени их «утрировать»); во-вторых, выбрать те теоретические допущения, на базе которых будем строить модель. Если рассматривать перевод с точки зрения теории интертекстуальности, то в качестве таких допущений логично использовать следующие «максимы» постмодернизма: «ничего не существует вне текста» (Ж. Деррида) и «нет текста, кроме интертекста» (Ш. Грифель), что позволяет заключить, что «дом нашего бытия» – это многомерное интертекстовое пространство, в котором любой «новый» текст возникает как отклик (реплика) на другой текст. Это значит, что любой текст обретает свою смысловую полноту не только благодаря своей референциальности, но и в силу своей взаимной соотнесенности с другими текстами, находящимися в данном интертекстовом пространстве.

Другое следствие названных постулатов – это погруженность автора в этот же всеобщий интертекст: автор всегда находится в окружении чужих текстов, которые он впитывает либо сознательно, либо

бессознательно. Из этого же интертекста, т.е. памяти или, другими словами, собственной «интертекстуальной энциклопедии» (термин Г.В. Денисовой) и черпает автор составляющие своего текста, которые он, согласно теории интертекстуальности, по принципу калейдоскопа превращает в новый текст.

Из теоретических положений, касающихся понимания сути и статуса перевода, принципиальным для нас является следующее. Во-первых, отказ от рассмотрения перевода в старых терминах «верности» оригиналу, во-вторых, изменение статусов текста перевода и переводчика, признание творческого начала в деятельности переводчика, его манипулятивной власти и, в-третьих, понимание перевода как «возведения моста» через пространство, разделяющее исходную и принимающую среду (перевод как «in-betweenness»).

Итак, пользуясь понятием интертекстуального пространства, попытаемся представить перевод как транскультурное перемещение текста. Известно, что любой текст рождается «в недрах» некоторого интертекстуального пространства. Поскольку мы говорим о межъязыковом (межкультурном) переводе, то будем считать, что мы имеем два таких пространства (I_1 и I_2), соответствующих исходной и принимающей культурам. Текст оригинала T_1 рождается в интертекстуальном пространстве I_1 и, соответственно, является его элементом. Будучи вплетенным в данный интертекст, он неразрывно связан с его смысловым универсумом, с другими текстами данного пространства, многие из которых являются его предтекстами. Перемещаясь в пространство I_2 , текст оригинала становится своего рода культуртрегером и, будучи трансплантирован в новое для себя пространство, он обретает в нем новые интертекстуальные связи, сохраняя при этом и старые, связывающие его с пространством I_1 . Те и другие связи объединяются, образуя его собственное интертекстуальное поле, становясь источником

возникновения новых связей, уже межпространственных. Способы соединения этих пространств могут быть различны, как и сами связи.

Говоря о процессе перемещения текста из одного пространства в другое, необходимо подчеркнуть, что на данный процесс влияет множество факторов, которые условно можно назвать «управляющими воздействиями». Совершенно очевидно, что переводчик во время конкретного акта перевода подвергается различного рода воздействиям, которые «управляют» его деятельностью. Эти воздействия могут быть различного типа – субъективные и/или объективные, языковые и/или культурные, ситуационные и многие другие. Учесть все воздействия не представляется возможным, но и совсем не принимать их во внимание нельзя, поскольку их влияние на переводчика и, соответственно, на продукт его деятельности (текст перевода) является определяющим и объясняет многие моменты переводческой деятельности: например, тот факт, что переводы одного оригинала, выполненные одним и тем же переводчиком, могут значительно отличаться. Эти же факторы влияют и на степень дивергенции процесса перевода. Другими словами, присутствие в модели «вектора управляющих воздействий» позволяет представить «единичность» каждого акта перевода, его личностно-субъективную составляющую, что делает модель динамичной.

Итак, согласно предлагаемой модели, перевод есть процесс соединения двух интертекстуальных пространств (I_1 и I_2), каждое из которых, как уже говорилось, имеет свои межтекстовые связи. Переводчик, трансплантируя текст T_1 , воплощенный в «плоть» текста T_2 , в пространство I_2 , связывает эти два пространства. При этом переводчик подвергается влиянию со стороны смысловых универсумов обоих пространств. Они могут быть различными по интенсивности, влияние одного может превосходить влияние другого, что также зависит от многих факторов, среди которых тип текста, выбранный переводчиком метод перевода, ну и, конечно, личность самого переводчика, его творческое

«его». Вряд ли возможна ситуация, в которой указанные влияния оказались бы равновесными.

Описывая перевод как кросскультурное перемещение текста, необходимо также иметь в виду, что переводчик, в отличие от автора, должен обязательно быть погруженным в оба пространства, он должен быть, по выражению Льва Озерова, «звездой с двойным ядром». Соответственно, его «интертекстуальная энциклопедия» должна быть богаче, должна содержать тексты, относящиеся не только к универсальной составляющей энциклопедии, но и тексты, входящие в обе национальные энциклопедии. Именно это позволяет ему соединять оба пространства, создавая тем самым условия для бытия текста перевода в этом новом для него пространстве.

Таким образом, текст оригинала, помещенный в новое пространство, получает импульс к саморазвитию, к ветвлению, что и делает, как мы уже говорили, процесс перевода дивергентным. Степень дивергенции увеличивается с появлением новых переводов одного и того же оригинала, произведений одного и того же автора. В результате образуется некое субпространство, принадлежащее данному тексту или данному автору. Формирование такого пространства происходит в два этапа: на первом этапе оригинал служит той точкой, из которой выходят векторы — тексты переводов, образуя определенное текстовое пространство, на втором уже сам перевод (переводы) становится точкой, от которой также исходят векторы — новые тексты, рожденные на его основе. (Очевидно, что не все переведенные тексты принимаются новой средой, присутствие многих остается формальным, они так и остаются артефактами чужой культуры, не обретают новых связей и не являются источником порождения новых текстов). Одним из самых ярких примеров такого субпространства в русском универсуме может служить пространство текста «Гамлет». Гамлетовский текст с его неразрешимым вопросом «быть или не быть?» так органично вписался в ткань нашей культуры, что его

уже трудно считать привнесенным извне, т.е. переводным. Все мы знаем, что «Гамлет» стал неразлучен с русской культурой, он явился литературным прототипом героев отечественной литературы XIX века, появились русские Гамлеты (Щигровского и других уездов), появился термин «гамлетизм», означающий особое состояние души и ума. Другими словами, «Гамлет» и его автор обрели в русском культурном (интертекстуальном) свое собственное пространство, и это произошло благодаря Переводу. Шекспировский «Гамлет» в нашей (и мировой) литературе получил как трагическое, так и пародийное переосмысление. В современной отечественной литературе классическим примером игрового пародийного «переписывания» трагедии Шекспира является текст Б. Акунина.

Если посмотреть на акунинский текст и его прототекст (текст Шекспира) с точки зрения типологии интертекстуальных связей Ж. Женетта, то здесь мы видим три. Это интертекстуальность как сопричастие в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т. д.), это гипертекстуальность как осмеяние и пародирование одним текстом другого и архитектстуальность, понимаемая как жанровая связь текстов.

Что касается «цитатности» акунинского произведения, шекспировские строки (точнее, строки русских переводчиков Н. Полевого, К. Романова, М. Лозинского, Б. Пастернака) просвечивают почти в каждом куске текстового полотна Акунина: «Прощай, прощай и помни обо мне!», «Офелия, о нимфа, помяни меня в своих молитвах полунощных!», «Что привело вас к нам из Виттенберга?», «Есть многое на свете...». Но самое интересное в данной версии «Гамлета» – это неожиданность фабульно-сюжетного разрешения.

«Гамлет» Б.Акунина готовит читателю настоящий сюрприз. Вот последние реплики героев после трагической развязки:

Гораций (Фортинбрасу):

Вы появились минута в минуту, ваше высочество. Служить вам – истинное удовольствие. У вас все задатки великого короля.

Фортинбрас:

С такими слугами, как вы, фон Дорн,

Нетрудно стать великим государем.

Но как вам удалось в один прием

Расчистить путь мне к датскому престолу?

Возникает вопрос: кто перед нами? Благородный, умный Гораций – верный друг Гамлета, или Талейран, гениальный дипломат, специалист по тайным дворцовым заговорам, или «всего лишь исследователь человеческой природы»? Вот это и есть «invention» Б. Акунина – самого привлекательного героя окрашивать в другие тона, даже другие цвета. А тут и еще одна межтекстовая связь: Гораций оказывается фон Дорном. Это уже настоящий «палимпсест» и постмодернистская свободная «игра». Акунинский «Гамлет», выросший из «Гамлета» Шекспира и его русскоязычных переводов является примером того, какие различные «стебли» могут вырастать из одного корня, демонстрируя, насколько дивергентным оказывается процесс трансляции текста.

Все сказанное позволяет считать, что перевод, будучи вторичным по своей онтологической сути, обеспечивает новую жизнь тексту первичному, расширяя значительно его бытийное пространство за счет множественности интерпретации, за счет прирастания новых смыслов, «неведомых» автору. Вспомним замечание Х. Гассета о значении латинского слова *auctor*. Испанский философ в своей широко известной работе «Дегуманизация искусства», подчеркивая особую, очень важную роль Автора, писал: «Поэт умножает, расширяет мир, прибавляя к тому реальному, что уже существует само по себе, новый ирреальный материк. Слово «автор» происходит от *auctor* – тот, кто расширяет. Римляне

называли так полководца, который добывал для родины новую территорию» (Ортега-и-Гассет 1998, 35). Гассет говорил об авторе, а мы это же можем сказать о Переводчике, благодаря которому интертекстальное пространство (как глобальное, так и национальное) обогащается новыми текстами и новыми межтекстовыми связями.

Литература:

1. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991.
2. Цвиллинг М.Я. Исчерпала ли теория перевода свои возможности? // Вопросы филологии. – 2002. – № 1. – С. 48-50.

The paper discusses the phenomenon of translation in the terms of intertextuality that makes possible to present the process of translation as the text transferring from one intertextual space (the source one) to another intertextual space (the target one). While being transferred the text «diverges» from its original form and meaning. It allows to call crosscultural translation a divergent process.

Николаев Г.А.
Казанский государственный университет
г. Казань (Россия)

РАЗНОВРЕМЕННЫЕ ПЕРЕВОДЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Перевод иноязычного текста может использоваться как объект лингвистического анализа в двух аспектах. Во-первых, в аспекте синхронии литературного языка, на который был сделан этот перевод (например, перевод Н.И.Гнедича «Илиады» Гомера как феномен русского литературного языка первой трети XIX века). Во-вторых, в аспекте сопоставления языка перевода с языком оригинала с целью выяснения

типологических особенностей того и другого языка, а также изучения искусства и техники перевода и т.д. В качестве примера можно взять тот же перевод «Илиады», любая из особенностей языка которого (в частности, наличие большого количества сложных слов) может быть рассмотрена в их связи и соотнесенности с языком греческого оригинала.

Разновременные переводы текста могут тоже изучаться в указанных аспектах. Но здесь появляются и новые возможности, позволяющие рассматривать перевод в диахроническом плане. Разновременными мы называем переводы одного какого-то иноязычного текста (прежде всего текста художественного произведения), выполненные обязательно разными переводчиками и обязательно в разное время. Например, переводы романа Иоганна Вольфганга Гете «Leiden des jungen Werthers» («Страдания юного Вертера» - 1774 г.), сделанные в России Ф.Галченковым в 1781 году и И.Виноградовым в 1816 году (Петров 1973, 46).

Начало разновременным переводам иноязычного текста на славянский язык было положено деятельностью славянских первоучителей Константина (Кирилла) и Мефодия. Они дали славянским народам текст-образец Священного Писания, который в дальнейшем неоднократно переписывался теми славянами, которые вели богослужение на родном языке и придерживались греческого православного вероисповедания. Фактически эти разные редакции переводов богословских и богослужебных книг, которые велись с греческого оригинала, и были первыми разновременными переводами иноязычного текста на славянский язык.

Историки языка знают, какую огромную роль сыграли эти разновременные переводы в науке о развитии славянских письменных языков. По этим переводам изучалась история конкретных славянских языков, поскольку, наряду с традиционными книжно-славянскими языковыми формами, в них отражались и изменения, происходившие в

славянском языке, родном для переводчиков, в частности – в древнерусском языке.

Наиболее красноречивым примером научной ценности языка разновременных переводов церковных книг является то открытие, которое сделал профессор Казанского университета В.М.Марков в работе о причинах падения редуцированных гласных в славянских языках, изучая языковые факты майской Путятиной Минеи XI века и последующих древнерусских списков минеи за май месяц (Марков 1964).

В Казанском университете зародилась и идея об использовании разновременных переводов в качестве одного из лингвистических источников изучения истории русского литературного языка, при этом не только его древнего состояния, но и последующих периодов, с привлечением, естественно, переводов не только церковных, но и светских сочинений. При этом, чем больше временное расстояние между двумя переводами, тем больше языковых фактов, связанных с историческими изменениями языка, они будут содержать.

В связи со сказанным необходимо различать разновременные переводы одного иноязычного текста и переводы, сделанные разными переводчиками более или менее одновременно. В них различия, обусловленные объективными причинами (развитие языка), скорее всего, будут отсутствовать (переводы сделаны в один синхронно-языковой период), и на первое место выйдут различия, связанные с субъектом переводчика.

Роль разновременных переводов как лингвистического источника не утрачивается при изучении близких нашему времени этапов языковой истории, но наоборот приобретает новые важные стороны. В этом случае особенно показательны переводы, разделенные периодами, в которые протекали серьезные языковые изменения, например, переводы конца XVIII и первой половины XIX вв. Эти переводы разделяет возникновение

пушкинской нормы и переход русского языка в новое качество, которое мы называем современным русским литературным языком.

Разновременные переводы одного текста нужно отличать от разновременных списков одного памятника (текста). Большинство древнерусских памятников (за редким исключением) дошло до наших дней в целом ряде списков. Так, специалистам известны не менее четырех списков Первой Новгородской летописи XIII – XVI вв. При изучении этих списков исследователь использует чисто исторический анализ, прибегая, естественно, к сопоставлению языкового материала разновременных рукописей.

Нельзя относить к разновременным переводам и разные хронологические редакции перевода, выполненные одним переводчиком. Эти редакции тоже имеют определенное лингвистическое значение, но они не несут специфических черт разновременных переводов, выполненных разными переводчиками в разное время.

Нужно иметь в виду и те отличия, которые существуют между разновременными переводами одного текста и разовым его переводом. В последнем случае перед исследователем стоят совсем иные задачи, он находится полностью в сфере проблем перевода и сопоставление применяет не как чисто механический прием, а как основной метод анализа.

Исследование разновременных переводов иноязычного текста как бы объединяет в себе оба отмеченных типа анализа. Ученый рассматривает переводы текста в исторической перспективе языка, на который сделаны эти переводы. Проблемы теории и практики перевода (сопоставление оригинала и перевода) совмещаются с проблемами истории литературного языка (сопоставление разных во времени отношении переводных текстов).

Таким образом, исследование разновременных переводов иноязычного текста принадлежит и переводческой науке и истории языка. Но оно дает нам и историю переводческого дела.

Не нужно быть особо проницательным, чтобы признать, что такие переводы отличаются один от другого в языковом отношении. Эти отличия обусловлены обстоятельствами как объективного, так и субъективного характера.

К объективным причинам относятся:

во-первых, разные языковые возможности выражения одного содержания информации, заложенной в тексте (разные способы номинации, синонимические средства и т.п.);

во-вторых, языковые изменения, происшедшие в языке между двумя разновременными переводами.

в-третьих, развитие и совершенствование искусства и техники перевода в целом. Об этом красноречиво свидетельствует, например, сравнение ранних и более поздних переводов новелл и сказок Э.Т.А.Гофмана на русский язык. Здесь тоже мы фактически имеем дело с изменениями во времени. Но эти изменения касаются не отдельных языковых форм, а переводческого дела в целом.

Техника и искусство перевода художественного текста не изменялись и совершенствовались в отрыве от общелитературного процесса, так как сами они были частью этого процесса. Переводчик художественного текста, по идее, сам должен быть писателем. Сравнивая ранние и более поздние переводы, мы приходим к заключению, что русскоязычные переводчики нередко шли от техники перевода к искусству перевода. Ранние переводы обнаруживают тенденцию к дословному переводу, в то время как поздние переводы этого же текста более свободны в выборе переводческих средств и учитывают, так сказать, литературную конъюнктуру времени.

В большинстве европейских языков существует три основных способа номинаций: семантическая деривация, морфемное словообразование и синтаксическое словосочетание. Языковые расхождения в разновременных переводах могут быть обусловлены использованием разных способов номинации.

Ср. переводы немецких словосочетаний из новеллы Гофмана «Выбор невесты»:

...daß ich all' das tolle abgeschmackte Zeug glauben soll (3, 62):

перевод 1836 г.: *...что я поверю всем безумным нелепостям (I, 129);*

перевод 1870 г.: *...ты хочешь меня уверить во всей чепухе (II, 140).*

Трудно в таких случаях найти какие-то чисто языковые причины такого варьирования переводов, хотя они, наверное, существуют. Поиски этих причин и составляют задачу исследования разновременных переводов. И в этих поисках теория перевода и история языка будут работать совместно. Однако, признавая, что в языке существуют три указанных способа номинации, следует обратиться и к языковым пристрастиям переводчика. Не исключено, что в таких случаях дословность перевода и его бóльшая отвлеченность от оригинала являются не результатом, а отправным моментом перевода.

Основателю Казанской лингвистической школы Бодуэну де Куртенэ приходилось не только читать курсы теоретического языкознания, но и вести занятия по иностранным языкам (чаще – по немецкому языку). В процессе обучения он требовал от студентов, чтобы они давали дословный перевод текста и его литературную обработку, что помогало быстрее понять специфику чужого языка.

Так, немецкую фразу «Er hat Heines Werke gern gelesen» следовало бы дословно перевести, как «Он имеет Гейне сочинения охотно прочитанные». Что касается литературно обработанного перевода, то здесь

имеются две возможности: 1) «Он охотно читал сочинения Гейне» и 2) «Он любил читать произведения Гейне». Разные переводчики-современники могут выбрать разные варианты. Тем более это возможно в разные времена.

Естественно, главной проблемой, которую решают исследователи разновременных переводов иноязычного текста, является проблема способов номинации и синонимии, лексической и словообразовательной. Отметим, что словообразовательная синонимия является одновременно и лексической, только в отличие от других типов лексической синонимии она связана с процессами словопроизводства. Словообразовательные синонимы характеризуются общей производящей основой, идентичным словообразовательным значением и разными словообразовательными средствами (синоморфемами).

Таковы, например, слова *злорадость* и *злорадство*, русские эквиваленты немецкого *Schadefreude* в разновременных переводах новеллы Гофмана «Выбор невесты» 1836 и 1870 гг., или *мщение* (1836) и *месть* (1870) слова *die Rache* из той же новеллы и т.п.

Более сложные типы словообразовательной синонимии связаны с развитием соответствующих словообразовательных типов, в том числе и с феноменом обратной мотивированности. Так, немецкое слово *die Feindschaft* из той же новеллы Гофмана передается в переводе 1836 года словом *неприятнь*, а в переводе 1870 года – словом *неприятненность*; слово *der Dank* – *благодарение* (1836) и *благодарность* (1870), *das Vermögen* – *имение* (1836) и *имущество* (1870) и др.

Многочисленны случаи разнокоренной лексической синонимии в разновременных переводах. В тех же переводах новеллы Гофмана встречаются такие синонимические замены: *pünktlich* – *аккуратный* (1836) – *пунктуальный* (1870), *die Melodie* – *мелодия* (1836) – *напев* (1870), *die Rechtlichkeit* – *правота* (1836) – *честность* (1870) и др.

Из приведенных фактов следует, что разновременные переводы позволяют исследовать эволюцию лексики в процессе переводов с иностранного на русский язык в тот или иной период истории языка, эволюцию синонимической его системы. Лексика и словообразование являются самыми доступными и очевидными объектами исследования языковых отличий разновременных переводов. Эти отличия изучались обычно в аспекте чистой истории русского литературного языка. Современные исследовательские задачи требуют обязательного изучения этих переводов в сопоставлении их не только между собой, но и непременно с текстом первоисточника, т.е. учитывать не только проблемы истории языка, но и переводоведения.

Особое значение связь с оригиналом приобретает при переводе юмористических и сатирических произведений. Важным в этих произведениях является не только контекст, но и подтекст. В свое время мы занимались с доктором Йоганном Бидерманом из Гиссенского университета разновременными переводами романа И.Ильфа и Е.Петрова «Двенадцать стульев» на немецкий язык. Мы исследовали два перевода романа: 1975 года и 2000 года.

Известно, что одним из самых применяемых в романе юмористических средств является дефразеологизация устойчивых словосочетаний. Многих фразеологизмов, использованных в романе, в немецком языке нет, поэтому их переводили как свободные словосочетания.

Немецких переводчиков поджидали огромные трудности: ведь если речь Эллочки приходится переводить на русский язык, то в каких сложных ситуациях оказывается специалист, который должен переводить эллочкину речь еще и на немецкий язык! Первым в лексиконе нашей героини стоит слово *Хамите* - 2-е лицо (вежливая форма) глагола *хамить*. Уже в этом заключается определенный юмор, когда вежливая грамматическая форма применяется к глаголу с не совсем «вежливой» семантикой. В немецком

языке нет глагольного эквивалента этому слову, словари отмечают эквивалент в виде словосочетания - *sich flegelhaft benehmen*, поэтому в одном случае форма *хамите* переводится как *Sie sind frech* (перевод 1975), в другом - *Sie Flegel* (перевод 2000). Следует заметить, что между глаголом *хамите* и его немецкими переводами нет полной эквивалентности: в русском языке именованное сказуемое обозначает постоянный признак субъекта (ср.: *Иуда - предатель, Иоанн - креститель* и др.; сюда же следует отнести и немецкое *Sie Flegel*). Глагольные сказуемые, напротив, всегда (или часто) связаны с временным признаком. Следовательно, муж Элочки и Остап не хамы вообще, они могут говорить хамские слова (хамить) лишь в процессе диалога с Эллочкой и только с ее точки зрения. Кстати, к мужу Элочка обращается: «*Хамишь*» (Николаев 2003, 102-109). Как видим, при переводе сатирических или юмористических произведений связь перевода и оригинала должна быть особенно тесной.

Имеются, однако, такие расхождения в разновременных переводах, изучение которых не требует учета проблем перевода и тесной связи с оригиналом, как при исследовании лексики, словообразования, фразеологии и синтаксиса. В рамках чистой истории языка исследуются фонетические и морфологические расхождения в разновременных переводах. Здесь учитываются именно языковые изменения, происшедшие в языке между двумя разновременными переводами. Такие изменения характерны в основном для переводов конца XVIII – первой половины XIX вв.

Так, никакими особенностями оригинала не объяснишь случаи грамматической синонимии, зафиксированные в разновременных переводах (1777 и 1810 гг.) поэмы Д.Мильтона «Потерянный рай»: *пламя – пламень, мать – матерь, облак – облаков, весла – веслы, чудовища – чудовищ, предел – пределов, к земле – к земли, веки – века, бреги – берега, ночью – нощю* и т.п. (Максудова 1972, 55-61). Некоторые из этих синонимических форм (например, две последние пары) связаны с

взаимодействием в русской грамматике исконно русских и церковнославянских языковых элементов.

В связи с этим я хочу отметить особое стилистическое богатство русского языка, вызванное тем, что именно русский литературный язык формировался при значительном влиянии церковнославянской письменности. Именно взаимодействие восточнославянской и южнославянской стихий обусловило это стилистическое богатство. Ни один славянский язык не имеет таких оппозиций, как *град* – *город*, *золото* – *злато*, *ночь* – *нощь*, *меж* – *между* и т.п. Русские писатели и поэты искусно использовали эти формы в своих произведениях. Ср. у А.С.Пушкина: «Здесь будет *город* заложен На зло надменному соседу» и «Прошло сто лет, и юный *град*, Полнощных стран краса и диво...».

Эти формы могли использоваться и в разновременных переводах, особенно там, где нужно было противопоставить высокое и обыденное или, чаще, когда переводчик сознательно ориентировался на тот или иной слог. Значительным количеством параллельных неполногласных и полногласных форм отличаются переводы поэмы Э.Юнга «Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» (1799 и 1806 гг.). Ср., например: «...не дивно, когда боги возвышают *гласы* свои (1799) и «...что ж удивительного, когда ангелы возвышают *голоса* свои (1806) и др. (Шайхайдарова 1977, 10).

Многие языковые формы перевода часто зависят от субъективных факторов. Субъективные обстоятельства связаны с личностью переводчика (его образованностью, мировоззрением, языковыми пристрастиями, степенью владения им техникой и мастерством перевода и др.). Так, лермонтовская оценка действий Демона как «с небом гордая вражда» может при переводе трактоваться с противоположных позиций в зависимости от мировоззрения переводчика: является ли он человеком верующим или атеистом. Противоположность трактовки связана с

синкретичной коннотацией слова *гордая* - положительной и отрицательной.

Замечено, что переводы, выполненные выдающимися писателями (В.Жуковским, И.Буниным, Б.Пастернаком и др.), нельзя оценивать только как переводы, хотя они и весьма талантливо передают дух оригинала. На этих переводах лежит отпечаток художественной манеры гениальных художников.

Следует признать, что объективные и субъективные обстоятельства часто (если не всегда) выступали вместе. К тому же трудно судить о мастерстве переводчика, рассматривая хронологически разведенные переводы: в этом плане нужно сравнивать переводы современников, о чем было сказано в начале доклада.

Таким образом, разновременные переводы иноязычного текста являются лингвистическим источником как для науки о переводе, так и истории того литературного языка, на который эти переводы сделаны.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 07-04-12147в
(«Большой корпус русского языка XVIII в.»).*

Литература:

1. Максудова Э.С. Об отражении эволюции форм именного склонения в разновременных переводах поэмы Дж.Мильтона «Потерянный рай» // Сборник аспирантских работ. Гуманитарные науки. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1972. – С.54-63.
2. Марков В.М. К истории редуцированных гласных в русском языке. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1964. - 280 с.
3. Николаев Г.А. Сленг Элочки-людоедки, или Элочка говорит по-немецки. (Лингвистическое эссе) // Сопоставительная филология и полилингвизм: Сборник научных трудов / Под ред. А.А.Аминовой и

- Н.А.Андромоновой. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2003. – С. 102-109.
4. Петров А.П. К вопросу о лексической синонимии разновременных переводов (на материале переводов «Страдания молодого Вертера» Гете, сделанных в XVIII веке) // Сборник аспирантских работ. Гуманитарные науки. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та. – С. 46-62.
5. Шайхайдарова Д.Ш. К истории лексики с полногласными и неполногласными сочетаниями в русском литературном языке конца XVIII – начала XIX веков (на материале разновременных переводов поэмы Э.Юнга «Ночные размышления»). – Казань: Изд-во Казан. гос. пед. ин-та, 1977. – 32 с.

Chronologically different translations of a text in foreign language accomplished by various translators and at various times are a linguistic source both for theory of translation and history of that literary language in which these translations have been made. Language differences of these translations are caused by objective and subjective factors.

Новоженова З.Л.
Гданьский университет
(Польша)

КЛИШЕ И ШТАМПЫ В ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ: ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Основную причину сложностей перевода устойчивых словосочетаний, клише, штампов, речевых стереотипов, фразеологических единиц, на которые указывают практически все теоретики и практики перевода, справедливо видят в национально-культурной, социальной и исторической маркированности данных единиц. Однако не менее серьезной причиной трудности перевода данных единиц является специфика их речевой природы.

Как известно, клише или речевой стереотип, – это воспроизводимая единица, отличающаяся устойчивостью, принадлежащая к стандартизированным речевым средствам. Появление клише и штампов в речи вызвано требованиями эффективности коммуникации и связано в первую очередь с законом экономии речевых усилий. Роль клише (речевых стереотипов), определенная требованиями успешности и эффективности коммуникации, состоит в закреплении семантической, стилистической, культурной, коммуникативно значимой информации за определенным языковым сегментом. Это освобождает говорящего от необходимости постоянных поисков языковой формы для оформления выделенного языковым сообществом коммуникативно значимого смысла, экономя тем самым его речевые усилия и время. Слушающий, в случае владения данным языковым кодом, легко «открывает», принимает информацию. Тем самым сокращаются усилия и время для кодирования и декодирования информации. В этом можно также видеть антиномию кода и текста, поскольку факт наличия в коммуникации клише и штампов определенным образом увеличивает код (количество знаков) и дает возможность уменьшить текст при сохранении объема передаваемой информации. В связи с исследуемым явлением необходимо указать на еще одну антиномию – антиномию двух функций языка: информационную и экспрессивную. Именно первичность информационной функции в языке (необходимость обмена информацией как конечной цели коммуникации) приводит к стереотипичности, однотипности, стандартизованности, которая может трактоваться как одно из условий успешной коммуникации, оптимизирующей весь процесс коммуникации.

Указанные речевые закономерности «стабилизируют», «создают» клише и штампы. Однако на определенном этапе креативная сущность данных процессов в области клише и штампов, стабильность этих единиц испытывает давление со стороны требования обновления информации (и речевых средств ее передающих), и тем самым клише и штампы

дестабилизируются (на уровне формы, содержания и состава). Таким образом, клише и штампы можно характеризовать как стабильно-нестабильные речевые единицы, что порождает проблему их узнавания и фиксирования.

Динамика процессов, связанных с составом, обновлением корпуса клишированных и стандартизированных средств языка, обусловлена историко-культурным и социальным контекстом. Причем контекст культуры может проявляться в этих речевых средствах и в связи с ними как совокупность историко-культурных знаний и опыта, стереотипов социального поведения, традиционных этнопсихологических представлений человека актуальных для коммуникации.

Важным условием функционирования стандартизированных средств языка является их ориентированность на определенные социальные группы. В этом случае можно говорить о наличии у клише и штампов не только национальной, но и социальной базы.

Обновление состава клише в русском языке новейшего времени вызвано изменением социальной конфигурации общества, появлением новых социальных групп («новые русские», средний класс, предприниматели, криминальные группы, частичная люмпенизация общества, легализация некоторых социальных практик – гадалки, целители и под.) и вовлечением в публичный дискурс языковых средств, в том числе и стандартизированных, связанных с их обслуживанием. Кроме того, смена идеологической составляющей жизни современных россиян также повлияла на состав клише и штампов. Ушли из активного прямого употребления прежние идеологизированные устойчивые сочетания и штампы (*трудовой порыв, социалистическое соревнование, трудовой энтузиазм* и т.п.). С одной стороны, они имеют тенденцию к архаизации, с другой, получают добавочные коннотативные оценочно-стилистические и смысловые значения, и в результате становятся ярким экспрессивно-стилистическим средством, прежде всего в публицистическом стиле.

Таким образом, в корпусе стереотипизированных средств современного русского языка (клише и штампах) обнаруживаются пласты, принадлежащие к разным историческим эпохам, реализующие различные культурные значения (смыслы), несущие различную социальную информацию, реализующееся в разных функционально-стилистических сферах и удовлетворяющие разнообразные интерпретирующие (номинативные) и аксиологические потребности носителей языка.

Клише и штампы являются, как известно, одной из характерных особенностей публицистического стиля (см., Костомаров 1970, 57 и Балли 1961, 109), которая также составляет проблему в процессе перевода газетно-публицистических текстов и текстов СМИ (Микоян, 2003).

Особенности коммуникативной ситуации (необходимость быстро реагировать на злобу дня) значительно усиливают в газетно-публицистическом тексте общеречевую тенденцию к клишированности и стандартизованности речевых средств. Эта тенденция поддерживается также и фактором адресата. Последний, как известно, в данной функциональной сфере отличается массовостью, разнородностью и размытостью социально-психологических характеристик, что в определенной мере ограничивает со стороны адресанта речетворческие эксперименты. Кроме того, текстовые возможности клише и штампов свидетельствуют об их коммуникативной и риторической эффективности в номинации и интерпретации социальных событий, что позволяет им также быть одним из важных средств в формировании стилевой доминанты публицистического стиля – социальной оценочности.

В то же время коммуникативные параметры газетно-публицистического текста и коммуникативные условия его порождения корректируют определенные свойства клише и штампов: во-первых, именно в публицистическом дискурсе может происходить понижение в ранге клише до штампа через частотность их употребления, стирание образности; во-вторых, происходит разрушение и трансформация клише и

штампов для эффективной реализации воздействующей функции, с целью выражения оценки и для усиления экспрессивности публицистического текста. И таким образом внутренняя стабильность клише, штампов, шаблонов, речевых стандартов также постоянно нарушается под действием прагматической свободы автора (отсутствием внешней обусловленности оценки) и стилового «произвола» (преобладанием в тексте «слога» над стандартом, авторской креативности, нарушающей стилевые каноны и стандарты), что часто порождает дополнительные трудности при переводе.

Функционирование речевых стереотипов, клише и штампов в газетно-публицистическом тексте и в его переводе дает возможность проследить базовые экстралингвистические факторы данного типа текста и его жарнообразующие признаки, проявляющиеся в триаде автор – цель – адресат. Тематическая открытость газетно-публицистических текстов (жанры очерка, репортажа, интервью, проблемной статьи) позволяет употреблять в них разностилевые клише и штампы, являющиеся средством номинации различных проявлений духовной и физической деятельности человека.

Так, например, проблемная статья как особый газетный жанр «создается в ситуации анализа, постановки вопроса, обсуждения, поиска решений, острых, злободневных, не требующих отлагательств вопросов социального развития, развития науки, культурного, хозяйственного строительства и т.п.» (Коньков 2004, 76). Цель автора проблемной статьи дать описание общественно значимому факту, привлечь к нему внимание, дать оценку указанной проблеме и показать (в идеале) пути ее решения. Исследователи газетных текстов указывают, что на речевой фактуре проблемной статьи существенно сказывается культурно-речевая потенция автора. Можно противопоставить два типа статей: с одной стороны, это статья, написанная профессионалом речи, спецкором, а с другой -

написанная специалистом... Каждый обладает своим речевым опытом (Коньков 2004, 77).

Проанализированные выше лингвостилистические и социокультурные особенности газетного текста и клише в качестве ее стилеобразующей единицы выявляют и определенную специфику перевода газетного текста. Данные закономерности в полной мере проявляются в переводе на польский язык проблемной статьи Владимира Овчинского, доктора юридических наук, генерал-майора милиции в отставке под названием «*Территория «свободной охоты»*», напечатанной в журнале «*Огонек*» (12 декабря 2007 года). Перевод данной статьи помещен в польском еженедельнике «*Forum*» № 6 (4.02.-10.02.2008) в разделе «*Spółeczeństwo*».

Основная проблема, к которой автор хочет привлечь внимание, определена в подзаголовке: «Удастся ли вырвать российский Дальний Восток из криминальных сетей». Данный текст объемом в две с половиной страницы журнального формата насыщен большим количеством клише (около 70 единиц), которые являются главными носителями фактуальной информации. Они в основном относятся к официально-деловой сфере, к субъязыку юристов, военных, милиции. Отдельные единицы принадлежат к криминальному жаргону или представляют национальный корпус фразеологизмов и прецедентные явления. Часть клише имеет определенную смысловую и стилистическую коннотацию, которая дает возможность определить их как советизмы: *первоочередные задачи, поставленные конкретные задачи, нести прямую угрозу, наносить ущерб, организованное преступное сообщество, судебное разбирательство, работать в закрытом режиме, принять решение, государственный обвинитель, морской промысел, розничная торговля, осуществлять контроль, паспортные данные, обвинительное заключение, идеологическая работа, тяжкие преступление, экстренное совещание, неформальные лидеры* и под.

Основной особенностью анализируемого перевода является «переключение» в нем модально-оценочного плана. Автор и переводчик публицистических текстов преследует различные прагматические цели и задачи. В переводе качественно изменяются составляющие триады автор – цель – адресат. Ментальная и социальная активность переводчика публицистического текста реализуется иным образом и определяется сменой как цели, так и адресата. Для переводчика важно передать не только фактуальную информацию, но и дать свою оценку этой информации, делая тонкие переводческие трансформации. При этом у переводчика остается и главная задача – передача «смысла, эмоций, функции и стиля, т.е. сохранения смыслового, эмоционально-экспрессивного и функционально-стилевого содержания исходного текста» (Швейцер 1988, 194). Эти два обстоятельства определяют тактики и приемы перевода газетно-публицистического материала, в частности и перевода анализируемой статьи.

Характерен уже сам выбор материала для перевода: проблемная статья о криминальной ситуации в одном из регионов России. Для переводчика данного публицистического текста базовой становится пресуппозиция «свой - чужой», он привлекает внимание своим переводом к негативному факту чужой действительности, и в этом акте уже есть оценочный компонент. Важным элементом перевода публицистического текста как акта коммуникации становится заказчик в качестве инициатора коммуникативного акта перевода. Роль инициатора перевода особо подчеркивает К. Норд (Nord 1991). Однако инициатора коммуникативного акта в публицистическом дискурсе можно трактовать достаточно широко: не только как конкретного заказчика – редактора, издателя, – но и как информационно-коммуникативные ожидания общества, т.е. в конечном итоге перевод обусловлен социальным заказом. Важной особенностью данного перевода является то, что оценочный компонент, оппозиция «они и мы», «свой - чужой» с самого начала проявляется автором открыто. Уже

в подзаголовке, который не является прямым переводом подзаголовка русского подлинника, обнаруживается негативная оценка: *Spoleczeństwo, gdzie hulają bandyci* – *Общество, где разгуливают бандиты*. Статья получает также другое название: вместо *Территория свободной охоты* – *Daleki Dziki Wschód* – ‘*Дальний дикий восток*’, что является трансформацией культурно-речевого клише польского публичного дискурса *Dziki Zachód*. Кроме того, происходит иное членение текста и графическое выделение иной информации. Переводчик сокращает начало текста, убирая «пустые» риторические клише с коннотациями советской эпохи: *намечен целый ряд программ, первоочередные задачи*. Ряд клише переведен с использованием генерализации и компрессии: *приоритетная задача - o najważniejszym z prorytetów*.

Главной особенностью перевода в области клишированных оборотов является их стилистическая модификация (Швейцер 1988, 194), сдвиги в стилистическом регистре (высокое-нейтральное-низкое) и функционально-стилевой отнесенности речевых клише. Для анализируемого перевода характерен именно сдвиг в стилевом регистре от сугубо делового, специального, юридического к нейтральному, снятие черт официально деловой речи. Так, почти все деловые клише заменяются в языке перевода нейтральными: *нелегальные сферы* – *rółswiatek*, *закоренелые бандиты* – *kompani wyrokowcy*. В переводе также исчезают культурно-исторические коннотации, связанные с советской эпохой: *места лишения свободы* – *po wyściciu z więzienia*, *экстренное совещание* – *specjalna narada*, *высокопоставленные чина* – *wysokopostawieni pracownicy*, *реальная угроза* – в переводе передается синонимами, что разрушает терминологичность исходного оборота подлинника – *poważne i realne zagrożenie*. Нейтральность тона перевода достигается также и за счет грамматических трансформаций. Так, все аналитические предикаты в переводе переданы простыми: *несет прямую угрозу власти* – *zagraża nawet samej władzy*, *приняло решение* – *postanowił*, *осуществлять контроль* – *kontrolował*.

Кроме того, в польском переводе меняется модальность, негативная оценка конкретизируется и усиливается за счет введения в перевод усилительной частицы *nawet* 'даже'. Однако достаточно часто клише находят в переводе смысловые и стилистические эквиваленты: *трудная семья* – *rodzina patologiczna*, *паспортные данные* – *dane osobowe*, *неформальные лидеры* – *nieformalni liderzy*, *национальная безопасность* – *bezpieczeństwo narodowe*, *природные богатства* – *bogactwa naturalne*, *незаконный бизнес* – *nielegalny handel*, *урегулировать проблему* – *uregulować problem*, *высокопоставленные чины* – *wysoko postawieni pracownicy*, *научные круги* – *środowisko naukowe*, *жестокое законы* – *twarde prawo*, *обвинительное заключение* – *akt oskarżenia*, *идеологическая работа* – *działalność ideologiczna*, *розничная торговля* – *handel detaliczny*, *морской промысел* – *polowu morskie*, что объясняется общностью понятий и явлений в двух социально-культурных сообществах.

Как известно, всегда определенную трудность составляет перевод национальных фразеологизмов и прецедентных явлений (которые также относятся к стандартизованным речевым средствам), в том числе и их трансформаций. Анализируемый перевод демонстрирует различные тактики и приемы их передачи. Так, предложение с библейским фразеологизмом *Посеянное Джемом зерно зла продолжают давать всходы* переведено как *zasiane ziarno dało bujne plony*. В переводе в данном случае сохраняется стилистический регистр подлинника, библейский фразеологизм переводится соответствующим эквивалентом. *А общак устроен по принципу «свято место пусто не бывает» - А то oznacza, że miejsce jednego gangstera, który trafił za kratki, zajmuje co najmniej tak samo „godny” członek bandyckiej wspólnoty*. В данном случае трансформация и конкретизация, примененная переводчиком, разъясняет значения не только фразеологизма, но и всей ситуации и дает ей оценку в переводе. Ироническая трансформация прецедентного текста *Ленин умер, а дело его живет - Джем умер, а дело его живет* в переводе – *Dzieło Dżeta żyje*

nawet kilka lat po jego śmierci целиком теряет культурно-исторические коннотации и текстовую ироническую окрашенность, хотя и переведено буквально, однако для читателя это закрытая информация, так как этой информации нет в его коде, перцептивной базе.

В связи с отсутствием соответствующих реалий в польской действительности, исходя из необходимости компрессии несвойственной для западного публицистического дискурса общественно-деловой риторики, не переведены следующие клише: *силовые ведомства, силовые структуры, широкомасштабная операция, широкий спектр вопросов*. В одном случае для жаргонного фразеологизма *вор в законе* переводчик не находит соответствующего эквивалента и не переводит его, в другом переводит как *szefowie gangu*, конкретизируя смысл. В переводе стилистически нейтрализуются разговорно-жаргонные и жаргонные клише: *быть под колпаком общака – obszczak kontroluje, воровские понятия – uczono ich zasad obowiązujących w środowisku gangsterów*. Прецедентное *окреп и расцвел* переведено описательно как *najlepsze lata przeżywał*. Однако, используя компенсирующие тактики, автор стремится сохранить ироническую окрашенность текста подлинника, давая иронию в других местах текста, значительно деформируя содержательно-структурные особенности подлинника и вводя иную культурную информацию: *мечта этого вора в законе превратить Комсомольск-на-Амуре в Палермо (а с ним и весь Дальний Восток, продолжает воплощаться в реальной жизни) – Jego marzeniem było zmienić Komsomolsk w Palermo. Nad przekuciem tych marzeń w rzeczywistość w pocie czoła pracują następcy „Dżема”*. *Процветать* переведено не нейтрально, как *rozkwitnąć*, а более выразительно польским журналистским штампом *rozwinąć skrzydła* – ‘расправить крылья’. В тексте перевода появляется словосочетание, которого нет в подлиннике *nielegalny przerzut ludzi*. Переводчик явно драматизирует и без того сложную ситуацию.

Важной чертой анализируемого перевода является использование в нем компрессии и генерализации, в том числе и в области перевода клише и штампов. Так, «агентство национальных новостей» – юридический и достоверный источник информации для автора статьи, у переводчика превращается в *jedną z agencji informacyjnych* – ‘одно из информационных агентств’. В переводе словосочетания *po zaświadczeniu Dżема* – *Tako kazał „Dżem”* исчезают культурно-исторические коннотации, аллюзии связанные с советской эпохой, однако в польском языке появляются совсем другие стилистические и смысловые оттенки. Выражение *Tako kazał* может иметь двоякую стилистическую окраску, первая - это народно-просторечная, которая в современном польском языке является архаичной, а вторая - религиозно-церковная.

Таким образом, анализ специфики перевода клише и штампов в публицистическом тексте позволил установить некоторые коммуникативно-речевые свойства клише и штампов (их стабильность/нестабильность, препятствующие их узнаванию, фиксации и, в конечном итоге, переводу), а также проследить некоторые особенности перевода газетно-публицистического текста. Так, анализируемый перевод демонстрирует изменение прагматической цели автора. В переводе фиксируются изменения стилистической окраски сегментов текста (прежде всего клише), стилистическая нейтрализация официально-деловых, профессиональных, жаргонных и прецедентных клише. В переводе клише и штампов пропадает почти весь спектр социальных, культурных и исторических коннотаций, связанных с советской эпохой, и специфических криминальных коннотаций новейшего времени, так как практически не переведены жаргонные клише. Стремление сохранить общий стилистический тон оригинала заставляет переводчика прибегать к тактикам, которые можно назвать компенсирующими, наблюдаются приемы компрессии, устранение избыточных элементов, «лексическое свертывание» в области перевода клише и штампов. В этом можно видеть

переводческую адаптацию текста, которая представляет собой приспособление текста перевода к уровню компетентности реципиентов, то есть создание такого текста, который читатель перевода сможет воспринять, не прибегая к посторонней помощи и кроме того, текста, который удовлетворяет информационным потребностям общества, для которого он предназначен.

Литература:

1. Балли Ш. Французская стилистика. Пер. с франц. — М., 1961.
2. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. — М., 1970.
3. Коньков В.И. Речевая структура газетных жанров. СПб., 2004.
4. Микоян А.С. Проблемы перевода текстов СМИ// Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. — М., 2003.
5. Nord K. Text analysis in Translation. Amsterdam, 1991.
6. Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты.— М., 1988.

Analysis of clichés and set phrases (business, special, slang, legal terms – clichés and sovietisms) in an original journalistic article and in a translated journalistic article demonstrated the changes in modal meanings and stylistic connotations of the original text and social connotations as a result of a new qualitative content of such communicative components of a translation process as a purpose and a recipient.

The analysis also made it possible to draw some general theoretical conclusions concerning speech status of these units imposed by the law of economy, a code-text ratio and communicative pragmatics.

Нуршаихова Ж.А.
КазНУ им.аль-Фараби,
г. Алматы (Казахстан)

АЛГОРИТМИЗИРОВАННЫЙ СИНТАКСИС В ПРАГМАТИКЕ

Для чего существуют теории порождающих грамматик, если не использовать их для генерирования грамматических систем при обучении новой грамматике?

Н. Хомский

Алгоритмизированный синтаксис как символическое представление предложения, позволяющее эксплицировать его виртуальную структурную основу с целью положительного воздействия на усвоение второго языка, был разработан в довольно ярком круге научных направлений, послуживших его обоснованием.

Идеи структурализма - глоссематика в европейской лингвистике, американская дескриптивная лингвистика, американский структурализм, анализ по непосредственно составляющим (НС), трансформационная грамматика, а позднее - конституентный синтаксис, генеративная лингвистика, структурный синтаксис Л.Теньера, ставший основой для грамматики зависимостей, - явились лингвистическим фундаментом теории алгоритмизированного синтаксиса.

Семиотико-информационная интерпретация языка как средства общения между людьми и содержания коммуникативных процессов в качестве основы психолингвистического подхода показывает, что использование символов и условных знаков является эффективным методом теории усвоения, поэтому ограниченный естественный язык оказывается реально возможным средством овладения языком. Применяемое в области информатики специальное оформление передаваемой информации в сообщении является аналогом для описания структуры обычного сообщения в пределах речевых актов, которое и заинтересовало нас с точки зрения обеспечения его правильного понимания и умения использовать в коммуникативном акте.

Существующие два уровня алгоритмической обработки информации: уровень формальной обработки, на котором происходит преобразование текста в целом, не связанное с анализом его смысла, и

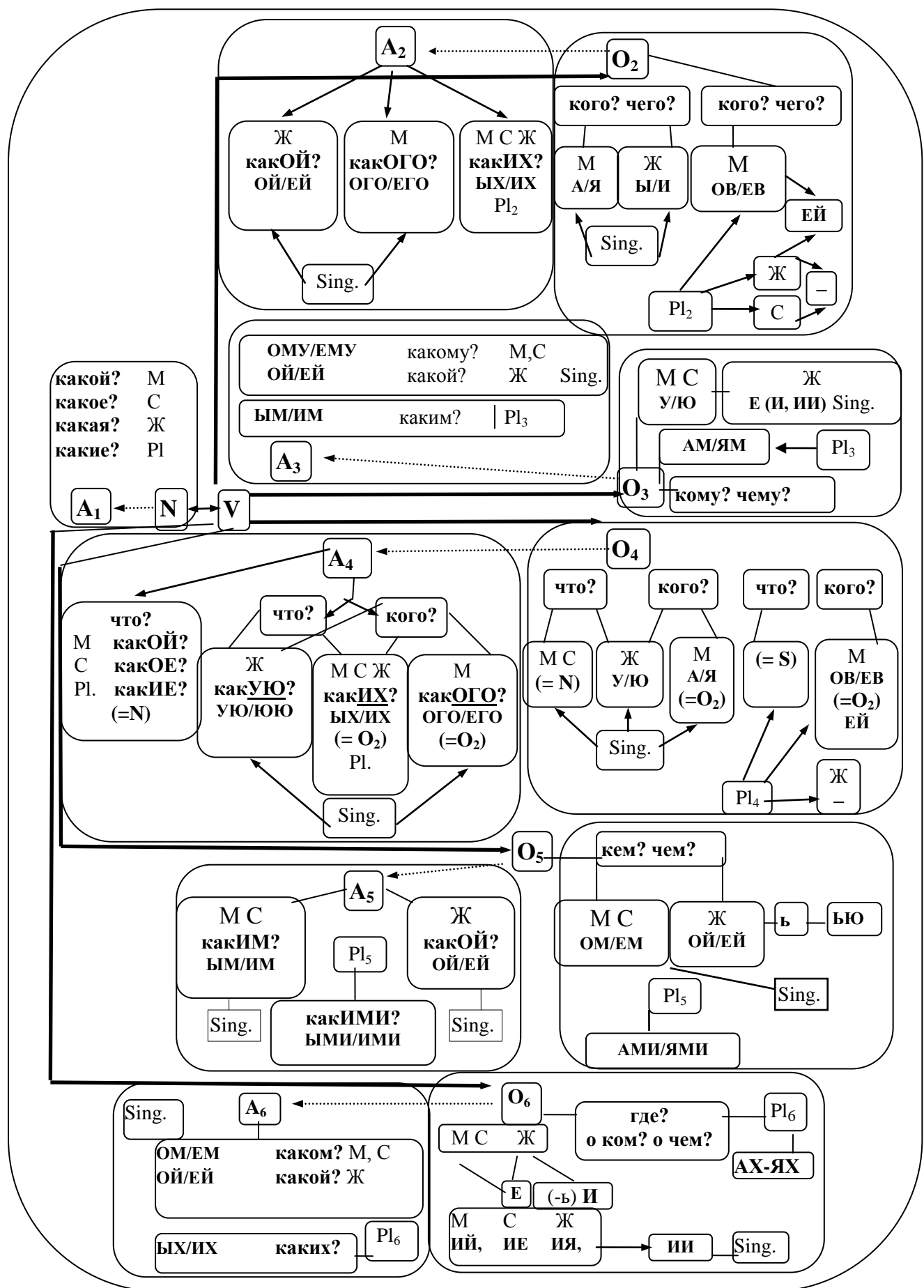
уровень содержательной обработки, на котором выделяется смысл отдельных элементов и логико-семантические отношения между ними с целью построения семантического представления сообщения использовались нами для построения как интегрированной унифицированной виртуальной модели простого русского предложения, так и для построения модели диалога.

Проблемы, связанные с алгоритмической обработкой на обоих уровнях, состояли в том, чтобы в технологических целях алгоритмизировать и унифицировать сообщение на формальном уровне, а на содержательном уровне уметь перевести сообщение, состоящее из моделей и алгоритмов, на естественный язык. В этом смысле способ анализа, предложенный нами, относится к сложным, поскольку в работе мы использовали трансформационные грамматики на базе так называемых подстановок, анализировали НС-составляющие определенного в зависимости от изучаемой ситуации объема экстралингвистической информации, а также применяли методы структурного анализа Л.Теньера.

Смысл теории алгоритмизированного синтаксиса заключается в том, чтобы овладеть умением перенести внимание с внешней информации на внутреннюю, уметь воспринять информацию в виртуальном изображении и алгоритмически передать ее на естественный язык. Наша задача заключалась именно в упрощении структуры изучаемого естественного языка (сюда относятся и структура предложения, и структура построения диалога в коммуникативных целях) с помощью моделей и алгоритмов как предложения, так и диалога для восприятия и порождения информации, для умения использовать их в иллокутивно-перлокутивном акте.

В теории алгоритмизированного синтаксиса предлагается алгоритмизированная методика усвоения языка, разработанная унифицированная виртуальная интегральная стемма русского предложения, разработанные алгоритмы подачи грамматического материала и апробированный на практике методический подход к

проблеме, предлагается теория грамматики, соответствующая названной концепции, трактуемой через призму теорий Н. Хомского и Л.Теньера. Алгоритмы семантического и синтаксического анализа этой структуры позволяют продемонстрировать адекватность грамматической теории через моделирование глубинной и поверхностных структур русского предложения и позволяют с их помощью добиться облегчения усвоения русского языка. В моделях, сконструированных нами, эксплицированы отношения иерархии между компонентами и отражено объединение составляющих, представлена полная композиция, состоящая не только из трансформационных элементов, но и из объединяющих эти компоненты синтаксических связей. На базе теории Л.Теньера нами сделана попытка расширить трансформационную грамматику, дополнив ее иерархическими отношениями между компонентами; исследованы структуры, составляющие предложения, изнутри и сконструированы предложения при помощи этих структурных моделей.

Рисунок

Цитируя Л.Теньера «... возможно представить себе некую интегральную стемму, в которой учитывались бы все структурные элементы предложения; можно, по крайней мере, приблизиться к этому идеалу», мы имеем смелость утверждать, что такая интегральная модель структуры простого русского предложения создана (см. рисунок).

В процессе усвоения русского языка мы предлагаем демонстрировать интегральную стемму, ее виртуальную модель, а именно полную структурную модель предложения, построенную при помощи трансформантов и НС-составляющих на глубинной структуре предложения (Н. Хомский), а затем алгоритмически рассматривать синтаксические связи между составляющими, конструируя и изучая все виды стемм и узлов, связывающих компоненты (Л.Теньер).

Метод виртуального (символического) представления предложений предоставляет возможность увидеть за множеством второстепенных внешних черт реального предложения его виртуальную структурную основу, которая может оказать положительное влияние на усвоение языка. Для этого при помощи структурного метода были выделены из бесконечного множества однообразных конкретных воплощений основные унифицированные структурные типы простого предложения, которыми может воспользоваться инофон для наилучшего понимания глубинной сущности чужого языка.

На начальном этапе усвоения языка нами предложено работать с фрагментами интегральной стеммы, не загружая объяснение того или иного грамматического явления излишними дополнительными сведениями для сохранения ясности изложения материала и для овладения инофоном процессом конструирования элементов предложения. Это происходит из естественного желания инофона привести в определенный порядок получаемые ими языковые факты, которое должно поддерживаться тем, чтобы исподволь подвести его к видению полной структурной модели предложения и методом алгоритмизирования дать ему возможность

самому интегрировать унифицированную стемму простого русского предложения из усвоенных виртуальных фрагментов.

В процессе алгоритмизирования синтаксиса приходим к необходимости выявлять имплицированные типы знаний для усвоения их инофонами не только в области синтаксиса, но и в области морфологии. Для этого, классифицируя предложения в соответствии с природой их центрального узла, репрезентируем в деталях те компоненты, которые составляют усваиваемый узел, выявляем к эксплицированию компоненты построения узловых частей предложения. В этих же целях предложена таксономия признаков частей речи и выделены в предложенном для усвоения материале не существующие в родном языке инофонов языковые явления русского языка, влияющие на интерференцию.

Анализ алгоритмизированного процесса усвоения структуры простого русского предложения позволяет нам заключить, что при желании научить каждого нового участника коммуникативного акта свободно оперировать предложением необходимо рассматривать предложение с функциональных позиций. Каждое новое слово должно усваиваться не как лексема, а как функционирующий элемент предложения - синтаксема. Для этого слова, предлагаемые для усвоения, должны обретать форму предложения, начиная с простых субстантивных предложений, центральный узел которых - субстантивный, таким образом, понятие субъект совпадает с понятием предложение, т. е. $S = N$. Затем каждый новый элемент должен вводиться на фоне общей структуры предложения алгоритмическим путем, в таком случае процесс усвоения структуры простого предложения продемонстрирует собой алгоритмы подачи грамматического материала от описания субстантива, представляющего простое односоставное субстантивное предложение, и далее к расширению предложения путем распространения субъекта за счет составления адъективных узлов, глагольных и адвербиальных. Таким образом, задача заключается в том, чтобы каждый новый

трансформационный компонент вводился в процесс усвоения алгоритмически.

В процессе структурирования предложения при составлении различных типов узлов будет происходить усвоение синтаксических связей: управления (глагольный узел, при котором один из элементов - актанта), согласования (адъективный узел, связывающий прилагательное и другие согласующиеся части речи с существительным), примыкания (адвербиальный узел). Предложенный алгоритм усвоения (система алгоритмизированной репрезентации русских падежей при глагольном управлении) демонстрирует пошаговое усвоение русских падежей при глагольном управлении в последовательности от глагольного узла с одним актантом VO_x к усвоению согласования данного актанта в адъективном узле в единственном числе VA_xO_x ; к усвоению управления и согласования во множественном числе $VA_xO_xPl_x$; к усвоению примыкания в глагольном узле $Adv.V(A_xO_xPl_x)$.

В процессе исследования мы пришли к заключению, что алгоритм усвоения дает возможность увидеть, как при помощи трансформационных компонентов постепенно разрастается глубинная структура предложения и как все окончания, моменты согласования и управления постоянно отражаются в стемме от виртуального субстантива-предложения до интегрированной унифицированной виртуальной стеммы простого предложения. Кроме того, алгоритмически сконструированная и полностью интегрированная унифицированная виртуальная стемма русского предложения, составленная при помощи трансформационных компонентов, которые последовательно накладывались на глубинную структуру предложения должна быть последовательно усвоена инофонами с целью наилучшего овладения грамматическим материалом и скорейшего вступления в процесс коммуникации.

Поскольку усвоение языка проводится в целях коммуникации, следует иметь в виду, что сам процесс усвоения не должен замыкаться на

отдельных падежных грамматических формах - структура предложения должна выявляться постепенно, шаг за шагом, начиная с глубинной структуры предложения, на которые постепенно наращиваются трансформационные компоненты (глагольные и адъективные узлы, а также непадежные трансформанты - адвербиальные узлы) в единственном и множественном числе. Кроме того, в зависимости от ситуации или в тренинговых целях изменяется предикат, выражаемый глаголом в настоящем, прошедшем, будущем времени, в НСВ-СВ или используются глаголы движения.

В том случае, если на начальном этапе овладения языком инофон сможет понять структуру предложения, ощутить ее как живой организм, способный развиваться и деформироваться в любую сторону в зависимости от желания инофона, если он научится пользоваться трансформационными элементами и строить из них предложения любой структуры и конфигурации, если инофон может из НС (непосредственно составляющих) построить предложение или, наоборот, любое предложение разбить на НС (непосредственно составляющие), мы считаем, что цель, для которой использовался алгоритм усвоения, достигнута.

Пешкова К.Ю.
Université de Provence Aix-Marseille 1
г.Экс-ан-Прованс (Франция)

ПЕРЕВОД СПЕЦИАЛЬНОГО ДИСКУРСА И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ

Перевод специального дискурса приобретает в настоящее время особую актуальность. Функционируя в определенных профессиональных и общественных сферах, русский и другие развитые языки демонстрируют как общие закономерности, так и различительные признаки. Это проявляется, например, в экономическом и юридическом дискурсах, характеризующихся и общими чертами и национальной спецификой.

Специальные дискурсы имеют особенности текстового строения, грамматических конструкций и лексического состава. Однако их основное смысловое содержание зависит от терминологии, связанной с определенной областью знания. Терминология является объектом терминоведения, которое получило активное развитие на базе русского языка (А.А.Реформатский, Б.Н.Головин, В.М.Лейчик, Р.Ю.Кобрин и др.). В плане теории перевода и переводческой практики особое значение имеет сравнительное терминоведение, обобщающее наблюдения над терминосистемами двух или нескольких языков. Целью сравнительного терминоведения является компаративный анализ семантики и структурных моделей терминов определенной науки, профессиональной области, рода деятельности. К таким функциональным областям можно отнести экономику и право, имеющие свои терминологии, в частности, в русском и французском языках.

Сопоставительное изучение указанных терминологий позволило установить, что, нося системный характер, они демонстрируют и собственные отличительные признаки. Структурные модели терминов обнаруживают существенные расхождения, связанные с общими грамматическими законами отдельных языков и с понятийной системой определенного дискурса.

Особый интерес вызывает концептуальное моделирование в типологическом плане. Если в экономическом дискурсе обнаруживаются идентичные концептуальные модели для сопоставляемых языков, то в юридическом дискурсе построение таких моделей затруднительно (по причине различия правовых систем).

Анализ языкового материала опровергает распространенное утверждение о моносемичности терминов; многие из них полисемичны как в языке оригинала, так и перевода, что вызывает необходимость поисков верного семантического варианта из числа значений термина.

Остановимся подробнее на проблемах синонимии и антонимии во французской и русской юридических терминологиях. В научной литературе данные проблемы затрагивались исследователями русской юридической терминологии С.П.Хижняк (Хижняк 1997) и французской юридической терминологии Ж.Корню (Cornu 1990). Рассмотрим на конкретном терминологическом материале трудности, возникающие при переводе. Как справедливо отметил Н.К.Гарбовский «какую бы проблему мы не взяли, в конечном итоге она сводится к поиску или оценке переводческого эквивалента» (Гарбовский 2008, 3).

Проблема синонимии в терминоведении дискуссионна. Ведутся споры о том, присущи ли терминам синонимические отношения или для них характерна только дублетность, какие термины следует относить к разряду синонимов, а какие к разряду дублетов и вариантов. С.П.Хижняк считает, что синонимические отношения в русской юридической терминологии проявляются в форме этимологических дублетов, обусловленных различными номинативными возможностями языка. Ж.Корню определяет синонимы как слова с одним значением, взаимозаменяемые в тексте. В то же время не отрицается тот факт, что существуют очень близкие по значению термины, один из которых более нейтрален.

Как в русской, так и во французской терминологии исследуемой области синонимия возникает при синхронном существовании полных и аббревиатурных наименований понятий:

Уголовный кодекс Российской Федерации – УК РФ; Code général des impôts – CGI.

Аббревиатуры могут использоваться наряду с полными наименованиями для обозначения нормативных актов, официальных изданий, государственных и международных органов и др. Интересно, что аббревиатурные и акронимные варианты могут быть образованы не от

русских терминов, а от их иноязычных эквивалентов (чаще всего английских или французских):

УНИДРУА – Международный институт по унификации частного права.

Синонимия в терминологии права возникает также при синхронном существовании исконного и заимствованного терминов, причем в большей степени это свойственно русской терминологии: *выгодоприобретатель - бенефициар.*

Термины эпонимы являются источниками появления синонимичных терминов. Юридической терминологии свойственны «топонимические» дублиеты, особенно распространенные в международном праве: *Traité de Maastricht – Traité de l'Union Européenne; Маастрихтский договор – Договор о Европейском Союзе.* На данную особенность, в частности, указывает П. Лера (Lerat 2002, 156).

Характерной особенностью юридической терминологии является большое количество терминов-глаголов и глагольных терминологических словосочетаний. Глагольным терминам также свойственны различные виды синонимических отношений:

priver de nationalité – retirer la nationalité ; легализовать – узаконить.

Безусловно, как и в русской, так и во французской юридической терминологии существуют различные наименования одного понятия, появившиеся в процессе развития терминологии. В каждом языке можно выделить не только пары синонимов, но и синонимические ряды, объединяющие несколько обозначений понятия.

При сопоставлении синонимичных терминов с их иноязычными эквивалентами выявляется, что ряду французских синонимов может соответствовать один русский эквивалент и наоборот:

annuité – ежегодный платеж, ежегодный взнос, аннуитет; personne civile, personne morale - юридическое лицо.

Иногда количество синонимов в разноязыковых терминологиях совпадает,

чаще французские и русские синонимические ряды отличаются по количественному составу:

ordre juridique interne, ordre interne, ordre étatique, ordre juridique national – *внутригосударственный порядок, национальный правопорядок.*

Как видно из приведенных выше примеров, синонимия затрагивает как базовые, так и не базовые термины. Синонимичные прилагательные, входящие в состав поликомпонентного термина, способствуют образованию новых синонимичных терминов. Синонимичные базовые термины участвуют в дальнейшем терминообразовании, создавая новые ряды.

Однако следует отметить, что терминополь синонимичных базовых терминов не всегда являются идентичными с точки зрения их понятийной соотнесенности. Рассмотрим термины *préjudice - dommage*, трактуемые французскими юристами и лингвистами как абсолютные синонимы (т.е. тождественные и взаимозаменяемые в тексте). Данные базовые термины не только формируют во круг себя терминологические поля, проявляя различную сочетаемость, но и требуя различных эквивалентов {*dommage direct - прямые убытки, préjudice direct - прямой ущерб, dommage effectif - нанесённый ущерб, préjudice incertain — неопределённый вред* и др.).

В юридической терминологии функционируют термины очень близкие по содержанию, но имеющие определённые отличия в значении, например:

légal (conforme à la loi) - законный, легальный, установленный законом licite (conforme au droit) — законный, правомерный. Один из эквивалентов у данных терминов общий, а другой указывает на смысловой оттенок.

Таким образом, выбор иноязычного эквивалента из синонимического ряда может представлять трудность. Известно, что синонимы используются авторами во избежание повторений, для уточнения того или иного понятия, смысла текста. Если довольно длинному синонимическому ряду на языке оригинала соответствует лишь один термин на языке

транслята, переводчик вынужден прибегать либо к повторениям, что нежелательно, либо к описательному способу перевода, что загромождает текст сообщения. Кроме того, более длинные синонимические ряды обладают и более богатой гаммой нюансов значений терминов. Проблема снимается, если эти нюансы отражены в словаре. В противном случае переводчик сталкивается с проблемой выбора наиболее точного эквивалента и обращается к дополнительной литературе.

Использование синонимичных терминов оправдано и со стилистической, и с прагматической точек зрения, а полное их отсутствие в терминологии отрицательно сказалось бы на её способности удовлетворить коммуникативные потребности юристов.

Антонимия терминов остается актуальной проблемой терминоведения. В.П.Даниленко (Даниленко 1969, 189) справедливо заметила, что антонимия не только не чужда терминологии, а напротив, именно в ней антонимия становится средством выражения необходимых и неизбежных явлений науки. Однако вопрос о том, какие термины, в частности, в юридической терминологии, можно отнести к категории антонимов остается открытым.

Терминологические антонимы определенной терминосистемы имеют логико-языковую природу, называют предметы и явления одного рода, принадлежащие к одной и той же категории объективной действительности. Их значения в терминосистеме противоположны, что обычно отражено в дефинициях или микроконтексте. Антонимические отношения в терминологии выражаются антонимической оппозицией, элементы же этой антонимической оппозиции будем именовать антонимами, не забывая, что объём этого понятия шире классического. Терминологические поля опираются на понятийную систему научной дисциплины и объединяют единицы на основе их смысловых отношений и по наличию общих компонентов в плане содержания. Термины группируются вокруг доминанты – имени поля, т.е. слова, которое

выражает базовое, фундаментальное понятие системы и называется базовым термином. Базовые термины выступают исходными для всех других терминов данной терминосистемы как в логическом, так и в лингвистическом плане. Термины, входящие в антонимическую оппозицию, могут быть элементами как одного терминопля (однокорневые антонимы и терминосочетания с одним базовым термином в качестве главного элемента), так и разных терминоплей в рамках терминосистемы. При рассмотрении концептуальной модели терминологии антонимичные термины будут обозначать понятия одного уровня.

Анализ фактического материала выявил структурную неоднородность юридических терминологических антонимов. Существуют однословные терминологические антонимы:

rejet – acceptation / отклонение - принятие, а также противопоставляемые терминологические сочетания: *présomption de culpabilité – présomption d'innocence /презумпция виновности – презумпция невиновности*.

Сравнительный анализ показал, что в большинстве случаев структура терминов при переводе не изменяется. Однако многокомпонентным терминам-антонимам в русском языке могут соответствовать однокомпонентные термины во французском языке и наоборот:

лицо, в пользу которого обращается взыскание - лицо, на имущество которого обращено взыскание / saisissant- saisi; правомерно – неправоммерно / conforme à la loi - non conforme à la loi.

Из 250 рассмотренных антонимичных терминов русского языка 73% терминов сохранили свою структуру при переводе на французский язык, во французской терминологии при переводе структуру сохранили 78% терминов.

Взаимосвязь синонимических и антонимических рядов ещё недостаточно изучена (этим вопросом, в частности, занималась

А.А.Введенская (Введенская 1973). Изучение указанной проблематики позволяет глубже проникнуть в сущность данных языковых явлений, показать проявление системных отношений в лексике. Между словами двух синонимических рядов, вступающих в антонимичные отношения, существуют два вида связи: радиальная и линейная. Радиальной называется такая связь, когда все слова одного синонимического ряда образуют пары антонимов с каждым словом другого синонимического ряда. Сущность линейной связи заключается в том, что каждый синоним одного ряда предпочтителен или обязателен для какого-то одного синонима другого ряда. В следующем примере линейной связи каждый термин одного синонимического ряда соответствует только одному термину другого ряда:

créancier -- *débiteur* / *кредитор* – *дебитор* ;

déléataire – *délué* / *кредитор при переводе долга* – *дебитор при переводе долга* ;

crédirentier – *débirentier* / *рентный кредитор* – *рентный дебитор* ;

saisissant – *saisi* / *кредитор, принудительно взыскивающий долг* - *дебитор, на имущество которого наложен арест.*

Существуют также синонимические ряды антонимов со смешанной связью, рассмотрим два синонимических ряда антонимов:

auteur – *délinquant* – *malfaiteur* – *criminal* // *victime* – *partie civile*.

Термин *victime* (*потерпевший, жертва*) может быть противопоставлен в равной степени каждому термину левого ряда (радиальная связь), т.е. как *auteur* (*причинитель вреда*), так и *délinquant*, *malfaiteur*, *criminel*, которые означают причинителя вреда исключительно в уголовной сфере, т.е. *преступника*. Термину *partie civile*, который называет потерпевшего в гражданском процессе, может быть противопоставлен лишь *auteur*, как наиболее нейтральный термин (линейная связь).

Анализ характера связи между синонимическими рядами терминологических антонимов позволяет избежать грубых ошибок при

подборе межъязыковых эквивалентов. Проблема терминологической синонимии, как и антонимии в юридической терминологии не решена, поэтому выбор эквивалента может представлять определенную трудность для переводчика.

Указанные наблюдения в рамках сопоставительного терминоведения необходимо учитывать при переводе специальных дискурсов, а также при подготовке переводческих кадров.

Литература:

1. Введенская Л.А. Проблемы лексической антонимии и принципы составления словаря антонимов: Автореф. дис. ... д-ра фил. наук. - Ростов: Изд-во Ростовского университета, 1973.
2. Гарбовский Н.К. Перевод – искусство, 2008: <http://langetr.ucoz.ru/load/6-1-0-124>
3. Даниленко В.П. Терминологизация разных частей речи // Актуальные проблемы лексикологии: Тезисы докладов лингвистической конференции. Вып. 2. Часть 2. - Новосибирск, 1969. - С. 189-190.
4. Хижняк С.П. Юридическая терминология. – Саратов: Издательство Саратовского ун-та, 1997.
5. Cornu G. Linguistique juridique. – Montchrestien, 1990.
6. Lerat P. Vocabulaire juridique et schemas d'arguments juridiques. - Meta, vol. 47, n° 2, 2002, p. 155-162: <http://id.erudit.org/iderudit/008005ar>
7. Материал исследования: Мачковский Г.И. Русско-французский юридический словарь. - М.: Руссо, 1998. Мачковский Г.И. Французско-русский юридический словарь. - М.: Руссо, 2000. Советский энциклопедический словарь. – Советская энциклопедия. – М., 1982. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / Под ред. М.Ю.Тихомирова.- М., 1997. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка: Более 2000 антонимических пар

/ Под ред. Л.А. Новикова. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Русский язык, 1984. Cartou L. L'Union Européenne. – Traité de Paris – Rome – Maastrich – 2-e édition. – Paris : Dalloz, 1996. Daillier P., Pellet A. Droit international public. – Paris : Dalloz, 1997. Нормативно-правовые документы : ГК РФ, УК РФ, ГПК РФ, КоАП РФ, Code administratif français, Code civil français, НСРС и др.

Specialized discourses have some peculiarities of textual structure, grammatical structures, and lexical composition. In the plane of theory and practice of translation, particular importance refers to comparative terminology, which generalizes the observations with respect to the terminological systems of two or more languages. The study of the problems of synonymy and antonymy in the Russian and French legal terminologies contributes to the determination of translation equivalents.

Пильгун М.А.
Российский государственный социальный университет
г. Москва (Россия)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Современные политические стратегии и тактики в России во многом носят вторичный характер, являются перенесением на русскую почву иностранных технологий. Незначительная эффективность, отрицательный результат политических коммуникаций часто вызваны тем, что тактики реализуются с помощью неадекватных речевых средств.

В структуре коммуникативной среды, формирующейся в современном российском пространстве, все большее место занимают рекламные тексты. Рекламный текст по структурным и лексико-грамматическим признакам принципиально отличается от «обычного» текста, между тем структура коммуникативного акта и особенности

речевых актов остаются универсальными. Особое значение приобретает адресат (фокусная группа), поскольку субъектом пропозиции политической рекламы является говорящий. Перлокутивный эффект рекламного текста напрямую зависит от точности определения характеристик адресата, что соответственно определяет корректирование кода и выбор коммуникативных стратегий и тактик.

Воздействие рекламного текста базируется на свойствах «ритуальной» речи. При частом повторении определенной фразы составляющие ее лексемы десемантизируются и воспринимаются как единый вербальный знак, проникающий в иррациональные ритуальные действия, явления, которые закреплены традицией и, как правило, представляют собой последовательность символически значимых составляющих. Игре, так же как и ритуалу, присущи рекурсивность и символический характер действий, сценарное распределение ролей (Шейгал, Иванова 2008, 3-20, 5).

Важным параметром эффективности становятся частота и количество повторений, поскольку существует определенный предел, превышение которого вызывает обратную реакцию - отторжение данной информации реципиентом. Так, в предвыборных кампаниях следует обеспечить показ ролика кандидата не менее 3 раз в сутки. В последней фазе рекомендуется увеличить частоту показов. Нужно учитывать, что параметры эффективного коммуникативного воздействия с течением времени меняются. По данным агентства IMB & OMD Metrics, в 1965 году, чтобы заставить потребителя предпочесть товар определенной марки, достаточно было три раза показать рекламный ролик по телевизору. Сегодня для достижения такого же результата необходимо 117 показов в прайм-тайм. Таким образом, механизмы, регулирующие восприятие «ритуальной» речи, корректируются: стратегия «замыливания глаз» теряет эффективность, ее сменяет новая, требующая непосредственного

воздействия на потребителя в момент принятия решения о покупке товара, услуги или выборе кандидата.

Важно отметить, что тексты слоганов коммерческой и политической рекламы подчиняются одним и тем же закономерностям и имеют сходную структуру и языковое наполнение, в них используются аналогичные средства речевого воздействия. Требования, предъявляемые к рекламному тексту: компактность (должен легко, быстро прочитываться и содержать классифицирующие и индивидуализирующие признаки, аналогичные ключам типового иероглифа), индикативность (должен содержать ключевую фразу с максимальным эффектом воздействия), информативность - диктуют определенный выбор языковых средств: «*Давайте мириться!*» (лозунг генерала Улисса Гранта, баллотировавшегося в 1868 г. в президенты США, выразивший отношение к гражданской войне между Севером и Югом); «*Восстановим Калифорнию!*» (лозунг А. Шварценеггера на выборах губернатора Калифорнии, 2003 г.). По мнению экспертов, в 1992 г. на референдуме о ратификации Францией Маастрихтского договора решающее значение для победы Ф. Миттерана имел слоган консультанта Жака Сегела, обыгравший отношение французов к договору и их языковую нетерпимость: "*Маа...стр...ихт? Язык сломаешь... Ну, так и быть - проголосую за!*". Ср.: «*Наше дело – правое!*» (лозунг «Союза правых сил»); «*Лапы прочь от польских коммунистов!!!*» (2008-07-31, 1917.PL - MOSKPRF.RU); «*Наша цель - свободная, богатая и сильная Россия*» (лозунг партии «Яблоко»).

Система массовых коммуникаций трансформируется, интегрирует разнообразные информационные потоки, изменяется на качественном уровне, при этом основное влияние на эти процессы оказывают маркетинговые коммуникации, к которым традиционно относят рекламу. Еще в середине XX в. аналитики утверждали, что именно реклама внесла решающий вклад в предвыборную победу Ричарда Никсона над Хьюбертом Хамфри, а через пять лет Джон Кеннеди предложил избирателям во время

телевизионных дебатов более энергичный и привлекательный образ, олицетворяющий процветающую нацию, что и повлияло на результаты выборов. В 1964 г. на примере рекламной компании Линдона Джонса можно проследить, как Тони Шварц исключительно с помощью коммуникативных технологий создал образ мудрого политика, второго Линкольна, а конкурента Линдона Джонса - Бари Голдуотера превратил в будущего тирана, второго Гитлера. Войственность последнего в отношении врагов Америки, в частности против СССР, подкреплялась слоганом «*In your heart you know – he's right*» - «Сердцем ты чувствуешь – он прав». Тони Шварц сыграл на страхе простых американцев перед войной, создав ролики со слоганом «*In your heart you know – he's nuts*» «Сердцем ты чувствуешь – он сумасшедший». Блестящим заключительным аккордом кампании стал ролик «Дейзи», в котором очаровательная маленькая девочка, обрывающая лепестки ромашки, стала символом безмятежной мирной жизни, сохранить которую можно было только, выбрав Линдона Джонса. Примечательно, что ролик, ставший классическим и определивший судьбу Америки, был показан на центральном телевидении только один раз и несколько раз в ночных выпусках новостей на разных каналах.

В 1984 г. Хэл Райни построил стратегию предвыборной кампании Рональда Рейгана на идеях восстановления традиционных ценностей Америки (ролик «Утро в Америке» со слоганом «*Рональд Рейган - лидер, который работает*»), проблемы периода «холодной войны» символично иллюстрировал ролик «Медведь в лесу», в финале которого медведь сталкивается с охотником и появлялась надпись «*Президент Рейган: к миру готов*».

Показательна избирательная компания 2003 г. А. Шварценеггера в Калифорнии. После ухода с политической сцены Билла Клинтона оказалось пустым место «политической телезвезды», о чем в обществе неоднократно свидетельствовали результаты опросов общественного мнения. Появление А.Шварценеггера на политической арене ведущего

штата и последующая победа стали возможны благодаря прекрасно разработанной стратегии, эксплуатирующей известный телевизионный образ (кампания в Калифорнии удачно совпала с продвижением на мировые экраны последней картины А. Шварценеггера «Терминатор – 3»). Заявление об участии в предвыборной гонке актер сделал в эфире популярного вечернего телешоу Джея Лено на «Эн-би-си», во время эфира будущий губернатор постоянно обыгрывал слово *recall* - «отзыв» (*“Total Recall”* - «Вспомнить все» - название известного фильма с его участием). В качестве лозунгов кампании Шварценеггер использовал аллюзии, цитаты из своих фильмов: «*Let’s bring California back*»; «*Help Arnold bring California back*»; «*I came to America with empty pockets but with big hopes and dreams*»; «*I want to be the people’s governor. I will work honestly, without fear or favour, to do what is right for all Californians*».

В рамках указанной кампании практически не были задействованы основные традиционные приемы предвыборных гонок, например, дебаты, зато активно использовались приемы шоу-бизнеса, аналитики сравнивали кампанию Шварценеггера с конкурсами красоты, в которой главное было – понравиться избирателям. Демократы, в свою очередь, указывали на недопустимость показа во время кампании фильмов с участием популярного актера. В рекламных роликах также использовались фрагменты из фильмов с наиболее выразительными саунд-байтами. Например, «*Сколько раз ты мочил женщин в сортирах?*». Ролик сопровождался показом кадров из фильма «Терминатор-3», в которых Шварценеггер опускал головой в унитаз женщину-киборга.

Контаминация средств различных типов коммуникации – ведущая тенденция современной политической коммуникации. В президентских выборах США 2008 г. коммуникативность и молодость – основа стратегии Б. Обама, которую пытаются дискредитировать его противники. Например, Барак Обама опережал Джона Маккейна на девять пунктов, в результате активной кампании республиканцев утратил лидерство. Опрос,

проведенный службой Гэллапа 3 августа 2008 г., показал, что оба кандидата пользуются поддержкой 44% избирателей. В одном из роликов команды Д. Маккейна изображения Б. Обамы стояли в одном ряду с видеозаписью Бритни Спирс и Пэрис Хилтон, выражая идею: Барак Обама - поп-звезда без опыта, необходимого для руководства страной. Ответный клип П. Хилтон окончательно перевел действие в сферу шоу-бизнеса.

В российском политическом пространстве роль политикакоммуникатора играет лидер ЛДПР В Жириновский: («*Успокою всех!*») (предвыборный лозунг на президентских выборах 2007 г.)

Все успешные политические лозунги отвечают главным требованиям: отражают национальный менталитет, актуальные государственные проблемы, имеют простую и запоминающуюся форму.

Эффективные речевые стратегии и тактики, подробно разработанные на протяжении XX века в английской, американской, французской, немецкой и др. лингвистических традициях, вызывают большой соблазн их прямой трансплантации на русскоязычную почву. Между тем перенос речевых формул, например, из английского языка в русский, не ограничивается только трудностями перевода. В моделях успешной коммуникации учитываются дополнительные характеристики речевых средств (слова и конструкции, вызывающие негативные мыслительные стереотипы, под воздействием которых возникают неприятные чувства, а также собственное обесценивание или обесценивание партнера; лексемы, вызывающие положительные мыслительные стереотипы и т.д.), которые не совпадают в различных языках. Адекватная передача при переводе интенции, заложенной в речевой формуле оригинала, требует поиска языковых средств не только аналогичных по семантическому наполнению, стилистической окраске, коннотации, но и по дополнительным характеристикам, которые еще не имеют однозначной трактовки. Точнее в рассматриваемом случае следует говорить не о проблемах перевода, а о контрастивном анализе средств речевого воздействия.

Проблема перенесения политических технологий и перевода политической (как и коммерческой) рекламы напрямую связана со спецификой межкультурной коммуникации, которая осложняет общение представителей разных национальных менталитетов и дополняется смешением понятий, вызванных неадекватным переводом ряда понятий, терминов, речевых формул и т.д. Заимствование приемов и механизмов регулирования политической коммуникации сопровождается не всегда адекватным переводом понятий, терминов и т.д. Например, распространенный термин *уникальное торговое предложение* приводит к искажению значения, передаваемого английским оригинальным понятием *Unique Selling Propositions*, где слово *Selling* (от *Sell* «продавать») означает также «внушить мысль», «уговорить».

Рекламная кампания «Детский Тайленол» оказалась неудачной, поскольку в рекламном ролике "Детского Тайленола" была использована фраза "...*Врачи и педиатры Америки считают...*", в которой словом *врач* было переведено *practitioner* «терапевт, семейный доктор, лечащий также детей». Российские педиатры возмутились тем, что "Тайленол" не считает их врачами и не поддержали бренд.

Даже в рамках одного языка проблема *автор - текст - читатель* является одной из сложнейших задач, решать которую пытаются лингвисты, литературоведы, психологи, герменевтики, философы, культурологи. Указанное соотношение имеет огромное количество интерпретаций: категория образа автора (политика), интенции автора и восприятие адресата, текстовые репрезентанты автора и т.д. Очевидно, что в случае перехода автора из одной языковой системы в другую ситуация приобретает принципиально иной характер, поскольку при этом невозможно избежать трансформаций, связанных со спецификой языковой картины мира, которая, по определению Ю. Апресяна, представляет собой "способ восприятия и организации (концептуализации) мира" (Апресян1995, 350).

Любое речевое воздействие представляет собой неразрывное единство формы и содержания, поэтому изменение языковой структуры неизбежно вызывает изменение смысловых пластов. Переводчик в данном случае выступает как важное звено коммуникативного процесса, являясь одновременно и адресатом и адресантом информации, заложенной в оригинальном и переводном текстах. Модель "Автор - Текст - Читатель" осложняется наличием дополнительных компонентов: "Автор – Текст₁ - Читатель - Переводчик - Текст₂ - Читатель".

Очевидно, что в случае перевода коммерческой и политической рекламы наиболее целесообразно придерживаться традиции транспонирования иноязычного текста в русский контекст. Подобный тип приспособления исходного текста к культурным ценностям и стереотипам переводного языка известен достаточно давно и нашел теоретическое обоснование еще в 1791 г. в работе А. Тайтлера («Essay on the Principles of Translation»). В дальнейшем этот метод разрабатывался в работах И. Кашкина, К. Чуковского, Г. Гачечиладзе, Ю. Найды и др. и нашел достойное отражение в переводах художественных текстов. Уместно вспомнить, о первом опубликованном В Набоковым переводе с английского Lewis Carroll "Alice's Adventures in Wonderland" - «Аня в стране чудес» (Берлин: Гамаюн, 1923). В. Набоков стремится сократить дистанцию между первичным и вторичным текстом, устраняя языковые и культурные различия, использует прием компенсации, позволяющий не разрушать структуру текста (восполняющий непонятный для носителя другой культуры компонент, известный любому представителю первичного текста), отказывается от приема отчуждения (буквальный перевод + сноска), который в значительной степени затрудняет чтение, выбирает творческие функциональные эквиваленты, которые способны сделать переводной текст наиболее понятным и естественным для русскоязычного читателя. Подобная практика представляется чрезвычайно поучительной для адаптации текстов рекламы. Так, текст рекламной

кампании виски «Джони Уокер» - «*taste life*» (дословно «*попробуй жизнь на вкус*») и русский язык он был переведен как - «*Живи, чтобы было что вспомнить*».

Для массовой коммуникации становится важным способ предотвращения нарушения коммуникации, в частности, отказ от коммуникации адресата. В большинстве случаев данная проблема рассматривается с точки зрения привлечения внимания адресата, а также способов его удержания. Наиболее сложной представляется задача выработки критериев адекватности и/или приемлемости рекламного сообщения. Одним из способов решения подобных вопросов может служить эффективное использование метадискурса, который представляет собой составляющие текста, эксплицитно организующие дискурс или выражающие интенцию автора, его интерпретацию содержания текста, отношение к аудитории. Выделяют два вида метадискурса: текстуальный и межличностный. Проблема заключается в том, что один текст может иметь различные интерпретации в зависимости от специфики адресата, адресанта, способов выражения интенции, которые могут не совпадать с замыслом автора текста. Адекватная интерпретация может быть достигнута с помощью метадискурса, который является средством создания связного текста, объединяющего автора и аудиторию единым когнитивным пространством.

Литература:

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. М., 1995.
2. Шейгал Е.И., Иванова Ю.М. Игровой дискурс: игра как коммуникативное событие // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т.67, N 1, 2008.

The paper considers linguistic and cross-cultural features of speech strategy and tactics in political texts.

Олджай Т.
Стамбульский университет
г. Стамбул (Турция)

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК*

Турецкие читатели стали знакомиться с произведениями русской литературы в переводе на турецкий язык с 80-ых годов позапрошлого столетия. Первым переводом русского художественного произведения стала комедия «Горе от ума» А.С. Грибоедова, выполненный в 1884 г. с языка оригинала выходцем из Дагестана Мехмедом Мурадом (1853-1917)¹. Комедия с воодушевлением была принята турецким читателем, чему в большой мере способствовала заложенная в ней идея борьбы нового со старым, соответствовавшая тогдашнему духовному настроению турецкого общества.

После трехлетнего перерыва на страницах столичных и провинциальных газет стали все чаще появляться и переводы русских стихотворных произведений². Однако в силу причин разного характера названия некоторых стихотворений, их авторская принадлежность³, а также то, с какого языка были сделаны переводы не указывались.

Первым переведенным на турецкий язык произведением стихотворного жанра является «Когда волнуется желтеющая нива...» М.Ю. Лермонтова (газета «Мизан» от 14 апреля 1887 г.). Вместо заголовка стояло

---

* Автор выражает благодарность руководству Отдела поддержки международных научных проектов при Стамбульском университете за оказание помощи в осуществлении данной работы (Per. № UDP - 2103).

¹ Эмигрировав в Турцию в 20-летнем возрасте, М. Мурад работал преподавателем истории в Школе общественно-политических наук (Мектеб-и Мюлькие) и был издателем газеты «Мизан».

² Вопрос о переводах из мировой лирики с 1859 по 1901 год рассматривается в докторской диссертации Али Исхана Колджу. Колджу обнаружил 16 переводов из русской литературы (см. Колджу 1995). Над анализом первых переводов стихов работал также тюрколог Джафер Гарипер. Он исследует переводы с точки зрения стихосложения, содержания, языка и стиля (см. Гарипер 1999)

³ Об установлении авторской принадлежности русских художественных произведений и их названия см. Олджай 2003, Олджай 2004, Олджай 2005 и Айкут 2006.

разъяснение издательства: «Стихотворение одного русского поэта (Лермонтова) отредактированное Менеменлизаде Тахиром Бейэфенди» (Гарипер 1999, 112; Айкут 2006, 9).

За ним последовали публикации переводов стихотворений А.В. Кольцова, В.И. Туманского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и басен И.А. Крылова. На начальном этапе деятельности по переводу турецкая читающая публика ознакомилась с 27 стихотворными произведениями из русской литературы¹. Большинство переводов выполнил с русского языка бывший курсант военного училища «Харбие» Реджеп Вахьи. Учебным материалом ему послужила «Школьная хрестоматия по русскому языку». Кроме Вахьи русскую лирику переводили с языка оригинала Джеляль Эниси из Тифлиса, работавший в то время переводчиком в Стамбуле и Джихангир Андиджани.

Русская поэзия была представлена турецкой интеллигенции также и передовой турецкой поэтессой Нигяр Ханым (1856-1918). Она была хозяйкой известного литературного салона в Стамбуле, объединяющего сторонников создания литературного моста между Востоком и Западом. Нигяр Ханым в совершенстве владела восьмью иностранными языками и перевела с языков-посредников ряд стихотворений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и В.А. Жуковского, вошедшие в сборник поэтессы «Эфсус» 1891 года (рус. «Сожаление»)². С языка-посредника переводил также Абдуллах Джевдет, однако без указания имени автора.

Ознакомление с русской литературой не ограничивалось переводами стихотворений. С 1890-го года наблюдается постепенное увеличение количества переводов прозаических произведений русских писателей, чем и объясняется повышение интереса к русской литературе в Турции. Большую роль в этом сыграли: введение русского языка в программу военных училищ и приезд в Стамбул востоковеда княгини Ольги

---

¹ Подробнее см. Гарипер 1999, Олджай 2003, Олджай 2005.

² Появление переводов Нигяр Ханым сразу же вызвало отклик в Петербурге. В 1892 г. в 5-ом номере журнала «Звезда» вышла заметка, посвященная этому событию (Белова 1999, 392).

Сергеевны Лебедевой (род. 1854) из Казани, ставшей известной в Турции как Мадам Гюльнар или Ольга де Лебедефф.

Княгиня Лебедева приехала в Стамбул 13 октября 1890 года по приглашению крупного издателя и писателя Ахмеда Мидхата-эфенди (1844-1912), с которым она познакомилась в 1889 г. на VIII-ом конгрессе востоковедов в Стокгольме. Приехав в Османскую империю она привезла с собой несколько переведенных ею ранее произведений, которые через неделю после ее приезда стали печататься, сначала по частям, в газете Ахмеда Мидхата-эфенди «Терджуман-и Хакикат», а затем вышли отдельным изданием.

Среди первых переводов Лебедевой две повести Пушкина: «Метель» (1891) и «Пиковая дама» (1893), отрывки из поэмы Лермонтова «Демон» (1892) и пять произведений Л. Толстого: «Ильяс» (1893), «Семейное счастье» (1893), «Смерть Ивана Ильича» (1893), рассказы-притчи «Два старика» (1893) и «Чем люди живы?» (1893). Ею же читающей публике были представлены монографии о Пушкине («Поэт Пушкин: жизнь, творчество, произведения», 1891) и о Л. Толстом («Русская литература и Европа или размышления литератора Толстого», 1893), а в 1895 году была издана её история русской литературы на 132-х страницах. Последняя включала двадцать портретных характеристик самых известных русских писателей, начиная с Симеона Полоцкого и кончая Львом Толстым, ставшая первой изданной в Турции историей русской литературы.

В 1896 году в газете «Икдам» от 23 октября в переводе с французского языка начала публиковаться «Крейцерова соната» Л. Толстого. Перевод был начат Ахмедом Расимом по заказу издателя Ибрагима Хильми. Однако, публицист и общественный деятель Расим был очень занят и не сумел вовремя предоставить последние страницы черновиков переводов в редакцию, в силу чего публикация всего произведения так и не осуществилась.

В 1897-98 гг. в газете «Шукуфе Истиграк» были помещены «Ангел» и «Парус» Лермонтова в совместном переводе Мустафы Решида и Ольги Лебедевой, где впервые были полностью указаны названия произведений и имя их автора.

В 1899 году на страницах газет широко отмечалось 100-летие со дня рождения Пушкина. К юбилею, в январском номере газеты «Малюмат», была опубликована часть поэмы «Медный всадник» в переводе прозой с французского Али Кемалем.

С наступлением в 1900 году деспотичного режима Абдульхамида II-го, длившегося восемь лет, любая деятельность в области культуры в Турции замерла. Все это отразилось и на распространении книг, журналов и газет. За этот период вышли только «Дым» и «Вешние воды» И.С. Тургенева в переводе А. Зюхтю с французского опять же без указания имени автора, что можно объяснить социально-политическими условиями, царившими в то время в империи.

Объявление Второго конституционного правления в 1909 году и отмена цензуры привели к оживлению издательской и переводческой деятельности. Большую часть переведенных на турецкий язык книг русских авторов составляют произведения Л. Толстого. В этот период были переведены 12 произведений этого великого писателя, мыслителя и философа: «Кавказский пленник» (1909); «Бог правду видит, да не скоро скажет» (1909); «История одной женитьбы» (пер. Р. Неждет, 1910); «Воскресение», (пер. Х. Рифат, 1911); «Три смерти» (пер. В.А. Гордлевский, 1911); «Корней Васильев» (пер. С. Джеляль, 1911); «Анна Каренина» (пер. Р. Неждет и С. Наджи, 1912); «Хаджи Мурат» (пер. Ю. Риза, 1912); философские трактаты («О смерти» и «Философия жизни», пер. А.М. Рифатов, 1914), «Отец Сергей» (пер. О. Нюзхет, 1921) и «Горькое приключение» (пер. А. Селяхаддин).

В эти годы турецкие читатели услышали новые имена – впервые были переведены произведения Максима Горького: «История одного

преступления» под названием «Кровавые похождения» (пер. А. Нусрет, 1910) и «Мать» (пер. И. Мюштак и М. Бирген, 1911), А.П. Чехова («Брожение умов», пер. В.А. Гордлевский, 1910) и В.М. Гаршина («Сигнал», пер. В.А. Гордлевский, 1910).

Оживление издательской и переводческой деятельности продолжилось недолго. Война в Ливии и вспыхнувшая сразу за ней война на Балканах, а за ними Первая мировая война воспрепятствовали этому оживлению и ускорили упадок Османской империи. 29 октября 1923 года Высшее Национальное Собрание Турции ввело в стране республиканское правление. Важным шагом к развитию культуры Турции послужило введение в ноябре 1928 года латинского алфавита и начавшаяся реформаторская деятельность. В стране происходили глубокие перемены. Важным источником новых идей являлись переведенные на турецкий язык произведения европейской и, в частности, русской литературы.

Со второй половины 1920-ых годов наблюдается увеличение количества переводов русских литературно-художественных произведений. К концу 30-ых годов это количество уже насчитывало 50 изданий (Хабиб 1941, 267-283; 519-535). В указанный период вышли переводы новых произведений уже знакомых турецкому читателю А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Максима Горького, а также и впервые были представлены произведения Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и М.А. Шолохова. Наряду с переводами, русская литература стала занимать свое заслуженное место и в репертуаре турецких театров¹.

К сожалению, недостаточное количество исследований в области истории переводческой деятельности не позволяет уточнить вопрос о том, как воспринимались и оценивались турецкой читающей публикой произведения русской литературы. И все же количество опубликованных произведений позволяет сказать, что в 20-е и 30-ые годы XX-го века в

---

¹ Об этом см. Олджай 2007.

Турции наблюдается повышенный интерес к русской литературе, чему способствовали развитие добрососедских отношений между СССР и Турцией, а также расширение круга прогрессивно настроенной писательской интеллигенции.

Однако закономерно встает вопрос о том насколько систематизированной, планомерной и качественной была переводческая деятельность.

Несмотря на то, что множеством издательств выпускались переводные серии романов всемирной литературы, немалая часть из которых принадлежала русским писателям, нужно отметить, что выбор для перевода и последующего издания произведений того или иного автора все еще продолжал осуществляться на вкус переводчиков и издателей. В первое десятилетие республиканского правления, также как и на начальном этапе переводческой деятельности по переводу произведений русской художественной литературы в Турции не прослеживается какой-то целенаправленной системы по отбору произведений для перевода. Кроме того, большинство произведений переводились с уже переведенных на западные языки книг, т.е. через язык-посредник. Допускались адаптации текстов и вольности перевода.

Понятно, что при таких условиях говорить о качестве перевода не имело смысла. Очевидным образом назревала острая необходимость в упорядочении литературно-переводческой и издательской деятельности со стороны государства.

Важным событием в истории перевода и издательской деятельности в Турции стал состоявшийся под эгидой Министерства просвещения I-ый конгресс по печати, проходивший в Анкаре с 1 по 5 мая 1939 года. В своем приветственном слове к участникам конгресса, тогдашний министр просвещения и один из выдающихся общественных деятелей Турции Хасан Али Юджель подчеркнул, что «для знакомства республиканской Турции с классическими и современными произведениями западной

культуры и мысли, т.е. западной цивилизации, органической частью которой планирует стать и Турции, нужно срочно начать мобилизацию переводческой деятельности» (Юджель 1939, 3). В ответ на этот призыв была создана Переводческая комиссия, в состав которой вошли 15 выдающихся общественных деятелей и писателей того времени. 28 февраля 1940 года состоялось первое заседание комиссии, на котором были рассмотрены вопросы о составлении словарей и того, что и как переводить. В итоге был разработан грандиозный план ознакомления турецкого народа с лучшими произведениями мировой литературы и назначены «языковые комиссии», одной из которых являлась «комиссия по русской литературе», в обязанность которой входила организация переводческой деятельности, а также контроль за переводами русских авторов. Последняя составила подробный план издания библиотеки русских классиков. Список планируемых переводов на 1941 год включал 29 произведений одиннадцати классиков русской литературы, а также избранные статьи литературных критиков. Помимо всего прочего на заседании было принято решение об учреждении «Переводческого бюро» и журнала «Терджуме»¹.

С 1940-го по 1966-ый год под эгидой Министерства просвещения Турции были переведены и изданы 1120 (1247 томов) произведений мировой литературы. Среди них 75 (88 томов) являются произведениями русской литературы. Таким образом, по количеству изданий в переводе на турецкий язык русская литература в Турции занимает пятое место после французской (308), немецкой (113), греческой (94) и английской (80) (см. Олджай 2004).

С правом можно утверждать, что знакомство с русской литературой приобрело вполне системный характер. Это оказало положительное влияние, как на литературный процесс, так и на культурную ситуацию в целом. Государственная поддержка переводческого дела способствовала

---

¹ Журнал «Терджуме» издавался с 1940 по 1966 год. Всего вышли 87 номеров. О русской литературе на страницах журнала см. Олджай 2006.

также созданию сообществ переводчиков высшей квалификации. Переводы осуществляли видные специалисты по русскому языку и литературе – Хасан Али Эдиз, Эрол Гюней, Сервет Люнель, Нихаль Ялаза Талуй, Гаффар Гюней, Зеки Баштымар, Огуз Пельтек. Некоторые переводчики работали в творческом содружестве с лучшими писателями и поэтами своего времени Сабахаттином Али (1907-1948), Орханом Вели (1914-1950), Мелихом Джевдетом Андаем (1915-2002) и Октаем Акбалом (род. 1923).

Требования к профессионализму были весьма высокими, а выполняемые переводы были действительно качественными и адекватными оригиналам, в отличие от многих переводов прежних лет. Важным результатом качественно выполненных переводов стало укрепление позиций современного литературного турецкого языка. Благодаря знакомству с европейской, и в частности, с русской литературой, турецкие писатели смогли приобщиться к общемировым культурным и литературным процессам.

Со второй половины 60-ых годов XX-го века начинается новый этап в истории русско-турецких литературных связей. Рост революционных настроений среди молодежи и демократической интеллигенции сопровождался усилением интереса к Советскому Союзу, к истории и культуре его народов. В 70-ые годы наблюдалось массовое увлечение русской и советской литературой, в полном смысле этого слова. Были переизданы в старых и новых переводах или изданы впервые практически все крупные произведения русской прозы XIX-го века, а также книги Максима Горького, М.А. Шолохова, Л.М. Леонова, А.Н. Толстого, Н.А. Островского, Д.А. Фурманова, Александра Серафимовича, И.Э. Бабея, М.А. Булгакова, Б.Н. Полевого, И.Г. Эренбурга, К.М. Симонова. Произведения современных советских авторов – Ч.Т. Айтматова, Е.А. Евтушенко, Р.Г. Гамзатова, Н.В. Думбадзе и других переводились практически сразу же после их выхода в СССР. Наряду с прозой

издавались и переводы поэтических сочинений – стихи С.А. Есенина, В.В. Маяковского, Е.А. Евтушенко, А.А. Вознесенского, Р.Г. Гамзатова и др.

К 70-ым годам появилась третья когорта переводчиков русской литературы. Особенно ценны (в качественном и количественном отношении) переводы выпускников отделения русского языка и литературы филологического и историко-географического факультета Анкарского университета Мехмета Озгюля, Эргина Алтая, Атаола Бехрамоглу, Мазлума Бейхана и Азера Ярана.

Наряду с вышеупомянутыми именами переводчиков русских художественных произведений являются также Мехмет Фехми Имре, Гюнеш Бозкая Коллонтай, Недим Ёнал и Угур Бюке.

Открытие в 1990 году отделения русского языка и литературы в Стамбульском университете, а за ним и еще в шести университетах Турции способствовало подготовке новых переводческих кадров. Постепенно стала формироваться новая молодая когорта переводчиков с русского языка. Среди них следует упомянуть имена Кайхана Юкселера, Сабри Гюрсеса, Корая Карасулу, Гюная Кызылырмака, Севинч Йучгюль, Хюльи Арслан, Бирсен Караджи и Озлем Асылтюрк.

Благодаря деятельности переводчиков турецкая читающая публика получила возможность читать на родном языке почти все произведения русской литературы. Множество классических произведений, например шедевры Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и А.С. Пушкина имеют до семи вариантов перевода и издаются всеми столичными и провинциальными издательствами.

Представленный нами обзор позволяет не только воссоздать краткую историю деятельности по переводу произведений русской литературы в Турции, но и воздать должное истинным подвижникам перевода и издательской деятельности, внесшим неоценимый вклад в культуру турецкого общества в зачастую не простых общественно-исторических условиях.

Литература:

1. Айкут А. 2006 – *Айкут А.* Русистика в Турции // Болгарская русистика, 2006/1-2, С. 6–32.
2. Акйун 1996 – *Akün Ö. F.* «Gülнар Hanım», İslam Ansiklopedisi, TDV, 1996, Т. 14, С. 246–249.
3. Белова 1999 – *Белова К. А.* Из истории переводов Пушкина в Турции // Пушкин и мир Востока, Наука, М., 1999, С. 391–398.
4. Гарипер 1999 – *Gariper C.* Rusça'dan Türkçe'ye Yapılan İlk Edebi Tercümeler Üzerinde Bir Araştırma: Manzum Tercümeler // İlmî Araştırmalar. Dil, Edebiyat, Tarih İncelemeleri, İlim Yauma Cemiyeti, İst., 1999/7, С. 105–134.
5. Гордлевский 1961 – *Гордлевский В. А.* Избранные сочинения в 3-х т., Т. 2, Т. 3, М., 1961, 1962.
6. Колджу 1995 – *Kolcu A. İ.* Tanzimat ve Servet-i Fünûn Devirlerinde Batı Edebiyatından Yapılan Şiir Tercümeleri Üzerinde Bir Araştırma (1859-1901), Atatürk Üniversitesi, Erzurum, 1995, С. 57–59.
7. Олджай 2003 – *Олджай Т.* Русская литература в Турции // ВІСНИК Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна, No. 595, Філологічний факультет, Харків, 2003, С. 91–94.
8. Олджай 2004 – *Олджай Т.*, К вопросу истории переводов русской литературы в Турции (1923-1960 гг.) // ВІСНИК Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна, No. 631, Філологічний факультет, Вип. 42, Харків, 2004, С. 266–271.
9. Олджай 2005 – *Olcaу T.* Cumhuriyet Dönemi Öncesi Rus Edebiyatından Türkçeye Yapılan Çeviriler Üzerine // Litera: Batı Edebiyatları Dergisi, № 18, İ.Ü. Yayınları, İstanbul, 2005, С. 41–54.
10. Олджай 2006 – *Олджай Т.* Русская литература на страницах турецкого журнала «Терджуме» // Болгарская русистика, 2006/1-2, София, С. 117–136.

11. Олджай 2007 – *Олджай Т.* Русская литература на сцене Стамбульского городского театра. XI Конгресс МАПРЯЛ Мир русского слова и русское слово в мире, Т. 7, Херон прес, София, 2007, С. 377–392. Тунджор 1996 – *Tuncor F. R.* MEB Yayınları Bibliyografyası (1923–1993), İstanbul, 1996, С. 452–460. Хабиб 1941 – *Habib İ.* Avrupa Edebiyatı ve Biz (Garptan Tercümeleer), С. 2, Remzi Kitabevi, İstanbul, 1941. Юджель 1939 – *Yücel H. A.* Birinci Türk Neşriyat Kongresinin Açılışında Sayın Başvekil ile Maarif Vekili Tarafından Söylenen Nutuklar Ankara 2-5 Mayıs 1939, İstanbul, 1939.

In this article an attempt is made not only to reconstruct a chronology of translations of Russian literary works in Turkey, but also to give their due to the true devotees of translation and the publishing who have brought an invaluable contribution to the culture of Turkish society, mostly under extraordinary social and historical conditions.

Попова Т.Н.
Казанский госуниверситет
г. Казань (Россия)

ПРОБЛЕМЫ СООТВЕТСТВИЯ И ПЕРЕВОДА ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'ЕСТЬ, ПРИНИМАТЬ ПИЦЦУ' В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

В древнерусском языке глаголы со значением 'есть, принимать пищу' составляли обширный синонимический ряд (ѣсти / ѣдати / трапезовати / трапезничати / брашьновати / жьрати / (на)троути / травити / питѣти), доминантой которого являлся глагол ѣсти,, наиболее употребительный и в современных славянских языках (ср. совре. укр. їсти, блр. есць, польск. jeść, чешск. jísti, рус. есть). В древнерусском языке гл. ѣсти обладал высокой деривационной активностью: круг производных от него представлен отглагольными сущ. с акциональным значением, характеризующимися наличием суффиксальной синоними $\emptyset$ /-ение/-иво:

"дь / "дение / "диво: сход#щес# на "дь, друугъ друуга ждите (Нов. Зав. Митр. Ал. XIV в.), съмотри жити" ~го, хожени", сдани", ддени", и вьсего обыча" ~го пытали (Изб. 1076), ни празднуѹте во нь, не дхлающе, ни рано "диво (Паис. Сб. 55 Сл. нед.) и представленные в разножанровых письменных текстах. В истории русского языка гл. ести зафиксирован в многочисленных устойчивых оборотах, идиоматических и фразеологических сочетаниях. Так, сочетание ести и пити встречается уже в книгах Ветхого завета: не "вис# мижи дондеже скончаеть "сти и пити (Руфь 3.3.), сход#щес# же сынове его другъ къ други, твор#хи пирь на к³йждл день, споемлюте вкпн и три сестры сво#, "сти и пити с ними (Иов 1.4.),. Распространено оно и в деловой письменности (например, в Грамотах): пит и хсть мнн нечево помираю гладомъ. (Грамотки 1969, 472). Эта традиция имеет продолжение в славянских художественных литературах, уходя корнями в славянский фольклор. В русской, польской, украинской среде известны пословицы и поговорки: Ест, только за ушами трещит. Добрая весть, коли говорят: «Пора есть». Jeść jak ptaszek. Móc zjeść konia z kopytami. Як я молодою бувала, по 40 вареників їдала, а тепер халилю-халилю, насилу 50 умелю. Іло б ся сласно, а робити страшно.

Современные русские лексемы еда, яд, этимологически связанные с глаголом їсти, получили антонимичные значения ввиду того, что еще на древнем этапе произошло противопоставление существительных, принадлежавших к разным типам основ (ядъ - *i-осн. – ‘пища, кушанье’, ядъ - *o-осн. – ‘отрава, яд’). Основные значения, закрепившиеся за сущ. *i-осн. "дь < *ěдъ – ‘пища, кушанье’ (ср. совр. снеть), за сущ. *o-осн. ядъ < – *ěдъ - ‘отрава, яд’, сохранились и по сей день. Отражение этой семантики находим как в современных русском и польском, так и древнерусском и старопольском языках (в частности, в составе устойчивых сочетаний їдъ аспиднь, грншьныи ядъ, злобныи ядъ (їдъ аспиднь подъ щустьнами ихъ (Апост. Посл. По сп. 1220 г.); могут же разумїти тамо сущии и разумь имуще твои злобный ядъ (1 послание Ивана Грозного Курбскому, XVI в.);

jad zmiyowy, jad duably, važ jadowity, jad grzecha: Przykład o yednem robaczku albo važ przez yadu, który czlowyeka vzbudzą, by yego yadovythy važ nye vyadl). Понятие греха в данных сочетаниях можно объяснить экстралингвистическим фактором. Ментальность древнего человека, основанная на определенных христианских морально-этических нормах, воспринимала объедение как один из семи пороков, нарушение поста – тоже грех. Постепенно это понимание послужило развитию более широкой семантики – греха вообще: Kristus byl przez jadu grzecha y zsgloby, mylowal czloweka myloszczyą boskyego myloszyerdzya a vzbudzą y, by nyevrazon jadowythem važem pkelnym (Roz. 604); Przy kaźdem grzezse jad dyably czloweczemu sercu bądye wlan, yze bolezczyą zazdrosczy vschelke serce obvyąze. Tency jad przepravyl Caym przeczyw Ablowy... Ten teź jad przeprawyly Zydowe przeczyw Jesucristowy, yže vstavycznye staly, mowyač krywe svyadecztwa (Rozm. 798) (Urbańczyk S, 88-89).

Подобные устойчивые сочетания в некоторой степени способствовали конкретизации лексемы яд в нечто плохое, вредное для человека, закреплению в ней указанного значения. Таким образом, решающими оказались синтаксический (наличие указанных сочетаний) и морфологический (принадлежность к разным типам основ) факторы. Наличие экстралингвистического фактора (подразделение пищи на вредную и полезную) также свидетельствует, в первообразном корне мы имеем пример древней синкреты, распавшейся в допраславянский период благодаря наличию в языке разлчных грамматических показателей.

Показания других славянских языков также сохраняют древнее значение ‘зло’ (болг., макед., с.-х. ‘гнев, злость’ или чешск. диал. jêd, чешск. лит. jêd – ‘яд’). В современном. русском и польском языке это значение как переносное наблюдается в сочетаниях jadowity człowiek (злой человек), jadowity język (злой, ядовитый язык), jadowite słowa (колкие, ядовитые слова), jadowity uśmiech (ядовитая улыбка, усмешка), wiersze jadem zaprawić (писать ядовитые стихи). Современный польский глагол

jeść, как и его русское соответствие, обладает словообразовательной активностью и широкой употребительностью – производные выражают, как и в русском, акциональное, агентивное и локальное значения: *jadanie*, *jadło*, *jedzenie* – предмет и действие; *jadacz* – лицо; *jadalnia* – место .

При переводе художественных текстов (в частности, романа Г. Сенкевича «Семья Поланецких») в русском тексте сохраняются соответствующие формы гл. *jeść*: в императиве (*jedz* – ешь: *To weź w rękę widelec – i jedz* / Тогда бери вилку и ешь); при переводе временных форм: (*jem* – ем (наст. вр.): *Jem kotlet na margarynie* / Ем котлету на маргарине; *jadł* – ел (прош. вр.): *Połaniecki nie jadł i nie spał* / Поланецкий не ел, не спал. При образовании футуральных форм в польск. яз. существует параллелизм *będziemy jesc obiad // będziemy jedli obiad*, причем Г. Сенкевич предпочитает формы на –л--, в русском же переводе – только вариант будем обедать: *Tam będziemy jedli obiad* / Там мы будем обедать. В повествовании Г.Сенкевича частотны фразеологизмы и образные выражения с гл. *jeść*, присутствуют они и в переводе: *Nic nie zrobiłem: zjadalem darmo chleb* / Ничего не сделал в жизни хорошего: хлеб задаром ел. В романе представлены различные отглагольные производные: прилагательное *jadalny* в составе устойчивого сочетания *jadalny pokój* (=рус. столовая): *On sam znalazł się po chwili w jadalnym pokoju* / Поланецкий очутился в столовой, где его ждал накрытый к чаю стол. *Połaniecki spytał go, czy nie ma w domu zwyczajnie schodzić się w jadalnym pokoju na śniadanie* / Поланецкий спросил, разве в доме не принято к завтраку всем сходиться в столовой. Можно отметить некоторые особенности авторского стиля и перевода. В польском литературном языке утвердились сочетания *jeść (zjeść) śniadanie (obiad, kolację)*, в нем нет глаголов типа завтракать, обедать, ужинать, образованных в русском суффиксальным путем. Сенкевич использует предложно-падежные сочетания *na obiad, na śniadanie*, которые при переводе интерпретируются посредством глагольных образований *обедать, завтракать*: *Jechali do*

Bigielów, do letniego ich domu na obiad / Отправились в Бигелям обедать на дачу. Maszko dziś prosił na śniadanie / Машко пригласил позавтракать с ним. Иногда инфинитивная форма оригинала заменяется при переводе отглагольным существительным (nie było co zjesć – не было еды): Trudno było zostać dłużej, bo to pusta wysepka, I nie było gdzie mieszkać, i nie bardzo co jeść / Но жить там трудно: пустынный островок, ни жилья приличного, ни еды... (Сенкевич 1990, Sienkiewicz 1900).

Вполне вероятно, что древнерусский гл. трову, троути – ‘потреблять’ мог выступать синонимом к "сти. Объединены эти глаголы тем, что называют жизненно важные для человека процессы. Отглагольные существительные трава, отрава ранее входили в общее понятие, выражающее пищеварение, приносящее вред либо пользу. Первоначальное значение было синкретичным и не расчленялось на единичные: травити – ‘употреблять’ – но как? – во вред либо в пользу себе или кому-л., о чем свидетельствуют показания древнерусских памятников: с#ко еси волость мою погубиль, а жита еси около города потравиль (Ипат. л.); сучье и хлеба бы берегли чтоб не потравили скотиною (Гр. XVII-XVIII вв.) – ‘испортить, причинить вред не человеку, а посевам’. В современных диалектах сохранился гл. потравить – ‘скормить’ (весь хлеб скотом потравили); страва – ‘пища’ (зап., южн.). Образования, восходящие к прасл. корневому * trou-, в современном русском получили четкую семантическую прикрепленность к глагольным и именным производным: (о)травить – ‘причинить вред, умертвить с помощью яда’, трава – ‘растение, служащее кормом для скота’, тогда как в древнерусском гл. троути – ‘потреблять’ (ср. трова, строва, страва, потрава – ‘пища’, стравити, потравити – ‘кормить’). Таким образом, мы имеем дело с деэтимологизацией. В польском аналогичные образования представлены в двух огласовках –aw-/-u- с дифференциацией значений: s-, ро-trawić – ‘переварить’ (→s-, ро-trawa – ‘кушанье, яство, блюдо’); truć – ‘отравить’ (→trucizna – ‘отрава’). В данном случае фонетический фактор сыграл

первостепенную роль в формировании пропозиции *strawa – trucizna* («еда» - «плохая еда») и стал дополнительным критерием, подтверждающим синкретизм данной корневой морфемы на праславянском этапе. Корневая морфема **trou-* является в польском языке основной для существительных, обозначающих еду, пищу, о чем свидетельствуют словарные материалы и тексты художественной литературы: *bigosik, którego ja nie mógłbym ani przeczytać, ani strawić. Tylko od czasu podróży ogarnął go głęboki smutek, zrozumiał bowiem, że przedtem jeszcze, nie tylko on, ale całe pokolenia muszą pomrzeć na katar żołądka spowodowany niestrawną kuchnią księstw naddunajskich* (Sienkiewicz 1900, 48; 99). Показательны и фольклорные данные: *Prawda jest gorzką potrawą*. На русский язык подобные производные переводятся лексемой *еда* (аналогичную картину наблюдаем и в украинском языке, где *страва – ‘пища, кушанье, корм’*: На другой день раненько встали, Огонь надворі розвели. І м’яса в казани наклали, Варили страву и пекли (Котляревский 1989, 27); ср. целый ряд производных в украинском: *стравне – ‘кормовые деньги’, стравний – ‘съестной, съедобный, удобоваримый’, стравувати – ‘кормить, питать’, потрава – ‘кушанье, блюдо’*; устойчивые сочетания *мала страва, ритуальна страва, легша страва, повсякденна страва*. У Котляревского встречаем и иную огласовку дифтонга **-ou-*: *Чорний уж – часто на тім’і має чорно пляму, або неотруйну вужеподібну змію медянку* (Котляревский 1989, 249). В славянских языках слова с корнем **trou-* действительно обозначали ‘*снeдь, пища*’, причем это значение было не новым, а древнейшим. Важной подробностью древнеславянского погребального обряда являлось погребальное празднество, так называемая *тризна* и связанный с нею *пир – пирь, страва*. Последняя лексема упоминалась уже в связи со смертью Атиллы в Венгрии в 453 г., свидетельствуя одновременно и о том, что подданные Атиллы в средней Венгрии должны были быть славянами. Иордан говорит, что над гробом Атиллы был устроен пир, который назывался *страда* (*strawam super*

tumulum eius, quam appellant ipsi, ingenti comessatione, concelebrant), - т.е. употребляет славянский термин, и поныне обозначающий пищу и засвидетельствованный в древних чешских и польских источниках XIV-XV в., специально в значении погребального пира (Горбачевский 1874, 211). И у других славян до сих пор принято гостям, прибывшим на похороны, преподносить еду или по крайней мерекрепкие напитки. В Белоруссии при этом и по сей день ххозяин и гости на могиле, политой медом и водкою, угощают небольшим количеством еды и напитков также и души предков, которых призывают и благодарят за то, что они угостились: Святые родзицели! Ходзице к нам хлеба и соли кушать! (Нидерле 1956, 25).

Следовательно, в противоположных значениях польских глаголов *truc – trawić* и в разрозненных, не объединенных в современном русском языке значениях, возникших в результате деэтимологизации, восстанавливается общее, нерасчлененное значение, присущее древней лексеме **trawa* – ‘принять в пищу какой-либо продукт, подлежащий пищеварению’. Таким образом, современные значения отражают бывший синкретизм.

История глагола *питѣти* показывает, что, кроме русского, где он появился под влиянием церковнославянского языка, он распространился в южнославянских языках. Уже в евангелических текстах наблюдается различие в употреблении глаголов *натроути* (по отношению к взрослым людям) и *питѣти* (по отношению к детям и птицам): *натровеши ны хлѣба слезьна* (Син. Пс.); *благословенъ еси питѣи ны отъ юности наше* (Син. Пс.), при этом гл. *натроути* обозначал действие лица, производящего его, в отличие от гл. *питѣти*. Это различие, по мнению А.С. Львова, могло быть только древнейшим, т.к. уже в XI в., если не раньше, в восточной Болгарии *напитѣти* употреблялось и по отношению к людям, поэтому в восточноболгарских редакциях памятников старославянской письменности *натроути* оказался полностью замененным словом *напитѣти* (Львов 1966,

182). Таким образом, питѣти (обязательно в приставочных образованиях) употреблялся по отношению к людям, если они находились на содержании других лиц и не только получали пищу, но и воспитывались: имені твоего рад³ настав³ш³ м> прѣп³теш³ м> (Син. Пс.). именно в этом значении закрепился в древнерус. гл. питати – ‘кормить, доставлять пищу, воспитывать’, обладающий высокой словообразовательной активностью (ср. производные субстантивы питатель, питательница - n.ag., питва – ‘пир’ – n.act., пита, питание, пища – ‘хлеб, роскошная пища, еда’ – предм..) . В польском же нет соответствия гл. питѣти. Понятия ‘кормить, питать’ выражены глаголами *karmić, żywić, rożywiać, posilać*. Однако в польск. есть сущ. *piśca* (ср. чешск. *piše*, словен. *piša*) – ‘корм для скота’. Рус. пища (*jā-осн. <*pit-jā) – бесспорный церковнославянизм, т.к. ни в дррус, ни в совр. диалектах нет слова пича. Стсл. *пита* семантически совпадает лишь с болг. *пита* – ‘хлеб, пирог’, но находится в противоречии со значением того же слова в других славянских языках.

Также отсутствует в польском прямой эквивалент гл. кушать. При переводе вместо него используется *jeść lub pić*. В этикетных штампах типа *кушайте, пожалуйста* и *кушать подано* употребляется форма глагола *jeść* или предложно-падежная форма *do stołu: proszę, niech pani je; do stołu podano*. В польском имеет место гл. *kusić* – ‘испробовать’, связанный этимологически с готтским *kausjan* – ‘пробовать, отвеживать’. В русском языке в результате фонетического сходства произошло обобщение двух основ, разных по происхождению.

История синонимических рядов глаголов со значением ‘есть, принимать пищу’ в русском и польском языках выявляет комплекс причин распада синонимии и появления межславянской омонимии в словах праславянского происхождения:

1) распад синкреты (ср. сущ. *trawa, *ed(a), связанные отношениями производности с глаголами *ѣсти, троути* - *травити /truć - trawić*). Распаду синкретизма способствовал целый ряд факторов морфологических

(принадлежность *edъ и *edъ в разных типах основ (*i-осн. и *o-осн.), принадлежность к разному роду (еда - яд); синтаксических (устойчивые сочетания, связанные с культом) – здесь мы прослеживаем изменение семантики от конкретного к отвлеченному ('грех вообще'), т.е. налицо связь с ментальностью древнего человека; экстралингвистических (бытовое начало – человек разграничивал пищу полезную и вредную); фонетических (разная огласовка дифтонга *ou- перед гласным и согласным. Данные совр. польск. и укр. яз. Указывают, что в славянских языках слова с корневой морфемой *trou- обозначали пищу, снесь). В результате в современном русском и польском языках сформировалась пропозиция: еда – яд, отравка; strawa, potrawa – trucizna. К тому же если в русском языке мы наблюдаем дестимологизацию, то современные южно- и западнославянские языки закрепили значение 'злость' (ср. чешск. jêd – 'злость', лит. jêd – 'яд'). Наличие определенных значений в ряде славянских языков убеждает нас, что они являются результатом распада древнего синкретизма (в совр. рус. и польск. яз. это значение как переносное находим в сочетаниях типа ядовитая усмешка – jadowity uśmiech, ядовитый человек – jadowity człowiek).

2) фактор конкуренции и вытеснения синонимов ((на)троути – (на)питhti). Гл. питhti в различных приставочных образованиях закрепился в русском языке, вытеснив(на)троути на раннем этапе и приняв употребление не только по отношению детям, но и ко взрослым. Ввиду его территориального ограничения (принадлежности к южнославянской группе языков и распространения в русском под воздействием старославянской языковой стихии) в польском языке он отсутствует.

3) этимологический фактор (кушать / kusić). Рус. кус, кусати – польск. kąsać, kądek < *kąs-; рус. (ис)кусити – польск. kusić < готтск. kausjan – 'пробовать'. В русском языке в результате фонетического сходства произошло обобщение двух основ, разных по происхождению, в

польском данные процессы не протекали. Он сохранил первоначальные значения *kaş – ‘кусать, кусок’ и готтск. kausjan – ‘пробовать’.

4) различные причины несовпадения лексики в русском и польском языках объясняются культурологическим фактором. Многие названия еды в русском языке связаны с культом (брашно, волога, трапеза), они не вошли в польский язык по культурно-историческим причинам: брашно как старославянизм, волога как диалектизм, пришедший в русские северные говоры в связи с языческим культом бога Волоса; в отношении сущ. трапеза сыграли роль разные историко-культурные отношения с Византией.

Таким образом, судьба синонимов в русском и польском языках определялась как внутриязыковыми (конкуренция и вытеснение синонимов, их стилизация – постоянный обмен между разными пластами лексики), так и экстралингвистическими (ментальность древнего человека, различные историко-культурные связи двух народов) факторами.

Особое место в исследуемой синонимии как в русском, так и в польском языке занимает группа глаголов с эмоционально-экспрессивной окраской, стилистически маркированных как разговорные, просторечные. Опорной лексемой среди них является гл. жрать, распространенный во всех славянских языках со значением ‘проглотить, поглотить, жадно и много есть’. В совр. рус. яз. гл. жрать является грубым просторечием и обозначает действие животных (Свиньи в огороде всё пожрали), тогда как в дррус. гл. жрѣти, жър@ широко употреблялся в значении ‘съесть, пить’ в разножанровых текстах: ишта кого пожреть (Изб. 1073), искааше бо его съжъвати и пожрѣти и (Псалт. толк.). префиксальный гл. пожирать распространен в составе устойчивых сочетаний пожирать глазами (‘в возбуждении, не отрываясь смотреть на кого-либо’), огонь (пламя) пожирает (‘уничтожить полностью’). Последнее сочетание уходит корнями в древность, раскрывая таким образом былую семантику гл. жрати. По мнению А.А. Потебни, «слово гр, гар (или какая-нибудь более

древняя языковая форма) имеет первоначальное значение горения и огня. В нем заложено понятие уменьшения горючего материала при горении и уменьшение снеди по мере того как едят, откуда слова жрети (словен. žrèti, žrèti; рус. жрать) получают значение 'есть'» (Потебня 1968, 50). Д.О. Шеппинг подводит к мысли о связи еще с языческим культом, жертвоприношением: «Жрец происходит от жрѣть, горѣть; жертва съедается огнем, отчего и наше жрать, и жертвенник в этом отношении является жерломъ (горломъ) съедающего огня» (Шеппинг 1862, 29). Возможно, как раз это и послужило созданию сочетания типа пожреть огонь. Слав. *žrtva как объект жертвоприношения и само жертвоприношение, *žьгьсь, *žrati, употребляемых для обозначения действия жертвоприношения и (особенно *žrati) для обозначения вкушения пищи и питья (некогда, видимо, подобным образом обозначалось участие в ритуальном пиршестве, во время которого вкушалось мясо принесенного в жертву животного и совершались возлияния) (Топоров 1989, 23). Охридское по происхождению жрътва употребляется около семидесяти раз в десяти старославянских памятниках как 'жертва, жертвенное животное; жертвоприношение': дати жрътв@ по реченоумоу въ законѣ господни (Зогр., Мар.); прил. жрътвьнѣ и сущ. жрътие в Супрасльской рукописи: жрътвьно "сти; жръти" ради соу~тньнымъ богомъ. Широко распространенный в культовой лексике глагол стал со временем стилистически ограниченным. Д.О. Шеппинг считает, что «когда исчезла вера в языческие обряды, народный юмор придал жертвоприношениям пошлое теперешнее значением глагола жрать» (Шеппинг 1862, 29).

В совр. польск. яз. судьба гл. żreć, pożerać схожа с совр. рус. жрать. Это выражается, в частности, в словообразовательной активности: отглагольные сущ. со значением лица, образованные преимущественно при помощи субъективно-оценочных суффиксов: obżartuch, pożeracz, żarłok, pożerca – 'обжора'; с предметным значением ('пища'): żarcie –

‘жратва, жраньё’; отвлеченные сущ.: obżarstwo, żarłoczność – ‘обжорливость’. Известно сочетание *pożerać oczyma* – ‘пожирать глазами’: *Ale on pożerał teraz oczyma jej włosy* (Sienkiewicz 1900, 19).

По праву занимает определенное место среди синонимов гл. глотать (в польск. ему соответствуют несколько гл.: *łykać, chłać, kłtać*) – ‘быстро съедать пищу’, которому некогда было присуще синкретичное значение ‘поглощать’, отраженное в дррус. памятниках: земля поглотит Срацинина (Пат. Син. XI в.), Вельбоудь поглычающе (Мф. Ев.). Современным глаголам глотать / *chłać* свойственно и переносное значение ‘принимать молча, скрывать свою обиду’: глотать оскорбления – *chłonać płomieniem* – ‘пылать мщением’. Очевидно, вследствие распада синкретизма в совр. рус. и польск. яз. закрепилось лишь значение ‘торопясь съедать что-либо’, а гл. стал тоже стилистически маркированным как разговорный, что позволяет включить его в группу эмоционально-экспрессивных лексем.

Близки по семантике гл. кормить, потчевать – ‘давать есть, обеспечивать пищей; угощать’, встречающиеся еще в дррус. памятниках. Наиболее продуктивен из них гл. кормить, дающий агентивные производные *кърмилица, кърмильць, кърмильникъ, кърмитель*; с предметным значением – синонимичные производные *кърмь / кърмл" / кърма*, в большинстве утраченные совр. рус. языком. В польском образовании с корневой морфемой *-karm-* распространены очень широко: предметное значение: *rokarm, rokarmeczek, karmia, karm* – ‘пища’; *karmnik* – ‘хлеб для откармливания скота’; с процессуальным значением: *karmienie*, агентивным: *karmiciel*, абстрактным: *karmność* – ‘питательность’. Производные нашли широкое отражение в фольклоре обоих народов: соловья баснями не кормят – *głodnego bajkami nie nakarmisz*; Врзуч словами się nie nakarmi; на охоту ехать – собак кормить – *nie czas psy karmić, kiedy trzeba iść na polowanie*.

Рус. потчевать – ‘угощать’, также известное с давней поры (в Послании царя Ивана Васильевича Кириллу Белозерскому 1578 г.: въ

приезды боярь нашихъ и велможъ ихъ потчиваху, а сами (старцы) никако же ни къ чему касахуся), соответствует польскому *częstować, traktować – ‘dawać jeść i pić, podejmować gościa, być mu rad u siebie’*. Возможно, отсюда и появился в рус.яз. гл. *чествовать*, семантически близкий указанным лексемам.

Таким образом, гл. *жрать, глотать, кормить, потчевать*, вошедшие в рус. и польск. яз. в состав эмоционально-экспрессивной лексики, были известны как нейтральные в дррус. и старопольск., в отличие от гл. *шамать, ашать, рубать* и др., являющихся приобретением современности.

Литература:

1. Sienkirwicz H. Rodzina Połanieckich. T. XV-XXII в собрании сочинений. Warszawa, 1900.
2. Urbańczyk S. Słownik staropolski. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1961.
3. Горбачевский Н. Словарь древняго актоваго языка шверо-западного края и царства польскаго. Вильна, 1874.
4. Грамотки XVII – нач. XVIII вв. М.: Наука, 1969. Т. I-II.
5. Котляревский И. Енеїда. Київ: Радянська школа, 1989. 257 с.
6. Львов А.С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М.: Наука, 1966. 320 с.
7. Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. 450 с.
8. Потebня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. III. Об изменении значения и заменах существительного. М.: Просвещение, 1968. 551 с.
9. Сенкевич Г. Семья Поланецких. М.: Правда, 1990. 598 с.
10. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I-III. М., 1958.

11. Топоров В.Н. Из славянской языческой терминологии: индоевропейские истоки и тенденции развития // Этимология 1986-87. М.: Наука, 1989. С. 23.

12. Шеппингъ Д.О. Русская народность въ ея повърхяхъ, обрядахъ и сказкахъ. М., 1862. Т. I. 211 с.

The article is devoted to harmony and translation of synonymous verbs with the meaning 'to eat' in the Russian and Polish languages. The work is viewed in diachronic aspect taking into consideration derivation, lexical-phraseological, stylistic and morphological peculiarities of verbal vocabulary. Comparable textual analysis of original and translation of "Family Palanezkihk" by Senkevich is used as illustrative material. The history of synonymous verbs with the meaning 'to eat' in the Russian and Polish languages reveals the group of reasons of disintegration of synonymy and appearance of inter-slavonic homonymy in words of parent slavonic original.

Ральчева Н.
Фракийский Университет имени Демокрита
г. Комотини (Греция)

АКСИОЛОГИЯ КОНЦЕПТА “ДНИ НЕДЕЛИ” В ГРЕЧЕСКОЙ И РУССКОЙ КАРТИНЕ МИРА: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Концепт “время”

Во всех культурах концепт “время” является одним из самых фундаментальных, так как человеческая жизнь и связанная с ней деятельность протекают в пределах времени. С философской точки зрения, время, наряду с пространством, это не что другое, как форма существования человечества. Другими словами, ничего не существует и не осуществляется вне пределов времени. Хотя оно может перестать существовать для отдельного индивида после наступления конца его жизненного цикла, это однако не относится ко всем остальным живым

представителям человеческого рода, так как для них время продолжается, поскольку их жизнь продолжается. Можно сказать, что человек и все что он делает, чувствует, воображает и решает существует только во времени и время существует в сознании человека, т.е. время существует поскольку существует человек и человек существует поскольку существует время. По словам Нильсена, “концепт времени, наряду с концептом пространства, является одним из основополагающих в системе знаний человека о мире” (1).

Одна из самых значимых характеристик времени – это его измеримость.

Как известно, время, в его хронологическом аспекте, измеряется большими и меньшими единицами, которые, будучи универсальными категориями человеческого мышления, существуют во всех культурах.

В настоящем исследовании наше внимание направлено в общем плане на те временные отрезки, которые характеризуются одновременно двумя основными маркерами: продолжительностью / цикличностью. Их можно разделить на следующие три класса:

1. Фрагменты длительной продолжительности / неопределенной цикличности (*эра, период, эпоха*)
2. Фрагменты длительной продолжительности - ограниченной определенными пределами цикличности (*тысячелетие, столетие*)
3. Фрагменты более короткой продолжительности - часто повторяемой цикличности (*год, месяц, неделя, день, час, минута, секунда*).

В почти всех лингвокультурах гипонимы времени третьего класса являются универсальными категориями человеческого опыта, “продуктом культурно-исторического членения времени” (2). Всеизвестным является факт, что в большинстве развитых культур год состоит из 365 дней, месяц из 30/31 дней, неделя из 7 дней, день (сутки) из 24 часов, час из 60 минут и минута из 60 секунд.

Объект исследования

Настоящее исследование посвящено аксиологии гипонимов „неделя” и „дни недели” в греческой и русской языковых картинах мира, так как они, по нашему мнению, проявляют достаточно специфических признаков дифференциации в обеих культурах с точки зрения не только чисто лингвистических, но и лингвокогнитивных, культурологических, лингвофилософских, и не на последнем месте, религиозных соображений. Кроме того рассматриваемые нами гипонимы являются в максимальной степени объективными хронологическими единицами, факт, который позволяет их подвергнуть объективному научному анализу.

Гипоним “неделя”

В большинстве современных культур семидневный цикл является самой общепринятой единицей измерения времени, состоящейся из точно определенного количества дней. В отличие от остальных единиц меры времени, генезис которых связан прямо с астрономическими фазами небесных тел - обращения Луны вокруг Земли (*месяц*) и обращения Земли вокруг Солнца (*год*), для существования семидневного цикла измерения времени нет определенных астрономических оснований. Генезисные корни его однако можно искать в древних календарях, и прежде всего, в древнем иудейском календаре, используемый еще с времен их выхода из Египта, согласно библейской хронологии (15 в. до н.э), который позднее вошел в западно-европейскую культуру. Конечно, достоверные свидетельства относительно генезиса семидневной системы измерения времени содержатся и в самом библейском докладе о Сотворении мира, относящийся ко всему человеческому роду, а не только к иудейскому, так как Бог сотворил мир задолго до появления отдельных народов и их расселения по земле в целом и иудейского народа в частности. В связи с этим можно выявить 2 факта:

1. Четвертого дня Сотворения Бог создал Луну и Солнце, которые должны были „отделять” день от ночи и служить „для знамений,

обозначающих времена”, согласно оригинальному иудейскому библейскому тексту. Сам текст в русском переводе звучит так:

Бытие 1:14

„И сказал Бог, да будут светила на тверди небесной (для освещения земли) и для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов”.

Бытие 1:16

„И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды”.

Этот факт позволяет нам утверждать, что астрономические основания использования небесных тел (Луны и Солнца) как средств измерения времени (месяц и год), ведут свое начало еще с момента Сотворения, и так как иудеи были ближе к библейской традиции, чем все остальные народы, они сохранили ее и позднее передали другим народам.

2. Бог создал наш мир в 6 дней и почил в „день седьмой” (3). А этот факт со своей стороны дает нам объяснение на вопрос почему семидневная система измерения времени была принята почти всеми развитыми культурами. А именно, не потому ли что ее генезис связан со семидневным процессом происхождения земли и всего что в ней находится? Основание ненарушимое, неправда ли? В культурно-историческом развитии человеческого общества отмечаются некоторые попытки со стороны разных обществ изменить этот цикл, как например французы во время Великой Французской революции, которые „придумали” свою неделю, состоящую из десяти дней или советские власти, которые в 1929 г. ввели шестидневную рабочую неделю. И обе попытки однако не сохранились долго (во Франции до конца Французской коммуны, а в бывшем СССР до начала войны с Германией в 1940). Стоит однако отметить причины, которые привели к этим попыткам – во Франции это было желание отвергнуть порядок, установленный самым Творцом мира, а в СССР эти действия были направлены против церкви.

Библейская традиция однако нашла свое полное выражение в названии семидневного периода времени в греческом лингвокультурном пространстве. В греческом языке лексема „εβδομάδα”, соответствующая русской „недели” происходит из числительного „ἑβδομος”, что означает „седьмой”, прямо указывая на количество дней этого промежутка времени:

* дрвгр. εβδομάς, -άδος < ἑβδομος

В русском языке связь между количеством дней (семь) и названием самого периода сотрита, так как исторически в русской языковой картине мира усвоилось слово, которое происходит от древнеславянского глагола „не делать”. Согласно этимологическому словарю Крылова “нынешнее название промежутка времени из семи дней означало когда-то “выходной”, “день отдыха” (4). Это значение сохранилось в большинстве современных славянских языков, но как название одного из дней семидневного периода, а не самого периода, что случилось в русском языковом пространстве. В тоже самое время в некоторых славянских языках название семидневного промежутка времени связано прямо с количеством дней, составляющих этот период (срв. болг. „седмица”, серб. „седмица” от древнсл. „седь”), т.е. связь между содержанием и формой этих лексем сохранилась в соответствующих культурах.

Семидневный период измерения времени	
НГЯ	РЯ
εβδομάδα = *7	неделя = * не делать

У русской лексемы „неделя” имеется и другое значение, связанное с русским ортодоксальным литургическим богослужением, а именно, „воскресный день”. В Богослужебном уставе (Типиконе), в Месяцеслове и в других богослужебных книгах слово „неделя” употребляется для названия первого дня семидневного периода, посвященному православной

Пасхе или воспоминанию Воскресения Христа в седмичном круге богослужения.

Кроме того с русской православной традицией связано и употребление древнеславянского слова „сед(ь)мица” вместо гражданской „недели”.

Гипонимы „дни недели” и их названия

Как уже отметили, библейский семидневный цикл как фрагмент, расчленяющий время на 7 одинаковых отрезков, был усвоен почти повсеместно народами, населяющими землю, сотворенную в 6 творческих дней, конечно, в разные исторические периоды их культурного развития. Не наблюдается, однако, такая же одинаковость по отношению названий дней недели в общей языковой картине мира. Сегодня мы знаем, что представители разных культур использовали разные критерии для названий дней недели, которые в общем можно классифицировать в 3 категориях:

1. Названия дней недели библейского происхождения
2. Названия дней недели языческого происхождения
3. Названия дней недели смешанного происхождения

Некоторые лингвокультуры, как еврейская и греческая например, усвоили и сохранили почти полностью библейские образцы членения времени. Другие культуры, как латинские и германские, восприняли языческий подход к членению времени, называя дни недели именами планет и небесных тел, которым они поклонялись как божествам. А в некоторых культурах, например в славянских, след библейской системы членения сохранился только в названии „субботы”, хотя сам „порядок” дней остается языческим. Конечно, существуют сегодня в мире и другие этнокультурные общества, которые восприняли элементы названий дней недели одного или другого класса, но этот вопрос пока не в центре нашего внимания.

Названия дней недели в греческой и русской лингвокультурах состоятся из:

- лексем с коренной морфемой определенного числа
- лексем с коренной морфемой другого слова

Чтобы анализировать соотношение между языковой вербализацией концепта времени, выраженной названиями дней недели в обеих культурах, мы взяли как основу структуру библейского семидневного периода. Должны сразу заметить, что дни недели в Библии не называются именами, а порядковыми числительными, кроме седьмого дня „шаббат”, от иудейского корня „шбт” со значением „покоиться”, „прекращаться”, „воздерживаться” и предшествующего ему „подготовительного” дня. В докладе о Сотворении мира (5) последний день творческой недели сообщается своим порядковым номером, т.е. как седьмой день, а после выхода из Египта и во время последующих странствований израильского народа по пустыне, назван был своим именем: „седьмой день – святой Шаббат Господу” (6). Позднее, когда израильскому народу даны были заповеди Декалога, четвертая заповедь полностью отождествила „шаббат” с седьмым днем Творения.

Греческий язык усвоил почти полностью библейскую систему, как по отношению названий дней недели, так и по отношению их порядковой последовательности, за исключением первого дня, название которого церковные власти в позднейшие века изменили в „день Господа” т.е. „Κυριακή”. Следует припомнить, что повсеместное перенесение дня поклонения Богу с седьмого дня „шаббат” на первый день, который был назван „днем Господа” (гр. „Κυριακή”, срв. в некоторых латинских языках „Domenica” (исп.), „Dimanche” (фр.), произошло гражданским эдиктом в 321 г.н.э. во время управления императора Константина Великого (7). И так, в современной греческой языковой картине мира сохранились следующие названия дней недели (унаследованные от иудейского):

БИБЛЕЙСКАЯ НЕДЕЛЯ	Новогреческий язык	
	Название	Значение
1.первый	Κυριακή = 1	Господный день
2.второй	Δευτέρα = 2	Второй день
3.третий	Τρίτη = 3	Третий день
4.четвертый	Τετάρτη = 4	Четвертый день
5.пятый	Πέμπτη = 5	Пятый день
6. “подготовительный”	Παρασκευή= 6	гл. “παρασκευάζω” (“подготавливать”)
7. “шаббат” (отдых)	Σάββατο = 7	от иуд. “шаббат” (“отдых”)

В современной русской языковой картине мира сохранились следующие названия дней недели (унаследованные от греческого):

НГЯ	РЯ
Κυριακή = 1 “день Господа”	Воскресенье = 7 “день Воскресенья Христа”
Δευτέρα = 2 “второй день”	Понедельник = 1 “после недели”
Τρίτη = 3 “третий день”	Вторник = 2 “второй день”
Τετάρτη = 4 “четвертый день”	Среда = 3 “день по середине”
Πέμπτη = 5 “пятый день”	Четверг = 4 “четвертый день”
Παρασκευή= 6 “подготовка”	Пятница = 5 “пятый день”

Σάββατο = 7 “отдых”	Суббота = 6 “отдых”
------------------------	------------------------

Выводы:

1. Из всех славянских языков только РУ заменил по церковным соображениям древнеславянское название „неделя” в честь Воскресения Христа. В остальных славянских лингвокультурах первый или последний промежуток семидневного цикла называется лексемой, производной от древнеславянской “недели” (болг. „неделя”, пол. „niedziela” и др.).
2. Вербализация концепта времени в русском, болгарском, польском и остальных славянских языках на основании названий дней недели не свидетельствует о прямой связи с библейским семидневным периодом. Эта связь видна только на уровне лингвистического анализа и сокрыта от сознания обыкновенных репрезентантов современных лингвокультур. Хотя название седьмого библейского дня содержит морфему „суб”, „сьб”, „sob”, являющиеся славянской калькой греческого „σαβ”, мало кто связывает сегодня значение этой лексемы с иудейским „шаббатом”. Об этом свидетельствуют и результаты проведенного нами опроса с носителями НГЯ и РЯ.
3. В рассматриваемых нами культурах по отношению названий дней недели существуют две официальные постановки: гражданская, которая считает неделю, начиная с понедельника и церковная, считающая неделю с воскресения.

В славянских языках основанием для подобного рода констатаций служат, по нашему мнению, те названия дней, которые образованы от корня соответствующих числительных (так например, вторым днем считается день после понедельника, а не день после воскресения). К этому должны добавить и факт начала рабочей недели (с понедельника), одинакового для большинства развитых современных обществ.

Подобная ситуация господствует и в сознании представителей греческой языковой картины мира, независимо от того, что сами названия дней недели ясно свидетельствуют о библейском порядке дней. В опросе, проведенном с носителями НГЯ, выявился весьма интересный факт, а именно, почти все участники опроса ответили, что первый день недели это „Κυριακή”, а седьмой – „Σάββατο”. Так как, однако, рабочая неделя начинается в день „Δευτέρα” (понедельник), то первым днем недели считается „Δευτέρα”. Кроме того, подобное толкование вопроса о начале и конце недели можно найти и в официальных греческих толковых словарях и энциклопедиях:

“неделя, это период семи последовательных дней, которая согласно календарю начинается в воскресенье и кончается в субботу, а в обыденной жизни начинается в понедельник и кончается в воскресенье”(8).

В польской языковой картине мира, например, вопрос гражданского и религиозного подхода к названиям дней недели решен по-другому, а именно, существуют в употреблении две лексемы: „sobota” (в гражданском аспекте) и „sabbat” (в религиозном аспекте). Вторая лексема употребляется прежде всего представителями польского культурного пространства, исповедующими библейское христианство.

Должны отметить, однако, что гражданские и религиозные соображения по отношению названий дней недели в исследуемых нами культурах, как-бы взаимно противопоставляются, так как если „Σάββατο” в НГ культурном пространстве, респ. „суббота” „събота”, „sobota” в славянских культурах, являются последним, седьмым днем семидневного периода, на что указывает лингво-этимологический анализ слов, то тогда „Κυριακή”, респ. „воскресенье”, „неделя”, „niedziela” не могут считаться одновременно последним, седьмым днем, или же например „вторник” в русском, болгарском или польском культурном сознании не может быть вторым, а лишь третьим после „воскресенья” днем (т.е. вторым после понедельника).

Это противоречие можно объяснить, на наш взгляд, так:

1. Гражданские соображения по отношению порядка дней семидневного цикла в НГ и славянском лингвокультурном сознании являются доминирующими.
2. Религиозно-верские соображения, соотносящие порядок дней и их названия с изначальным моментом существования человечества, т.е. с процессом „креации” мира нашего, „сотрились”, “забылись” на протяжении культурно-исторического развития.

В этой связи поражается вопрос: не звучит ли 4-ая заповедь Декалога как своеобразная реминисценция рассказа о Сотворении, так как если после окончания семидневного творческого процесса Творец „освятил”, „благословил”, и „отделил” седьмой день на память Творения, то в самом Декалоге, неизвестно спустя сколько лет, пришлось по-видимому, использовать не наративные, а уже императивные выражения, а именно „помни” и „соблюдай”. А как все мы знаем, то что соблюдается не запоминается, или чтобы “не забыть”, приходится “соблюдать”.

Фразеологические выражения с основным маркером „неделя”

По отношению анализа фразеологических выражений с основным маркером „неделя” или „εβδομάδα” можно отметить некоторые общие характеристики, происходящие из того факта, что носители двух исследуемых нами языковых пространств являются представителями подобного культурологического поведения, по причине подобного европейского менталитета и одинаковой, хотя бы в основных пунктах, религии:

1. Выражения церковно-религиозного характера: (связанные с церковными праздниками):

„Η εβδομάδα των Παθών”(„Страстная неделя”), „Η εβδομάδα του Θωμά” („Фомина неделя”), „Η Μεγάλη Εβδομάδα” („Великая неделя”), „Το Σάββατο του Λαζάρου” („Лазарева суббота”), „Μεγάλο Σάββατο” („Великая суббота”), „Ψυχοσάββατο” („Вселенская родительская суббота” или

„Поминальная суббота”, „Καθαρά Δευτέρα” („Чистый понедельник”), „Τσικνοπέμπτη” (букв. „четверг второй недели Великого поста перед Пасхой”) и др.

2. Выражения гражданского характера (связанные с организацией некоторых культурных мероприятий):

„неделя книги” („Εβδομάδα βιβλίου”), „спортивная суббота”, „чистая суббота”, „бабкина суббота” и др.

Существуют, конечно, множество фразеологических выражений, специфические для каждой из обеих культур в отдельности, свидетельствующие о разной языковой проекции гипонима “дни недели” Русские выражения типа „неделя помощи жертвам фашизма”, „женская неделя”, „рабочая неделя” весьма употребительны и живы, за то в современном греко-культурном языковом пространстве подобного рода выражения или не употребляются или используется другой маркер:

„Φεστιβάλ κινηματογράφου” (букв. “Фестиваль кино”)

„Φεστιβάλ τραγουδιού” (букв. “Фестиваль песни”)

„Εκθεση βιβλίου” (букв. “Выставка книги”)

„Επταήμερο ζωγραφικής” (букв. “Семидневка художественного искусства”).

В РЯ существуют слова, производные от лексемы „неделя”, как напр. „неделовка, недельница” со значением „неработница, лентяйка, не умеющая прясть, ткать”, „недельный” со значением „что не по делу, неосновательный” и др., а также и множество поговорок и пословиц с маркером “неделя”:

„Привели в дом недельницу, из лесу медведицу”, когда незлостно, шуточно укоряют молодую невесту, „Без году неделя”, „Семь пятниц на неделю” и др.

Причиной этого фразеологического многообразия структур, маркированных лексемой „неделя” в русской языковой картине мира считаем именно тот факт, что русская „неделя” („семидневный фрагмент

времени”) связана со значением „не делать”, „не работать”, а не с числом „семь”.

В греческой языковой картине мира наблюдается наоборот следующее: так как „семядневный фрагмент времени” называется лексемой, означающая число „семь”, от той лексемы образованы близкородственные слова с корнем „семь”, но они не имеют той смысловой проекции, с которой могли бы участвовать в построении фразеологических структур, соответствующих русским эквивалентам с основным маркером „неделя” („не делать”). Множество фразеологических выражений, однако, структурированы при помощи лексемы „Σάββατο”, которая в тесном смысле означает один из семи отрезков недельного цикла, а в широком – „выходной”, “не рабочий”, а в некоторых случаях „особый”, „необыкновенный” день, как например:

„τον μήνα που δεν έχει Σάββατο” (буквально „в месяце, в котором нет субботы”), выражение, употребляющееся со значением „никогда, ни в коем случае”.

„πάνω στην τούρλα του Σαββάτου”, (букв. „на верх субботы”) со значением „необдуманной поступок, действие, совершающееся в последний момент, неожиданно или в условиях особого напряжения”.

„κίνησε ο Εβραίος να πάει στο παζάρι κι ήταν ημέρα Σάββατο” (букв. „пошел еврей на рынок, а был день субботный”), употребляемое для человека, который предпринимает осуществить свои намерения в неподходящий момент или когда непредвидимые обстоятельства мешают ему реализовать свои планы.

Библейский аспект „особого”, „святого”, „благословленного Богом дня” сохранился в современном греческом культурном сознании в лексеме „σαββατογεννημένος” („рожденный в субботу”) со значением „необыкновенный человек”, „рожденный под счастливой звездой”, „благословенный”, „одаренный необыкновенными способностями и талантами”, „удачливый”, „везучий”.

Выводы:

1. Языковая презентация “дней недели” позволяет выявить универсальность и национальную специфику греческой и русской языковых культур.
2. Универсальность рассматриваемых нами лингвокультурных реалий проявляется в общих параметрах, определяющих понятийное содержание концепта ”время” и его гипонимов “неделя” и “день”, а также и во факте наличия множества фразеологизмов с маркерами “дней недели” в двух языках.
3. Национальная специфика проявляется в неодинаковом объеме функционирования данных явлений, в различных основаниях для названия отрезка времени “неделя” и дней недели, а также и в использовании специфичных маркеров для построения фразеологизмов с оттенком времени.
4. На основании языковых фактов, являющихся объектом исследования, можно составить актуальную „базу данных”, которая была бы полезной в процессе преподавания новогреческого и русского языков иностранной аудитории, так как познание универсальности и национальной специфики языковых явлений со стороны преподавателей могло бы облекчить и усовершенствовать развитие лингвокультурной компетенции учащихся.
5. В основе различий обеих культур лежат разные лингвокультурные традиции и обычаи, предопределяющие использование тех или иных исторических, библейских и мифологических оснований для функционирования исследуемых реалий.

Примечания:

1. Е.А.Нильсен, “К экспликации концепта “время” в английском языке”, Вестник СамГУ, 2006, №10/2 (50).

2. Rubinstein G., 2002, Ο концептуализации отрезков времени в РЯ, Glossos, Issue 2, Winter 2002, The Slavic and East European Language Resource Center.
3. Ветхий Завет, Бытие 2:3, Новая Женевская учебная библия, 1998
4. Этимологический словарь Крылова, <http://www.slovopedia.com>
5. Ветхий Завет, Бытие 1, 2, Новая Женевская учебная библия, 1998
6. Ветхий завет, Исход 20, Новая Женевская учебная библия, 1998
7. Βασιλείου Στεφανίδου, Εκκλησιαστική Ιστορία, 1969, σελ. 56
8. Γ. Μπαμπινιώτης, Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας, Κέντρο Λεξικολογίας, Αθήνα, 1998

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976
2. Αικατερίνη Θ. Μυτούλα, Η Νεοελληνική Παροιμία, 2006
3. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М. : Языки славянской культуры, 2001 а.
4. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Языки славянской культуры, 2001 б.
5. Γ. Α. Χατζηαντωνίου, η Εκκλησία του Χριστού, 1993
6. Даль В. Пословицы и поговорки русского народа. – М., 1997
7. Δημητράκου Δ., Μέγα Λεξικόν όλης της Ελληνικής Γλώσσας, τ. 8, 12
8. Εγκυκλοπαίδεια Λαρους, τ. 37
9. Этимологический словарь славянских языков / под ред. О. Н. Трубачева. М. : Наука, 1980
10. Henry G. Liddell, Robert Scott, Μέγα λεξικόν της Ελληνικής Γλώσσας, τ. 4
11. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1987

О СОЗДАНИИ ТЕМАТИЧЕСКИХ РУССКО-ГРЕЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

История русско-греческих отношений насчитывает уже более десяти столетий и восходит практически к истокам зарождения Киевской Руси. Сближению двух народов благоприятствовало развитие экономических, а затем и культурных связей с Византийской Империей, которые еще более упрочились с принятием христианства на Руси.

Сегодня, спустя тысячелетие, отношения между Россией и Грецией, основанные на взаимной симпатии двух народов, успешно развиваются во всех направлениях. Расширяется экономическое сотрудничество между странами: проводятся в жизнь крупные двусторонние, а также многосторонние проекты, такие как строительство нефтепровода и газопровода, налаживаются прочные туристические связи и др. Вследствие этих и многих других причин, ведущих к повышению взаимного интереса двух дружественных стран к культурам друг друга, возрастает необходимость в обеспечении достаточным и качественно разработанным, усовершенствованным информационным материалом, в создании новых двуязычных словарей, а также различных методических и учебных пособий.

Следует отметить, что в свете научно-технического прогресса и, наступившей сегодня эпохи глобализации, наблюдается стремительное развитие обоих языков, их обогащение новыми понятиями и новыми терминами. Этот фактор значительно затрудняет работу переводчиков, поскольку новые термины попросту отсутствуют в устаревших словарях. А издание новых словарей, к сожалению, не развивается должным образом и не успевает удовлетворять потребности сегодняшнего дня. Что же касается непосредственно узконаправленных, тематических русско-греческих словарей, то они практически отсутствуют. Поэтому,

переводчики вынуждены обращаться к помощи третьего языка, чаще английского, чтобы подобрать правильно соответствующий языковой эквивалент.

Вопрос о создании двуязычных тематических словарей, является особенно актуальным на сегодняшний день. Складывающаяся политическая, экономическая и культурная ситуация, в рамках развития двусторонних отношений, предъявляет новые требования к лексикографии. Необходимость создания сегодня новых словарей очевидна, и в частности - двунаправленного русско-греческого словаря юридической терминологии. В первую очередь подобное издание должно быть ориентировано на переводчиков и включать в себя все новые и применяемые на практике юридические термины. Но нельзя также упускать из внимания и обычного пользователя. Сегодня, на территории Греции проживают постоянно тысячи русскоязычных граждан: репатрианты из республик бывшего Советского Союза и лица других национальностей, которые пытаются достойно влиться в греческое общество. Излишне говорить о необходимости хороших знаний греческого языка для успешного продвижения во многих областях жизни, ведь с юридическим языком простые граждане сталкиваются довольно часто, начиная с оформления документов о пребывании, и заканчивая условиями для устройства на работу, поступления в учебные заведения, ознакомлением с новыми выходящими законами и т.д. Умение прочитать любой документ – это значит знание своих гражданских прав.

История развития русского юридического языка отражается в памятниках правовой культуры Киевской Руси. Одним из таких монументальных примеров является по праву «Русская правда» Ярослава Мудрого. Этот юридический документ был составлен на русском литературном языке, который сформировался на базе бытового разговорного языка Древней Руси.

Вследствие присущей данной исторической эпохе (XIV.) ситуации диглоссии и функционированию наравне с русским разговорным языком официального церковнославянского языка, существованию различных юридических документов на этих двух языках параллельно, некоторые исследователи высказывают сегодня предположение о возможном сосуществовании, особенно на начальном этапе развития, двух параллельных систем юридических терминов – русской и церковнославянской. (Томсинов 2005)) Церковнославянский язык – это язык, тесно связанный с именами двух византийских ученых – Кирилла и Мефодия, подаривших славянскому миру богатое культурное достояние Византии. К числу переводов двух братьев салоникийцев относятся также и юридические тексты. Следовательно, первые церковнославянские юридические документы представляли собой переводы с греческого языка, а значит можно предположить о существовании некоторых различий между концептуальными значениями русских и церковнославянских юридических терминов, поскольку одна система была исконно русской, а вторая заимствована из византийского права и переведена с греческого. По мнению Бесценной Е.Д., «...специфика юридического термина состоит в его связи с определенной национальной правовой системой...» (Бесценная 2005)

В последующие века происходит значительное обогащение русского юридического языка церковнославянскими терминами. Таким образом, можно отметить немаловажную роль в развитии русской юридической лексики византийского правового наследия. Примерами могут послужить такие лексические единицы как «соглашение», которое образовано методом дословного перевода (кальки) от греческого «συμφωνία» или «исполнение», которое произведено таким же образом от греческого «εκπλήρωσις». Подобные термины не представляют сложности при переводе их на греческий язык, поскольку, не допускают множества

вариантов перевода вследствие того, что они возвращаются в свою исходную языковую систему.

Говоря о формировании русского юридического языка, нельзя не упомянуть о богатом наследии родоначальников юриспруденции – римлян. Общая правовая терминология основана на базе латинского языка, поскольку корни ее происходят от римского права. Так, в русской юридической лексике и по сей день широко употребляются многие латинизмы, как например: *apellatio* - апелляция, *curator* - куратор, *statutum* - статут, *acta* - акт и многие другие.

История русской юридической лексики прослеживается не только в отношениях с древними культурами, но позднее и с западноевропейской и западнославянской. Следует отметить значительное влияние немецкого и французского языков, подаривших русскому юридическому языку множество специальных терминов, таких как, например: «штраф», «штаб» (нем.) или «финансовый», «интерес» (фр.)

Сегодня, русская юридическая терминология интенсивно развивается и пополняется новыми терминами, в том числе заимствованными из зарубежного, международного и европейского права, под влиянием различных факторов, таких как сближение различных правовых систем, образование новых областей юридической науки, динамического развития законодательных процессов в Российской Федерации и др (Бесценная 2005). Таким образом, юридическая терминология функционирует и развивается вместе с функционированием и развитием правовой системы. (Папаев, Морозов 2001). Поэтому, в рамках прогрессирующего сегодня процесса межкультурной коммуникации, представляется целесообразным своевременное издание новых двуязычных словарей, в том числе и тематических, узконаправленных.

Одной из первых трудностей, с которой сталкиваются составители и редакторы двуязычных тематических словарей, в частности, русско –

греческого словаря юридической терминологии, является отбор материала, т.е. формирование словника, поскольку естественным образом возникает вопрос: какие именно лексические единицы можно считать юридическими терминами. Не всегда представляется возможным отличить юридический термин от общеупотребительного слова. Система терминологии находится в непрерывном взаимодействии с обыденной речью. Так, например, лексическая единица «место» относится к общеупотребительным словам. Но, при употреблении ее в устойчивых словосочетаниях, таких как: «место жительства», «место происхождения», «по месту работы», «место преступления» и других, она приобретает все признаки юридической лексики. Поэтому, составителю словаря приходится принимать решение насколько каждый термин удовлетворяет требованиям, предъявляемым к нему, как к члену специальной юридической терминосистемы.

Одной из основных проблем при составлении словарной статьи, т.е. при переводе каждой леммы, является проблема филиации, т.е. членения слова на значения и подбор терминов-эквивалентов, поскольку один и тот же термин может иметь разные значения в русском и греческом языках и, следовательно, разное употребление. Также, в рамках одного языка, один термин может иметь разные семантические варианты в зависимости от контекста (Маслов 2005). Таким образом, необходимо предусмотреть как можно больше вариантов, в которых используется каждый термин. Например, лексическая единица «вступление» в юридической лексике может употребляться как: «вступление в брак», «вступление во владение», «вступление в законные права», «вступление в гражданский процесс», «вступление в силу» и т.д. В греческом языке, основное лексическое значение слова – «εἰσαγωγή» - не может быть употреблено ни в одном из вышеперечисленных вариантов. Более того, перед нами предстают четыре новых варианта перевода, эквивалентных слову «вступление», поскольку, в приведенных примерах, в системе греческого языка существенное значение имеют семантические дифференциальные признаки, которые не

играют такой же роли в системе русского языка. Так, «вступление в брак» означает «σύναψη γάμου», «вступление во владение» - «απόκτηση κυριότητας», «вступление в законные права» - «απόκτηση νόμιμων δικαιωμάτων», «вступление в гражданский процесс» - «κίνηση πολιτικής δίκης», «вступление в силу» - «έναρξη ισχύος».

Подобный пример перевода с греческого на русский язык рассмотрим на примере лексической единицы «θέση» (Бондаренко 2002), которая означает «место». Так, «θέση εργασίας» значит «рабочее место», «διοικητική θέση» - «административная должность», «κοινωνική θέση» - «социальный статус», «οικονομική θέση» - финансовое положение.

Таким образом, при создании русско-греческого юридического словаря необходимо учитывать, что каждый юридический термин относится к терминосистеме своего языка, а также тот факт, что система терминов русского языка не соответствует системе терминов греческого языка по причине различного появления каждого термина в языке, его исторического пути, соответствующим ему отношениям полисемии и многих других факторов. Поэтому *«необходимо давать пояснения, семантизировать значения на входном языке. Выбор способа семантизации в каждом конкретном случае осуществляется исходя из принципа компактности: дать пользователю максимум информации на минимальном пространстве»*. (Шилихина 2006)

Не менее существенной является также проблема перевода безэквивалентной лексики, когда некоторые термины, особенно новые, не имеют готового соответствия в переводящем языке. По мнению К.М.Шилихиной, существуют три варианта решения проблемы описания безэквивалентной лексики в словаре:

1) *«перевод при помощи готового (т.е. реально существующего и употребляемого в выходном языке) эквивалента (который называют алиенизмом);*

2) перевод при помощи толкования; толкование необходимо когда словом обозначается такой элемент культуры народа входного языка, который отсутствует у народа выходного языка, неизвестен ему и поэтому не имеет обозначения на выходном языке;

3) перевод при помощи созданного автором словаря эквивалента (напр. транскрипции). У таких эквивалентов есть существенный недостаток – они не сообщают пользователю полезной информации, чтобы разобраться в значении такого слова, читателю все равно придется изучить комментарий.» (Шилихина 2006)

Таким образом, наиболее приемлемыми при переводе словника представляются первые два метода. Во-первых, это перевод термина исходного языка средствами переводящего языка (Бахтурина 1998) Например, выражение «представлять чьи-то интересы в суде» можно передать при помощи готового, употребляемого в греческом языке эквивалента: «να παραστέι για λογαριασμό κάποιου στο δικαστήριο». Или греческая лемма «ληξιαρχείο» можно передать готовым в русском языке эквивалентом: «отдел записи актов гражданского состояния».

И второй метод – это передача термина описательной конструкцией. Например, термин «δημοτολόγια», поскольку имеет отношение непосредственно к греческой социально – политической структуре и не имеет аналога в российской системе, можно передать только методом толкования, как «муниципальные списки жителей дима», где «дим» - это административная единица Греции.

Сложности при подборе соответствующего языкового эквивалента возникают в случаях:

1) Полного отсутствия эквивалента из-за различия двух культур и двух правовых систем. Например, выражение «πενταμελής εφετείο» относится непосредственно к греческой правовой системе. Его можно передать только описательной конструкцией, как: «апелляционный суд, заседающий при участии пяти членов судебной комиссии»

2) Существования эквивалента, но неточного, имеющего другое семантическое поле. Например, термин «ομογενής» чаще всего переводится как «репатриант», между тем как, согласно толковому словарю (Ефремова 2000) «репатриант» - это *тот, кто возвращается на родину в результате репатриации*, а «репатриация» - это *возвращение на родину военных и гражданских пленных, беженцев, переселенцев, эмигрантов*. Значение термина «ομογενής», согласно греческо-русскому словарю Mandeson - «однородный», «соплеменный» (Mandeson «Σύγχρονο ελληνο-ρωσικό λεξικό» 1961). Следовательно, значение данного эквивалента отличается от значения лексической единицы «репатриант». И его можно передать более точной описательной конструкцией, как например «лицо, имеющее греческое происхождение».

Нельзя забывать также, что составителю словаря, в отличие от переводчика, который имеет дело с конкретным текстом и может относиться к процессу творчески, т.е. свободно выбирать языковые эквиваленты, приходится ограничиваться в рамках типового нормативного перевода, который должен быть универсальным для множества вариантов и полезен для любого пользователя словаря.

Принимая во внимание все вышеуказанные факторы, следует отметить, что составление двуязычного словаря подразумевает кропотливый труд на каждом этапе работы. В создании должны принимать участие юристы, либо лица, знакомые с юридической терминологией, и обязательно – представители двух языковых культур: русской и греческой, для более точной передачи оттенков каждого понятия.

Новый двунаправленный русско-греческий словарь призван охватить всю широту юридической лексики сегодняшнего дня, включая в себя значительное количество примеров употребления ее на практике, как на русском, так и на греческом языке. Таким образом, данное издание будет предназначено для широкого круга пользователей, от лиц, изучающих

греческий или русский язык и до юристов и профессиональных переводчиков.

Остается пожелать, чтобы в свете межкультурных коммуникаций и укрепления двусторонних отношений, практика создания различных двуязычных словарей и учебных пособий развивалась бы на более высоком уровне и всегда шагала в ногу со временем.

Литература:

1. Бахтурина Т.А. «Толковый словарь как средство согласования английской и русской терминосистем, правил каталогизации и MARC – форматов»
2. Бесценная Е.Д. «Об особенностях современной русской юридической терминологии и проблемах ее семантизации»
3. Бондаренко А.В. «Новогреческо-русский и русско-новогреческий словарь общеупотребительной и деловой лексики»
4. Ефремова Т.Ф. «Толковый словарь русского языка»
5. Маслов Ю.С. «Введение в языкознание»
6. Папаев С.Т. Морозов Г.И. «Терминология. Терминография. Стандартизация. Современное состояние и перспективы»
7. Томсинов В.А. «Развитие юриспруденции в Московском государстве»
8. Шилихина К.М. «Теоретическая и практическая лексикография»
9. Mandeson «Σύγχρονο ελληνο-ρωσικό λεξικό»

In this paper we discuss about the necessity of creating new Russian-Greek dictionaries in the light of the development of friendly relations between the Russian Federation and the Hellenic Republic; in particular, we believe there is a special need for special terminology Russian-Greek and Greek-Russian dictionaries, which have not existed in Greece to date.

Besides, we examine the question of the current creation of a new Russian-Greek and Greek-Russian dictionary of legal terms in the agenda of Democritus University of Thrace (Greece) and shed light to some practical difficulties the authors of the dictionary have to cope with during their work, such as compilation of the existing material, selection of equivalent terms from the translator's point of view, translation problems in case of lexical terms with no equivalent in the target language etc.

Сагинадзе Р.С.
Кутаисский государственный университет имени Акакия Церетели
г. Кутаиси (Грузия)

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПЕРЕВОДА

Вся полнота и особенность передачи языка оригинала зависит от мастерства переводчика. Текст не нуждается в приукрашивании, просто необходимо его правильно прочесть, верно понять его суть и верно донести ее до читателя. В то же время следует учесть художественный вкус того народа, на языке которого создан переводимый текст.

Метод перевода определяется также и типами переводимых текстов. С этой точки зрения важным представляется опыт перевода библейских книг. В прежние времена к переводу библейских книг приступали, испытывая страх и благоговение перед Богом. Что касается вопроса сопоставления старых и новых переводов Библии по отношению к оригиналу, следует отметить, что на сегодняшний день более распространен динамический перевод Филиппа, согласно которому «лучшим подтверждением высокого качества перевода является то, что он не воспринимается как перевод».

Когда язык переводимого текста (оригинала) в генетивном и структурном отношении относится к совершенному типу языков, чем язык перевода, или же, если отраженные в оригинале быт и культурная среда весьма своеобразны, то в обязательном порядке возникает проблема

эквивалентности с переводом. В результате получаем переводы разных уровней. Если перевод хороший, говорим, что переводчик удачно перевел, в противном случае же, напротив, отмечаем, что переводчик перевел плохо. Лучше будет сказать, что переводчик «увидел», хорошо понял и смог перевести текст. В худшем же случае переводчик попытался удачно перенести мысль на другой язык, однако из-за особенностей переводимого текста не сумел это сделать должным образом. Следовательно, эквивалентный перевод не удался. Это свидетельствует о том, что наряду с содержанием необходимо учесть особенности языка оригинала, что подразумевает восприятие и перевод на другой язык с учетом лексических, грамматических (морфолого-синтаксических), стилистических особенностей оригинала.

Переводчику необходим богатый лексический запас слов не для того, чтобы переводить слово в слово, а сохранить точность, не отходя далеко от оригинала.

«Плохие переводчики страдают своеобразным малокровием мозга, которые делают их текст худосочным. Каково Хемингуэю, или Киплингу, Томасу Манну, или другому полнокровному автору попасть в обработку к этим анемичным больным! Похоже, что они только о том и заботятся, как бы обескровить гениальные подлинники. У таких переводчиков нищенски убогий словарь: каждое иностранное слово имеет для них одно - единственное значение. Запас синонимов у них скуден до крайности. Лошадь у них всегда только лошадь. Почему не конь, не жеребец, не рысак, не вороной, не скакун? Дворец – всегда дворец. Почему не замок, не палаты, не хоромы, не чертог?..» (6, 82).

По мнению К. Чуковского, словесное «худосочие» надо лечить. Для этого переводчикам следует изо дня в день пополнять свои скудные запасы синонимов. Переводчикам также нужно читать тех писателей, у которых есть наиболее богатый словарь: Крылова, Грибоедова, Пушкина,

Лермонтова, Льва Толстого, Тургенева, Чехова... Переводчики должны запоминать те слова, которые могли бы им при переводе пригодиться.

Таким образом, ознакомление с творчеством классиков, освоение их языка и обогащение лексического запаса переводчика – одна из возможностей этого. К этому методу можно добавить еще один – это работа со словарями, особенно с толковым, хотя повторное чтение, в особенности по несколько раз, существенно обогатит лексику переводчика. Именно такая работа и чрезвычайное желание конечного результата даст возможность переводчику преодолеть тот барьер, который мешает ему в разграничении языковых и стилистических элементов переводимого текста. Переводчик должен стараться сохранить естественную связь с родным языком и создать адекватный оригиналу перевод. Когда переводчик «освоит» языковой мир, перевод получится естественным и точным. А точность – это база, которая обращает перевод в литературный факт.

«После освоения техники перевода на первый план выходит проблема передачи стиля оригинала, что уже зависит от способности и чутья переводчика, его литературного вкуса, образования, эрудиции и необходимой верной позиции (направления)» (4,212).

Как отмечено в научной литературе, в прозаических произведениях существует два стилистических пласта: автора и персонажей. Язык автора в большинстве своем не сходится с языковыми портретами персонажей, лексическим и грамматическим оформлением. Есть моменты, которые целиком размещены в стилистическом пласте автора. Это такие абстрактные заметки автора, какими являются простота или многообразие, лексическая полнота или ограниченность, зависимость автора от всеобщего народного языка, на базе которого создается впечатление о говоре, архаизмах, зависимость от жаргонизмов, иностранной лексики, фразеологизмов, художественной речи, пословиц и т. д. (4, 67).

Во время перевода художественного текста особенно важно, чтобы переводчик смог передать стиль автора, выбрал художественные приемы и смог бы найти их эквиваленты. Воспроизведение традиционных художественных приемов несложно, благодаря подобным им в разных языках, но очень усложняется процесс нахождения аналогичных приемов, передающих оригинальность текста. Именно это создает наибольшую проблему перевода.

При рассмотрении особенностей языка перевода ставится вопрос насколько соответствует представленный перевод оригиналу, какие элементы были потеряны, почему не получилось их сохранение и т. д.

С вопросом стиля переводчика связана и проблема показа национального колорита. В теории перевода с этой проблемой связаны два аспекта: сохранение иностранного колорита и показ родного в преувеличенном варианте. Во всех художественных произведениях передается национальный колорит того народа, представителем которого выступает, так или иначе, автор. Он передается формой и содержанием произведения в целом и рассматривается в равной степени, как в речи автора, так и персонажей, а также национальными реалиями (еда, напитки, одежда, музыка, танцы, спорт...).

Национальный колорит особенно ярко проявляется в характерах персонажей, их внешности, привычках, обычаях и т.д.

Было высказано мнение, что язык перевода отличается от оригинала функциональными стилями литературного языка и своеобразной зависимостью от того или иного стиля. Этому мешает предоставленные в переводе «чужой» сюжет и «родные» языковые приемы, противоречащие друг с другом. А следствием является превалирующий национальный колорит.

Переводчик вынужден внести в перевод такие элементы, которые обращают его (перевод) в элемент родной культуры. Здесь необходимо сохранение меры в выборе впечатляющих лексических и других языковых

средств для лучшей передачи национального колорита. Это возможно для любого культурного языка.

Мастерство переводчика оценивается наилучшим образом тогда, когда существуют несколько переводов одного и того же текста. Например, на грузинском языке представлены два варианта перевода романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» переводчиками Г. Кикилашвили и М. Гелашвили. Между ними есть существенная разница, словно перевод касается не одного и того же произведения. Особенное впечатление производит перевод Г. Кикилашвили, который изобилует многообразными приемами и полнотой форм. Переводчик смог сохранить оригинальность стиля, лексических и грамматических форм, передачу содержания на должном уровне.

По существующему в научной литературе мнению, между оригиналом и переводом сегодня еще более непреодолимый барьер. Эмоциональное содержание оригинала, иррациональная сторона художественного слова не проявляется в новой языковой системе, поскольку становится невозможной сохранение идентичности сюжета и идеи, в двух разных языках. Переводчик не может передать идентичность художественного слова, поскольку явления, переданные на родном языке, даются нам в комплекте с той психологической, эмоциональной нагрузкой, которая представлена только в этом языке. Против этого мнения можно выдвинуть факты множества прекрасных переводов. Например, на русском языке существует несколько переводов «Витязя в тигровой шкуре». Среди них одним из лучших является перевод Ш. Нуцубидзе. Здесь же мы можем привести шедевр грузинской лирической поэзии Г. Табидзе «Ветер веет», отличающийся невероятным ритмом и мелодикой («Ветер веет, ветер веет, ветер веет, Листья разносит, развеет...»). Для грузинского читателя, возможно, немислима идея переноса этого текста на другой язык без утраты музыкальности эффекта. Это прекрасно было сохранено при переводе на французский язык. Мы думаем, кроме особенности языка

оригинала, большое значение имеет состав, природа языка, на который переводится текст.

Наибольший барьер между оригиналом и переводом прокладывают фразеологизмы. Считается, что фразеология – это та часть лексического фонда языка, которая не переводится слово в слово. Невозможность перевода объясняется тем, что составная часть фразеологизмов не всегда соответствует такой же составной части, количеству слов другого языка. Исходя из представленных в разных произведениях переводческих материалов, можно прийти к следующей точке зрения: перевод фразеологизмов возможен приблизительный и слово в слово, методом калькирования. В одном и том же языке возможны какие-либо соответствия. Например, грузинские выражения «тскалс накавс» («толочь воду»), «куди этсвис» («хвост горит») – это нереальные, невозможные действия, или: фразеологизмы одного языка можно передать по их смысловому значению в другом языке. Например, большой труд со всякими лишениями передается в грузинском языке выражением, означающим буквально «наступает на свои кишки», а в русском это выражение соответствует «из кожи вон лезет».

Также, в языках имеются авторские выражения или выражения, заимствованные из общего источника как: 1. библейские: умыть руки, седьмое небо, запретный плод, тернистый путь, 2. мифологические: ахиллесова пята, прокрустово ложе, 3. исторические и литературные: открытие Америки, Китайская стена, сражаться с ветряными мельницами. Есть случаи фразеологических калек: грузинские выражения «пехзе дадгма», «твалши эцема», «хели моитбо» - калькирование с русского: стать на ноги, бросается в глаза, руки нагреть....

Элементарным условием перевода фразеологизмов представляется то, что ясным должно быть их значение и мотивация (5, 109).

Конечно, идентичный перевод фразеологизмов практически невозможен. Примером этому может служить перевод романа известного

грузинского автора XX века Н.Думбадзе «Я вижу солнце...» на русский язык (переводчик З.Ахвледиани):

На грузинском: «Ра унда, Кето, ам бичс, ром мчамс цоцхлад?» (3, 218).

Выделенное выражение в грузинском означает ссору, выяснение отношений.

На русском: «Чего он грызет меня, Кето?» (2, 154);

На грузинском: «Квекнис кбаши чагвагдо» (3, 275). Это выражение означает «стать предметом разговоров», сплетен.

На русском: «...Опозорил меня перед честным народом, сделал меня посмешищем» (2, 205);

На грузинском: «Самхедро мастсавлебелс сисхлс вушробдит» (3,326). Это выражение означает донимать, мучать.

На русском: «Преподавателя военного дела мы изводили» (2, 246);

На грузинском: «Класши сичуме чамоварда». Это выражение означает буквально «настала тишина».

На русском: «В классе воцарилась тишина» (3, 176). В том же тексте, но другом абзаце эта же фраза переведена как «В классе наступила напряженная тишина» (2,204);

На грузинском: «Гамиткма сихарулит цас вецрет» (3,326) означает сильную радость, ликование.

На русском: «Нашей радости не было границ» (2,246).

Не является идентичной фраза «Сисхли гамекина дзаргвебши» (3,275), переданная на русском как «У меня потемнело в глазах» (2,205) вместо более точного варианта «Кровь остыла в жилах».

Можно привести еще немало примеров того, что перевод фразеологизмов – нелегкое дело, но возможно, что такой перевод должен носить разнообразный характер.

Как известно, существует два типа эквивалентности перевода с оригиналом: формальный и динамический. В первом случае переводчик

старается достичь максимальной точности формальной (языковой) и содержательной структуры оригинала. Иногда это делает перевод трудным для понимания; во втором случае переводчик пытается достичь эффекта эквивалентности. Это должно происходить с творческим отношением к делу и с учетом тех условий, о которых мы говорили выше.

Учитывание оригинальности языка при переводе – одна из гарантий максимальной точности стиля оригинала. Лучше совсем не переводить, чем переводить плохо, поскольку, как писал К. Чуковский, «Перевод – это автопортрет переводчика», а В. Третьяков говорил: «Переводчик от творца только именем рознится».

The article deals with the characteristics of the translation language. Considering the latter it plays an important role in mastering translator's skills. Fiction described in the text depends on translator's skill and experience. The traditions, customs and taste of the people whose native language is used for the translation of the text must be taken into account.

Translator must analyze the characteristics of the original. That means the accurate use of lexical, grammatical (morphological- syntactical) and stylistic means.

There are numerous translations where the barrier between the original and the translated text is not noticed. To maintain the idea and content of the words of the two different languages is not inaccessible.

The barrier between original and translation is seen in translating phraseology. The article also deals with this problem. There are given examples according which we conclude that it is not easy to translate phraseologies, but not impossible.

Литература:

1. К. Данелия. Исследования по истории грузинского литературного языка. Том 1, Тбилиси, 1998 (на грузинском языке)
2. Н. Думбадзе. Романы. Тбилиси, 1989
3. Н. Думбадзе. Соб. соч. в 4 т., том 2, Тбилиси, 1989 (на груз. яз.)

4. Д.Панджикидзе. Теория и практика перевода. Тбилиси, 1988 (на груз. яз.)
5. А.Такаишвили. Вопросы грузинской фразеологии. Тбилиси, 1961 (на груз.яз.)
6. К.Чуковский. Высокое искусство. М, 1988

Сидорова М.А.
СибАДИ
г. Омск (Россия)

ПОРТРЕТ СПОРТСМЕНА В РОССИЙСКИХ СМИ: ФАКТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Объект нашего внимания – публицистический вариант речевого жанра (РЖ) «портрет человека». В данной работе мы анализируем одну из тематических вариаций данного жанра – портрет спортсмена. Причина обращения именно к ней – особый интерес современной лингвистики к спортивному дискурсу в его разнообразных проявлениях, что, в свою очередь, является следствием возросшего интереса российского общества к спортивной сфере. Материалом нашего исследования стали тексты как специализированных, так и универсальных СМИ: газет, журналов, спортивных сайтов (www.sport.ru, www.sportexpress.ru, www.skisport.ru, www.hawk.ru), а также программ матчей.

Цель работы – проанализировать фактическое содержание текстов и выявить преобладание тех или иных номинаций (прежде всего метафорических), семантических моделей при портретировании спортсмена в современных российских СМИ, соотнести полученные результаты с общими представлениями о человеке в русской языковой картине мира (ЯКМ).

Под фактическим мы понимаем диктумное содержание высказывания или, более широко, речевого жанра. Диктум – один из двух (наряду с модусом) макрокомпонентов смысловой организации

высказывания, комплекс его объективных смыслов, отрезок действительности, отраженный в тексте. При портретировании это человек со всеми своими признаками, частями, отношениями [1: 9-10; 2: 43-45; 8; 9: 11]. На диктумное содержание влияют такие факторы, как объект речи и адресат, а также стереотипные представления о человеке в русской ЯКМ; таким образом, диктум выступает как коммуникативно-ориентированная объективная содержательная характеристика портрета.

1. Рассмотрим наиболее характерные для изучаемого РЖ типы пропозиций и соответствующих им предикатов. При этом будем опираться на типологию пропозитивных структур, предложенную Н.Д. Арутюновой [5: 475] и представляющих их структурно-семантических моделей [6: 84-108].

Самой распространенной при портретировании человека в СМИ является модель качественной характеристики *X какой/каков*. В спортивном дискурсе она часто заменяется синонимичной моделью *X имеет что*: «он терпел, не дрался – чтобы удалениями не подводить партнеров. Хотя силищи у него ого-го, и врезать мог бы любому сопернику» (тренер С. Герсонский о А. Свитове, СЭ).

Процессуальная модель *X что делает (делал/сделал)* обозначает действие или состояние, в котором пребывает человек. В спортивной прессе она выражает динамику в описании объекта речи: его должности/статусе «Александр Асташев заменил в тренерском штабе Сергея Герсонского» (СГ, 18.01.08), физическом состоянии: «ветеран Чупин перенес микронадрыв задней поверхности бедра» (СЭ, 21.01.08). Кроме того, данная модель, а также ее отрицательная модификация *X что не делает* приобретает оценочное значение, выражая критическое отношение к объекту речи: «Федоров, безусловно, старается, но забить не может уже десять матчей» (СЭ, 21.01.08), «Маскаев не доминировал в начале поединка» (КП, 15.12.06).

Для портретирования спортсмена также характерно использование именной модели *X есть что/кто* при представлении спортсмена, его кратких биографических данных, а также при выделении специфических особенностей объекта речи: *«Знаменитый немец Свен Фишер в представлении не нуждается. Четырехкратный олимпийский чемпион, обладатель двух серебряных и двух бронзовых медалей Олимпийских игр. Шестикратный чемпион мира, обладатель четырех серебряных и семи бронзовых медалей. Двукратный обладатель Кубка мира. Думается, комментарии к такой коллекции титулов излишни»* (СЭ, 16.02.08), *«большинство ребят из нас профессионалы»* (СГ 18.01.08), *«Курьянов является завсегдаем национальной команды»* (СГ, там же).

Итак, для изображения спортсмена характерно изменение семантики некоторых пропозиционных моделей.

2. Чтобы выявить дополнительные смысловые особенности портретов в спортивном дискурсе, помимо анализа структурно-семантических моделей следует обратиться и к понятийному аппарату, предложенному в риторике. Для обозначения множества коммуникативно ориентированных смысловых отношений используется понятие **«топ»** (смысловой компонент, общее место): род – вид, определение, целое – часть, свойства, сопоставление и противопоставление, причина и следствие, обстоятельства, пример, имя [3: 149–183].

Портрет как репрезентация функционально-семантического типа «описание» чаще всего строится на основе смысловых моделей «род – вид», «целое – часть», «свойства», «сопоставление» и их сочетаниях [4: 85; 7: 64–65]. В публицистическом варианте РЖ «портрет человека» эти смысловые отношения представлены следующим образом: 1. «род – вид» – в описании человека как представителя социальной и профессиональной группы; 2. «целое – часть» – в описании группы людей, а также в использовании партитивов; 3. «свойства» – в выборе характеризующей доминанты или ипостаси человека: как «внешнего» –

«внутреннего», известного – неизвестного, обычного – необычного, реального – вымышленного (идеального), статичного – динамичного; 4. «сопоставление» – в выборе объекта и языковых средств со- или противопоставления.

1а. Профессиональная принадлежность: в данной части актуальны ролевые признаки спортсменов. Деление может происходить как по виду спорта (хоккей, футбол, баскетбол, теннис, бокс, биатлон, фигурное катание и др.), так и по функции (тренер – врач – спортсмен – судья – спортивный критик – комментатор).

1б. Апелляция к национальности используется для выражения патриотизма: «*В аэропорту чемпиона (О. Маскаева) встречали как национального героя*» (КП, 12.12.06). Однако спортсмен обычно воспринимает себя как гражданин мира: «*в немецкой команде появляется все больше футболистов, которые не являются этническими немцами*» (К, № 48, 2007), «*биатлонисты – одна семья*» (СЭ, 16.02.08).

2а. Портрет одного спортсмена – портрет группы (команды) репрезентирует оппозицию «свои – чужие»: «*По видеозаписям видно, насколько это активная команда. Нападающие нацелены на ворота, защитники очень хорошо двигаются. Ну и пан Вуйтек на то и пан, чтобы хитрости всякие придумывать*». Часто как малая группа характеризуется звено: «*А что касается молодежного звена в целом, то требовать от них невозможного никто не собирается. Начнут они забивать – хорошо. Но главная их задача – сыграть надежно и снизить нагрузку на лидеров команды*» (СГ. 18.01.08).

2б. Детализация актуальна прежде всего когда речь идет о травмах спортсменов и их физических параметрах: «*Валуев уникален размерами, но рядом с ним чувствую себя карликом*» (КП); часто используются номинации **партитивов** - «принадлежностей» спортсменов: шест в прыжках, лыжи и винтовка в биатлоне, клюшка в хоккее.

3а. Статичность – динамичность. Особую роль занимают описания спортсмена как человека **социального**, меняющего свой статус. Помимо собственно спортивной карьеры, в современных СМИ особое внимание уделяется семейному положению спортсмена (Буланова – Титов) и его хобби/бизнесу (М. Сушинский – бизнесмен, В. Кличко – бизнесмен и депутат, С. Журова, А. Кабаева, С. Хоркина – депутаты, С. Фишер, Д. Губерниев – комментаторы).

3б. Реальный – идеальный. Данный топ репрезентирует мнение не столько о самом человеке или команде в целом, сколько о его поведении, моральных качествах. С точки зрения данного аспекта выделяются несколько оппозиций: грубость и фэар-плей; деньги – честь; эгоизм – патриотизм.

3в. «Внешний» - «внутренний»: К описанию внешнего вида прибегают для выражения внутреннего состояния, силы воли, моральных качеств: *«Прогресс команды ярко отпечатывается на лице наставника омичей. Сейчас он – сама доброжелательность и уверенность в себе»* (СЭ, там же), *«Маскаев выделяется характером. После пяти поражений нокаутом его считали пробитым боксером, но он сумел стать чемпионом – такое мало кому удавалось»* (В. Кличко, КП, там же), *«Иногда чувствую, что физически готова, а внутри пусто, нет куража»*, *«Но каждый прыжок выше пяти метров – это, честно, маленький подвиг. Не физический, а психологический»* (Е. Исинбаева, КП, 9-16.08.07).

Итак, при предполагаемом и очевидном преобладании предикатов физической сферы, в изображении спортсменов активно используются предикаты моральной сферы.

3. Доминирующим качеством языковой репрезентации представления о человеке в СМИ является образность, находящая выражение в особенностях таких переносных номинаций, как прецедентные имена собственные, сравнение, метафора, метонимия.

Кроме того, выявлению стереотипов, заложенных при портретировании спортсмена, помогает анализ различных фразеологических единиц.

В спортивном дискурсе семантика антропоморфных метафор реализуется через использование прецедентных имен собственных: *«Но и Макклайн отнюдь не смотрится замухрышкой на фоне Гулливера с берегов Невы»* (о боксере Н. Валуеве, КП), *«можно назвать меня и Штирлицем»* (В. Кличко о его посещении боя между О. Маскаевым и П. Охелло, КП). Отмечены примеры использования языковой игры: *«На Евротуре ожидается лютый Морозов»* (о хоккеисте, КП, 13-20.12.07). Активно используются предметоморфные метафоры: *«Цыпленок по-киевски»* (о боксе, КП), о тренере Крикунове – *«непотопляемый»* (аллюзия с кораблем), *«соперник Маскаева оказался эдаким ванькой-встанькой – он никак не хотел пасть после ударов чудовищной силы, которые Олег обрушивал на его голову»* (КП, 12.12.2006), *«Но всякий раз вопреки обстоятельствам он восставал, как Феникс из пепла»* (о футболисте Роналдо, СЭ, 16.02.07).

При анализе данной модификации портрета была выявлена такая особенность, как частое использование общеизвестных фразеологизмов *«дыма без огня не бывает»*, *«но в любом случае, побеждать немцев можно. Не кремь»* (о футболе, К, № 48, 2007), *«Пока прыжки доставляют мне удовольствие. Честно, балдею иногда на этом самом седьмом небе»*, *«Я была на седьмом небе от счастья. На своем небе»* (Е. Исинбаева, КП, 9-16.08.07), *«не можем поймать нужную волну»*. Отмечено использование крылатых выражений, прецедентных текстов из сферы спорта: *«Не нужно играть лучше, нужно играть правильно»* (крылатая фраза одного из тренеров), *«Да, мы все попали в категорию игроков, «которых обменяли на Ягра»*.

Таким образом, все перечисленные выше особенности портретирования спортсмена в современных российских СМИ при сочетании дают следующие результаты: 1) в спортивном дискурсе изменяется функция некоторых семантических моделей, используются синонимические

пропозитивные структуры, отмечается наложение топических моделей; 2) спортсмен предстает как гражданин мира и одновременно патриот; человек, руководствующийся моральными принципами, но заботящийся о своей физической форме; готовый изменить свой социальный статус после ухода из «большого спорта», но остающийся верным его принципам.

Итак, с одной стороны, портретированию спортсмена свойственны признаки портрета как инварианта (преобладающие структурно-семантические и топические модели и типы метафор); с другой стороны, эти общие формы, модели и оппозиции приобретают специфическое содержание. Данные выводы дают основание говорить о существовании специфической содержательной модификации портрета – портрете спортсмена, со всеми особенностями ее фактического наполнения.

Среди перспектив данной работы выделим следующие: провести подобный анализ на основе материалов англоязычной прессы; включить в анализ материал сайтов спортивных клубов; выявить модусное содержание портретов спортсменов в российских СМИ; проанализировать подробнее языковое содержание других тематических типов портретов.

Сокращения: СЭ – «Спорт-экспресс», СГ – «Спортивная газета», КП – «Комсомольская правда».

Литература:

1. Арутюнова, Н.Д. Введение / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М., 1999.
2. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М., 1955.
3. Михальская, А.К. Основы риторики / А. К. Михальская. – М., 2001.
4. Основы общей риторики. – Барнаул, 2000.
5. Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М., 1996.
6. Семантические типы предикатов. – М., 1982.

7. Хамаганова, В.М. Структурно-семантические свойства актантного ядра описательного текста / В. М. Хамаганова // Актуальные проблемы текста. – Улан-Удэ, 2004.
8. Черемисина, М.И., Колосова, Т.А. Понятие о семантике синтаксических единиц/ М.И. Черемисина, Т.А. Колосова. Очерки по теории сложного предложения. – Новосибирск, 1987.
9. Шмелева, Т.В. субъективные моменты русского высказывания. Дисс. В виде научного доклада... доктора филологических наук / Т.В. Шмелева. – М., 1995.1995

Триандафилиди Т.М.
Университет Западной Македонии
г. Флорина (Греция)

ПРАВЫ И ОБЫЧАИ ГРЕКОВ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КОНЦА XIX И НАЧАЛА XX ВВ.

В отечественной традиции тема древней Греции и Византии с давних пор звучит во многих произведениях русских писателей. Борьба греческого народа за освобождение от османского ига, которая завершилась греческой революцией 1821 г., явилась следующим историческим отрезком, который привлек внимание русских писателей-филэллинов; тема русского филэллинизма отражена в работах многих ученых.

Нас же занимает образ грека (а именно жителя России¹) и его отражения в русской литературе. В данной работе мы ограничимся анализом русской литературы конца XIX в. и начала XX в. Подобных исследований, касающихся этой темы, мы не обнаружили как в греческой, так и в российской научной литературе.

---

¹ В целях сокращения под выражением «грек России» мы подразумеваем греков, проживающих на территории Российской Империи, впоследствии на территории советского и постсоветского пространства. Сюда входят греческие поселения черноморского побережья России, Украины, Абхазии, Аджарии.

Приступив к поиску образа грека-жителя России в русской литературе конца XIX и начала XX вв., мы обнаружили «русских» греков в произведениях таких писателей, как Владимир Шуф, Александр Куприн, Владимир Житков, Вера Инбер, Эдуард Багрицкий и др. Примечательно, что в этих произведениях грек/гречанка являются вовсе не эпизодическими персонажами, а главными персонажами произведений. Образ грека/гречанки встречается также во многих других произведениях этих же писателей, но и других, к примеру, таких как И. Бабель и К. Паустовский, но в этих произведениях грек/гречанка являются второстепенными персонажами. Но, несмотря на это, мы и здесь столкнулись с очень важными на наш взгляд, элементами, характеризующими греков.

В центре нашего доклада описания русских писателей о своеобразии греческого народа, о закономерной, с одной стороны, и загадочной – с другой, природе этого своеобразия, заключающего в себе тайну национального характера. В данной работе мы не ставим своей целью доказать или же опровергнуть существование понятия «национальный характер», сложность и противоречивость которого вызывает споры в области гуманитарных наук. Некоторые ученые считают, что национальный характер существует только лишь на бытовом, а не научном сознании, что всякое обобщение на уровне «типичных» черт народа условно и натянуто¹. Во время пребывания в чужой этнической среде укрепляется убеждение в том, что люди этой общности во многих отношениях сильно отличаются от нашей: об этом свидетельствуют черты их жизни и быта, порой даже внешний облик людей, их поведение и пр. У наблюдателя невольно возникает вопрос: случайны ли эти особенности и отличия, или они проистекают из одной общей и глубинной причины и коренятся в особой природе данного народа, его особом национальном

---

¹ Козлов В.И., Шепелев Г.В. Национальный характер и проблемы его исследования// Советская этнография, 1973, №2.

характере?¹ Так, к примеру, А. Куприн, описывая побережье Черного моря в «Гранатовом браслете», в качестве гостя/наблюдателя, сделал следующее замечание: «Обитатели пригородного морского курорта – большей частью греки и евреи, жизнелюбивые и мнительные, как все южане, - поспешно перебирались в город»². Чаще всего информантами такого рода являются иностранцы или «сторонние, воспитанные в иной среде наблюдатели» (каким является в данном случае А. Куприн), что вполне закономерно, поскольку они замечают то, что носителям обихода кажется привычным, обыденным и потому не представляющим интереса³.

Согласно собранному нами материалу, образ грека отражен в большинстве своем в произведениях либо «южных» писателей (к примеру, Владимир Житков, Вера Инбер, Эдуард Багрицкий, Константин Паустовский и др.), либо же писателями, посетившими или же переселившимися на какой-либо временной отрезок на южные побережья России (Владимир Шуф, Александр Куприн и др.), места постоянного жительства греческого населения России. Известно, что В. Шуф прожил большую часть своей жизни в Крыму, Куприн же прожил в Балаклаве около года и ознакомился с греческим населением этого рыбацкого поселка; в одном из своих писем Куприн писал, что в «Листригонах» он хотел описать нравы и обычаи балаклавских рыбаков.

Наряду со сходными наблюдениями и близкими оценками у русских писателей есть и существенные различия в восприятии грека/гречанки, что объясняется, с одной стороны, специфичностью их подходов, с другой – антиномичностью самих национальных характеров, сочетающих в себе, как правило, противоположные свойства.

Прежде всего, хочется заметить, что самой яркой отличительной чертой грека во всех этих произведениях является его тесная связь с морем. Любовь грека к морю ярко выражена в произведениях

---

¹ Тер-Минасова С.Г. Язык и национальный характер из юбилейного сборника Слово и текст в диалоге культур, Москва: МАПРЯЛ, 2000, с. 249.

² Куприн А.И. *Гранатовый браслет* в Собрание сочинений, т.3, Минск: Реликт, 1994, с. 134.

³ Кустова Л.С. Тайна национального характера, Москва: ИКАР, 2003, с. 40.

вышеуказанных русских писателей. В большинстве своем местом проживания греков-персонажей этих произведений является юг России, а именно приморские города Черного моря, такие как: Балаклава, Одесса, Феодосия, Севастополь, Ялта, Новороссийск, Сочи, Таганрог, Мариуполь, а также Батуми, Сухуми и др. Отразилось это и в выборе писателями названий своих произведений: «Листригоны» А. Куприна и «Баклан» В. Шуфа. У Куприна греки ассоциируются с потомками морских великанов, сожравших спутников Одиссея, а у Шуфа - с морской уткой, бакланом, при этом «Бакланом» именуют главного персонажа поэмы - грека моряка Анастаса, который даже ради любимой женщины, прекрасной гречанки Киры, не жертвует своей любовью к свободе и морю. Характерна внутренняя борьба героя: «Оставить море? – Никогда!»¹.

Рыболовный промысел и торговля являются в большинстве своем профессиональной занятостью греков во всех этих произведениях. Море, рыбацьи лодки и снасти, такие как «баркас», «фелюга», сети, а также торговые лавки и дома на набережной сопутствуют образу грека-торговца или же грека-рыбака в данных произведениях. Греки-рыбаки г. Балаклавы отражены в очерках «Листригоны» А. Куприна; греки-рыбаки, а также торговец Ставраки - в рассказе «Мая» Веры Инбер; грек-моряк Анастас и торговец Мавромихалис - в поэме «Баклан» у Владимира Шуфа; грек-рыбак Христо – в рассказе «Элчан-Кайя» Владимира Житкова; греки-рыбаки - в стихах Эдуарда Багрицкого; в рассказах К. Паустовского и т.д. При этом занятию рыболовным промыслом очень часто сопутствует и занятие греками контрабандной перевозкой рыбы, табака и других товаров².

Место же, где проводит свое свободное время грек, это обычно кофейня. Грек тесно связан с кофейней и это отражено во всех произведениях русских писателей, которые обратились в своих работах к

---

¹ Шуф, В. А. Баклан, <http://www.shuf.net/~nervana/lib/silverage/v-shuf/knigi.htm>

² Стереотип грека-«контрабандиста» в русской литературе XX в. рассмотрен в работе: Триандафилиди Т.&Папаиоанну З. «Οι αναλαραστάσεις του Έλληνα στη ρωσική λογοτεχνία» на Международной конференции «Семиотика и идеология», г. Флорина, Греция, 2007.

образу грека. В «Листригонах»: «... старые хитрые балаклавские листригоны сидели по кофейням, крутили самодельные папиросы, пили крепкий бобковый кофе с гущей, играли в домино...»¹. В рассказе «Гамбринус» где в Одессе «были греческие кофейни, где играли в домино и в шестьдесят шесть»². У В. Житкова в рассказе «Элчан-Кайя» где «топчется веселый народ на улице, в кофейнях посудой звякают, спорят греки за столиками. В кости играют, кофе пьют»³ и т.д.

Жилые помещения греков носят в себе элементы греческой архитектурной культуры: «Под кровлей бурой черепицы, Весь [дом] белый глиняный» или «[...] Белеют низкие дома»⁴.

Семейный уклад отличается консерватизмом, уважением к традиции, что ярче всего отражено в «Баклане» В.Шуфа и в «Листригонах» А.Куприна: «Балаклавские жены и дочери ведут замкнутый и целомудренный образ жизни, позволяя себе только одно невинное развлечение – посудачить с соседками у фонтана [...]. Даже свои, близкие мужчины как-то избегают ходить в гости в знакомые семьи, а предпочитают видеться в кофейне или на пристани»⁵. В таких же красках описывают семейный быт В.Шуф, В.Инбер и В.Житков. Косвенным «доказательством» консерватизма греков может служить тот факт, что в большинстве своем действующими лицами этих произведений являются греки/мужчины. В немногих же произведениях, где гречанка является действующим лицом, она обычно предстает в образе жены/матери/домохозяйки. В одном из своих рассказов лаконично и не без иронии представляет семейный уклад грека К. Паустовский, который начинает свой рассказ следующими строками: «Жизнь черноморского

---

¹ Куприн А.И. *Листригоны* в Собрание сочинений, т.5, Москва: Правда, 1982, с. 389.

² Куприн А.И. *Гамбринус* в Собрание сочинений, т.1, Минск: Реликт, 1994, с. 417.

³ Житков Б.С. *Элчан-Кайя* в «Джарылгач» Рассказы и повести, Ленинград: Детская лит-ра, 1980, http://az.lib.ru/z/zhitkow_b_s/text_0260.shtml

⁴ Шуф, В. А. Баклан, <http://www.shuf.net/~nervana/lib/silverage/v-shuf/knigi.htm>

⁵ Куприн А.И. *Листригоны* в Собрание сочинений, т.5, Москва: Правда, 1982, с. 403.

грека слагается из несложных вещей: чётков, фаршированного перца, торговли рыбой и лимонами, тучной жены и гамливых детей»¹.

А. Куприн и В. Шуф относятся к писателям, которые достаточно внимательно изучили обычаи и нравы греков. А. Куприн, к примеру, пишет: «положительно – это особая, исключительная порода греков, сохранившаяся главным образом потому, что их предки чуть не сотнями поколений родились, жили и умирали в своем городишке, заключая браки лишь между соседями»².

Представлена также и национальная греческая кухня в данных произведениях: «оливы», «рыба на шкаре», «фаршированный перец», к некоторым блюдам писатели дают пояснения: «улитки с рисом – любимое блюдо греков», «бекмез – фруктовый квас», и т.д. Традиция застолья также не обойдена стороной: «Пьют чашками, учтиво, с пожеланиями и непременно – чтобы все разом. Один подымает чашку и скажет: «станиясо» [за ваше здоровье], а другие отвечают: «си-ийя» [за здоровье]. [...] Кто-то на днях купил рыбацьи сапоги. Как же не вспрыснуть и не обмочить такую обновку? [...] Давайте пропьем их ...»³. Из отрывков следует, что с одной стороны греки сохранили многие свои национальные нравы и обычаи, а с другой стороны заметна подверженность некоторой ассимиляции, к примеру, такую известную сегодня нам как «русскую» традицию, такую как «обмочить и пропить обновку», писатель представляет как элемент присущий именно грекам.

Тема национальной музыки практически отсутствует в произведениях этого периода. Куприн, один из немногих, который затрагивает этот пласт культуры: «В Балаклаве греческих песен никто не знает: может быть, они давно позабыты ..... Поют русские южные рыбацьи песни ....»⁴. Судя по отрывку налицо явная утрата греками своей

¹ Паустовский К.Г. *Случай в меблированных комнатах «Зантэ»* в Блισταющие облака, <http://paustovskiy.niv.ru/paustovskiy/text/oblaka/oblaka.htm>

² Куприн А.И. *Листригоны* в Собрание сочинений, т.5, Москва: Правда, 1982, с. 395.

³ Куприн А.И. *Листригоны* в Собрание сочинений, т.5, Москва: Правда, 1982, с. 411.

⁴ Там же, с. 411.

национальной музыки. Согласно Куприну, в отличие от «русских» греков, малоазиатские греки, жители Турции, не потеряли связи со своей национальной музыкой: «Гамбринус» часто посещали малоазиатские греки «допголаки», которые приплывали в русские порты на рыбные промыслы. Они тоже заказывали Сашке свои восточные песни, состоящие из унылого, гнусавого однообразного воя на двух-трех нотах, и с мрачными лицами, с горящими глазами готовы были петь их по целым часам»¹. Куприн, как впрочем, и «многие другие наблюдатели не в состоянии воспринять и оценить греческую музыку, им она кажется гнусавой»². Что же касается греков «допголаков», то отражены они не только у Куприна, но и в произведениях В.Шуфа и В. Житкова: «Свистнул Христо тихонько пять раз и подползла к нему шлюпка. Черные греки-дангалаки сидят. Чернее ночи»³. Согласно Куприну, этот эпитет сопутствует лишь только тем грекам, которые проживали на территории Малой Азии, приплывавшим в русские порты на рыбные промыслы. Орфография слова передана Куприным неправильно, на самом деле это должно звучать как «дангалаки», а не «допголаки». И Владимир Шуф, в поэме «Баклан» делает сноску, в которой ошибочно информирует читателя, что под словом «дангалаки» именуют «носильщиков тяжестей». Этимологию слова «дангалаки» мы обнаружили в Греции; слово это находится и по сегодняшний день в энергетическом словарном запасе многих греков, в большинстве своем выходцев из Малой Азии. Слово «dangalak» заимствованно из турецкого языка и переводится как «неуравновешенный», «простофиля», «разиня». Заметного распространения и дальнейшего воспроизведения эпитет «дангалак» в русской литературе не получил, что скорее всего обусловлено историческими причинами, т.к. после полной советизации страны греки

---

¹ Куприн А.И. *Гамбринус* в Собрание сочинений, т.1, Минск: Реликт, 1994, с. 422.

² Βακαλόπουλος Αλ. Ο χαρακτήρας των Ελλήνων, Θεσσαλονίκη: Τρευνα, πορίσματα, διδάγματα, 1994, σ. 123.

³ Житков Б.С. *Элчан-Кайя* в «Джарылгач» Рассказы и повести, Ленинград: Детская лит-ра, 1980, http://az.lib.ru/z/zhitkow_b_s/text_0260.shtml

Малой Азии вряд ли сохранили возможность свободного доступа к южным побережьям России.

Согласно данным произведениям, основной пласт культуры – язык и религию - греки России сохранили. Часто писатели вкладывают в уста героев греческие выражения как «Кали мера» (добрый день), «филе» (обращение: друг) и т.д.. В данных произведениях доминируют традиционные греческие имена и фамилии, такие как Христо, Яни, Диаманто, Аглаия, Ставраки и т.д., но заметна и утрата некоторых традиционных греческих окончаний, например таких как –ос, -ис (Христос, Янис) и т.д. Отражены также и религиозные традиции греков в этих произведениях. А. Куприн подробно описывает празднование греками религиозного праздника Крещения: «Это было 6 января, в день Крещения Господня, - день, который справлялся в Балаклаве совсем особенным образом. <...> Был солнечный, прозрачный и холодный день; Молодые рыбаки в лодках были одеты только для приличия в одно исподнее белье, иные же были голы до пояса. "Во Иордане крещающуюся..." - тонко и фальшиво запел священник, и высоко поднятый крест заблестел в его руках белым металлом... Наступил самый серьезный момент. Молодые рыбаки стояли каждый на носу своего баркаса, все полураздетые, наклоняясь вперед в нетерпеливом ожидании»¹. После того как в третий раз поднялся крест над толпой и был брошен священником в море: «в тот же момент со всех баркасов с плеском и криками ринулись в воду вниз головами десятки крепких, мускулистых тел. [...] Позднее других вынырнул с крестом в руке молодой Яни Липиади»². Куприну крещенский обряд балаклавских греков кажется "полуспортивным, полурелигиозным" и видит он в нем отголоски далекой, еще дохристианской древности. В 1892 году, за пятнадцать лет до Куприна, обряд нашел отражение в стихотворной поэме Владимира Шуфа "Баклан". Тема крещенского обряда балаклавских греков и его отражения в русской литературе привлекла

¹ Куприн А.И. *Листригоны* в Собрание сочинений, т.5, Москва: Правда, 1982, с. 407.

² Там же, с. 407.

внимание многих российских исследователей. Г. Шалюгин пишет в одной из своих работ что «в неизменном виде, как свидетельствует передача Российского телевидения, обряд живет до сих пор у константинопольских греков»¹. Здесь мы бы хотели дополнить, что такая традиция празднования дня Крещения сохранилась не только у греков Константинополя как предполагает Г.Шалюгин, но и на всей территории современной Греции, и именно таким образом отмечается этот религиозный праздник во всех других точках мира, где проживают греки (Россия, Грузия, Армения, Австралия, Америка, Канада, Германия и т.д.). В произведениях А.Куприна образ грека представлен в большинстве своем в положительных красках, писатель с симпатией описывает греков-рыбаков: «Среди них, увидишь много рослых, сильных и самоуверенных фигур; попадаются правильные, благородные лица; нередко встречаются блондины и даже голубоглазые; балаклавцы не жадны, не услужливы, держатся с достоинством, в море отважны, хотя и без нелепого риска, хорошие товарищи и крепко исполняют данное слово»². Любопытство - следующая черта греков, на которую обращает свой взгляд писатель: «мальчишки принесли известие, что с моря завернул и идет к бухте какой-то пароход. Через несколько минут все коренное мужское население было на набережной. Известно, что грек – всегда грек и, значит, прежде всего любопытен. Надо сознаться, что греки-колонизаторы оставили в их душах самую свою типичную черту, которой они отличались еще при Перикле, - любопытство и страсть к новостям»³. В поэме «Баклан» Владимира Шуфа образ грека также представлен в положительных чертах, но и налицо антиномичность характера грека, представленная в образе «негативного героя» Стамати: «Вот ей навстречу грек Стамати/Попался. Ловок и

---

¹ Шалюгин Г. *Вокруг полуострова* в журнале «Берега Тавриды», №6, 2003, Симферополь: <http://nervana.net.ru/lib/silverage/v-shuf/about.htm>

² Куприн А.И. *Листригоны* в Собрание сочинений, т.5, Москва: Правда, 1982, с.395.

³ Там же, с. 395.

речист./ Он плутом слыл, и молвить кстати,/Был, говорят, контрабандист/»¹.

В данной работе мы постарались проследить, каковыми видятся русским писателям греки, их нравы и их обычаи, поскольку каждый этнос индивидуален, обладает только одному ему свойственными качествами, своим особым «стереотипом поведения». В большинстве своем мы опирались на произведения писателей досоветского периода (А.Куприн и В.Шуф). В следующих наших работах мы проследим за эволюцией образа грека в русской литературе советского периода: К.Паустовский, Э.Багрицкий, В.Житков, И.Бабель, В.Инбер и т.д. В произведениях последних отражен, в большинстве своем, «негативный стереотип» грека. Известно, что рождение стереотипа, преимущественно негативного, обусловлено историческими причинами, поэтому, при анализе национального стереотипа в художественной литературе необходимо учитывать время написания произведений. Притягивая во внимание исторического подтекста эпохи при анализе художественной литературы, в которой получил отражение национальный образ другого, может помочь выявить причину и время рождения негативного стереотипа.

Литература:

1. Βακαλόπουλος Αλ. Ο χαρακτήρας των Ελλήνων, Θεσσαλονίκη: Έρευνα, πορίσματα, διδάγματα, 1994.
2. Житков Б.С. Рассказы и повести, Ленинград, Детская литература, 1980: http://az.lib.ru/z/zhitkow_b_s/text_0260.shtml
3. Козлов В.И., Шепелев Г.В. Национальный характер и проблемы его исследования// Советская этнография, 1973, №2.
4. Куприн А.И. Собрание сочинений, т.3, Минск: Реликт, 1994.
5. Куприн А.И. Собрание сочинений, т.1, Минск: Реликт, 1994.

---

¹ Шуф, В. А. Баклан, <http://www.shuf.net/~nervana/lib/silverage/v-shuf/knigi.htm>

6. Куприн А.И. Собрание сочинений, т.5, Москва: Правда, 1982.
7. Кустова Л.С. Тайна национального характера, Москва: ИКАР, 2003.
8. Паустовский К.Г. *Случай в меблированных комнатах «Зантэ»* в Блистающие облака, <http://paustovskiy.niv.ru/paustovskiy/text/oblaka/oblaka.htm>
9. Тер-Минасова С.Г. *Язык и национальный характер* в Юбилейный сборник «Слово и текст в диалоге культур», Москва: МАПРЯЛ, 2000.
10. Шалюгин Г. *Вокруг полуострова* в журнале «Брега Тавриды», №6, 2003, Симферополь: <http://nervana.net.ru/lib/silverage/v-shuf/about.htm>
11. Шуф, В. А. Баклан: <http://www.shuf.net/~nervana/lib/silverage/v-shuf/knigi.htm>

Уржа А.В.
МГУ имени М. В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

ПЕРВЫЙ ПЛАН И ФОН ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Понятия первого плана и фона, традиционно используемые в поэтике, семиотике, синтаксисе текста применительно к организации текстового времени и пространства, а также в связи с понятием точки зрения, могут быть использованы для системного исследования различий ряда вариантов перевода художественного произведения. Ранжирование информации является частью авторской стратегии, и в специфических коммуникативных условиях возникновения переводов и сама информация, и средства ее организации претерпевают изменения: порой на первый план выходят другие герои, события, характеристики. Семантико-синтаксические эффекты интерпретации языковых средств, организующих информацию в области первого плана и фона произведения, могут быть охарактеризованы с опорой на представления о стереоскопичности текста, разработанные отечественными и зарубежными исследователями.

Современная теория 'foregrounding / backgrounding', с ее «шкалой выпуклости» (или выделенности – 'the Saliency Hierarchy'), которая описывает текстовые потенции, свойственные компонентам с различными семантико-грамматическими характеристиками (Chvany 1984; 1990), формирует такие оппозиции как совершенный – несовершенный вид, личная – неличная форма глагола, предикаты главного и придаточного предложения, элементы диалога и повествования, отрицание и утверждение и т.д. Рассмотрим некоторые из них подробнее, соотнося теоретические положения с результатами анализа вариантов русского перевода прозаических произведений Э. По и О. Уайльда.

1. Представление о различиях *текстовых функций видо-временных форм* русского глагола, соотношение которых в традиционном нарративном тексте «создает пространственно-временную объемность, стереоскопичность текста, связь переднего плана сюжетной динамики со вторым планом параллельных действий, с описательно-статическим фоном» (Коммуникативная грамматика 1998, 28), восходит к работам В. В. Виноградова. Виноградов отмечал, что "...формы глаголов прошедшего времени совершенного вида ... наиболее насыщены повествовательным динамизмом. Они обозначают перелом процесса в направлении к результату действия и наличие этого результата" и двигают сюжет от завязки к развязке, тогда как формы несовершенного вида прошедшего времени, обозначающие протяженные или повторяющиеся действия, «создают пространственную перспективу в повествовании, намечают в свободных контурах широкий план прошлого, ... располагаются сами и располагают вещи в одной временной плоскости.» (Виноградов 1980 (1936), 211) Наблюдения Виноградова были сделаны на материале русской классической прозы (впервые они появились в работе «Стиль «Пиковой дамы» в 1936 году). Зарубежные исследователи, обратившись к прозе А. Чехова, отметили, что доминирование «перфективной» модели с последовательностью глаголов СВ, составляющих первый план (figure)

произведения, на фоне (grounding) описательного и объясняющего материала, выраженного глаголами НВ, побудило писателей во второй половине XIX в. к поиску новых, экспериментальных языковых приемов. Петер Йенсен охарактеризовал «имперфективный» тип прозы, представленный в «Скучной истории» и некоторых других рассказах А. Чехова (Jensen 1990, 385). Действия главного героя «Скучной истории» на протяжении многих дней и лет изложены исключительно в форме несовершенного вида. Здесь по сути нет классической наррации, нет «истории». Герой сопоставляет два состояния, два образа жизни – «теперь» и «прежде», но не может определить, когда и как произошли в ней кардинальные изменения. На первом плане – рутинное, дрящееся и повторяющееся, невыносимое настоящее. В области фона – история приемной дочери Кати, организованная по законам классического повествования. Крайне важно отметить, что информация организована так в рамках точки зрения я главного героя – читатель видит мир его глазами. Подробные характеристики текстовых функций глаголов (и шире – предикатов), в частности перфективной и имперфективной (названных так вслед за В. В. Виноградовым), были изложены в «Коммуникативной грамматике русского языка» (1998, 27).

Обращаясь к материалу русских переводов произведений Э. По и О. Уайльда, рассмотрим, как выбор переводчиком видовой формы глагола (в случаях, где грамматика оригинала дает возможность такого выбора) влияет на формирование первого плана и фона в воссозданном произведении. (Интерпретируя значение глагольных форм оригинала, автор исследования опирается на данные словарей и справочников времени создания произведений, сопоставляя их со справочной литературой времени перевода, а также на исследования по грамматике и сравнительной типологии двух языков, см. (Уржа, 2002).

В случае, если возможны различные толкования характера действия, обозначенного глагольной формой (например, Past Simple), определяющей

при переводе становится не только интерпретация семантики оригинальной лексики и ее окружения, но и учет роли обозначенного предикатом события в авторской композиции текста. Рассмотрим примеры из переводов рассказа Эдгара По «Овальный портрет»:

<p>And when many weeks had passed, and but little remained to do, save one brush upon the mouth and one tint upon the eye, the spirit of the lady again <i>flickered up</i> as the flame within the socket of the lamp. And then the brush was given, and then the tint was placed.</p>	<p>И когда прошло много недель, и оставалось только довершить картину, тронув кистью рот и глаза, дух молодой женщины снова <i>вспыхнул</i>, как пламя угасающей лампы. И вот, последний мазок был сделан, последний штрих положен... (аноним., изд. И. Д. Сытина)</p>	<p>И когда протекло много недель и оставалось только прибавить черточку около рта и блик в глазу, дыхание жизни в молодой женщине <i>трепетало</i> еще, как пламя в горелке угасающей лампы. И вот черточка была нанесена на полотно, блик был брошен... (В. И. Т.)</p>
	<p>Ср. ...душа этой женщины вновь <i>вспыхнула</i>, как угасающий светильник, догоревший до конца... (К. Д. Бальмонт)</p>	<p>Ср. ...и жизнь ее еще <i>теплилась</i> подобно огоньку в потухающей лампаде... (аноним., изд. В. Н. Маракуева)</p>

В оригинале глагол *flickered up* имеет форму Past Simple. Приведенный отрывок предваряет кульминацию рассказа о том, как гениальный художник воплотил в изображении живую красоту своей возлюбленной. После того, как последний штрих будет положен, он

обернется и увидит, что девушка мертва. Учитывая, что речь идет о сюжетно значимой, последней перемене в состоянии героини рассказа, шесть из восьми переводчиков «Овального портрета» интерпретировали функцию предиката как перфективную (см. центральный столбец примеров). Создатели других вариантов (см. правый столбец) обратили внимание на лексическое значение самого глагола *flicker* – мерцать и присвоили предикату в русском переводе имперфективную функцию, фоновую по отношению к следующему сюжетному действию – завершению портрета художником: «И вот черточка была нанесена на полотно, блик был брошен...» (В. И. Т.) Переводя *again* как «еще», они усилили намек на скорую смерть героини. Таким образом, в мистической истории овального портрета оказалось возможным сделать акцент на драматической смерти девушки, отдавшей красоту и жизнь «ненасытному» искусству, либо на создании самой картины. Интересно, что в авторском замысле эти мотивы также конкурировали (первоначальное название рассказа было 'Life in death').

Следующие примеры взяты из переводов «Овального портрета» и «Рукописи, найденной в бутылке» Э. По:

In these paintings, which depended from the walls not only in their main surfaces, but in very many nooks...—in these paintings my incipient delirium, perhaps, <i>had caused me to take deep interest.</i>	К этим картинам, висевшим не только на стенах, но и в бесконечных уголках и нишах,... я <i>испытывал</i> глубокий <i>интерес</i> , вызванный, быть может, начинающимся у меня жаром. (В. Рогов)	Я страшно <i>заинтересовался</i> , (может быть причиной этого был начинавшийся бред), этими картинами, украшавшими не только главные стены, но и целую массу закоулков. (В.И.Т.)
My notice was soon afterwards attracted by	Вскоре затем мое внимание привлек	Вскоре после этого мое внимание было

the dusky-red appearance of the moon, and the peculiar character of the sea. The latter was undergoing a rapid change, and the water seemed more than usually transparent.	багровый цвет луны и совсем особый характер моря. С этим последним происходили какие-то быстрые перемены, а вода казалась необычайно прозрачной. (Ф. Широков)	обращено на грязно-красный вид месяца и необычное состояние моря. Это последнее как-то быстро изменилось и вода сразу стала прозрачнее, чем обыкновенно. (В.ин.л.)
--	--	--

Выбор переводчика основывается на его восприятии функции выделенных предикатов в текстовой композиции. События, о которых идет речь, предвещают перемену в ходе действия: среди картин герой найдет удивительный портрет, а изменение цвета воды окажется для путешественника провозвестником страшной бури и кораблекрушения. Поэтому перфективная функция выделяет данные события, указывает на их важность в развитии сюжета, тогда как имперфективная функция до времени скрывает этот намек.

Интерпретация действия как итеративного или неитеративного позволяет переводчикам «Счастливого принца» О. Уайльда либо представлять читателю общую характеристику равнодушных жителей города (форма НВ), либо «выхватывать» отдельные сцены из их жизни, показывая их «крупным планом» (СВ), ср.:

'Why can't you be like the Happy Prince?' asked a sensible mother of her little boy who was crying for the moon. 'The Happy Prince never dreams of crying for anything.'	«Почему ты не берешь пример со счастливого принца?— спросила разумная мать своего мальчугана, который плакал о том, что не мог достать луны. Счастливый Принц	«Вот с кого надо брать пример! - говорили молодые мамы своим детям. - Счастливый Принц никогда не плачет». (Сергеев, Нуждин)
--	---	--

	никогда ни о чем не плачет». (К-кий)	
--	--------------------------------------	--

Иногда даже в тех случаях, когда функция глагольной формы однозначно определена автором, переводчики отступают от оригинала, воплощая в тексте свое представление о важности события:

...just after your majesty <i>had struck</i> the girl... and while the parrot <i>was making</i> that odd noise..., there <i>came</i> into my mind a capital diversion.	... сейчас же после того, как ваше величество <i>ударили</i> молодую девушку..., когда попугай <i>производил</i> странный шум около окна, мне <i>пришла в голову</i> одна забава. (аноним, В.ин.л.)	...сейчас же после того, как ваше величество <i>ударили</i> девушку... и в ту самую минуту, когда попугай так странно <i>заскрежетал</i> клювом..., мне <i>вспомнилась</i> чудесная забава... (М. Энгельгардт)
--	---	--

Действия персонажей в этом отрывке из рассказа Э. По «'Hop-Frog'» накладываются друг на друга, и выбор формы вида второго глагола не меняет кардинально временных характеристик ситуации. Однако он меняет тактическое построение отрывка. В первом варианте перевода (как и в оригинале) последовательность форм выражает намерения говорящего (карлика), который прослеживает связь между выходкой короля и своей чудесной выдумкой, а «странный шум» попугая интерпретирует как фон этих событий. Однако переводчик, уже прочитавший текст до конца, знает, что это сам карлик заскрежетал зубами от негодования, когда король ударил маленькую танцовщицу; именно это бешеное негодование вызвало мысль о мести, которую карлик выдал за «чудесную забаву». С этой точки зрения второй предикат никак не является фоновым, он – связующее звено в движении сюжета к развязке. Это позволяет объяснить, почему четыре из семи переводчиков отклонились от оригинала и выбрали для глагола форму СВ.

2. Сопоставляя *композиционные потенции личных и неличных форм глагола* и отмечая, что вторые тяготеют к оформлению фоновой информации, создатель концепции «the Saliency Hierarchy» Кэтрин Чвани приводит интересный пример. В рассказе А. Чехова «Спать хочется» главное событие сюжета оформлено при помощи деепричастия: «Задушив его, она быстро ложится на пол...», поскольку для обезумевшей от бессонницы девочки (с точки зрения которой представлены события) сон значительно важнее совершенного ею убийства. (Chvany, 1984) Рассмотрим некоторые случаи расхождения вариантов перевода в выборе личной / неличной формы.

Hereupon the dwarf laughed.. and displayed a set of large, powerful, and very repulsive teeth.	Тут карлик захохотал..., причем обнаружил два ряда широких, сильных и безобразных зубов. (К. Бальмонт)	Тут карлик <i>рассмеялся...</i> , обнаружив ряд огромных, сильных и безобразных зубов. (М. Энгельгардт)
Hop-Frog and a young girl... had been ...sent as presents to the king, by one of his ever-victorious generals.	Прыг-Скок и юная девушка... были посланы в дар королю одним из его неизменно победоносных полководцев. (В. Рогов)	Гоп-Фрог, вместе с одной молодой девушкой... были посланы, в качестве подарка, королю, одним из тех генералов, <i>которые всегда побеждают</i> . (К. Бальмонт)

В приведенных случаях оригинал не допускает двойного толкования. В вариантах перевода каждого отрывка сохранено и временное соотношение предикатов, и их текстовые функции. Тем не менее налицо ситуация выбора формы в переводе, и подобных примеров очень много. Почему она возникает? Смех карлика следует сразу за его фразой о попугае (см. выше). Этот смех можно расценивать как основное, причем

целенаправленное действие (таким образом шут утихомиривает гнев короля), а замечание о его зубах – как сопроводительную ремарку, комментарий. Это и отражено во втором варианте перевода. Однако в оригинале и в близком к нему первом переводе эти два действия предстают «на равных»: лицемерный смех героя соседствует со страшным символом мести (в минуту обиды и в миг смерти короля карлик скрежещет зубами), автор дает читателю подсказку, намекая на источник «странного» звука, о котором гадают придворные. Во втором примере прилагательное *victorious* (победный, победоносный) представляет собой полупредикативный элемент предложения с определяющим его наречием *ever* (всегда). Эта характеристика королевских генералов передает горькую иронию автора: они «неизменно победоносны» именно потому, что «побеждают» детей и калек. Но благодаря выбранной синтаксической конструкции предложения авторское замечание выглядит как сказанное мимоходом, его позиция скрыта за личиной «объективного» повествователя (см. перевод В. Рогова). В варианте К. Бальмонта полупредикативный элемент «прояснен» в виде придаточного предложения, где соответствующее действие выражено формой глагола со значением настоящего расширенного времени. Комментарий повествователя получает выраженное обобщающее значение. Внимание читателя к нему привлекает также указательное местоимение «тех» и завершающее положение придаточного в общей конструкции. В результате намек автора, разгаданный переводчиком, превращается в открытое заявление, образ повествователя становится более «пристрастным». Общий смысл предложения сохранен, но композиционный прием претерпел изменения.

3. Рассмотрим еще один вариант интерпретации того же отрывка из рассказа 'Hop-Frog' в плане *способа обозначения действующего субъекта*: «Скакуна и еще одну молоденькую девушку... *один из победоносных королевских полководцев* насильно увез из дому... и прислал

в подарок королю» (изд. И. Д. Сытина). Если перевод при помощи страдательной конструкции, калькирующий оригинал (см. варианты В. Рогова и К. Бальмонта), утяжеляет стиль повествования, то выбор действительного залога изменяет авторский прием: “на первый план” выдвигается третьестепенный персонаж. А ведь действия “одного из генералов” (который больше в рассказе не появится) - лишь элемент истории главного героя, ее подробность. Найти универсальное решение в этом случае затруднительно, поскольку пассивные конструкции многочисленны в сказках О. Уайльда, а в рассказах Э. По они подчас превышают активные по количеству, составляя одну из особенностей авторской манеры.

Итак, оформление текстовой информации в области первого плана или фона в переводном произведении определяется совокупностью факторов, среди которых можно отметить многозначность/однозначность языковой конструкции оригинала, композиционные, семантические, стилистические потенции средств, которые могут реализовать ее в языке перевода, а также возможность различной интерпретации авторского замысла переводчиком (освещения событий в рамках разных точек зрения, акцентирования разных событий как более важных). Исследование оппозиций, выделенных в концепции «the Saliency Hierarchy», на материале переводов будет продолжено.

В заключение отметим, что выбранный подход позволяет также прокомментировать обнаруженные в ходе анализа маргинальные случаи искажения семантики оригинала, которые невозможно объяснить ни проблемами языкового характера, ни «сотворчеством» переводчика. Сравним варианты:

<p>"Well," said the Linnet, <i>hopping now on one leg and</i></p>	<p>«Дальше, - сказала Коноплянка, <i>перескакивая с одной ножки на другую, -</i> как только прошла зима...</p>	<p>«Ну, - сказала Коноплянка, <i>перепрыгивая с одной ветки на другую, - как</i> только прошла зима,..</p>
---	--	--

<i>now on the other, "as soon as the winter was over, the Miller said to his wife...</i>	Мельник объявил своей жене...» (Т. и С.Бертенсон) Ср. «Ну так вот, - сказала Коноплянка, прыгая то на одной ножке, то на другой...» (Т. Габбе)	Мельник сказал своей жене...» (М. Ликиардопуло) Ср. «Ну, - сказала Коноплянка, прыгая то на одну ветку, то на другую...» (А. Соколова)
--	---	--

В подлиннике сказки О. Уайльда «Преданный друг» рассказчица Коноплянка разминает ножки, готовясь продолжать повествование, и это незначительное действие оформлено при помощи оборота с неличной формой глагола. Некоторые переводчики перепутали «ножки» с «ветками». Внимание переводчика, сконцентрированное на основных событиях сюжета, порой пропускает неточности в интерпретации элементов «фона», деталей, сопровождающих повествование. Интересно, что такие детали остаются **незаметными и для читателя** при быстром, поверхностном прочтении перевода, поскольку не играют роли в развитии действия.

Разнообразным изменениям подвергся отрывок из рассказа Э. По «Береника», где описан кульминационный момент сюжета – осознание героем совершенного им преступления:

He (the menial) pointed to garments; - they were muddy and clotted with gore. <i>I spoke not,</i> and he took me gently by the hand: it was indented with the impress of	Он (слуга) указал на мое платье; оно было обрызгано грязью и запачкано густой запекшейся кровью. <i>Я не говорил ни слова,</i> и он тихонько взял меня за руку; на ней были вдавленные следы человеческих ногтей. (К. Бальмонт)
	Он (слуга) взглянул на мою одежду; она была выпачкана грязью и кровью. <i>Не говоря ни слова, он</i> взял меня за руку; на ней оказались следы от ногтей человеческих. (изд. И. Д. Сытина)

human nails.	Он (слуга) указал мне на мою одежду, которая была покрыта грязью. Я ничего не ответил и он, <i>продолжая говорить</i> , взял меня за руку; на ней были следы человеческих ногтей. (В. ин.л.)
--------------	--

Если в оригинальном тексте молчит потрясенный и подавленный герой, умственное расстройство которого стерло в его памяти сам факт убийства Береники, то в издании И. Д. Сытина переводчик ошибочно приписывает это молчание слуге. В варианте в «Вестнике иностранной литературы» сделано добавление: слуга, напротив, говорит что-то, но герой, оглушенный ужасом, не слышит его слов. Важно, однако, отметить, что отступления переводчиков в данном случае удачно согласуются с авторским изображением шокового состояния героя, соответствуют настроению отрывка. Поэтому они не бросаются в глаза, выявляются лишь при внимательном сопоставлении текстов.

Расхождения подобного рода многочисленны. В некоторых переводах «Соловья и розы» О. Уайльда дочь профессора объясняется со студентом не наматывая, а разматывая клубок шелка, Ласточка в сказке «Счастливый принц» вспоминает, как жила на реке «прошлой зимой», а не летом (а ведь в «северной Европе», где происходит действие рассказа, это невозможно), вскользь упомянутый цвет волос юноши-писателя ('brown') называется то русым, то черным; король в рассказе Э. По выплескивает в лицо Триппетте не полный кубок вина, а «остаток вина из кубка» и т.д. Немотивированным искажениям подвергаются по большей части элементы семантико-синтаксического «фона»: атрибуты, предикаты в форме девербативов, деепричастий, а в личной форме предикаты в имперфективной текстовой функции, но не в перфективной. Интересно, что подобные «ошибки» ускользают от внимания многих читателей, и даже редакторов перевода, однако они могут составить познавательный материал для исследователей принципов семантико-синтаксической организации и интерпретации текста.

Литература

1. Chvany, Catherine V. Backgrounded Perfectives and Plot Line Imperfectives // The Scope of Slavic Aspect. M. S. Flier and A. H. Timberlake (eds.) Cambridge MA, 1984.
2. Chvany, Catherine V. Verbal Aspect, Discourse Saliency, and the So-called 'Perfect of Result' in Modern Russian / Nils Thelin (ed.), Verbal Aspect in Discourse. Amsterdam: John Benjamins, 1990
3. Jensen P. A. Narrative Description or Descriptive Narration: Problems of Aspectuality in Chechov. // Nils B. Thelin (ed.) Verbal Aspect in Discourse. Amsterdam. 1990.
4. Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» (1936). Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.
5. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М.-Л.: Учпедгиз. 1947
6. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: Изд. филолог. ф-та МГУ, 1998
7. Уржа А. В. Организация русского переводного художественного текста с позиций коммуникативной грамматики языка (на материале переводов рассказов Э. По и сказок О. Уайльда). АКД. М., 2002

The report contributes to investigation of linguistic means of foregrounding / backgrounding the information in a feature translation. The 'Saliency Hierarchy' of such means is applied to the comparative analysis of numerous translations of E. Poe's and O. Wilde's tales into Russian. Semantic effects of choosing different aspect forms, finite or non finite forms, active or passive constructions, etc. are in the focus of the study.

РЕАЛИИ ТУРЕЦКОЙ ЖИЗНИ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ (на материале романа Орхана Памука «Снег»)

Перевод художественного текста имеет традиционные проблемы, существующие вне зависимости от времени, места его создания или от национальной принадлежности автора. При переводе художественного текста переводчик всегда сталкивается с традиционными проблемами, которые существуют: это степень переводимости текста, содержательное наполнение и эстетико-художественная передача смысла, оригинальное и традиционное использование языка и т.д. С другой стороны, в переводе всегда свежа линия межкультурных соотношений, соответствий, при передаче которых часто используются метаязыковые стилистические приёмы.

При работе с художественным текстом особенно сложен перевод национальной специфики разного толка. Именно национальное представляет дух общества, то соединение разноплановых деталей, посредством которого люди становятся народом, имеющим свою историю и традиции. В каждом развитом языке достаточно средств, чтобы при переводе добиться максимально точного соответствия оригиналу. Поэтому, если такого не происходит, возникают вопросы к самому переводчику. Как известно, всегда существует проблема, что переводить: слова или смысл? По всей видимости, нельзя сделать однозначный выбор в пользу того или иного. Найти «золотую середину» -- вот истинное мастерство переводчика! В каждом по настоящему художественном тексте можно найти примеры, которые ставят переводчика перед дилеммой: или идти по пути формального перевода и при этом неизбежно утратить дух оригинала, или сохранить дух, но отойти при этом от некоторых семантико-стилистических особенностей языка автора, то есть следовать «завету» Гоголя, предлагавшему «отдаляться от слов подлинника нарочно для того, чтобы быть к нему ближе» (Влахов, Флорин, 1980, 5).

Турецкий писатель Нобелевский лауреат Орхан Памук стал известен в России задолго до получения им королевской награды. Его популярность среди разных слоёв русских читателей частично основана на мастерстве переводчиков. Сочный язык, прекрасное изображение турецкой истории и нынешних реалий – неотъемлемая часть достоинств романов и повестей. (Господин Джевдет и его сыновья, 2007 (Cevdet Bey ve Oğulları, 1982) Тихий дом, 2007 (Sessiz Ev, 1983) Белая крепость, 2004 (Beyaz Kale, 1985) Чёрная книга, 1999 (Kara Kitap, 1990) Новая жизнь, 2007 (Yeni Hayat, 1995) Меня зовут Красный, 2002 (Benim adım Kırmızı, 1998) Другие цвета, 2008 (Öteki Renkler, 1999) Снег, 2006 (Kar, 2002) Стамбул: воспоминания и город, 2006 (İstanbul: Natıralar ve Şehir, 2003)).

Роман «Снег» («Kar») переведён на русский язык А. Аврутиной в 2006 году. Следует отметить прекрасный перевод, позволивший в полной мере оценить и мастерство писателя, и справедливый выбор Нобелевского комитета в пользу Орхана Памука. Но именно национальная турецкая специфика, отображённая в романе простодушная провинциальность жителей Карса, некоторые семантико-стилистические особенности турецкого языка предлагают переводчику массу вариантов перевода. Ещё раз подчеркнём, что мы ни в коей мере не критикуем этот перевод, полагая, что сложность работы с текстами Памука является как бы гарантией того, что за их перевод возьмётся исключительно грамотный переводчик. В принципе, можно объяснить, почему в каких-то случаях выбран именно такой вариант перевода. Но нам как носителям турецкого и русского языков понятно, что русский читатель не сможет в полной мере воспринять турецкую действительность такой, как её изобразил Орхан Памук. И вина в этом не переводчика, а тех традиционных проблем перевода, о которых мы говорили вначале.

Известно, что носитель языка воспринимает текст на родном языке иначе, чем читатель перевода. Это происходит из-за того, что носитель языка обладает некоей суммой знаний (текстов), которые помогают ему

домысливать недосказанное автором. Некоторые детали произведения на родном читателю языке не требуют пояснения, комментария со стороны писателя, так как язык, национальная история, традиции народа объединяют читателя с автором. Для иностранного же читателя детали быта, народные традиции, элементы истории, некоторые языковые особенности (например, фразеология и пословицы как наиболее консервативная часть языка, сохраняющая отголоски старых полузабытых или забытых традиций, примет, исторических событий) предстают экзотикой, иногда требующей пояснения.

В своей переводческой практике переводчика мы неоднократно сталкивались с такими случаями и не всегда находили адекватный выход. К примеру, при переводе на турецкий язык повести И. А. Бунина «Деревня» некоторые детали быта из-за наличия лакун в турецком языке или исторические деяния, совершавшиеся в Российском обществе 19 века, просто невозможно было передать со стопроцентной точностью, не нарушив стилистику предложения. У Бунина читаем: «Деду Красовых удалось получить вольную». Как, не нарушая семантико-стилистической музыкальности фразы, передать турецкому читателю значение историзма «вольная»? В толковом словаре С. Ожегова находим: «В старину: документ, с которым крепостной отпускался помещиком на волю» (Ожегов, 1994, 92). Естественно, что вводить в текст повести какие-либо пояснения переводчик не в праве. Лучшее, что он может сделать – составить список примечаний, в которых необходимо разъяснять значение безэквивалентной лексики. Поэтому нам пришлось немного отойти от авторского текста, употребив слово «свобода»: «Krasovların dedesine özgürlüğe kavuşmak nasip oldu», то есть «Деду Красовых удалось получить свободу». Естественно, что такой вариант перевода не даёт турецкому читателю полного представления об общественно-политических процессах в России того времени.

В романе Орхана Памука «Снег» много мест, требующих такого пояснительного текста, который бы восполнил русскому читателю вполне естественное незнание национальной турецкой специфики. Так, в авторском тексте читаем: «...çayhaneye gidip gitmemek konusunda takıntılı işsizler» (с.18), а в переводе находим «...безработные, решавшие, идти в чайную или нет...» (с.22). Для русского читателя это сообщение ограничено рамками обычной бытовой ситуации. Турецкий читатель находит здесь нечто большее: для турков чайная -- это место, в которое ходят только мужчины, проводят там свободное время. Там они пьют чай, играют в карты, в «о'кей» (игра с разноцветными пронумерованными камешками), беседуют. Женщине не место в «чайхане». Это своего рода клуб «для избранных»: обычно туда ходят безработные.

В другом месте находим: «Çok doğru söylediniz hocam, elinizi öpeyim» (с.45), «Вы очень правильно сказали, учитель, хочу поцеловать вашу руку» (с.55). Обычай целовать руку распространён в турецком обществе повсеместно, но особенно в семьях с традиционным для Турции сильным религиозным укладом. Младшие целуют руку старшим (более всего это относится к отцу или старшему мужчине) с последующим прижатием её ко лбу. По своей сути этот турецкий обычай имеет мало общего со старым русским ритуалом целования руки, например, даме в знак преклонения перед её красотой, а уж по ролевым обязанностям – участию с обеих сторон мужчин, не находящихся между собой даже в родстве – различие полное.

Знаки религии как инструмента управления сознанием, как неперемennого атрибута членов турецкого общества можно найти, наверное, в любом художественном тексте на турецком языке. В Турции и в Османское время, и при светской власти, невзирая на отделение от государства, религия как семейная ценность, как традиция, передаваемая от поколения к поколению, играла в общественном укладе заметную роль. Странная для непосвящённого в турецкие реалии человека полемика

вокруг головного платка, развернувшаяся в этом году в Турции с особенной силой, имеет глубокие религиозные корни и отражает традиционные для страны представления о женщине и её месте в обществе. Орхан Памук, описывающий турецкий Восток с его консервативными взглядами на предназначение человека, не раз использует религиозную символику для описания черт характера персонажей и передачи деталей обстановки в Карсе. В романе читаем описание повесившейся «девушки с покрытой головой»: «Başörtüsü takmayı annesinden, ailesinden görmüştü belki kız, ama bunu siyasal İslam'ın bir simgesi olarak benimsemeyi okuldaki yasadışı yöneticilerle direnişçi arkadaşlarından öğrenmişti» (с.22). «Возможно, надевать платок она научилась у матери, в семье, но считать это неприкосновенным символом ислама она научилась у своих упрямых подруг и у институтского начальства, запрещавшего платок» (с.27). Далее идёт описание ситуации, приведшей к самоубийству, когда полиция не пускала эту девушку в институт, так как она отказывалась снять платок вопреки давлению со стороны родителей, и её грозили отчислить за непосещение. Переводчик, конечно, чувствовала необходимость пояснения некоторых не ясных для русского читателя бытовых ситуаций, поэтому вынуждена была прибегнуть в этом и в ряде других мест к сноскам, которые хоть как-то проясняли истинное положение вещей. Обратим внимание лишь на то, что обычаю надевать платок нужно учиться: это целый ритуал, которому следуют девушки из очень религиозных семей. У российского читателя может возникнуть параллель с полузабытой архаичной традицией русских женщин носить головные платки, прикрывая, таким образом, волосы от взглядов посторонних мужчин. Традиция уходит в прошлое, но она уже оставила языковой рефлекс в виде глагола «опростоволоситься»: толковые словари поясняют его как «совершить грубый промах», однако в старину это был не любой промах, а лишь неосторожное поведение женщины перед незнакомым мужчиной. (Сравните также глагол «распоясаться» --

«расстегнуть пояс», который ныне чаще используется в переносном значении «стать распущенным, утратить сдержанность»).

В Турции существуют и иные семиотические символы ислама, которые по сравнению с ношением платка можно оценить как крайне религиозные. В романе «Снег» есть упоминание о «чёрном чаршафе»: «*Вu eserde kara çarşaf içerisindeki bir genç kızımızın uyanışı ve sonunda başını açır sahnede çarşafını yakması anlatılıyordu*» demişti» (с.26). «В этом произведении рассказывалось о пробуждении нашей молодой девушки, носившей чёрный чаршаф, и о том, как она в конце снимает его с головы и сжигает», -- сказал он» (с. 32). Переводчик разумно не стала переводить слово «çarşaf», подав его русскому читателю в качестве экзотизма, но сделала сноску, пояснив, что «чаршаф» -- это мусульманский женский головной платок, закрывающий голову и нижнюю часть лица. Интересно, что далее в тексте мы встречаемся с «градацией по платку», характеризующей разную степень религиозности турецких женщин: «çarşaflılar, başörtülüler, türbanlılar» -- «А сейчас девушки в чаршафах, косынках, в повязках заполнили улицы Карса», -- добавил Музаффер-бей». Для турка понятие «чаршаф» является бóльшим, нежели простое обозначение детали одежды. Не случайно на сцене карсского театра разворачивается действие «просветительского шедевра» времён республики «Родина или чаршаф», но в новой трактовке «Родина или платок». Сама постановка такой альтернативы символизирует важность проблемы: общество раскололось между республиканскими идеями Ататюрка и исламизацией страны по образцу Ирана.

В романе есть описание неперемного атрибута любого мусульманина – совершения намаза и связанного с ним омовения. «*Teslime adlı kız... abdestini alıp, namazını kılıp...*» -- «... девушка по имени Теслиме... совершила омовение и намаз...» (с.27). Каждый мусульманин, совершающий намаз пять раз в день, тоекратно производит ритуал омовения рук, лица и ног перед намазом. В каждой мечети и даже вне

храмов можно найти специальные помещения для омовения и намаза: «abdest için» и «mescit». В старых турецких домах существовала даже отдельная комната для намаза, где хранился Коран на специальной подставке, и где можно было остаться наедине с Аллахом.

Особая роль в художественных произведениях отводится упоминаниям об исторических реалиях, известных каждому носителю языка. В романе «Снег» есть страницы, где Орхан Памук, с большой любовью и грустью рассказывая о своих соотечественниках, делает небольшие экскурсы в историю страны, отдельных её мест. Для русского читателя особенно интересны те страницы, где речь идёт о русском периоде города-крепости Карс, взятого царскими войсками в 1878 году во время русско-турецкой войны. Уклад пёстрого по разнообразию национальностей города (черкесы, грузины, курды, византийские греки, армяне, турки, азербайджанцы) вобрал в себя удивительную смесь восточного и западного колорита в архитектуре и градостроительстве. «В русский период, когда особняки пашей, находившиеся рядом с крепостью, в квартале Кале-ичи, бани и османские здания начали разрушаться, царские архитекторы в южной долине речушки Карс возвели новый город, который быстро богател и состоял из пяти параллельных друг другу улиц и одного проспекта, проложенных ровно, с гармонией, неизвестной ни в одном городе Востока. ... Турки, которые спустя сорок три года вновь захватили город, изменили этот царский план города и поселились здесь, а культуру, которую принесли в город цари, также присвоили, поскольку она сочеталась с республиканским энтузиазмом европеизации...» (с.30-31). Блестящий талант Памука и мастерство переводчика здесь нашли такие языковые средства выражения, что даже слабо осведомлённый в истории читатель с удивлением, но совершенно адекватно воспринимает смешение стилей жизни, вычурное переплетение различных культур.

Однако в другом случае для полноты картины нужна специальная подготовка или разъяснение: «Он прошёл по проспекту Ататюрка...; был

растроган,...что никто, кроме него, не замечает снега, падающего ... на лачуги... и на крепости, оставшиеся со времён Сельджуков...» (с.29). Если имя Мустафы Кемалья Ататюрка, основателя Турецкой республики, известно русскому читателю, хотя и без особых подробностей, то о сельджукских временах они имеют слабое представление. Турецкий же читатель, в основном, знает, что в X-XI веках существовавшее тогда в северо-западной части Средней Азии государство огузов постепенно ослабло и вступило в полосу упадка. Такие времена всегда заканчиваются восстаниями, в которые тогда были втянуты и вожди огузских племён среднего течения Сырдарьи и предгорий Каратау. Они возглавили группу племён, которые стали затем именоваться сельджуками. Своё название это объединение, состоявшее в основном из огузов и туркмен, получило по имени его предводителя Сельджука ибн Тугака. Без сомнения, в задачу переводчика не входят такого рода комментарии, но ведь мы говорим о глубине понимания текста Орхана Памука русским читателем, а её, этой глубины, без сопроводительного текста такого рода не достичь.

Курдский вопрос как политическое явление возник на Ближнем Востоке и проблема курдского экстремизма актуальна для Турции и по сей день. Однако многие европейские партнёры Турции критикуют её за нежелание предоставить курдам автономию. Интересно, что сам автор для номинации активных членов РПК использовал в тексте существительное «gerillalar», тогда как официальная пропаганда использует слова «terrörist», «ayrılma taraflısı» и «aşırı»: «террорист, сепаратист, экстремист». В этом слове, несомненно, отражаются воззрения самого Памука на курдскую проблему: очевидно, писатель, будучи против экстремизма РПК, но как человек широких взглядов против создания моноэтнического общества за счёт других наций, хотя в турецком контексте слово «gerillalar» имеет стилистически нейтральную окраску. Вот почему нам представляется неточным перевод этой лексемы словом «партизан», обладающим в русском одобрительной коннотацией. Вспомним по этому случаю, что

русская печать для обозначения чеченских сепаратистов использует не слово «партизан», а «боевик», у которого явно отрицательная окраска. В другом случае Ка, разговаривая с хозяином городской газеты, слышит: «Говорят, что в нашем городе находится известный исламский террорист Ладживерт...» (с.40). В оригинале использовано это же слово: «terörist».

Таким образом, выбор лексемы не только уточняет понятие, но и передаёт отношение автора или персонажа к данному понятию и предмету.

В заключение отметим, что, несмотря на объективные трудности перевода турецкой прозы, русский читатель романа «Снег» получил объёмное представление об одной из важных сторон турецкой действительности – психологической, духовной. И это самое главное достижение как Орхана Памука, так и автора русского перевода.

Литература

1. Orhan PAMUK Kar, İletişim, İstanbul, 2002
2. Влахов С., Флорин С., Непереводимое в переводе, Москва, 1980
3. Памук Орхан, Снег, Амфора, 2006

The article is focused on the main aspects of the translation into Russian of the novel "SNOW" written by the Nobel prize winner Orhan Pamuk and on its comprehension by Russian readers. The author analyzes some of the national features of the Turkish life, religion and traditions which can influence on the comprehension of the novel. The convincing examples given by the author of the article show the necessity of the special comments for helping the Russian readers to feel all the beauty of the novel and to understand better the present-day reality of the Turkish life. The extensive bibliography is included.

Шаброва Е. Н.
Вологодский государственный педагогический университет
г. Вологда (Россия)

ОТРАЖЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ДИАЛЕКТНОМ МОРФЕМНОМ СЛОВАРЕ¹ (на материале вологодских говоров)

Русский язык – это регионально сложное образование. Его диалектная специфика проявляется на всех уровнях языковой системы. Вместе с тем различные уровни русского *диалектного языка* (Аванесов 1965) изучены неодинаково. Наиболее активно исследуются те подсистемы языка, в которых представлены соответственные явления, релевантные для определения диалектных границ (фонетика, лексика, морфология). При этом внимание учёных мало привлекают явления тех языковых уровней, изучение которых не дает регулярных противопоставлений и не может быть непосредственно спроецировано на лингвистическую карту, хотя, безусловно, определяет региональную специфику национального языка. К числу таких уровней относится морфемика. В данной статье представлен опыт описания русской диалектной морфемики на базе одного из лингво-территориальных объединений русского языка (вологодской группы говоров северного наречия) посредством создания «Диалектного словаря строения слов» – первого в русской диалектологии регионального морфемного словаря.

«Диалектный словарь строения слов» создаётся на кафедре русского языка Вологодского государственного педагогического университета. Этот словарь объединяет поисковую систему, основанную на сегментации заголовочных слов регионального толкового «Словаря вологодских говоров», и опыт структурирования и описания диалектных корневых гнёзд и аффиксальных парадигм. Это уникальный лексикографический проект. Его ближайшие концептуальные аналоги – поисковая система «Ариадна», созданная на базе «Словаря морфем русского языка» (СМ 1987), и «Опыт диалектного гнездового словообразовательного словаря» Е.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых докторов наук, проект № 256.2007.6

М. Пантелеевой, представляющий строение и образование слов в среднеобских говорах (Опыт 1982).

Новизну исследования определяет как отсутствие в русской лексикографической практике региональных словарей данного типа, так и привлечение к его созданию новых компьютерных технологий. Этот словарь предполагает принципиально новый способ лексикографической репрезентации диалектных слов. С одной стороны, готовится текстовый словарь диалектных корневых гнезд и диалектных аффиксальных парадигм. С другой стороны, морфемный словарь будет иметь вид электронной поисковой системы, предполагающей различные варианты систематизации лексического материала: а) в алфавитном и обратном порядке слитно написанного слова, б) по заданной модели морфемного состава слова (PrPrRSF: *на/за/тян/а/ть, на/про/ки/ну/ть...*), в) по заданной морфеме или сочетанию морфем (PRку- и R-мек-: *ку/мек/а/ть, рас/ку/мек/а/ть, рас/ко/ку/мек/а/ть...*); г) по сопровождающей слово грамматической характеристике (собир: *детва, ребятё, сосняг...*). Создание такой поисковой системы значительно облегчает систематизацию лексического материала, а также определяет логику экспедиционного изучения морфемики вологодских говоров.

Анализ материалов вологодского словаря позволяет говорить о региональной специфике морфемной системы вологодских говоров как территориально маркированного варианта морфемики русского национального языка. Инвентарное своеобразие определяют диалектные морфемы: архаизмы (*кобэнить* ‘гнуть’, *кособэниться* ‘кривляться, ломаться’), новообразования (*пазгáть* ‘делать что-либо с силой, с особой интенсивностью’), локализмы (*староку́ла* ‘старая трава’, *áрандать* ‘смеяться’) – и местные варианты общерусских морфем (формальные: *будáть* ‘бодать’; семантические: *простóй* ‘пустой’). Отношения морфем в говорах показывают более разнообразную дистрибуцию корней и аффиксов (*обсти́гчи* ‘обогнать’, *па́парень* ‘глуповатый юноша,

недоросль'), сохранение свободной сочетаемости корней (*зóить* 'чистить' – ср.: *изгой*) и словообразовательной функции архаических аффиксов (*кумéкать* < *мéкать* 'соображать, размышлять'). В специфических морфемных сочетаниях реализуются общеязыковые типы семантических отношений морфем: наличие (*пазг/ну́ть* 'ударить, стукнуть') и отсутствие (*за/простáть* 'заполнить') семантического согласования. Всё это свидетельствует о единстве морфемной системы русского языка в его региональных вариантах.

Изучение морфемики вологодских говоров позволяет сделать предварительные выводы о динамическом характере морфемной системы русского диалектного языка. Динамические процессы морфемного уровня могут быть исследованы с позиций территориального варьирования и исторического развития русского языка (*макродинамика*), а также с точки зрения функционирования морфемных элементов и отношений внутри какой-либо частной диалектной системы на определенном этапе ее существования (*микродинамика*). Анализ данных процессов в системе вологодских говоров основан на отношениях структурной мотивированности внутри диалектных корневых гнезд и аффиксальных парадигм «Диалектного словаря строения слов».

Региональная макродинамика морфемной системы вологодских говоров проявляется в следующем.

1. В системе вологодских говоров многие общерусские морфемы имеют более отчетливую семантику и более широкую дистрибуцию, иначе говоря, являются более сильными в функциональном отношении, чем в литературном языке и некоторых русских говорах. Это подтверждает выводы об особой архаичности вологодских говоров, ранее сделанные на материале фонетики, лексики и морфологии говоров данной группы (Обнорский 1953; Паникаровская 1967; др.).

2. В вологодских говорах функционируют диалектные морфемы севернорусского ареала употребления, в том числе корни и аффиксы,

заимствованные в прошлом из финно-угорских и финно-пермских языков (Дубровина, Герд 1973; Мызников 2003; др.). Наблюдения показывают, что в современных вологодских говорах большинство этих элементов уже подверглось фразеологизации внутри морфемной структуры слова в отличие от тех же элементов в говорах зон активных межъязыковых контактов.

Временные изменения морфемной системы вологодских говоров касаются количества диалектных корневых гнезд и аффиксальных парадигм в этой системе, их лексического состава и структуры. Так, в сравнении с данными начала XX века, сокращается лексический объем многих гнезд и парадигм, основу которых составляют диалектные морфемы, в соответствии с этим меняется характер взаимодействия однокоренных и одноструктурных слов. Это связано с изменением условий функционирования территориальных диалектов, влиянием на них литературного языка и других форм русского национального языка (Коготкова 1973; Осовецкий 1982; др.).

Микродинамика морфемной системы вологодских говоров определяется особенностями функционирования слов в устной речи диалектного типа: большей подвижностью формально-семантических границ слова и его составных частей (морфем, основ), а также повышенной экспрессивностью слова в устной речи и наличием в нем особых морфем, маркирующих экспрессивность (Матвеева 1979; Лукьянова 1986; др.).

Материалы «Диалектного словаря строения слов» позволяют сделать вывод о том, что в морфемной системе вологодских говоров действуют общезыковые факторы внешнего и внутреннего морфемообразования, вместе с тем «ракурс» действия этих факторов и их результаты существенно отличаются от литературного языка.

«Внешнее» морфемообразование – это результат грамматической ассимиляции слов из других языков. Причем для говора она может быть непосредственной и опосредованной (через литературный язык или другие

диалектные системы). Так, например, вологодские говоры, носители которых в прошлом активно взаимодействовали с неславянским населением (Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров 1970), приобрели морфемы финно-угорского и финно-пермского происхождения (*вя'ньгать* 'плакать', *áрандать* 'смеяться, хохотать', *мянда́к* 'сосновый лес', *рóбандить* 'стучать' и др.). Вместе с тем активность большинства таких морфем в современных вологодских говорах невысока. Они либо формируют немногочисленные аффиксальные парадигмы слов со связанными основами (*áр/áнд/ать*, *заáр/анд/ать*, *поáр/анд/ать*, *гур/у́нд/ать*, *кол/онд/áть*, *ты'р/анд/ать*, *рóб/анд/ить*), выделяясь на фоне однокоренных образований сходной семантики (*áркать* – *áрандать*, *гуркать* – *гурúндать*), либо являются вершинами немногочисленных диалектных корневых гнезд: *мя'нда́* 'сосна; сосновый лес; лес плохого качества; неплотный, рыхлый слой древесины; болото' → а) *мянд/óв/ый* 'сосновый; имеющий неплотную древесину', б) *мянд/áк* 'лес, растущий на болоте' → *мяндач/óк* 'молодой сосновый лес'; возм. *о/мянда́ч/и/ть* 'съесть' (СВГ 5, 16 – 17; 6, 61) – ср.: фин. *mänty*, вепск. *mänd* 'сосна' (Мызников 2003, 92 – 112).

Другой процесс внешнего образования, широко представленный в вологодских говорах, – ассимиляция морфемной структуры заимствованных слов, пришедших в диалектную систему через литературный язык. Результатом этой ассимиляции являются фонетико-грамматические трансформации, отражающие поиск новых мотивационных связей (*спинжа́к* – ср.: *спина*, *фа́ртка* – ср.: *фартук*, *куртка*), стремление вписать слово в словоизменительную систему говора (*пальто́* – *пóльта*, *пóльтами*, ср.: *село́* – *сёла*, *сёлами*), экспрессивно-шутливое выделение слова в речи (*лепестри́ческий* 'электрический', *промайóрить* 'прозевать') и др. (Курышева 1989). О полной ассимиляции таких слов свидетельствуют усложнение основы (*пальт/ó*, *пальт/óм*), расширение состава корневых морфов (*пальто́* / *пóльта* / *полупали́тка*),

детализация семантики корня (*пальтушка* '1) пальто; 2) короткая верхняя одежда, полупальто; 3) куртка; 4) утеплённая кофта; 5) кофта из тонкой материи, блузка': *Пальтушки – кумачовые кофты с подкладкой из кудели. Она одела пальтушку под пальто. Мне на праздник дочь помазейную пальтушку подарила* (СВГ 7, 4)), образование большого корневого гнезда с активными словообразовательными связями: *пальто* → *пальто́вье*, *пальту́ха*, *пальту́шка*, *полупальта́*, *полупалитка*, *полупальтёнок*, *беспольтый* и др.

В противоположность «внешнему» морфемообразованию в говорах происходит собственное, «внутреннее» образование новых морфем. В результате диалектная система приобретает диалектные морфы общерусских морфем (*будать*, *будысаться*, *буты'скаться*, *забусті*, *убоглы'скнуть* – ср.: *бодать*), диалектные морфемные комплексы (*о/прах/от/и/ть/ся* – ср.: *опрахо́риться*, *опрапо́титься*, *опрохо́титься*, *обряхо́титься*, *обряхо́шиться*) и новые морфемы. Образование этих морфем может происходить по общерусским моделям (*посяпо́р* 'до сих пор' → *кра́дучись* 'тайно' → *но́несь* 'в настоящее время'(ср.: *но́не*); *са́менький* 'сам' → *самі́к* 'самец' → *самола́йка* 'пустолайка' → *са́молотка* 'жатка' и др.). Вместе с тем в говорах наблюдаются и самостоятельные явления. Обнаружить их позволяет анализ динамических процессов в диалектных корневых гнездах. Эти процессы можно условно разделены на две группы.

Во-первых, это явления *внутригнездовой динамики*. Вследствие протекания данных процессов внутри диалектных корневых гнёзд образуются *лексические блоки*, объединяющие однокоренные образования с вариантными морфами одной морфемы: *дребозж/а́/ть* и *дробезж/а́/ть* 'дребезжать' (СВГ 2, 55), с синонимическими аффиксами: *влад/а́/ть* – *волод/ова́/ть* 'иметь способность действовать' (СВГ 1, 78), а также частные *семантические зоны*, репрезентирующие одно из значений полисемантического корня или представляющие лексикализованную

семантику аффиксально-корневой основы. Так, в гнезде с вершиной *-сты-* обнаруживаются две семантические зоны, в одной из которых актуально значение физического состояния человека (*насты'ть* ‘простудиться’, *присты'ть* ‘замерзнуть, озябнуть’ и др.), а во второй, включающей в себя образования с префиксом *по-*, – значение эмоционального состояния (*напосты'ть*, *напосты'нуть*, *напосты'леть* ‘надоесть’ и др.). В случаях явного обособления семантических зон, *дивергенции* отдельных фрагментов различных корневых гнезд можно говорить об образовании новых корневых гнезд и в ряде случаев об образовании новых морфем. Так, например, в гнезде с вершиной *-чу-* (*чу'ть* ‘слышать, чувствовать, ощущать’ и его производные) произошло обособление слов с префиксом *с-*, реализующими каузальную семантику ‘увещевать; воспитывать; бранить’: *счува'ть* // *щува'ть*, *счуня'ть* // *щуня'ть*, *счу'нуть* // *щун'уть*. Обособление слов каузальной семантики – неуникальное явление: ср., например, гнезда с вершинами *-гай-* // *-гой-* (*го'ить* ‘чистить’ < *gojiti < *ziti (ЭССЯ 6, 196)), *-мек-* // *-мёк-* (*ме'кать* ‘размышлять’ – каузатив к *метити (Фасмер II, 415])) и др.

Во-вторых, это процессы *межгнездовой динамики*, следствием которых является *конвергенция* – сближение двух или нескольких корневых гнезд. Так, например, в диалектном корневом гнезде с вершиной *-ерепен-* (*ерепе'нить* и производные <*jarepeniti(se)* ← *jare*, *pe'ti* (ЭССЯ 8, 172)), на основе формального варьирования производного корня в структуре экспрессивного многозначного глагола *ерепе'ниться* формируется радиальная конвергентная зона. Входящие в нее слова соотносятся сразу с несколькими корневыми гнездами: *ерепе'риться* – ср.: *щепе'риться* < *пер(о)* (Фасмер IV, 428)), *ерихо'риться*, *ерохо'риться* – ср.: *хорохо'риться* < *chor-chor-ja (Фасмер IV, 269)); *епе'ндриться* – ср.: *пенде'ра*, *пендю'ра*, *пендер'ь*, *пенте'рить* и др. Анализ приведенной выше конвергентной зоны позволяет определить экспрессивный производный корень *-ерепен-* в качестве непосредственной материальной основы

конвергентных процессов (базы конвергенции) и назвать обстоятельства, способствующие развитию конвергентных процессов – *факторы конвергенции*. Это функционально-семантическое ослабление морфемных элементов конвергентной базы, а также варьирование их фонемного состава, приводящее к переосмыслению морфемных границ под влиянием процессов языковой аналогии (Шаброва 2006).

Таким образом, создание «Диалектного словаря строения слов» и анализ лексического состава и структуры представленных в нём корневых гнезд и аффиксальных парадигм позволяет определить региональную специфику морфемной системы русских говоров и с учётом этой специфики дать адекватную характеристику состава морфем и характера их взаимодействия в макросистеме русского национального языка.

Литература:

1. Аванесов Р. И. О двух аспектах предмета диалектологии // Общеславянский лингвистический атлас (материалы и исследования). М., 1965. С. 26 – 42.
2. Дубровина З. М., Герд А. С. Изобразительные и звукоподражательные глаголы прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Карелии // Советское финноугроведение. 1974. №4. С. 243 – 247.
3. Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология (Состояние и перспективы). М.: Наука, 1979. 333 с.
4. Курышева М. В. Явление ремотивации в говорах. Дисс. канд. филол. наук. Томск, 1989. 295 с.
5. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск, 1986. 221 с.
6. Матвеева Т. В. Семантические основания экспрессивности глагола (на материале говоров Среднего Урала). Дисс. ... канд. филолог. наук. Свердловск, 1979. 194 с.

7. Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. – СПб: Наука, 2003. – 230 с.
8. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М.: Наука, 1970. С. 141 – 281.
9. Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М.. 1953. 396 с.
10. Оссовецкий И. А. Лексика современных русских народных говоров. М.: Наука, 1982. 197 с.
11. Паникаровская Т. Г. Из наблюдений над лексикой вологодских говоров // Вопросы теории и истории русского языка. Череповец, 1967. С. 119 – 145.
12. Шаброва Е. Н. Морфемика русских говоров. Вологда, 2006. 108 с.

Список сокращений:

- Опыт – Опыт диалектного гнездового словообразовательного словаря / Под ред. Е. М. Пантелеевой. Томск, 1982.
- СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1 – 9. Вологда, 1983 – 2002.
- СМ – Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1987.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1 – 35. М., СПб., 1965 – 2002.
- Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.: Т. 1 – 4. М., 1986 – 1987.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков.: Вып. I – XVII. М., 1974 – 1992.

The article deals with the problem of creation of the “Dialectal Word-Building Dictionary” which shows the regional peculiarities in morphemic

structure of the Russian Word. Dialectal words of modern Vologodian dialects are analyzed in particular

Key words: Dialectology of the Russian Language, the Study of Morphemes, Lexicography.

Шацкая М.Ф.
Волгоградский государственный педагогический университет
г. Волгоград (Россия)

МНОГОЗНАЧНОСТЬ ЕДИНИЦ ЛЕКСИЧЕСКОГО И СИНТАКСИЧЕСКОГО УРОВНЕЙ И ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА

Явление синкретизма известно в двух своих функциональных аспектах: первый вид в определенной степени предсказуем и определяется, как «совпадение в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий и форм в одной форме» (ЛЭС, 446); второй вид – это «совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка (некоторых разрядов слов, значений, предложения, членов предложений и др.), противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности» (ЛЭС, 446), возникающем в результате различных контекстуальных условий. В нашей статье мы будем касаться явления синкретизма во втором его значении. Соединение двух семем в одной языковой единице на лексическом уровне провоцируется спорностью вопроса о самом существовании многозначности. Именно поэтому оправданным для решения данной проблемы является применение термина мультисемант, введенного Г. Генне: ведь известно, что в языке омонимия и полисемия могут сочетаться, сопровождать друг друга, и такое явление ученый предложил называть мультисемией (Metzler 1993, 407). А.А. Зализняк предложила классификацию различных типов совмещения значений в одном слове, выделив такие типы, как: склеивание, сплав, мерцание

(осцилляция) и, используя термин Т.М. Николаевой, принцип тернарной семантики (Зализняк 2001, 13 – 25).

Проследим, как влияет совмещение в одной языковой единице-мультисеманте двух лексических значений на актантную рамку предложения в условиях языковой игры.

Выпив буквально две рюмки, Хлопина становилась опасной. Если ей что-то не нравилось, она не подбирала выражений. Помню, она кричала заместителю редактора молодежной газеты Вейсблату:

*– Нет, вы только послушайте! Он же **темный**, как Армстронг! Его в гараж механиком не примут!* (Довлатов 2005, 1, 268 – 269).

В лексеме *темный* заключено два значения – ‘по цвету близкий к черному, не светлый’ и ‘сомнительного свойства или репутации, непорядочный, неблагоприятный, подозрительный’ (МАС, 4, 351). Характеристика участников ситуации остается стабильной.

Редактор Турунок пытался настаивать:

– Там собираются узники, а вовсе не фронтовики.

*– Как будто я не **узник**! – возвысил голос Жбанков.*

– Вытрезвитель не считается, – едко заметил редактор (Довлатов 2005, 1, 450).

Узник – ‘тот, кто находится в заключении, под стражей’ (МАС, 4, 476). В связи с последующей уточняющей репликой данная лексема актуализирует только часть своей семемы ‘тот, кто находится под стражей’, что уже не дает права синонимической замены на *заключенный* (‘тот, кто находится в заключении, под арестом’ (МАС, 1, 528)). Роль участника ситуации не меняется.

Навстречу шла женщина в белом халате.

– Посторонним сюда нельзя.

*– А **потусторонним**, – спрашиваю, – можно?*

Медсестра замерла в недоумении. Я сунул ей редакционную книжку (Довлатов 2005, 1, 286).

Потусторонний имеет значение ‘существующий, по религиозно-мистическим представлениям, за пределами земной жизни; неземной’ (МАС, 3, 336), но в диалоге благодаря лексеме *посторонний* приобретает сему ‘человек’ и последующим контекстом подтверждает реализацию некодифицированного значения – ‘человек, работающий в иной, другой организации, чем собеседник’. Отнесенность данной лексемы к субъектам ситуации сохраняется.

– *По-моему, их нужно сфотографировать рядом.*

– ***Корова** здесь не поместится, – разъяснил Жбанков, – а там освещение хреновое.*

– *Как же быть?*

Жбанков засунул аппарат в карман.

– ***Коров** в редакции навалом, – сказал он.*

– *То есть? – удивилась Белла.*

– *Я говорю, в архиве **коров** сколько угодно. Вырежу твою Линду и подклею* (Довлатов 2005, 1, 361).

Сосуществование в лексеме *корова* двух значений – ‘крупное домашнее молочное животное, самка быка’ и ‘о толстой неуклюжей, а также неумной женщине’ (МАС: 2, 106) тоже не ведет к изменению актантной характеристики в целом.

Аглая Ревкина, испытав в жизни многое, к такому удару оказалась неподготовленной. Некоторые, выходя из клуба, слышали, как она, ни к кому отдельно не обращаясь, громко сказала:

– ***Какая грязь! Какая грязь!***

Поскольку на улице в тот вечер никакой грязи не было, а было, наоборот, холодно, вьюжно и снежно, можно даже сказать – белоснежно, слова Аглаи никем не были восприняты буквально (Войнович 2003б, 8).

Как можно видеть, контекстуальное соединение двух значений слова *грязь* – ‘размякшая от воды земля, почва; слякоть’ и ‘что-либо низменное,

безнравственное, бесчестное и т.п.’ (МАС, 1, 354) оставляет актантную рамку статичной.

Иван приподнял голову. Теперь белые продвигались вперед короткими перебежками (Войнович 2003а, 236).

Сосуществование значений *белые* (маскхалаты; в данном контексте – ‘люди в такой одежде’) – ‘цвета снега или мела’ и ‘в первые годы гражданской войны: относящийся к вооруженной борьбе за восстановление законной власти в России; то же, что белогвардеец’ (Ожегов, Шведова 2007, 43) (последнее синонимично *белогвардеец* – ‘в годы гражданской войны: член белой гвардии – русских военных формирований, сражавшихся за восстановление законной власти в России’ (Ожегов, Шведова 2007, 43)) не ведет к изменению глубинной структуры..

Здесь у матери в ее рассказах о Димитием отце были разночтения (Есин 2006, 342).

В лексеме *рассказ* актуализируются два значения (‘то, что рассказывается, словесное сообщение о чем-либо’ и ‘небольшое художественное повествовательное произведение в прозе’ (МАС, 3, 663)) в связи с семантикой именной части сказуемого: *разночтение* – ‘вариант какой-либо части основного текста литературного произведения’ (МАС, 3, 621).

Мол, вы нам строите комбинат, а мы вам потом поставляем его продукцию. Гениально и просто, как вся советская власть: в наваре имеем бульон от варки яиц (Веллер 2006б, 41).

Помогает раскрыть смысл всего высказывания взаимодействие двух семем слова *навар* – ‘жидкость, насыщенная варящимся в ней продуктом’ и ‘прибыль, нажива, барыш (прост.)’ (Ожегов, Шведова 2007, 375) – ‘отсутствие прибыли’.

Мать у него из театральных кругов, тетка старый редактор Совписа, литературные связи и знакомства со всеми на свете, у классика

*Веры Пановой он литсекретарствовал, друзья сидят в журналах! А у меня всех **связей** – узлы на шнурках!* (Веллер 2006а, 35).

Лексема *связь* реализует два значения – ‘близкое знакомство с влиятельными лицами, могущее обеспечить поддержку, покровительство’ ‘соединение, скрепление чего-либо’ (МАС, 4, 59) – как итог происходит межвидовая перекодировка участников ситуации – одушевленный субъект, экзисциенс (субъект существования) меняется на инструмент, медиатив (актант инструментального типа, предмет, использование которого ведет к осуществлению ситуации).

*Я наворачивал все, что помнил из филологической терминологии. Я старался выглядеть сильно **ученым** и не сильно **заразой*** (Веллер 2006а, 45).

Имплицитная сема ‘человек’ в слове *зараза* (‘употребляется как бранное слово’ (МАС, 1, 564)) ведет к двойственной характеристике лексемы *ученый* – ‘грамотный, образованный’ и ‘высококвалифицированный специалист в какой-либо области науки’ (МАС, 4, 543). Таким образом, его квалификация ‘атрибутив’ меняется на ‘субъект’.

– *Коммунизм построим! Поголовную безграмотность ликвидируем! Кухарка будет управлять государством!..*

– *Это бы не худо, – кивал племянник.*

– *Есть, конечно, недовольные. Которые на службе у империалистов. Декаденты! Но их мало. Заметь, даже в русском алфавите **согласных** больше, чем гласных...*

– *Еще бы, – соглашался племянник* (Довлатов 2005, 1, 63).

Переосмысление значения лексемы *согласный* (‘образуемый при прохождении сильной струи воздуха через преграду в каком-либо месте речевого аппарата (о звуках речи)’ на ‘придерживающийся одинакового с кем-либо мнения, образа действий’ (МАС, 4, 178)) ведет к замене участника ситуации ‘атрибутив’ на ‘субъект’.

Первая цепочка заработала: Фима лишь получал от парикмахерши процеженные деньги, которые и распределял по справедливости между всеми трудящимися в этой маленькой фирме.

Цепочка, естественно, попыталась отделаться от босса как от нахлебника и утаить груз, но на то и босс, чтобы уметь ремонтировать цепочки... (Веллер 2006б, 21).

Сосуществование двух значений слова *цепочка* – ‘ряд металлических звеньев, продетых последовательно одно в другое’ и ‘ряд, вереница кого-, чего-либо’ (МАС, 4, 643) приводит к внутривидовой перекодировке: неодушевленный субъект меняется на одушевленный, далее выступает как одушевленный и неодушевленный объекты в одной лексеме.

Здесь у матери в ее рассказах о Димином отце были разночтения (Есин 2006, 342).

В лексеме *рассказ* актуализируются два значения (‘то, что рассказывается, словесное сообщение о чем-либо’ и ‘небольшое художественное повествовательное произведение в прозе’ (МАС, 3, 663)) в связи с семантикой именной части сказуемого: *разночтение* – ‘вариант какой-либо части основного текста литературного произведения’ (МАС, 3, 621).

Теперь в России свобода, можно даже Кремль купить, были бы деньги (Есин, 375).

Сосуществование двух лексических значений в лексеме *Кремль* – ‘московский Кремль как место пребывания высших органов власти’ и ‘высшие органы власти РФ, правительство’ (ТСРЯ, 702) ведет к синкретизму внутривидовой актантной характеристики: совмещение одушевленного и неодушевленного объекта в одной синтаксеме.

Рядом с ними тоже лежала полувлюбленная парочка: какая-то богатая, судя по тощему экстерьеру, иностранка и молодой, здоровый, как оруженосец, араб, видимо, взятый в аренду (Есин 2006, 367).

Совмещение двух ролевых характеристик в синтаксеме *араб* определяется теми фоновыми знаниями, на которые опирается последующая фраза *взятый в аренду*. Традиционно лексема *аренда* употребляется в значении ‘наем какого-либо имущества во временное пользование на определенный срок и за определенную плату’ (ТССРЯ, 33) и содержит имплицитную отнесенность к неодушевленному предмету. Однако в связи с некоторыми политическими и экономическими изменениями в жизни России изменилось, вернее, стало более откровенным отношение к табуированным отношениям между людьми противоположного пола – человек может уже быть товаром. Контекстуально это выражается в синкретизме актантной характеристики: коагенс теперь мыслится не только как лицо, но и как неодушевленный предмет, товар, имущество.

Каковы же причины, вызывающие в условиях языковой игры совмещение в одной синтаксеме двух ролевых характеристик?

В процессе синтаксической деривации происходит переосмысление обозначенного семантического субъекта (*у меня*): он подвергается действию со стороны другого субъекта (*твоей*), получая квалификацию пациенса (семантического объекта):

- *Отчего ты грустный? – Секин коснулся моего рукава.*
- *У меня, – говорю, – комплекс неполноценности.*
- *Комплекс неполноценности у всех, – заверил Секин.*
- *И у тебя?*
- *И у меня в том числе. У меня комплекс **твоей** неполноценности.*
- *Браво! – сказал я (Довлатов, 1, 45).*

Как видим, происходит смена вектора за счет грамматически несвойственной сочетаемости выражения *комплекс неполноценности* (‘болезненное осознание своих недостатков, своей неполноценности’ – МАС, 2, 85) с местоимением *твой*. При этом названное местоимение несет

тройную семантическую нагрузку – агенса, пациенса и конкретизатора атрибутивной характеристики.

Распространение высказывания за счет фрагмента предыдущего также ведет к ролевому синтезу:

– А вот Серега Довлатов, он запивал иногда, что ты, – поведывали коллеги. – Потом однажды похмелялся, садился с утра, и т-такое выдавал – пачками! Для газеты одно, для себя другое.

Мое для себя другое тем временем тащило сквозь издательские шестерни. Мельница Господа Бога мелет медленно, успокаивал редактор. История повторялась, как кинодубль с другим составом статистов. Закулисная механика от меня скрывалась (Веллер 2006а, 30).

Если в первом употреблении комплекс *для себя другое* расчленен и на поверхностном, и на глубинном уровне предложения и состоит из ‘адресат+результатив’, при этом каждая лексема реализует одно из своих значений: *себя* – ‘указывает на отношение действия к самому производителю действия (подлежащему), соответствуя по смыслу личным местоимениям любого лица и числа’ (МАС, 4, 67); *другой* – ‘не такой, как этот (или как прежде), отличающийся от этого (или от прежнего); иной’ (МАС, 1, 448), то при вторичном функционировании данный комплекс выступает в некотором смысле как идиоматичная единица, имеющая и исходную автономную характеристику составляющих, и семантику ‘результатив’.

В итоге я получил полную возможность поведывать за злым зельем свои печали эстонской кильке пряного посла, закусывая ею из разбитого корыта (Веллер 2006а, 31).

Морфологическая отнесенность существительных женского рода, имеющих форму только единственного числа, к разряду одушевленных или неодушевленных грамматически может не подтверждаться (поймали кефаль (что и кого) (Ушакова 1999, 29). Такое колебание в категориальной семантике слова *килька* привело к образованию сочетания с глаголом

поведывать (несов. к *поведать* – ‘сообщить, рассказать’ – МАС, 3, 156), одна из имплицитных адресатных сем которого (‘человек’) также спровоцировала своей морфологической характеристикой формирование названной выше синтаксической единицы. Наряду с этим оказалось возможным и формирование словосочетания с глагольной формой *закусывая ею (килькой)* (*закусывать* несов. к *закусить* – ‘заесть что-либо выпитое (водку, вино и т.п.) или съеденное’ – МАС, 1, 535). Таким образом, в рассмотренном зевгматическом объединении сосуществуют два объекта – одушевленный и неодушевленный.

Итак, в условиях языковой игры совмещение двух лексических значений в одной лексеме может быть зафиксирована на уровне глубинной структуры предложения в трех позициях: 1) характеристика участников ситуации остается статичной; 2) возможны актантные перекодировки; 3) наблюдается ролевой синтез языковых единиц.

Причины, вызывающие совмещение в одной языковой единице двух семантико-синтаксических характеристик, таковы: 1) перемены в лексическом значении слова: синкретизм на лексическом уровне либо смысловая перекодировка лекса; 2) синтаксическая деривация; 3) влияние морфологической семантики; 4) внелингвальные причины.

Названные выше сдвиги в семантике не могут не вызывать трудности перевода произведений современной русской художественной литературы на разные языки. Ведь специалистам приходится учитывать не только словарные значения лексем, но и различные речевые приращения смысла, вызванные как индивидуальным переосмыслением слов и высказываний, базирующимся на субъективном опыте, так и влиянием различных экстралингвальных факторов.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М., 1974.

2. Веллер М. Долина идолов. М., 2006а.
3. Веллер М. Легенды Невского проспекта. М., 2006б.
4. Войнович В. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина // Антология сатиры и юмора России XX века. М., 2003а. Т. 7.
5. Войнович В. Монументальная пропаганда. М., 2003б.
6. Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.
7. Довлатов С. Собрание сочинений: в 4 т. СПб., 2005.
8. Есин С.Н. Ах, заграница, заграница...: романы. М., 2006.
9. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталог семантических переходов» // Вопр. языкознания. 2001. № 2. С. 13 – 25.
10. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
11. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. (ЛЭС)
12. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2007.
13. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
14. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981 – 1984. (МАС)
15. Ушакова Л.И. Современный русский язык. Морфология: учебник. Белгород, 1999.
16. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складчиковой. СПб., 2001. (ТСРЯ)
10. Metzler Lexikon Sprache / Hrsg. Helmut Gluck. Stuttgart, Weimar: J. B. Metzler, 1993. (Metzler)

Clause is devoted to one of kinds of paradigmatic attitudes in language system – to the phenomenon of a polysemy at lexical and syntactic levels. The reasons of overlapping in one language unit of two values are investigated at generation of language game; some kinds of the situations promoting

occurrence of the given abnormal phenomena at a level of deep structure of the offer are marked. The attention to the question on is brought what problems can arise while translating the texts containing named above lingval a phenomenon.

Чакырова Ю.И.
Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского
(Болгария)

БОЛГАРСКАЯ ЛЕКСЕМА *ЕДНИ* И СПОСОБЫ ЕЕ ПЕРЕДАЧИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Множественное число болгарской лексемы *един* – *едни* – представляет собой вызов не только для студентов в учебном переводе текста с болгарского языка на русский язык и наоборот, но и для профессиональных переводчиков. Причина заключается, во-первых, в особом статусе лексемы в болгарском языке: она характеризуется многозначностью, выступает не только как числительное, но и в качестве особого маркера прежде всего специфической, а иногда даже и неспецифической неопределенной референции, в то же время не превращаясь полностью в неопределенный артикль.¹ Во-вторых, и, наверное, именно в связи с этим, употребление этой лексемы во мн. ч. еще интереснее с точки зрения параллели между русским и болгарским языками, потому что оно в определенной степени отличается от употребления в ед. ч., хотя естественнее было бы ожидать совпадения в этом плане. В качестве источника языкового материала в работе использована художественная литература, интернет, иногда сконструированные и переведенные нами примеры.

При рассмотрении этой лексемы мы считаем продуктивным использование **теории референции** в ее современном варианте, включающей данные о когнитивно-коммуникативных характеристиках продукта текста, в том числе о его коммуникативной установке, его

---

¹ См. об этом подробнее в: Чакырова-Бурлакова 2004.

интенциях, ожиданиях, а также данные о фонде знаний коммуникантов, об отношениях к контексту. Кроме того, в работе мы придерживаемся концептуальной рамки, согласно которой в сфере **неопределенной референции** разграничиваются **специфическая** и **неспецифическая** референция (Lyons 1977: 188-192, Haspelmath 1997: 37-45). Выражение является специфическим, когда в пресуппозицию продуктора входит факт экзистенции референта этого выражения и возможности его уникальной идентификации (см. Haspelmath 1997: 38). Так, в предложении (1) *Я купил компьютер* именная фраза характеризуется специфической неопределенностью, в то время как в предложении (2) *Я хочу купить компьютер* реализуется значение неспецифической неопределенности, состоящее в том, что говорящий не имеет в виду конкретного референта и не может его идентифицировать.¹ Такое введение еще одного параметра при характеристике неопределенной референции является особенно полезным для болгарского языка, где разграничение между тем и другим видом неопределенности в некоторых случаях (чаще в интенциональных контекстах) осуществляется именно лексемой *един*, ср.: (3) *Искам да говоря със Ø специалист* (не имеет значения, с кем-нибудь, отвечающим данной характеристике) – (4) *Искам да говоря с един специалист* (с конкретным лицом, идентифицированным продуктором, но не реципиентом). Таким образом, в “экзотичном” (по словам болгарского лингвиста С. Иванчева) по сравнению с другими близкими языками болгарском языке есть способ эксплицитного разграничения специфической и неспецифической референции, что не осуществляется даже и неопределенным артиклем в таких артиклевых языках, как, например, английском. Более того, оказывается, такая функция лексемы характерна и во мн. ч.: (5) *Имам намерение да се свържа със Ø специалисти* (с кем-нибудь) – (6) *Имам намерение да се свържа с едни*

---

¹ Существует точка зрения, согласно которой такие именные группы считаются нереферентными (см. Падучева 1985: 83 и посл.).

специалисти (с определенными и идентифицированными для продуктора референтами).

Трудности при рассмотрении данной лексики связаны еще с тем, что в лексикографической практике и болгарского, и русского языков все значения считаются значениями одного полисемантического слова, выступающего то в качестве числительного, то в качестве прилагательного, то в качестве местоимения или даже усилительной частицы. С другой стороны, в исследованиях выделяются по крайней мере два омонима: кроме числительного выделяется самостоятельное слово, которое чаще всего считается неопределенным местоимением. Как мы показали в наших предыдущих работах, в болгарском языке нам кажется более целесообразным выделить еще один омоним, который можно назвать детерминативом, потому что, на наш взгляд, есть достаточно оснований для выявления специфического маркера неопределенности, а не просто неопределенного местоимения.

С целью наиболее адекватного описания особенностей перевода *едни* на русский язык представим классификацию случаев совпадения и различия между болгарским и русским языками при употреблении этого маркера.

1. Совпадения между болгарским и русским языками. Они связаны с употреблением *едни / одни* в качестве местоимения и прилагательного.

1.1. *Едни / одни* – местоимение. *Едни от / одни из*; или в конструкции со второй частью *другой*. БЯ: (7) *За едни стачка, за други – пачка.* (8) *Едни от най-големите печеливши от стачката на сценаристите са притежателите на сайтове за споделяне на видео онлайн (И.).* РЯ: (9) *Одни свои принципи отстаивают, другие отсиживают, третьи просиживают, а многие отлёжывают (В.А.).*

1.2. *Едни / одни* – прилагательное (в значении ‘тот же самый’, ‘тождественный’, или ‘единый’, ‘целостный’; иногда в сочетании *едни и същи / одни и те же*). БЯ: (10) *Едни бяха стремежите и желанията им;*

(11) *Като да се бяха заклели, селяните отговаряха с **едни и същи** думи (Д.Т.). РЯ: (12) Эти женщины жили в **одних** домах, а порой и работали вместе, их дети ходили в **одни и те же** детские сады и школы... (И.).*

1.3. **Едни / одни** как детерминатив в функции маркера интродуктивной референции. Эта функция обычно реализуется, когда рассматриваемые лексемы входят в ассертивный компонент высказывания, когда предмет вводится в фонд общих знаний коммуникантов. БЯ: (13) *На конференцията се запознах с **едни** много интересни събеседници.* РЯ: (14) *Есть у меня **одни** друзья, которые никогда не дарят подарков (И.).*

Производит впечатление, что чем менее абстрактно существительное, перед которым употребляется маркер, тем менее вероятно его появление, потому что маркер акцентирует на неопределенной референции, а более конкретные существительные дают более точную характеристику предмету, ср. случаи с употреблением более конкретных референтов, в которых маркер чаще всего опускается : (15) *В залата влязоха **Ø** лекари (**Ø** професори, **Ø** художници, etc.).*

Употребление рассматриваемых лексем в качестве интродуктивных маркеров является довольно интересным и на самом деле служит переходом к следующему пункту, выявляющему различия между болгарским и русским языками. Среди интродуктивных контекстов есть случаи, когда маркеры вводят референт, о котором не будет упоминаться дальше в дискурсе – такие контексты называются **антиинтродуктивными**.¹ Инвариантным значением маркеров в этих контекстах является нерелевантность выделенного ими референта. Как было уже показано нами, именно антиинтродуктивные контексты и в болгарском, и в русском дискурсах требуют обязательного употребления маркера (Чакырова-Бурлакова 2004: 240). Что касается, однако, употребления маркеров во мн. ч., наблюдения показали, что он вообще неуместен в русском дискурсе в таком контексте, где на этом месте должен

---

¹ Более подробная информация о русском языке представлена в: Федорова 1999 (а), Федорова 1999 (б).

быть или другой маркер неопределенности, или нуль, в то время как в болгарском языке он употребляется. БЯ: (16) *Повече по навик, отколкото с усилие на волята си, Марин забърза към стадото си, прибра го на завет, сам се подслони под **едни** скали (Й.Й.).* – РЯ: (17) *Скорей по привычке, чем сознательно, Марин поспешил к стаду, увел его в укрытие и сам спрятался под **какие-то** скалы (Й.Й.-пер. Д.Г.).* БЯ: (18) *Веднъж той беше седнал да си почине при **едни** скали до Манастирището (Й.Й.).* – РЯ: (19) *Он сел отдохнуть на **Ø** скалах возле Монастырища (Й.Й.-пер. Д.Г.).*

2. Специфические случаи употребления **един** только в болгарском языке (и не встречающиеся в русском языке).

2.1. Употребление в качестве числительного: с существительными pl.t. или в значении ‘чифт’: (20) ***Едни** гърди напред;* (21) *Купих си **едни** сандалки (И).*¹

2.2. Выражение специфической неопределенной референции, часто в распространенных именных группах (в таких случаях акцентируется именно выраженное определением качество): (22) *Вие като **едни** истински фенове на радиото... (И.).* (23) *Обръщам се към **едни** истински хора, истински професионалисти с **едни** истински сърца (И.).*

2.3. Генеративное значение: (24) ***Едни** спортисти от такава класа не могат да отложат състезанието.*

2.4. Вопросительные контексты. В отличие от русского языка, в котором степень уверенности эксплицируется выбором между местоимениями серии **-нибудь** (неспецифическая неопределенность) и серии **-то** (скорее всего специфическая неопределенность; продуктор почти уверен в наличии референта, неопределенного для реципиента), в болгарском языке это выражается выбором между неопределенным местоимением **някой** и маркером **едни**: ср. (25) *Да ме е търсил **някой**?* – (26) *Да са ме търсили **едни** хора?*

---

¹ Здесь можем привести один пример аналогичного употребления в русском языке, но нам кажется, что такое употребление редко, притом это устойчивое сочетание: *По два паспорта в **одни** руки (И).*

2.5. Кондициональные контексты. Эти контексты являются классическими примерами неспецифической неопределенной референции, маркированной и в болгарском, и русском дискурсах или нулем, или неопределенным местоимением. БЯ: (27) *Ако ти дойдат наум Ø / някакви идеи, ще ги обсъдим.* РЯ: (28) *Если появятся Ø / какие-нибудь идеи, обсудим их.* В ограниченных случаях, однако, и в контекстах такого типа в болгарском языке возможно выражение специфической неопределенной референции – тогда употребляется маркер **едни**, но дополненный другим модификатором для характеристики референта: (29) *Ако дойдат да ме търсят едни студенти, пусни ги в кабинета ми.*

2.6. Выражение неспецифической неопределенной референции (редко) – в контекстах будущего, а также в интенциональных и императивных контекстах: (30) *Желяя ви едни вълшебни празници (И.).* (31) *Няма ли да ми купиш едни вестници... (М.).*

2.7. Употребление в контекстах с абстрактными именами, часто при распространенных именных группах: (32) *Понякога се развиват едни фантазии... (И.).* (33) *Между тях се зародиха едни топли, неочаквани дружески отношения.*

2.8. Употребление в качестве интенсификатора: (34) *Таман мислех да ходя на фризьор, че съм пуснала едни коси... (И.),* или в сочетании **такива (таквиз) едни**: (35) *Има таквиз едни дълги коси и черни очи (Й.Й.);* (36) *Разни едни такива (И.).*

2.9. Употребление в нереперенциальных контекстах:

– при распространенных именных группах: (37) *След години ще бъдем едни истински тийнейджъри (И.).*

– самостоятельное употребление – с пейоративным значением: (38) *Ама и те са едни.*

3. Специфическое употребление **одни** только в русском языке.

3.1. **Одни** с ограничительным значением. Хотя на первый взгляд может показаться, что такое употребление возможно тоже в болгарском языке, оказывается, что появление **едни** в таких контекстах связано с элементом **само**, содержащего сему ограничения, единственности: (39) *Особено се бе смалило и избледняло лицето ѝ, от него като че ли бяха останали само едните очи* (П.В.). В то же самое время в русском языке именно **один** содержит эту сему: (40) *Особенно уменьшилось ее побледневшее личико, от которого остались, казалось, одни глаза* (П.В.-пер.).

3.2. **Один** как абсолютное воплощение какого-нибудь качества: (41) *У тебя в голове одни фантазии.*

3.3. В качестве прилагательного со значением ‘без других, в отдельности’: (42) *Они живут одни.*

Итак, обобщим основные возможности перевода лексемы **едни** на русский язык:

1. **Аналогичный элемент одни.** Очевидно, это возможно в случаях, когда рассматриваемая лексема употребляется в качестве:

– местоимения: БЯ: (43) *И докато едни се повалят като убити върху раниците си, други се разтичват из близките храсталаци...* (Й.Й.). – РЯ: (44) *Одни валяются, как убитые, на землю, положив ранец под голову, другие разбегаются по соседним кустам...* (Й.Й.-пер. Д.Г.);

– прилагательного: БЯ: (45) *Толкова си приличат, сякаш една майка ги е раждала.* – РЯ: (46) *Они так похожи друг на друга, словно одна мать их родила;*

– сильного интродуктива: БЯ: (47) *Едни мои приятели твърдят, че беден ли си в тази страна, нямаш никакви шансове.* – РЯ: (48) *Одни мои друзья утверждают, что если ты беден в этой стране, у тебя нет никаких шансов.*

2. **Нуль.** Сюда включается большинство перечисленных выше специфических случаев употребления данной лексемы в болгарском языке.

Употребление в качестве числительного. БЯ: (49) *Ето, няма нито едни свестни копчета за ръкавели (П.В.)* – РЯ: (50) *Ни Ø приличных запонок... (П.В.-пер.)*.

Употребление в генеративном значении. БЯ: (51) *Не ви ли е срам, какво искате от едни жени! (Й.Й.)* – РЯ: (52) *Не стыдно вам с Ø бабами воевать? (Й.Й.-пер. Д.Г.)*.

В случаях неспецифической неопределенной референции. БЯ: (53) *Мечтая светът да види едни невероятни олимпийски игри (И.)*. – РЯ: (54) *Я мечтаю, чтобы мир увидел Ø невероятные олимпийские игры*.

В контекстах с абстрактными именами. БЯ: (55) *Вярваме, че при едни истински взаимоотношения всички пчелят (И.)*. – РЯ: (56) *Мы уверены, что при Ø настоящих взаимоотношениях все выигрывают*.

В неререференциальных контекстах. БЯ: (57) *Вие сте едни истински уникасти... (И.)* – РЯ: (58) *Вы Ø настоящие уникасты...*

3. **Неопределенное местоимение** – в вопросительных и кондициональных контекстах, а также в контекстах, в которых лексема выражает пренебрежительность. БЯ: (59) *Те ме питаха – идваха ли при теб едни наши хора... (И.)*. – РЯ: (60) *Они меня спросили, не приходил ли ко мне кто-нибудь из их людей...* БЯ: (61) *Едни 20 лева нищо не променят*. – РЯ: (62) *Какие-нибудь 20 левов ничего не изменяют*.

4. **Местоимения других классов: друг друга** (когда данная лексема употребляется в сочетаниях типа *едни други*), а также *те и другие* (в случаях употребления лексемы в сочетаниях как *между едните и другите*). БЯ: (63) *Това е същинско море от хора, които плътно се притискат едни други, едни само обезумели от радост очи и разкрити уста, които викат (Й.Й.)*. – РЯ: (64) *Настоящее море людей, тесно прижатых друг к другу и превратившихся в обезумевшие от радости глаза да открытые кричащие рты (Й.Й.-пер. Д.Г.)*.

5. **Элемент с интенсифицирующим значением:** (65) *Бе, брате, то едни ниви станали, да им се ненагледаш (Й.Й.) – (66) Эх, братцы, какие нынче хлеба – загляденье (Й.Й.-пер. Т.К.).*

На наш взгляд, наибольшие трудности связаны со случаями, в которых совпадение с русским языком неполное – это употребление рассматриваемой лексемы в роли интродуктива и антиинтродуктива. При этом положение другое по сравнению с употреблением лексемы в ед. ч., что повышает степень трудности. В ед. ч. в интродуктивной позиции лексема употребляется и в болгарском, и в русском языках, но в болгарском языке это употребление систематично, в то время как в русском языке факультативно. В обоих языках обязательно наличие лексемы в антиинтродуктивной позиции. Во мн. ч. в болгарском языке антиинтродуктивное употребление возможно (чем абстрактнее существительнее, чем чаще употребляется), а в русском языке мы вообще не нашли таких примеров. Кроме того, при сопоставлении с парадигмой совпадений и различий этой лексемы в ед. ч. видно, что ее употребление в качестве числительного отошло к различиям, потому что такое употребление невозможно в русском языке (в отличие от ед. ч.). Особого внимания требуют случаи, в которых болгарская и русская лексемы употребляются в сочетании с одними и теми же словами, создавая ошибочное на первый взгляд представление об аналогичности, хотя в таких случаях эксплицируются совершенно разные значения лексемы. Ср. БЯ: (67) *Развиват се едни фантазии.* – РЯ: (68) *У нее в голове одни фантазии.* БЯ: (69) *Те са едни...* – РЯ: (70) *Они одни.* Соответственно перевод последних четырех предложений: (67а) *Развиваются Ø / всякие фантазии;* (68а) *В главата ѝ има само фантазии;* (69а) *Они такие* (возможно с добавлением: *особые, странные, невыносимые...*); (70а) *Те са сами.*

Литература:

1. Падучева, Е.В. *Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений)*. Москва, “Наука”, 1985.
2. Федорова, О.В. (а). Неопределенное местоимение *один* в русском языке как показатель интродуктивной референции имени // *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. 1999, № 2: 98-112.
3. Федорова, О.В. (б). Интродуктивная референция имени в безартиклевых языках // *Вопросы языкознания*. 1999, № 2: 71-91.
4. Чакырова-Бурлакова, Ю. О маркерах *един / один* в болгарском и русском языках // *Динамика языковых процессов: История и современность (к 75-летию со дня рождения проф. П. Филковой)*. София, 2004: 235-249.
5. Haspelmath, M. *Indefinite Pronouns*. Oxford, “Clarendon Press”, 1997, xvi, 364 p.
6. Lyons, J. *Semantics*. Volume I. Cambridge – New York – Melbourne, “Cambridge University Press”, 1977.

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

- В.А. – В. Афонченко // *Культура письменной речи*. URL: <http://www.grammar.ru/RST/?id=3.174> (8.05.2008).
- Д.Т. – Д. Талев. *Преспанските камбани*. София, “Български писател”, 1982.
- И. – Интернет ресурс.
- Й.Й. – Й. Йовков. *Събрани съчинения*. София, “Български писател”, 1976.
- Й.Й.-пер. Д.Г. – Й. Йовков. *Избранное*. Перевод с болгарского Д. Горбова. Москва, “Художественная литература”, 1979.
- Й.Й.-пер. Т.К. – Й. Йовков. *Избранное*. Перевод с болгарского Т. Колевой. Москва, “Художественная литература”, 1979.
- М. – вестник “Марица”, 27 септември 2002 г.
- П.В. – П. Вежинов. *Нощем с белите коне*. София, “Български писател”, 1975.

П.В.-пер. – П. Вежинов. *Ночью на белых конях*. Перевод с болгарского Л. Лихачевой. София, “Свят”, 1980.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СОКРАЩЕНИЯ И СИМВОЛЫ

БЯ – болгарский язык
РЯ – русский язык
Ø – отсутствие маркера

Чуприна С.В.
Грузинский технический университет
г. Тбилиси (Грузия)

РУССКИЙ ЯЗЫК В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Актуальной и важной в XXI веке – веке компьютерных технологий становится необходимость поиска новых решений в обучении русскому языку как иностранному. Главная цель обучающихся – получение профессиональных знаний на неродном языке. Перед преподавателями РКИ встают новые задачи, одной из которых является скорейшее внедрение новых подходов и приемов в обучении, позволяющих сохранить образование на должном уровне.

Последнее время существенно изменилось положение русского языка как учебного предмета в вузах страны, особенно в технических, попав в категорию «иностранного» языка.

Исходя из этого, закономерным является выделение основных критериев отбора методического материала (учебников и учебных пособий), планирование, контроль и тестирование, лингвометодическое исследование учебных текстов и их анализ, создание национально-ориентированных словарей и тд.

В процессе работы требуется решить некоторые задачи:

а) изучить мотивы и потребности изучения русского языка в новых условиях;

- б) изучить научно-теоретическую и учебно-методическую литературу по теме исследования;
- в) разработать тренировочные упражнения для понимания и усвоения текстов фундаментальных наук;
- г) отработать систему «электронный читатель» с использованием прикладных и инструментальных программ.

Один из «болезненных» вопросов – это создание универсального учебника нового типа. Учебнику должны быть свойственны, по меньшей мере, следующие дидактические функции: информационная, систематизирующая, функция закрепления знаний и самоконтроля, самообразования, интегрирующая, координирующая и развивающе-воспитательная. Естественно, что построение такой системы требует соответствующей теоретической платформы, создание которой – дело чрезвычайно сложное, связанное с синтезом множества элементов конкретных наук, педагогики, психологии, философии, истории.

Важным фактором активизации познавательной деятельности – создание в учебниках специальных текстов (параграфов или их частей), рассчитанных на самостоятельную работу на основе исследовательского метода.

К примеру, лингвострановедческая работа при обучении русскому языку гидов-переводчиков и других кадров, работающих в области международного туризма, предполагает круг вопросов, связанных с изучением коннотативной лексики близко родственных языков, и включает в себя разнообразные и даже многоплановые проблемы. Сюда относятся как проблемы языковые, так и выходящие за рамки собственно лингвистического исследования.

Коннотативные слова занимают определенное место среди безэквивалентной лексики. И безэквивалентные, и коннотативные слова для иностранца – это яркие экзотизмы. К коннотативной лексике относятся: фольклоризмы, историзмы, собственные имена, имена-бирки,

субъективно-оценочные слова, географические названия, фоновые слова, топонимы [1, с.21].

В сферу анализа привлекаются некоторые коннотативно окрашенные слова, часто употребляющиеся при общении носителей обоих языков.

Так, например, географические названия (топонимы) – это не просто термины. В них заложена разнообразная информация, и они окрашены своего рода «символическим ореолом». Географические названия – это также и все связанные с ними ассоциации. Комментарий и изучение географических названий раскрывает нам богатый мир глубочайшей древности, близких исторических времен действительности наших дней. Географические системы названий, которые очень часто встречаются в работе гидов-переводчиков, такие, как города-столицы; города с историческим значением; исторические места, связанные с более новой историей; названия-символы: города-герои; мемориальные названия; национальные курорты; города-музеи; национальные достопримечательности; названия, связанные с природными богатствами, национальными заповедниками; топонимы новыхстроек; названия новых рек, озер, горных образований и пещер; некоторые микротопонимические названия, городская топонимика и др.

Бывают случаи, когда название данного города связывается в нашем сознании с жизнью выдающегося человека: Архангельск – город на Белом море, первый морской порт России, через который осуществлялась связь с Западной Европой до основания города Петербурга. Но город связан и с именем М.В.Ломоносова, гениального русского ученого-энциклопедиста, который родился недалеко от Архангельска.

Названия мест иногда меняются, и новые названия вызывают уже другие ассоциации. Так, например, в 34 километрах от Варны находится с. Козлуджа-Козличе-Везир-Козлуджа-Новгородец. Во время русско-турецкой войны (1774 г.) корпус Суворова наголову разбил сорокатысячное турецкое войско. Это было триумфом полководческого

таланта А.В.Суворова. Через месяц после этой битвы Россия получает выход к Черному морю. В 1950 году, когда отмечалось 150-летие со дня смерти Суворова, селу дали новое название Суворово.

С географическими названиями связано немало легенд и преданий. И так как многие топонимы отличаются исключительной древностью, широкое распространение при их объяснении получает народная этимология.

Широко распространена детопонимизация географических названий. «Топонимы могут становиться образом художественного текста или названием учреждений, предметом быта, подвергаться иррадиации» [2, с.86]. Древнее название реки Литра-Этыр присваивается бодрящему напитку и отелю. Гора Алтай и напиток алтай. Нева – река марка шоколада. Калиакра – мыс и сыр. Топонимы превращаются в названия турбаз, мотелей, кемпингов, гостиниц: мотель «Малко Тырново», гостиницы «Аджария», «Одесса». Мороженое пломбир по имени французского города Пломбьер. Боржоми, Есентуки, Джермук и десяток других типов минеральных вод окрещены именами соответствующих курортов, возникших в местах минеральных источников. Названия марочных вин и напитков: бордо, токай, мадера, малага, шампанское, коньяк, греми, двин и ряд других произошли из географических названий.

При коннотативной лексике и в языке туризма наблюдаются различия в плане реалий и культурных коннотаций. Например, часто говорим, что ресторан в национальном стиле – механа для болгарина то же самое, что таверна для грека, trattoria для итальянца, пивная для чеха или немца, паб для англичан – и при этом все они отличаются чем-то своим, национальным колоритом и атмосферой, национальными закусками и блюдами. То же самое относится к реалиям «чайная» в Англии, «чайная» в Болгарии и «чайхана» в азиатских странах. В таких случаях для комментария преподаватель выделяет из семантики терминологического

происхождения национальный компонент, подчеркивая связь слова с культурой.

Собственное имя как словообразовательная основа термина или номенклатурного названия содержит уже определенные оттенки, составляющие страноведческий фон. Тем самым интернациональный термин несет в своей семантике национальные коннотации. К примеру, возьмем название блюда, присутствующего в меню европейских стран, «бёфстроганов», которое состоит из двух слов: французского *bones* (бёф) и русской фамилии Строганов. На французском языке «бёф» означает бык или говядина, значит, блюдо приготовленное из говядины. А Строганов? Был в России граф Гр.Ал.Строганов, большой гурман, но со временем потерявший свои зубы. Именно для него повар придумал это оригинальное блюдо из «натертой» говядины, названное позже «бёфстроганов».

Коннотативными оттенками обладают и некоторые конкретные номенклатурные названия. Так, например, название поезда «Ориент-экспресс» связано с представлением о мистериях и интригах, элегантности и экстравагантности. Известный поезд, герой фильмов и беллетристики, перевозил легионы пассажиров – царских особ, знаменитых людей и баловней судьбы.

В некоторых случаях заимствованное слово может употребляться как экзотизм. Слово «бизнес», т.е. дело, приносящее выгоду, заимствовано из английского языка, лексикона американских коммерческих дельцов, означает вообще в широком смысле «дело, дающее доход». Оно получило в нашем языке первоначально отрицательный оттенок. Сегодня – это экономическая деятельность, дающая прибыль.

Научный интерес представляет изучение народных обычаев и традиций. И на самом деле, в праздниках можем найти близкородственные обычаи (Рождество, Пасха и др.). Однако есть реалии, которые иностранным туристам ни о чем не говорят. В таких случаях гид-переводчик, сообщая дополнительную информацию, специфическую

только для родного языка, касается экспрессивно-стилистического компонента в значении слова.

Следовательно, работа по усвоению коннотативных значений языковых единиц гораздо сложнее, чем по усвоению безэквивалентной лексики.

При толковании коннотативно окрашенных слов необходимо использовать системный лингвострановедческий комментарий, историко-этимологическое комментирование и комплексный подход.

Все вышесказанное – это малая часть того, что можно преподавать, помимо «сухой» теории перевода, будущим переводчикам.

Значительное место при обучении РКИ должен занять компьютер и, следовательно, разработка электронного учебника.

Специфика компьютера как нового вида ТСО обусловлена следующими параметрами: большим объемом памяти, быстродействием, возможностью предъявлять учебный материал и анализировать ответы, наличием интерактивной связи и возможностью работы в постоянном диалоговом режиме.

Компьютер решает проблему организации контроля на формальном и семантическом уровне, т.к. анализирует ответы в соответствии эталону. При компьютерном обучении используются все виды контроля, которые выделяются в методике преподавания РКИ. Основной формой контроля при этом чаще всего выступает тест.

При подготовке программы учитывается способ обработки ответов (анализ правильности. «маркировка». способ грамматического анализа ответов).

Компьютерные средства обучения оцениваются по двум параметрам: по эргономическому и по методическому качеству [3, и/с]. Для программ по обучению РКИ предъявляются требования по двум пунктам: отбор и презентация языкового материала, эффективное использование

возможностей компьютерных технологий для интенсивного процесса обучения.

В настоящее время в процессе обучения предлагается разработать учебные материалы «непрограммированным способом» на основе двух типов программ: прикладных программ общего и специализированного назначения (Word, Power Point и др.) и инструментальных программ (Hot Potatoes). С помощью данных программ преподаватель РКИ может создать 10 тапов упражнений с использованием текстовой, графической, аудио и видеоинформации (вопросы с множественным выбором ответов, заполнение пропусков, установление соответствий, восстановление последовательности предложений в тексте, букв в слове и т.д.), не прибегая к помощи программистов.

Все, вышперечисленное, несомненно будет способствовать повышению коммуникативной компетенции при обучении РКИ.

Литература:

1. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М.: Высшая школа, 1990г.
2. Каган М.С. Жизнь слова в культуре. Опыт системного изучения проблемы // Res Philologica.М.-Л.: Наука, 1990 г.
3. Бовтенко М.А. Компьютерные средства обучения. www.bytik.ru/cue.
4. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка. М. «Просвещение», 1979 г.
5. Топонимический словарь. М. «Просвещение», 1980 г.

Цыгулева М.В.
СибАДИ
г. Омск (Россия)

**РОЛЬ ПРАКТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ
ДЛЯ ПЕРЕВОДЧИКОВ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Переводить, как известно, можно всё: художественную литературу, газетно-информационные материалы, общественно-политические и официально-деловые документы, научно-технические тексты. Наиболее востребованным является перевод научно-технической литературы, поскольку в сегодняшнем мире развитие науки и техники настолько бурное, что, изучая опыт разных стран, можно добиться гораздо больших успехов в своих научных разработках. Поэтому в нашем техническом вузе и была открыта дополнительная специальность для обучения студентов переводу в сфере специальной коммуникации.

Нередко можно услышать в студенческой среде мнение о том, что для того, чтобы понять и перевести текст достаточно знать перевод всех слов, причем только знаменательных. Зачастую так и происходит, о чем говорит перевод некоторых предложений из их работ.

В некоторых случаях студенты не обращают внимания на частиречную принадлежность слова, неверно понимают синтаксические связи внутри цепочек английских существительных, часто даже время и залог определяется неправильно, что естественно приводит к искажению смысла высказываний.

При переводе текстов, сталкиваясь со сложными конструкциями, которым уделяется недостаточное внимание в школьном курсе иностранного языка, студенты достаточно часто допускают смысловые ошибки, и даже контекст не помогает им избежать искажения смысла.

За время работы со студентами-переводчиками технического вуза мы выяснили, что у многих первокурсников не сформированы грамматические абстракции, они не умеют отвлекаться от конкретного смысла слов и анализировать предложения с точки зрения грамматики, поэтому перевод предложений и текстов, сложных по своей структуре, удастся далеко не всем. Поэтому при подготовке переводчиков в сфере профессиональной коммуникации курсу практической грамматики мы придаем большое значение.

Обилие англоязычной учебной литературы по грамматике на книжном рынке нашей страны не решает проблему, поскольку все изученные нами зарубежные учебники направлены на то, чтобы помочь студентам овладеть устной и письменной речью в рамках бытовых тем, познакомить их с нормами делового английского языка. Английские же научно-технические материалы обнаруживают целый ряд грамматических особенностей. Конечно, не существует какой-либо «научно-технической грамматики». В научно-технической речи используются те же самые синтаксические структуры и морфологические формы, как и в других функциональных стилях. Однако ряд грамматических явлений отмечается в данном стиле чаще, чем в других, а некоторые явления встречаются в нем сравнительно редко.

Характерным для англоязычного научного текста является употребление пассивного залога, инфинитивных, герундиальных, причастных оборотов, сослагательного наклонения, инверсионных структур. Важная характеристика английского научно-технического стиля, которая отражается в отборе и использовании языковых средств, заключается также в его стремлении к краткости и компактности изложения, что выражается, в частности, в довольно широком использовании эллиптических конструкций и причинно-следственных союзов и логических связок, в замене определительных придаточных предложений прилагательными в постпозиции и использовании форм инфинитива. Английские формы пассивного залога по своему значению аналогичны русским формам страдательного залога. В английском языке формы пассивного залога употребляются значительно чаще, чем аналогичные формы в русском языке. При передаче английского пассива переводчик постоянно решает вопрос, следует ли использовать в переводе однотипное или разнотипное соответствие или лучше вообще заменить страдательный залог действительным. Но для того чтобы принять такое решение, нужно как минимум правильно определить форму глагола.

Независимый (абсолютный) причастный оборот в английском языке не имеет соответствий среди синтаксических структур русского языка. Для передачи его значения в переводе могут использоваться такие разные конструкции, как придаточные предложения времени, причины или сопутствующих обстоятельств, самостоятельные предложения, деепричастные и предложные обороты. Неумение выделить данную конструкцию приводит к смысловым ошибкам.

Объяснение данных грамматических явлений достаточно полно дается в пособиях по грамматике и по переводу научно-технической литературы, написанных русскоязычными авторами (К.Н. Качалова, Е.Е. Израилевич, М.Я. Блох, М.Г. Рубцова, Г.А. Вейхман, А.Л. Пумпянский и др.), которые мы и взяли за основу в своей работе.

Профессиональный перевод – это особая языковая деятельность, направленная на воссоздание подлинника на другом языке, деятельность, которая требует специальной подготовки, навыков и умений. Точность перевода, как отдельных частей текста, так и всего текста в целом, собственно говоря, и определяет качество перевода.

При переводе научно-технической литературы никакой «догадки» быть не может, поскольку речь идет о почти математически строгом изложении смысла оригинала. Как правильно отметил Пумпянский А.Л., если в художественной литературе читатель по «догадке» решит, что глаза у героини синие, а не темно-синие – это не важно, однако, при переводе, например, цвета кристалла такая «догадка» может привести к искажению смысла, подменив одно вещество другим. То же касается и грамматических явлений (ср. *The heater must have been repaired. The heater must be repaired.*).

Несмотря на то, что работа с грамматическим материалом представляется скучным и монотонным занятием даже для некоторых преподавателей, наряду с постоянным анализом предложений и объяснением грамматических явлений мы используем творческие задания

и игровые методы работы, помогающие не только создать положительную мотивацию к изучению данного предмета, преодолеть страх, но и облегчить запоминание грамматической конструкции.

Практически на каждом занятии, работу с переводом предложений и текстов мы начинаем с синтаксического анализа предложения, нахождения подлежащего и сказуемого, определяем время и залог, а затем находим сложные формы неличных форм глагола, сложные конструкции и т.д. Кроме того, студентам предлагается в начале каждого занятия написать данный глагол (обычно неправильный) в разных временах, независимо от темы занятия.

Active voice				
catch	Simple	Progressive	Perfect	Perfect progressive
Present				
Past				
Future				
Passive voice				
Present				
Past				
Future				

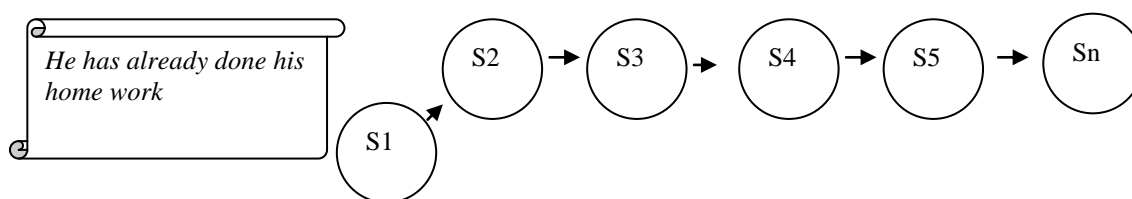
Знакомство с новым материалом можно провести следующим образом. Предлагается заполнить первые два столбика таблицы (что я знаю, что я хочу узнать, что я узнал), а после проработки материала заполнить последний столбик. Это помогает студентам проанализировать свою работу, свои успехи или, наоборот, недостаточно серьезное отношение.

Или же студенты получают письменное изложение нового материала, разбирают в малой группе и составляют схему-картинку, отметив все самые важные моменты. Затем группы обмениваются своими

работами и рассказывают по схеме предлагаемый материал. Преподаватель дополняет, корректирует, обращает внимание на важные моменты.

Достаточно эффективным в плане тренировки или контроля усвоения той или иной грамматической конструкции мы считаем следующее упражнение. Студенты сидят за круглым столом. Каждый получает предложение, написанное на отдельной карточке, пишет перевод и исходное предложение передает по часовой стрелке. Переведя все предложения, студенты получают листы со всеми английскими предложениями, идет анализ грамматических трудностей и обсуждение переводов.

Глухой телефон. Все становятся или в круг, или просто друг за другом, как позволяет пространство. Один из студентов получает карточку с английским предложением по данной теме (обычно 7 – 12 слов), читает его и шепотом на ухо передает своему соседу слева. Тот, переведя на русский язык, - своему соседу по часовой стрелке. Так, меняя языки, студенты передают предложение по кругу. Последний называет окончательный вариант, и, если он отличается от оригинала, все вместе вспоминают правило, пытаясь проанализировать причину искажения. Плюсы очевидны: отработка грамматической конструкции, тренировка памяти, внимания, умения слушать, переживание состояния успеха.

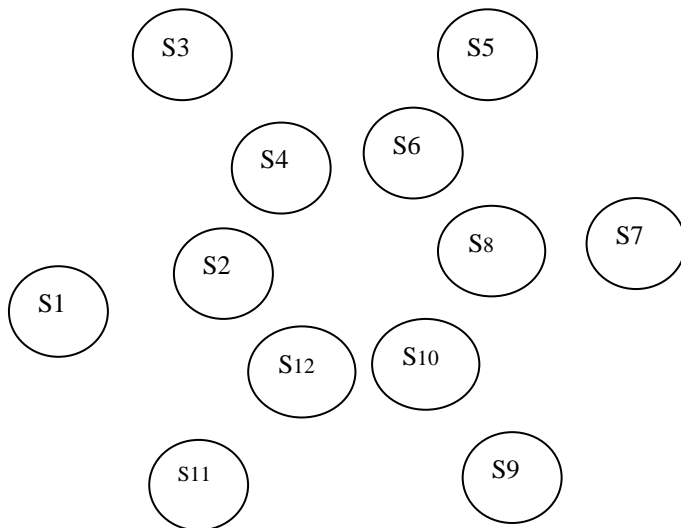

Крестики нолики. Играют две команды. На доске в решетке из 9 клеток написаны определенные слова. Команда крестиков выбирает слово и составляет с ним предложение. Если предложение составлено без ошибки, на месте данного слова ставится крестик, в противном случае ход переходит команде ноликов. Выигрывает та команда, которая первая составит линию из своих знаков.

CAN	OTHERWISE	MIGHT
~~DID~~	HAD HAD	IS DONE
BY	PLAYING	OR

Интересным упражнением студенты находят пантомиму, показ предложения, написанного на карточке, так чтобы все остальные смогли его точно воспроизвести. Многократное проговаривание конструкции, изменение времени или залога помогает анализировать, сравнивать.

В качестве зачетного урока по данной теме мы предлагаем студентам образовать два круга, внешний и внутренний, и встать лицом друг к другу. Каждый получает карточку с вопросом по пройденной теме, просит своего партнера ответить на вопрос, затем внешний круг перемещается по часовой стрелке на одного человека. Так происходит до тех пор, пока все участники не ответят на вопросы своих меняющихся партнеров. Прослушав ответы, студент должен сам дать ответ на свой вопрос (это можно сделать письменно или устно при групповом обсуждении).

Конечно, наша работа не обходится без так называемых «старых дедовских упражнений»: трансформационных, подстановочных, которые мы предлагаем в качестве домашних заданий, для того чтобы автоматизировать навык использования той или иной конструкции, поскольку за 2 часа в неделю и 14/15 недель сделать это практически невозможно.

Кроме того, учитывая недостаточное количество часов, выделяемых для данной дисциплины, мы предлагаем студентам помимо выполнения домашних заданий к каждому занятию на каждое изучаемое грамматическое явление подбирать примеры из англоязычной литературы и оформлять их в виде реферата, что не только помогает вычленять, анализировать и адекватно переводить синтаксические комплексы, но и расширяет словарный запас студентов.

Некоторые не очень сильные студенты вынуждены уделять больше времени для подготовки к занятиям. На основании опроса, проведенного среди обучающихся по данной специальности, мы выяснили, что у всех студентов есть возможность работать на компьютере и выходить в Интернет. Благодаря такой возможности слабые студенты могут прорабатывать грамматический материал самостоятельно, используя компьютерные программы, такие как Professor Higgins и др. Контроль над выполнением дополнительных упражнений мы осуществляем с помощью электронной почты, по которой студенты получают тестовые задания, выполняют их за указанное время и отправляют ответ. Работа считается принятой только в том случае, если она получена не позднее указанного времени (в пределах двух часов).

Итак, нельзя не согласиться с тем, что грамматика иностранного языка является одним из основных предметов для обучения переводчиков. Наша цель в том, чтобы научить студентов распознавать грамматические явления, видеть их структуру, с тем, чтобы на занятиях по переводу преподавателям не приходилось объяснять, например, строение той или иной синтаксической конструкции, а работать с переводческими трансформациями, учить принимать переводческие решения. Желание и умение преподавателя превратить эту достаточно трудную работу в увлекательное занятие, заинтересовать в выполнении грамматического анализа текста в конечном счете помогает студентам научиться выполнять адекватные переводы, т.е. стать профессионалами своего дела.

Литература:

1. Крупнов В.Н. В творческой лаборатории переводчика. – М., «Международные отношения», 1976.
2. Маргиева И.С. Лингвистические и экстралингвистические аспекты перевода общественно-политической тематики. – Цхинвал, 2002.
3. Мельник П.С. К вопросу о грамматических трансформациях при переводе. – Москва, 2001.
4. Пумпянский А.Л. Чтение и перевод английской научной и технической литературы: Лексика, грамматика, фонетика, упражнения / Худ. обл. М.В. Драко. – Мн.: ООО «Попурри», 1997.